

ВЕСТНИК

БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 4 (16)

2014

Научный журнал
ВЕСТНИК БНЦ СО РАН

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Бурятский научный центр СО РАН»

Главный редактор
чл.-кор. РАН Б. В. Базаров

Редакционный совет

чл.-кор. РАН Б. В. Базаров – председатель
к.и.н. А. В. Дамдинов
акад. РАН А. П. Деревянко
д.и.н., проф. Е. И. Зеленев
чл.-кор. РАН Н. Н. Крадин
чл.-кор. РАН В. А. Ламин
д.и.н., проф. Е. И. Лиштованный
акад. РАН В. И. Молодин

чл.-кор. РАН В. В. Наумкин
д.мед.н., проф. С. М. Николаев
д.и.н. И. Ф. Попова
д.т.н., проф. А. П. Семенов
д.хим.н., проф. В. В. Хахинов
чл.-кор. РАН А. К. Тулохонов
д.б.н., проф. Л. Л. Убугунов
акад. АНМ Б. Энхтувшин

Редакционная коллегия

д.фарм.н., проф. Т. А. Асеева
к.ф.н., доц. Л. Д. Бадмаева
к.и.н. Г. Д. Базарова
д.и.н., проф. М. Н. Балдано
к.и.н. В. Ю. Башкуев – ученый секретарь
д.и.н., проф. Ц. П. Ванчикова
к.б.н. И. К. Дамбуева
д.ф.н. Л. С. Дампилова
д.и.н. С. В. Данилов
д.э.н., проф. З. Б.-Д. Дондоков

д.ф.н. Г. А. Дырхеева
д.и.н., проф. Ю. А. Зуляр
д.и.н., проф. С. И. Кузнецов
д.и.н., проф. Л. В. Курас – отв. ред.
д.филос.н., проф. С. Ю. Лепехов
д.э.н. А. С. Михеева
д.и.н. Э. А. Николаев – зам. отв. ред.
к.и.н. С. Чулуун
д.филос.н., проф. Л. Е. Янгутов

Журнал включен в систему РИНЦ

ISSN 2222-9175

www.bscnet.ru/vestnik/

© Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки «Бурятский научный центр СО РАН», 2014
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Российский научный фонд

Российский научный фонд	9
<i>I. Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы</i>	
<i>Нестеркин С. П.</i> Историко-философская традиция тибетского буддизма	10
<i>Николаев Э. А.</i> Исламизм в буддийском пространстве России	17
<i>Жамсуева Д. С.</i> Хамбо-лама Д.-Д. Итигэлов в материалах А. М. Позднеева (представление неизвестных страниц биографии)	26
<i>Аюшеева Д. В.</i> Социокультурные предпосылки распространения тибетского буддизма в западных странах	33
<i>II. Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии</i>	
<i>Базаров В. В.</i> Монгольские народы: исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII–XXI вв.	40
<i>Балдано М. Н.</i> Модернизационные процессы в экономике Монголии: поиск модели экономического развития	54
<i>Курас Л. В.</i> Монголия после Цэдэнбала: от заката до рассвета	73
<i>Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М.</i> Лекарственные средства в торгово-обменных операциях между Россией, Монголией и Китаем в XVII–XIX вв.	90
<i>Базаров В. Б.</i> Российско-монгольские отношения в постсоветский период	98
<i>Гомбожапов А. Д., Нолев Е. В.</i> Историография ранних маньчжуро-монгольских отношений	112
<i>Бадараев Д.</i> Социально-структурные процессы в монгольском обществе: опыт трансформации и методологические аспекты изучения	119
<i>Гомбоев А. О.</i> История Монголии XIV–XVII вв. в западной историографии	126
<i>Гомбоев А. Б., Базаров В. Б.</i> Динамика макроэкономических показателей и внешнеэкономические связи Монголии	132
<i>III. Поисковые экспериментальные и теоретические исследования поверхностных электромагнитных волн в радиодиапазоне с целью их применения для радиолокации, навигации, связи и управления техническими объектами в Российской Арктике</i>	
<i>Башкуев Ю. Б., Хаптанов В. Б., Дембелов М. Г., Ангархаева Л. Х.</i> Соленые озера Забайкалья как электромагнитные аналоги морских акваторий в ОНЧ-НЧ- и СВЧ-диапазонах радиоволн	151
<i>Буянова Д. Г., Нагуслаева И. Б., Башкуев Ю. Б., Аюров Д. Б., Адвокатов В. Р., Дембелов М. Г.</i> Оценка отношения «сигнал-шум» для ОНЧ-диапазона радиоволн	157
<i>Башкуев Ю. Б., Буянова Д. Г., Хаптанов В. Б., Дембелов М. Г., Ангархаева Л. Х., Нагуслаева И. Б.</i> Природные и искусственные электромагнитные структуры с сильноиндуктивным поверхностным импедансом	166
Формирование (био)фармкластера в Республике Бурятия	
<i>Плеханов А. Н., Товаришинов А. И.</i> Гепатопротекторное действие адеметионина в коррекции пострезекционной печеночной недостаточности (экспериментальное исследование)	181

Археология

<i>Антонова Ю. Е., Ташак В. И.</i> Древние святилища Западного Забайкалья: вопросы дефиниций и типологии	191
--	-----

История. Этнография

<i>Дамешек Л. М., Дамешек И. Л.</i> Азиатская Россия в имперских устремлениях особых комитетов империи во второй половине XIX – начале XX в.	201
<i>Базарова В. В.</i> Опыт национальной демократии в «национализации» школы в 1917 – начале 1920-х гг.: опора на историческую преемственность	211

Источниковедение

<i>Пашинин А. В.</i> Архивные материалы Троицко-Селенгинского монастыря первой половины XVIII в. как источник изучения происхождения первых поселенцев Западного Забайкалья	219
---	-----

Филология

<i>Рассадин В. И.</i> Особенности языка бурят-хонгодоров	227
--	-----

Регионализм: Байкальский фактор

<i>Потапов Л. В., Найданов Ц. Ж.</i> Воздействие Байкальского фактора на развитие регионов (Байкальский регион)	237
<i>Бюраева Ю. Г.</i> Оценка уровня развития социального потенциала сельских территорий (на материалах Баргузинского района Республики Бурятия)	250
<i>Жалсанова В. Г.</i> Социальная среда как фактор развития потенциала сельского населения (по материалам социологического исследования)	255
<i>Дугаржапова Д. Б.</i> Сельские школы в условиях дисперсного расселения населения: состояние, проблемы и перспективы	261

Социология

<i>Петрова Е. В.</i> Социально-экономическое развитие Республики Бурятия в условиях трансформации общества	268
--	-----

Тибетская медицина

<i>Башкуев В. Ю.</i> Буддизм и тибетская медицина в контексте научно-медицинского изучения монгольских народов (1920–1930-е гг.)	276
--	-----

Физические исследования

<i>Жамсуева Г. С., Заяханов А. С., Цыдыпов В. В., Бальжанов Т. С.</i> Изменчивость приземного озона в г. Улан-Удэ: результаты многолетних наблюдений	282
--	-----

Первая мировая война в документах Государственного архива Республики Бурятия

Публикация документов	293
<i>Жалсанова Б. Ц., Чимитдоржиева Л. Ш.</i> «... Мы предполагали создать на первое время хоть временный орган объединения разрозненных частей бурятского народа ...» (документы о создании Общебурятского комитета по сбору пожертвований в годы Первой мировой войны)	294

Критика и библиография

<i>Дамбуев И. А.</i> Актуальные проблемы монголоязычно-русской лексикографии. Рецензия на монографию Б. Д. Цыренова «Монголоязычно-русская лексикография (структура, принципы, семантизация)». – Улан-Удэ: Бэлиг, 2013. – 208 с.	301
<i>Казарин В. Н.</i> Местное самоуправление бурят в императорской России: современное видение	303

Научная жизнь

Меморандум конференции «Буддизм в изменяющемся мире»	309
--	-----

Юбилей

<i>Курас Л. В.</i> Ученый божьей милостью (профессору Л. Л. Абаевой 65 лет)	312
<i>Салаев Б. К., Трофимова С. М.</i> Его путь в науке (к 75-летию директора Научного центра монголоведных и алтаистических исследований, доктора филологических наук, профессора Калмыцкого государственного университета Рассадина Валентина Ивановича)	315
<i>Лепехов С. Ю.</i> Выдающийся буддолог и буддийский религиозный деятель (к 100-летию Б. Д. Дандарона)	318

Научные потери

Сергей Владимирович Данилов (7.04.1950–13.08.2014)	328
--	-----

CONTENTS

Russian Science Foundation

Russian Science Foundation 9

I. Buddhism in the Sociopolitical and Cultural Processes in Russia, Inner and East Asia: Transformations and Prospects

Nesterkin S. P. The Tradition of the History of Philosophy of Tibetan Buddhism 10

Nikolaev E. A. Islamism in Buddhist Russian space 17

Zhamsueva D. S. Hambo Lama D.-D Itigelov in the Materials of A. M. Pozdneev
(representation of the unknown pages of biography) 27

Ayusheeva D. V. Social and Cultural Factors of the Dissemination
of Tibetan Buddhism in the Western World 34

II. The Mongolian Peoples: Historical Experience of Transformation of Nomadic Communities

Bazarov B. V. The Mongolian Peoples: Historical Experience of Interaction of Peoples
and Civilization, in 17th – 21st Centuries 41

Baldano M. N. Modernization Processes in the Mongolian Economy: Searching for
the Model of Economic Development 54

Kuras L. V. Mongolia after Tsedenbal: From Dusk to Dawn 73

Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. N. Medicines in Trade and Exchange Transactions
between Russia, Mongolia and China in 17th – 19th centuries 90

Bazarov V. B. Russian-Mongolian Relations in the Post-Soviet Period 99

Gombozhapov A. D., Nolev E. V. The Historiography of the Early Stage
of the Manchu-Mongolian Relations 112

Badaraev D. D. Social and Structural Processes in the Mongolian Society:
Experience of Transformation and Methodological Aspects of Studying 119

Gomboev A. O. History of Mongolia of the 14th–17th Centuries
in the Western Historiography 127

Gomboev A. B., Bazarov V. B. Dynamics of Macroeconomic Indicators
and Foreign Economic Relations of Mongolia 132

III. Search Experimental and Theoretical Studies of Surface Electromagnetic Waves in Radio Band for their Use in Radio Positioning, Navigation, Communications and Managing of Technical Objects in the Russian Arctic

Bashkuev Yu. B., Khaptanov V. B., Dembelov M. G., Angarkhaeva L. Kh. Saline Lakes
of Transbaikalia as Electromagnetic Analogs of Sea Surfaces in VLF-LF
and UHF Radio-Wave Ranges 152

*Buyanova D. G., Naguslaeva I. B., Bashkuev Yu. B., Ayurov D. B., Advokatov V. R.,
Dembelov M. G.* Assessment of “Signal-to-Noise” Ratio for VLF Radio-Wave Range 157

*Bashkuev Yu. B., Buyanova D. G., Khaptanov V. B., Dembelov M. G., Angarkhaeva L. Kh.,
Naguslaeva I. B.* Natural and Artificial Electromagnetic Structures with Strong-Induction
Surface Impedance 167

The Making of a Biopharmaceutical Cluster in the Republic of Buryatia

Plekhanov A. N., Tovarshinov A. I. Hepatoprotective Effect of Ademetionine
in the management of Post-Resection Liver Decompensation (An Experimental Study) 181

Archaeology

- Antonova Yu. E., Tashak V. I.* Ancient Sanctuaries of Western Transbaikalia:
Questions of Definitions and Typology 191

History. Ethnography

- Dameshek L. M., Dameshek I. L.* Asian Russia in the Imperial Objectives of the Special
Committees of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries 201
- Bazarova V. V.* The Experience of the National Democracy in “Nationalization”
of School in 1917 – the beginning of 1920s: Reliance on Historical Continuity 211

Source Studies

- Pashinin A. V.* Archival Materials of the Troitsko-Selenginskiy Monastery of the First Half
of the 18th Century as a Source on the Lineage of the First Settlers in West Transbaikalia 219

Philology

- Rassadin V. I.* Peculiarities of the Buryat Khongodor Language 227

Regional Studies: the Baikal Factor

- Potapov L. V., Naidanov T. J.* The Influence of the “Baikal Factor”
on Regional Development (the Baikal Region) 237
- Biuraeva Yu. G.* The Evolution of Level of Development of Social Potential
of Rural Territories (On the Materials of the Barguzin Region of the Republic of Buryatia) 250
- Zhalsanova V. G.* Social Environment as a Factor of Developing the Potential
of Rural Population (A Sociological Case Study) 255
- Dugarzhapova D. B.* Rural Schools in the Conditions of the Dispersed Settlement Pattern
of the Population: Condition, Problems and Prospects 261

Sociology

- Petrova E. V.* Socioeconomic Development of the Republic of Buryatia in the Conditions
of Societal Transformation 268

Tibetan Medicine

- Bashkuev V. Yu.* Buddhism and Tibetan Medicine in the Context of Scientific
and Medical Study of the Mongolian Peoples, 1920s–1930s 276

Physical Research

- Zhamsueva G. S., Zayakhanov A. S., Tsydyppov V. V., Balzhanov T. S.* Variability
of Surface Ozone in Ulan-Ude Results of Long-term Observation 282

The First World War in the Documents of the State Archive of the Republic of Buryatia

Publication of Documents	293
<i>Zhalsanova B. Ts., Chimitdorjieva L. Sh.</i> “...We supposed to create at the first at least a temporary authority to unify the fragmented parts of the Buryat people...” (Documents on the creation of the All-Buryat Committee to gather donations during the First World War) ...	294

Criticism and Bibliography

<i>Dambuev I. A.</i> Actual Problems of the Mongolian-Russian Lexicography. A Review of a Monograph by B. D. Tsyrenov “Mongolojazychno-russkaja leksikografija (struktura, principy, semantizacija)” [The Mongolian-Russian Lexicography: Structure, Principles, Semantization]. – Ulan-Ude: Belig, 2013. – 208 p.	301
<i>Kazarin V. N.</i> Local Administration of Buryats in Imperial Russia: A Contemporary Interpretation. A Review of a monograph by L. M. Dameshek, B. Ts. Zhalsanova, L. V. Kuras “Istoriya organov mestnogo samoupravleniya Buryat v 19 – nachale 20 v.” / otv. red. B. V. Bazarov. – Irkutsk: Press. IGU, 2013. – 503 p.	303

Scientific Life

Memorandum of the Conference “Buddhism in the Changing World”	309
---	-----

Jubilee

<i>Kuras L. V.</i> A Scholar by God’s Grace (Toward the 65 th Jubilee of Professor L. L. Abaeva)	312
<i>Salaev B. K., Trofimov S. M.</i> His Way in Science (Toward the 75 th Jubilee of the Director of the Center for Mongolian and Altaic Studies, Doctor of Sciences in Philology, professor of the Kalmyk State University Valentin Ivanovich Rassadin)	315
<i>Lepekhov S. Yu.</i> Outstanding Buddologist and Buddhist Religious Leader (toward the 100th Anniversary of B. D. Dandaron)	318

In Memoriam

Sergei Vladimirovich Danilov (7.04.1950–13.08.2014)	328
---	-----

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

Российский научный фонд (РНФ) создан по инициативе Президента Российской Федерации в целях поддержки фундаментальных и поисковых исследований, развития научных коллективов, занимающих лидирующие позиции в определенной области науки.

Правовое положение, полномочия, функции, порядок управления его деятельностью и порядок формирования его имущества определяются федеральным законом «О Российском научном фонде и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Для достижения цели своей деятельности Фонд проводит конкурсный отбор научных, научно-технических программ и проектов по нескольким направлениям. Такими направлениями, в частности, являются проведение инициативных фундаментальных и поисковых исследований научными коллективами, отдельными научными и научно-педагогическими работниками, развитие научных организаций и образовательных учреждений высшего образования, создание в них лабораторий и кафедр мирового уровня, развитие экспериментальной базы для проведения научных исследований. Федеральным законом определяются органы управления Фонда: попечительский совет, правление и генеральный директор, устанавливается порядок формирования этих органов, а также закрепляются их полномочия. В целях экспертного обеспечения деятельности Фонда федеральным законом предусмотрено образование консультативных органов – экспертных советов Фонда. Для осуществления контроля за финансово-хозяйственной деятельностью Фонда создается ревизионная комиссия. В соответствии с федеральным законом Фонд обязан ежегодно подготавливать годовой отчет и представлять его Президенту Российской Федерации и в Правительство Российской Федерации.

Сайт фонда: <http://rscf.ru>, рнф.рф.

Сегодня мы открываем рубрику, в которой будем публиковать результаты исследований, выполненных при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательских проектов.

Редколлегия

I. Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы
Buddhism in Sociopolitical and Culture Processes in Russia, Inner and Eastern Asia: Transformations and Perspectives

УДК 24-1

С. П. Нестеркин

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ ТИБЕТСКОГО БУДДИЗМА

Дается анализ основных особенностей историко-философской традиции тибетского буддизма, представленной в литературе по «Истории философских систем» (тиб. grub mtha', санскр. siddhanta).

Ключевые слова: буддизм, религия, история философии, махаяна, мадхьямака, тибетская философия, схоластика.

S. P. Nesterkin

THE TRADITION OF THE HISTORY OF PHILOSOPHY OF TIBETAN BUDDHISM

The article analyzes the main features of the tradition of the history of philosophy of Tibetan Buddhism presented in the literature on the "History of Philosophical Systems" (tib. grub mtha', skt. siddhanta).

Key words: Buddhism, religion, history of philosophy, mahayana, madhyamaka, Tibetan philosophy, scholastic.

Историко-философская традиция тибетского буддизма наиболее полно представлена в работах по истории философских систем (тиб. grub mtha', санскр. siddhanta, siddhyanta). Честь открытия для мировой буддологии этого жанра тибетской литературы принадлежит замечательному российскому буддологу В. П. Васильеву, который в своем фундаментальном труде «Буддизм, его догматы, история и литература» не только обратил внимание исследователей на важность буддийской историко-философской традиции, но и дал перевод индийского текста Васумитры, а также в своем изложении религиозно-философских оснований буддизма,

представленном в первом разделе работы, широко использовал классический труд Жамьяна Шепы по философским системам («Большую сиддханту»). Говоря о буддийской философии, он писал: «В этих философских воззрениях, как мы увидим, буддисты уже оставляют в стороне сутры, которые послужили основанием их религии; они обращаются к общей оценке мышления, к логическим и метафизическим законам и посредством их уже хотят представить конспект всего учения, дать ему общее безусловное толкование. Теперь мы будем иметь дело не с Ганчжуром, в котором собраны сутры, но и толкованием на него, помещенными в Данчжуре: неизвестные прежде писате-

ли здесь сменяются уже историческими личностями; прежде, можно сказать, мы имели дело с выражением массы, теперь уже являются перед нами индивидуальные сочинения» [3, с. 261]. Следует также отметить, что первый в мировой буддологии перевод тибетского историко-философского трактата жанра сиддханта (История философских систем) был сделан нашим соотечественником В. В. Горским (1819–1847), членом XII Пекинской духовной миссии в 1840–1847 гг., где он служил вместе с крупными востоковедами В. П. Васильевым и Палладием (Кафаровым) и имел возможность изучать буддийские книги по китайским, монгольским и тибетским текстам. После него осталась рукопись незавершенного перевода сиддханты пекинского хутухты Чанкья Рольби Дордже «Прекрасное украшение счастливой религии Шакьямуни и различия сиддхант» (тиб. grub-pa'i mth'a nam-par bzhag-pa'i thub bstan lhu-po'i mdzes rgyan shes bya-ba bzhugs so) [5]. Эта работа, к сожалению, осталась неопубликованной [1].

Значение историко-философской литературы сиддхант подчеркивалось и таким авторитетным исследователем буддизма, как Базар Барадин. Он писал о «Большом трактате по философским системам» Жамьяна Шепы (Grub mtha' chen mo), что это сочинение «по своему высокому научному интересу ... в будущем займет почетное место в ряду материалов по истории мысли человечества, когда история религиозной и философской мысли индуса или тибетца наряду с историей европейской философии будет предметом должного изучения исторической науки» [1, с. 40].

Историко-философская литература появилась, когда возникла необходимость сравнительного анализа различных течений буддизма. С самого начала своего возникновения она имела не только, а может быть и не столько, описательный характер, но давала критический разбор выдвигаемых в различных шко-

лах положений, с тем чтобы яснее определить место собственной школы автора того или иного сочинения среди предшествующих ему философских течений.

Наиболее ранними индийскими трактатами, в которых анализируются в сравнительном плане философские воззрения различных школ и направлений буддизма, являются «Самаявадхопарачаначакра» Васумитры [7] и «Таркаджвала» Бхававивеки [9]. В работе Васумитры дано изложение различий во взглядах 18 школ Вайбхашики, В. П. Васильев считал эту работу источником «для более подробных и ученых исследований постепенного развития буддизма» [3, с. 258]. Однако наиболее значимой для махаянской мысли стала работа Бхававивеки. Она появилась в результате необходимости систематизации не только воззрений хинаяны, но и махаяны, поскольку к тому времени уже появились различия в понимании традиции махаяны (йогачаринская и мадхьямаковская), а также различные понимания мадхьямаки (в ее интерпретации Бхававивека оппонировал Буддхапалите, эти две интерпретации позднее получили наименования мадхьямака-сватантрики и мадхьямака-прасангики).

В Тибете работы по истории философии стали писаться в значительном числе, особенно в поздний период развития тибетской философской традиции, в период формирования схоластической литературы. Столь большая востребованность сравнительных исследований была вызвана, по-видимому, как разнообразием философских доктрин, возникших на тибетской почве, так и разнообразием интерпретаций индийского философского наследия в этих школах и направлениях тибетской мысли.

Сведения по истории философско-религиозных школ мы можем найти в тибетской литературе нескольких видов, но прежде всего в литературе жанра sgrub mtha' (скр. siddhanta), который чаще всего и ассоциируется с истори-

ей философии как жанром тибетской философской литературы. Эти тексты почти исключительно посвящены истории школ индийского буддизма, философская позиция автора произведения и его школы отражается в интерпретации философского учения этих школ. Единственным известным на сегодняшний день исключением является «Ясное изложение философских систем» Тугана Дхармабадры, где автор касается индийских школ лишь кратко в первой главе, а в последующих излагает философское учение школ тибетского буддизма, а также философии в Китае и Монголии, подаваемое в широком историческом контексте. Собственно говоря, изложение истории школ занимает большую часть работы, что сближает ее в жанровом отношении с работами по истории учения (*chos 'byung*), где помимо изложения линий передач учения и описания исторических событий часто дается изложение религиозно-философского учения, хотя и в кратком виде. Представителем жанра здесь может служить историческая тибетская хроника Сумба Ханбо «История философии в Индии: Дерево, исполняющее желание» [II].

Обосновывая необходимость анализа философских систем, тибетский философ Жамьян Шепа Жигме Ванбо писал: «Термин *grub mtha'* (*siddhanta*) не является новомодным изобретением, поскольку встречается еще в наставлениях Будды. Так, в «Ланкаватара-сутре» сказано:

Мое Учение – двух видов:
Вероучение и философия.
Простакам объясняю вероучение,
Йогинам – философию (*grub mtha'*)»
[4, с. 12].

И далее он разъясняет свое понимание термина *grub mtha'* как «сферы доказанного», основываясь на классическом тексте Чандракирти: «В своем комментарии «Разъяснение слов» («*Prasannapada*») [Чандракирти] говорит: «[Поскольку устанавливают] признаваемое самими на основе приведения доказательств и

свидетельств авторитетных текстов, то [называется] «доказанным». Поскольку не отходят от того, то [называется] «сферой». Называется философией – «сферой доказанного» – потому, что принимают решение на основе доказательств и свидетельств авторитетных текстов и не отворачиваются от того доказанного тезиса» [4, с. 12, 13].

Таким образом, последователь какой-либо философской системы не просто человек, симпатизирующий неким взглядам, он *знает*, что они верны и не намеревается их оставлять.

Следует различать понятия «буддист» и «последователь философии буддизма». Буддистом является тот, кто принимает в качестве прибежища «Три Драгоценности», т. е. Будду, Дхарму и Сангху. Подлинным прибежищем является Дхарма, Будда учит прибежищу, а Сангха – это друзья, которые помогают не отходить от него. Согласно тибетской традиции, прибежище может приниматься с тремя различными мотивациями, характеризующими три различных типа личностей. К первому относятся те, кто страшится страданий «дурных частей (*gati*, *'gro ba*)», т. е. животных, голодных духов (*preta*) и ада, и прибегают к Трех Драгоценностям, с тем чтобы они защитили их от плохих перерождений. Это установка так называемой «низшей личности». Ко второму относятся те, кто понял, что в сансаре нет ничего постоянного, и поэтому страшится всей сансары, включая и «благие участи», и поскольку считают, что Три Драгоценности способны от нее защитить, прибегают к ним. Это установка так называемой «средней личности», т. е. личности, принадлежащей к хинаяне. Наконец, к третьему типу относятся те, кто, осознав собственное страдательное положение и понимая, что другие так же страдают, принимают решение освободить всех живых существ от страданий сансары, т. е. махаянисты.

Буддист, следующий философии, – это не только тот, кто принимает Три Драгоценности в качестве высшего при-

бежища, но и принимает положения буддийской философии, общие для любых буддийских философских систем. Это так называемые четыре «печати признания взгляда за [относящийся к Учению –] Слову [Будды]» *дриштинамитамудра* (lta ba bkar btags kyi phyag rgya), а именно:

1) все феноменальное (*'dus byas*) непостоянно;

2) все наделенное порочностью (*zag bcas*) мучительно;

3) все дхармы не имеют Я (*bdag*) [III];

4) Нирвана – успокоение [9, л. 8].

Эти положения называются «печатами», потому что их признание удостоверяет аутентичность учения, подобно тому как нотариальная печать удостоверяет подлинность документа.

Три первые из четырех указанных идей соответствуют трем из четырех аспектов (*gnam ra*) истины страдания (непостоянству, мучительности, отсутствию Я) [Гедун Тендер, 3, л. 71А], а четвертая – истине прекращения (третьей из четырех истин святого), что маркирует буддийское понимание исходного пункта и конечной цели пути спасения. Видимо, в силу того, что причина страдания (вторая из четырех истин святого) и путь, ведущий к избавлению от него (четвертая истина), по-разному трактуются в различных буддийских школах, трактовка этих предметов не включается в число признаваемого общеподобийским.

Основной критерий, который использовался при определении соответствия учения этим «четырем печатам», – то, в какой степени в учении выдержан принцип срединности. Собственно, «срединное учение» – один из синонимов буддийского учения, и все без исключения философские школы буддизма считают именно себя истинными выразителями этого принципа, хотя наименование «срединной» исторически закрепилось за одной из них – мадхьямакой [IV]. То, в какой степени учение этому

принципу соответствует, является критерием определения его как буддийского. Применение принципа срединности выражается в правильном определении позиции между «постоянством» и «превратностью» и т. д.

Основным предметом, систематически исследуемым в литературе сиддханта, являются воззрения четырех философских систем индийского буддизма, обычно выделяемые традицией как аутентичное учение Будды. Эти системы, если располагать их по порядку от «низших» (наименее глубоких, полных) к «высшим» (более глубоким и полным), суть следующие: 1) Вайбхашика, 2) Саутрантика, 3) Читтаматра, 4) Мадхьямака. Первые две относятся к учению хиньяны, вторые – махаяны [V]. Представление о том, что существует только четыре философских школы, базируется на комментарии Ваджрагарбхи (*Vajragarbha*) к Хеваджратантре «*Неvajra-pindartha-tika*», в котором утверждается, что «существование четвертой колесницы или пятой философской системы не было мыслью Победителя» [4; 11].

Однако, как мы отмечали выше, не каждый буддист принадлежит какой-либо философской системе. Многие, принявшие «прибежище в трех драгоценностях» (т. е. ставшие буддистами), не придерживаются никаких философских взглядов. Также говорится, что для того, чтобы считаться последователем какой-либо философской системы, необходимо действительно реализовать бессамость (*bdag med*) в соответствии с философскими принципами этой системы.

Необходимо отметить: то, что рассматривается в одной системе как установленное и истинное знание, в другой может рассматриваться как знание неполное или даже как ошибочное. В целом учения четырех философских школ могут рассматриваться как ступени лестницы, каждая из которых дает более совершенное описание реальности, и только на последней ступени, которая

представлена мадхьямакой, индивид получает окончательное понимание того, какова реальность «на самом деле». В то же время каждая из ступенек, даже низшая, дает более удовлетворительное описание реальности, чем то, которое предлагается «мирскими» системами, и является основой для продвижения на более высокие ступеньки. Все эти системы были проповеданы Буддой и поэтому имеют положительное значение.

Кроме того, философские системы выстроены от более простых к более сложным таким образом, что предшествующая система подготавливает к последующей. Не все готовы к восприятию взглядов высшей философской системы, таким людям лучше освоить воззрения более низкой системы, с тем чтобы подготовить себя к восприятию более высокой. В то же время каждый должен стремиться подняться на верхнюю ступеньку, дающую воззрение, позволяющую наиболее эффективно продвигаться к спасению, и никто не должен удовлетворяться взглядами низших философских систем, извиняя себя скромностью притязаний.

В изложении философских взглядов индийских школ авторы сиддхант в основном придерживаются стандартной схемы. Прежде всего, все многообразие философско-религиозных течений укладывается в рамки четырех школ – Вайбхашики, Саутрантики, Читтаматры и Мадхьямаки. В рамках этой классификации даются более детальные подразделения. Например, в гелукпинских сиддхантах школы Саутрантики и Читтаматры подразделяются на следующих авторитетному тексту (*lung gi rjes 'brang gi mdo sde pa*) и следующих доказательству (*rigs pa'i rjes 'brang gi mdo sde pa*), а Мадхьямаки – на прасангиков и сватантриков с дальнейшим подразделением.

Изложение учения каждой из школ следует стандартной схеме: оно подразделяется на учение об основании, пути (ведущем к освобождению) и плоде (об-

ретаемом в результате этого пути). Подобное подразделение при описании выявляет важную особенность сиддхант – их сотериологическую направленность. Решение философской проблематики в этих текстах находится в прямой зависимости от базовых вероисповедных установок. «Сотериологический» аргумент нередко является основным для принятия или отбрасывания воззрения. Так, например, недопустимо принятие взгляда об отсутствии чужой одушевленности, поскольку это противоречит сотериологической цели махаяны – спасению всех живых существ.

Конечно, всякое схематическое описание огрубляет свой объект. Однако хотя схематизм сиддхант, возможно, и сглаживает нюансы в описании школ, он дает возможность проведения систематического сравнительно-сопоставительного анализа ключевых положений различных школ, что закладывает хорошую основу для буддийской компаративистики.

Конечно, сиддханты можно назвать историко-философскими работами с определенными оговорками. Структура текстов по сиддханте не следует хронологии развития философских систем в Индии, безотносительно к тому, ориентируемся ли мы на традиционную тибетскую хронологию [VI] или западную академическую [13]. Изложение философских систем в этих работах дается скорее в последовательности развития основных философских идей и предметов философского исследования. Естественно, что при этом авторы, жившие в разные эпохи, но развивавшие сходные взгляды, в этом анализе объединялись, а их идеи вырывались из того исторического и культурного контекста, в котором они развивались. Кроме того, структурирование материала и оценки, даваемые авторами сиддхант своим предшественникам, в большой степени определялись философскими предпочтениями авторов, и философские системы, к которым они

сами принадлежали, естественно, оказывались в их изложении вершиной философской мысли, по отношению к которой все другие философские системы давали лишь частичное воплощение истины. На этом основании некоторые исследователи подвергают критике использование сиддханта как методологической основы для изложения буддийской философии. По их мнению, сведение в одну классификационную схему философов, живших порою в очень разные исторические периоды, не позволяет вскрыть их подлинны взгляды, давая лишь общую приблизительную схему, некоторый эскиз их воззрений. Кроме того, высказывается и такое мнение, что различия во взглядах индийских философов, описываемые в сиддхантах, нередко существуют только в воображении тибетцев и не отражают реального положения дел. Однако такие обвинения в адрес историко-философских работ не новы и для западной историко-философской науки. Указанные недостатки, видимо, просто неизбежны для работ этого жанра и составляют его специфику. Невозможно дать общую характеристику развития идей в любой области знания без некоторой схематизации, и это не составляет проблемы, если, конечно, не ограничивать исследование чтением учебной литературы, никак не заменяющей необходимость изучать источники. Тенденциозность же кажется грехом только на первый взгляд. Любое исследование некоторым образом тенденциозно, и наше понимание исследуемого предмета тем яснее, чем четче мы осознаем характер этой тенденции. Поэтому сиддханта, скажем, гелукпинской тенденциозности дает значительно больше для понимания предмета, чем некое «объективное» авторское исследование, поскольку в первом случае мы знаем о теоретических предпочтениях автора, а

во втором тенденциозность автора (несомненно, существующая в каждом исследовании) должна быть еще установлена, чтобы мы могли внести соответствующую корректировку в его оценки. И я совершенно согласен с Г. Ньюландом в том, что тибетская историко-философская литература дает хорошую рабочую схему для изучения буддийской философии и что «недооценив исследования таких тибетцев, как Чжамьян Шепа ('Jam dbyangs bzhad pa), и погружаясь в собственный анализ индийской буддийской философии, некоторые ученые тратят годы на получение выводов, которые они могли бы получить за недели, дни или часы» [11, с. 9].

Таким образом, хотя основания историко-философской традиции буддизма были заложены уже в Индии, однако интенсивное развитие она получила именно в Тибете, приобретая свою законченную форму в литературе сиддханта. Эта традиция выполняла две основные функции – пропедевтическую и герменевтическую. Первая заявлялась как главная цель сочинений – посредством изложения более простых философских систем подготовить учащегося к восприятию философии собственной школы. Второй, не декларируемой явно задачей, являлась классификация философских учений буддизма в соответствии с тем, насколько полно они отражают замысел проповеди Будды, и, соответственно, обоснование превосходства собственной системы над прочими. Взгляды последних рассматривались не как полностью ошибочные, но как неполные, редуцированные варианты учения, со всей полнотой выраженного в философии собственной школы, что позволяет квалифицировать историко-философское учение буддизма как инклюзивистское.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00444 «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы».

Примечания

I. Хранится в ГБЛ, ф. 78, 682 ед. хр. и 23 папки, 1843–1875.

II. Исследованием этого текста много занимался Р. Е. Пубаев (см.: [6]).

III. Феноменальное (санскрита) – характеризующееся причинным возникновением, пребыванием и уничтожением; наделенное порочностью (сасрава) – возникающее как плод проявления клеш; Я (Атман) – Я индивида, обладающее постоянством, единичностью и самостоятельностью (rtag gcig rang dbang can).

IV. Уже в своей первой проповеди – «Сутре поворота Колеса Учения» Будда вводит понятие срединности как определяющее буддийский путь: «Есть, о монахи, две крайности, которым пусть не следует подвижник. Какие две? Одна – это склонность ко всяким похотям, как гумно пошлая, низкая, мужицкая, простонародная, неарийская, бессмысленная. Другая – это склонность себя изнурять, тяжкая, неарийская, бессмысленная. Но ни к той, ни к другой крайности не клонится верная срединная дорога и до конца постигнута Татхагатой; видение дарующая, знание дарующая, к умиротворению, к постижению, к пробуждению, к упокоению ведет».

V. Обычно переводятся как Малая колесница и Великая колесница соответственно. Однако, по разъяснению дост. Нгаванг Тенпела, яна – это ноша, которая взваливается на себя последователем. Она может быть великой (спасти всех живых существ) или малой (спасти только себя).

VI. См., напр.: [12], [2]. Тибетская хронология развития буддийской философии представлена также в работе [8].

Литература

1. *Барадин Базар*. Жизнь в Тангутском монастыре Лавран / подготовка к публикации, введение, комментарий Ц. П. Ванчиковой. – Улан-Удэ; Улан-Батор, 1999.
2. *Будон Ринчендуб*. История буддизма (Индия и Тибет) / пер. с тиб. Е. Е. Обермиллера; пер. с англ. А. М. Донца. – СПб.: Евразия, 1999. – 336 с. (Пилигрим).
3. *Васильев В. П.* Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 1. – СПб., 1857.
4. *Кенчок Ванбо*. Драгоценное ожерелье философских систем / пер. с тиб. А. М. Донца. – Улан-Удэ, 2004.
5. *Ольденбург С. Ф., Щербатской Ф. И., Тубянский М. И.* Предварительное сообщение о буддологическом рукописном наследии В. П. Васильева и В. В. Горского // ДАН СССР. Сер. В. – Л., 1927. – С. 759–774.
6. *Пубаев Р. Е.* «Пагсам-чжонсан» – памятник тибетской историографии XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1981. – 307 с.
7. dByig gi bshes gnyen. gZhung lugs kyi bye brag pa'i 'khor lo. Изд. Нартан, раздел mdo, т. 15.
8. *Hopkins J.* Meditation on Emptiness. – London: Wisdom Publ., 1983.
9. lCang-skya. Grub pa'i mtha'i rnam par bzhag pa gsal bar bshad pa thub bstan lhun po'i mdzes rgyan («Ясное объяснение философских систем “Прекрасное украшение Меры Ученика Муни”»).
10. *Legs ldan*. rTog ge 'bar ba. Изд. Нартан, раздел mdo, т. 19.
11. *Newland G.* Appearance & Reality. Snow Lion Publications: Ithaca. – New York, 1999. – 107 p.
12. *Taranatha*. History of Buddhism in India. Tr. from Tibetan by Lama Chimpa and Alaka Chattopadhyaya. – Delhi: Motilal Banarsidass, 1990.
13. *Williams P.* Mahayana Buddhism. – New York: Routledge, 1989.

УДК 28 (571)

Э. А. Николаев

ИСЛАМИЗМ В БУДДИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Дается очерк религиозных основ салафизма, а также истории распространения в России группировок радикального ислама, совокупно именуемых ваххабитскими, а также характеристика их идеологии, методов работы. Автор также дает оценку попыткам властей России бороться с этим течением.

Ключевые слова: ислам, салафизм, ваххабизм, радикализм, профилактика терроризма.

E. A. Nikolaev

ISLAMISM IN BUDDHIST RUSSIAN SPACE

The article gives a sketch of the religious foundations of Salafism, and the history of the spread in the Russia of radical Islam groups, also known as Wahhabi movement groups, as well as a characteristic of their ideology and methods of work. The author also gives an estimate of the attempts of the Russian authorities to combat this trend.

Key words: Islam, Salafism, Wahhabism, radicalism, terrorism prevention.

События последней трети XX в. показали, что наиболее серьезным идеологическим вызовом целостности российского ислама и всех традиционных религий России, включая христианство и буддизм, стал вызов радикального ислама, который специалисты называют салафизмом или «чистым исламом», а традиционные мусульманские лидеры – ваххабизмом [2].

Все это подтолкнуло разные социальные слои – от ученых, политиков, военных и до религиозных деятелей – искать объяснение так называемому радикальному исламу (он же исламский фундаментализм, он же исламский экстремизм, он же ислаимзм). Подобное объяснение могло бы стать отправным пунктом для решения проблем, которые обострились во всех без исключения регионах мира, в т. ч. и в России. Подразумеваются те места, где в настоящее время действуют движения, партии, группировки, ориентированные на изменение в политической, социальной, экономиче-

ской, геополитической сферах, использующие радикальные, насильственные методы и руководствующиеся (или, как нередко утверждают противники этих движений, «прикрывающиеся») исламом. Если быть точнее, то речь идет об определенных положениях, почерпнутых в нормативном наследии этой религии и соответствующим образом интерпретированных.

В научной литературе детально рассмотрены общественно-экономические, внутри- и внешнеполитические условия возникновения радикального ислама. Но есть ли какие-то внутренние факторы, которые дают почву для радикализации ислама? Можно ли эти движения, провозглашающие себя исламскими, признавать в качестве таковых или их следует считать сектами, не имеющими никакого отношения к исламу? Все эти вопросы требуют ответов, от которых зависит выработка четкой единой позиции как руководства страны, так и всего мусуль-

---

НИКОЛАЕВ Эдуард Афанасьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
E-mail: edsabr@yandex.ru.

манского сообщества, причисляющего себя к традиционному исламу [I].

Справедливо утверждается, что ислам как система норм [II] регулирует все области жизни. Чаще всего этот тезис понимается так: установлениям, нормам и правилам ислама должна быть подчинена не только религиозная жизнь мусульманина, но и такие области, как политика, экономика и др. Для того чтобы представить себе все разнообразие тех вещей, которые регулируются исламом, достаточно обратиться, например, к творчеству Ахмада Ибн-Таймийи (1263–1328).

У мусульман как последователей ислама (а не как, скажем, граждан конкретного государства [III]) все проявления человеческой активности в идеале регулируются единой и всеохватной системой норм и правил. Эти нормы и правила называются шариатскими – от слова «шариат» (божественное законоустановление).

Нормативно-поведенческий императив ислама можно сформулировать следующим образом. Поступать так, как поступил бы (или порекомендовал поступить) Божий Посланник, Пророк Мухаммад в тех условиях, которые наличествуют в каждый данный момент [IV].

Кто-то может посчитать это парадоксом, но при всеохватности ислама он характеризуется тем, что человеку (или группе людей) предоставляется своего рода обязательное право выбора норм и правил и даже их формулирования. Ислам – религия закончившегося Божественного Откровения. Это значит, что в период жизни Пророка Мухаммада ему Богом был ниспослан Коран, который почитается мусульманами как вечная, несотворенная и истинная речь Бога. Зафиксированные в виде речений или описаний действий хадисы Мухаммада составили Сунну Божьего Посланника. Со смертью Пророка Мухаммада (632-й г.) Откровение прекратилось, в последующем не возобновлялось и возобновляться не будет [V]. Мухаммад – последний пророк истинного единобожия, т. е. ислама.

В этом пункте ислам существенным образом отличается от христианства, в котором наличествует таинство священства, представляющее собой передачу благодати Святого Духа все новым и новым священникам, доносящим догматы христианской веры до людей. Говоря иными словами, в исламе нет священников, которые могли бы ответить на некий вопрос, донося до людей свято-духовную истину, переданную им от Святого Духа.

Таким образом, оказалось, что мусульмане в последующие периоды существования ислама имели возможность узнать нормы и правила (все то, что нужно делать и знать) единственно из Корана и Сунны, т. е. текстов, которые расценивались как абсолютно истинные и обязательные для верующего – потому, что являлись результатом Божественного Откровения. Эти положения, содержащиеся в Коране и Сунне, и являются шариатом (букв. «правильный путь»).

Однако Коран и Сунна не являются кодифицированными сборниками норм, правил и предписаний на все случаи жизни. Как пишет российский исследователь исламского права Л. Р. Сюкияйнен, разъяняя сущность исламского правопонимания, шариат «в точном, собственном понимании» представляет собой совокупность предписаний Корана и Сунны. Но эти источники не предусматривают всех проблем, возникающих перед человеком (мусульманином) и обществом (исламской уммой – сообществом правоверных). Готовые правила поведения можно обнаружить не более чем в 300 стихах (аятах) Корана и 500 хадисах. И уж совсем немного в Коране и Сунне положений чисто правового характера (в основном по вопросам брачно-семейных отношений и наследования) [5, с. 13, 18]. Ученые-мусульмане также констатируют это положение. Египетский юрист-мусульманин Мухаммад Саид аль-Ашмави отмечает, что Коран «содержит только немногочисленные нормы, касающиеся отношений между

людьми, и эти немногочисленные нормы не регулируют все отношения» [4].

Со смертью Пророка Мухаммада оказалось, что многие важные аспекты жизни исламской общины (уммы) текстуально, в виде сформулированного положения, не регулируются ни Кораном, ни Сунной. В этом отношении характерно, что буквально первая возникшая проблема – наследование Пророку в его функциях предводителя общины – имела следствием далеко зашедшие споры и даже раскол мусульман на суннитов, шиитов и хариджитов.

Необходимость найти ответы на все новые и новые вопросы привела к тому, что была разработана процедура выведения (истинбат) общих норм, правил, установлений и суждений по отдельным вопросам, которая получила название иджитхада. Этим стали заниматься не священники (их, напомним, в исламе нет), а ученые. Такая ситуация была охарактеризована Пророком Мухаммадом в одном из хадисов: «Ученые – наследники пророков» (Аль-уляма' вараса аль-анбийя'). Отвлекаясь от детального рассмотрения правил этой процедуры, отметим только, что это была деятельность человеческая (и она остается таковой до сих пор). В дополнение к собственно шариату, как к своего рода обязательной основе всех социально значимых норм и правил, существует громадная надстройка – по преимуществу правовое истолкование Корана и Сунны (исламское правоведение – фикх). Мухаммад Саид аль-Ашмави абсолютно правильно характеризует исламское правоведение (фикх) как «законодательство людей и для людей» [4, с. 53]. Об этом же точно и доходчиво говорит один из исламистских теоретиков, глава оппозиционной саудовскому королевскому режиму организации. Комитет защиты законных прав (КЗЗП) Мухаммад аль-Масари: «Иджтихад – это человеческий процесс, и он не застрахован от ошибок. Результат иджитхада не является ни Откровением, ни Шариатом. ...То же самое должно быть

сказано и о подавляющем большинстве положений, содержащихся в книгах по фикху (исламскому правоведению). И в принципе является неподобающим, нескромным и вызывающим говорить: «Это – установление Аллаха» или «[Это] – норма ислама». Более подходящим и скромным будет такое утверждение: «Это – мое понимание установления Аллаха или нормы ислама» [6].

Известный европейско-американский специалист по исламскому праву Йозеф Шахт совершенно справедливо отмечал: «Исламский закон есть крайний пример права юристов. Он создавался и развивался независимыми специалистами». Это, кстати сказать, было причиной того, что «исламский закон никогда, ни в какой момент своей эволюции не был единообразным» [7, р. 13]. Значительно реже исследователи обращают внимание на то, что и в области вероучения так называемые акиды, «символы веры», тоже были индивидуальными и иные авторы создавали по несколько различавшихся между собой в деталях акид. Так, Ахмад Ибн-Ханбаль написал их шесть, Ибн-Таймийя тоже создал несколько акид, называя их по тем местам, в которых они были написаны – «Васитская акида», «Акида, [сочиненная в] Хаме», и т. п. Эти акиды могли оспариваться (и нередко оспаривались) современниками как небезошибочные человеческие произведения.

Сложившаяся в этом виде система нормотворчества в исламе сделала данную религию исключительно динамичной, постоянно эволюционирующей, адаптирующейся к трансформирующемуся обществу и влияющей на его изменение. Высочайшие достижения исламской мысли – тоже следствие применения такой системы нормотворчества, которая соединяет в себе божественную основу и человеческую интерпретацию, заданные общие параметры и свободу мыслителя.

Система иджитхада (как нормотворчества на основе Корана и правильной

Сунны) не задана в однозначном и детализированном виде Кораном и Сунной, а сама является результатом иджтихада, т. е. человеческой интерпретации результатов Божественного Откровения. Тем самым любой мусульманин обладает правом подвергнуть сомнению и даже отвергнуть какие угодно результаты иджтихада какого бы то ни было религиозного ученого как сугубо человеческие идеи – при том, что они могут сколько угодно представляться в качестве рациональных, правильных, прогрессивных и даже соответствующих Корану и Сунне. Отказавшись от всех сомнительных (повторим: сомнительных, ибо человеческих) интерпретаций, обратиться к абсолютно достоверному первоисточнику – результату Божественного Откровения, то есть к Корану и практике мусульманской общины того периода, когда ее жизнь направлялась Божьим Посланником – Пророком Мухаммадом, получившим Божественное Откровение, и его соратниками – первыми мусульманами (включая Праведных Халифов – Абу-Бакра, Омара, Османа и Али, которые наследовали Божьему Посланнику). Предполагается, что только в этом случае можно установить (точнее, восстановить) те нормы и правила жизни общины, которые гарантированно истинны, ибо имеют Божественный источник (Откровение). На этот счет существует известный хадис (точнее, хадисы, есть несколько вариантов) Пророка Мухаммада, в котором говорится, что после его смерти исламская община расколется на семьдесят три секты, из которых все попадут в адский огонь, кроме одной, состоящей из «тех, кто держится [точно] того, что я и мои сподвижники сегодня» [1, р. 27, 86].

Здесь-то как раз в исламе и возникает то интеллектуальное и политическое движение, которому внешние наблюдатели дали не совсем точное название «фундаментализм», разумея под ним возвращение к первоосновам (фундаменту) религии. Сами мусульмане предпочита-

ют называть это движение салафизмом – от выражения «ас-салаф ас-салих» (праведные предки), или просто «ас-салаф» (предки). Сторонники салафизма выступают за то, чтобы мусульмане во всех своих действиях и верованиях, нормах и правилах следовали тому, что существовало и делалось в период первоначального ислама.

Важно отметить, что такой фундаментализм в исламе – явление не новое. Более того, оно регулярно, циклически повторяется. Своего рода документальным свидетельством того, что сами мусульмане достаточно рано заметили наличие этих циклов, является издавна распространенная среди суннитских ученых – алимов концепция обновления ислама каждые сто лет. Жизнь мусульманской общины – уммы на протяжении истории подчинена цикличности: следование истинной вере, постепенный отход от нее, кризис общины, появление восстановителя истинной веры, возрождение общины. Затем цикл повторяется.

Особая проблема – выявление того, как, почему и с какой регулярностью (вековые циклы мусульманские историки не понимали слишком буквально) накапливаются такие изменения в исламе, которые требуют его возобновления. Но в любом случае это возобновление обязательно реализуется как возвращение к истокам с одновременным отказом от накопившегося груза человеческих (и потому, как минимум, сомнительных и, очень вероятно, ошибочных) интерпретаций.

Такого рода фундаменталистский возврат предполагал бы отказ не только от накопившихся интерпретаций исламских норм, но и от всего того, что появилось в окружающей жизни за период VIII–XX вв., на том основании, что ничего этого не было в VII в. – периоде жизни и деятельности праведных предков, которые руководствовались Словом Божьим и потому поступали безошибочно (не в прагматическом смысле слова, а, как постулируется салафитами, в соответствии с Божественной волей и знанием этой

воли). И салафиты выступают не только, например, против принятия законов избранными населением законодательными органами (какие могут быть человеческие законы, если есть шариат?), но и против всего того, чем не пользовались праведные предки (фотография и телекоммуникации, авиация и железные дороги и т. д.). Но подавляющее большинство салафитов не брезгают достижениями современной цивилизации, которых явно не было во времена Пророка, – используют автоматы Калашникова и американские «Стингеры», спутниковые и мобильные телефоны, Интернет. Данное замечание сделано не для того, чтобы поймать салафитов на непоследовательности. Речь о другом. Использование упомянутых достижений цивилизации – зримое проявление сложнейшей проблемы, с которой сталкиваются салафиты. Это внешние, заметные признаки того, что они попадают в охарактеризованный выше цикл – следование истинной вере, постепенный отход от нее, кризис общины, появление восстановителя истинной веры, возрождение общины. И в этом процессе свою, достаточно влиятельную роль играют конституциональные характеристики ислама.

Именно здесь, в обращении к салафитскому наследию, проявляется коренная непоследовательность салафитского движения. При том что салафизм по замыслу есть обращение к Корану и правильной Сунне, т. е. к Божественным источникам норм, в реальности он представляет собой обращение к человеческим источникам (к Ибн-Таймийе и всему наследию салафизма). И оказывается, что обосновываемая салафитами обязательность для мусульманина вести джихад против правителей-вероотступников обосновывается не обращением к вечному, абсолютно истинному (ибо Божественному) источнику, а к источнику человеческому и потому, очень вероятно, ошибочному. Ведь, строго говоря, надо еще доказать, что Ибн-Таймийя не ошибался, когда составлял свои «фетвы

о татарах», либо признать беспорочность этого ученого и безошибочность всех его суждений, что в исламе невозможно. Беспорочностью (исма) характеризовался только один человек – Божий Посланник Пророк Мухаммад.

И в связи с этим – еще один момент, исключительно важный для понимания политической практики в странах распространения ислама. Радикальные (или экстремистские) идеи, содержащиеся в салафитском наследии, в случае возрождения этого наследия или его имплантации в общественное сознание вполне могут приобретать некое практическое, организационное выражение и там, где отсутствуют социально-экономические и политические условия для радикализма или экстремизма. Так, отмечалось, что работы Ибн-Таймийи были буквально настольными книгами экстремистов в 1970–1980-х гг. в Египте (организации «Джихад» и «Исламская группа»), Саудовской Аравии (ваххабитская группа Джухаймана аль-Отейби, совершившая захват главной мечети Аль-Масджид аль-Харам в Мекке в ноябре 1979 г.) [3, с. 35]. По свидетельству людей, встречавшихся с руководителем дагестанских ваххабитов Мухаммедом Багавутдином у него дома, трактаты Ибн-Таймийи занимали центральное место в его библиотеке.

Активнейшими распространителями салафитского наследия в последнем десятилетии XX в. стали «арабские афганцы», в т. ч. на территории России. Печально знаменитый Хаттаб – салафит. Конечно, боевики, совершившие летом 1999 г. нападение на Дагестан, вероятнее всего, и слыхом не слыхивали об Ибн-Таймийе. Но удуговский сайт «Кавказ» предоставляет пользователю в обилии именно салафитские материалы [8]. Для того чтобы установить их происхождение, достаточно сравнить содержание удуговской исламской библиотеки с материалами интернетовского сайта, принадлежащего, вероятнее всего, Лиге исламского мира, где помещено множество

материалов салафитских авторов – от того же Ибн-Таймийи до недавно скончавшегося верховного муфтия Королевства Саудовская Аравия Абдуль-Азиза бен База.

Пусть и сайт в Интернете не показатель проникновения салафитского наследия на Северный Кавказ. Тогда можно обратиться к свидетельству, опубликованному в доступных СМИ. Например, необходимость вести джихад в Дагестане обосновывалась дагестанскими ваххабитами не только ссылками на Коран и Сунну, но и на Ибн-Таймийю [10]. До конкретного потенциального салафита – возможного будущего участника группировки, которая прибегает к вооруженному насилию в конкретном месте и в конкретное время, салафитское наследие доводится пропагандистами в виде лозунга или призыва, который провозглашается нормой или установлением ислама как такового. Радикализация мусульманского сообщества в подобных случаях происходит не по схеме: обострение социально-экономических проблем – поиск идеологического выражения – исламский радикализм в форме салафизма, а по другой: пропаганда салафитских идей – исламский радикализм.

Распространение салафитских идей облегчается в разных зонах расселения мусульман-суннитов из-за его трансмазхабности: салафизм не привязан жестко к какому-либо одному суннитскому мазхабу [2]. Салафиты обращаются к раннему исламу как бы через голову основателей-эпонимов мазхабов. В этом один из секретов достаточно успешного распространения ваххабитского салафизма на российском Северном Кавказе, где распространен по преимуществу шафиитский мазхаб исламского права – фикха [10].

Салафизм на территории бывшего СССР получил название «ваххабизм». И религиозные мусульманские деятели России, и исламоведы сколько угодно могут говорить о том, что ваххабизм – это движение, возникшее в Аравии

XVIII в. под руководством Ибн-Абд-аль-Ваххаба. Но в процессе общественно-политической практики, хотим мы того или нет, в языке за последнюю четверть XX в. уже утвердилось и другое значение слова ваххабизм – политическое течение, сторонники которого, основываясь на специфической, субъективной интерпретации положений ислама, осуществляют деятельность (преимущественно с использованием насилия), направленную на изменение status quo (в первую очередь, но не исключительно) в странах распространения ислама.

Это второе значение установилось на всем постсоветском пространстве – не только в русском, но и в узбекском, таджикском, казахском, киргизском, татарском, кавказских и других языках. Именно во втором смысле оно употребляется также и в английском, французском и немецком языках. И сколько угодно можно говорить об ошибочности этого словоупотребления и даже о злонамеренности тех, кто данное выражение в этом смысле употребляет, факт остается фактом: слово «ваххабизм» во втором значении прочно вошло в общественный оборот.

Выше мы констатировали, что с точки зрения ислама, как он исторически сложился к настоящему времени, истинны, имеют право на существование в качестве человеческих интерпретаций, сотнесенных с Кораном и Сунной, разные формы ислама. Этот вывод должен быть дополнен и другим выводом. Мусульмане – сторонники какого-то конкретного направления ислама имеют право не принимать определенные человеческие интерпретации ислама, особенно если они навязываются силой.

Каковы перспективы салафизма и родственных ему по духу и методам различных исламистских движений, часть которых запрещена, но действует подпольно (Таблиги Джамаат, Хизб ат-тахрир и т. д.). Салафиты уже ведут настоящую войну против федерального правительства в Дагестане и Ингушетии, имеют сильное подполье в Кабар-

дино-Балкарии и других республиках Северного Кавказа. Их позиции исключительно сильны в Татарстане и Башкирии, где они даже вели проповеди в некоторых мечетях. Имеются салафиты и в Москве. В случае дальнейшего развития данной идеологии в Российской Федерации, увеличения числа ее последователей, бюджетов организаций, а так же повышения квалификации проповедников нашу страну ждет весьма безрадостное будущее. Теракты, волна которых и сейчас не ослабевает в «проблемных» субъектах Федерации и порой перекидывается на относительно спокойные регионы, несомненно, усилятся. Более того, в таких регионах, как Дагестан и в меньшей степени Башкирия и Татарстан, имеется опасность выхода радикалов в легальное поле, что даст им возможность влиять на политику регионов и открыто строить то, к чему они призывают – исламское государство. Говорить о территориальной целостности России в случае реализации данного сценария уже не приходится. Впрочем, влияние салафитов не ограничивается вышеуказанными регионами страны. Так, например, недавно, российский север взбудоражил доклад руководителя центра по противодействию экстремизму УМВД по Ямало-Ненецкому автономному округу (ЯНАО) Сергея Савина. «В последнее время в нашем регионе развернули деятельность ячейки международных экстремистских организаций, таких как «Имарат Кавказ», «Хизб-ут-Тахрир», а также религиозные группы ваххабитского толка. Они специализируются на идеологической обработке населения и призывают своих учеников к активным действиям, в т. ч. и к совершению террористических актов», – рассказал С. Савин во время выступления на консультативном совете по вопросам этноконфессиональных отношений при окружном правительстве [12]. Правоохранитель сообщил, что пропаганда радикального ислама особенно активно ведется в вузах и мечетях Ямала и соседних регионов, а также посетовал на

то, что члены национальных землячеств участвуют в криминальном переделе собственности на русском севере. Хотя это выступление вызвало резонанс в регионе, на самом деле С. Савин не сказал ничего нового. Об экспансии исламистского экстремизма в Сибирь эксперты говорят давно, но власти предпочитают не замечать этих проявлений.

Адептов радикального ислама за Уралом можно разделить на три группы. Первая – это мигранты с Северного Кавказа и из Средней Азии. Вторая – татары и башкиры, попавшие под влияние радикальных проповедников. Наконец, третья группа – это представители народов, исторически не исповедующих ислам, воспринявшие его «модернизованную» форму. «Русские мусульмане» сравнительно немногочисленны, но, по замечанию исламоведа Раиса Сулейманова, они поставили террористическому подполью больше рекрутов, чем российские татары. Радикальный ислам в последнее десятилетие, благодаря своему «наднациональному характеру», стал одной из форм социального протеста. Религиозное оформление народного недовольства исторически было свойственно русскому народу. В XVII–XVIII столетиях такой формой было старообрядчество, а в XIX в. – многочисленные секты. В XX столетии веру потеснило атеистическое мировоззрение, но на исходе века опять пришла «мода на религию», со всеми ее побочными явлениями.

Радикальные религиозные проповедники обещают решение земных и духовных проблем через обращение в «истинное» верование. Схожие социальные установки могут разделять и представители других сибирских регионов, принявшие ислам. Среди последних наиболее широко стал известен Саид Бурятский (Александр Тихомиров). Менее «популярен» уроженец Якутска – Дмитрий Данилов (Денисов) – боевик, убитый в Дагестане летом 2010 г. Бывший милиционер и сотрудник ФСИН, известный у дагестанских боевиков под клич-

кой Якут, считал, что принятие ислама избавит его народ от пьянства.

Распространение радикальной религиозности в Сибири было бы невозможно, если бы проповедники не имели хорошо отлаженной организационной структуры, причем не всегда действующей подпольно. Тот же Сергей Савин посетовал на дефицит квалифицированных последователей традиционного ислама, которые могли бы противостоять идеологическому наступлению экстремистских религиозных течений. Офицер МВД увидел решение проблемы в «поиске и привлечении к работе в мечетях молодых, образованных и крепких духом священнослужителей». Но проблема заключается еще и в том, что в последнее время стало сложнее отличить – где заканчивается традиционный ислам и начинается радикальный. В ноябре в Салехарде прошла конференция «Пути межнационального и межрелигиозного согласия в ЯНАО». В ней принял участие президент информационно-аналитического центра «Религия и общество» социолог Алексей Гришин. Тезисы его доклада серьезно поколебали радужно-беспечное настроение участников конференции. «Происходит неконтролируемый рост числа муфтиятов (уже сейчас их по стране более восьмидесяти). Создание новых духовных управлений, не подчиняющихся крупнейшим мусульманским организациям, позволяет экстремистам выходить на официальный уровень и оттеснять традиционных мусульман от эффективного сотрудничества с государством, легализовать финансовые средства и хранить их на счетах в российских банках. Получив официальный статус, они требуют от власти земли под мечети и поддержку», – отметил Гришин [13]. Особое место в этом процессе, по словам эксперта, отводится подкупу российских чиновников, особенно тех, кто отвечает за взаимодействие с религиозными организациями и обладает разрешительными функциями. Некоторые представители власти весьма чувствительны к угрозе

придать огласке проблемы, существующие в сфере религиозных, межэтнических отношений, ведь в этом случае они могут лишиться своих должностей. Поэтому им проще сделать вид, что не происходит ничего страшного, чем принять против экстремистов предупредительные меры.

В Сибири мусульмане тоже не имеют единого руководства. Помимо существующего с советских времен Духовного управления мусульман Сибири (ДУМС), с 1990-х гг. действует и Духовное управление мусульман Азиатской России (ДУМАР). Глава ДУМАР, член Совета муфтиев России Нафигулла Аширов стал широко известен высказыванием симпатий к движениям «Талибан» и «Хизб-ут-Тахрир». В 2009 г. суды признали экстремистскими три книги, выпущенные под редакторством муфтия Дальнего Востока от ДУМАР Дамира Ишмухамедова. Распространение религиозного радикализма по Сибири, как ни странно, больше тревожит зарубежных наблюдателей, чем российские власти. Сотрудник Французского института геополитики Ксавье де Торривеллек недавно опубликовал в журнале *Le Monde* статью, в которой не исключил в будущем «религиозной войны на сибирских нефтяных месторождениях» [9]. Если прежде главными целями миссионерства салафитов были в основном регионы компактного проживания мусульман, а также активная борьба с христианством, то на современном этапе, мы видим, идет настойчивое проникновение в буддийское пространство России, традиционно отличающееся стабильностью и спокойствием. Органы правопорядка отмечают активизацию деятельности структур, близких к салафитам, главными адептами которых являются мигранты из Киргизии (понятно, что не все трудовые мигранты в этом задействованы, но, безусловно, являются объектом влияния). В Кыргызстане первые салафиты появились в конце 1990-х и первоначально эта идеология развивалась достаточно слабо.

Однако уже к 2009 г., например, по информации главы Государственной комиссии по делам религий Каныбека Осмоналиева [14], число салафитов составило 30 % кыргызских мусульман. При этом ваххабитские идеи воспринимаются по большей части на севере страны. И если, к примеру, в соседнем Узбекистане против салафитских джамаатов проводятся даже военные операции, то в Кыргызстане отношение к этой идеологии более умеренное. Создается впечатление, что исламисты готовят в российских регионах людской и экономической плацдарм для некоего часа «X».

Основная цель салафитов, к которой они близки как никогда, – это установление полного контроля над мусульманским сообществом и создание сильной исламской оппозиции государству. И достигают они этой цели разными путями, одним из которых является террор. За последние три года в России было убито 32 мусульманских духовных лидера, а еще восемь были тяжело ранены. Кроме того, совершен целый ряд покушений. Все убитые – главные религиозные авторитеты и идеологи традиционного ислама. Впрочем, уже все сколько-нибудь значимые деятели традиционного ислама постоянно получают угрозы расправы в свой адрес и уже не решаются открыто выступать против ваххабитов.

Из приведенных данных можно сделать, пожалуй, один вывод: распространению салафизма и его экспорту в России необходимо самым жестким образом противостоять. Методы такого противостояния должны быть разнообразными

– подлинного эффекта можно добиться лишь их комплексным применением.

1. Так, ранее в российском обществе поднимался вопрос о запрете идеологии ваххабизма как таковой. Несмотря на то, что это может испортить отношения нашей страны с Саудовской Аравией, на что указывали противники запрета, данная мера может быть оправданной – хотя бы учитывая ту политику, которую проводит Эр-Рияд по отношению к российским интересам на Ближнем Востоке и, в частности, в Сирии. Иначе как враждебной ее трудно назвать. Поэтому вряд ли кто-то удивился бы запрету салафизма – ваххабизма, радикального и агрессивного течения – Россией на собственной территории.

2. Кроме того, стоит ограничить отpravку студентов в образовательные центры указанных стран, так как нередко именно оттуда молодые люди возвращаются со взглядами, значительно противоречащими традиционному исламу, своеобразными «агентами влияния» аравийских монархий, а иной раз понастоящему завербованными и зомбированными.

3. Важным фактором победы над исламским радикализмом является продуманная социально-экономическая политика в «проблемных» регионах, в частности республиках Северного Кавказа. Склонные к восприятию салафитских идей люди, прежде всего, молодежь, должны иметь альтернативу, возможность материальной, социальной и духовной самореализации.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00444 «Буддизм в социально-политических, культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы».

Примечания

I. Проблема традиционных и нетрадиционных религий является сама по себе отдельной, большой темой для обсуждения научным сообществом. В отношении ислама в России она приобретает особую значимость и актуальность.

II. Под нормой в исламе здесь подразумевается не только то, что надлежит делать, но и то, во что нужно верить, или, если сформулировать это иначе, что нужно знать (вера–знание).

III. Здесь мы можем только отметить проблему несовпадений и даже противоречий, которые существуют между законодательством любого из государств мира, в которых проживают мусульмане, с одной стороны, и чисто исламским правом – с другой.

IV. Мы сосредоточиваемся на суннитском направлении ислама.

V. В последующем в суфизме (исламском мистицизме) было восстановлено восприятие человеком Божественного воздействия. Но оно отличается от Откровения (вахй) и даже называется иначе – вдохновение (ильхам). Еще, по словам Пророка в известном хадисе, «сорок восьмой частью пророчества» является обновление (р/я). Авторитетные исламские ученые, например Ибн-Таймийя, считали, что «сновидение правоверного – речь, с которой к своему рабу, когда тот спит, обращается Господь» (см.: Ibn Taimiyya. A Letter of Ibn Taimiyya to Abu l-Fida' / Ed. by Dr. Serajul Haque//Documenta islamica inedita. Berlin, 1952. P. 158).

Литература

1. *Ибн-Таймийя*. Аль-акида аль-васитийя [Васитское исповедание веры] // Laoust H. La profession de foi d'Ibn Taumiyya: Texte, traduction et commentaire de la Wasitiyya. – Paris, 1986.
2. *Игнатенко А. А.* Эндеогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2 (8).
3. *Коровиков А. Е.* Исламский экстремизм в арабских странах. – М., 1990.
4. *Мухаммад Са'ид аль-Ашмави*. Аль-ислям ас-сийяси [Политический ислам]. 3-е изд. – Каир, 1992.
5. *Сюкияйнен Л. Р.* Шариат и мусульманско-правовая культура. – М., 1997. – С. 13, 18.
6. *Muhammad Al-Mass'ari*. Ruling by Kufr is Haraam. Режим доступа: <http://msanews.mynet.net/Scho-lars/Massari>.
7. *Schact J.* Introduction au droit musulman. – Paris, 1983.
8. Xavier Le Torrivellec. Le Monde. La Sibérie, prochaine cible des islamistes.
9. <http://www.kavkaz.org/islam/isbiblio>.
10. <http://www.islanworld.net>.
11. <http://www.islanworld.net>.
12. http://islamio.ru/news/society/ekstremisty_davyat_na_gaz.
13. <http://www.rosbalt.ru/federal/2012/11/30/1065735.html>.
14. <http://nm2000.kz/news/2010-02-10-24193>.

УДК 24-4 (571.54)

Д. С. Жамсуева

ХАМБО-ЛАМА Д.-Д. ИТИГЭЛОВ

В МАТЕРИАЛАХ А. М. ПОЗДНЕЕВА

(представление неизвестных страниц биографии)

Приводятся архивные материалы Института восточных рукописей РАН, которые могут быть востребованы как дополнительный источник в изучении феномена Хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова.

Ключевые слова: буддизм, культовая обрядность, Д.-Д. Итигэлов.

D. S. Zhamsueva

HAMBO LAMA D.-D ITIGELOV
IN THE MATERIALS OF A. M. POZDNEEV
(Representation of the Unknown Pages of Biography)

The article presents the archival materials of the Institute of Oriental Manuscripts, which can be claimed as an additional source in the study of the phenomenon of Hambo Lama D.-D. Itigelov.

Key words: Buddhism, cult rituals, D.-D. Itigelov.

Значимое место в духовной системе любого народа занимает религиозный культ. Под культом понимается религиозное почитание различных предметов, сверхъестественных существ, в форме обрядов, таинств, праздников, жертвоприношений и т. п. С их помощью, как полагают верующие, можно «вступить в контакт» с богом, «святыми» или иными сверхъестественными силами, умилостивить их, заручиться их поддержкой в бытовой практике.

Все церкви придают большое значение обрядовой стороне. Действительно, складывавшиеся в течение многих столетий ритуалы богослужений, определенные обряды, таинства, сопровождаемые церковной музыкой, песнопениями, носят торжественный характер и оказывают сильное эмоциональное воздействие на верующих. Известно, что миряне с момента рождения человека до кончины обращаются к служителям церкви для исполнения различных обрядов. Формы обрядового культа в ламаизме многообразны. Это связано с тем, что, распространяясь в различных странах, буддизм широко ассимилировал местные культы и включал в свою обрядовую практику укоренившиеся у данного народа обычаи. Буддийское духовенство давало этим обрядам новое толкование, связывая их с догматами буддизма и мифическими событиями из жизни Будды, его учеников и видных деятелей буддийской церкви.

Но в любом случае обрядность служит одной цели – закреплению в сознании верующих религиозных представлений, укреплению веры во всемогущество сверхъестественных сил, облегчению восприятия людьми тех идей, которые внушают им религиозные проповедники. Основными объектами культового почитания обычно являются изображения и реликвии. Широко распространен в буддизме также культ мощей святых (прежде всего, самого Будды); вещи, принадлежавшие им; предметы, изготовленные в честь почитаемого лица. Кроме того, большое распространение в буддизме получило почитание тех населенных пунктов, отдельных сооружений, роц, деревьев, которые связаны с биографией Будды или его сподвижников. Что касается мощей, то они помещаются в многочисленные ступы для вечного хранения и почитания. То же самое происходит и с останками других святых. В этом суть и значение почитания памяти святых и молитв к ним.

В наши дни такой образ бурятской буддийской церкви выражен в лице нового религиозного культа – Даши-Доржо Итигэлова (Итэгэлов, Итегилов). Сегодня культ Итигэлова превращен в некий бренд [1] республики. Д.-Д. Итигэлов – святыня Иволгинского дацана с 2002 г. и, по благословению Хамбо-ламы Д. Аюшеева в календарь этого дацана по назначенным дням было внесено

ЖАМСУЕВА Дарима Санжиевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: darisan@rambler.ru.

паломничество, которое совершается по определенному расписанию.

«По версии служителей культа, входящих в религиозное объединение «Буддийская традиционная сангха России», существует завещание усопшего, по которому он наказал ученикам совершить обряд его второго пришествия в бранный мир ровно через столько лет, сколько он прожил на земле» [2].

Наверное, в каждом доме и у каждого верующего этнической Бурятии имеется копия этого чудотворного образа. Народ любит и почитает его, об этом свидетельствует то огромное количество верующих и даже любопытствующих, которые прикасаются к нетленному телу Д.-Д. Итигэлова. Наверное, каждый из тех, кто приходит поклониться его мощам, вкладывает свое понимание и имеет субъективное мнение. Существует институт его имени, проводятся конференции. Дать исчерпывающую оценку его личности трудно, но приведенные ниже дневниковые записи А. М. Позднеева являются историческим свидетельством.

В архиве рукописного отдела Института восточных рукописей РАН находятся оригиналы дневников А. М. Позднеева [И], написанных им в 1909 и 1916 гг., когда он по заданию Министерства внутренних дел был направлен в бурятские дацаны для их ревизии. Эти документы [1] дают возможность воссоздать монастырские комплексы утраченных бурятских дацанов, подробное описание которых позволяет детально их восстановить. Кроме того, записи А. М. Позднеева позволяют по-новому взглянуть на ушедшую историю, открыть неизвестные страницы жизни бурятских религиозных деятелей начала XX в., внести некоторые коррективы в биографии наших буддийских деятелей. Так, в отчете 1916 г. А. М. Позднеев, описывая Янгажинский дацан, подробно останавливается на одном из эпизодов биографии Д.-Д. Итигэлова. Текст А. М. Позднеева мы приводим полностью, не делая каких-либо комментариев.

«<л. 65> Янгажинский дацан, уже описанный в моем отчете 1909 года, был посещен мною теперь ради осмотра возведенных здесь заново кумирень. Выехав из Верхнеудинска около 5-ти часов вечера, я прибыл в дацан в 12 часов ночи и, еще версты за две не доезжая до дацана, был поражен ревом громадных ламских труб (буре) и других музыкальных инструментов, употребляемых при ламайских хуралах. Зарево от множества огней и разведенных костров свидетельствовало, что в дацане совершается какое-то торжество, но какое именно, я не мог знать, — мне было известно лишь, что никакого ламайского праздника в этот день не было. Подъехав к дацану, я увидел за оградой его массу костров, на которых женщины готовили кто суп, кто жаркое на ужин, <л. 66> местами бродили здесь и мужчины, но большая часть их находилась за дацанскою оградой, особливо около большой, неизвестной мне кумирни. На мою просьбу вызвать ко мне ширетуя окружившие мой экипаж хувараки отвечали мне, что ширетуя нет дома. Я усомнился и бесцеремонно сказал, что это ложь, так как в отсутствие ширетуя не может совершаться такого великого хурала: если же ширетуя действительно нет, то я прошу пригласить заступающего его место. Тут только спросили меня: «Кто я?» и, получив ответ: «г-н Позднеев», тотчас же пригласили меня в кумирню, а другие побежали вперед известить о моем прибытии. Подходя к кумирне, я увидел спускающуюся с лестницы кумирни группу старейших лам дацана, с ширетуюем во главе, которые и приветствовали меня совершенно дружелюбно. Ширетуя тотчас же распорядился приготовить мне квартиру, а пока пригласил меня в кумирню. Усевшись на почетных местах, мы приветствовали друг друга с обычными церемониями, а засим ширетуя сообщил мне, что в настоящую пору у них совершается великое молебствие по случаю призыва бурят на военную службу. Родовые старосты заказали благо-

дарственный молебен, так как бурятский народ получил удостоверение, что правительство доверяет ему защиту отечества так же, как и русским, а призванные служат молебен о благополучном пути и счастливом окончании дела.

<л. 67> Из дальнейшей беседы выяснилось, что мы находимся в новоотстроенной кумирне «Докшит», которая избрана была для этого молебствия как самая поместительная кумирня во всем дацане. Действительно, кумирня эта имела по своему объему не менее 12-ти квадратных сажений и 6 рядами колонн разделялась на 7 отделений: срединное из них, назначенное для прохода к бурханам, было пусто; а по обеим сторонам от него в шести образуемых колоннами промежутках протягивались ламские чжабданы, на которых помещалось не менее 300 отправлявших молебствие лам; далее, по наружным стенам кумирни, за колоннами стояли и молились пришедшие на молебствие простолюдины, как призванные к работам на фронт, так и сопровождавшие их родственники. Трудно передать, с каким усердием клали они свои земные поклоны и какая глубокая вера в помощь Будды светилась в их глазах. И наряду с сим, нимало не стесняясь ни чтением молитв, ни исполнением установленных обрядовых телодвижений, ко мне со всех сторон подходили знакомые ламы с приветствиями, одни поднося мне откуда-то явившиеся приветственные хадаки, другие – подсовывали мне свои табакерки. Тем временем явился хуварак, который доложил ширетую, что помещение для меня готово, и мы отправились на мою «обывательскую» квартиру. Устройство этих «обывательских» квартир в дацанах было <л. 68> для меня совершенно новостью, т. к. оно заведено здесь всего года два тому назад. До сего времени все русские чиновники и гости, приезжая в дацан, обыкновенно помещались смотря по своему рангу, одни у ширетуев, другие – у каких-либо чинов дацана, третьи – в

домах простых лам и все всегда поступали на содержание дацана, пользуясь от дацанского казначейства и чаем и столом. В настоящую пору во всех дацанах, по примеру русских поселений, заведены обывательские квартиры, начальство дацана определяет один из пустующих в дацане домов, меблирует его совершенно по-русски и принимает проезжего в этой квартире, не взимая с него никакой платы за помещение, но даровое содержание, по-видимому, отошло теперь уже в область преданий. Почти в каждой обывательской квартире на стене вывешивается утвержденная полицейским управлением такса на взимаемые продукты: стакан чаю с молоком – 5 коп., бутылка молока 10 коп., самовар с чайным прибором для одного – 15 коп., для двух – 20 коп., хлеба 1 фунт – 8 коп., одна порция супу из баранины 35 коп., порция котлет 30 коп., по шаблону здесь помечены также цены на курицу, гуся, уток, диких и домашних; но, конечно, ничего этого в дацанах не имеется, здесь не всегда можно получить и стакан молока, или кусок хлеба и повсюду найдется только чай да тарелка бараньего <л. 69> супу. Моя квартира оказалась убранною довольно роскошно; здесь были поставлены: кровать с пружинным матрацем, диван, два кресла, несколько стульев и даже стол с письменным прибором. Все это, очевидно, было установлено наспех, так что начали устилать ковры, когда мы с ширетуюем уже пришли в квартиру и, по обычаю Востока, начали тотчас же чаевать. Ширетуй оказался человеком совершенно новым в своей должности и в прошлый свой проезд я знал его простым гэлунгом. На вопрос, как жилось ему самому и как проходила жизнь дацана за срок со времени моего посещения Янгажина, ширетуй отвечал мне, что все эти годы прошли для дацана очень тревожно и причиною сего был их прежний ширетуй, а нынешний хамбо-лама Итэ-гэлов. «Вы знаете, – говорил он, – что

Итэгэлов – человек до крайности честолюбивый; он всегда стремился быть хамбо-ламою, когда же, почти вслед за вашим отъездом, в 1909-м году, бывший хамбо-лама Ирэлтуев начал усиленно говорить о своем намерении выйти в отставку, беспокойство Итэгэлова дошло до крайних границ тем паче, что, рассуждая о заместителе Ирэлтуева, все буряты остановились на Дордже Эрдэниеве, как на первейшем кандидате на должность хамбо-ламы. По обычаю народа, хамбо-лама Ирэлтуев ко дню нового 1910-го года разослал свои поздравления послания, и в посланиях <л. 70> этих сообщал, что этот год будет последним в его управлении дацанами, что он уже заготовил свое прошение об отставке и что единственным своим преемником он почитает Дордже Эрдэниева – человека уравновешенного, доброжелательного, вдумчивого, умного, отменно образованного как в смысле познания ламаизма, так и знакомства с русскою литературою и столь же прекрасно владеющего бурятским языком, сколько и русским пером. Такая рекомендация хамбо-ламы Ирэлтуева, с одной стороны, еще больше укрепила бурят в их решении избрать Эрдэниева, а с другой – была ножом в сердце Итэгэлова, который теперь загрустил и наконец прямо-таки заболел от своих тревожных чувствований. Между тем Ирэлтуев вызвал к себе в Гусиноозерский дацан Дордже Эрдэниева и убедил его поехать в Петроград, чтобы предварительно избрания и вступления на должность хамбо-ламы познакомиться там с людьми, делопроизводством и положением дел. Эрдэниев отправился, но, сколько помнится, не прожил даже двух недель в Петрограде и скоропостижно скончался от заворота кишок. Кажется, решительно вся бурятская степь, за исключением Итэгэлова, стонала об этой потере, а наш ширетуй воспрянул духом, снова получив надежду на избрание в хамбо-ламы. Радость эта была, однако, непродолжи-

тельна, так как, лишившись Эрдэниева, буряты обратили свое внимание <л. 71> на ширетую Гусиноозерского дацана Ваниева. Последний, будучи превосходным знатоком ламаизма и опытным врачом, пользовался, как и Эрдэниев, отличным уважением в народе, однако, являясь человеком неискательным, почти и не слушал людей, приходивших к нему и предлагавших ему вопрос об его кандидатуре. «Куда мне? У меня нет ни той энергии, ни того опыта, ни той изворотливости, которые необходимы хамбо-ламе». Сам Ирэлтуев, видевший в Ваниеве недюжинного знатока всех ламайских доктрин, – богословских, медицинских и астрологических, – свидетельствовал всем и каждому, что за все время своего управления он не предпринимал ни одного дела без совета с Ваниевым, и высказывал сожаление лишь о том, что Ваниев гораздо более склонен к кабинетскому ученому труду, чем к административным занятиям, и за всем тем, говорил он, буряты, за смертью Эрдэниева, не имеют у себя, для занятия должности хамбо-ламы, другого лица, кроме Ваниева. Все эти события и рассуждения так сильно повлияли на Итэгэлова, что он, утратив сполна надежду на избрание в хамбо-ламы, решил подать прошение не только об отставке от должности ширетую, но и о совершенном оставлении им ламского звания, с обращением его в светское состояние. В отношении от 1-го июля 1910-го года Янгажинскому дацану было сообщено, что ширетуй <л. 72> Итэгэлов, будучи совершенно освобожден от своих должностей, обращен в ведомство бурят простолюдинов, на место же ширетую Янгажинского дацана назначается штатный лама-гэлун того же дацана Мархилов. Но, когда вслед за сим 28-го июля 1910-го года Забайкальский военный губернатор предложением за № 7634-м известил Селенгинского уездного начальника об увольнении Ирэлтуева от должности хамбо-ламы и о назначении нового хам-

бо-ламы, в сентябре того же года Итэгэлов начал усиленно хлопотать о своем праве подвергнуться выбору. То обстоятельство, что он в эту пору не был даже простым гелуном и был обращен в светские простолюдины, которым по закону (§ 8) воспрещается не только выбираться, а даже участвовать при выборах, должно было весьма препятствовать его кандидатуре; однако чтобы дать себе хотя призрачный вид ламы, он подал прошение Забайкальскому губернатору о своем желании снова возвратиться в Янгажинский дацан на должность ширетуя, а засим путем подкупа, подарков и посулов ему удалось не только быть занесенным в список кандидатов баллотирующихся на должность хамбо-ламы, но даже и подготовить за себя значительное число голосов. И, тем не менее, на произведенных выборах оказалось, что Ваниев получил 35 голосов, а Итэгэлов – 34. Так как, на основании § 9-го Положения о <л. 73> ламайском духовенстве в Восточной Сибири, к утверждению в должности хамбо-ламы Генерал-губернатору Вост. Сиб. представляется три кандидата, то Итэгэлов все-таки был представлен избранным, хотя и вторым кандидатом. Главное Управление Восточной Сибири, обязанное далее представить г. Министру внутренних дел достойнейшего из трех выбранных кандидатов, несмотря на то, что Итэгэлов, как лицо не духовного, а светского звания не имея никакого права на баллотировку и что выборы его были допущено прямо-таки незаконно, что вдобавок к этой незаконности он получил еще и меньше число голосов, чем Ваниев, тем не менее, рекомендовало Итэгэлова как достойнейшего кандидата, почему он и был утвержден Высочайшею властью в звании хамбо-ламы, с выдачею ему установленной высочайшей грамоты на это звание. Таким образом, дело незаконного утверждения Итэгэлова в звании хамбо-ламы прошло совершенно благополучно для него самого, но

именно с этой поры началась тревожная жизнь лам Янгажинского дацана. Потерпевшая неудачу в своем правом деле партия Ваниева начала громко обвинять как русское, так свое собственное бурятское начальство в несправедливости и грозило обжаловать все дело выборов хамбо-ламы перед высшим правительством. Хамбо-ламу Итэгэлова открыто называли <л. 74> мошенником, старейших лам Янгажинского дацана обвиняли в том, что они, будучи заведующими делами своего прихода, не заявили своевременно, что Итэгэлов, как отказавшийся от ламского звания и перешедший в сословие простолюдинов, не имел никакого права на баллотировку; ширетуя Мархилову помимо этого обвинения ставили в вину еще то, что он, зная все происки Итэгэлова, тем не менее давал о нем одобрительные отзывы, которые и легли в основу суждений собрания об Итэгэлове. Все янгажинцы были глубоко подавлены совершившимся, а болезненный ширетуй Мархиллов не мог даже пережить этих событий и, прохворав около месяца, скончался. На его место ширетуем Янгажинского дацана был назначен старейший в дацане гелун-лама Аюшиев, проуправлявший дацаном не более месяца, т. к. к этой поре окончилось дело Итэгэлова по поданному им в июле месяце прошению о возвращении его на должность ширетуя Янгажинского дацана 8 декабря 1910-го года и. д. хамбо-ламы ширетуй Гусиноозерского дацана Ваниев предложением на имя Аюшиева уведомил, что Итэгэлов вторично назначен ширетуем Янгажинского дацана, почему он, Аюшиев, и обязан передать Итэгэлову все дела по управлению дацаном. Хотя Итэгэлов в новое управление дацаном и не вступал, тем не менее, с формальной стороны дело его утверждения хамбо-ламою приведено <л. 75> в порядок: высочайшая грамота на звание хамбо-ламы выдавалась теперь уже не простолюдину, а ширетуя Янгажинского дацана. Такая постанов-

ка дела значительно обескураживала противников Итэгэлова, ибо они хорошо понимали, что с внешней стороны дело утверждения будет обстоять теперь законно, а, возбудив иск и даже добившись производства следствия по числам, едва ли можно достигнуть желаемого. Мало-помалу волнение их улеглось, хотя глухие раскаты негодования слышны еще и доселе. В настоящее время отношение бурят к Итэгэлову, можно сказать, терпимое, т. к., сознавая, что он захватил власть мошеннически, они тем не менее ничего не могут сказать против его управления, за все время которого Итэгэлов неустанно проявлял и проявляет свои заботы о возвышении ламаизма. В упрек ему ставят только многочисленные поборы, хотя и для этого находится извинение в том, что Итэгэлов человек не богатый. Не только поездки в Петроград, а даже в Иркутск, Читу и, наконец, в Верхнеудинск совершаются им не иначе, как на общественный счет, и обыкновенно перед или после каждой такой поездки он пишет письмо в тот или другой дацан о высылке ему 150, 300, даже 500 рублей. Особенного недовольства при рассказах об этом, однако, не выражается и разговор обычно переносится на сравнение личности Итэгэлова с Ирелтуевым.

<л. 76> Последний, помимо личной собственности, унаследованной от родителей, был еще известным как в русской, так и в бурятской среде врачом и получал от своей практики от 12 до 15-ти тысяч в год. Имея такой достаток, Ирелтуев, конечно, не нуждался в дацанских подачках. Не то Итэгэлов, который, не имея никакой собственности, в то же время не имеет у себя и никакой специальности, дающей ему хотя бы малый заработок. Ничем не возвышаясь над толпою других лам и, напротив, уступая многим из них в своих познаниях, Итэгэлов, естественно, никогда не получит у бурят ни того уважения, ни того авторитета, которым должен бы пользоваться хамбо-лама.

С внешней стороны Янгажинский дацан изменился весьма мало со времени моего первого знакомства с ним в 1909-м году. Как было уже замечено выше, первая из построенных за последнее время кумирен здесь была окончена в 1913-м году и, это кумирня в честь Докишитов. Ныне она является самую обширную из янгажинских кумирен и своим объемом превосходит не только главную кумирню дацана, но даже и Шигэмунийн сумэ, история возведения и обращения которого в цанитскую кумирню была подробно описана мною в отчете 1909-го года. Что касается другой заново отделанной кумирни, которую в своем представлении Министерству буряты называли <л. 77> кумирню Абиды, а мне в первую мою поездку называли кумирнею Дэвачжина и которая была в сущности подготовленным лабраном для ночлега Далай-ламы, обращенным потом в сумэ, то она собственно изменилась при настоящей перестройке очень мало и основное значение этой перестройки состояло в том, что разрешением ее Министерство косвенным образом узаконило ее существование, тогда как она была построена и существовала затем без разрешения, а следовательно подлежала уничтожению. Как совершенную новинку для дацана следует отметить еще постройку вокруг него каменной ограды. Постройка эта была разрешена Иркутским генерал-губернатором только 28-го августа 1915-го года и в настоящее время еще не окончена возведением. Ограда устраивается из неотесанных плит песчаника, которые кладутся плашмя одна на другую и скрепляются раствором извести. В общем получается каменная стена чрезвычайно некрасивая, в силу неровности и грубости своей работы, хотя на сооружение ее было сразу пожертвовано 1080 руб., а засим сумма пожертвованных возросла до 3½ тысяч» [1].

Таким образом, архивные материалы А. М. Позднеева являются письменным документом не только собственно истории дацана, но и фактом, свидетельству-

ющим об общей ситуации того периода отдельно взятого Янгажинского дацана.

Так как в материалах А. М. Позднеева содержатся записи устных сообщений (как известно, подобные источники

являются субъективными), то требуется привлечение других исторических документов для их подтверждения или опровержения.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00444 «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы».

Примечания

I. Бренд – это совокупность рациональных и эмоциональных доказательств для привлечения большего количества потребителей, и с этой точки зрения Итигэлов, как и БТСР, на наш взгляд, один из брендов республики. Основные цели любого нового бренда – это привлечение максимального количества его поклонников и закрепление на рынке.

II. Позднеев Алексей Матвеевич (1851–1920), видный российский востоковед. Профессор Санкт-Петербургского Императорского университета, почетный член Нидерландского географического общества, председатель научного отдела Императорского Русского археологического общества. Автор известных монографий «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии» (1887), «Монголия и монголы» (1896–1898), автор многих научных статей. В ходе экспедиций по бурятским дацанам в начале XX в. собрал уникальную коллекцию предметов буддийского культа, книг, икон, одежды, задуманную им как пособие по буддийскому пантеону и символике северного буддизма. В 1909 и 1916 гг. по заданию Министерства внутренних дел был направлен для ревизии в бурятские дацаны.

Источники и литература

1. Рукописный архив Института восточных рукописей РАН, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 132, 133, л. 65–77.

2. Завещание бурятского Тутанхамона. Буддийский святой и после смерти живет всех живых // Парламентская газета. – 2002. – 22 ноября.

УДК 294.3

Д. В. Аюшеева

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТИБЕТСКОГО БУДДИЗМА В ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ

Рассматриваются и анализируются исторические и социокультурные предпосылки распространения тибетского буддизма в странах Западной Европы и Северной Америки.

Ключевые слова: буддизм, западная и восточная культура, западный менталитет, буддийские организации.

D. V. Ayusheeva

SOCIAL AND CULTURAL FACTORS OF THE DISSEMINATION OF TIBETAN BUDDHISM IN THE WESTERN WORLD

In the paper the author considers and analyzes the historical, social and cultural factors of the dissemination of Tibetan Buddhism in the West.

Key words: Buddhism, Orientalism, Occidentalism, Western mentality, Buddhist organizations.

Существуют все основания для утверждения, что тибетский буддизм на современном этапе своего развития закрепился в странах западного мира как институт религиозной веры и личностной социализации, о чем свидетельствуют многочисленные и разнообразные по назначению центры: образовательные, медитативные, тибетской медицины, которые привлекают тысячные аудитории адептов. Это позволяет утверждать, что тибетскому буддизму удалось вписаться в культурную реальность Запада. С другой стороны, и тибетский буддизм развивается с учетом особенностей новой для него политической, социальной и духовной структуры и пребывающей в ней личности. Такое взаимовлияние имеет более чем сорокалетнюю историю и, очевидно, будет углубляться и в дальнейшем.

Успешное и интенсивное развитие тибетского буддизма в условиях инокультурной среды объясняется историческими и социокультурными условиями, в которых он распространялся на Запад. Среди факторов, обеспечивших за сравнительно короткий исторический период успешное движение буддийского учения в западные регионы, особое место, безусловно, занимает буддология. Сложившаяся на Западе как самостоятельное научное направление востоковедения, она сформировала представление о буддизме как о рациональном, научном и логически обоснованном учении.

Буддологические исследования начались непосредственно с ранних контактов с азиатскими странами, результатами которых стало оформление буддологии в целом и тибетологии в частности.

Интерес Запада к Востоку первоначально был продиктован геополитическими устремлениями западных стран и потребностями их экспансионистской экономической политики, проводившейся по отношению к восточным странам. В этот период интерес к буддизму часто граничил с христианским миссионерством, которое было более заинтересовано в исполнении своей миссии, чем в доскональном и всестороннем изучении культуры восточных стран и их религий. Вместе с тем миссионеры имели возможность наблюдать за жизнью буддийских монахов, элементами религиозных практик. Некоторые из них неплохо знали восточные языки и могли в беседах с монахами почерпнуть некоторые сведения о догматике и религиозной философии буддизма. Буквально по пальцам можно перечислить исследователей, которые искренне стремились изучить чужую культуру. Они оставили ценные и точные сообщения, часть из которых вполне можно признать работами высокого научного уровня [3, с. 4]. В этот период Запад получал разрозненные сведения о буддизме: он рассматривался сквозь призму «христианоцентризма», причем, разумеется, сильно «проигрывал» при сравнении с христианством. Описания

АЮШЕЕВА Дулма Владимировна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: dulmaayush@yandex.ru.

путешествий, отчеты миссий во многом продолжали оставаться главными источниками информации о культуре и религии стран Востока. Публикации такого рода сочинений неизменно вызвали большой интерес у западных читателей.

В конце XVI в. миссионеры обратили свой взор на Тибет, страну, представлявшуюся на Западе особенно загадочной и таинственной. Среди миссионеров выделяются Франческо Орацио делла Пенна (1680–1745) и иезуит И. Десидери (1684–1733).

Итальянский миссионер Франческо Орацио делла Пенна прожил около 16 лет в Тибете. Благодаря ему европейцы познакомились с тибетским письмом, переводами сочинения Цонкапы «Ступени великого Пути» («Ламрим чхенмо» и «Пратимокши-сутры»), в которой изложены правила поведения монахов и монахинь. К сожалению, эти переводы не сохранились, но упоминаются в работах более поздних исследователей. Также он составил тибетский словарь, содержащий 35000 слов.

И. Десидери провел несколько лет в Лхасе и оставил заметки о своем путешествии в Тибет с подробным описанием Лхасы, монастырей Восточного Тибета, тибетских традиций и религии, государственного устройства страны. К сожалению, эта многотомная работа (религии Тибета был посвящен третий том) была опубликована только в 1904 г. Если его предшественники, изучая идеи буддизма, преследовали цель развенчать его как потенциального врага христианского учения, то работы И. Десидери отличает глубокое понимание основ буддийского учения [1, р. 256].

Не меньшее значение, чем миссионерская деятельность отдельных представителей западного мира, имела политика в отношении Тибета, проводимая английской Ост-Индской компанией. Со времени ее утверждения в Северной Индии во второй половине XVIII в. руководители компании не оставляли идею

завязать с Тибетом торговые отношения. Постепенно, по мере завоевания Англией новых и новых областей Индии, ее торговые интересы в Тибете все теснее переплетались с военными. Кончилось это вооруженным вторжением английских войск в Тибет в 1903–1904 гг. Но до того времени англичане уже успели основательно ознакомиться с географией, топографией, климатом Южного Тибета, а также бытом, ремеслами и другими сторонами жизни населения. Им удалось преодолеть упорное нежелание тибетских властей пропускать иностранцев на свою территорию с помощью выходцев из Непала, Сиккима, Бутана, Северной Индии в качестве агентов. Среди таких агентов был Сарат Чандра Дас (1849–1917) – образованный человек с широкими научными интересами. Основная задача, поставленная перед ним, кроме сбора материалов по истории, религии, этнографии, фольклору Тибета, заключалась в подробном описании быта и нравов тибетцев. С. Ч. Дас написал много научных работ по тибетологии. Он вывез из Тибета более двухсот рукописей и ксилографов. Многие из обнаруженных им в тибетских монастырях сочинений на санскрите считались утерянными. С. Ч. Дас перевел на английский язык множество тибетских текстов и, наконец, составил великолепный тибетско-английский словарь с санскритскими параллелями, который до сих пор остается одним из лучших [8, с. 31].

Несмотря на то, что информация о буддийских верованиях и практиках просачивалась в Европу с XIII в., представлений о буддизме как единой цельной религии не было до середины XIX в. До этого отчеты, доходившие до европейских ученых, имели в основном случайный порядок, были неточными и предположительными, если даже не фантастическими.

Первые шаги в изучении тибетского буддизма на Западе трудно назвать исследованием собственно философии

религии как таковой, но они дали к этому значительный посыл. Так, например, венгерский филолог Александр Чома де Кереш (1784–1842) посетил Тибет в 1830 г., надеясь раскрыть происхождение венгерского народа [1, с. 256]. Приобретенные тибетологические знания он рассматривал как ступень на пути к разрешению этой проблемы [8, с. 28]. Между тем, его анализ Ганжура (собрания канонических буддийских текстов, переведенных с санскрита и восходящих к Будде Шакьямуни) и краткий обзор Данжура (собрания переведенных с санскрита на тибетский язык текстов, поясняющих проповеди Будды Шакьямуни) впервые привлекли внимание к ним ученых и тем самым открыли перспективы для исследовательской работы. Этим Чома де Кереш снискал себе признание основоположника научной тибетологии.

Первым, кто представил буддизм в качестве цельной традиции и установил ее исторические истоки, был французский индолог Эжен Бюрнуф (1801–1852). Он изучал пали, санскрит, тибетские манускрипты, которые отправляли ему в Париж с Востока. Не имея каких-либо иных источников, он, основываясь лишь на этих текстах, написал книгу «Введение в историю индийского буддизма» (1844), в которой детально осветил индийскую историю буддизма и проанализировал доктрину и тексты. Хотя следующие поколения ученых значительно расширили работы Бюрнуфа и заполнили пробелы, его труд, по их мнению, отличался своей точностью.

Спустя десятилетия появились ученые-востоковеды (многие из которых признаны выдающимися исследователями), составившие три европейские буддологические школы. Первая школа ученых, англо-германская, основывалась на палийской традиции. Их работы произрастали из Общества Палийских Текстов, которое было основано Рисом Дэвидсом и в состав которого входили Каролина Рис Дэвидс, Ольденберг,

Вудвард, Хэйр, Хорнер; датские ученые Тренкнер, Фаусбелль, Андерсон и швед Хельмер Смит. Франко-бельгийская школа исследовала индийский буддизм Махаяны и Хинаяны на санскритских, тибетских и китайских текстах. Видными деятелями были Валле Пуссин, Сильвэ Леви, Э. Ламотт. Особое место занимала так называемая русская школа, которая изучала индийский буддизм в том виде, как он сохранился в тибетских текстах. Ее становление и успехи связаны с именами И. Бичурина, Я. Шмидта, Минаева, В. П. Васильева, С. Ольденбурга, Ф. И. Щербатского, О. О. Розенберга, Е. Е. Обермиллера и др.

Контакты восточных государств с западными имеют достаточно длительную историю. Однако только в начале XIX в. буддизм стал предметом интенсивного изучения в Европе. Эти исследования можно подразделить на ряд этапов, начиная с героических усилий одиночек-энтузиастов и кончая образованием национальных школ по изучению буддизма. Именно к XIX в. относится оформление нового научного направления – буддологии.

С появлением систематических исследований религиозных и философских аспектов учения буддизма (в т. ч. и тибетского) можно говорить о начале распространения собственно идей буддизма на Западе. Разумеется, далеко не все работы были написаны последователями буддизма, но очень часто буддологические исследования на Западе шли рука об руку с его апологией и популяризацией.

То, что интерес к тибетскому буддизму на протяжении всей истории его распространения на Западе никогда не ослабевал, объясняется как собственно буддологическими исследованиями, так и развитием философской и общественной мысли в Европе. Расширение мыслительных горизонтов европейской культуры, восприимчивость к инокультурному опыту не могли не повлиять на популярность и развитие самой буддологии.

В XIX–XX вв. в процесс адаптации и распространения буддизма как жизненного мировоззрения включается более широкий круг творческой интеллигенции. В этот период академическое осмысление буддизма сменяется интересом к нему как к возможности личностной реализации. Объяснить это можно тем, что с XVII в. в интеллектуальной жизни Европы отсутствовала цельная, авторитетная духовная традиция, которая могла бы предложить ключ к глубокому пониманию человеческого существования на фоне разочарования христианской традицией и экономическим материализмом.

Переводы буддийских текстов, публикации научных исследований по буддизму и проявления буддийской мысли в XIX в., казалось, давали Западу именно то, чего не хватало: системы духовной нравственности, которая не сопровождалась требованием веры в теологические догмы. То, как буддизм вошел в умы западных людей в этот период, раскрывает сильные и слабые стороны в западном восприятии этого учения. Сила заключается в глубоком и ясном схватывании доктринальных принципов буддийского учения, выраженных в работах, практически совершенных в их прозрении, логике и литературном изложении. Слабость же была в понимании буддизма как рациональной, идеальной системы, способной заменить шаткую систему верований христианской церкви [2].

Как справедливо отмечает В. Г. Лысенко, интерес к буддизму таких мыслителей, как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Э. Фон Гартман, сам по себе уже свидетельствовал об определенном кризисе европейской рационалистической традиции. Кризис выражался прежде всего в несоответствии того типа сознания, который выработала вся предшествующая европейская культура, новым (культурным, социальным и экономическим) реалиям XIX–XX вв., появившимся в результате складывания общемирового экономического рынка и развертывания

общемировых интеграционных процессов. Формирование сознания, отвечающего требованиям новой ситуации, могло осмысливаться или как задача изменения внешней среды, где действует личность, или же как задача изменения сознания средствами самого сознания. В этой связи одним из мотивов внимания к буддизму в эпоху кризиса европейской рационалистической традиции было не просто стремление расширить кругозор европейца, но, прежде всего, потребность в знакомстве с учением, выработавшим специальные методы овладения сознанием в целях радикального изменения его природы и достижения определенного идеального состояния [5, с. 40–41].

В это же время, в начале XX в., стали образовываться религиозные общества, сначала теософские с выраженной ориенталистской направленностью, затем непосредственно буддийские, которые стали чисто западной институциональной формой существования буддизма в инокультурной среде. Деятельность буддийских обществ, центров и групп сформировала и укрепила традицию терпимости в отношении нетрадиционных для Запада религий, культов, традиций, добилась равноправного и адекватного диалога культур. Преодолевая конфессиональную ограниченность, они способствовали развитию широкой системы синкретизма, включающей элементы светской, а не только религиозной культуры.

Необходимо отметить, что распространение любой культурной традиции, в т. ч. религиозной, сопровождается оформлением и развитием ее системных элементов. По их численности, масштабности (национальной или локальной), количеству членов, длительности и стабильности существования, значимости в создании и поддержании культурных образцов можно судить и об успешности самого процесса распространения. Первые буддийские организации на Западе, возникнув как буддологические сообщества,

несомненно, сыграли весомую роль в формировании именно той ситуации, какую мы наблюдаем сегодня. Признавая и внедряя в общественное мнение мысль о научном философском богатстве буддизма, они привлекли к нему, прежде всего, высокообразованных представителей западной культуры. Образовательная, издательская, переводческая активность, которая стала возможной благодаря этому мощному привлеченному ресурсу, обеспечила буддизму статус интеллектуальной религиозной традиции, обусловила интерес к нему многочисленной западной аудитории. На этой подготовленной почве оформились последующие буддийские сообщества, в т. ч. и принадлежащие традиции тибетского буддизма. На сегодня они признаются самыми многочисленными организациями, что стало возможным, на наш взгляд, только в результате накопленного совместного опыта взаимодействия западной и буддийской культуры.

Одним из немаловажных факторов, повлиявших на принятие тибетского буддизма, являются сами носители буддийской традиции – мигранты из Китая, Японии, Кореи, Вьетнама и других стран, для которых буддизм остается в первую очередь средством сохранения религиозно-культурной идентичности и духовного наследия. Благодаря их многочисленности он сразу был воспринят не как единичное, а как массовое проявление иной для Запада культуры. Когда десятки тысяч эмигрантов исповедовали религиозное учение, активно демонстрируя свою приверженность ему строительством храмов, соблюдением религиозных обрядов и ритуалов, воспринимая среда западного общества не могла не проявить интереса, хотя бы из-за разительных отличий собственной культуры от наблюдаемой культуры Востока. Несмотря на тот факт, что в среде простых выходцев из стран Азии доминировала внешняя или атрибутивная сторона буддизма, им не только удалось сохранить свою религиозную направлен-

ность, но и выдвинуть буддизм как фактор национальной идентичности.

Особого внимания заслуживают буддийские учителя-эмигранты, заложившие основу интерпретаторской деятельности и практического применения буддийской теории. Это стало важным этапом в истории буддийского движения на Западе. Начало этому было положено серией лекций, прочитанных Д. Т. Судзуки в период с 1950 по 1958 г. – сначала в Северной Америке, а затем в ряде других западных стран. Деятельность Судзуки оказала огромное влияние на формирование западного варианта буддизма. Судзуки и его ученики на Западе сделали попытку представить буддийскую философию и практику в терминах европейской науки и культуры, подготовив тем самым более адекватный диалог двух культур. С этого момента буддизм стал постепенно превращаться в явление западной культуры, утратив при этом многие традиционные черты. Следует отметить, что «интерпретаторы» не просто искали аналогии в западной и буддийской традициях, они «заполняли пустоты», оставленные западными философскими и религиозными системами и ставили акценты на тех идеях, которые, как правило, находились на периферии западной мысли. Такой подход дал толчок к появлению обширной «интерпретаторской» литературы по буддизму, стремившейся адаптировать буддийские идеи к некоторым идеям западной философии, психологии, обогатить ими традиционную систему западного мировоззрения. Появились сравнительные работы по дзэн-буддизму и экзистенциализму, буддизму и психоанализу и др. Многие из этих западных направлений пытались творчески использовать некоторые фундаментальные положения буддизма.

Деятельность Д. Т. Судзуки вызвала в США и Западной Европе «дзэнский» бум. «Дзэнская» революция, сравнимая с сексуальной или «психоделической» революциями, привлекла к этому направлению буддизма многотысячную аудито-

рию, разнообразную в своей социальной принадлежности: от хиппи и «битников» до академической интеллигенции.

Благодаря буддийским учителям в западном обществе того периода буддизм перестал быть предметом только интеллектуального спроса, возникла потребность и в практическом применении учения через интерес к медитации. Это объясняет появление значительного количества популярной литературы по буддизму, посвященной не столько теоретическим и мировоззренческим проблемам, сколько буддийской практике. К этому же периоду относится образование множества буддийских общин, которые возглавлялись, как правило, буддистами из стран Востока и до сих пор играют большую роль в распространении и популяризации буддизма.

Используя этот неоценимый опыт, тибетские наставники сумели донести учение своей древней традиции, обеспечив не только его бесконфликтное и успешное распространение, но и решив более важную задачу – сохранения чистоты учения.

К моменту появления тибетских лам во второй половине XX в. в западном обществе ощутимым стало разочарование в ценностях техногенной цивилизации, приносящей комфорт, удобства, чувственные наслаждения, и понимание, что такие мирские наслаждения не приносят длительного внутреннего счастья. Все благоприятствовало восприятию восточных религий в целом и буддизма в частности. Иными словами, Запад был готов к восприятию буддизма более фундаментально.

В условиях техногенной цивилизации жизненное, социальное самоощущение людей все больше обуславливается такими мотивами, как «социальная и психологическая неустойчивость и неуверенность в будущем», «экономические и социальные трудности» и т. п. Государственно-монополистическое общество порождает массовые ощущения «отчужденности», «заброшенности», «не-

укорененности», «тревожности». Отсюда кризис традиционных идеалов рационального индивидуализма, болезненно протекающие процессы формирования «конформистской» идеологии, единых ценностей, групповых вкусов и стереотипов. Отсюда «вакуум идей», поиски «смысла жизни» [6, с. 75].

Такие настроения в 60–70-е гг. XX в. стали более острыми и тревожными. Среди причин этого как внутриполитические конфликты (инфляция, безработица, рост преступности и т. д.), так и пугающие события международной жизни: непрекращающиеся войны, реакционные политические путчи, международный терроризм, прогрессирующее обострение глобальных проблем.

В русле широко распространившихся на Западе «антисциентических» настроений, исходящих из мысли о том, что передовая наука и техника ответственны за фундаментальные, глобальные коллизии современного мира, люди приходят к выводу о том, что доверять можно лишь собственному опыту, собственным размышлениям и переживаниям. Подобные идеи получают определенное подтверждение в восточных религиях, утверждающих, что внутренний опыт выше любых рационально построенных доктрин, что обретение душевного покоя человека необходимо искать не в социальной сфере, а в самопознании интуитивно постигаемого откровения. Возможно, по этой причине на начальном этапе распространения тибетского буддизма, в отличие от предыдущих периодов, делается упор на буддийскую практику, особенно на практику медитации. Превалирует отнюдь не схоластическое изучение буддийских текстов и доктрин или же попытка интерпретировать учение через призму западной мысли, а именно адаптация буддизма как практического метода, который может произвести глубокие перемены внутри самого человека, а также создать определенный образ повседневной жизни. Буддизм рассматривается в некотором смысле как путь к пробужде-

нию, путь, который приносит глубокое понимание ума и делает возможными новые рамки самого существования. С этого этапа вплоть до настоящего времени буддизм становится средством духов-

ного преобразования через собственный опыт, через прозрение, к которому невозможно прийти только лишь в результате научной или иной рефлексии.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00444 «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы».

Литература

1. *Tarthang Tulku. Buddhism in the West // Crystal Mirror. Vol. VII. Annual of Tibetan Buddhism.* – Berkeley, 1984. – P. 253–281.
2. *Бхиккху Бодхи. Буддизм в Европе.* Режим доступа: http://www.theravada.ru/History/New-history/Buddhism_in_europe.html.
3. *Дэви-Неел А. Посвящения и посвященные в Тибете.* – СПб.: ОРИС, ЯНА-ПРИНТ, 1994. – 367 с.
4. *Конзе Э. Буддизм: сущность и развитие / Пер. с англ. И. Беляева, под ред. С. В. Пахомова.* – СПб.: Наука, 2003. – 288 с.
5. *Лысенко В. Г., Терентьев А. А., Шохин В. К. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма.* – М.: Восточная литература, РАН, 1994. – 383 с.
6. *Митрохин Л. Н. «Религии нового века» в США // Вопросы философии.* – 1982. – № 4. – С. 73–82.
7. *Сафронова Е. С. «Западная колесница»: Буддийские организации, движения и группы на Западе. Рукопись.* – М., 1996. – 252 с.
8. *Цендина А. Д. ...и страна зовется Тибетом.* – М.: Восточная литература, 2002. – 304 с.

II. Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии
The Mongolian Peoples: Historical Experience of Transformation of Asian Nomadic Societies

УКД 94 (5)

Б. В. Базаров

**МОНГОЛЬСКИЕ НАРОДЫ:
 ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ
 И ЦИВИЛИЗАЦИЙ XVII–XXI ВВ.**

Показан сложный и многогранный путь, пройденный монгольскими народами за четыре столетия от завершения эпохи чингисидов до современной демократической Монголии. Основные этапы этого пути: «малые ханства», монголо-китайская государственность в Восточной Азии, присоединение этнической Бурятии к Российской империи,

национально-освободительное движение и Синьхайская революция, Монгольская Народная Республика, современная демократическая Монголия.

Ключевые слова: монгольские народы, Центральная Азия, малые ханства, маньчжурский период, колонизация Сибири, Монголия, Россия.

B. V. Bazarov

**THE MONGOLIAN PEOPLES:
A HISTORICAL EXPERIENCE OF INTERACTION OF PEOPLES
AND CIVILIZATIONS, 17TH – 21ST CENTURIES**

The article describes a long and complicated way that the Mongolian peoples went through over the four centuries after the end of the Chingisid epoch to contemporary democratic Mongolia. The main stages of this way comprise the “small khanates”, Mongolian-Chinese statehood in East Asia, incorporation of ethnic Buryatia into the Russian Empire, the national liberation movement and the Xinhai Revolution of 1911, the Mongolian People’s Republic and contemporary democratic Mongolia.

Key words: Mongolian peoples, Central Asia, small khanates, Manchu period, colonization of Siberia, Mongolia, Russia.

Распад мир-системных связей монгольского мира к началу XVII в. сопровождался образованием множества разрозненных объединений, и логика деградации кочевого мира становилась предметом формирования новой региональной и локальной политики, изучение которой даже в отдаленно отстоящем историческом периоде не теряет своей научной и политической актуальности. Понятно, что эти регионы являются зоной особого внимания государств Евразии, состояние политического климата и реакция общественности на широкий круг проблем должна быть изучена и адекватно воспринята. Разные территории формировались в различной исторической обстановке, и даже, казалось бы, трансграничный характер их взаимодействия только подчеркнул центробежные характеристики этого сложнейшего геополитического процесса [1; 4].

Формирование монгольских территорий в Центральной и Восточной Азии явилось результатом сложных процессов смены основных мировых систем и

центров. Доминирование в основных мировых системообразующих центрах кочевых сообществ, насчитывавших практически полтора тысячелетия, завершилось распадом Монгольской империи. Огромная территория ареала монгольских народов стала предметом передела в сферах интересов новых государств и сообществ, а инерция распада обладала такой тектонической мощностью, что не позволила определиться новому созидательному лидирующему политическому центру монгольской кочевой цивилизации. Эта роковая характеристика децентрализации и деградации монгольской мировой системы стала лейтмотивом глобального геополитического разделения мира Евразии.

Период «малых ханств» начала XVII в. характеризуется существованием множества государственных и полугосударственных объединений, ханы которых находились в ситуации сложнейшего выбора между консолидацией в единое государство и групповыми прагматичными интересами собственных региональных

БАЗАРОВ Борис Ванданович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, председатель Президиума Бурятского научного центра СО РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: bazarov60@mail.ru.

позиций. Эта сложная амальгама идей и интересов не имела ничего общего с прошедшей историей империи. Возможно, и сам дух империи стал слишком сложной духовно-политической ношей, которую бы могли нести политические элиты и лидеры. Эта деградация была несовместима с единением страны, тем более, что, как бы повторяя ошибки их предшествовавших исторических жертв, каждый из них мыслил даже в условиях враждебных отношений между территориями выжить и развиваться самостоятельно.

Южная территория монгольской ойкумены, при видимом доминировании Чахарского ханства, делилась на несколько полузависимых ханств. В северной Монголии находились Тушету-ханство, Сэцэн-ханство, Дзасакту-ханство, в конце XVII в. Сайн-нойон-ханство. В западной Монголии утвердилось государство Алтан-ханов. В самом начале XVII в. здесь возникло крупное Ойрато-Джунгарское ханство. Мир и дружеские соглашения покинули распавшиеся территории монгольского ядра великой кочевой империи. Реальностью стала оживленная борьба разных внутригосударственных объединений за лидирующее положение в Великой степи, окончательно истощившая остатки бывшего могущества империи.

Сформировавшееся мощное Маньчжурское государство, используя эти системные противоречия, сумело утвердить свое положение в монгольском мире и, используя древнее правило управления миром «разделяй и властвуй», обратило противоречия конкурентов в свою пользу. Эволюция распада монгольского сообщества приобрела необратимый характер, стали углубляться центробежные тенденции, значительная часть территорий, даже не заявляя автономий, стала самостоятельно распоряжаться ресурсами бывшего государства.

Надо отметить, что значительная часть земель, ныне входящих в Восточно-Сибирскую окраину Российской Федера-

ции, в тот период считалась периферией политического мира Восточной Азии, придатком настолько естественным, что никто не считал необходимым прислушиваться к развитию политического и социального процесса в этих «диких» лесостепных зонах, пребывая в полной уверенности их зависимого положения. И поэтому обратная связь не сработала в тот момент, когда территории северных окраин монгольского мира вслед за усилением ойратских политических объединений в Монголии приобрели устойчивую тенденцию к самоопределению в рамках новых геополитических координат. Появление халхаских и бурятских самостоятельных младоэтнических образований, тяготеющих к разным полюсам новых центров мировых сил, довершило общую картину новой конфигурации внутривнутриполитического размежевания монгольских народов и государств.

Несмотря на то, что многие аспекты формирования цинского Китая установлены исторической наукой, представляется необходимым определить некоторые акценты, на наш взгляд, не всегда адекватные реальному историческому процессу. Дело в том, что динамичные события XX в. (Синхайская революция, государство Маньчжоу-Го, разгром Квантунской армии) вызвали ренессанс китайской и монгольской национальной идеи. Поэтому в историческую мысль и методологическую основу исследований вошли идеи вождей – основоположников стран новой формации азиатского пространства. Ввиду этого многовековая история цинского правления стала рассматриваться как сплошная полоса антиманьчжурского национально-освободительного движения. Не вступая в полемику по существу проблем освободительного движения, отмечу, что доминирование этого взгляда в качестве методологической научной основы привело к принижению истории Китая, сформировало ущербность представлений о нем как целостной цивилизации, создало

миф об его отсталости. Это не могло не сказаться и на описании его региональной истории, а также на монгольской историографии.

В историографии принято выделять несколько этапов маньчжурского завоевания монгольского пространства – Южной Монголии, Халха-Монголии и Западной Монголии, из чего делался вывод о соответствующих этапах освободительной антиманьчжурской борьбы монголов. Соглашаясь в целом с подходом предшествующих авторов, отметим, что любое движение в этом сложном историческом процессе нельзя трактовать однозначно, тем более когда это касается кочевой истории. Каждый этап маньчжурского завоевания был поступательным, не знал поражений с точки зрения государственной стратегии, опирался на глубокое знание проблем монгольского трайбализма и разобщенности степных народов. С каждым новым этапом маньчжуры рекрутировали себе союзников из покоренных народов, противопоставляя друг другу бывших друзей и союзников. Одновременно они осуществили покорение Китая, двигаясь исторической тропой, проложенной Чингисханом и Хубилаем. Таким образом, была создана новая маньчжурская парадигма монголо-китайского государства в Восточной Азии. Падение маньчжуров было предопределено демографическим несоответствием в рамках управляемой территории и только управленческие умения в совокупности с особенностями китайского менталитета и подавления национальных элит отсрочило этот процесс де юре.

Необходимо правильно оценить тот факт, что каждый из этапов маньжурского продвижения характеризовался усилением его тылов и в течение длительного периода, практически в полтора века, этот почерк мало менялся, обнаруживая удивительную стратегическую последовательность, всегда приемлемую тактическую подвижность, а главное – высокий уровень эффективности при до-

стижении результатов. Нужно еще раз не только установить знаменитую челночную политику маньчжуров, но и правильно синхронизировать деятельность различных территорий монгольского мира в период завоеваний. Можно обратить внимание на то, как складывалась ситуация с чахарскими территориями Южной Монголии. С 1616 по 1636 г. шла затяжная схватка южных монголов во главе с чахарским Лигдэн-ханом. Фактически не только за счет умелых военных действий, но и за счет использования тонкостей номадного наследования и особенностей внутриплеменного расклада длительная борьба завершается в пользу маньчжуров. Затем в союзе с южными монголами маньчжуры отхватывают прилегающие китайские территории. Южная Монголия фактически признает маньчжурское государство и в дальнейшем выступает как его неразрывная часть, вполне удовлетворенная их властью. Затем с 1637 по 1691 г. в полной драматизма борьбе покоряется Внешняя Монголия. И на обратном ходу «челнока» покоряется территория Китая времен Хубилая. Затяжная (с конца XVII до середины XVIII в.) война в Западной Монголии также завершается успехом. Войны в Джунгарии и Халхе недостаточно квалифицировать как национально-освободительные. Это – завоевание независимых государств в рамках осуществления маньчжурской доктрины нового китайского государства.

Усиление маньжурского давления на территорию монгольских государств, аннексирование значительного пространства, небывалое ранее продвижение в Центральную Азию вызвало стремление к освободительному движению, серию драматичных столкновений, битв и сражений, еще плохо прописанных в российской историографии. Раздробленность монгольского мира, умелое дипломатическое маневрирование маньчжурского руководства, его выверенная стратегия и тактика позволили определиться им как новым доминионам Азии.

Затянувшийся ойрато-халхаский конфликт конца XVI – начала XVII в., развивавшийся с переменным успехом, привел к непримиримому противостоянию всю монголосферу и к стремительному ослаблению концепта государства, а калейдоскопическая смена политических лидеров – к окончательному падению авторитета власти. Это обстоятельство привело к усилению позиции нарастающего Маньчжурского государства, умело использовавшего нетерпимое противоборство враждующих сторон.

В этих условиях окраинные этносы были вынуждены находить новые выходы из сложившихся исторических тупиков. В сложной политической коллизии неожиданно проявились новые пути, которым было суждено стать магистральной перспективой, определившей судьбы народов монгольского мира. Показательна судьба северной Монголии, более известной в современном мире как Бурятия.

Продвижение казаков в сибирское пространство, в начальный период носившее спонтанный и стихийный характер, в течение незначительного времени приобрело характер продуманной политики освоения Российским государством громадной территории. Не останавливаясь на оценке и деталях этого сложнейшего государствообразующего процесса, отметим, что присоединение территорий Восточной Сибири, включавшей обширные земли «братских народов», как называли бурят русские первопроходцы, было сложным и неоднозначным, однако поступательным и восходящим.

Созданные на территории Забайкалья Удинский, Селенгинский, Баргузинский, Нерчинский, Иркутский и другие остроги образовали сеть военных укреплений, обеспечивших контроль над территорией края. Уже в скором времени эти остроги стали и административно-политическими, и торгово-экономическими центрами. Построение острогов, появление вокруг них заимок служилых людей

и пашенных крестьян способствовало оживлению мирных торгово-меновых и бытовых отношений между бурятами. Складывание мирного диалога с бурятским населением, усиление положительной комплиментарности, а также взаимное проникновение культур фактически определило волю народов и завершило процесс присоединения Бурятии к Российскому государству. В развивавшемся геополитическом противостоянии в Восточной Азии опора на складывавшиеся положительные отношения с местными этническими объединениями сыграла решающую роль.

Присоединение территории этнической Бурятии к России шло в течение целого столетия. Несмотря на разнообразие методов расширения границ Российского государства, изобиловавших и силовыми, и колонизационными мерами, исследователи приходят к выводу о том, что буряты не были завоеванным народом. В сложных условиях геополитических перераспределений во второй половине второго тысячелетия бурятский народ сделал самостоятельный исторический выбор, определив свое развитие в рамках Российского государства [2]. Этот выбор был, несомненно. Разные этнополитические группы и союзы могли определить на разных этапах выбор в пользу Джунгарского государства, покориться перед нарастающей мощностью маньчжурского давления, настоять на халхаском союзе или закрепиться на позициях «самостийности». В ходе обретения нового взгляда на реальность существовавшего мира, исходя из особой ответственности родоплеменных сообществ перед будущими поколениями, древние автохтоны Сибири определились в выборе Российского государства.

Это положение не противоречит главному тезису российской историографии о покорении, завоевании и колонизации Сибири, а только подчеркивает пестроту и сложность этого процесса на гигантской исторической площадке. За-

метим, что на освоение сибирского пространства двинулись не государственные структуры, не оснащенные царским доверием дипломаты и чиновники, не армии, подчинявшиеся правилам и уставам, а подвижные купеческо-казацкие группы, которые и сформировали стихийную тактику присоединения земель. Подавляющее большинство из них не знали ни родины, ни флага. Настроения этих групп были сродни знаменитому в последующем «духу Клондайка». Они не шли за «землей обетованной», не искали «землю и волю», не хотели создавать новых государств. Надо понять состояние души многих из этих удивительных подвижников, которым не стоило большого труда, а было делом чести, подвига и героизма сходить в разбойничий набег за «зипунами» куда-нибудь в Персию, поживиться на «большой дороге» за счет неосторожных купцов, вступить в бой за свой небогатый скарб. Все это покрыто духом и буквой казачьей вольницы, скрепленной десятилетиями воинского братства. Пример Ермака Тимофеевича, одного из авторитетных старшин, сложившего буйную голову в таких же походах, как будто прорвал уральскую плотину. Десятки, сотни отрядов ринулись искать счастья на огромных сибирских просторах в поисках совершенно осязаемого запаха денег, добычи, золота и серебра. Этот стихийный поток постепенно начал регулироваться купеческим сословием, деловым людом, который хорошо размечал пути следования лихих людей. И лишь затем резко увеличилась регулирующая роль государства.

Приход русских в Приангарье и на Верхнюю Лену, непосильные поборы ясака, погромы казачьими отрядами улусов, произвол и притеснения со стороны администраций острогов дали мощный импульс к сплочению всего предбайкальского населения. Особенно остро чувство единства проявилось в середине 40-х – начале 50-х гг. XVII в., когда буряты сообща стали поднимать

крупные вооруженные восстания. Одновременное участие в верхоленском восстании булагатов, эхиритов, батулинцев, ашебагатов, хонгодоров и других племен и родов, выставление ими объединенных отрядов численностью до 2 тыс. человек, несомненно, свидетельствует о существовании западнее Байкала коалиции племен. Об этом же убедительно говорят и ангарские события. Обещание, а затем исполнение угрозы побить русских на Белой и Голоустной показывает, что предбайкальцы в понятие «родина» включали все Предбайкалье, а не только территории отдельных родов и племен. Здесь будет уместно подчеркнуть, что существовавшее мнение о неразвитости бурятских племен и объединений перед присоединением к России не выдержало проверки на научную состоятельность. Это произошло в результате недооценки процесса распада и деградации монгольской мирсистемы во всех параметрах. Социально и политически угнетенное и депрессивное состояние монгольских (в т. ч. и бурятских) этнических сообществ, их постоянная и каждый раз все более ослабляющая конкурентная борьба привели к высокому уровню дезинтеграции, когда за выживание сообщества могли отвечать только дисперсно расположенные и замкнутые группы кочевников. При усилении центробежных тенденций в империи удаленные группы населения испытывали самый тяжелый вариант развития. Отсюда проистекает и тот странный факт, что вооружение бурят того периода соответствовало высокому уровню феодализации общества, соответствующему уровню распространения воинской идеологии, почтению к воинским процедурам. Но вся эта энергия затрачивалась на преодоление внешних угроз, большинство из которых распределялось в пределах монгольской ойкумены (в т. ч. и межплеменные распри).

Если учесть, что все русское население Северной Азии в конце XVII в. не превышало 20 тыс. (что сопоставимо с

численностью только одного крупного сибирского народа – бурят), то становится понятной сложность самой задачи русской администрации – привести в подданство и «объясачить» бурятские роды и племена. В социально-экономическом отношении буряты были одним из наиболее развитых сибирских этносов, могли оказывать и часто оказывали серьезное военное сопротивление, выставляя сотни хорошо вооруженных, но не имеющих в большом распространении огнестрельного оружия всадников. Бурятская аристократия сама получала ясак со своих южносибирских кыштым-данников и вовсе не была готова при первом появлении русских отрядов не только отказаться от ясака с подчиненных племен и народов, но и начать покорно отдавать «мягкую валюту» пришельцам. Для этого требовались очень веские причины.

События XVII в. застали бурят в состоянии раздробленности. У них отсутствовала не только государственная организация, но и федеративное объединение племен и родов. Их сопротивление русским экспедициям иногда было успешным, но в итоге они вынуждены были мириться со строительством острогов, утратой кыштым и «объясачиванием».

Сами буряты до присоединения к России были кыштымами халха-монгольских правителей и испытывали постоянные набеги монголов и джунгар. Принимая русское подданство, они получили военную защиту от беспокойных южных соседей. При этом, поскольку еще в течение многих десятилетий российско-монгольская граница была нестабильной и проницаемой, отдельные бурятские племена или роды, полностью или частично, в случаях обострения отношений с властями могли мигрировать и действительно часто перекочевывали за российские пределы, а по прошествии какого-то времени, вновь взвесив «за» и «против», возвращались на север.

Еще одна веская причина, обусловившая относительно мирное вхождение

бурят в состав России, – выгоды российско-бурятской торговли, постепенное включение в общероссийский рынок, предоставлявший в обмен на пушнину и продукты животноводства достаточно разнообразную и дешевую промышленную продукцию, во многом превосходившую товары из Монголии и Китая. К тому же буряты в тот исторический период оказались фактически отдалены от выхода в Восточную Азию огромным пространством Монголии и неупорядоченностью торгово-экономических факторов Центральной Азии.

В ходе сложного обоснования вопроса о дате проведения юбилея возникло немало вопросов, которые потребовали научного обоснования и стали предметом обсуждения нескольких научных дискуссий, творческих консультаций и дополнительных исследований. Вопрос о характере присоединения Бурятии вновь, как и многие годы назад, стал предметом обсуждения. Устоявшийся тезис о завоевании и покорении Сибири совпал со сложной общественной дискуссией конца 1980-х – 1990-х гг. о судьбах Советского государства и перспективах межнациональных отношений. В этот период 1659 год в качестве юбилейной даты был поставлен под сомнение, и для этого имелись веские основания. Участники дискуссии установили, что в результате преступных действий Ивана Похабова именно этот год был высшим пиком противостояния в Унгинской степи, когда места проживания покинули практически все балаганские буряты. Причем острый характер дискуссии повлиял на видение научной общественностью всего процесса исторического выбора народа.

Дополнительное изучение вопроса потребовало еще раз оценить предшествовавшие достижения российской историографии по вопросам присоединения территорий Восточной Сибири к России, перепроверить сложившуюся источниковую базу, определиться с геополитическими факторами распада Мон-

гольской империи и системной расстановки сил в Центрально-Восточной Азии с целью уточнения внешних мотивов в определении поведенческих стереотипов окраинных этнических групп. Необходимо было уточнить значение осторожной политики казаков, а затем и Российского государства в формировании характера межэтнического взаимодействия. Предметом особого исследования было изучение актов «шертной» дани местным населением, ее показательной характеристики для глубины взаимодействия на уровне межгосударственных значений. Все эти вопросы будут предметом научных сообщений на нашей итоговой конференции, которая никогда не расценивалась в качестве церемониальной. Но требуется пояснить один момент – дату 1661 г.

Дополнительное изучение проблемы присоединения Бурятии к России показало справедливость сложившихся в российской историографии положений о добровольном характере присоединения бурят. Несмотря на то, что этот процесс занял долгий период, в его рамках заметен резкий перелом общих настроений, когда бурятские роды и племена Предбайкалья определились с собственным выбором. Именно это обстоятельство было тонко замечено выдающимися исследователями 1950-х гг. и послужило точкой определения даты – 1659 г. Однако для большей убедительности в оценках самого процесса присоединения Бурятии к России, на взгляд представителей современной научной дискуссии, было необходимо существенно скорректировать саму празднуемую дату, отойти от условных характеристик.

Конечно, начало процесса во второй четверти XVII в. было бы привлекательным изначально, но последовавший затем период охлаждения взаимоотношений с «первопроходцами» и череда жестких конфликтов не способствовали ни до, ни после оптимистичным оценкам. Привлекательной была дата 1647 г., вре-

мя соглашения хоринцев с Московским государством. Более того – завязанная вокруг этого факта сумма исторических обстоятельств способствовала первому исследованию. Соглашение хоринских родов фактически решило судьбу бурятского порубежья и обеспечило стратегические «клещи» в вопросах присоединения территорий Байкальского региона, вызвало значительный интерес халхов, вплоть до отложения сложившейся опасной ситуации в рамках московской парадигмы. Однако то обстоятельство, что бурятский народ на тот исторический период не был консолидирован в едином пространстве, не представлял из себя целостности и находился в ситуации развитого этнического трайбализма, заставило искать другие варианты. Рубеж Нерчинского договора застал бурят, как показали исследования, уже в совершенно определенной ситуации. Именно это сформировавшееся поведение бурят позволило России «скакнуть» в Приамурье. Это заставило нас вновь вернуться к рубежу 1650–1660-х гг., когда мы были вынуждены еще раз реконструировать события и определиться с датой 1661 г. Итак, последовательность событий такова. В 1658 г. от «непотребств» Ивана Похабова унгинская степь обезлюдела. Однако действия ретивого чиновника встречают самую жесткую оценку Енисейского воеводства и Иван Похабов подается в бег. И уже другой первопроходец, случайный однофамилец по имени Яков Похабов в 1659 г. движется за сбежавшими бурятами в монгольские степи, уговаривает их вернуться, и возвращение происходит в 1660 г. А в следующем, 1661 г. состоялось решение об образовании Иркутского острога в целях более правильной политики с «бращками» народами. Поразительно, что в момент, когда Якова Похабова застал данный указ, он уже сам заложил Иркутский острог. Этот факт стал историческим для всей оставшейся этнографической Бурятии. После долгих колебаний эта дата и была предложена

Президенту Российской Федерации на рассмотрение в качестве юбилейной.

Фактическое присоединение «братских народов» на значительном пространстве Восточной Сибири позволило Российскому государству нарастить активность на рубежах Дальнего Востока и Восточной Азии. До присоединения Забайкалья и Приамурья Российское государство пыталось установить с Китаем дипломатические отношения и направляло туда несколько посольств, но они были безуспешными. В 1685 г. войска цинского императора Канси окружили, а затем захватили Албазин.

В 1689 г. в Нерчинск выехало русское посольство во главе с окольным Федором Головиным. Трудные и долгие переговоры завершились в августе 1689 г. заключением Нерчинского русско-китайского договора. Современная историография не склонна преувеличивать значение этого договора не только ввиду обстоятельств, при которых он был заключен, но и при оценке смысла, вкладываемого сторонами при его подписании. Китай императора Канси фактически диктовал собственную волю Российскому государству, считая его в состоянии даннической зависимости. И если бы свободная воля населения территорий не определилась с предельным пониманием своей исторической судьбы, передел сложившейся политической карты в Восточной Азии был бы неизбежен.

Однако, укрепившись в Забайкалье, русские служилые люди и власти острогов стали притеснять бурятское население, захватывая его земли. В 1702 г. хоринские буряты вынуждены были отправиться в Москву целую делегацию, возглавляемую зайсаном галзотского рода Баданом Туракинским с челобитной Петру I. Встретившись с делегацией, Петр I 22 марта 1703 г. издал указ, который оказался первым официальным царским документом, имевшим большое значение для закрепления за бурятами земельных угодий.

После заключения Нерчинского договора российско-китайская граница фактически отсутствовала по крайней мере около тридцати лет. Буряты, ставшие российскими поданными, не были стеснены в своих миграциях, поездках и контактах, значительно расширили свои кочевья.

Положение изменилось в 1727 г., когда российский посланник С. Владиславич-Рагузинский заключил с представителями Китая в августе Буринское соглашение, а в июне 1728 г. Кяхтинский договор. Этими дипломатическими актами русско-китайская граница была достаточно четко определена от Аргуни до истоков Енисея. Крупные миграции бурят и монголов с этого времени прекратились, и этническая картина в Забайкалье стала заметно более стабильной. Стоит подчеркнуть, что бурятское население не только не сопротивлялось этим мерам российского правительства, но проявило полную лояльность, о чем Владиславич-Рагузинский дал без преувеличения восторженный отзыв.

Так завершился растянувшийся на столетие процесс присоединения Байкальской Сибири к Российскому государству. Присоединение это явилось переломным событием в истории Бурятии и ее коренных народов, изменило весь ход истории бурятского народа и во многом предопределило его судьбу. Все культурные, экономические и политические связи Бурятии с этого момента в значительной степени были переориентированы с юга, Монголии и Китая, на север и запад.

Присоединение Бурятии имело огромное значение для Российского государства. В состав России вошла большая территория со значительным по тому времени населением, огромными природными ресурсами. Через Бурятию открылся для России наиболее короткий и удобный путь в Приамурье и Приморье.

Присоединение Бурятии к России определило ее границы с Китаем и Монголией, расширив дипломатические, тор-

гово-экономические и культурные связи с ними. Вместе с тем Бурятия посредством культурных взаимоотношений сыграла важную роль в развитии связей России с Тибетом, Индией и странами Юго-Восточной Азии. Благодаря Бурятии стало возможно установить полномасштабные контакты с Востоком, за счет взаимодействия с буддийской культурой и религией. Добавим, что после Нерчинского, Буринского, Кяхтинского договоров между Россией и Китаем были заключены Айгунский (1858 г.), Тяньцзинский (1858 г.) и Пекинский (1860 г.) договоры.

С вхождением Бурятии в состав России началось совместное освоение богатств края усилиями русского, бурятского и эвенкийского народов, несравнимо ускорилось социально-экономическое развитие края. Присоединение Бурятии к России имело историческое значение для бурятского народа. В XVII в. монголоязычное население Предбайкалья не представляло единого народа, его консолидация только началась и была скорректирована появлением мощного экзогенного русского фактора, который способствовал зарождению и развитию нового витка и вида бурятского этногенеза. С установлением государственных границ ранее совершавшиеся кочевания бурят в Монголию упорядочились и фактически прекратились. Усилилось взаимное общение бурят различных племен и родов, знакомство с особенностями быта и хозяйства, культурой, обычаями и традициями. В рамках Российского государства бурятские племена завершили свою консолидацию в бурятскую народность со своим языком и своей культурой [3].

В течение длительного периода Российское государство сохраняло бурятские административно-государственные ведомства и национальное самоуправление. В 1822 г. была проведена реформа управления в Сибири. Российским правительством по проекту М. М. Сперанского были утверждены «Учреждения для управления сибирских губерний»,

«Устав об управлении инородцев» и другие законоположения.

На основании Устава 1822 г. среди иркутских бурят были учреждены Аларская, Балаганская, Идинская, Кудинская, Верхоленская, Ольхонская и Тункинская степные думы; среди забайкальских бурят – Кударинская, Баргузинская, Селенгинская и Хоринская. В 1837 г. из Хоринского ведомства выделено самостоятельное Агинское ведомство во главе со степной думой. Более крупные ведомства имели инородные управы, а родовые управления имелись во всех бурятских ведомствах. Российское государство не только сохраняло, но и совершенствовало местное этническое самоуправление бурят. Бурятские ведомства во главе со степными думами являлись самыми крупными административно-территориальными единицами, которые приравнивались к русским уездам. Степные думы обладали достаточно широкими правами и полномочиями, чтобы решать все основные вопросы жизни общества.

Буряты, находясь в составе России, приобщились к новому уровню и способу экономического развития, земледельческому и промышленному труду, успешно развивали животноводство и промыслы, постепенно переходили от кочевого образа жизни к полuosедлому и оседлому. В связи с этим условия их быта и жизни постоянно улучшались.

В состав Российского государства буряты вошли с ценностями буддийской религии и культуры, вместе с ней освоили письменность, образование, науку, медицину, литературу и искусство. В этом отношении непреходящее значение имела русская культура, сыгравшая передовую роль в формировании содержания и новых видов цивилизационного развития народов Бурятии. Буряты сформировались, таким образом, в рамках этнического развития на стыке выдающихся цивилизаций мира. Преимущество и диверсификация кочевой культуры не только наложила печать на общее разви-

тие бурятского народа, но и повлияла на усиление диалога культур Запада и Востока.

Итак, инерция исторического распада монгольского мира носила столь мощные характеристики, что проявившиеся центробежные силы были неуправляемы и привели к разрушению видимого единства сначала Монгольской империи, а затем и монгольских государств. При отсутствии заградительных механизмов стихия исторического творчества продолжила далее свое разрушительное действие до процессов этнического трайбализма и поставила ранее консолидированное сообщество на грань полного распада. Процессы деления получали свое развитие даже тогда, когда государственность была утрачена полностью, а племена и народы в течение длительного времени находились в составе других государств. Думается, что свою роль сыграла верность кочевым племенным традициям, в то время как более цивилизованные формы регулирования социальных отношений стали уступать свое место. Так закончились тысячелетия кочевников и кочевых цивилизаций.

Это обстоятельство было чрезвычайно удобно для управления со стороны государств, в которых они находились. Отметим, что для интересов государственных границ отдаленного периода XVII–XIX вв. появление такой мощной и раздробленной группы народов на отдаленных рубежах государства не могло вызвать политически заинтересованных действий. Дело в том, что истощенные в междоусобных войнах монголоязычные племена и народы вставали под знамена и стяги мощно поднимающихся государств. Двойной интерес заключался в том, что эти народы перестали нести в себе потенциал реальной угрозы и вместе с тем, вгрызаясь в отведенное им пространство, превращались в мощную заставу на оголенных рубежах новых государств, образуя тем самым живой естественный воинственный заслон на

огромном протяжении границы. Понятно, что мотивы образования этих живых заслонов были разными, но однозначно и то, что это давало не только приток народонаселения, но и усиление границы, ее мощь и неуязвимость. Вместе с тем необходимо проследить логику исторического процесса в целом в отношении монгольских народов в Центральной и Восточной Азии, вместе с отделившимися локальными группами. В составе Российского и Китайского государств монгольским народам удалось преодолеть инерцию распада, приобрести новую способность к консолидации, восстановить и увеличить население. Никакое сильное государство не позволило бы своим подданным действовать на основе разрушения законов и права, вместе с тем выделенные территории управлялись достаточно самостоятельно, сохраняя свою самобытность и традиционные права и культуру. Был дан обширный исторический шанс для адаптации больших групп народов в принципиально иной хозяйственной и административно-политической среде. Этот рост этноса и процессы консолидации должны были в конечном итоге привести к усилению этнических центростремительных процессов и новому уровню диалога внутри государств.

Развернувшаяся к концу XIX – началу XX в. борьба за влияние в Центральной и Восточной Азии, нарастающая волна революционно-преобразующих процессов вместе с совпавшим процессом ослабления Российской империи и Китая значительно изменили геополитические преимущества положения монгольских народов и сделали актуальным вопрос об образовании суверенного государства. В этот же период интенсивно шел процесс развития автономизации монгольских народов в СССР и Китае.

Таким образом, сама группа монгольских народов со всеми суверенными правами стала своеобразным буфером во взаимоотношениях великих держав, прежде всего СССР и Китая в Централь-

но-Восточной Азии, а внутренняя автономия – своеобразным форпостом в международных отношениях. Каждая из великих стран, прежде чем войти в монгольское пространство, должна была задуматься о новых формах и предлагаемых моделях развития сопредельных территорий. Любое политическое укрепление какой-либо страны в Монголии резко негативно воспринималось политическим оппонентом. Ввиду этого модели культурно-исторического развития приобрели исключительную ценность.

Для выравнивания развития монгольских народов большое значение имел весь послевоенный период, включая так называемую «перестройку». Несмотря на драматичные разногласия СССР и Китая, обращает на себя внимание факт типологически сходной политической системы, идеологических установок, сходной модели социальных адаптаций, здравоохранения, профессиональной науки, культуры и образования. При этом подавляющее большинство вариантов развития, экспериментов падало на внутренние автономии, после чего они в апробированной форме проводились на монгольской территории. Ни одна страна не возражала против структуры, содержания и механизмов развития новой культуры и цивилизации, была только борьба за влияние, политические интересы. Результатом явилось то обстоятельство, что внутренняя способность и восприимчивость бывших центральноазиатских кочевых сообществ к культуре, знаниям, помноженные на стремление народов и племен к прогрессу, получили мощный импульс, движение, которое привело монгольские народы к выравниванию цивилизационного развития. Добавим, что это обстоятельство привело к усилению конкурентоспособности монгольских народов в мировом культурно-образовательном пространстве. Объективный историк при этом должен помнить и об огромном материальном и финансовом вкладе, который был осуществлен для достижения

этих целей. Термин «культурная революция» в нормальном, гуманитарном смысле, на наш взгляд, списывать еще очень рано. Отметим, что исторический спор о результатах XX столетия еще не получил однозначного решения, многие оценки, еще вчера казавшиеся непогрешимыми, меняются с калейдоскопической быстротой.

Безусловно, путь «культурных революций» объективно нес в себе громадный разрушительный потенциал, в его основе был заложен нигилизм к историческому прошлому, обильно настоянный на приоритетах грубо сформулированного классового подхода, безапелляционного отрицания культурно-исторического опыта народов, завоеваний традиционной культуры. Нельзя не согласиться со многими негативными оценками горького исторического опыта политико-культурных экспериментов XX в.

XXI век в видимых очертаниях несет в себе парадигму прошлого развития, особенно в тех тенденциях, которые выпукло обозначились в последние десятилетия и стали лейтмотивом эпохи. Это десятилетие было озаглавлено выдающимся историческим явлением, которое уже сейчас получило название «китайское чудо». Однако новое время привносит и новые реалии. Дисинхрония российско-китайского развития приобрела устойчивую перспективу выравнивания. Мы видим, что Россия, преодолевая настроения политической китаефобии, идет к стремительному оживлению контактов в области экономики, культуры и образования. Сам путь крупнейших реформ в Китае и России еще не получил адекватной исторической оценки, а те, что имеют место быть, несут на себе печать аберрации близости. Вместе с тем масштабный опыт Китая последних десятилетий XX в. вызывает глубокое уважение. Проводимая политика «открытого общества» дала осязаемое геополитическое преимущество Китаю, послужила подъему великой страны, обеспечила

привлечение громадных прямых и косвенных внешних инвестиций.

Для монгольских народов эта парадигма XX в. дает принципиально новую схему трансформационных процессов. Во Внутренней Монголии значительно усилились социально-экономические процессы. Размеры экономической помощи Китая только за последние годы превысили все размеры инвестиций за все годы социалистического периода в несколько раз. Исходные точки этого экономического процесса заложены, во-первых, в концепции развития Китая, потребовавшего выровнять развитие Центра и регионов, во-вторых, в политике открытого общества, в-третьих, в новом подходе к решению национального вопроса. Вся эта группа вопросов объединена внутренним, совершенно прагматичным единством. Экономика Китая исчерпала возможности изоляционистской политики к 1970-м гг. Эта политика оправдала себя на пути формирования национальной экономики, создания инфраструктуры и ресурсной основы производства, финансово-кредитной системы и товарного оборота. Отказавшись от модели тотальной экономики к началу 1980-х гг., Китай стал искать дополнительные резервы за пределами своих рубежей, отказавшись от волюнтаристской политики «опоры на собственные силы». Провозгласив принцип «открытой политики», руководители поставили во главу угла принципы коренных интересов нации, особенно в сфере накопления и инвестиционной политики. Поощряя развитие внешнеторгового оборота, они первоначально определили принципы протекционизма и сумели сформировать невиданные в мире внешнеторговые обороты. Достаточно сказать, что легкая промышленность многих стран, среди которых есть и очень развитые, буквально задавлена засильем дешевого китайского товара. Во многих странах экспансия приобрела настолько устойчивый характер, что можно говорить о раз-

ложении и деградации соответствующих отраслей промышленности. Однако поощрение этой политики столкнулось со сложной проблемой. Дело в том, что из 180 основных пунктов внешнеторгового оборота 120 проходит через территории национальных автономий. Не вступая в опасный диалог с национальными меньшинствами, даже имея колоссальное численное превосходство, в отличие от Советского Союза, Китай без ненужных деклараций перешел к принципиально иной схеме национальной политики. Внутренняя Монголия с ее крупными системообразующими автопереходами границы получила «второе дыхание». Вместе с этим процессом начинается поиск этнокультурной традиции национальных меньшинств в рамках коммунистической парадигмы. К тому же новая система хозяйствования на земле удивительным образом вызвала интерес к традиционной культуре животноводства, углубляя процесс этнической самоидентификации. Однако усиление миграционных процессов, связанных с экономическим подъемом, может существенно повлиять на размывание этнических границ. Расовая близость и многовековое сосуществование народов, проживающих на территории Внутренней Монголии, будут существенно определять этот процесс.

Монголия на пути реформ проявила удивительную способность к маневрированию и во внутривнутриполитической оси, и во внешнеполитической многовекторной ориентации. Отход от советской политической модели, сопровождавшийся коллизиями демократизации, не привел к появлению более устойчивой и содержательной модели развития. Но процессы суверенизации, национализации общественного сознания, определение государственных национальных приоритетов были, безусловно, достижением национально-демократической общественной идеи. Страна, в течение десятилетий находившаяся в зависимом положении от Советского Союза, зажата между

двумя величайшими государствами, не имеющая крупных источников саморазвития, сумела добиться равного партнерства. К тому же за последние годы Монголия сумела, уже на новой политической основе, восстановить формулу дружбы и добрососедства. Дальнейшая траектория развития Монголии будет зависеть от взаимодействия России и Китая, особенно от возможностей растущего «московского» капитала в Сибири и на Дальнем Востоке.

Рубежные регионы России, в которые входит и Бурятия, испытывают процессы прямо противоположные Внутренней Монголии. «Прирастание Сибири» может существенно скорректировать обстановку в социальной сфере, но вопросы социально-экономического, социального, культурного, этнического развития идут в явной дисинхронии с миром Восточной и Центральной Азии, демонстрируют меньше ресурсных возможностей. Между тем Бурятия проявляет высокий уровень готовности к социальному и

межкультурному взаимодействию в Центральной Азии.

Таким образом, монголоязычные народы, волей исторических судеб расположившиеся на огромных степных просторах, в XX в. прошли громадный участок цивилизационного развития, приобрели устойчивую способность к саморазвитию, конкурентоспособность в координатах развитых государств. Это обстоятельство повышает их геополитическое значение и роль. Дальнейшее развитие Евразии приведет к новому уровню взаимоотношений, в которых будет более заметна их роль, исторические корни и унаследованный веками опыт человеческого общежития. Все это еще раз подчеркивает необходимость и актуальность дальнейшего изучения истории монгольских народов, которая таит в себе огромное неизведанное поле, освоение которого потребует нашего современникам для усиления самого разнообразного диалога между народами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Литература

1. Базаров Б. В. Монгольский мир в условиях восточно-азиатского взаимодействия // Власть. – 2010. – № 9. – С. 5–10.
2. Базаров Б. В. К 350-летию присоединения Бурятии к России: исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII–XIX вв. // Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций: сб. науч. ст. – Улан-Удэ, 2001. – С. 5–11.
3. Базаров Б. В. Присоединение Бурятии к России: геополитические сценарии трансграничья XVII–XIX вв. // Власть. – 2010. – № 9. – С. 9–12.
4. Энхтувшин Б. Глобализм: Монголия и монголы // Власть. – 2010. – № 9. – С. 11–15.

УДК 33 (517)

М. Н. Балдано

**МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЭКОНОМИКЕ МОНГОЛИИ:
ПОИСК МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

Речь идет о модернизационных процессах в экономике Монголии, начавшихся в конце 1980-х гг. и продолжающихся до настоящего времени. Автор выясняет причины возникновения острого политического и экономического кризиса, приведшего к смене государственного устройства Монголии, трансформации командно-административной экономики в рыночную на материалах архивов, статистики и печати, прослеживает постепенную интеграцию страны в мировое экономическое геопространство.

Ключевые слова: экономика, Монголия, модернизация, реформы, рынок, сельское хозяйство, промышленность, экология.

M. N. Baldano

**MODERNIZATION PROCESSES
IN THE MONGOLIAN ECONOMY:
SEARCHING FOR THE MODEL OF ECONOMIC DEVELOPMENT**

In this article the modernization processes in the Mongolian economy, which started in the late 1980s and continue to the present time are discussed. The author finds out the reasons of sharp political and economic crisis that led to the change of state rule of Mongolia, transformation of the command-administrative economy into the market one on the materials of archives, statistics and press, as well as traces the gradual integration of the country into the world economic geospace.

Key words: economy, Mongolia, modernization, reforms, market, agriculture, industry, environment.

Необходимость социально-экономических изменений назрела и стала очевидной в 1980-х гг. Как видно из документов и материалов МНРП и правительства Монголии, уже к началу 1980-х гг. руководители партии и государства начали осознавать негативные явления в экономике, ее ослабление, прежде всего в животноводстве, шла приглушенная критика партийно-государственной системы. Сельское хозяйство все больше отставало от промышленности и урбанизации, от роста потребностей городского населения, развивающейся легкой и пищевой промышленности и экспорта, что привело к обострению

продовольственной и других проблем. Слабой оставалась материально-техническая база пастбищно-кочевое животноводства, низким был уровень механизации. При росте капиталовложений наблюдалась тенденция к снижению экономической эффективности, ухудшению качественных показателей. В сельском хозяйстве стали обостряться эколого-экономические проблемы: эрозия пахотных земель, деградация пастбищ и т. д.

Эти и другие проблемы свидетельствовали о нарастании внутренних противоречий в старой системе хозяйства, об исчерпании ее внутренних потенциальных возможностей и приближении

кризиса. По мнению Г. С. Яскиной, «к 1985 г. неблагоприятное положение в монгольской экономике стало громче заявлять о себе появлением таких признаков кризиса, как обострение продовольственной проблемы, дефицит потребительских товаров, рост убыточности основной массы промышленных предприятий, усиление миграционных потоков сельских жителей в города, падение жизненного уровня населения» [33].

С провозглашением в 1985 г. М. С. Горбачевым курса на перестройку в Монголии также было объявлено о начале реформ, хотя они носили эпизодический характер. Это была целевая Продовольственная программа, борьба с пьянством и др. Так, В. В. Грайворонский считает, что все эти преобразования могли бы достичь своей цели, если бы события не разворачивались столь стремительно. Он отмечает, что «если бы Советский Союз не распался или характер исторически сложившихся отношений между СССР и МНР сохранился еще некоторое время, то, соответственно, экономический кризис разразился бы позднее и не имел бы столь тяжелых последствий. Фактически же политический кризис и общее ухудшение экономического положения в СССР в конце 1980-х гг., нарушение нормальных хозяйственных, прежде всего торгово-экономических, отношений Монголии с бывшим СССР и Россией способствовали возникновению острого политического и экономического кризиса в Монголии» [30].

Учитывая зависимость монгольской экономики от СССР, вряд ли его можно было избежать. Главным способом достижения какого-либо баланса народного хозяйства руководство страны считало не коренное преобразование экономики сверху донизу, а совершенствование системы управления и улучшения хозяйственного механизма. Монголия продолжала следовать советскому образцу в области социально-экономических преобразований, в т. ч. и в проведении

рыночных реформ времен горбачевской перестройки. Политика перестройки общества не была обеспечена самообновлением партии, изменением стиля ее деятельности, предполагалось, что обновление модели развития обойдется без ломки старых общественных отношений в рамках социалистической системы. Поэтому вплоть до 1989 г., несмотря на первые митинги протеста и забастовки, МНРП придерживалась крайне медленных темпов преобразований, к тому же не распространявшихся на политическую систему.

Слабыми звеньями народного хозяйства МНР были низкий уровень развития отраслей, производивших товары первой необходимости, ограниченный по объему и номенклатуре экспортный потенциал, нерациональная структура рабочих и ИТР. 40 % годового государственного бюджета МНР формировалось за счет кредитов и помощи Советского Союза [2]. Для российско-монгольских отношений наступили сложные времена. Помимо того, что действительно возникли объективные трудности, российскую карту не без успеха разыгрывали многие монгольские демократические партии и группировки, обвинявшие Советский Союз в тяжелой ситуации, сложившейся в МНР.

По мнению В. Ц. Ганжурова, «националистическая эйфория 1990-х гг. не имела под собой серьезной базы, основывалась на мимолетных эмоциях, связанных с пониманием политики СССР в отношении Монголии как политики удерживания ее «в кулаке», а также была связана с практически моментальным исчезновением российских товаров и наступлением в Монголии «товарного голода», который был быстро устранен за счет широкого поступления китайского ширпотреба. Однако, как отмечают монгольские авторы, это не уничтожило многовекового чувства естественной привязанности русского и монгольского народов» [28].

В 1989 г. Советский Союз, чье экономическое положение становилось все более напряженным, попытался вернуть себе долги других государств. Только за социалистическими странами числилось 43,8 млрд. руб., включая долг МНР. В середине 1970-х гг. монгольский долг Советскому Союзу составлял 2,2 млрд. руб., в 1989 г. – 9,7 млрд. переводных руб. [32]. С 1991 г. встал вопрос о погашении долгов, которые достигли 11,4 млрд. переводных руб. По оценкам рейтингового агентства «Standard & Poor's», общая сумма монгольского долга приравнивалась к 10 млрд. долл. США. Накопившаяся задолженность явно превышала финансовые возможности страны вернуть долг. Переговоры по данной проблеме между полномочными представительствами двух стран официально начались еще в 1988 г. [16]. В конце 2003 г. вопрос о так называемом «большом долге» был наконец решен. Российская сторона списала Монголии 98 % ее задолженности, а монгольская сторона выплатила 250 млн. долл.

Торгово-экономические отношения между СССР и МНР вплоть до начала 1990-х гг. носили характер, присущий отношениям ведущего и ведомого. Народно-хозяйственное значение сооруженных с советской помощью крупных промышленных объектов было велико, но это не сопровождалось подъемом жизненного уровня населения. Еще одним фактором, влиявшим на ухудшение положения дел в стране, являлась неэффективная структура национальной экономики.

Ослабление руководящей роли КПСС в своей стране и в мировой системе социализма в целом способствовало кризису политического строя в Монголии. Разрыв интеграционных связей между монгольской и советской экономикой в условиях, когда делались первые попытки рыночных преобразований, вызвал цепную реакцию: экономический кризис в СССР повлек за собой кризис монгольской экономики. В этот период и в Монголии, и в России появились но-

вые силы, осознающие, что важнейшим условием поступательного развития являются устранение монополии КПСС и МНРП на власть, многопартийность, гражданские права и свободы, рыночную экономику.

Обновленческую миссию в области демократизации политического и государственного устройства взяла на себя политическая оппозиция в лице новых демократических партий, общественных движений и союзов. Их движущей силой и инициатором выступила интеллигенция, в основном молодые преподаватели столичных вузов. Нараставшее недовольство вылилось наружу после очередного VII пленума МНРП в декабре 1989 г., когда не оправдались надежды на кардинальные изменения, санкционированные сверху. Кульминацией стала голодовка 10 членов демократических движений в марте 1990 г. с требованием отставки коммунистического правительства Монголии, и оно само ушло в отставку. Когда позже генерального секретаря МНРП Ж. Батмунха спросили, почему они безропотно выполнили все требования и не был отдан приказ о применении силы, он ответил: «Мы не могли этого сделать, ведь против нас были наши же дети» [34].

К началу переходного периода Монголия от других стран социалистического содружества отличалась рядом особенностей: самым большим после СССР социалистическим стажем (годы социалистического строительства пришлось на три поколения монголов); внешне-экономической зависимостью от СССР (75 % капиталовложений, 90 % внешнего товарооборота экономики приходилось на его долю); своеобразным географическим расположением между двумя великими странами без выхода к морю; малой плотностью населения; относительной гомогенностью этнического состава без явных этнических конфликтов.

Накопление объективных противоречий и трудностей привело к необходимости коренных реформ в политической

и экономической системах Монголии. Распад СССР и СЭВ, свертывание торгово-экономических отношений бывших социалистических государств с Монголией обусловили резкое сокращение с начала 1990-х гг. притока в страну внешних ресурсов. В этих условиях стало ясно, что нужна трансформация командно-административной экономики в рыночную.

Как отмечает монгольский социолог Ц. Цэцэнбилэг, «радикальные изменения, которые произошли в политической системе Монголии в 1990 г., в т. ч. уход в отставку всего прежнего высшего руководства страны в марте 1990 г., первые демократические выборы в Великий Народный Хурал на многопартийной основе в июле 1990 г., создание многопартийной системы, ее легитимность, рост активности электората, возрождение Малого Хурала как одного из важнейших органов законодательной власти и прообраза нового демократического парламента, введение института президентства, формирование первого правительства с участием представителей оппозиционных партий свидетельствовали о начале нового этапа в истории Монголии и переходе от старой социалистической модели развития к новой, основанной на рыночных отношениях и демократии» [38].

События, которые произошли в МНР в марте 1990 г., носили революционный характер. Их можно квалифицировать как либерально-демократическую революцию, которая отразила общественные потребности своего времени: переход к политике открытости, предоставление реальных демократических свобод, легитимизация всех форм собственности.

Большинство причин, породивших революционную ситуацию, крылось в социальной напряженности, тяжелом материальном положении населения, неудовлетворенности позицией Монголии на международной арене, ее отношениями с Советским Союзом, тоталитарной

ролью МНРП в жизни государства и общества. Трудности, накапливавшиеся десятилетиями, в 1991–1993 гг. обернулись резким спадом производства и обострившимся кризисом в ведущих отраслях. Причем для Монголии они стали более драматичными, чем для России, так как она была крепко привязана к экономической помощи бывшего СССР и прекращение этой помощи поставило страну перед угрозой экономического краха.

Краха хоть и не случилось, но ситуация в 1990-х была не из лучших. В 1991 г. валовой национальный продукт сократился на 16 %, в 1992 г. – на 8 %. Объем промышленной продукции сократился в 1991 г. на 14,2 %, а в первой половине 1993 г., по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, – на 19,3 %. Годовые темпы инфляции к августу 1992 г., когда пришло новое правительство П. Жасрая, достигли рекордного уровня – 320 % в год, и Монголия попала в число 10 стран с наиболее высокими темпами инфляции. По объему производства валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения страна была отброшена на 10 лет назад. Реальное потребление продовольствия сократилось в 2 раза по сравнению с концом 1980-х гг. [2] Почти 40 % населения жило меньше чем на 1 доллар в день. И даже в 2000 г. ВВП на душу населения все еще составлял 471 доллар – ниже, чем в подавляющем большинстве стран СНГ или, скажем, в беднейшей Папуа – Новой Гвинее.

Положение усугублялось быстрым приростом населения. Демографическая ситуация требовала создания новых рабочих мест, вела к углублению бедности, сужала возможности для ускорения темпов экономического роста. Серьезным сигналом неблагополучия в народном хозяйстве стал упадок животноводства. Из-за сокращения добычи каменного угля участились перебои со снабжением электроэнергией городов и поселков. Резкое уменьшение поставок энерго-

носителей из СССР, а затем из России способствовало ухудшению условий хозяйственной деятельности, жизни и быта населения.

Власти Монголии видели выход в реализации социально-экономических реформ и привлечении иностранных инвестиций. Реформы предполагали установление широких торгово-экономических связей с развитыми странами Запада и Востока. В ст. 5 новой Конституции было провозглашено, что в «Монголии имеется многоукладная экономика, в развитии которой учитываются существующие в мире экономические отношения, а также специфические особенности нашей страны» [10]. Осуществление реформ сопровождалось практическим отказом от основных положений социалистической экономической политики.

В Концепции внешней политики, основные положения которой вошли составной частью в Концепцию национальной безопасности [11], изложены стратегия и тактика Монголии на мировой арене, сформулированы задачи ее внешнеполитического курса в конкретных областях – международной политике, экономике, науке и технике, культуре и др. Страна провозгласила курс на укрепление сотрудничества с США, Южной Кореей, Японией, Германией и другими влиятельными государствами, в т. ч. с Индией и Турцией. В то же время сотрудничество с РФ и КНР было признано приоритетным для внешней политики Монголии. Сегодня Монголия поддерживает дипломатические отношения со 140 странами мира и является членом 48 международных организаций [12].

Трансформационные процессы в Монголии осуществлялись под патронажем западных экспертов, разработавших в рамках МВФ две экономические программы в духе Вашингтонского консенсуса – «Стэнд бай» и «ESAFТ», целью которых являлось прекращение прямого государственного вмешательства в процессы трансформации, полная либерализация,

замена госсобственности частным капиталом путем ваучерной приватизации, передача земли и скота в частную собственность. МВФ предоставил Монголии льготный кредит для поддержки реформы. На выделенные средства были завершены банковская реформа, приватизация мелких и средних объектов. В частную собственность перешло от 70 до 80 % госимущества и 97 % скота.

Финансовая помощь Монголии координировалась «Международной группой доноров Монголии». Движение стран-доноров возникло в 1991 г., впоследствии оно оформилось как своеобразный международный институт для подготовки и проведения рабочих встреч и консультационных совещаний. Активное участие в оказании помощи Монголии для преодоления кризисной ситуации приняли такие международные организации, как Программа развития ООН (ПРООН), МВФ, Фонд народонаселения ООН, Международная ассоциация развития, ФАО, Мировой банк, ЭСКАТО, ВОЗ, ЕЭС. Помощь Монголии оказали Австралия, США, Великобритания, ФРГ, Дания, Италия, Республика Корея, Таиланд, Индия, Франция, КНР, Швеция, Новая Зеландия, Япония и др. По данным монгольской печати, почти 30 стран-доноров, а также 10 международных финансово-экономических организаций с 1991 по 1994 г. предоставили Монголии разнообразную помощь на общую сумму 580 млн. долл. США, из них льготных кредитов – 300 млн., безвозмездной помощи – 280 млн. долл. США. Половина этих средств была использована для расчетов с Россией за поставки нефтепродуктов, запасных частей для оборудования и на закупку продовольствия. Деятельность группы доноров Монголии развернулась после вступления Монголии в МВФ, Всемирный Банк, Азиатский Банк развития и принятия на себя обязательств по проведению рыночных реформ в рамках программы экономической стабилизации «Стэнд бай».

Лондонское совещание «большой семерки» в июле 1991 г. поддержало начавшиеся политические преобразования в Монголии и ее политику «открытых дверей», что послужило основой для оказания скоординированной финансовой помощи со стороны развитых стран. В октябре 1991 г. в Токио состоялась первая встреча группы доноров, после которой международная финансовая помощь Монголии была переведена в практическую плоскость под эгидой ПРООН. Финансовая помощь Монголии, по классификации ПРООН, различается по таким статьям, как помощь в урегулировании платежного баланса (Balance of Payments Support), техническое содействие (Technical Assistance), финансирование инвестиционных проектов (Capital Assistance), экстренная помощь и дары (Aid in Kind). Всего в 1990-х гг. прошли 7 международных встреч группы доноров Монголии в Токио и 3 промежу-

точных консультативных совещания в Улан-Баторе.

Значительная доля иностранных инвестиций в горнорудной, топливно-энергетической промышленности принадлежала международным финансовым организациям и странам-донорам. Если поступления в Монголию прямых иностранных инвестиций (ПИИ) осуществляли крупные инвесторы из шести стран (Китай, Канада, Республика Корея, Япония, США, Россия), то ссудный капитал поступал из 14 стран и международных организаций, среди которых крупнейшими были Япония, Азиатский банк развития и Всемирный банк.

В начальный период перехода от старой модели к новой Монголия получила большую помощь от ряда промышленно развитых стран. В то же время политика привлечения значительных средств от иностранных государств привела к увеличению задолженности Монголии, что,

Таблица 1

Иностранные капиталовложения в монгольскую экономику.
Страновое распределение (1990–1999 гг.)

Страны	Тыс. долл. США	%
Всего	350444,8	100,0
В том числе:		
Гонконг	91357,1	26,0
Китай	65884,6	18,8
Япония	32488,2	9,2
Южная Корея	23528,7	6,7
США	19863,2	5,6
Россия	15842,0	4,5
Болгария	14005,9	3,9
Португалия	13506,0	3,8
Италия	10571,5	3,0
Канада	10258,4	2,9
Великобритания	8463,7	2,4
Сингапур	7979,7	2,1
Тайвань	7490,5	2,1

Составлено по: Гадаад харилцааны яамны архив, ф. 119, оп. 2, д. «Монгол улсын гадаад харилцааны яам», л. 14.

в свою очередь, вызывает озабоченность общественности страны.

В условиях продолжавшегося несколько лет экономического спада приток иностранных инвестиций имел для Монголии большое значение. Без значительных для национальной экономики вложений иностранного капитала был бы затруднен переход страны к открытой рыночной экономике. Либерализация цен, приватизация и банковские реформы стали приоритетными в государственной политике Монголии. В июне 1993 г. был установлен «плавающий» курс монгольского тугрика: СКВ стала свободно покупаться и продаваться «Монголбанком». В результате произошло уравнивание права доступа к валюте частных хозяйственных и государственных предприятий.

Важным в развитии валютной политики стало принятие правительством и «Монголбанком» в сентябре 1995 г. международных обязательств по снятию ограничений на конвертируемость тугрика по текущим операциям в рамках присоединения Монголии к 8-й статье Устава МВФ. Это создало принципиально новые условия для процесса курсообразования и привлечения иностранных инвесторов. В результате динамика валютного курса стала носить плавный и предсказуемый характер, что сыграло важную роль в нормализации макроэкономической ситуации в стране.

Приватизация способствовала трудовой мотивации и в сочетании с либерализацией торговли развила рыночные силы в экономике, особенно в торговле. Однако воздействие приватизации на экономику в целом, рост производства в особенности оказалось не таким серьезным, как ожидалось. Более половины приватизированных предприятий обанкротились, а оставшиеся не могли работать в полную мощь. Это привело к сокращению выпуска продукции и объема прибыли, по сравнению с тем периодом, когда они являлись государственными.

В этот период в Монголии была проведена большая работа по совершенствованию законодательства, соответствующего мировым стандартам. Одним из первых законодательных актов, направленных на реформирование управления внешней торговли, являлся закон «О государственных предприятиях» (1989), который упразднил монополию государственных внешнеторговых предприятий. Была принята новая схема обмена иностранной валюты, в соответствии с которой иностранная валюта, заработанная предприятиями сверх государственного заказа, могла быть оставлена на этих предприятиях. По закону «О предприятиях» (1991) все предприятия независимо от формы собственности получили возможность вести внешнюю торговлю.

В 1990 г. был принят Закон об изменениях в Гражданском кодексе [13], установивший равноправие различных форм собственности, в т. ч. частной. Принятие нового кодекса знаменовало собой начало формирования правовой базы приватизационного процесса. 21 мая 1991 г. был принят Закон о приватизации. На аукцион было выставлено 240 государственных предприятий, проведена массовая приватизация скота и частичная приватизация государственных предприятий, что создало предпосылки для развития мелкого и среднего бизнеса. Процесс приватизации был поддержан монетарной политикой государства, в ходе которой началось формирование новой банковской системы и реформирование налоговой политики. В июне 1993 г. был обновлен закон «Об иностранных инвестициях» [12]. Устанавливались более либеральные условия функционирования иностранной собственности, упрощенные административные процедуры для регистрации и утверждения новых капиталовложений.

До 1994 г. основные экономические показатели свидетельствовали о том, что тяжелая ситуация в стране еще не преодолена, хотя в 1993 г. падение темпов

экономики начало замедляться. Производство ВВП упало только на 3 % от уровня 1992 г., тогда как в 1992 г. падение достигло 9 %, по сравнению с предыдущим годом [3].

Стабилизация монгольской экономики наметилась в 1994–1995 гг., когда заработали рыночные механизмы. Начался рост производства продукции животноводства, оживился промышленный сектор, поддержанный иностранными инвестициями. В относительно сжатые сроки была урегулирована проблема высокой динамики инфляции. Если в 1992 г. уровень инфляции составил 352 %, в январе 1995 г. он снизился до 58,4 %, в ноябре – до 10 %. Начиная с 2001 г. темпы развития этого процесса колебались в пределах 2–4 % в год. В 2003 г. индекс потребительских цен вырос только на 4,7 %, т. е. стал определяться однозначной цифрой [25].

Переход Монголии к демократии и рынку сопровождался обострением социальных проблем – ростом безработицы и бедности, упадком школьного образования, ухудшением системы медицинского обслуживания и т. д. 60 % населения относилось к категории бедных, 36 % из них просто голодали. Это вызвало массовую миграцию в города, усугубились социальные пороки, ухудшилась криминогенная обстановка. К началу 1990-х гг. 3/5 населения страны стали горожанами. Свыше полумиллиона аратов были вынуждены покинуть свои степи из-за тяжелых зимовок скота и отсутствия перспектив. Число жителей Улан-Батора – столицы и единственного крупного города Монголии – увеличилось с 550 тыс. в 1990 г. до 1 400 тыс. чел. в 2013 г. [8], при этом около 60 % населения города проживают в юртах.

Приехавшие в Улан-Батор араты не имеют опыта жизни в городской среде, у них нет знания тонкостей социального взаимодействия. «Эти люди полностью свободны», – говорит Баабар, известный в стране издатель и историк, который пишет книги о монгольском национальном

характере, – «Даже если бы они много лет прожили в Улан-Баторе, их менталитет все еще остается менталитетом кочевника. То есть они делают именно то, что хотят делать, и делают это именно в тот момент, когда они хотят это делать. Если кочевник решил перейти дорогу в городе, он перейдет ее именно там, где он этого захотел, и вы не сможете заставить его отказаться от своих планов, даже если для этого специально увеличите скорость своего автомобиля. Мы – нация физически сильных людей, не обращающих внимания на правила дорожного движения» [15].

Социальная сфера не рассматривалась в качестве необходимого элемента экономической стратегии ни в одной из правительственных программ первого этапа трансформационного периода.

К началу XXI в. Монголия преодолела системный кризис и вступила в фазу модернизации экономики. Первый этап реформы монгольские ученые характеризуют как преодоление кризиса, начало экономического подъема при замещении советской помощи спонсорскими средствами крупных международных фондов – МВФ, Клуба доноров Монголии, Международной группы доноров (Парижского клуба). К достижениям первого пост-социалистического периода можно отнести финансовую стабилизацию, преодоление гиперинфляции, формирование институтов демократических органов власти, открытую внешнюю политику. Снижению уровня безработицы способствовала реализация крупных проектов – дорожно-жилищное строительство, создание открытых экономических зон на территории страны, формировавших новые рабочие места. Интерес к реализации жилищной программы проявили несколько десятков иностранных компаний, в их числе и российские строительные компании. Из внешних источников было привлечено 70 % инвестиций.

Совместные предприятия в 2000 г. обеспечили прибыль в размере 49,3 млн. долл. США, что составило 16 % от доход-

ной части госбюджета Монголии. Среди предприятий с участием российского капитала наиболее крупные – горно-обогательный комбинат (ГОК) «Эрдэнэт», объединение «Монголросцветмет», ОАО «Зарубежцветмет» и АО «Улан-Баторская железная дорога» (УБЖД). На их долю приходилось более 60 % валютных поступлений в страну [5]. Отдельно следует отметить исключительно важное место в экономике Монголии акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога»: УБЖД – это основная транспортная артерия страны, обеспечивающая перевозки 98 % внутренних и транзитных грузов и около 4 млн. пассажиров. После демократической революции в 1990-х гг. в Монголии резко сократился объем грузовых и пассажирских перевозок, однако уже к 2001 г. были восстановлены показатели пассажирских перевозок, а к 2005 г. и объемы грузовых перевозок. На сегодняшний день Монгольская железная дорога – одна из ведущих отраслей экономики страны, от работы которой во многом зависит ее экономическое развитие. К основным видам транспорта относятся также автомобильный, воздушный и водный. В 2011 г. проложено 1100 км автодорог с твердым покрытием, рост составил 42,3 %; в 2012 г. было запланировано сооружение еще 3 тыс. км таких дорог [29]. Однако для обширной территории страны развитие транспортной инфраструктуры остается одной из приоритетных задач.

Быстрыми темпами развивается строительная индустрия. В доле ВВП производство строительных материалов составляет 17,7 %. В рамках программы «Жилье на сто тысяч квартир» сдано под ключ около 40 тыс. квартир, продолжается строительство временного жилья для молодежи [20]. Построено 27 центров по поддержанию здоровья, 31 сомнительная больница, идет строительство еще 23 больниц [21].

На рынке строительных услуг Монголии представлено несколько россий-

ских строительных организаций: ОАО «Зарубежстрой», ООО «Монголэнергострой», компания «Зарубежводстрой» со стопроцентным российским капиталом; совместные российско-монгольские строительные организации «Инком», «Стройинвест», «Эрдэнэтстрой». Эти строительные организации продолжают деятельность советских трестов, действовавших в Монголии до 1991 г., – СОР-1, СОР-3, УС «Медьмолибденстрой», треста «Монголэнергострой», построивших ГОК «Эрдэнэт», угольные разрезы «Баганур» и «Шарынгол», ТЭЦ-3 и ТЭЦ-4 в Улан-Баторе. Без этих предприятий трудно представить себе современную Монголию.

Совместные российско-монгольские предприятия, имея солидную нормативно-правовую базу, продемонстрировали свою жизнеспособность. Даже при неблагоприятной конъюнктуре мировых цен на медь и в условиях кардинальных экономических преобразований, осуществлявшихся в наших странах, предприятия сумели обеспечить производственный процесс, сохранить трудовые коллективы и добиться рентабельности производства.

Монгольское руководство продолжало уделять значительное внимание законодательно-правовой основе внешнеэкономической деятельности – были приняты законы «Об иностранной валюте», «О юридических лицах», «О таможенных тарифах», «О регулировании валютных операций». На основе закона «Об иностранных инвестициях» к началу 2001 г. в Монголии было зарегистрировано 1600 компаний с участием иностранных инвесторов из 58 стран с общим объемом капиталов в 360 млн. долл. США. Прямые иностранные инвестиции в 2001 г. в основном были распределены по отраслям следующим образом: геологоразведка и горнодобывающая промышленность – 20,3 %; легкая промышленность – 19,28 %; обработка животноводческого сырья – 11 %; строительство

и инженерное дело – 8 %; наука и просвещение – 9 %; телекоммуникации – 6 %; туризм – 4 %; торговля, гостиничный бизнес и др. – 22,42 % [6].

Деятельность правительства была направлена на дальнейшее углубление экономических и социальных реформ для обеспечения плавного перехода к рынку. Основной его целью стало обеспечение стабильных и высоких темпов роста экономики и уровня благосостояния населения, а также повышение конкурентоспособности отечественного производства и наиболее полное использование внутренних ресурсов. Причем приоритетное значение придавалось таким мерам, как восстановление национальной промышленности, диверсификация экономики, расширение производства экспортной продукции, поощрение и привлечение прямых иностранных инвестиций, более эффективное использование иностранной помощи и кредитов, борьба с безработицей и бедностью, укрепление структуры социального страхования и обеспечения, поддержка наименее развитых регионов.

Особенностью второго этапа трансформации в 2000-е гг. является усиление внимания властей к научному прогнозированию развития страны на период до 2020 г. В 2005–2007 гг. при участии монгольских и зарубежных ученых разрабатывались различные варианты стратегии повышения ВВП на душу населения (с 450 долл. США в 2000 г. до 2 тыс. долл. в 2020 г.) на базе развития добывающей промышленности и сельского хозяйства, являющихся экономической основой страны.

При этом учитывались такие важные факторы, как изношенность оборудования в промышленности и сельском хозяйстве, а наблюдавшийся к этому времени рост имел в основном восстановительный характер за счет использования незадействованных ранее мощностей. Правительство предприняло некоторые шаги для решения проблем в электро-

энергетике, поскольку для значительной части населения (33 %) был затруднен доступ к электроэнергии, а 43 % – к центральному отоплению. Было начато осуществление программы приватизации, нацеленной на повышение эффективности этой отрасли.

В условиях перехода к рыночным отношениям Монголия осуществляла открытую внешнеэкономическую политику, имеющую целью формирование и предоставление благоприятных условий, стимулирующих приток в страну иностранного капитала, передового зарубежного оборудования и технологий, современных методов управления в сферах производства и сервиса. Была проведена поэтапная либерализация внешней торговли, сокращены до минимума лицензирование и квотирование, значительно снижены импортные пошлины практически на все виды оборудования, запасные части и другие товары. Экспорт в КНР, США, Россию, Южную Корею, Австралию, Великобританию, Италию, Японию составил 98 % общего экспорта Монголии.

За последние двадцать лет товарооборот между Монголией и Россией рос, достигнув в 2012 г. исторического максимума почти в 2 млрд. долл. США. Сегодня ставится задача доведения этого объема до 3 млрд. к 2018 г.

Более 70 % торговли приходится на граничащие с Монголией российские регионы. В настоящее время ресурс приграничного торгового и инвестиционного сотрудничества используется недостаточно. Перспективны те российские территории, где расположены крупные транспортные артерии (Транссиб, БАМ), налажена автомобильная связь: Иркутская область, Республика Бурятия, Читинская область. Здесь находятся структурообразующие отрасли российской промышленности: нефтяная, газовая, горнодобывающая, энергетика.

Вступление страны в ВТО позволило ускорить процесс развития экспорта

востребованных на мировом рынке монгольских товаров. Вместе с тем ориентация на сырьевые отрасли из-за постоянного колебания мировых цен и влияния природного фактора на животноводство до сих пор мешают сохранению устойчивости экономического роста. Широкая модернизация базисных и развитие новых технологических отраслей не были поставлены в качестве первоочередной задачи экономики отчасти из-за заинтересованности иностранных инвесторов в добыче и вывозе из страны преимущественно необработанных продуктов.

В целом товарооборот вырос в 2001–2007 гг. с 1,15 млрд. до 2,1 млрд. долл. США. В эти же годы начался более активный приток в страну прямых иностранных инвестиций, а их доля в ВВП достигла в 2007 г. 17,8 %. О достижении экономической стабильности на втором этапе трансформации можно судить по следующим макропоказателям:

- с 2006 г. на несколько лет госбюджет стал профицитным (в 2011–2012 гг. дефицит бюджета вырос с 1 до 4,2 %);

- по показателю ВВП (в 2007 г. – 9 %) Монголия вошла в число быстро развивающихся экономик азиатских стран;

- шло накопление золотовалютных запасов;

- постепенно сокращался государственный внешний долг;

- принятое льготное налоговое законодательство, выгодные преференциальные условия участия Монголии в ВТО, расширение кредитования частного сектора из средств «Монголбанка» под низкие проценты способствовали экономической активности частного сектора (его доля достигла 85 % в структуре ВВП).

Еще в начале 1990-х гг. в стране приступили к перестройке банковской системы, в результате она стала двухъярусной – Центральный банк перестал заниматься обычной банковской деятельностью, при этом получили возможность работать банки с частным и государственным капиталом. Предпосылки для такого пе-

рехода были созданы с принятием в середине 1991 г. Закона о банках и Закона о «Монголбанке» (Центральном банке). Главное направление преобразований заключалось в отказе от государственной монополии, формировании банковской системы, отвечающей требованиям рыночных отношений и соответствующей общепринятым стандартам и нормам.

Наличие у страны большого количества природных богатств привлекает к ней иностранный капитал, а ее геостратегическое положение в Северо-Восточной Азии притягивает внимание политического руководства многих государств Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). В 2000-х гг. в Монголии сложились благоприятные условия для увеличения сырьевого экспорта. Используя этот фактор, страна смогла решить накопившиеся проблемы с погашением внешнего долга и наращиванием золотовалютных резервов.

В свое время Россия внесла наиболее весомый вклад в геологоразведку и оценку имеющихся в Монголии месторождений. Ослабив свои позиции в Монголии, она утратила прежнее влияние на разработку местных природных ресурсов. Но, тем не менее, в 2000 г. геологоразведочными работами по урану продолжало заниматься совместное предприятие «Гурван сайхан», организованное в 1994 г. на основе соглашения «О полезных ископаемых» от 15 января 1994 г. между американской «Energy Fuels Exploration Company» (70 %), Министерством геологии и полезных ископаемых Монголии (15 %) и российским государственным геологическим концерном «Геологоразведка» (15 %). Целью СП является проведение поисковых и разведочных работ в Восточно-Гобийском регионе Монголии с последующей разработкой открытых месторождений с целью получения прибыли. Позже американцы продали свою долю канадцам. В результате доля «Denison Mines» в СП составила 70 %, правительства Монго-

лии – 15 %; оставшиеся 15 % – доля Российской Федерации через концерн «Геологоразведка» [20].

Канадская горнорудная компания «Ivanhoe Mines» занималась разведывательными работами в пустыне Гоби с начала 2000-х гг. В 2007 г. подтвердилась информация о богатейших запасах меди и золота на месторождении Оюу-Толгой. По оценкам экспертов, как минимум 50 лет на этом участке можно добывать до 450 тыс. т меди в год и около 300 тыс. унций золота. Оюу-Толгой является вторым в мире месторождением по медным запасам. В конце 2009 г. «Ivanhoe Mines» подписала с правительством Монголии соглашение о его разработке. Концентрат меди начали выпускать в январе 2013 г. «Когда Оюу-Толгой начнет работать на полную мощность, в течение 10 лет в Монголии ожидается ежегодный экономический рост в 10 %, т. е. с 2020 г. экономика страны вырастет вдвое. Наряду с реальным ростом заработной платы стабилизируется валютный курс», – такова оценка влияния проекта Оюу-Толгой на экономику Монголии, данная директором Института экономики МонГУ доктором Батдэлгэр Тувшинтугсом и австралийским экономистом доктором Брайаном Фишером [37].

Что касается нефти, то ее добыча ведется на месторождении Зун-Баян-Улан, разведанном российскими геологами, где было пробурено около 200 скважин глубиной до 3 км. Из них 100 скважин восстановлено, нефть дают 5 скважин с дебитом 30–100 баррелей в сутки. Добытая нефть (объемом 550 тыс. баррелей в месяц) транспортируется в Китай на переработку. Работы по разведке и добыче нефти в Монголии осуществляют австралийская, канадская и французская компании. Достигнута принципиальная договоренность об открытии представительства российской компании «Татнефть» в Улан-Баторе и начале геологоразведочных работ.

Российские финансово-промышленные группы и компании («Базовый эле-

мент», «Русал», «Ренова», «Северсталь», «Полиметалл», «Газпромбанк», «РЖД») проявили интерес к участию в крупных проектах в Монголии (разработке, в т. ч. и на многосторонней основе, угольных месторождений Таван-Толгой и Улан-Ово, модернизации Улан-Баторской железной дороги, реконструкции электроэнергетических объектов, транзиту энергоносителей из России в Китай, газификации Монголии, дорожному строительству и т. п.). В Улан-Баторе были открыты представительства «Газпромбанка», а также консорциума («Базовый элемент», «Ренова» и «Северсталь»), образованного для освоения месторождения Таван-Толгой.

Таван-Толгой – одно из крупнейших в мире каменноугольных месторождений, расположенное на юге Монголии, в пустыне Гоби. Его запасы оцениваются в 6,5–7,5 млрд. т угля, причем около 40 % из них приходится на высококалорийный коксующийся уголь. Месторождение разведано в 1960-х гг. Его частичная разработка началась с 1967 г. (добыча угля в 2006 г. составила 787,1 тыс. т). В июле 2010 г. Великий Хурал утвердил программу, согласно которой месторождение разделялось на два сектора: западный и восточный. Лицензию на разработку восточной части получила компания «Erdenes-Tavantolgoi», 50 % в которой останется у государства, а еще 50 % будет продано. Из них 10 % достанутся гражданам Монголии (в виде привилегированных акций), 10 % продадут на внутренних аукционах, а еще 30 % – на бирже. Инвестиционные банки «Goldman Sachs», «Deutsche Bank», «BNP Paribas» и «Macquarie Group», утвержденные для организации размещения, рассчитывают выручить от 1,5 до 5 млрд. долл. США. Площадками для размещения станут Гонконг, Лондон и Улан-Батор.

На западный участок месторождения был объявлен тендер. «РЖД» подала заявку на него в консорциуме с «СУЭК», группой южнокорейских компаний во

главе с «Korean Resources Corporation», а также японскими «Itochu», «Sumitomo», «Marubeni» и «Sojitz». Заявки также подали «ArcelorMittal», «Vale», «Xstrata», «Peabody», консорциум китайской «Shenhua» и японской «Mitsui».

Разработчик месторождения, монгольская госкомпания «Erdenes Tavan Tolgoi» неоднократно откладывала IPO из-за отсутствия необходимой законодательной базы в Монголии, в частности нового закона о ценных бумагах. Крупнейшие инвестиционные проекты с участием иностранцев должны утверждаться парламентом, правительством и советом безопасности во главе с президентом. IPO, по оценкам аналитиков, будет достаточно крупным: компания может получить 3 млрд. долл. США от размещения 29 % акций. По словам гендиректора «Erdenes Tavan Tolgoi» Басангомбо Энэбиша, «компания ждет развития инфраструктурных проектов, связанных с месторождением, с тем чтобы увеличить стоимость акций при IPO» [31].

В условиях тендера на освоение западной части говорится о неразрывной связи между разработкой Таван-Толгоя и строительством новой железной дороги. ОАО «РЖД» и монгольские госкомпании «Erdenes MGL» и «MTZ» создали совместную компанию с ограниченной ответственностью «Развитие инфраструктуры» для решения комплекса вопросов, связанных с проектно-изыскательскими работами, подготовкой ТЭО, обеспечением финансирования строительства новых железных дорог в Монголии, глубокой модернизации УБЖД и обеспечения российского участия в освоении месторождения Таван-Толгой. При этом разработка месторождения рассматривается в качестве ресурсного обеспечения затрат, необходимых для проведения масштабных работ в области железнодорожной инфраструктуры.

Серьезную конкуренцию российскому консорциуму составляет аналогичный южнокорейский проект («Daewoo»,

«LG», «Korea Resources» и ряд других компаний). Корейцы выдвинули предложение о создании инфраструктуры, включая строительство железной дороги из Монголии в Южную Корею через территорию России и платной скоростной автомагистрали вдоль «УБЖД» для доставки контейнерных грузов из Азии через Россию в Европу.

Основной причиной затягивания с итогами тендера, по мнению В. В. Грайворонского, является то, что «Монголия еще не заключала инвестиционных соглашений такого масштаба, и монголы очень боятся в этом деле прогадать, не обеспечить свои национальные интересы в должной мере». Осторожность властей страны продиктована не только экономическими, но также историческими и геополитическими факторами. «Монголия так долго находилась под полным советским контролем, что теперь власти страны очень боятся отдать национальное богатство в руки какой-то одной иностранной державы, будь то Россия, Китай или кто-либо другой. Они пытаются найти баланс между двумя великими соседями, другими важными государствами Азиатского региона и США» [15].

Президент страны Ц. Элбэгдорж высказался по этому поводу так: «Очень важно, чтобы инвестиции в Монголию были сбалансированными. Это курс нашей внешней политики, это также касается нашей национальной безопасности. У нас два больших соседа, и нам нужны инвестиции от кого-то третьего. Думаю, двери для переговоров с иностранными инвесторами все еще открыты, особенно по вопросу Таван-Толгоя» [25].

Хотя порядок освоения ресурсов Таван-Толгоя до сих пор не определен, под давлением внутривнутриполитической борьбы в стране местные власти приступили к «монетизации» этих богатств. В ходе омраченных беспорядками парламентских выборов 2008 г. демократическая партия Монголии пообещала раздать каждому гражданину страны по миллиону ту-

гриков из будущих доходов от крупных месторождений, а Монгольская народно-революционная партия – по полтора миллиона. Правительство частично выполнило эти обещания: каждому монголу, включая младенцев, казна выплачивает по 21 тыс. тугриков (16,8 доллара США). Эти ежемесячные выплаты вкуче со средствами, направляемыми на медицинское обслуживание и обучение, выделяются из Государственного фонда человеческого развития, призванного добиться к 2020 г. выхода Монголии по показателям развития на уровень передовых индустриальных стран. В 2011 г. из этого фонда было выделено 805 млрд. тугриков, или свыше 600 млн. долл. США, что составило около 40 % всех государственных расходов. «Раздача финансовых средств способствует повышению совокупного спроса и, как следствие, приводит к росту инфляции», – считает Батдэлгэр Тувшинтугс. Несмотря на увеличение массы наличных денег в обращении и выдачу государственных пособий, уровень бедности в стране, по официальным данным, вырос за последние три года с 35 до 40 %. Это очень четкий индикатор того, что денежные выплаты никак не решают проблемы нищеты, а экономический рост распространяется не на все сферы. По мнению экономистов, шаги правительства по распределению в обществе государственных богатств провоцируют инфляцию, ударяя по самым малообеспеченным слоям населения [25].

Монголия заключила соглашения о взаимозащите и поощрении инвестиций с 30 странами и соглашения о предотвращении двойного налогообложения с 19 странами. Подписанные с Россией, КНР, Республикой Корея, Великобританией, Францией, ФРГ, Индией, Турцией и Вьетнамом соглашения ратифицированы. Страна присоединилась к Вашингтонской конвенции по разрешению спорных вопросов и Сеульской конвенции по страхованию инвестиций, а также явля-

ется полномочным членом Агентства по гарантии многосторонних инвестиций Мирового банка. В 1997 г. Монголия стала членом Всемирной торговой организации (ВТО), а в 2000 г. заключила торговые контракты с 68 странами мира [8].

Однако начавшийся глобальный экономический кризис затронул практически все восточноазиатские страны. Из-за кризиса пришлось корректировать темпы роста ВВП в сторону понижения. Положительным для Монголии было сохранение на мировом рынке высоких цен на медь и золото, доля которых в ее экспорте составляла 60 %. Но сократившийся объем банковских кредитов для производителей ударил по скотоводам-аратам, которых государство обеспечивало специальными льготными ссудами, на их доходах отразилось и падение внутренних цен на шкуры и шерсть.

На фоне сокращения производства и доходов населения в течение первой половины 2008 г. резко вырос уровень инфляции (на 32 %), вызванной удорожанием внутренних цен на импортное продовольствие (пшеницу, рис, фрукты и овощи). Подстегнул инфляцию и рост зарплаты работников бюджетной сферы и частного сектора (на 62 % в 2007 г.).

Правительство Монголии выделило 455 млрд. тугриков (362 млн. долл. США) через «Монголбанк» для поддержки проблемных банков, очутившихся в кризисе неликвидности из-за массового изъятия со счетов сбережений физических лиц. К началу 2009 г. обанкротились 29 сберегательно-кредитных кооперативов. Десяти тысячам вкладчиков правительство обещало компенсировать потери от общей суммы ущерба, составившего 66 млрд. тугриков. В этот период финансовую помощь вновь оказали спонсоры – МВФ, Азиатский банк развития, Япония.

До индустриализации Монголия была скотоводческой страной. Доля агропрома в ВВП и сегодня составляет 16,6 %, а по количеству голов скота на

одного жителя ее обгоняют только Австралия и Новая Зеландия. Из-за сурового континентального климата Монголии сельское хозяйство остается уязвимым к стихийным бедствиям в виде сильной засухи и холода. Большую часть территории Монголии занимает пустыня, неблагоприятная для земледелия, кроме того из-за сильных ветров и легких по составу почв пахотные земли быстро теряют плодородие. Поэтому в стране мало пахотных земель – 1 %, на которых выращивают яровую пшеницу (урожаи ее невысоки – 9 ц/га), картофель и овощи.

Наиболее высокие сборы и урожайность в 1990–2009 гг. получены при выращивании картофеля и овощей. В 2009 г., по сравнению с 1990 г., посевная площадь, урожайность и валовой сбор картофеля увеличились на 10,6, 3,8, 15,33 % соответственно, а посевная площадь и сбор овощей возросли на 80,5 и 87,05 %. Показатели по зерновым и кормовым культурам с 1990 по 2000 г. значительно сократились, после 2000 г. наблюдается рост.

Около 80 % территории используются под пастбища. В стране традиционно разводят «пять видов скота» – овец, коз, лошадей, верблюдов, крупный рогатый скот (коров, яков, сарлыков). В пригородах выращивают свиней, птицу. В стране развит охотничий промысел, имеются крупные пушные фермы.

У монгольских сельхозпроизводителей достаточно высокий экспортный потенциал: высоко ценится местный кашемир. На всем Евразийском континенте его можно изготавливать только из шерсти коз, обитающих в Монголии и на севере Китая. Монгольский кашемир занимает примерно треть мирового рынка этой продукции. Его поставляют в страны Европейского Союза, Японию, Россию, Южную Корею, Канаду, США. Директор по международным продажам компании «Gobi» Арюна Батчулун отмечает в качестве одного из преимуществ местного кашемира его невысокую цену, благодаря льготному налогообложению. Такой же льготный режим существует и для экспортеров шерсти. Поэтому ки-

Таблица 2

Динамика посевных площадей, урожайности и валового сбора сельскохозяйственных культур в Монголии за период 1990–2009 гг.

С.-х. культура	Показатели	Ед. изм.	Динамика по годам					2009 г. к 1990 г., %
			1990	1995	2000	2005	2009	
Зерновые	Посевная пл.	тыс. га	654,1	356,5	194,7	159,1	252,4	38,5
	Урожайность	ц/га	11,0	7,3	7,3	4,7	15,5	140,9
	Валовой сбор	тыс. т	718,3	261,4	142,1	75,5	391,7	54,53
Картофель	Посевная пл.	тыс. га	12,2	6,2	7,9	9,8	13,5	110,6
	Урожайность	ц/га	107,7	83,5	74,7	84,8	111,8	103,8
	Валовой сбор	тыс. т	131,1	52,0	58,9	82,8	151,2	115,33
Овощи	Посевная пл.	тыс. га	3,6	3,2	5,4	5,9	6,5	180,5
	Валовой сбор	тыс. т	41,7	23,8	44,0	64,2	78,0	187,05
Кормовые	Посевная пл.	тыс. га	117,8	6,0	0,8	5,2	3,3	2,8
	Валовой сбор	тыс. т	527,1	18,8	4,1	8,3	10,4	1,97

Составлено по: Дамдын О. С., Мундагбаатар М. Перспективы и проблемы развития сельского хозяйства Монголии // Молодой ученый. Экономика, управление, финансы. – 2011. – № 2. – С. 85; Mongolia in Market System 1989–2002. Statistical Yearbook. – Ulaanbaatar, 2003. – С. 118; Mongolian Statistical Yearbook-2007. – Ulaanbaatar, 2008. – С. 143.

тайские предприниматели скупают примерно половину монгольской шерсти для своих кашемировых производств, что тормозит развитие обрабатывающей промышленности в самой Монголии [36].

Номадное животноводство, адаптированное к экстремальным природным условиям обширных степных и полупустынных районов Монголии, позволяет круглогодично содержать скот, обеспечивать его кормами на малопродуктивных пастбищах в основном без деградации их растительного покрова, производить дешевую и экологически чистую продукцию. Вместе с тем животноводство находится в жесткой зависимости от погодных условий, и сильные *дзуды* могут вызвать экономические кризисы.

В период с 1999 по 2003 г. *дзуд* привел к гибели более 25 % крупного рогатого скота (более 8,5 млн. голов, по некоторым данным – 11 млн.) и продолжительному экономическому кризису в стране. В 2009–2010 гг. 80 % территории Монголии было покрыто снегом до 20–60 см, от белого *дзуда* пострадали 198 сомонов в 19 аймаках. В Увсунурском аймаке в течение 50 дней температура держалась на уровне – 40–48 °С. По сообщению Министерства продовольствия, сельского хозяйства и легкой промышленности, по состоянию на 9 февраля 2010 г. погибло 2127393 головы скота (лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов – 188270; коз и овец – 1939123). Ущерб от потерь составил более 4 млн. долл. США [15].

Несмотря на огромные потери, восстановление поголовья скота происходит довольно быстро. Так, в феврале 2013 г. общее поголовье, по данным статистики, составило порядка 50 млн. голов [22], что стало рекордным показателем в истории животноводства Монголии. Во всех 329 сомонах страны появились ветеринарные службы, созданы новые рабочие места. Реализованы такие крупные проекты, как «Монгольский скот» и «Кооперирование». Животноводческие продукты и сырье составляют почти 80 % всей сельскохозяйственной продукции.

Одной из перспективных статей пополнения бюджета страны является туризм. Но он еще не достиг уровня развития, адекватного своим потенциальным возможностям. Туристические объекты зачастую остаются невостребованными вследствие неразвитости инфраструктуры туристических услуг, несовершенства механизмов государственного регулирования на различных его уровнях, отсутствия мотивации для частных инвестиций в туристические рынки и эффективных методов экономического анализа туристических комплексов страны. В то же время на протяжении последних лет туризм и цены (на авиаперевозки, отели и др.) претерпели значительную трансформацию, наблюдается устойчивый тренд роста. В стране насчитывается 140 туристических баз на 6 тыс. мест и 280 малых, средних и больших гостиниц на 7 тыс. мест. В стране все туристические фирмы являются частными и объединены в Монгольскую ассоциацию туристических агентств – МАТА. Главная задача правительства – содействие развитию частного сектора в туризме и привлечение зарубежных туристов и инвестиций.

В целом экономика Монголии находится на подъеме. По темпам экономического развития страна вышла на передовые позиции в мире. Так, ВВП в 2000–2010 гг. уже составлял в среднем 6,4 %, а за 2011 г. достиг небывалой в истории страны цифры – 17,3 %. Это превышает рост ВВП в Китае в 2 раза, в Российской Федерации – в 4 раза, причем 80 % ВВП создается в частном секторе. По расчетам Международного валютного фонда и Всемирного банка, доля ВВП на душу населения может подняться к 2016 г. до 10 тыс. долл. США [21].

Вместе с тем высокие темпы экономического роста не означают, что параллельно им или следом автоматически происходит повышение уровня жизни населения. Еще много людей живут за чертой бедности, в 2011 г. страна столкнулась со своего рода «ценовым бу-

мом»: во многом из-за монополизации импорта нефтепродуктов несколькими частными компаниями резко возросли цены на бензин и дизельное топливо, на 10 % и более увеличилась стоимость продуктов и потребительских товаров, в сфере обслуживания наблюдается засилье иностранного бизнеса – китайского и корейского. Чрезмерные бюджетные расходы 2011–2012 гг., а также раздача крупных денежных сумм населению из фонда «Развитие человека» продолжали подпитывать инфляцию.

В целом монгольская экономика нуждается в диверсификации, поскольку понятно, что добыча минерально-сырьевых богатств не будет длиться вечно. В любом случае чрезмерная зависимость экономики страны от добычи и экспорта минерального сырья делает Монголию чувствительной к спадам экономик ее крупнейших клиентов, в особенности Китая. Сельское население обеспокоено экологическими последствиями добычи ископаемых. От угольной пыли страдает скот, загрязняется питьевая вода.

Монгольские власти многого добились в экономической сфере, но проблем хватает: чистые валютные резервы снижаются, финансовый рынок остается уязвимым. Кроме того, есть риск, что постепенно объем иностранных инвестиций будет уменьшаться, так как строительство шахт в стране уже заканчивается. Власти осознают опасность слишком высокой зависимости от экспорта. Бюджет на 2013 г. был сверстан с учетом жесткого контроля расходов и закрепления фискальной политики, прописанной в законе о бюджетной стабильности. Ц. Элбэгдорж подчеркивал необходимость промышленного разнообразия: «Наш экономический рост по большей части фактически основан на инвестициях в горнодобывающую промышленность и на прибыли от этой отрасли. По этой причине, думаю, нам необходимо очень серьезно подумать о том, как разнообразить источники нашего дохода». Для этого, обещал президент, его прави-

тельство будет пытаться увеличить иностранные инвестиции в другие сектора промышленности, сельскохозяйственный и продовольственный, а также в индустрию туризма. «Монгольская экономика в основном одноцветная. Мы хотим, чтобы она стала радужной», – провозглашает Ц. Элбэгдорж [22].

Баланс экономических и политических интересов дал возможность существенно изменить характер бюджетных расходов: если в 1988 г. страна тратила на оборону и вооружения чуть ли не 10 % своего ВВП, то сейчас – менее 1 %. Зато почти 25 % бюджета приходится на государственное финансирование образования и здравоохранения. Как итог – за последние двадцать пять лет продолжительность жизни в Монголии выросла с 60 до 69 лет.

По заявлениям Ц. Элбэгдоржа, он хочет реализовать ряд тех реформ, которые он наметил и внес по ним предложения в парламент. Что касается внешней политики, то приоритетными направлениями являются отношения с ближайшими соседями, Россией и Китаем, причем таким образом, чтобы не попасть в одностороннюю зависимость ни от одной, ни от другой сопредельной страны. Кроме того, в стране проводится так называемая политика «третьего соседа» – сотрудничество с влиятельными в мире странами, которые могут помочь и помогают Монголии в экономике и других областях. К ним относятся США, Япония, Великобритания, Германия, Южная Корея, Турция и Индия (по новой редакции этой концепции). Вероятно, в Монголии будут продолжать эту политику, особенность которой состоит в том, что политика «третьего соседа» не направлена против первых двух (Россия и Китай). Но объективно получается, что сейчас Монголия активнее развивает отношения с третьими соседями [18]. Можно привести лишь один небольшой пример. Компания «Эрдэнэс Таван толгой» начала осуществление проекта по бурению скважины для добычи угольного метана совместно с

южнокорейской компанией «Корей газ», директор которой Ян Юнг Мунг подчеркнул чрезвычайную взаимовыгодность такого сотрудничества. «Монголия входит в первую десятку стран мира по своим запасам угля, меди и урана, а Южная Корея имеет хорошие технику и технологии, несмотря на то, что 96 % энергоресурсов она импортирует у зарубежных поставщиков», – отметил он [23].

Вполне понятно, что важнейший фактор привлечения внимания политиков и деловых кругов развитых и развивающихся стран к Монголии – богатые природные ресурсы, в т. ч. уголь, медь, молибден, золото, серебро, уран, редкоземельные металлы. По подсчетам некоторых западных экспертов, общая стоимость топ-10 наиболее крупных месторождений угля, меди, золота, урана и редкоземельных металлов Монголии составляет приблизительно 2,75 трлн. долл. При этом лишь на третьей части территории страны сегодня ведутся поисково-разведочные работы. Платформа правительства Монголии базируется на том, что стране необходимо развивать экспорториентированное добывающее производство. На сегодняшний день доля горнодобывающей промышленности в общем объеме ВВП Монголии занимает 18,5 %, в общем объеме промышленного производства – 66 %, в экспорте – 83,2 %, в доходах единого госбюджета – 17,5 %, в иностранных инвестициях – 81 %.

По состоянию на первое полугодие 2014 г., объем производства медного концентрата составляет 479,9 тыс. т, добыча угля – 11,7 млн. т, золота – 3,0 т, флюоритное производство – 159,5 тыс. т. Кроме того, добыто 2,7 млн. т железной руды, 46,8 тыс. т цинкового концентрата, 3,6 млн. баррелей сырой нефти. По сравнению с аналогичным периодом 2013 г., производство медного концентрата увеличилось на 57,4 %, железной руды – на 17,5 %, флюорита – на 17,1 %, нефти – на 53,4 %. В целом в первом полугодии 2014 г. горнорудная область дала госбюджету 481,2 млрд. тугр. За это же время Монголия экспортировала 9,4 млн. т угля, 583,2 тыс. т медного концентрата, 1,7 тыс. т молибденового концентрата, 2,5 т золота, 138,4 тыс. т плавикового шпата, 2,6 млн. т железной руды, 45,4 тыс. т цинка, 3,4 тыс. баррелей нефти. В «Монголбанк» сдано 4,1 т золота [24].

Таким образом, Монголия постепенно интегрируется в мировое экономическое геопространство, становясь активным субъектом преобразований и изменений в различных сферах экономики и финансов. Перед ней стоят 3 громадные проблемы, на которые необходимо обратить внимание: разрыв между бедными и богатыми, разрушение экологической ситуации и растущее недовольство населения присутствием иностранцев в экономике.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Источники и литература

1. Гадаад харилцааны яамны архив, ф. 119, оп. 2, д. «Монгол улсын гадаад харилцааны яам», л. 14.
2. Монгол улсын Үндэсний төв архив, ф. 7, оп. 4, д. 11, л. 8.
3. Статистикийн бюллетень. – 1996. – № 12. – Х. 23, 8.
4. Mongolian Statistical Yearbook-2000. – Ulaanbaatar: National Statistical Office of Mongolia, 2001. – P. 307.

5. Mongolian Statistical Yearbook-2001. – Ulaanbaatar: National Statistical Office of Mongolia, 2002. – 311 p.
6. Mongolia in Market System 1989–2002: Statistical Yearbook. – Ulaanbaatar, 2003.
7. Mongolian Statistical Yearbook-2007. – Ulaanbaatar, 2008.
8. Mongolia National Census-2010, Preliminary Results.
9. World Bank. – 2000. – № 2.
10. Конституция Монголии 1992 г. Режим доступа: <http://constitutions.ru/archives/59>.
11. Концепция национальной безопасности Монголии. Режим доступа: <http://asiapacific.narod.ru/countries/mongolia/conceptionofsecurity/conceptionl.html>.
12. Монголын хоронго оруулалтын тухай хууль (Закон об иностранных инвестициях). 10.05.1993 // Торийн мэдээлэл. – 1993. – № 20.
13. Монгол Улсын засгийн газрын шийдвэрийн эмхтгэл. – Улаанбаатар, 1992. – Х. 42.
14. www.mn.ru.
15. <http://www.centralasia.ru/newsA.php?st=1338965580>
16. Известия. – 1990. – 2 марта.
17. Монгольская Wiki-Энциклопедия.
18. Монголия берет курс на «третьих соседей». Режим доступа: www.pravda.ru/world/asia/centralasia/28-06-2013/1163316-mongolia-0/
19. Монголын Сонин. – 2000. – 2 дек.
20. Монголия сегодня. – 2011. – № 49.
21. Монцамэ. – 2012. – 2 февр.
22. Монголия сейчас. Режим доступа: www.mongolnow.com.
23. [Montsame.gov.mn](http://montsame.gov.mn). – 2014. – 12 авг.
24. [Montsame.gov.mn](http://montsame.gov.mn). – 2014. – 28 июл.
25. РИА Новости. Режим доступа: <http://commerce.1prime.ru/news/0/%7B55593CF4-AA31-4C78-9B0F-1F7EAE39C4F4%7D.uif#ixzz2PoJMNcIA>
26. Ундэсний эдийн засаг. – 2002. – 12 мая.
27. Цаг уе. – 2000. – 6 нояб.
28. Ганжуров В. Ц. Россия-Монголия (на трудном пути реформ). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – С. 57.
29. Гольман М. Экономика Монголии на подъеме // Новое восточное обозрение. – 2012. – 27 февр.
30. Грайворонский В. В. Исторический выбор // Азия и Африка сегодня. – 1996. – № 7. – С. 28–29.
31. Дмитрий Докучаев. Секреты степного дракона // Эхо планеты. – 2013. – № 8. Режим доступа: http://www.ekhoplanet.ru:80/world_500_18870.
32. История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. – М.: ИВ РАН, 2007. – С. 348.
33. Яскина Г. С. Модернизация производительных сил и экономическая реформа в Монголии. – М., 1994. – С. 5.
34. Батмунх Ж. Насилие не применять. – Улан-Батор, 2001. – С. 17.
35. Ганзориг Д. К вопросу об урегулировании задолженности Монголии перед РФ // Россия и Монголия новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 79.
36. Дамдын О. С., Мундагбаатар М. Перспективы и проблемы развития сельского хозяйства Монголии // Молодой ученый. Экономика, управление, финансы. – 2011. – № 2. – С. 85.
37. Сторрн Б. Какое развитие принесет Монголии проект Оюу-Толгой? // Россия – Монголия. – 2011. – 18 марта.
38. Цэцэнбилэг Ц. Проблемы модернизации монгольского общества. – Улан-Батор, 2002. – С. 55.

УДК 94 (517)

Л. В. Курас

**МОНГОЛИЯ ПОСЛЕ ЦЭДЭНБАЛА:
ОТ ЗАКАТА ДО РАССВЕТА**

Рассматриваются социально-политические трансформации в Монголии с середины 1980-х гг. после правления Ю. Цэдэнбала, главы МНРП до недавних президентских выборов, на которых решительную победу одержал Ц. Элбэгдорж. Кроме того, в статье прослежен процесс партийного строительства и создания многопартийной системы, а также эволюции МНРП от марксистской к социально-демократической идеологии.

Ключевые слова: СССР, МНР, КПСС, МНРП, Монголия, Россия, трансформация, партийное строительство, парламент, выборы, марксизм, социал-демократия.

L. V. Kuras

**MONGOLIA AFTER TSEDENBAL:
FROM DUSK TO DAWN**

The article examines the social and political transformation in Mongolia from the mid-1980s, after the administration of Yu. Tsedenbal, leader of the Mongolian Communist party, to the recent presidential elections decisively won by Ts. Elbegdorj. At the same time, the article traces the process of party construction and creation of the multi-party system as a political foundation of the state and the evolution of the Mongolian People's Workers' Party from Marxism to social democracy.

Key words: USSR, Mongolian People's Republic, CPSU, MPWP, Mongolia, Russia, transformation, party construction, parliament, elections, Marxism, social democracy.

К середине 1980-х гг. в развитии экономики и культуры Монголии обнаружили явные признаки застоя: все отчетливей проявлялись недостатки централизованного планирования, падал жизненный уровень населения, назревало недовольство в связи с отсутствием реальных демократических свобод, вмешательством партийных органов во все сферы жизнедеятельности страны и государства. Это предопределило необходимость проведения в МНР радикальных политических и экономических реформ.

Ухудшение дел в стране некоторые политические деятели закономерно начали связывать с ослаблением авторитета и власти лидера МНРП и руководителя страны Ю. Цэдэнбала. В августе

1984 г. прошел внеочередной VIII пленум ЦК МНРП, на котором Ю. Цэдэнбал был освобожден от всех должностей. Генеральным секретарем ЦК МНРП был избран Ж. Батмунх.

Курс на перестройку, объявленный в СССР после апрельского Пленума ЦК КПСС 1985 г., был взят на вооружение и Монгольской народно-революционной партией. В мае 1986 г. состоялся XIX съезд МНРП, на котором были намечены задачи по интенсификации экономики. Съезд впервые заявил о необходимости проведения широкомасштабной экономической рыночной реформы страны, об отказе от тупикового пути постепенного введения незначительных корректировок в централизованную и пла-

---

КУРАС Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
E-mail: kuraslv@yandex.ru.

новую экономику. Вместе с тем МНРП осознавала необходимость политических преобразований, и именно она выступила инициатором политических перемен.

Но отказ от централизованного планирования не только не способствовал экономическим успехам, но и привел страну в тупик. Вскоре стало ясно, что вопреки настроениям большинства членов партии, решения XIX съезда МНРП не были претворены в практическую плоскость. Политическая номенклатура, рассуждая об обновлении социализма, демократизации и гласности, выборности хозяйственных руководителей, ограничилась лишь обещаниями. Ожидаемых коренных преобразований в стране не произошло.

В 1987 г. на XIII съезде Совета монгольских профсоюзов Генеральный секретарь ЦК МНРП Ж. Батмунх официально объявил, что страна взяла курс на перестройку. Но новые веяния все более настраивали монгольское общество на критическое отношение к происходящим событиям. Критике подвергались низкий уровень демократии, государственная цензура на прессу, вмешательство партии во все вопросы политического, экономического и культурного строительства.

В 1988 г. состоялся V Пленум ЦК МНРП, на котором перестройка была продекларирована как неотложная задача в политической, экономической, образовательной и культурной отраслях. Но медленные темпы перестройки и отсутствие видимых результатов способствовали появлению реальной оппозиции.

Во второй половине 1980-х гг. в стране обострилась продовольственная проблема, оставался неразвитым внутренний рынок, а 40 % госбюджета МНР формировалось за счет кредитов и помощи Советского Союза. Дезинтеграция СССР, разрыв большинства связей с Союзом ССР и другими странами – членами СЭВ сыграли в этом процессе негативную роль. Обострению кризиса

власти в МНР способствовало и образование оппозиционных партий.

7 декабря 1989 г. на центральной площади г. Ховда Ховд аймака состоялся первый несанкционированный властями митинг, лозунгами которого стали курс на демократизацию страны, обновление партии, ведение жесткой борьбы с недостойными общественными явлениями. Почти одновременно с этими событиями о своем создании заявил Монгольский Демократический Союз (МДС), который потребовал принятия законов о партиях и печати, соблюдения прав граждан. Союз настаивал на обновлении системы выборов депутатов в ВНХ и его досрочном созыве, ликвидации системы спецснабжения для партийных и государственных руководителей, реабилитации репрессированных по политическим мотивам [8, с. 57].

11 декабря 1989 г. состоялся VII Пленум ЦК МНРП, итоговые документы которого были негативно восприняты населением. Это вынудило руководство партии принять решение о созыве XX съезда МНРП и начать разработку новой Конституции МНР. В этот же период в стране начался процесс образования и становления политических партий, а оппозиционное движение стало реальностью. 4 января 1990 г. было создано Движение социалистической демократии, 19 января 1990 г. – Новый прогрессивный союз, 10 февраля 1990 г. – Союз солидарности. 18 февраля 1990 г. на первом съезде Демократического Союза была образована Монгольская демократическая партия (МДП), а в марте были созданы Монгольская социал-демократическая партия, Партия национального прогресса (ПНП), Партия зеленых Монголии (ПЗМ), Партия свободного труда Монголии (ПСТМ). Новые партии были сторонниками формирования свободных рыночных отношений, изменения политического и государственного устройства страны.

12–14 марта 1990 г. состоялся VIII Пленум ЦК МНРП, на котором члены Политбюро подали в отставку, а 21 марта Генеральным секретарем ЦК партии был избран Гомбожавин Очирбат. Пленум МНРП предложил отменить статью 82 Конституции МНР, определявшей партию в качестве направляющей силы государства и общества. В мае 1990 г. на сессии ВНХ было закреплено решение МНРП об исключении статьи 82 из текста Конституции, а на сессии ВНХ был принят Закон о политических партиях и решение о проведении досрочных выборов в ВНХ и местные органы власти. На сессии Хурала было решено создать постоянно действующий Малый Государственный Хурал (МГХ) и институт Президента страны. Именно череду этих событий в Монголии принято считать демократической революцией, которая открыла путь к созданию новых рыночных отношений, либерализации внешней торговли, рождению предпринимательских начал.

Одним из кардинальных шагов на пути обновления МНРП и ее отказа от советского влияния стало решение Пленума ЦК партии об исключении из рядов МНРП Ю. Цэдэнбала, которого заочно обвинили в том, что в период его руководства страной многие члены партии подверглись преследованиям и гонениям [28]. ЦК МНРП принял решение начать работу по реабилитации невинно осужденных и пострадавших в годы политических репрессий 1930–1950-х гг. Идя навстречу устремлениям демократической оппозиции, на первом заседании обновленного Политбюро ЦК МНРП было принято решение о прекращении государственных дотаций, переходе на самофинансирование МНРП и сокращении огромного бюрократического аппарата, в частности аппарата ЦК партии. Политбюро разрешило издание новой независимой газеты, которая освещала бы мнение оппозиционных сил [27].

В августе 1990 г. состоялись свободные демократические выборы на много-

партийной основе Великого Народного Хурала. Но первый в истории Монголии Президент государства Пунсалмаагийн Очирбат (делегат от МНРП) был избран не на всенародных выборах, а на сессии ВНХ. По результатам выборов МГХ МНРП набрала 61,7 % голосов избирателей, МДП – 24,3 %, Монгольская социал-демократическая партия (МСДП) – 5 %, Монгольская партия национального прогресса (МПНП) – 5,9 %, Партия зеленых – 1,2 %, Партия свободного труда – 1,3 % [26]. Тем самым МНРП получила право на формирование правительства. Но партия пошла на создание коалиционного правительства, демонстрируя готовность к взаимопониманию с оппозицией. Поэтому демократия начала регулироваться административными правилами и порядками. Соответственно перед оппозицией возникли объективные трудности – подчинять свою политическую стратегию и тактику этим правилам. Тем самым оппозиция лишилась возможности использовать уличный фактор в проведении своих акций.

Таким образом, во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. расстановка политических сил на мировой арене претерпела глобальные изменения. Монголия испытала масштабные преобразования практически во всех сферах, и особенно в политической.

Первые свободные выборы подарили монголам иллюзию неограниченной свободы. Летом 1990 г. монголы находились в невиданной до этого эйфории общенационального масштаба, когда вся страна официально отмечала 750-летний юбилей единственной исторической летописи Монгольской империи эпохи Чингисхана – «Сокровенного сказания монголов». Лидеры МНРП разделяли настроение народа. Президент П. Очирбат заявил, что Монголия в ближайшем будущем достигнет уровня стран «азиатских тигров». В этой связи партия приняла новую партийную программу. И если в апреле 1990 г. партия высказывалась за «создание гуманного, демократического,

социалистического общества в Монголии», то в феврале 1991 г. она позиционировала себя в качестве «народно-демократической партии, которая придерживается социалистических идей».

Вопрос возрождения национальных традиций широко обсуждался в партийных кругах. Делегаты XX съезда МНРП (25–28 февраля 1991 г.) избрали генеральным секретарем партии философа Б. Даш-Ёндона, который провозгласил в качестве партийной идеологии так называемую «центристскую идеологию», основанную на древних философских учениях. Но интерес общественности в этот период был сосредоточен на социальных вопросах. Делегаты XXI съезда МНРП (26–28 февраля 1992 г.) утвердили новую (седьмую в истории партии) программу [1], в соответствии с которой МНРП определила себя как «народно-демократическую партию», которая «обеспечивает национальное единство и социальный прогресс».

На этом этапе политические партии активно приступили к разработке новой Конституции. В рабочую комиссию, состоящую из 16 членов, вошли представители МНРП, Партии национального прогресса, МДП, Партии зеленых и др. 13 января 1992 г. вторая сессия ВНХ XII созыва приняла Конституцию страны, которая вступила в силу с 12 февраля 1992 г. [16, с. 30].

Высшим государственным органом власти провозглашался Великий Государственный Хурал (ранее ВНХ), который представлял собой однопалатный парламент из 67 мест. Он избирается всеобщим, прямым и свободным голосованием сроком на 4 года. В соответствии с Конституцией президент страны является главой государства и гарантом единства и солидарности монгольского народа. По Конституции Монголии партия, получившая большинство мест в ВГХ, имеет право выдвигать кандидата в президенты страны. Политические партии Монголии единодушно поддержали создание парламентской демократии.

В начале сентября 1991 г. Президент П. Очирбат утвердил закон МНРП «Об отказе от партийного членства при исполнении должностных обязанностей». Этот закон распространялся на президента, вице-президента, председателя Малого Хурала, председателей судов, членов судов и судей всех уровней, прокуроров и следователей всех уровней, военнослужащих, полиции, органов государственной безопасности, исправительно-трудовых колоний, дипломатических служб, руководителей и сотрудников государственной прессы и информационной службы [11].

Новый парламент объявил дату проведения выборов – 28 июня 1992 г. Результаты выборов оказались для оппозиции плачевными. МНРП получила в Великом Государственном Хурале 70 мест, «Демократический Альянс» – только 4 места, МСДП – 1 место и 1 мандат был предоставлен беспартийному самовыдвиженцу.

После парламентских выборов оппозиционные МНДП и МСДП сконцентрировали свою работу на президентских выборах, которые должны были состояться в 1993 г. Президент П. Очирбат, в соответствии с законом, отказался от членства в МНРП и таким образом стал политически независимым лицом. В феврале 1993 г. МНДП и МСДП подписали документ о сотрудничестве на время президентских выборов и выдвинули президента П. Очирбата в качестве своего кандидата в президенты, который письменно подтвердил свое согласие выступить кандидатом от этих партий. Решение П. Очирбата стать кандидатом от другой партии означало для МНРП поражение. МНРП выдвинула Л. Тудэва в качестве своего кандидата для участия в предвыборной гонке за президентское кресло.

В преддверии выборов 15 февраля 1993 г. ВГХ принял закон «О выборах президента Монголии» [17]. 6 июня 1993 г. состоялись выборы, которые завершились убедительной победой П. Очирбата. Он набрал 57,8 % голосов,

за его соперника Л. Тудэва проголосовало 38,7 % избирателей.

В результате выборов в Монголии сложилась новая расстановка сил. Правительство, представленное МНРП, фракция МНРП в ВГХ вынужденно превратились в оппонентов бывшего соратника – президента страны. Учитывая сложившуюся расстановку сил, партии МНДП и МСДП тщательно готовились к парламентским выборам в 1996 г. В этой связи лидеры партий создали предвыборную коалицию «Демократический Союз», сопровождая этот шаг активной рекламной кампанией. Одной из акций по привлечению общественного внимания стали выборы нового председателя партии МНДП. Делегаты второго съезда МНДП (4–5 апреля 1996 г.) утвердили Ц. Элбэгдоржа на посту председателя МНДП. На партийном съезде был обсужден и подписан Договор Демократического Союза с избирателями, утвержденный в качестве избирательной программы на предстоящих выборах. Генеральный секретарь коалиции М. Энхсайхан, работавший в администрации президента, был назначен руководителем центрального предвыборного штаба «Демократического Союза». 13 апреля 1996 г. в газете «Сайн Байна» был опубликован список кандидатов, выдвинутых от коалиции, который состоял из 50 кандидатов МНДП и 26 кандидатов от МСДП.

Что касается МНРП, то она не проявляла особой активности в предвыборной гонке, опрометчиво полагая, что наметившаяся стабилизация монгольской экономики позволит ей одержать победу. 16 января 1996 г. ВГХ принял дополнения и изменения к закону «О выборах в Великий Народный Хурал» от 4 апреля 1992 г. Закон предписывал партиям руководствоваться такими принципами, как гласность и уважение требований Конституции и других законов Монголии; соблюдать принципы гуманности, демократии и справедливости, впервые

предусматривал государственное финансирование партий [18, с. 4].

В парламентских выборах, назначенных на 30 июня 1996 г., были готовы принять участие 5 партий, 2 партийные коалиции и беспартийные самовыдвиженцы. Для сравнения – в 1992 г. в избирательной кампании участвовало 8 партий, 2 коалиции и беспартийные кандидаты.

Выборы показали высокую сознательность электората. В день голосования к избирательным урнам пришли 1057182 избирателя (92,15 %) [14, с. 248]. Демократический Союз добился 50 мест в ВГХ, МНРП – 25. Некоторые зарубежные исследователи обозначили итоги выборов как первую мирную передачу власти от партии с ленинским прошлым к демократической оппозиции в Азии [3, с. 103]. С этого момента МНРП выступала в роли оппозиции.

Кабинет премьер-министра М. Энхсайхана (Демократический Союз) в первые месяцы нахождения у власти осуществил необходимые, но вместе с тем непопулярные мероприятия. Правительство отпустило цены, что значительно увеличило нагрузку на потребительский кошелек. Астрономически выросли цены на электроэнергию и тепло. Правительство ускорило процесс приватизации, изменило структуру налоговых поступлений, уменьшило размер налога на импортируемые товары. Цены на товары первой необходимости, тарифы на оказываемые услуги выросли в этот период на 40 %. Реальный доход населения снизился на 32 %. При этом уровень зарплат сохранился прежним. Демократы совершили непоправимую ошибку, начав политическую чистку. Госаппарат на всех уровнях власти был подвергнут кардинальному обновлению кадров, исходя из партийной принадлежности. В результате члены МНРП лишились руководящих постов: были сняты с должностей министры и их заместители, два вице-премьер-министра, руководители

ведущих отраслей производства, СМИ [21, с. 119]. При этом Демократический Союз не смог адекватно оценить наличие собственных кадров на качественное заполнение образовавшихся вакансий. Такой шаг оттолкнул от демократической коалиции многих симпатизирующих ей членов МНРП и послужил импульсом для ее будущей внутривнутрипартийной консолидации.

Руководство МНРП быстро сориентировалось в текущих процессах, и через партийные ячейки на местах партия начала вновь вербовать сторонников, проводить агитацию, ссылаясь на ошибочный курс правительства, который привел в трудное экономическое положение каждую монгольскую семью. Своей целью партия ставила победу на предстоящих муниципальных октябрьских выборах [20]. 6 октября 1996 г. на муниципальных выборах МНРП одержала победу в 12 аймаках страны и в Улан-Баторе. Демсоюз победил лишь в 6 аймаках [1].

21–24 февраля 1997 г. состоялся XXII съезд МНРП, который утвердил новую предвыборную программу. Новым руководителем (председателем) партии стал Н. Энхбаяр, который подчеркнул: «Основное содержание демократического социализма определяется принципами свободы, справедливости и солидарности» [25, с. 31].

МНРП стала активно готовиться к президентским выборам. Результаты социологического опроса выявили значительные изменения в морально-психологическом климате общественности. 40 % граждан подтвердили снижение уровня жизни, по сравнению с прошлым годом; 84,5 % отметили, что заработная плата не позволяет оплачивать питание, жилье; 72,7 % оценили их социально-экономическое положение как неудовлетворительное; 55,3 % граждан посчитали последствия такой тяжелой ситуации как результат нахождения у власти представителей Демократического Союза. Некоторые избиратели, наблюдая неустойчивую ситуацию в стране, высказа-

лись за сильную президентскую власть. Президент П. Очирбат, вновь выдвинутый Демсоюзом кандидатом, в большей мере считался политиком компромиссов, нежели сильным президентом. II партийная конференция МНРП включила в состав кандидатов на пост президента Н. Багабанди, П. Жасрая, Ц. Гомбожава, Л. Тудэва, где несомненным лидером был Н. Багабанди, набравший 71,93 % голосов делегатов конференции и ставший кандидатом от МНРП. Н. Багабанди относился к реформаторскому крылу партии и считался прагматичным политиком. По опросам общественного мнения, он далеко опережал своих соперников. Поэтому не случайно именно Н. Багабанди одержал победу на президентских выборах в мае 1997 г., набрав 60,8 % голосов. Для МНРП результаты выборов стали огромной победой [10, с. 102].

Таким образом, МНРП за короткий период удалось обновиться, стабилизировать внутривнутрипартийную ситуацию и добиться определенных успехов. В свою очередь Демократический Союз потерял политическую инициативу.

В этот период количество партий, зарегистрированных Верховным судом, значительно возросло. В 1995–1997 гг. действовало 11 политических партий, в 1998 г. их количество составило 15, в 1999 г. – 17, в 2000 г. – 18. В 2000 г. некоторые члены покинули МНДП и основали партию «Гражданское мужество», а бывшие члены партии МСДП стояли у истоков Новой монгольской социал-демократической партии. Партии демократической направленности распались, а вновь образованные впоследствии не стали влиятельными силами на политической арене. Как правило, их главная проблема состояла в том, что у них не было осознанной концептуальной программы развития страны и собственного, узнаваемого «лица».

2 октября 1998 г. был убит лидер монгольского демократического движения, имевший невероятную популяр-

ность у населения страны, – С. Зориг Коалиция «Демократический Союз», потерпев политическое поражение, потеряла финансовую подпитку Международного валютного фонда (МВФ). Потери в бюджете в 1999 г. составили 12 % ВВП, выросла инфляция.

2 июля 2000 г. состоялись выборы в Великий Государственный Хурал, в которых МНРП одержала победу (51,6 % голосов) и получила 72 из 76 мест в парламенте. Главой правительства, провозгласившего курс на борьбу с коррупцией и оздоровление экономики, стал генеральный секретарь МНРП Н. Энхбаяр [6, с. 33]. В этот период МНРП не только сконцентрировала усилия на работе в парламенте и правительстве, но и стала активно готовиться к президентским выборам 2001 г. Ставка вновь была сделана на действующего президента Н. Багабанди, который приобрел необходимый политический вес, заложил основы внешнеполитической доктрины страны, сыграв ключевую роль в развитии отношений с Китаем, США, Россией и Японией. 20 мая 2001 г. на президентских выборах Н. Багабанди одержал победу, набрав 58,1 % голосов избирателей. Население снова оказало поддержку представителю МНРП.

Таким образом, МНРП получила большинство мест в парламенте и правительство стало однопартийным. Вместе с тем возросла и ответственность партии за социально-политический курс страны. За 4 года правления МНРП в стране начала складываться стабильная политическая и экономическая ситуация. К тому же в 2003 г. МНРП была принята в Социалистический Интернационал, что свидетельствовало о ее международном признании. Возрос престиж партии среди населения: в среднем в год в партию вступали от 5 тыс. до 6 тыс. новых членов (в 2003 г. в партию вступило 11400 человек). Число ее членов в феврале 2004 г. достигло 131 тыс. [24]. Удачным решением оказалось назначение в октя-

бре 2001 г. Д. Идэвхтэна генеральным секретарем МНРП.

На фоне политической активности МНРП, которая обеспечила свое постоянное присутствие в политической жизни страны, деятельность оппозиции в 2001–2002 гг. оставалась незаметной. Тем не менее оппозиция сумела проанализировать причины собственных неудач и приняла решение объединить наиболее значительные оппозиционные силы в одну партию. 6 декабря 2000 г. состоялось объединение Монгольской национал-демократической партии (МНДП), Монгольской социал-демократической партии (МСДП), Монгольской партии демократического возрождения (МПДВ), Демократической партии верующих Монголии (ДПВМ), Монгольской демократической партии (МДП), а также группировки от Монгольской объединенной консервативной партии (МОКП) в единую Демократическую партию (ДП). На момент образования новой партии в ее состав входило около 160 тыс. членов. Но процесс интеграции оказался сложным и болезненным, что проявилось в идеологических разногласиях с социал-демократами, пытавшимися заменить либеральные позиции ДП социал-демократическими.

Нужно отметить, что МНРП в своей финансовой и экономической политике встала на позиции социал-демократии, привела в порядок государственный бюджет и ограничила государственное вмешательство в экономику страны. Монгольские предприниматели развивали бизнес в условиях благоприятной системы налогообложения. Повышение налогов в последующие годы было продиктовано лишь необходимостью государства выплачивать растущие долги, созданные в результате несовершенной кредитной политики прежних лет. Поэтому, учитывая социал-демократическую направленность политического курса правящей партии, можно предположить, что разногласия между председателем ДП

М. Энхсайханом и социал-демократами ДП были вызваны внутривнутрипартийной борьбой за политическое влияние, а не идеологическими позициями партии. При этом в состав ДП не вошла группа социал-демократов под руководством бывшего генерального секретаря МСДП Л. Бямбажаргала, которая сохраняла независимый статус на политической арене Монголии.

Для прекращения внутривнутрипартийной борьбы и дискуссий, подрывающих идеологическое единство партии, председателем ДП в марте 2003 г. был избран М. Энхсайхан. Помимо сохранения единства Демократической партии основной задачей для ее руководства являлось усиление присутствия ДП в политической жизни Монголии. Для решения этой задачи был предпринят ряд акций, призванных привлечь внимание избирателей к работе партии, которые не увенчались успехом.

Перед очередными парламентскими выборами в 2004 г. для ДП было важно сплотить вокруг себя оппозиционные партии, не вошедшие в ее состав. К ним относились Родина–МДНСП под руководством предпринимателя Б. Эрдэнбата, «Гражданское мужество» (ПГМ) под руководством С. Оюун (сестры убитого правозащитника С. Зорига) и Монгольская республиканская партия (МРП) под руководством предпринимателя Б. Жаргалсайхана. Несмотря на некоторые различия в оценке сложившейся политической ситуации и собственные политические амбиции, лидеры партий быстро достигли договоренности о сотрудничестве.

МНРП внимательно наблюдала за деятельностью оппозиции. В то же время партия столкнулась с собственным внутривнутрипартийным конфликтом: в партии выделялись «президентская фракция» и группа «СудрагаЁс» (Справедливость). Эта группа выступила с критикой стиля правления Н. Энхбаяра. В этой связи 1 декабря 2003 г. была созвана V конфе-

ренция МНРП, на которой с докладом «Социалистический интернационал и Монгольская народно-революционная партия» выступил Н. Энхбаяр. В докладе акцент делался на роль МНРП в деле преобразований в стране и признание МНРП Социалистическим Интернационалом. Кроме того, Н. Энхбаяр коснулся таких тем, как глобализация, права человека и демократизация, указав на успехи правительства в течение последних четырех лет, и указал на необходимость сохранения единства партии в условиях предвыборной борьбы. В преддверии выборов МНРП осуществила ряд мероприятий с целью обеспечения поддержки определенных групп населения, а также привлечения на свою сторону группы высших должностных лиц. Так, в конце марта 2004 г. правительство объявило о повышении пенсий; 13 апреля в прессе была размещена информация о повышении заработной платы на 25 % сотрудникам судов и прокуратур; 19 мая 2004 г. было объявлено о повышении заработной платы руководителям и председателям собраний депутатов районов и округов, а также руководителям городских округов и коммун; 15 апреля 2004 г. правительство сообщило в прессе, что оно установило минимальную заработную плату в размере 34 долларов США. К этому времени в Монголии сложилась партийная система и к апрелю 2004 г. было зарегистрировано 20 партий.

Закон предусматривал, что партии, не прошедшие перерегистрацию в установленный период времени, будут распущены постановлением суда [23].

Таким образом, только партии, прошедшие перерегистрацию, получили право участвовать в выборах. Уменьшение количества партий было выгодно, прежде всего, оппозиции, т. к. опасность возникновения политических разногласий внутри оппозиционного лагеря в преддверии выборов была существенно снижена. Поэтому главной задачей для оппозиции стало создание сплоченного

Таблица

Зарегистрированные политические партии

№	Наименование политической партии	Монгольское обозначение	Дата первой регистрации
1	Монгольская народная революционная партия	Монгол Ардын Хувьсгалт Нам	16.05.1990
2	Демократическая партия	Ардчилсан Нам	26.12.2000
3	Монгольская партия зеленых	Монголын Ногоон Нам	26.05.1990
4	Монгольская народная партия	Монгол Ардын Нам	03.04.1992
5	Партия гражданское мужество – республиканцы	Иргэний Зориг-Бугд Найрамдах Нам	22.03.2000
6	Монгольская партия рабочих	Монголын Ажилчны Нам	03.06.1992
7	Монгольская объединенная консервативная партия	Монголын Уламжлалын Нэгдсэн Нам	14.01.1994
8	Монгольская партия национальной солидарности	Монголын Ундэсний Эв Нэгдлийн Нам	19.08.1994
9	Монгольская консервативная партия справедливости	Монголын Уламжлалын Шударга Есны Нам	20.04.1995
10	Монгольская демократическая социалистическая партия	Монголын Ардчилсан Социалист Нам	17.04.1998
11	Партия молодежи Монголии	Монголын Залуучуудын Нам	11.05.1998
12	Монгольская либерально-демократическая партия	Монголын Либерал Ардчилсан Нам	21.05.1998
13	Родина – Монгольская демократическая новая социалистическая партия	Эх Орон – Монголын Ардчилсан Шинэ Социалист Нам	12.12.1998
14	Монгольская коммунистическая партия	Монголын Коммунист Нам	27.01.1999
15	Монгольская партия сельского развития	Монголын Ходоогийн Хөгжлийн Нам	28.05.1999
16	Монгольская гражданско-демократическая либеральная партия	Монголын Иргэний Ардчилсан Шинэ Либерал Нам	28.01.2000
17	Монгольская новая социал-демократическая партия	Монголын Шинэ Социаль Демократ Нам	23.03.2000
18	Монгольская социалистическая партия монгольских народностей	Монголын Угсаатны Нэгдсэн Социалист Нам	29.12.2000
19	Монгольская республиканская партия	Монголын Бугд Найрамдах Нам	05.04.2004
20	Объединенная партия женщин Монголии	Монголын Эмэгтэйчуудийн Нам	12.04.2004

предвыборного союза и выработка четких рекомендаций, регламентирующих деятельность партий. В этой связи с пер-

вых дней 2004 г. партии начали активно обсуждать действующий Закон о выборах и требовать внесения в него измене-

ний. Но в связи с тем, что внесение изменений в Закон о выборах затрагивало положения Конституции, президент Монголии Н. Багабанди отложил принятие поправок к Конституции до завершения парламентских выборов.

14 апреля 2004 г. по инициативе американского Фонда Сороса журналисты ведущих информационных агентств страны выработали соглашение, которое устанавливало следующие принципы предоставления отчета о выборах:

- публиковать только ту информацию, которая опирается на официальные документы;

- не выражать личное мнение; не призывать к выборам и не агитировать против определенных партий и кандидатов;

- не сообщать о незначительных промахах, чтобы этой информацией не повлиять на результаты выборов;

- указывать в государственных средствах массовой информации об источниках финансирования предвыборной агитации;

- указывать источник информации при публикации результатов голосования;

- указывать автора публикации или передачи;

- не разглашать источник информации в случае публикации секретной информации;

- немедленно исправлять профессиональные ошибки, если таковые будут допущены [22].

В целом представители СМИ придерживались этой договоренности в течение всей избирательной кампании, допустив срыв лишь к концу избирательной кампании [13].

8 апреля 2004 г. в постановлении № 9 Великий Народный Хурал (ВНХ) назначил проведение выборов на 27 июня 2004 г., а начало подготовки к ним – на 12 апреля 2004 г.

По сообщению Центральной избирательной комиссии на участие в выборах

подали заявку 11 партий. Демократическая партия, Родина – МДНСП и партия Гражданское мужество – республиканцы объединились в предвыборный союз «Родина демократии». 8 партий пожелали выступить с собственными кандидатами. Объединенная партия женщин Монголии не была допущена к выборам, т. к. не смогла своевременно пройти регистрацию.

Выдвижение кандидатов стало причиной серьезной внутрипартийной борьбы как в МНРП, так и в союзе «Родина демократии». Это привело к организационным выводам, в результате чего ряд руководителей МНРП были исключены из партии. Это подрывало авторитет партии в глазах избирателей.

Для того, чтобы выдвинуть на выборы свою кандидатуру от партии, необходимо было внести в фонд партии взнос, размер которого варьировался. В этой ситуации преимущество получили предприниматели, что впоследствии отразилось на составе нового Великого Народного Хурала.

По мере наращивания темпов предвыборной кампании МНРП все больше избирателей выступали с ее критикой. Обсуждалось количество денег, потраченных на рекламные акции и, в частности, на плакаты. Многие жители столицы считали, что было бы лучше потратить эти деньги на ремонт улиц Улан-Батора, которые уже многие годы находились в плачевном состоянии. Лишь за несколько дней до выборов городское самоуправление начало ремонт некоторых улиц.

Оппозиционные партии вступили в предвыборную борьбу лишь на ее заключительном этапе. Основным средством агитации также стало размещение плакатов на главных улицах столицы. Вслед за правящей партией оппозиция обещала повысить благосостояние населения. Самый популярный плакат обещал: «Всем детям до 18 лет будет выдаваться ежемесячная доверительная сумма в размере 10 тыс. тугриков». Учитывая, что в Мон-

голии на тот момент проживало более миллиона детей и подростков до 18 лет, становится очевидным, что на выполнение этого обещания ушла бы большая часть государственного бюджета.

Хотя доступ оппозиции к средствам массовой информации был более ограниченным, по сравнению с МНРП, кандидаты союза «Родина демократии» смогли представить свою программу в прессе и электронных средствах. В Монголии в этот период выпускалось 6 ежедневных газет. Три из них – «Оодрийн Сонин», «Онодоор» и «Монголын Мэдээ» – регулярно представляли кандидатов союза «Родина демократии» и их программы. Помимо этого предвыборная программа ДП была широко освещена в многотиражной продукции бульварных журналов, которые с большим сочувствием относились к партиям оппозиции. Эфирное время им охотно предоставляли частные радиовещательные станции.

Таким образом, предвыборная борьба оппозиции в столице оказалась возможной при поддержке СМИ. Существенная экономия оппозиционными партиями финансовых средств при осуществлении кампании была положительно оценена избирателями.

В сельской местности, где проживала большая часть граждан, имеющих право голоса, оппозиция столкнулась с определенными трудностями при агитации. Сельские жители получали информацию о предстоящих парламентских выборах из государственного телевидения и радио, в которых в предвыборный период доминировала МНРП. Пресса на селе играла незначительную роль. Только 2,6 % ежедневного издания всех газет имели сбыт в сельской местности, причем сюда входили и обязательные экземпляры, доставляемые в государственные учреждения. Местные журналы, которые продавались в аймаках, были, как правило, бедны информацией о выборах.

По итогам выборов МНРП получила 38 мандатов, союз «Родина демократии» – 34.

Особенностью нового парламента стало значительное количество депутатов-предпринимателей, руководителей наиболее крупных предприятий страны: «Голомт банк», «Эрэл», «Фортуна», «Бридж», «Залуу Монгол», «Буян», «Оюуны Ундраа» и др. В прежние годы представители бизнеса не стремились участвовать в политической жизни страны. К середине 2000-х гг. руководители крупных предприятий Монголии стали понимать необходимость создания правовой среды для их экономической деятельности, тем более что существовавшие на тот момент законы, регулирующие предпринимательскую деятельность, не соответствовали новым экономическим условиям и тормозили развитие бизнеса. Кроме того, многие предприниматели руководствовались желанием защитить интересы монгольских компаний в конкуренции с иностранными предприятиями, особенно китайскими. Именно в этот период МНРП выделила 11 крупных задач в области социально-экономического реформирования: проект «Дорога 1000-летия», формирование свободных экономических зон, дальнейший процесс приватизации, в т. ч. земли. Одновременно с этим МНРП стремилась решить острые социальные проблемы: повышение пенсий, заработной платы работникам бюджетной сферы, расширение пакета социальных льгот.

В этот период Демократическая партия стремилась найти общую платформу с партией «Гражданское мужество – Республиканской партией», превратившейся после слияния двух партий в авторитетную политическую силу общества. По мере приближения очередных выборов оппозиция активизировала свои действия по объединению политических сил, призывая все противостоящие МНРП партии создать единую организацию, способную победить на президентских выборах 2005 г.

МНРП к середине 2000-х гг. насчитывала в своих рядах свыше 120 тыс. членов. Деятельность Президента Мон-

голии Н. Багабанди, имевшего в этот период самый высокий политический рейтинг в стране, была сосредоточена на формировании внешнеполитического курса, направленного на создание положительного облика Монголии за рубежом, поиск иностранных партнеров и инвестирования социально-экономических реформ международными организациями, странами-донорами и зарубежными компаниями. Являясь главнокомандующим Вооруженных Сил, президент уделял большое внимание реформированию армии, созданию специального отряда по борьбе с терроризмом.

Вместе с тем МНРП и Демократическая коалиция были вынуждены после парламентских выборов 2004 г. сформировать коалиционное «правительство национального согласия», которое, к сожалению, не стало примером результативного сотрудничества. Большинство постов в новом правительстве получили представители МНРП, а премьер-министром стал представитель демократов Ц. Элбэгдорж.

Президент Н. Багабанди, избранный, согласно действующей Конституции, до 2005 г., не имел права претендовать на этот пост. Поэтому окружение президента занялось поиском возможностей реформирования политической системы с целью изменения Конституции и введения президентской формы правления. Так, группа общественных деятелей, куда вошли академик Ч. Далай, бывшие премьеры Д. Бямбасурэн и Д. Содном, а также лидер партии «Отечество» Н. Ням-Осор и др. подготовили проект введения президентского правления.

Вместе с тем парламентские выборы 2004 г. выявили в МНРП серьезные нарастающие проблемы, которые не способствовали сплоченности партии. В ходе предвыборной гонки МНРП была представлена по партийному списку в основном людьми из реформаторской группы во главе с председателем МНРП и спикером парламента Н. Энхбаяром,

которые и вошли в состав правительства. В этой связи у него появились оппоненты внутри партии из числа консерваторов. В этой связи состоявшаяся 15 января 2005 г. партийная конференция МНРП официально признала возможность существования фракций внутри партии. В Уставе МНРП было закреплено положение, согласно которому фракцию можно официально создать только при поддержке более 1/4 части членов партийной конференции.

Немаловажное значение имело назначение на должность Генерального секретаря МНРП С. Баяра, являвшегося на тот период послом Монголии в России. Следует подчеркнуть, что председатель партии Н. Энхбаяр сам предложил кандидатуру С. Баяра, учитывая, что тот представлял интересы действующего Президента страны Н. Багабанди и связанной с ним группы партийцев консервативного толка. Кадровая рокировка продемонстрировала продуманную стратегию председателя МНРП Н. Энхбаяра, который упрочил собственные позиции. По мнению некоторых аналитиков, Н. Энхбаяр исходил из того, что в партии сохранились устойчивые позиции и влияние консервативного крыла, кроме того возникла опасность раскола. И, наконец, предполагалось, что С. Баяр на посту Генерального секретаря МНРП станет своеобразным балансом, «золотой серединой», что позволит снизить разногласия в партии и сплотить ее ряды в преддверии предстоящих президентских выборов, где официальным кандидатом от МНРП станет Н. Энхбаяр. В этой связи не исключалась вероятность будущего назначения С. Баяра председателем МНРП после Н. Энхбаяра.

Парламентские выборы лета 2004 г. оказали большое влияние и на расстановку сил в демократическом лагере. Еще до выборов демократическую оппозицию раздирали личные амбиции лидеров партий и постоянные усобицы. В Демократической партии не было единства по

принципиальным вопросам о создании коалиционного союза, в частности по кандидатурам будущих руководителей коалиции и партийным квотам на парламентские места.

На 22 мая 2005 г. были назначены очередные президентские выборы, в которых участвовали четыре кандидата: от МНРП – Н. Энхбаяр, от Демократической партии – М. Энхсайхан, от Республиканской партии – Б. Жаргалсайхан и от партии «Отечество» – Б. Эрдэнэбат. Н. Энхбаяр победил на выборах президента Монголии, набрав 53,4 % голосов избирателей. Его ближайший соперник М. Энсайхан получил около 20 % голосов. При этом эксперты отмечали, что хотя выборы в Монголии «известны своей непредсказуемостью..., практически ни у кого не было сомнений, что главой государства станет бывший премьер» [2].

В начале 2006 г. «правительство национального согласия», возглавляемое тогдашним председателем ДП Ц. Элбэгдоржем, было торпедировано неожиданным выходом из него 10 министров-членов МНРП. Утрата правительством легитимности была официально подтверждена руководящим советом МНРП, который принял заявление об его отставке. Кредит доверия к правительству был девальвирован снижением жизненного уровня большей части населения, дестабилизацией общественно-политической ситуации и чрезмерной политизацией исполнительной власти. В этих условиях было сформировано новое правительство, контролируемое МНРП. Но симпатии монгольского общества в этот раз были на стороне Демпартии [3, с. 110, 111]. Поэтому, по оценке специалистов, на предстоящих парламентских выборах 2008 г. ДП должна была получить равное с МНРП число голосов избирателей (допускалась даже победа демократов). Однако обнародованные Центризбиркомом 29 июня 2008 г. данные итогов голосования показали, что верх одержала МНРП, проведя в ВГХ 48 своих депутатов про-

тив 25 представителей от Демпартии. Последовавшие за этим события 1 июля 2008 г. получили известность как «юрточная революция» и имели негативный общественно-политический резонанс. Представители гражданских движений, недовольных итогами выборов, организовали митинг протеста, который завершился массовыми беспорядками. В результате погибли пятеро человек, сотни получили ранения, был нанесен значительный материальный ущерб (офис МНРП был фактически сожжен вместе с архивом партии). Указом Президента страны в столице Монголии был введен режим чрезвычайного положения. По оценке признанного монголоведа М. И. Гольмана, «корни этой драмы кроются в растущей социальной дифференциации монгольского общества, низком уровне жизни значительных слоев населения, коррупции и безработице, борьбе политических партий и стоящих за ними политических сил за право распоряжаться природными богатствами, слабости и уязвимости относительно молодых демократических институтов» [5]. Руководство страны дало согласие рассмотреть факты нарушений в ходе парламентских выборов и частично пересмотреть итоги голосования, в результате чего МНРП получила 39 мест в парламенте, а Демократическая партия – 25. Разразился затяжной политический кризис, выходом из которого стало «нестандартное решение» МНРП об образовании коалиционного с ДП правительства в составе 8 министров-членов МНРП и 5 членов ДП. По мнению специалистов, это правительство и в настоящее время продолжает работать весьма эффективно, хотя и подвергается перманентной критике с обеих сторон.

В апреле 2009 г. на конференции МНРП Н. Энхбаяр был вновь выдвинут кандидатом на пост Президента Монголии. В то же время внутри МНРП сохранялась сложная и противоречивая ситуация, связанная с тем, что в результате

формирования коалиционного правительства ряд членов МНРП не получили государственных постов и министерских портфелей. Внутри партии образовалось несколько фракций: а) Увснурская, представленная выходцами из Увс аймака и западных регионов Монголии. Претендентом от этой фракции рассматривался действующий министр внутренних дел и юстиции, бывший спикер парламента Ц. Нямдорж, покинувший должность спикера по настоянию Президента Н. Энхбаяра; б) Сухэ-Баторская, представленная выходцами из восточных и юго-восточных аймаков страны. Главными фигурами в этой фракции стали члены Великого Государственного Хурала (ВГХ), экс-министр финансов Ч. Улан, бывший министр иностранных дел С. Батболд и бывший министр юстиции и внутренних дел Ц. Мунх-Оргил; в) Городская (столичная) фракция, лидером которой был экс-мэр г. Улан-Батора, действующий вице-премьер М. Энхболд, который, несмотря на давление президента, отказался передавать российской стороне часть акций на право эксплуатации крупного месторождения серебра «Асгат». Фракцию поддерживает интеллектуальная элита страны, входящая в Демпартию под названием «Алтан Гадас» (Полярная звезда); г) Молодежная фракция, лидером которой является У. Хурэлсух, назначенный на должность секретаря МНРП.

Первоначально шансы действующего президента Н. Энхбаяра оценивались достаточно высоко. В его пользу говорили имеющийся широкий административный ресурс, личный авторитет, умение наладить конструктивные контакты с любыми политическими партнерами.

Кандидат в президенты от Демократической партии Ц. Элбэгдорж выдвинул центральным лозунгом своей избирательной кампании выборы демократического президента. При этом он не пытался маскировать откровенную ставку на помощь со стороны Запада, взяв за

образец американские демократические институты. Уже после окончания первого заседания весенней сессии Великого Государственного Хурала Ц. Элбэгдорж встречался с иностранными послами, принимавшими участие в открытии сессии, а его сторонники выехали в США и ряд других западных стран с целью привлечения финансовой подпитки и политической поддержки избирательной кампании своего кандидата.

На первом этапе избирательной кампании кандидат Н. Энхбаяр значительно опережал своего соперника среди электората старшего возраста, а также сельского населения страны. Ц. Элбэгдорж имел сильные позиции в молодежной среде, а также в столице, где сосредоточено большинство избирателей. Высокий рейтинг Ц. Элбэгдоржа наблюдался в западных аймаках и в г. Эрдэнэт, где он начинал свою политическую карьеру. В то же время в рядах Демпартии, которая не являлась единой сплоченной организацией, насчитывалось немало сторонников других кандидатов. Поэтому Ц. Элбэгдорж попытался создать альянс с партией «Гражданская воля» (С. Оюун) и Партией зеленых (Д. Энхбат). Однако реального влияния на электорат эти партии не имели.

Оба кандидата в президенты провозглашали фактически идентичные принципы внешней политики, учитывающие приоритет исторических и географических соседей – России и Китая. Однако в печати активно проскальзывала мысль о приверженности действующей власти в лице президента Н. Энхбаяра и премьера С. Баяра российскому и китайскому вектору внешней политики в ракурсе предстоящих визитов российских президента и премьер-министра в Монголию и подготовки к торжественной дате 60-летия со дня установления дипломатических отношений МНР и КНР, в то время как Ц. Элбэгдорж ориентировался на сотрудничество со странами Запада, Китаем, Японией [15, с. 4].

Старт избирательной кампании показал явные промахи Н. Энхбаяра, связанные с тем, что кандидату в президенты не удалось организовать мобильную, мощную рабочую команду, способную хотя бы не девальвировать оставшийся кредит доверия граждан. Многие авторитетные представители руководящего корпуса МНРП фактически не принимали участия в агитации за кандидата от партии. Предвыборная кампания велась устаревшими методами, преобладал акцент на личные встречи кандидата с электоратом в подготовленных залах различных учреждений, а коллектив российских имиджмейкеров, задействованных предвыборным штабом Н. Энхбаяра, не смог освежить облик кандидата в президенты и усилить ход агитации.

Ц. Элбэгдорж проводил предвыборную кампанию в напористом, жестком и даже агрессивном стиле. Он активно встречался с жителями Улан-Батора на площадях, рынках, игровых площадках, в скверах, парковых зонах. Его консультировали американские политтехнологи, имевшие опыт президентских избирательных кампаний в США. Заокеанские имиджмейкеры сделали ставку на ораторское искусство кандидата, включая нереальные обещания и русофобскую критику действующей власти. При этом он использовал некорректные аргументы, направленные на дискредитацию отношений между двумя странами, подчеркивающие якобы неравноправные связи между Россией и Монголией, хотя сам Ц. Элбэгдорж окончил факультет журналистики Львовского военно-политического училища.

Часть монгольских СМИ стала публиковать тенденциозные статьи явно заказного характера, характеризующие хищническое отношение России к богатствам страны [12, с. 2], в неприглядном виде подавалась информация о состоянии УБЖД, «большого долга» Монголии России (10 млрд. долл.), деятельности российской горнорудной компании «Зо-

лотой Восток-Монголия», приватизации нескольких жилых домов, где проживают монгольские и российские граждане.

Дальнейшие события показали, что предвыборный штаб действующего президента во время избирательной кампании не отличался активностью, а в настроениях сторонников Н. Энхбаяра наблюдалось упование на инерцию прошлого успеха, стремление использовать административный ресурс и авторитет партии. Российские консультанты, приглашенные представителями МНРП, не смогли противопоставить пропаганде и агитации соперника серьезные аргументы, допустили серьезные просчеты. Так, например, попытка выставить кандидата от Демпартии как выходца из Китая, вызвала обратный эффект и сыграла в пользу Ц. Элбэгдоржа. Итоги избирательной кампании показали, что представитель Демпартии Ц. Элбэгдорж, набрав 51,24 % голосов избирателей, одержал победу.

С приходом нового президента концепция внешнеполитической стратегии Монголии не изменилась. Выступая на первом митинге в связи с избранием президентом, Ц. Элбэгдорж подчеркнул последовательность и преемственность внешнеполитического курса, отметив важность и приоритет отношений с Россией и Китаем.

2010 год не только не принес стабильности в Монголии, но и ознаменовался апрельским политическим кризисом, обусловленным невыполнением предвыборных обещаний депутатским корпусом ВГХ и президентом страны. Речь шла о повышении зарплаты и пенсий бюджетной сфере, увеличении минимального уровня оплаты труда и денежных дивидендах всем гражданам Монголии от эксплуатации крупнейших горнорудных месторождений страны в размере 1,5 млн. тугр. каждому гражданину. Причем страна стояла перед угрозой всеобщей забастовки в масштабах всей страны. В этой связи правительство

приняло решение о распределении по 120 тыс. тугр. каждому гражданину страны из бюджета специально созданного «Фонда развития человека». В целом же предполагалось выплатить 1,5 млн. тугр. каждому гражданину Монголии в виде отчислений на пенсионное и медицинское страхование, права на осуществление платежа за образовательные услуги, услуги здравоохранения и покупку жилья и выдачу наличных денег в течение срока полномочий действующих составов ВГХ и правительства. Это было обусловлено тем, что большинство безработных граждан, аратов-скотоводов и индивидуальных предпринимателей (около 800 тыс.) были не охвачены пенсионным страхованием, а 400 тыс. граждан – медицинским страхованием. С 2011 г. планировалась выплата страховых сборов этим гражданам из «Фонда развития человека» для получения пенсий и медицинских услуг. Это позволило бы перейти к социально ориентированной политике, созданию всеобщей системы пенсионного и медицинского страхования.

В проекте «Новая железная дорога» правительство объявило о создании железнодорожной инфраструктуры, в которой стратегическая дорога будет проложена с запада страны и пройдет через Таван толгой – Сайншанд – Чойбалсан до восточных окраин. Именно этот маршрут позволит начать разработку месторождений меди, угля, железа, урана и нефти, расположенных в Восточном, Центральном и Гобийском регионах и открывает возможности развития и укрепления экономических связей со странами Северо-Восточной Азии.

На обеспечение условий для комфортного и здорового проживания граждан столицы Монголии нацелен проект «Улаанбаатар без дыма», в котором предусмотрена реализация программы «Жилье на 100 тысяч квартир», масштабное озеленение города.

Это решение правительства позволило преодолеть политический кризис

в стране и в то же время стало ярким свидетельством демократических завоеваний Монголии, уровня зрелости монгольского общества, его способности отстаивать собственные интересы.

6–9 ноября 2010 г. состоялся XXVI съезд МНРП. Подавляющим большинством голосов он изменил прежнее название партии на первоначальное, устранив слово «революционная» [9]. Тем самым Монгольская народная партия (МНП) продемонстрировала дистанцирование от коммунистического прошлого и стремление обновить ряды партии за счет молодежи.

В это же время начала формироваться третья политическая сила под руководством экс-президента страны Н. Энхбаяра, не пожелавшая расстаться с прежним названием – МНРП. В апреле 2012 г. Н. Энхбаяр был арестован. Ему было предъявлено обвинение в коррупции и превышении служебных полномочий, а также в причастности к гибели нескольких человек во время июльских беспорядков 2008 г. После вынесения официального приговора в августе 2012 г. Н. Энхбаяр не признал своей вины, указал на политические причины судебного процесса и извращение фактов [7].

Другие 13 политических партий (особенно «Гражданская воля», «Партия зеленых», «Новая национальная партия» и др.) в преддверии парламентских выборов 2012 г. искали пути для объединения усилий в предвыборной борьбе. Но главными игроками на политической арене Монголии в выборах 2012 г. в Великий Государственный Хурал оставались Монгольская народная и Демократическая партии.

28 июня 2012 г. состоялись выборы в Великий Государственный Хурал, на которых победу с небольшим преимуществом одержала Демократическая партия Монголии. По мнению М. И. Гольмана, на такой исход выборов решающее влияние оказали два политических со-

бытия, имевшие место после выборов ВГХ в 2008 г. Во-первых, это переименование правящей более 70 лет в Монголии МНРП на ее XXVI съезде 6 ноября 2010 г. в изначальную Монгольскую народную партию 1921–1924 гг., изменение устава и концепции партии, что вызвало раскол и, как писала монгольская пресса, «от МНРП отпала одна нога» [19]. Вторым событием, повлиявшим на поражение МНП, явился давно созрев-

ший выход ДП 5 января 2012 г. из состава коалиционного правительства с МНП, сформированного 12 сентября 2008 г. с целью преодоления политического кризиса [4, с. 77, 78]. Однако итоги избирательной кампании не внесли ясности в сложную политическую ситуацию в стране, а лишь стали началом нового этапа противостояния между крупнейшими политическими силами Монголии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Литература

1. Баркман У. О политическом самоопределении МНРП. – 2009. – 25 авг. Режим доступа: <http://www.ucanews.com/~ucasian/our/mg9960.htm>.
2. Вновь вкусившие // Коммерсантъ – Первый рейтинг. – 2006. – 1 сент. – № 1.
3. Гармаева И. Б. Особенности демократизации Монголии: внутренние и внешние факторы: дисс. ... канд. полит. наук. – Улан-Удэ, 2011. – С. 103.
4. Гольман М. И. Победа демократов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2012. – № 4 (8). – С. 77–78.
5. Гольман М. И. Монголия. Долгое эхо бурного лета 2008-го // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 9. – С. 43–46.
6. Глуцовский П. Обратно, но не в обратном направлении. Монгольская революционная народная партия снова у власти. – М., 2000. – С. 33.
7. Солянская К. Президент на миллиард. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2012/08/03_a_4709009.shtml.
8. Яскина Г. С. Монголия: смена модели развития. – М., 1994. – С. 57.
9. TVCOM. Региональная новостная передача «Середина Земли» (АИСТ–Монголия). – 2010. – 7 нояб.
10. Ардчилсан торийн сонгуулийн товчоон. – Улан-Батор, 2002. – С. 102.
11. Ардын Эрх. – 1991. – 5 сент.
12. Билэгт О. Ерөнхийлөгч хэзээ тангараг өргөх вэ? // Үндэсний шуудан. – 2009. – 16 мая. – С. 2.
13. Дарангуйлагч // Одрин Сонин. – 2004. – 25 июня.
14. Дашзэвэг Х. МУАН-ын тухэн тэмдэглэл (1989–1996). – Улан-Батор, 1998. – С. 248.
15. Идэрхангай Г. Монголын баялаг сөрөг хүчний мэдэлд орлоо // Үндэсний шуудан. – 2009. – 28 мая. – С. 4.
16. Монгол Улсын Ундсэн Хууль. – Улан-Батор, 1992. – С. 30.
17. Монгол Улсын Ероонхийлогчийн Сонгуулийн Хууль. – Улан-Батор, 1997.
18. Монгол Улсын Их Хурлын Сонгуулийн Хууль. – Улан-Батор, 1996. – С. 4.
19. Монцамэ. – 2011. – 31 янв.
20. Орон нутгийн сонгуулийн дун, туунээс хийх улс тоорийн дуугнэлт, сургамц // Унэн. – 1996. – 11 дек.

21. Оуюнчимэг Б. Культурно-цивилизационные и политические основы демократизации общества. – Улан-Батор, 2001. – С. 119.
22. Сэтгүүлчид сонгуулийн уеэр баримтлах зарчмаа тохиров // Зууны Мэдээ. – 2004. – 15 апр.
23. Хуулий этгэдийн улсын буртгээлийн туухай хууль-аас // Зууны Мэдээ. – 2004. – 22 янв.
24. Чинбилиг Б. МАХН буль нэмлээ // Унэн. – 2004. – 3 февр.
25. Энхбаяр Н. МАХН-ын шинэлчээлийн тулгамдсан зорилтууд, в МАХН-ын ХХII Их Хурал (Улан-Батор, 21–24.02.1997). – Улан-Батор, 1997. – С. 31.
26. Barkhmann (Hrsg) Udo В. Монгол Улсын Шинжилтийн Уеийн Улс Торийн Намуудын Уурэг. – Улаанбаатар хот, 2006. – С. 163–165.
27. Mongolia communist party to become self-financing // The Straits Times. – 1990. – 18 March.
28. Mongolia Makes Leadership Changes; Reformer Selected as General Secretary of Communist Party // The Washington Post. – 1990. – 15 March.

УДК 339.5 (51) + 615.2

Б. З. Нанзатов, М. М. Содномпилова

**ЛЕКАРСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА
В ТОРГОВО-ОБМЕННЫХ ОПЕРАЦИЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ,
МОНГОЛИЕЙ И КИТАЕМ В XVII–XIX ВВ.**

Лекарственные средства растительного и животного происхождения были одним из важных объектов торговли в торгово-экономических отношениях России с разными странами Востока, в частности с Китаем и Монголией в XVII–XIX вв. В данной статье мы остановились на перечне наиболее известных товаров, относящихся к категории лекарственного сырья, которые присутствуют в официальных документах, сопутствующих торгово-обменным операциям, упоминаются как контрабандный товар в источниках неофициального характера.

Ключевые слова: Россия, Цинская империя, Монголия, торгово-экономические отношения, лекарственное сырье, контрабанда.

B. Z. Nanzatov, M. N. Sodnompilova

**MEDICINES IN TRADE
AND EXCHANGE TRANSACTIONS BETWEEN RUSSIA,
MONGOLIA AND CHINA IN 17TH – 19TH CENTURIES**

Medicines of herbal and animal origin have been one of important objects of trade in the economic and trade relations between Russia and various countries of the Orient, in particular with China and Mongolia in the 17th – 19th centuries. In this article the authors analyze the list

---

НАНЗАТОВ Баир Зориктоевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: nanzatov@yandex.ru.

СОДНОМПИЛОВА Марина Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: sodnompilova@yandex.ru.

of best known products belonging to the category of medicinal plants, which are present in the official documents related to trade and exchange transactions. They are also referred to as smuggled goods in the informal sources.

Key words: Russia, the Qing empire, Mongolia, trade and economic relations, crude drug, smuggling.

Лекарственные средства растительного и животного происхождения были одним из важных объектов торговли в товарообменных отношениях на обширном евразийском пространстве со времени формирования в процессе монгольских завоеваний единого макроэкономического пространства средневековой мир-системы. Важное место занимает этот вид товара и в торгово-экономических отношениях России с разными странами Востока, в частности с Китаем и Монголией, в XVII–XIX вв. Этот период характеризуется активным смещением вектора восточного направления внешней торговли Российской империи за Урал, в Восточную Сибирь, формированием новых центров российско-восточной торговли.

Активное развитие торгово-экономических отношений России с Востоком этого периода совпадает с началом становления фармакологии в России. Лекарственные препараты и лекарственное сырье приобретают важное значение для Российской империи с появлением в России в XVI в. европейских врачей и становлением аптекарского дела. В 1620 г. при царе Михаиле Федоровиче был учрежден Аптекарский приказ, целью которого стало обеспечение страны лекарственными препаратами, расширение экспорта отечественных препаратов и лекарственного сырья [17, с. 2].

Возможно, что в этот период интерес к получению услуг и лекарственных средств от европейской медицины стал проявлять и Китай. Полагаем, что причиной такого интереса стало обращение императора Канси к европейской медицине, что, в свою очередь, было связано с его болезнью в 1692 г., когда он заболел лихорадкой во время очередной инспек-

ционной поездки на юг от реки Янцзы. «Китайские врачи ничем не могли помочь. И только обращение к врачам-иезуитам спасло Канси: отец Фонтане вылечил императора хинином. Этот факт возбудил интерес Канси к европейской медицине, анатомии и физиологии человеческого тела» [11, с. 143]. Полагаем, что интерес императора Канси к европейской медицине не был ограничен одним лишь переводом на маньчжурский язык ряда европейских медицинских трактатов, таких как «Книга о европейских лекарствах», «Полное описание всего тела, изданное по высочайшему указу» (переведенное с «Anatomie de l'homme suivant la circulation du sang et les nouvelles decouvertes» Пьера Диониса). Известно также, что некоторые медицинские сочинения с маньчжурского были переведены в последующем на монгольский, о чем писал А. М. Позднеев [13, с. 162], который приобрел образцы такой литературы, исследуя деятельность монгольских лам-эмчи.

Несмотря на то, что лекарственное сырье и лекарственные препараты были важным предметом торговли, они редко присутствуют в перечнях товаров, вывозимых из России в Китай и продаваемых для российских потребителей. Проблема, вероятно, состоит в том, что значительная часть такого товара попала на рынки контрабандным путем. Исключение составляет ревеня – один из немногих товаров, на приобретение и реализацию которого в России была наложена государственная монополия. Известно, что в определенные периоды частная торговля ревенем находилась под строжайшим запретом и наказывалась смертной казнью.

Лекарственное сырье, используемое напрямую или для приготовления препаратов, подразделялось на сырье растительного, животного и минерального происхождения. К последнему относятся разные драгоценные и полудрагоценные камни, золото и серебро, из которых готовили порошки, делали амулеты. Лекарства минерального происхождения широко применялись в фармакологии китайскими медиками. Проявляли интерес к лекарственным средствам минерального происхождения и в России. Так, в частности, известно, что из-за границы в Россию доставляли аметист [17, с. 2].

Преимущественно же в перечне товаров, вывозимых из России в Китай и обратно, отмечается лекарственное сырье растительного и животного происхождения. Как уже говорилось выше, перечень таких товаров в силу разных причин, незначителен. Прежде всего следует отметить, что внешняя политика Цинской империи характеризовалась стремлением изолировать Китай от внешнего мира, что не способствовало развитию торговых отношений в целом. Во-вторых, Китай богат собственными ресурсами лекарственных растений, на основе которых китайские лекари изготавливали лекарственные препараты (то же самое можно сказать и о России). В-третьих, значительная часть лекарственного сырья и готовых препаратов доставлялись к месту назначения контрабандным путем, в связи с чем неизвестны объемы продаж такого товара, его назначение и дальнейшая переработка (если речь идет о сырье). Вообще, такому специфическому товару уделялось не очень много внимания со стороны исследователей прошлых столетий. Сведения о том, какое лекарственное сырье продавалось в Китай из России и Монголии, довольно скудны и отрывочны и чаще всего представлены в дневниках и сообщениях русских путешественников, т. е. источниках неофициального характера [1].

Но все же эти сведения позволяют выявить, какие растения или сырье

животного происхождения вывозились в Китай с территории Центральной Азии. Так, например, согласно наблюдениям Пржевальского, – это *Гоби гоё* (*Synopogon sossineum*), редкое растение полупустынной зоны, которое в настоящее время является объектом контрабанды из Монголии в Китай. Впервые об этом растении упоминает в своих трудах Н. М. Пржевальский. «На ключах Чиргу-булык, где была сделана дневка, встретилось много пролетных уток, и мы опять отлично за ними поохотились. Окрестности того же Чиргу-булыка совершенно пустыньны, и лишь возле самых ключей залегают несколько крохотных площадок зеленой травы, донельзя выеденной монгольским скотом. На корм последнему идут также толстые стебли *Synopogon sossineum* [циноморий краснеющий, гоё], довольно здесь обильного. Монголы сами употребляют в пищу это растение, сварив его предварительно. Слышали мы также от монголов, что сушеное *Synopogon* вывозится в Китай, где служит прохладяющим средством во время сильных жаров» [14, с. 117].

Известный путешественник М. В. Певцов, не раз сопровождавший караваны русских купцов в Монголию и Китай, обращает внимание на то, что в Китай вывозились партии сушеных грибов: «Нужно упомянуть еще о сухих грибах, вывозимых во Внутренний Китай из лесистых местностей Гэнтэя, Хангя и Алтая» [12, с. 235]. При этом он не вникает, какие именно грибы вывозились и для каких целей они были нужны китайцам.

Ревень. В Россию в огромных количествах завозили из северного Китая ревень, который был чрезвычайно востребован для российской медицины, и одновременно поставлялся как экспортный товар на рынки Европы, где сбывался за баснословные суммы. Ревень с древности использовался в китайской народной медицине как тонизирующий напиток, средство, обладающее антисептическими свойствами, и слабительное.

Как слабительное средство ремень стал неотъемлемой частью домашних аптек каждого русского дома.

В Сибири произрастал ремень черешковый, но более ценными как лекарственное средство считались ремень тангутский и ремень копытчатый, растущие на территории северного Китая. Об этом растении как одном из главных экспортных товаров Китая, местах его произрастания упоминает в своих заметках Марко Поло. В его книге названы несколько областей, где произрастает ремень. Главной областью считался Тангут: «Во всех тамошних горах много ремню; купцы, купив его, развозят по всему свету» [19, с. 574, 575].

Поставщиками ремня на рынки России и Европы были китайцы-мусульмане. В документах на русском языке торговцы-мусульмане зачастую назывались «бухарцами», так как часть из них была из туркестанских городов-оазисов. В XVII в. бухарцы привозили ремень в Тобольск, Томск, Иркутск, Тару и Тюмень. Доставлялся ремень и в Кяхту, который со времени своего основания становится центром торговых сделок между Россией и Цинской империей. Доставкой ремня (дайхуан) в Кяхту занимались все те же китайцы-мусульмане – хуэйцзу из провинций Синцзян, Ганьсу и Цинхай, которые приобретали его у населения предгорий Тибета и Кукунора [9, с. 38]. На торговлю ремнем – важнейшим экспортным товаром России в Европу – неоднократно за всю историю торговли этим лекарственным средством устанавливается государственная монополия. Но с открытием китайских портов после англо-китайских войн 1839–1842 и 1856–1860 гг. все запреты, связанные с продажей ремня, а также других товаров, были сняты.

Панты марала. В число дорогостоящего лекарственного сырья, чрезвычайно востребованного в Цинской империи, относились панты – новые, отрастающие весной рога крупных оленей – маралов

и изюбрей, которые буряты и монголы называли «кровяными» – *шуан эбэр*. В июне сырые, растущие рога самцов-изюбрей достигают полного развития. Наиболее ценными считались рога молодых оленей, «с наименьшим количеством отростков и без дефектов, т. е. полнокровные, без царапин, швов, плешей, с тупыми незаостренными концами отростков, покрытые бархатистым пушком» [5, с. 40].

В XVII–XIX вв. охота на самцов изюбрей и маралов с целью добычи рогов была важной статьей охотничьего промысла как в южной Сибири, так и в Монголии и сохраняла свою значимость еще в начале XX в. Такую добычу зверя нельзя было считать рациональной, так как охотники в это время года брали только рога животного. «От убитого зверя берут лишь рога; мясо и шкуру бросают; мясо быстро портится, а летняя шкура невысокого качества» [16, с. 566]. Такой промысел постепенно привел к сокращению численности оленей на всей территории распространения этого животного. Однако высокая цена на оленьи панты способствовала формированию практики содержания маралов в неволе. Так, в некоторых районах южной Сибири, а именно на Алтае, появляются так называемые «маральники», где стали содержать оленей в неволе. Казалось бы, что такие центры разведения маралов будут способствовать снижению интереса охотников к добыче диких оленей из-за пантов. Однако в действительности этого не произошло: цена на рога оленей добытых на охоте была выше, чем на рога прирученных животных. «Китайцы платят гораздо больше за рога, на нижних концах которых остается верхняя часть черепной коробки» [15, с. 156].

«Кровяные рога» быстро портились и существовали разные приемы, направленные на сохранение их целебных свойств. Г. Е. Грумм-Гржимайло пишет, что панты необходимо было в день добычи препарировать, т. е. проварить в воде или чайном растворе для придания рогам более красивого вида [3, с. 596].

С. Г. Жамбалова фиксирует более точную процедуру подготовки маральных рогов к продаже. Снятые с животного рога следовало держать вершинными концами вверх или сразу варить в большом котле в несоленой воде. Рога, начиная с верхних концов, опускали в кипящую воду несколько раз, затем полностью опускали в чан и варили до тех пор, пока ткань рогов не поддавалась слабому нажиму пальцев. Потом рога вынимали, обсушивали тряпками и вывешивали в тени, на сквозняке. Через два-три дня процедуру повторяли. Толстые рога обрабатывали так 2–3 раза. После такой консервации панты шли на продажу [5, с. 40].

Г. Р. Галданова в своей работе отмечает, что рога кипятили в настойке байхового чая, а потом сушили. По другому, более сложному варианту рога в день добычи опускали в кипящую воду два раза на 5 минут и вешали сушить. В последующие дни рога кипятили по 10 минут, до тех пор пока они не затвердеют [2, с. 94]. Такой процедуры было достаточно для продажи маральных рогов. Очевидно, что данный вид консервации был согласован между продавцами и покупателями в процессе взаимного обмена информацией и опыта на протяжении предыдущих столетий. Привлекает внимание способ кипячения рогов в байховом чае, который можно рассматривать как новый элемент в традиционной народной медицине, поскольку чай получил массовое распространение в быту монголов и бурят в средневековье.

Порошок из рогов марала широко использовался в традиционной тибетской медицине буддийскими лекарями: бурятские и монгольские ламы давали больным этот порошок как средство широкого спектра действий. Настойка пантов способствовала заживлению ран, повышению жизненных сил, омолаживанию организма. Это средство применяли при заболевании верхних дыхательных путей, легочных заболеваниях, женских болезнях, кровотечениях. Лекарство из

пантов оленей действуют тонизирующе при переутомлении, неврозах, астенических состояниях, артериальной гипотонии и особенно полезно после острых инфекционных заболеваний. Как отмечает Г. М. Осокин, это лекарство было очень дорогим [10, с. 301].

Маральи рога наряду с пушниной были основным предметом обмена в приграничных районах на Алтае, западной Монголии. Русские купцы и китайские торговцы выменивали маральи рога у местного населения на чай и другие товары первой необходимости – капканы, котлы, ткани, табак. Как отмечает в своих очерках действительный член Императорского Русского географического общества М. В. Певцов, в высокие горные области Алтая торговать с местными урянхайцами приезжают бийские купцы, которые остаются там на все лето, имеют свои торговые лагеря в глубине урянхайской земли и китайские торговцы. «В той же долине верхнего Ойгора, но верст пять выше пикета, стоял лагерем приказчик бийского купца Васильева, торговавший с урянхями. В течение пяти лет он ежегодно приезжает на это место из Бийска с товаром и торгует до наступления зимы. Часть товара продает на месте, в лагере, где у него склад, а другую, наибольшую, развозит по кочевьям урянхаев, посещая каждое лето высокие горные области Южного Алтая, в которых кочует этот народ. Больше всего он продавал урянхям капканов, или ловушек, как называют эти снаряды наши купцы, торгующие в Монголии, затем юфть, металлические изделия и ткани. Взамен этих предметов получал от урянхаев сурочьи шкуры, лисиц, куниц, немного соболей и маральи рога. Китайцы из г. Кобдо, по свидетельству этого приказчика, имеют несколько торговых лагерей в глубине урянхайской земли и выменивают от туземцев на кирпичный чай, железные изделия и ткани, лучшие меха и маральи рога» [12, с. 12].

В торговых обменах принимали активное участие и китайские офицеры по-

граничных постов, которые несли свою службу в течение нескольких лет и имея возможность отлучаться иногда в города, например г. Кобдо, закупали там китайские товары, необходимые местным жителям, и обменивали их на пушнину и маральи рога.

В 1878 г. М. В. Певцову довелось сопровождать торговый караван бийских купцов, который в первый раз отправлялся не в г. Кобдо, где обычно и совершались торговые операции бийских купцов, а в г. Хухо-хото (Гуй-хуа-чен). Примечательно, что товар каравана состоял исключительно из маральных рогов. Купцы приобрели рога на Алтае от местного населения, добывающих ежегодно довольно много диких маралов. Рога также скупались у алтайских крестьян-охотников и мараловодов, отчасти и в Монголии у урянхайцев и торгутов. Что же заставило бийских купцов объединить усилия и отправиться в далекий от России город Хухо-хото, где не было никаких гарантий удачной продажи товара, его сохранности в пути? По этому поводу Певцов пишет следующее: «До 1878 г. купцы сбывали эти рога китайцам в Кобдо и Улясутае по весьма умеренным ценам, сравнительно с ценами во Внутреннем Китае. Поэтому они решились отправить их в Куку-хото, где, по собранным сведениям, надеялись продать несравненно дороже, чем в Кобдо и Улясутае. Других товаров купцы с этим караваном не посылали, так как им неизвестно еще было, на какие из них существует спрос в г. Куку-хото [12, с. 28]. Этот товар, стоимость которого составила 11380 руб., был продан в Гуй-хуа-чене купцом Антроповым за 21000 руб., несмотря на то, что в 1878 г. цена на маральи рога была очень низкая. Осуществив первую и удачную сделку, бийские купцы решили отправлять маральи рога в Гуй-хуа-чен в течение трех последующих лет.

Помимо законных участников внешнеторговых операций в лице торговцев (например, купцов I гильдии) в эту де-

ятельность были вовлечены представители буддийского духовенства, а также приграничное население. С распространением буддизма по территории Центральной Азии в жизни кочевников занимают важное место лекарства [II], изготовленные по рецептам тибетской медицины, которые становятся панацеей от многих заболеваний. Готовые препараты и лекарственное сырье становятся важным объектом торгово-обменных операций, участниками которых были представители буддийского духовенства. С развитием школы тибетской медицины в Монголии и Забайкалье местными ламами была проделана огромная работа по изучению и внедрению в рецептурные справочники заменителей оригинального тибетского лекарственного сырья растительного происхождения из забайкальской флоры. Однако процесс этот был длительным (первый медицинский факультет в Бурятии был основан в Цугольском дацане в 1869 г., еще позже появились местные рецептурные справочники – «чжоры») [1], и далеко не все ингредиенты были незаменимыми, в связи с чем торговля лекарственным сырьем и готовыми препаратами сохраняла свое значение и в начале XX в. За лечением тибетскими лекарствами к буддийским лекарям обращаются даже шаманы, поскольку изготовление лекарственных препаратов и методы лечения с их применением не входили в традиционную практику служителей «черной веры» [III].

Анализ хозяйственно-финансовой системы бурятских дацанов, выполненный коллективом авторов монографии «Ламаизм в Бурятии», показал, что дацаны, обладая значительными наделами собственной земли, скота, вещей поступлений от прихожан, были инициаторами и активными участниками торговых, меновых, ссудно-ростовщических и арендных операций. Дацаны принимали активное участие в меновых и торговых операциях не только в близлежащих приграничных городах Кяхте и Маймачене,

но и в Урге, Хухо-хото. После ограничения зарубежных торговых дел дацанов «Положением 1853 г.», введенным царской администрацией, пограничная и зарубежная дацанская торговля приобрела скрытый характер, совершаясь через скупщиков и доверенных лиц. «Бурятские дацаны имели постоянные связи с Тибетом, Монголией и Китаем. Из Урги ежегодно отправлялись караваны в Лхасу через Долоннор и Хухо-Хото, к ним присоединялись группы паломников и под их видом – монгольские и бурятские ламы, торговцы и контрабандисты» [7, с. 69]. Монгольские ламы, по наблюдениям А. М. Позднеева, встречались работниками в каждом встречном караване (т. е. нанимались в работники официально), отправляли обязанности возниц на почтовых станциях [13, с. 176], тем самым обеспечивая себя возможностью заниматься продажей и приобретением необходимых товаров.

Как уже говорилось выше, основными предметами, которыми торговали ламы, являются как готовые лекарственные препараты, завозимые в Монголию с территории Китая, Тибета, так и лекарственное сырье. В XIX в. Урга была ближайшим к Забайкалью местом, где бурятские ламы могли получить медицинское образование. По наблюдениям Г. М. Осокина, бурятские ламы ездят для изучения тибетской медицины в Ургу, живут там несколько месяцев, закупают разные редкие лекарства, амулеты, которые буряты считают священными и излечивающими болезни прикосновением к ним. Возвращаясь в свой улус, они уже считаются более опытными и учеными лекарями. Стремление бурятских лам к изучению тибетской медицины подстегивалось высокой конкуренцией. Как пишет Г. М. Осокин, «...конкурентами местных бурятских лам по лечению и ворожбе являются заезжие монгольские, живущие на пограничной полосе. Хотя они и славятся как более опытные лекаря, к тому же имеющие большой запас

дорогих тибетских медикаментов, но приглашают их большей частью только богатые буряты, так как алчность их известна всем бурятам. Ввиду же мнения буряты, что монгольский лама по познаниям в медицине стоит выше, то неудивительно, что бурятские ламы стараются учиться у них...» [10, с. 170, 171].

Преимущественно как контрабандный товар из приграничных районов южной Сибири, в частности Забайкалья, в Монголию и дальше в Китай сбывался мускус кабарги *хүдэрийн унгэлгээ*, или «ларзи», согласно номенклатуре тибетской медицины, медвежья желчь *баавгайн хэлхэн*, известная в тибетской медицине как «домти». Эти два средства животного происхождения обладали широким спектром лечебных действий: мускус использовался как жаропонижающее средство, при простудных заболеваниях, желчь была эффективна при лечении ангины, при некоторых внутренних болезнях [2, с. 92]. В связи с этим и мускус, и желчь высоко ценились в тибетской медицине. Избытка такого товара не наблюдалось, поскольку значительная часть этих средств использовалась в лечебных целях местным населением. Высоко ценились в китайской медицине рога сайгака, которые и сегодня являются объектом незаконной торговли в Монголии [4, с. 123].

Полагаем, что контрабандным товаром, вывозимым в Китай с территории Монголии, было сушеное мясо горной куропатки, общеизвестным названием которой является тюркское «улар». Ее местом обитания служат горы Монгольского Алтая. Ойраты называют эту птицу *хойлог* [IV].

Целебные свойства мяса горной куропатки, издавна используемого в тибетской и монгольской медицине, в современной медицине определены как нативный препарат, оказывающий хорошее гранулирующее действие при лечении гнойных ран. Механизм действия и химическая природа подобных

тканевых препаратов также не изучены. По мнению В. П. Филатова — крупного специалиста по тканевой терапии, при консервации животных тканей образуются высокоактивные вещества, играющие роль стимуляторов биохимических и биофизических процессов в организме. Эта информация требует ее экспериментального изучения на антимикробный и стимулирующий эффекты [V].

В данной статье мы остановились на перечне наиболее известных товаров, относящихся к категории лекарственного сырья, которые присутствуют в официальных документах, сопутствующих торгово-обменным операциям, упоминаются как контрабандный товар в источниках неофициального характера, в связи с чем неизвестны объемы продаж такого товара и конечные цели его использования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Примечания

I. Не способствовали отражению полноты и достоверности сведений торгово-обменных операций договоры и соглашения между Россией и Китаем, предоставившие подданным России и Китая право беспошлинной торговли вдоль русско-китайской границы на расстоянии 100 ли (50 верст) и в Монголии, которым они активно пользовались.

II. Следует отметить, что понятие *эм* – «лекарство» в представлениях монгольских народов стало связываться преимущественно с буддизмом, с буддийскими лекарями *эмчи*. Значительная часть терминов, обозначающих медицинский инструментарий, связана с тибетскими лекарствами (*эмийн шигшүүр* – решето для просеивания тибетских лекарств, *эмийн уут* – мешочек для хранения тибетских лекарств, *эмийн хэмнүүр* – мерка для отмеривания доз лекарства).

III. Факты обращения шаманов к буддийским лекарям неоднократно отмечались разными исследователями в Бурятии, Туве – самых северных территориях распространения буддизма. Об этом пишет, в частности, П. Е. Островских [цит. по: Монгуш, 2008, с. 220].

IV. Ойраты верят, что мясо *хойлога* способствует заживлению ран. При этом исцеляющая сила мяса *хойлога* передавалась человеку, который употреблял его в пищу. В этой связи у захчинов издавна строго соблюдались два запрета: не говорить, что являешься единственным сыном в семье, а также ни в коем случае не говорить, что ел мясо улара. Если человек, съевший *хойлога*, проговаривался об этом, его могли убить, так как и его мясо становилось целебным. Кусочки его тела высушивали и хранили как лекарственное средство [18, с. 77].

V. <http://www.nazdor.ru/topics/medicine/east/current/454546/>

Литература

1. Болсохоева Н. Д. Образование в мамба-дацанах этнической Бурятии // Буддийская культура: история, источниковедение, языковедение и искусство. Вторые Доржиевские чтения. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. – С. 164–172.

2. Галданова Г.Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX – первая половина XX в.). – Новосибирск: Наука, 1992. – 172 с.

3. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и урянхайский край. Т. III. Вып. 2. – Л., 1930.

4. Дробышев Ю. И., Гунин П. Д., Бажа С. Н. Роль буддизма как регулятора природопользования на разных этапах социально-экономического развития Монголии // Буддийская культура: история, источниковедение, языковедение и искусство. Вторые Доржиевские чтения. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. – С. 121–136.
5. Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. – Новосибирск: Наука, 1991. – 173 с.
6. Козлов П. К. Дневники Монгольско-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. – СПб.: Наука, 2003. – 1036 с.
7. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1983. – 233 с.
8. Монгуш М. В. Религия в истории и современной культуре тувинцев // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. – М.: Восточная литература, 2008. – С. 215–242.
9. Намсараева С. Б. Миграции во Внутренней Азии цинского периода: диаспоры «контактной зоны» Кяхта-Маймачен // Гуманитарные исследования Внутренней Азии // Вестник БГУ. – 2013. – № 1. – С. 21–46.
10. Осокин Г. М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1906. – 304 с.
11. Пан Т. А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цинн XVII–XVIII вв. – СПб., 2006. – 204 с.
12. Певцов М. В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. – Омск, 1883. – 354 с.
13. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993.
14. Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. – М.: ОГИЗ, 1948.
15. Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.
16. Симуков А. Д. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 1. – Осака: Государственный музей этнологии, 2007. – 978 с.
17. Шкунов В. Н. Аптекарский приказ и внешняя торговля России в XVII – начале XVIII в. // Московское научное обозрение. – 2011. – № 6.
18. Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – 194 с.
19. Юрченко А. Г. Книга Марко Поло. Записки путешественника, или имперская космография. – СПб.: Евразия, 2007. – 859 с.

УДК 327 (517 + 470 + 571)

В. Б. Базаров

РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Статья посвящена истории монголо-российских отношений в постсоветский период. Монголия и Россия вступили в демократический период, который разрушительным образом подействовал на экономики стран и характеризовался разрывом экономических

БАЗАРОВ Виктор Борисович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: bazarov_science@mail.ru.

связей, ослаблением политического диалога. На пути реформ Россия и Монголия, сохраняя братские и дружественные связи, наращивали интенсивность социально-экономических и внешнеполитических связей в новом демократическом формате.

Ключевые слова: Монголия, Россия, геополитика, Восточная Азия, внешняя политика, внешнеторговый оборот Монголии.

V. B. Bazarov

RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS IN THE POST-SOVIET PERIOD

The article is devoted to the history of the Mongolian-Russian relations in the post-Soviet period. Mongolia and Russia entered the democratic period, which had a destructive effect on these countries' economies and was characterized by a rupture of economic relations and the weakening of the political dialogue. On the way toward reforms Russia and Mongolia kept the spirit of friendship and brotherhood and intensified the socio-economic and foreign relations in the new democratic format.

Key words: Mongolia, Russia, geopolitics, East Asia, foreign policy, foreign trade turnover of Mongolia.

На протяжении 70 лет СССР и МНР проводили согласованную внешнюю политику. Находясь в фарватере СССР, Монголия копировала советскую внешнеполитическую стратегию, опираясь на интернациональную помощь СССР и других стран социализма. Как следствие этого у Монголии была ограничена возможность проведения самостоятельной, независимой внешней политики.

После провозглашения суверенитета Монголия начала проводить собственную независимую внешнюю политику и в феврале 1991 г. премьер-министрами Монголии и России И. Силаевым и Д. Бямбасурэном была подписана Декларация о дружбе и добрососедском сотрудничестве между странами и заключено межправительственное соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве [5, с. 376]. Новая Россия существенно ослабила внимание к Монголии, что явилось результатом концентрации усилий обеих стран на собственных внутренних проблемах и состоянии их экономик. Кроме того, ориентация России на страны Запада привела к разрыву наработанных, испытанных и про-

веренных временем связей с Монголией в политических, культурных, идеологических сферах. Резко сократились связи с соседями – бывшими советскими республиками (Казахстан, Киргизия) и российскими автономиями (республики Бурятия, Алтай, Тыва и др.). За короткий срок была разрушена система международных кооперативных связей Монголии в сфере экономики, науки и техники, культуры и т. д., в результате чего было выведено из строя энергетическое хозяйство, закрылись десятки промышленных предприятий, начались перебои с транспортом. Страна испытывала острый дефицит продовольствия, товаров повседневного спроса, на потребление которых государство было вынуждено ввести ограничения. Образовавшийся вакуум, обусловленный дефицитом дружественных отношений, стал восполняться за счет реализации экономических интересов стран Запада и азиатских держав, особенно Китая, Японии и Южной Кореи.

Во второй половине 1990-х гг. руководство России пришло к осознанию необходимости новой, более продуманной политики по отношению к странам Восточной и Центральной Азии, в т. ч. по

отношению к Монголии. Началом поворота внешнеполитического курса России в сторону Монголии стало подписание в феврале 1993 г. Президентами Монголии и России Б. Ельциным и П. Очирбатом Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве сроком на 20 лет. Согласно Договору партнеры рассматривают друг друга как дружественные государства, которые строят отношения на принципах уважения суверенитета и независимости, равенства, нерушимости границ, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, добрососедства, партнерства и сотрудничества [1, с. 3, 4]. Этот Договор ознаменовал новый этап сотрудничества двух стран, построенный на новых отношениях, которые опираются на общепринятые формы межгосударственных отношений и исходят из принципов уважения и соблюдения интересов друг друга, взаимовыгодности и равноправия каждой из сторон. При этом в условиях многопартийности построение отношений между двумя государствами диктовалось не отношениями между правящими партиями, а условиями международной практики. На протяжении второй половины 1990-х гг., на фоне общего ослабления позиций российского государства, состоялись важные встречи на высшем уровне. К концу 1990-х гг. монголо-российские отношения более эффективно развивались в области политики и дипломатии. Что касается экономического, торгового и научно-технического сотрудничества, имеющего огромные резервы, то оно не отличалось высокими темпами. Кроме того, оставались нерешенными вопросы внешней задолженности Монголии перед Россией, высоких тарифов на железнодорожные перевозки товаров по российской территории, высоких российских пошлин, отсутствия договоренностей о взаимных безвизовых поездках и др. Тем не менее сотрудничество приобрело новое качество – их участники стали равноправными политическими партнерами, а

торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество осуществлялось на здоровых принципах взаимной выгоды, т. е. в течение 90-х гг. была наработана солидная база для нового, более высокого уровня отношений.

28 июня 2000 г. Президент России В. В. Путин утвердил новую Концепцию внешней политики Российской Федерации, правовую базу которой составляют Конституция России, федеральные законы и другие правовые акты. Так, в Концепции подчеркивается: «Российская Федерация проводит самостоятельную и конструктивную внешнюю политику. Она основывается на последовательности и предсказуемости, взаимовыгодном прагматизме. Эта политика максимально прозрачна, учитывает законные интересы других государств и нацелена на поиск совместных решений» [2, с. 5]. Концептуальные основы внешней политики Монголии и России в своих основных чертах совпадали, что создало новые благоприятные возможности для развития политического, экономического и других форм сотрудничества. Этот курс подтвердило пришедшее к власти в июне 2000 г. правительство Н. Энхбаяра, представлявшее победившую на парламентских выборах МНРП, сохраняющую преемственность внешней политики государства.

13–14 ноября 2000 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин совершил официальный визит в Монголию по приглашению Президента Н. Багабанди. Руководители двух государств провели обстоятельный обмен мнениями по широкому кругу вопросов двусторонних отношений и по представляющим взаимный интерес международным проблемам, что стало важным этапом в развитии традиционно дружественных отношений между двумя странами. По результатам встречи была принята Улан-Баторская декларация, которая подтвердила приверженность сторон основным положениям Договора от 20 января 1993 г.

Было подчеркнуто, что стороны придают важное значение проведению в дальнейшем регулярных встреч на всех уровнях и сотрудничеству между правительственными органами, в т. ч. в рамках Российско-Монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Констатировав наличие значительного потенциала для наращивания торгово-экономического сотрудничества, Президенты России и Монголии поручили соответствующим органам исполнительной власти в своих странах в конструктивном ключе рассмотреть вопросы либерализации и расширения взаимной торговли, включая установление льготных железнодорожных тарифов, таможенных пошлин и других сборов. Рассматривая экономическое сотрудничество друг с другом как составную часть налаживающегося регионально-го взаимодействия в Северо-Восточной Азии, в Москве и Улан-Баторе, большое значение придали устремленным в XXI век крупным энергетическим проектам.

Чрезвычайно важным в рамках сотрудничества двух стран представляется то внимание, которое Россия и Монголия отвели сохранению и упрочению традиционных уз духовной и культурной близости между народами двух стран. Это понимание вылилось в усиление контактов между людьми, общественными, научными, спортивными и молодежными организациями двух стран. Именно в рамках этой декларации в мае 2003 г. было подписано межправительственное соглашение о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях [12].

Президенты выступили за дальнейшую совместную работу и координацию действий в области национальной и международной безопасности на основе Протокола о сотрудничестве Советов безопасности двух стран. Они подчеркнули важность восстановления военного и

военно-технического сотрудничества, взаимодействия в области подготовки профессиональных кадров в строгом соответствии с международными обязательствами сторон.

Россия и Монголия указали на большое значение работы смешанной российско-монгольской комиссии по проверке государственной границы между Российской Федерацией и Монголией с целью более четкого и ясного обозначения линии границы, особенно в местах интенсивной хозяйственной деятельности приграничного населения сторон. В этой связи постоянно проводятся совместные и скоординированные действия правоохранительных, пограничных, таможенных органов и специальных служб двух стран по обеспечению порядка на российско-монгольской границе, включая взаимодействие по предотвращению фактов угона скота.

Важным аспектом переговорного процесса стала проблема глобализации, которую стороны сочли объективным явлением, имеющим несомненные положительные стороны, предоставляющим дополнительные возможности социально-экономического прогресса, расширения человеческих контактов. Вместе с тем необходимы серьезные усилия мирового сообщества для преодоления порождаемых глобализацией новых опасностей, нередко проявляющихся в дальнейшем разрыве уровней благосостояния между богатыми и развивающимися странами. Стороны приветствовали обязательства государств, обладающих ядерным оружием, в отношении практических шагов по обеспечению систематических и последовательных усилий в деле ядерного разоружения.

Россия и Монголия выступили за тесную координацию усилий обеих стран в вопросах мира, безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и позитивно оценили роль Регионального форума АСЕАН, выразив тем самым намерение вносить до-

стойный вклад в его работу. Высказав полную поддержку сложившимся в АТР как официальным, так и неформальным диалоговым структурам, они подчеркнули их значение для дальнейшей активизации многосторонней деятельности по решению актуальных проблем региональной безопасности и сотрудничества. Россия всецело поддержала стремление Монголии стать членом АТЭС. При этом стороны обратили особое внимание на отсутствие в Северо-Восточной Азии межгосударственного механизма по вопросам безопасности и сотрудничества и высказались за интенсификацию диалога по всем каналам, направленного на его создание. В этой связи российская сторона проинформировала монгольскую о целях, задачах и деятельности Шанхайского форума как организации, открытой широкому международному сотрудничеству. Монгольская сторона проявила интерес к работе форума и заявила, что рассматривает вопрос о возможности подключения к его работе в той или иной форме. Стороны подтвердили стремление совместно бороться с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и национальным сепаратизмом, представляющими угрозу региональной безопасности, стабильности и развитию, а также с такими формами преступной деятельности, как незаконный оборот оружия и наркотиков, незаконная миграция.

В постсоветский период экономики Монголии и России набрали существенный потенциал позитивного движения, что свидетельствует о появлении реальной возможности расширить экономическое сотрудничество между нашими странами. Постепенно реализуются задачи приграничного сотрудничества. В общей сложности на сибирские регионы в России в 2000 г. приходилось около 70 % общего товарооборота между двумя странами. Главными направлениями сотрудничества были такие стратегически важные направления, как горнорудная промышленность, экспорт энергоно-

сителей из Сибири в Монголию и импорт мяса из Монголии в Россию. Субъекты Российской Федерации проявляют также интерес к налаживанию через Монголию трансграничных связей с Китаем и другими странами АТР. Но проблемы в области торговли и экономического сотрудничества остались. Перед Монголией стоит задача устранить отрицательное сальдо в товарообороте.

Детализированный анализ состояния и динамики торговли Монголии с Россией в ценах текущих лет показан в таблице и на рисунке к ней.

В 1990 г. мы наблюдаем максимальный уровень экспорта за весь изучаемый период – 517,5 млн. USD. Средний уровень экспорта с 1990 по 2013 г. составляет 83,394 млн. USD, импорта – 681,7 млн. USD, торгового оборота – 713,3 млн. USD. При этом отрицательный внешнеторговый баланс в среднем составляет 599,5 млн. USD.

Сокращение объемов экспорта, по сравнению с советским уровнем (1990 г.), в 1995 г. составило 447,6 млн. USD (86,5 %). Сокращение импорта в тот же период составило 508,2 млн. USD (71 %). Минимальный уровень экспорта в постсоветский период наблюдался в 2004 г. и составил 20,6 млн. USD, или примерно 4 % от уровня 1990 г. Максимальный уровень экспорта в постсоветский период пришелся на 2011 г. и был равен 96,3 млн. USD, или 18,6 % от уровня 1990 г. Минимальный уровень импорта в постсоветский период наблюдался в 1999 г. – 149,8 млн. USD, уменьшившись на 79,1 %, по сравнению с 1990 г. Максимальный уровень импорта в постсоветский период пришелся на 2012 г. и составил 1847,4 млн. USD, превысив уровень экспорта 1990 г. на 1131,2 млн. USD.

Внешнеторговый баланс в изучаемый период отрицательный и имеет ярко выраженную тенденцию к увеличению отрицательного значения. Так, с 1990 г., по сравнению с 2013 г., отрицательный внешнеторговый баланс вырос примерно

Таблица

Состояние и динамика торговли Монголии с Россией в 1990–2013 гг.,
млн. долл. США [13–16]

Год	Экспорт	Импорт	Торговый оборот	Внешнеторговый баланс
1990	517,5	716,2	1233,7	-198,7
1995	69,9	208,0	277,9	-138,1
1998	46,8	150,2	197,0	-103,4
1999	48,2	149,8	198,0	-101,6
2000	36,7	169,1	205,8	-132,4
2001	44,9	226,0	270,9	-181,1
2002	48,0	237,6	285,6	-189,6
2003	41,2	265,5	306,6	-224,3
2004	20,6	341,9	362,6	-321,3
2005	27,2	417,9	445,1	-390,7
2006	45,1	547,8	592,9	-502,7
2007	58,5	745,0	803,5	-686,5
2008	86,3	1242,3	1328,6	-1156
2009	68,2	772,8	841	-704,6
2010	82,7	1046,7	1129,4	-964
2011	96,3	1624,7	1721	-1528
2012	79,6	1847,4	1927	-1768
2013	61,8	1561,9	1623,7	-1500

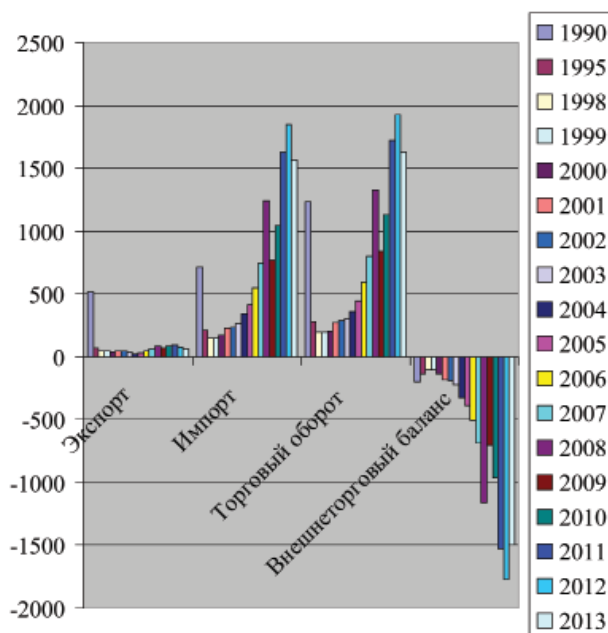

Рис. Диаграмма к таблице

на 655 %, или в 7,5 раза. Минимальное значение отрицательного внешнеторгового баланса приходится на 1999 г. – 101,6 млн. USD. Максимальный уровень отрицательного внешнеторгового баланса наблюдался в 2012 г. – 1768 млн. USD.

Минимальное значение торгового оборота наблюдалось в 1998 г., составив 197 млн. USD и сократившись на 84 % (в 6,3 раза) по сравнению с уровнем 1990 г. Максимальное значение торгового оборота наблюдалось в 2012 г. – 1927 млн. USD, что по сравнению с уровнем 1990 г. дало увеличение на 56 %.

Исходя из данных таблицы динамики торговли Монголии с Россией за период с 1990 по 2013 г., можно сделать вывод, что российский импорт в Монголию в значительной степени превышает монгольский экспорт в Россию. Уровень монгольского экспорта в постсоветский период не приблизился к значению 1990 г., а значительно сократился, в то же время уровень российского экспорта в Монголию увеличился и превысил уровень 1990 г. в 2,5 раза. Однако уровень товарооборота после падения в 1990-х гг. серьезно увеличился в 2000-х гг., с максимальным значением в 2012 г., превышающим уровень 1990 г. на 56 %.

По размерам капиталовложений в монгольскую экономику Россия занимает устойчивое 6-е место. Причем в 2000-х гг. наметилась тенденция увеличения российских инвестиций в экономику Монголии: было создано 279 хозяйственных единиц с общей инвестицией 25 млн. долл. США [6].

После перехода России и Монголии на новую модель взаимоотношений вопрос об урегулировании задолженности Монголии по ранее предоставленным ей бывшим СССР государственным кредитам обострился. Монгольский долг России составил около 10 млрд. переводных рублей. К 2002 г. проценты по монгольскому долгу составили еще 1 млрд. долларов. Переговоры по данной

проблеме между полномочными представителями двух стран официально начались еще в 1988 г. В 2005 г. по результатам переговоров российская сторона списала Монголии 98 % ее задолженности, а монгольская сторона выплатила 250 млн. долл. В своем послании Президенту Монголии Н. Багабанди Президент России В. В. Путин отметил, что решение этой проблемы «открывает широкие горизонты для дальнейшего развития всего комплекса отношений между нашими странами, включая инвестиционную сферу» [5, с. 385].

Особенно была отмечена координирующая роль российско-монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, деятельность которой способствовала скорейшей реализации решений и рекомендаций ее 10-го заседания. Именно это позволило придать динамику развитию торгово-экономических связей и инвестиционного взаимодействия, всемерному углублению приграничного и регионального сотрудничества, увеличению обменов в области культуры, науки и образования между Монголией и Россией.

Среди важнейших совместных проектов особенно отмечалась важность повышения эффективности деятельности совместных предприятий «Эрдэнэт», СХО «Монголросцветмет» и АО «Улан-Баторская железная дорога», вносящих существенный вклад в двустороннее сотрудничество и развитие монгольской экономики. Одним из направлений переговорного процесса было достижение договоренности о необходимости завершения работы по инвентаризации договорно-правовой базы российско-монгольских отношений.

В июле 2005 г. в Иркутске завершилась работа межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Стороны договорились о создании инвестиционной рабочей группы, призванной

расширить двухсторонние отношения в топливно-энергетической, автомобильной и сельскохозяйственной отраслях. Кроме того, было принято решение о разработке программы торгово-экономического сотрудничества до 2010 г. и проекта вакцинации скота [3].

Это решение представляется тем более важным при рассмотрении экспортно-импортной торговли Монголии с Россией, в сравнении с другими странами. Так, в первом полугодии 2005 г. объем внешнеторгового оборота составил 896 млн. долл. США, в т. ч. экспорта – 396,6 млн. долл. США, импорта – 500,1 млн. долл. За этот период Монголия осуществила экспортную торговлю с 51 страной, 49,2 % объема экспорта приходится на Китай, 14,5 % – на Канаду, 9,2 % – на США, 3,1 % – на Узбекистан, 2,1 % – на Россию. Доля медного концентрата в объеме экспорта составляет 31,9 %, золота – 27,9 %, козьего пуха – 4,6 %, швейных и трикотажных изделий – 5,5 %. За этот же период Монголия осуществила импортную торговлю с 75 странами. 30,1 % общего объема импорта приходится на Россию, 27,5 % – на Китай, 7,6 % – на Японию, 5,8 % – на Южную Корею, 4 % – на США. Объем импорта нефтепродуктов составляет 104,2 млн. долл. США, что занимает 20,8 % всего объема импорта. При этом 82,5 % нефтепродуктов завезено из России [4].

Важнейшим направлением встреч на высшем уровне стала последующая активизация военного и военно-технического сотрудничества, взаимодействия и обменов по линии специальных служб, правоохранительных и пограничных органов двух стран. В ходе обсуждения региональных и международных проблем было подтверждено совпадение или близость подходов России и Монголии по ключевым вопросам мировой политики. Министры иностранных дел России и Монголии подтвердили стремление своих стран к углублению взаимодействия

на международной арене в целях формирования справедливого демократического миропорядка, основанного на строгом соблюдении Устава ООН, принципов и норм международного права, всеобщей безопасности, суверенном равенстве и взаимном учете интересов всех государств. Монголия и Россия обязались предпринимать совместные действия в борьбе с международным терроризмом во всех его формах и проявлениях, транснациональной организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, отмыванием денег, инфекционными заболеваниями, деградацией окружающей среды, незаконной торговлей оружием и людьми, стихийными бедствиями и другими сложными, чрезвычайными ситуациями. Особое внимание стороны обратили на необходимость принятия согласованных коллективных мер по приданию большей управляемости процессу глобализации, с тем чтобы обеспечить максимально равномерное распределение приносимых им благ и издержек между всеми членами мирового сообщества.

Стороны высказались за укрепление безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, в частности, в Северо-Восточной Азии и подтвердили приверженность развитию многосторонних кооперативных подходов к урегулированию существующих проблем в интересах обеспечения региональной стабильности и безопасности политико-дипломатическими средствами. В этой связи стороны высказались в пользу дальнейшего укрепления роли регионального форума АСЕАН (АРФ) как политического института общерегионального масштаба, эффективного инструмента межгосударственного диалога по вопросам поддержания мира и стабильности в АТР и выразили взаимную заинтересованность в наращивании сотрудничества в рамках АРФ, повышении эффективности других имеющихся в регионе структур и механизмов многосто-

ронных связей на основе принципов открытости и равноправия всех участников.

Стороны также подчеркнули необходимость продолжения усилий по созданию механизма политического диалога в Северо-Восточной Азии для обсуждения вопросов региональной стабильности, безопасности и сотрудничества. В этой связи Российская сторона подтвердила свою поддержку предложения относительно развития многостороннего диалога в Северо-Восточной Азии, выдвинутого Монголией в 2000 г.

В связи с началом работы в Пекине секретариата Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) стороны достигли договоренности о проведении регулярных консультаций по основным задачам этого нового регионального международного форума, включая обсуждение возможности подключения Монголии к деятельности ШОС в той или иной форме. При этом они поддержали усилия, направленные на переговорное урегулирование ядерной проблемы КНДР на основе обеспечения безъядерного статуса Корейского полуострова, а также предоставления гарантий безопасности и создания нормальных условий для социально-экономического развития КНДР и выступили за скорейшее продолжение начатого в Пекине шестистороннего переговорного процесса, за поиск и нахождение взаимоприемлемых договоренностей, которые способствовали бы утверждению мира, безопасности и сотрудничества на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии в целом.

Важным этапом укрепления сотрудничества между Монголией и Россией стал визит в марте 2004 г. секретаря Совета безопасности Российской Федерации В. Б. Рушайло, итогом которого стало подписание в Улан-Баторе межправительственного соглашения об оказании монгольскому государству военно-технической помощи на безвозмездной основе [8].

По приглашению Президента Российской Федерации В. В. Путина Прези-

дент Монголии Н. Энхбаяр 4–9 декабря 2006 г. посетил с официальным визитом Российскую Федерацию [10]. 8 декабря 2006 г. в рамках встречи ими была принята Московская декларация. В ходе переговоров руководители двух стран подвели итоги развития двусторонних отношений за период с принятия 14 ноября 2000 г. Улан-Баторской декларации и обсудили вопросы дальнейшего развития и углубления российско-монгольских отношений, обменялись мнениями по актуальным региональным и международным проблемам, представляющим взаимный интерес. В ходе визита подписаны следующие документы:

– Договор между Российской Федерацией и Монголией о режиме российско-монгольской государственной границы;

– Программа по развитию российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества на 2006–2010 гг.;

– Протокол об активизации сотрудничества между Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и Государственным управлением по чрезвычайным ситуациям Монголии;

– Меморандум о сотрудничестве в области железнодорожного транспорта между Министерством транспорта Российской Федерации и Министерством дорог, транспорта и туризма Монголии;

– Программа сотрудничества между Министерством юстиции Российской Федерации и Министерством юстиции и внутренних дел Монголии на 2007–2008 гг.;

– Меморандум между Федеральной миграционной службой (ФМС России) и Государственным центром гражданской регистрации и информации Монголии о взаимопонимании и сотрудничестве в деле миграции;

– Программа сотрудничества между Федеральным агентством по культуре и кинематографии (Российская Федерация) и Министерством образования,

науки и культуры Монголии на 2006–2008 гг.;

– Соглашение между федеральным государственным унитарным предприятием «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)» и Монгольским телеграфным агентством МОНЦАМЭ о сотрудничестве в области информации.

При этом стороны высказали твердое намерение прилагать усилия для взаимного развития и процветания.

Россия и Монголия констатировали важную роль ШОС в развитии добрососедских отношений и многопланового партнерства между странами Центральной Азии и выразили заинтересованность в активизации в рамках ШОС партнерства в таких приоритетных областях, как энергетическая, транспортная, информационно-коммуникационная и сельскохозяйственная, в соответствии с духом «Декларации пятилетия Шанхайской организации сотрудничества».

Президент Монголии Н. Энхбаяр выразил признательность за теплый прием в Москве и пригласил Президента Российской Федерации В. В. Путина посетить Улан-Батор в удобное для него время.

Заметно активизировался российско-монгольский политический диалог, причем взаимные встречи стали особенно интенсивными с 2007 г. [9]. В рамках министерской встречи-диалога по сотрудничеству в Азии 4 июня 2007 г. состоялась беседа министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова с министром иностранных дел Монголии Н. Энхболдом. 16 августа 2007 г. в рамках саммита ШОС в Бишкеке состоялась встреча Президента Российской Федерации В. В. Путина с Президентом Монголии Н. Энхбаяром. В июне 2007 г. руководитель Администрации Президента Российской Федерации С. С. Собянин посетил Улан-Батор с рабочим визитом, в ходе которого был подписан Протокол о сотрудничестве между президент-

скими администрациями двух стран. 2–5 октября 2007 г. с официальным визитом в России побывал министр иностранных дел Монголии Н. Энхболд. 7–10 октября 2007 г. состоялся визит в Российскую Федерацию Секретаря Совета Национальной Безопасности Монголии П. Сундэва, по итогам которого был подписан План сотрудничества между Советом Безопасности Российской Федерации и Советом Национальной Безопасности Монголии на 2008–2009 гг. В октябре 2007 г. и январе 2008 г. состоялись визиты в Российскую Федерацию начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Монголии Ц. Того.

В конце января 2008 г. по приглашению партии «Единая Россия» Москву посетил генеральный секретарь Монгольской народно-революционной партии Ё. Отгонбаяр. 17–21 февраля с.г. состоялся визит в Монголию исполняющего обязанности Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации В. А. Соболева, а 25 февраля в Сеуле состоялась встреча Президента Монголии Н. Энхбаяра с Председателем Правительства России В. А. Зубковым.

10–13 апреля 2008 г. состоялся официальный визит в Москву премьер-министра Монголии С. Баяра, во время которого было подписано 8 межправительственных и межведомственных документов, 3 соглашения между юридическими лицами, опубликовано совместное коммюнике. На политическом уровне достигнуты договоренности, согласно которым Россия собиралась оказать помощь правительству Монголии в стабилизации социально чувствительных рынков ГСМ и продовольствия, безвозмездно передать ряд жилых объектов в Улан-Баторе и Дархане, в т. ч. 7 домов, находящихся на балансе Минобороны России, поддержать наиболее значимые инициативы монголов на международной арене – подключение монгольской стороны к процессу создания механизмов мира и безопасности для Северо-Вос-

точной Азии в урегулировании ядерной проблемы на Корейском полуострове, активизации делового сотрудничества со странами ШОС (Монголия является наблюдателем с 2004 г.), упрочение международных гарантий безъядерного статуса Монголии (формы поддержки на этом направлении прорабатываются) и др.

15–16 мая 2008 г. был осуществлен рабочий визит в Москву Президента Монголии Н. Энхбаяра, который был принят Президентом Российской Федерации. Д. А. Медведев вручил Н. Энхбаяру медаль Пушкина, которой он был награжден Указом Президента Российской Федерации № 1440 от 31 октября 2007 г. «За большой вклад в распространение, изучение русского языка, сохранение культурного наследия, сближение и взаимообогащение культур наций и народностей». Глава Монгольского государства имел встречу с Председателем Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С. М. Мироновым, а также посетил Литературный институт им. А. М. Горького, который окончил в 1980 г., где Н. Энхбаяру был вручен диплом почетного доктора Литинститута и предоставлена возможность выступить с продолжительной лекцией перед преподавателями и студентами этого вуза.

В этот период расширяются связи приграничных регионов России и Монголии, на долю которых приходится более 70 % двустороннего товарооборота. Анализу нынешнего состояния российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества и конкретизации путей его развития был посвящен прошедший 7–8 декабря 2007 г. в Улан-Баторе Деловой форум. Он подтвердил заинтересованность монголов в предложениях российских компаний («Базовый элемент», Ренова», «Северсталь», «Полиметалл», «Газпромбанк» и др.) по инвестированию добычи и переработки полезных ископаемых (уголь, медь, золото, уран) на территории Монголии. Вместе с тем форум и последующие контакты выявили также неготовность мон-

гольских властей идти навстречу российским интересам в период подготовки к парламентским выборам (конец июня 2008 г.) [9].

Не менее важной задачей остается повышение эффективности совместных предприятий – КОО «Предприятие «Эрдэнэт» (медный, молибденовый концентрат), КОО «Монголросцветмет» (плавиковый шпат), АО «Улан-Баторская железная дорога». Новым и перспективным направлением сотрудничества представляется совместная добыча, переработка и обогащение урановых руд, прежде всего месторождений Дорнодского узла на востоке Монголии. Партнеры заинтересованы в строительстве атомной электростанции средней или малой мощности под контролем МАГАТЭ, подготовке при помощи России собственных специалистов в этой области. В конце мая 2009 г. состоялся визит делегации ГК «Росатом» на месторождения Дорнодского узла, включая крупнейшее из них – Мардай.

С 25 по 26 августа 2009 г. Президент Российской Федерации Д. А. Медведев находился с визитом в Монголии по приглашению главы Монгольского государства Цахиагийн Элбэгдоржа [11].

Монголо-российский саммит в Улан-Баторе был приурочен к 70-летию юбилею победы советских и монгольских воинов на Халхин-Голе. Д. А. Медведева сопровождали глава российского МИДа С. В. Лавров, заместитель руководителя Администрации Президента С. Э. Приходько, посол РФ в Монголии Б. А. Говорин, министр культуры А. А. Авдеев, министр транспорта И. Е. Левитин, председатель ЦИК РФ В. Е. Чуров, председатель Комитета Госдумы по международным делам К. И. Косачев, Президент Республики Бурятия РФ В. В. Наговицын, Президент Калмыкии К. Н. Илюмжинов, губернатор Иркутской области Д. Ф. Мезенцев, руководитель Федерального агентства по образованию Н. И. Булаев, руководитель Федерального агентства железнодорожного строительства РФ

Г. П. Петраков, генеральный директор корпорации РФ «Росатом» С. В. Кириенко и др.

Президенты Монголии и России Ц. Элбэгдорж и Д. А. Медведев провели двусторонние переговоры, на которых монгольская сторона выразила удовлетворение по поводу расширения и развития двусторонних отношений в рамках реализации Договора о дружеских отношениях и сотрудничестве от 1993 г., Улан-Баторской декларации 2000 г. и Московской декларации 2006 г. В связи с выходом на новую ступень двустороннего сотрудничества в области сельского хозяйства была высказана заинтересованность в увеличении объема экспорта мяса и мясной продукции в Россию. При этом монгольская сторона придала важное значение содействию российской стороны в реализации национальной программы «Целина-3».

Одним из важных вопросов, затронутых на переговорах, был вопрос о масштабной модернизации АО «УБЖД», КОО «Предприятие Эрдэнэт» и российско-монгольского объединения «Монголросцветмет». Монгольская сторона обратилась с предложением к российской стороне уделить особое внимание вопросу дальнейшего увеличения объемов продукции, перевозимой транзитом через территорию Монголии. Российская сторона затронула вопрос о создании скоростной магистрали, соединяющей Россию с Китаем.

После беседы глав государств в формате «один на один» переговоры продолжились с участием делегаций двух стран, которые также обсудили вопросы обеспечения устойчивого роста взаимного товарооборота, повышения эффективности совместных компаний, перспективы развития взаимодействия в транспортной сфере, связанные с передачей в доверительное управление ОАО «РЖД» акций российско-монгольского предприятия «УБЖД». Обсуждались вопросы налаживания сотрудничества с Монголией по линии госкорпорации «Росатом» в

области разведки, добычи и переработки урановых руд на Дорнодском узле.

По итогам российско-монгольских переговоров главы государств подписали Декларацию о развитии стратегического партнерства между Россией и Монголией. В присутствии лидеров двух стран подписан ряд двусторонних документов. Среди них:

1. Меморандум о сотрудничестве в области железнодорожного транспорта между Управлением железнодорожного транспорта Монголии и ОАО «РЖД»;

2. Меморандум о взаимодействии между АО «УБЖД» и ОАО «РЖД», ЗАО «Трансмашхолдинг»;

3. Протокол о сотрудничестве и обмене правовой информацией между центризбиркомом двух стран;

4. Соглашение между правительствами Монголии и России о создании совместной компании с ограниченной ответственностью «Дорнод уран».

Президенты России и Монголии дали поручения правительствам двух стран в кратчайшие сроки окончательно урегулировать вопрос о задолженности Монголии перед Россией.

Президенту РФ нанес визит спикер монгольского парламента Д. Дэмбэрэл, он выразил удовлетворение успешным развитием межпарламентских отношений. В свою очередь, Д. А. Медведев отметил важную роль межпарламентского сотрудничества в отношениях между странами. Визит российскому гостю нанес также премьер-министр Монголии С. Баяр, который подчеркнул, что этот визит внесет ценный вклад в развитие двусторонних отношений и сотрудничества.

В рамках визита Д. А. Медведев посетил Улан-Баторский филиал РЭА им. Г. В. Плеханова и открытый Русским центром филиал фонда «Русский мир», созданный в целях популяризации русского языка и культуры, поддержки программы изучения русского языка в Монголии, развития межкультурного диалога и укрепления взаимопонимания. В здании филиала академии состоялась

торжественная церемония награждения группы работников «Монголросцветмета», в частности ГОКа «Бор-Ундур». Во время визита главы двух государств возложили венок к памятнику маршалу Г. К. Жукову, наградили монгольских и российских ветеранов, участников боевых действий в 1939 г.

21 мая 2014 г. в Шанхае стартовало Сопровождение по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Вечером того же дня Ц. Элбэгдорж, принимавший участие в СВМДА, встретился с Президентом РФ Владимиром Путиным [7]. В начале встречи В. В. Путин отметил многолетние, исторические отношения России и Монголии и заверил, что оптимистично смотрит в будущее двусторонних отношений, особо подчеркнув, что в этом году страны будут отмечать 75-летний юбилей Победы в Халхингольской битве, которая является неотъемлемой частью монголо-российских исторических отношений.

Президент Монголии Ц. Элбэгдорж обсудил с Президентом РФ ряд вопросов, в т. ч. о железнодорожной транзитной транспортировке, совместном праздновании Победы в Халхингольской битве, упрощении двустороннего визового режима, и пригласил В. В. Путина посетить Улан-Батор в августе 2014 г.

Таким образом, изменения геополитической ситуации в мире существенным образом сказались на российско-монгольских отношениях. Новая Россия на первых порах ослабила внимание к Монголии, что стало результатом концентрации усилий обеих стран на собственных внутренних проблемах, кризисного состояния их экономик. Кроме того, однобокая ориентация России на страны Запада привела к разрыву наработанных, испытанных и проверенных временем связей с Монголией в политических, культурных, идеологических сферах. Российско-монгольские отношения в исследуемый период от резкого охлаждения и кризиса двигались в направлениях усиления взаимного сотрудничества и

взаимной выгоды. Однако, спад экономического и научно-технического сотрудничества принял затяжной характер. Кроме того, большое число вопросов, без решения которых не могли развиваться двусторонние отношения, оставались без ответа. К середине 90-х гг. руководство России пришло к выводу, что без продуманной политики по отношению к странам Азии, в т. ч. к Монголии, Российская Федерация не в состоянии развиваться как великая держава.

В период 1990–2000-х гг. состоялась серия важнейших дипломатических актов, которые усилили потенциал взаимодействия двух стран, более четко определили формат взаимоотношений и создали механизмы реализации соглашений.

Среди важнейших совместных проектов России и Монголии остались предприятия «Эрдэнэт», «Монголросцветмет» и АО «Улан-Баторская железная дорога», вносящие существенный вклад в двустороннее сотрудничество и развитие монгольской экономики. Но российское участие в хозяйственной жизни Монголии не приобрело других более значимых характеристик. Однако в ходе многолетней работы была достигнута договоренность о завершении работы по инвентаризации договорно-правовой базы российско-монгольских отношений, достижением сторон стал Договор между Российской Федерацией и Монголией о режиме российско-монгольской государственной границы, определена программа по развитию российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества на среднесрочную перспективу, активизировано сотрудничество в области железнодорожного транспорта. В ходе переговоров были сделаны попытки добиться более тесного взаимопонимания в вопросах миграционных взаимоотношений. Неоспоримый прогресс был достигнут в культурном и научном сотрудничестве. А разрешение самого болезненного в российско-монгольских отношениях вопроса о «большом долге» Монголии открыло новые возможности

для наращивания всестороннего взаимодействия между двумя странами. В результате межгосударственный диалог усилился многократно и особенно интенсивно в 2007 г.

К числу особенностей межгосударственных отношений относится исключительно высокий уровень «народной дипломатии» и расширение связи приграничных регионов России и Монголии.

В экономическом взаимодействии наблюдалось резкое сокращение товарооборота между странами в 1990-е гг., наращивание объемов этого показателя в 2000-х гг. происходило в основном за счет повышения уровня российского импорта в Монголию, что привело к неуклонному повышению отрицательного внешнеторгового баланса Монголии.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Источники и литература

1. Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией // Дипломатический вестник. – 1993. – № 3–4. – С. 3–4.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. – 2000. – № 8. – С. 5.
3. В Иркутске успешно завершилась работа межправкомиссии // Новости Монголии. – 2005. – 22 июля.
4. Импорт и экспорт в зеркале статистики // Новости Монголии. – 2005. – 22 июля.
5. История Монголии. XX век. – М.: Институт востоковедения РАН, 2007. – С. 385.
6. Монголо-российские отношения являются приоритетным направлением современной внешней политики двух стран // Новости Монголии. – 2002. – 3 сент.
7. Президент Ц. Элбэгдорж пригласил В. Путина на празднование Дня Победы // Новости Монголии. – 2014. – 22 мая.
8. Россия окажет Монголии военно-техническую помощь // Новости Монголии. – 2004. – 8 марта.
9. <http://www.ln.mid.ru/nssia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/66090e17a71e46abc3256e2a00434449?OpenDocument> – сайт Министерства иностранных дел РФ. Дата обращения – 2008 г.
10. http://www.kremlin.ru/interdocs/2006/12/08/1726_type72067_115119.shtml?type=72067 – официальный сайт Президента РФ. Дата обращения – 10.08.2014.
11. http://www.mongolia.mid.ru/press_66.html – сайт посольства Российской Федерации в Монголии. Дата обращения 10.08.2014.
12. www.ln.mid.ru/ns-rasia.nsf – сайт Министерства иностранных дел РФ. Дата обращения – 2008 г.
13. Монгол Улсын статистикийн эмхтгэл. 2004 (Статистический сборник Монголии). – Улан-Батор, 2005. – С. 269–271.
14. Монгол Улсын статистикийн эмхтгэл. 2008 (Статистический сборник Монголии). – Улан-Батор, 2009. – С. 271–272.
15. Монгол Улсын статистикийн эмхтгэл. 2011 (Статистический сборник Монголии). – Улан-Батор, 2012. – С. 265–266.
16. Монгол Улсын статистикийн эмхтгэл. 2013 (Статистический сборник Монголии). – Улан-Батор, 2014. – С. 275–276.

УДК 303.446.4 : 327 (517 + 510)

А. Д. Гомбожапов, Е. В. Нолев

ИСТОРИОГРАФИЯ РАННИХ МАНЬЧЖУРО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена изучению историографии раннего этапа маньчжуро-монгольских отношений на основе анализа источников, а также концепций, сформированных в трудах отечественных и зарубежных авторов. Рассматриваются исторические воззрения относительно генезиса, содержания и последствий раннего этапа маньчжуро-монгольских отношений в различные исторические периоды.

Ключевые слова: монголо-маньчжурские отношения, маньчжурское завоевание, династия Цин, Лигдэн-хан, Чахарское ханство.

A. D. Gombozhapov, E. V. Nolev

THE HISTORIOGRAPHY OF THE EARLY STAGE OF THE MANCHU-MONGOLIAN RELATIONS

The article deals with the historiography of the early stage of the Manchu-Mongolian relations. It is based on the analysis of Chinese and Mongolian historical sources and concepts formed by Russian and foreign authors. The historical views about genesis, content and consequences of the early stage of the Manchu-Mongolian relations in different historical periods are considered.

Key words: Mongol-Manchu relations, the Manchu conquest, the Qing dynasty, Ligden Khan, Chakhar Khanate.

Изучение истории монголо-маньчжурских отношений дает богатый материал для понимания направленной эволюции Монгольского государства в XVII в. и, шире, понимания специфики имперских процессов и международного положения в Центральной Азии в обозначенное время. Развитие маньчжуро-монгольских отношений происходило на фоне сложных взаимоотношений кочевников Центральной Азии с китайской цивилизацией. После свержения монгольской династии Юань в Китае правители отдельных монгольских княжеств руководствовались политическим императивом, сконструированным на основе памяти о величии империи Чингис-

хана, нацеленным на объединение монголов и возрождение былого имперского могущества. При этом влияние монголов на судьбы сопредельных стран в это время заметно уменьшилось – при усилении обратного влияния. На китайском же престоле воцарилась императорская династия Мин. В условиях конкуренции монгольских и китайских имперских притязаний на политической авансцене Центральной Азии начинают усиливаться маньчжурские и тунгусские племена, являвшиеся потомками чжурчженского государства Цзинь.

В то же время одним из результатов раннего этапа монголо-маньчжурских отношений стало формирование

ГОМБОЖАПОВ Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: agomborh@gmail.ru.

НОЛЕВ Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: nolev@inbox.ru.

территориальных границ Внутренней Монголии. Сведения о раннем этапе монголо-маньчжурских отношений зафиксированы в китайских и монгольских летописях. Среди китайских источников это прежде всего «Мин-ши» (История династии Мин) – историческая энциклопедия, составленная вскоре после воцарения династии маньчжуров в Китае. Информацию Мин-ши дополняют сведения из погодной летописи жизни отдельных императоров «Бень-Цзи» и биографии выдающихся государственных деятелей и полководцев «Ле-чжуань». Следующая группа источников «Да цин личао шилу» (Хроника великой династии Цин) составляет собрание разнородных сведений о деятельности императоров династии Цин. Подробные данные об управлении пограничными областями при минской династии фиксируются в сочинении «У-бянь-дянь-цзэ» (Уложение пяти границ). В данном произведении в хронологическом порядке представлены распоряжения центральной власти, касающиеся пограничных областей и донесения губернаторов в Пекин с изложением их взглядов на положение пограничных дел. Сведения об административном устройстве северного Китая и географии приграничных территорий содержатся в «Цзю-бянь-юй-ту» («Описание стран у девяти границ»).

Переводу и изучению китайских источников минского периода, реконструкции на основании представленных в них сведений об истории монголов была посвящена деятельность отечественного ученого дореволюционного периода сино-монголиста Д. Покотилова. Результаты его исследований были опубликованы в 1893 г. в «История восточных монголов в период династии Мин. 1386–1634 (по китайским источникам)» [10].

Рассматривая вопросы генезиса монголо-маньчжурских отношений, Д. Покотиллов отмечает, что Пекинское правительство в начале XVII в., опасаясь усиления маньчжуров, охотно удовлет-

воряло просьбы монголов об организации меновой торговли, невзирая на мелкие пограничные конфликты. Серьезные опасения Китая по поводу усиления маньчжурской угрозы стали, по мнению автора, определяющим фактором создания монголо-китайской коалиции. «В 1618 г. маньчжуры неожиданно захватили Фу-шунь и Кай-юань. Этим моментом поспешили воспользоваться чахары, а также племя найманов и другие семь поколений, которые поторопились заключить на выгодных для себя условиях оборонительный союз с китайцами, вытребовав для себя предварительно солидные награды» [Там же, с. 214]. Дальнейшее развитие событий, изложенное в китайских источниках минского периода, повествует о том, что, несмотря на агрессивную внешнюю политику Лигдэн-хана (Ху-дунь-ту) по отношению к Китаю, в Пекине было принято решение о поддержании соглашения с чахарами в условиях возможной опасности со стороны маньчжур. В результате грандиозного маньчжурского нашествия монгольские племена, кочевавшие у восточных пределов Китая, «спешили наперерыв поддаться грозным завоевателям или бежать от них возможно дальше». Лигдэн-хан предпочел сопротивление и потерпел ряд поражений. Д. Покотиллов приходит к выводу, что после решительного поражения, нанесенного чахарам, и смерти Лигдэн-хана, южные монголы перестали играть всякую самостоятельную роль [Там же, с. 217].

Для монгольских летописей периода ранних монголо-маньчжурских отношений характерна своеобразная тенденция умолчания о событиях монголо-маньчжурского противостояния. Б. З. Базарова полагает, что подобная тенденция возникла вследствие нежелания монгольских авторов освещать этот печальный период монгольской истории, свидетелями которого они были: «Лучшей частью монгольской аристократии эта эпоха действительно воспринималась как на-

циональная трагедия, катастрофические последствия которой нетрудно было предвидеть» [1, с. 251]. Таким образом, по мнению ученого, монгольских летописцев, главной целью которых было воспевание могущества Монгольской державы и славного прошлого своего народа, не могло не угнетать положение «внешних вассалов».

Между тем в монгольских источниках XVII в. содержится фрагментарная информация об истории монгольских княжеств и деятельности Лигдэн-хана. В анонимной летописи «Алтан Тобчи» сведения об интересующем нас периоде ограничиваются упоминанием о вступлении Лигден-хана на престол в год Дракона (1604), что позволяет некоторым исследователям считать этот год датой написания данного исторического сочинения [Там же; 3, с. 210].

При Лигдэн-хане был завершен перевод «Ганджура» на монгольский язык, начатый еще во времена Юаньской династии, который был положен в основу ксилографического издания «Ганджура» в 1718 – 1720 гг. Некоторые из монгольских колофонов как печатного, так и рукописного «Ганджура», написанных монгольскими переводчиками, содержат ценные сведения о природе историко-политических идей в период правления Лигдэн-хана. В частности, в колофонах отражены идеи об единстве хаганской власти и религии. Воспеваются исторические заслуги Лигдэн-хана в деле возрождения буддизма в Монголии, а также его исторические заслуги перед страной. Как отмечает академик Ш. Бира, благодаря фиксации имени и деяний Лигдэн-хана в буддийском памятнике «Ганджур», Лигдэн-хан на всем протяжении периода маньчжурского правления оставался в сознании монгольского народа покровителем религии и в какой-то мере символом некогда существовавшего независимого монгольского государства [3, с. 221]. Исключительно религиозная деятельность Лигдэн-хана описывается

и в «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана, что, вполне возможно, является сидельством политики умолчания монгольских летописцев о трагических событиях крушения остатков великой империи в первой половине XVII в.

В обширной летописи «Эрдэнийн Тобчи» Саган Сэцэна представлен большой фактический материал о чахаро-маньчжурских войнах, в т. ч. беспристрастно изложены события, предшествовавшие потере Монголией ее политической самостоятельности: междоусобицы монгольских князей и переход части из них на сторону маньчжуров, походы Лигдэн-хана против изменников и гибель Чахарского ханства. Оценивая попытки Лигдэн-хана объединить империю насильственным путем в контексте монголо-маньчжурского противостояния, Саган Сэцэн, служивший некогда под его началом, писал, что «политика Лигдэна была не совсем правильной и способствовала гибели хаганства» [Там же, с. 272]. При этом Саган Сэцэн скорее осуждает не столько идею объединения монголов, сколько насильственные методы политики Лигдэн-хана, резюмируя свое повествование ремаркой: «Если хан рассердится, то он разрушит государство свое, а если слон рассердится, то он разрушит свой загон». Ш. Бира отмечает предельную лаконичность автора в описании событий маньчжурского завоевания южномонгольских земель, где сухо упоминается о кончине Лигдэн-хана и о переходе хаганской власти в руки маньчжурского императора Абахая после того, как ему покорились жена Лигдэна Судай-тайху и его сын Эрхэ-хонгор [Там же].

Летописи XVIII в. отличаются апологетикой политики цинского двора, проводимой в начале XVII в. по отношению к монгольским княжествам. Ярким примером официального взгляда на маньчжурское завоевание Чахарского ханства является летопись «Монгол борджигид обогун тэукэ», составленная

Ломи в 1735 г. Оценка деятельности Лигдэн-хана, представленная в данном произведении, отрицательная и категоричная: «После того как престол унаследовал Линдан-хутукту-хан, единство народа нарушилось, и многие аймаки отделились друг от друга и постепенно оказались разобщены. Не найдя драгоценного спокойствия..., они присоединились к Тайцзу – благородному хувандию» [1, с. 254]. При этом Ломи интерпретирует маньчжурское завоевание как благоприятное событие, имевшее важное значение в истории Монголии. Апологетика правления Цинской династии, противопоставленная политике Лигдэн-хана, и сакрализация власти маньчжуров, демонстрируют изменения, произошедшие в монгольской историографии, обусловленные укреплением позиции Цинского господства в Китае и увеличением привилегий элиты монгольского общества, ставшей выразителями интересов правящей династии.

Одним из основных исследований маньчжуро-монгольских отношений является труд И. С. Ермаченко «Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в.». Опираясь на корпус китайских источников периода правления маньчжурской династии Цин в Китае, И. С. Ермаченко последовательно развертывает картину развития маньчжуро-монгольских отношений в XVII в. К первым событиям, предвещающим маньчжуро-монгольские отношения, автор относит подчинение «хулуьнского объединения».

Исследователь совершенно справедливо указывает на предпосылки возникновения противоречий между маньчжурами и монгольскими княжествами. Появление новой силы на севере Китая в лице консолидированных маньчжурских племен привело к соперничеству в сфере отношений с Минской империей, которая «приносила немалые материальные выгоды от торговли и от подарков, которые вынуждены были делать воинствен-

ным монгольским феодалам китайские власти» [4, с. 26].

Автор отмечает, что отношения с монгольскими княжествами сыграли весомую роль в истории маньчжуров до и после образования империи Цин. «Возникшее как военно-феодалное образование, государство маньчжуров в значительной мере укрепилось за счет завоевания княжеств Южной Монголии. Использование южномонгольских войск в войне против Минской империи облегчило маньчжурам овладение Китаем» [Там же, с. 175].

Автор отдельно рассматривает в своей работе этапы политики маньчжуров в Южной Монголии и в отношении Халхи, при этом взаимоотношения маньчжурского государства и южномонгольских княжеств она делит на два периода. Первый характеризуется как равноправный, где формы взаимоотношений принимали вид брачных союзов, дипломатических контактов. «Брачные союзы позволили маньчжурским правителям использовать родственные связи для привлечения на свою сторону монгольских феодалов и контроля над ними» [Там же, с. 25]. Второй период озаглавлен непосредственным подчинением: переходом от союзнических отношений к вассальной зависимости монгольских князей от маньчжурского правительства и в дальнейшем к положению подданных цинского императора. «После падения Чахарского ханства начался быстрый процесс превращения южных монголов из союзников в подданных маньчжурского императора, имевших в Цинской империи особый статус «внешних вассалов» [Там же, с. 69].

В отношении княжеств Внешней Монголии (Халха) И. С. Ермаченко обозначает период добровольных посольских связей с 1636 г. Отношения после 1655 г. исследователь характеризует как номинальный вассалитет халхаских феодалов по отношению к цинскому императору [Там же, с. 177]. Заключительный

этап составляет период 1687–1691 гг., который завершается отказом северомонгольских ханов от политической самостоятельности.

Причины успешной внешней политики маньчжуров по отношению к монголам автор видит в феодальной раздробленности и сопутствовавшей ей междоусобице в Монголии. «Натравливая одних монгольских феодалов на других, они ослабляли сопротивление монгольского народа нашествию чужеземных завоевателей» [4, с. 177]. Исследуя трансформацию форм и методов маньчжурской дипломатии, автор раскрывает их эволюцию от присущих кочевому обществу (приношение клятв в союзе и дружбе, разобщение и сталкивание монгольской знати) к сплаву и совмещению с формами китайской традиционной дипломатии (пожалование титулов, поощрения, представление дани и т. д.) [4].

Взгляды известного монголоведа Ш. Б. Чимитдоржиева на маньчжуро-монгольские отношения изложены в его основательном труде «Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв.». В рамках марксистских принципов изучения исторических процессов раскрыты причины вхождения монгольских княжеств в империю Цин. Обострение классовых противоречий, кризис феодальных отношений, выраженных «концентрацией земельной собственности и экспроприацией крестьян», «подчинением всего хозяйства обслуживанию армии» [14, с. 10], подтолкнули к решению данных проблем с помощью политики экспансии соседних земель. Автором подчеркивается, что «внутриполитическая обстановка в Монголии благоприятствовала успеху маньчжурской экспансии» [Там же, с. 11]. Особо выделяется Ш. Чимитдоржиевым роль Галдан Бошокту-хана в организации сопротивления маньчжурской завоевательной политике [14].

В зарубежной историографии прежде всего необходимо указать труды

крупнейшего американского ученого Оуэна Латтимора. Ранний период взаимоотношений маньчжуров и монголов в XVII в. затронут в книге «Inner Asian Frontiers of China» 1940 г., не потерявшей своей актуальности по сей день. В работе отмечены межплеменные противоречия, описаны причины борьбы и поражения чахарского Лигдэн-хана. Исследованную раннюю стадию развития маньчжуро-монгольских отношений, автор приходит к выводу о том, что процесс быстрого распространения власти маньчжуров был обусловлен политическими и экономическими выгодами монгольской аристократии от положения подчиненных союзников [17].

Отдельные стороны маньчжуро-монгольских отношений также нашли свое отражение в книге О. Латтимора «Studies in Frontier History, Collected Papers. 1925–1958», вышедшей в Париже в 1962 г.

Интересные наблюдения относительно экономических оснований маньчжуро-монгольских отношений представлены в работе Томаса Дж. Барфилда «Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.)». Томас Барфилд отмечает, что проблема маньчжуров заключалась в опережающем росте маньчжурской армии и государственного аппарата, которые превосходили темпы расширения экономической базы государства Цин. Следовательно, «военная стратегия и тактические задачи маньчжуров определялись в основном необходимостью получения дополнительных ресурсов, а не генеральным планом завоевания и присоединения новых территорий» [2, с. 207]. Экономическая составляющая неудачи политики Лигдэн-хана, по мнению ученого, заключалась в том, что попытка создания в степи новой независимой империи, поставила его в оппозицию большинству монгольских племенных вождей, которые жили за счет минских субсидий, в то время, как чахары были единственным крупным

монгольским племенем, которое отказалось присоединиться к даннической системе и, следовательно, не было заинтересовано в ее сохранении [2, с. 208].

В статье Николо Ди Космо «От альянса к опеке: исторический анализ маньчжурско-монгольских отношений перед завоеваниями Цин» представлено более полное политическое обоснование маньчжуро-монгольских связей. Разбираясь в сложной терминологии и контекстах переписки с южномонгольскими князьями, автор приходит к выводу об эволюции отношений от системы договоров и брачных союзов к созданию сложной территориальной и политической организации – знаменной системы и Лифаньюань (Палаты внешних сношений). По мысли Ди Космо, сложный административный аппарат был сгенерирован политическим процессом, предшествовавшим окончательному включению Внутренней Монголии в империю Цин (1644 г.). Знаменная система была создана как двойная военно-административная организация под руководством цинского правительства.

Ди Космо считает, что целью создания знаменной системы было скорее не привлечение южномонгольских княжеств на военную службу, а упорядочение управления и отношений с монгольскими ханствами. На основе опыта взаимоотношений с монгольскими княжествами, по мнению Ди Космо, были заложены и сформированы долгосрочные стратегии приграничной политики империи Цин [15].

Работа Йохана Эльверскога освещает интеграцию монгольских племенных объединений в политическую структуру империи Цин в качестве ее субъектов как членов единой империи. Процесс включения шел через институцию монгольской аристократии посредством использования культа Чингис-хана и религиозных санкций. Ключевым элементом данной политики было продвижение буддизма школы Гелукпа, которое

трансформировало исторические представления, а также религиозные обряды и ритуалы монголов. Маньчжурские правители в этой картине выглядели как спасители единства монгольского общества в условиях феодальных междоусобных войн [16].

В последние годы в монгольской историографии меняется отношение к устоявшимся взглядам на маньчжуро-монгольские отношения. В социалистический период взаимоотношения Цинского государства и монгольских княжеств рассматривались как система сюзеренитета-вассалитета. В контексте марксистской концепции рассматриваемые вопросы были затронуты в крупных обобщающих трудах (История МНР, 1954, 1966), а также в работах Н. Иш-жамца, Ш. Нацагдоржа. Политика маньчжуров однозначно была определена как агрессия. В дальнейшем маньчжурское господство привело к обнищанию и полному разорению основной массы скотоводов. Однако в настоящее время, в связи с вводом в научный оборот новых материалов, трактовка захватнической политики маньчжурской династии Цин подвергается сомнению. Среди монгольских историков следует обратить внимание на работы О. Оюунжаргал [21], в которых можно проследить, в частности, мысль о том, что развитие маньчжуро-монгольских отношений диктовалось обоюдовыгодным союзом. Одно из основных свидетельств маньчжуро-монгольских противоречий – выступление хотогойтского Чингужава – по основной цели никак нельзя определить как освободительное антиманьчжурское восстание. Оюунжаргал обращает внимание на условия и причины восстания Чингужава, указывает на стихийные бедствия, бескормицу, охватившую ту территории Халхи, где вменялось в обязанность обеспечение маньчжурских войск на пути их следования. Известив маньчжурскую канцелярию о тяжелом положении, Чингужав самовольно увел свои войска, что

привело к факту неподчинения с дальнейшими последствиями.

В работе Энхбаярын Жигмэддоржа «Халх-манжийн улс төрийн харилцаа» (Халха-маньчжурские отношения) отмечается период обмена посольствами с 1636 до конца 1640-х гг. между княжествами северной Монголии и императорским двором династии Цин. Маньчжуры в промежутке 1655–1689 гг. с помощью дани из «девяти белых», обмена посольствами проводили политику постепенного подчинения. Затем, придавая значимость существовавшему понятию «засаг» в монгольском обществе, умело использовали его как инструментарий включения аристократии в маньчжурскую систему управления. Им особо подчеркивается преемственность «хошунной» системы деления от монгольской системы управления. При этом говорится о различиях в понятии «хошуу».

Монгольская традиция хошунов была предназначена прежде всего для военного деления, в то время как маньчжуры представляли ее как основу для военно-административного разделения [19].

Таким образом, содержание ранних маньжуро-монгольских отношений нашло свое отражение в ряде общих трудов по истории империи Цин. В специальных исследованиях подробно рассматриваются проблемы форм и методов инкорпорации монгольских племен в знаменную систему. В источниковедческих работах проанализированы позиции и предпочтения авторов летописей и хроник. Неоднозначность подходов маньчжурской дипломатии (от альянса и союзов до прямой аннексии) в отношении монгольских княжеств ставит перед исследователями задачу более полного анализа исторических условий, значения понятий, религиозной составляющей.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Источники и литература

1. Базарова Б. З. Монгольские летописи – памятники культуры. – М.: Academia, 2006. – 386 с.
2. Барфилд Т. Дж. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.) / пер. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова. – СПб., 2009. – 488 с.
3. Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.). – М.: Наука, 1978. – 320 с.
4. Ермаченко И. С. Завоевание Чахарского ханства маньчжурами в 30-х гг. XVII в. // Вопросы истории и историографии Китая. – М., 1968.
5. Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. – М., 1974.
6. История Монгольской Народной Республики. – М., 1954.
7. История Монгольской Народной Республики. Изд. 2-е. – М., 1968.
8. Иишамц Н. Восстание Амарсаны и Чингужава // Современная Монголия. – 1967. – № 4.
9. Маньчжурское владычество в Китае. – М., 1966.
10. Покотиллов Д. История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 (по китайским источникам). – СПб.: Типография императорской академии наук, 1893. – 230 с.
11. Скрынникова Т. Д. Исторический опыт конструирования границ монгольской общности в XVII веке // STUDIACULTURAE. – Вып. 18. – С. 92–106.

12. *Хишигжаргал Г.* О судьбах монгольского мира: по указам императоров династии Цин (1640–1728 гг.) // Вестник БГУ. Вып. 8. Востоковедение. – Улан-Удэ, 2012. – С. 233–237.
13. *Чимитдоржиев Ш. Б.* Монголия в эпоху средневековья и новое время: очерки. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2007. – 212 с.
14. *Чимитдоржиев Ш. Б.* Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – 215 с.
15. *Cosmo Nicola Di.* From Alliance to Tutelage: A Historical Analysis of Manchu – Mongol Relations before the Qing Conquest/ Nicola Di Cosmo // Front. Hist. China. – 2012. – № 7 (2). – P. 175–197.
16. *Elverskog J.* Our Great: The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China. – University of Hawaii Press, 2006. – 242 p.
17. *Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. – N-Y., 1940.
18. *Lattimore O.* Studies in Frontier History. Collected Papers. 1925–1958. – Paris, 1962.
19. *Жигмэддорж Э.* Халх-Манжийн улс төрийн харилцаа. – Улаанбаатар, 2008. – Т. 170.
20. *Нацагдорж Ш.* Монголын феодализмын үндсэн замнал. – УБ., 1978. – Т. 153.
21. *Оюунжаргал О.* Манж Чин Улсаас монголчуудыг захирсан бодлого. – Улаанбаатар, 2011. – Т. 215.

УДК 323.3 (517)

Д. Д. Бадараев

СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОНГОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОПЫТ ТРАНСФОРМАЦИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Статья посвящена рассмотрению трансформации социальной структуры монгольского общества. На основе анализа работ монгольских исследователей продемонстрировано наличие методологических проблем изучения монгольского общества переходного периода, показана стратификация по социальным группам и слоям/стратам. Обоснована необходимость детальной концептуализации имеющихся теоретико-методологических разработок. Приведены статистические данные 2013 г., перечислены тенденции изменения монгольского общества, детерминирующие его социальную структуру.

Ключевые слова: монгольское общество, социально-классовая структура, социальная стратификация, трансформация, демографические показатели.

D. D. Badaraev

SOCIAL AND STRUCTURAL PROCESSES IN THE MONGOLIAN SOCIETY: EXPERIENCE OF TRANSFORMATION AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF STUDYING

The article considers the transformation of the social structure of the Mongolian society. Based on the analysis of investigations of the Mongolian researchers the existence of methodo-

---

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: damdin80@mail.ru.

logical problems of studying of the Mongolian society of a transition period is demonstrated, stratification of social groups and layers/strata is shown. The need of detailed conceptualization of the available theoretic-methodological practices is proven. Statistical data of 2013 are provided, the tendencies of change of the Mongolian society determining its social structure are listed.

Key words: Mongolian society, social-class structure, social stratification, transformation, demographic indicators.

Актуализация социальной структуры занимает в монголоведении особое место, обусловленное в определенной степени современным положением и историческим прошлым монголоязычных народов. В настоящее время за пределами Монголии проживает более 7 млн. чел., идентифицирующихся с монгольским этносом; из них 6 млн. – в Китае (в т. ч. более 4 млн. в автономном районе Внутренняя Монголия). В Российской Федерации, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., насчитывается более полумиллиона представителей монгольских этносов – бурят – 461,4 тыс. и калмыков – 170 тыс. [5] В самой Монголии проживают в основном представители монгольского субэтноса, численностью около 2 млн. 800 тыс. чел., за исключением этнических казахов, заселяющих самый западный Баян-Ульгийский аймак страны, численность которых составляет более 140 тыс. чел. (5,4 % населения). Социальная структура монголоязычных народов, проживающих в Китае и Российской Федерации, представлена в той или иной комбинации в зависимости от социально-экономической, хозяйственной, государственно-политической, этнокультурной составляющих. Особый интерес представляет Монголия, где монголоязычные этносы имеют отдельную государственность, признанную ООН в 1961 г. Изучение социальной структуры Монголии обусловлено рядом взаимодополняющих факторов: историческим – устойчивая социальная структурированность монгольского общества характеризуется со времен еще Монгольской государствен-

ности XIII в.; фактором современности – распад социалистической системы, экономические преобразования и демократизация общества, повлиявшие на процесс «количественно-качественного» преобразования социальной структуры современного монгольского общества; цивилизационным – детерминированность социальной структуры населения Монголии спецификой комбинации оседлого и кочевого образа жизни. Сельское население Монголии составляет примерно треть всего населения, при этом нынешние скотоводы (около 10 % населения) живут в кочевых условиях, сохраняя этнонациональный уклад и быт, традиции и обычаи, которые были свойственны монголам на протяжении многих столетий и тысячелетий. Поэтому при рассмотрении вопросов социальной структуры переходного монгольского общества необходимо учитывать все вышеуказанные факторы.

Трансформационный период затронул все устоявшиеся общественные процессы в Монголии, что в результате сказалось на коренном преобразовании и переориентации дальнейшего развития Монголии. Под понятием «трансформирующееся общество» подразумевается такое состояние общества, при котором достаточно радикально изменяются его основные задачи и функции, что, в свою очередь, влечет за собой качественное изменение социальных институтов на основе трансформирующейся иерархии социальных ценностей [1; 11].

Переход страны на демократические принципы и рыночную экономику не мог не сказаться и на социальной струк-

туре монгольского общества, а также на пересмотре старых взглядов и используемой методологии.

Одной из основополагающих категорий социальной структуры выступает понятие социального неравенства, под которым понимается общественно обусловленная, относительно устойчивая структура неравного распределения между людьми дефицитных материальных и нематериальных ресурсов (в т. ч. неравный доступ к ним), которые влияют на достижение общепризнанных жизненных целей и тем самым оказывают решающее воздействие на качество жизни [7, с. 169]. Дифференцированный «допуск» индивидов, групп и общностей к ограниченным ресурсам материального и духовного потребления представляет собой основу для понимания социального неравенства. При иерархической форме такой дифференциации можно говорить о социальной стратификации. Принимая во внимание большое научно-методологическое значение изучения социального неравенства для развития теории социальной стратификации, необходимо отметить, что объяснение характера социального неравенства, основ его исторической эволюции, взаимоотношения конкретных форм до сих пор остается одной из ключевых проблем социологии.

В постсоветском пространстве можно констатировать отсутствие единых концептуальных подходов среди исследователей при описании социальной структуры монгольского общества. Многообразие различных теоретических подходов обуславливает выбор исследователем теоретической конструкции в зависимости от того, под каким углом он намерен изучить структурные особенности переходного общества и какие критерии стратификации им применяются. Например, если учитываются уровень доходов населения и степень владения собственностью, то общество можно разделить на богатых и бедных; если учитываются должностные полномочия и про-

фессия, то население дифференцируется в зависимости от степени квалификации и уровня образованности изучаемых; если рассматривается национальность, то общество можно разделить по этнонациональной принадлежности и т. д. При этом описываемые критерии могут иметь как объективный (доход, образование, семейное положение, национальность, возраст, пол и т. д.), так и субъективный (самоидентификация респондентов к какому-либо слою, страте или группе) характер. Сложность заключается в том, что применение одного критерия становится недостаточным для описания социальной картины трансформирующегося общества, а применение комплекса критериев требует учета оптимального состава из всего многообразия самых различных критериев-оснований социального неравенства общества. Поэтому вопросы методологического плана остаются одними из самых сложных и дискуссионных проблем конструирования общественного обустройства современного монгольского общества.

Переходные процессы коснулись монгольского общества в совершенно «неожиданной» форме: «...впервые в истории вектором этой трансформации явился переход не от капиталистического общества к социалистическому, а наоборот – от социалистического общества к обществу капиталистическому» [6, с. 121].

Годы строительства социализма в Монголии принесли много как позитивных, так и негативных изменений. В целом они идентичны процессам, происходившим в советском обществе, но специфика заключалась в феодальном устройстве монгольского общества, кочевом образе жизни, скотоводческом характере экономики [11, с. 47].

В отличие от СССР, в Монголии лишь в конце 50-х гг., после подготовки необходимых социально-экономических условий, началась массовая коллективизация, которая превращала частный

капитал в коллективный. Этот процесс проводился насильственно и поэтому оказался очень болезненным для многих. Исходная идея социальной политики партии состояла в том, что частный капитал будет постепенно вытесняться более эффективными государственными и кооперативными предприятиями. Однако при переходе от общеидеологических построений к конкретному экономическому анализу эта идея находила мало подтверждений.

Рост общеобразовательного и культурного уровня аратов привел к 1970 г. к ликвидации неграмотности членов сельскохозяйственных объединений. К концу 70-х гг. почти 2/3 животноводов имели начальное или среднее образование. В составе аратства сформировались новые отряды – земледельцы, механизаторы, строители, обладающие иными профессионально-квалификационными характеристиками, чем животноводы. Араты же расслаивались на овцеводов, табунщиков, пастухов крупного рогатого скота, верблюдоводов, доярок и т. д.

К концу 80-х гг. происходило постепенное сокращение удельного веса аратства в населении Монголии, обуслов-

лишены автономности и самостоятельности, как и государственные предприятия, заводы, «принадлежащие рабочим». Отношение кооперированных аратов и рабочих промышленных предприятий к средствам производства по существу было тождественным.

Третьей социальной группой, именуемой прослойкой в структуре монгольского общества, являлась интеллигенция. Монгольская интеллигенция в основном сформировалась в послереволюционный период. В социалистический период численность интеллигенции в монгольском обществе неуклонно увеличивалась, также повсеместно отмечался значительный рост уровня образованности населения. Индустриальный и культурный прогресс способствовал повышению роли и статуса специалистов и квалифицированных работников, что подталкивало многих монголов к получению профессионального образования. Так, трехэлементная социально-классовая структура в монгольском обществе сохранялась вплоть до распада социалистической системы. Динамику изменения социального состава населения демонстрируют данные таблицы.

Таблица

Динамика изменения социальной структуры монгольского общества за 1925–1989 гг., % [8, с. 362]

Класс \ Год	1925	1956	1963	1969	1979	1989
Население	100	100	100	100	100	100
Рабочие	–	14,0	28,5	36,1	41,6	50,8
Служащие	–	11,9	18,0	20,3	21,4	21,4
Араты (скотоводы, частники)	86,6	63,0	0,2	0,1	–	–
Кооперированные араты	13,4	11,0	53,3	43,5	36,8	27,8

ленное оттоком сельского населения в города в результате перехода на работу в промышленность, получением сельской молодежью несельскохозяйственных специальностей. Кооперированные объединения практически полностью были

Вышеуказанные факторы и особенности социально-классовой структуры заметно повлияли на активизировавшиеся исследования социальной структуры монгольского общества в постсоциалистический период. Этой теме посвяще-

ны работы Г. Г. Грайворонского, Г. С. Яскиной, Х. Гунсамбуу, Ц. Цэцэнбилэг, О. Мунхбата, С. Гомбо, Т. Бурэнжаргал, Ц. Уртанасана, Т. Дорждагвы, Н. Галиймы и др., которые заслуживают особого внимания в связи с тем, что каждый из них вносит свою лепту в изучение переходного монгольского общества. Практически все исследователи признают несостоятельность теории социальных классов Маркса при описании сложных явлений и процессов переходного постсоветского периода и подчеркивают необходимость использования комплекса критериев при распознавании социально-структурных процессов. Однако во многих источниках классы рабочих, скотоводов-аратов и прослойка интеллигенции рассматриваются как основа социальной структуры населения, а в качестве дополнения – формирующиеся в результате рыночных преобразований новые социальные группы (владельцы частной собственности, предприниматели, менеджеры, низший класс общества).

При стратификационном подходе подразумевается расслоение монгольского общества на верхний (3–5 %), средний (38–50 %) и низший классы (50–60 % – бедные, 10 % – нищие) на основе уровня доходов, потребления, удовлетворенности жизненными благами [10, с. 184]. По результатам ряда исследований постсоциалистического периода наблюдается позитивный настрой населения на формирование среднего слоя (до 60 %). В этом плане одним из важных индикаторов дифференциации населения является самоидентификация респондентов к какому-либо слою. Здесь возникает определенное методологическое противоречие, обусловленное несоответствием объективных и субъективных критериев исследования. Например, участник исследования, имеющий доход ниже прожиточного минимума, не владеющий какой-либо формой собственности, не занимающий определенного социально-политического статуса, может субъек-

тивно причислить себя к высшему или среднему слою. Тогда как общеизвестно, что по перечисленным объективным параметрам он не дотягивает до среднего слоя, не говоря уже о высшем. А с другой стороны, он может иметь высшее образование, большую, крепкую семью и у него может быть достаточно большой человеческий капитал. Данные дилеммы остаются открытыми, и исследователям методологий социальной стратификации приходится признать тенденцию, с одной стороны, унификации в социологической теории и практике, а с другой стороны, дифференциацию концепций социальной стратификации.

Многими авторами используется социально-групповой подход. Так, рассматриваются такие социальные группы, как араты-скотоводы, рабочие, люди умственного труда, группы-близнецы высшего слоя – политики и бизнесмены, безработные, бедные и «социальное дно» монгольского общества [4, с. 52]. В представленной социальной структуре середины 2000-х гг. перечисленные социальные группы дифференцированы по профессии, степени владения собственностью и доходу.

– Араты-скотоводы в зависимости от имеющегося поголовья скота делятся на зажиточных (12 % – имеющие свыше 201 головы скота), средний слой (19 % – 101–200 голов скота), бедных (54 % – до 100 голов скота) и крайне бедных (31 % – до 50 голов скота).

– Стратификация бывшего рабочего класса представлена наемными работниками, которые, в свою очередь, делятся на слой выше среднего (3,5 %), средний (42,6 %) и низший (25,6 %) слои. Наблюдается тенденция возрождения национального производства на основе рыночного и коммерческого типа, соответственно, по мере развития туризма и сервиса, технологизации и информатизации общества появляются работники сервиса, а с другой стороны – слой наемных работников, тогда как традиционный рабочий класс изживает себя.

– Люди умственного труда подразделяются на отряды интеллигенции, работников государственных организаций и студентов.

– Политики переходного периода являются бизнесменами, а бизнесмены, в свою очередь, активно включены в политику. Слой монгольской элиты состоит из следующих субстрат: супербогатых, богатых, политической элиты, финансово-кредитной элиты, коммерческой элиты и некоторых криминальных элементов.

– Безработные и бедные делятся в зависимости от формы безработицы и социально-демографических характеристик: безработные-бедняки, бедные пожилого возраста, бедные – матери-одиночки и т. д. При этом отмечается, что не всегда действует закон Оукена (увеличение численности безработных на 1 % снижает прогнозируемый ВВП на 2,5 %) и кривая Филлипса (обратно пропорциональная зависимость между показателями безработицы и инфляции), а коэффициент Джинни достиг 0,35, что характеризует усиление поляризации общества на богатых и бедных.

– Социальное дно состоит из следующих субстрат: попрошаек, бродяг, живущих в траншеях, хронических алкоголиков, беспризорных детей и проституток.

Относительно социальной стратификации монгольского общества нулевых годов можно предположить, что границы между социальными стратами, группами и слоями достаточно условны, но, тем не менее, позволяют обрисовывать контуры социальной структуры общества, на основании чего возможно выстраивание моделей социальной стратификации в ближайшем будущем. Кроме того, в условиях неполной методологической определенности комплексные исследования социальной структуры переходного монгольского общества позволяют рассмотреть проявления многообразия социальной природы человеческо-

го общества Монголии с самых разных позиций.

При изучении социальной структуры вне зависимости от применяемых критериев важно учитывать социально-демографические характеристики монгольского общества. По данным Национального статистического комитета Монголии за 2013 г., можно продемонстрировать следующие характерные особенности социально-демографического положения Монголии. Население страны составило 2 млн. 930,3 тыс. чел., из них постоянно проживают в Монголии 2 млн. 823,1 тыс., за пределами границ – 107,1 тыс. Экономически активное население составило 1 млн. 198,3 тыс. чел., из них 1 млн. 103,6 тыс. чел. – занятые, 94,7 тыс. – безработные (уровень безработицы – 7,9 %). На 1 тыс. населения коэффициент смертности составил 5,9, коэффициент рождаемости – 27,5, коэффициент заключения браков – 5,4, уровень разводов – 1,2. Средняя продолжительность жизни в стране составила – 69,1 года: мужчин – 65,4 года, женщин – 75 лет. В столице страны г. Улан-Батор зарегистрировано 1372,3 тыс. чел., из них проживают за рубежом 85,8 тыс. В среднем на 1 кв. км территории страны приходится 1,8 чел. Сохраняется тенденция урбанизации страны, внутренней миграции населения в города, в частности в центральные районы и столицу страны.

Сельское население – 31,9 % (934,6 тыс. чел.), городское – 68,1 % (1 млн. 995,1 тыс.). Традиционная отрасль хозяйства / сфера экономической деятельности – скотоводство, в котором задействовано 285,7 тыс. скотоводов с общим количеством 45,1 млн. голов скота. Численность частных домохозяйств, имеющих более 1000 голов скота, достигла 4902, тогда как в 2010 г. их было 2406. Внутренняя политика государства по поддержке развития скотоводства способствует поддержанию поголовья скота на определенном уровне. Однако вопросы качества жизни населения остаются

не в полной мере решенными, особенно в сельской местности, о чем свидетельствуют показатели уровня бедности и среднего прожиточного минимума. Уровень бедности по стране за 2012 г. составил 27,4 %, при этом в городах данный показатель был равен 23,2 %, а в сельской местности – 35,5 %. Средний показатель прожиточного минимума по стране составил 151,9 тыс. тугриков (курс 1 рубля = 50–52 тугр.). За 2011–2012 гг. уровень экономического роста Монголии составил 12,3 % [9].

На современном этапе можно отметить некоторые тенденции дальнейшего изменения монгольского общества, что, несомненно, отразится на его социальной структуре.

1. Процесс профессионализации и повышения уровня квалификации работников за счет расширения возможностей получения образования.

2. Дальнейшая дифференциация и поляризация общества.

3. Постепенное (эволюционное) уменьшение численности аратов-скотоводов при увеличении поголовья скота.

4. Зависимость экономики Монголии от конъюнктуры рынка продукции добывающей промышленности. По предварительным данным 2013 г., в структуре ВВП горнодобывающая промышленность занимает первое место и составляет 20,2 % [Там же, с. 208].

5. Урбанизация и усиление миграционных оттоков населения из сельской местности в крупные населенные пункты и за рубеж. По разным данным, за рубежом проживают около 250 тыс. граждан Монголии, при официальных показателях в 107,1 тыс. чел.

6. Сокращение численности занятых в государственном секторе и, соответственно, рост численности занятых

в частном секторе, который в настоящее время производит 79,6 % ВВП [Там же].

7. Постепенный демографический прирост населения Монголии. За последние 5 лет наметилась тенденция роста рождаемости при снижении показателей смертности.

Таким образом, рассмотрение теоретико-методологических аспектов социальной стратификации, некоторых особенностей социально-классовой структуры, вторичный анализ результатов социологических исследований и анализ демографических показателей позволяют сделать обобщения, что современную социальную структуру монгольского общества можно охарактеризовать с точки зрения многомерной стратификационной концепции, наиболее важными критериями которой являются доход, образование, профессия, должность. При определении сущности социальной структурированности монгольского общества в транзитивный период следует учитывать социально-экономические, социально-политические, социально-культурные, социально-этнические и демографические основы функционирования и развития общества (кочевой образ жизни, особенности менталитета монгольского мира и т. д.). Необходимо отметить, что теоретико-методологические разработки социальной структуры современного монгольского общества все еще нуждаются в детальной концептуализации, присутствуют определенные факторы дезинтеграции, вместе с тем наметились более конкретные тенденции определения социальных групп и страт монгольского общества, дальнейшее изучение которых привлекает еще больший интерес исследователей социального многообразия монгольского мира.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Литература

1. *Бадарев Д. Д.* Социально-стратификационная структура населения Монголии и Республики Бурятия в изменяющемся обществе начала XXI в. (сравнительные аспекты) / отв. ред. Ю. Б. Рандалов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – 172 с.
2. *Галиймаа Н., Батбаяр Т.* Население Монголии: социальная структура современного монгольского общества // Мир Центральной Азии-3: сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров, отв. ред. Е. В. Сундуева. – Улан-Удэ; Иркутск: Отгиск, 2012. – С. 407–412.
3. *Грайворонский В. В.* Изменение в уровне жизни населения Бурятии (Россия), Монголии и Внутренней Монголии (Китай) в конце XX – начале XXI вв. – Лос-Анджелес; Улан-Батор, 2014. – 284 с.
4. *Дорждагва Т.* Некоторые вопросы социальной стратификации современного монгольского общества // Социально-стратификационная дифференциация российского общества: матер. междунар. науч. конф. В 2 т. Т. 1. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006. – С. 50–56.
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – М., 2011.
6. *Култыгин В. П.* Исследования социальной структуры в переходных обществах. (Историо-методологический обзор) // СОЦИС. – 2002. – № 4. – С. 121–129.
7. *Штайнгамп Г.* Социальная структура и личность: проблемы дифференциации и интеграции макро-, мезо- и микроуровней социального анализа // Проблемы теоретической социологии: сб. ст. Вып. 2. – СПб., 1996. – С. 169–170.
8. *Гундсамбуу Х.* Монголын нийгмийн давхраажил, хогжил, хандлага (XX зуун) (Социальная стратификация современной Монголии: развитие, тенденции (XX век). – Улаанбаатар, 2002. – 660 тал.
9. Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл: стат. ежегодник Монголии. – Улаанбаатар, 2013. – 402 тал.
10. Монголын нийгмийн оорчлолт (Обновление монгольского общества). – Улаанбаатар, 2008. – 512 тал.
11. *Цэцэнбилэг Ц.* Проблемы модернизации монгольского общества. – Улаанбаатар, 2002. – 148 с.
12. Шилжилтийн нийгэм: шинэтгэл, соел иргэншлийн асуудлууд (Орос, Монголын жишээгээр авч үзэх нь) (Трансформирующееся общество: обновление, цивилизационные проблемы (на примере России и Монголии). – Улаанбаатар, 2012. – 264 тал.

УДК 303.446.4 : 94 (517)

А. О. Гомбоев

ИСТОРИЯ МОНГОЛИИ XIV–XVII ВВ. В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассматриваются ключевые моменты периода в истории Монголии от распада Монгольской империи до вхождения в состав империи Цин в западной историографии. Автором проанализированы труды востоковедов из США, ФРГ, Великобритании, Франции, Израиля, созданные в XX–XXI вв.

Ключевые слова: Монголия, монголоведение, историография, Северная Юань, ойраты, Джунгарское ханство, империя Цин.

A. O. Gomboev

HISTORY OF MONGOLIA OF THE 14TH–17TH CENTURIES IN THE WESTERN HISTORIOGRAPHY

The article considers the most important moments of the Mongolian history of the 14th – 17th centuries from the fall of the Mongolian Empire to its incorporation into the Qing Empire in the Western historiography. The author analyzes works of orientalists from the USA, the FRG, Great Britain, France and Israel in the 20th – 21st centuries.

Key words: Mongolia, Mongolian studies, historiography, the Northern Yuan, the Oirats, the Dzungar Khanate, the Qing Empire.

Эпоха в истории Монголии, начавшаяся после распада Великой империи, в западной историографии характеризуется как время смуты. К середине XIV в. империя Юань пришла в полный упадок. Как отмечает исследователь из Израиля Р. Амитай-Прейсс, после крушения империи Юань в 1368 г. монгольские императоры вернулись на историческую родину, где, как и два столетия назад, преобладало кочевое хозяйство, а местные феодалы сопротивлялись политике централизации [2, с. 294].

Профессор Боннского университета В. Файт в своем труде «Четыре хана Халхи» подразделяет историю Монголии XIV–XVII вв. на 4 этапа:

1) 1368–1479 гг. – от исхода монголов из Китая до воцарения Даян-хана;

2) 1478 г. – конец XVI в. – эпоха Даян-хана и «шести туменов»;

3) начало XVII в. – 1688 г. – распад Монголии на три части;

4) 1688–1697 гг. – первая ойрато-маньчжурская война и завоевание Монголии империей Цин [15, с. 47].

Истории Монголии в исследуемый период посвящены труды большого количества специалистов, но начало изучению темы в XX в. было дано в 1950-е гг. работой профессора Боннского университета В. Хейсига «Пекинский ламаистский ксилограф на монгольском языке», публикацией Ч. Боуденом монгольской летописи «Алтан Тобчи»,

монографией Г. Серройса «Китайско-чжурженские отношения в период Юнло (1403–1424)», переводом Р. Лёвенталем «Монгольских летописей XVII в.» Ц. Жамцарано, а также совместным исследованием и изданием В. Хейсигом и Ч. Боуденом летописи Ломи «История монгольского рода Борджигидов» [4; 10; 14; 20]. По мнению российского монголоведа М. И. Гольмана, выход в свет этих и других исследований вводил в научный оборот ценные и до того неизвестные или малоизученные источники, открывал новые страницы в изучении средневековья, в частности монголо-китайских отношений в начале XV в. и в целом стимулировал развитие этой области востоковедения на Западе [1, с. 15].

После событий середины XIV в. Монгольское государство продолжило свое существование уже на территории непосредственно Монголии, которая, по мнению французского ориенталиста Р. Груссе, превратилась в самостоятельный политический и экономический организм [8, с. 508]. К этому времени она отчетливо делилась на две части: восточную и западную. Западную Монголию населяли в основном ойраты. Монголоведа из ФРГ М. Вейерс вел исследования истории народов Центральной Азии, в особенности монголов XIII–XVII вв. Можно отметить его очерк «История монголов» в рамках коллективного труда «Монголы и их мировая империя»

[17, с. 45–114]. Изучая послеюаньский период истории Монголии, М. Вейерс пишет, что по мере роста хозяйственной и политической самостоятельности феодальных княжеств реальная власть и авторитет верховного хана Монголии среди феодалов стали ослабевать, а ханский трон превратился в объект бесконечной борьбы между различными соперничавшими друг с другом группировками князей [Там же, с. 77]. С 1388 по 1400 г. на монгольском престоле сменилось пять ханов, причем все они умерли насильственной смертью. Власть великого монгольского хана стала номинальной, дела государства вершили феодалы. Потомки Хубилая неоднократно теряли власть, которая оказывалась в руках потомков Ариг-буги и Угэдэя. Китайские императоры вели успешные войны против монголов, причем на территории собственно Монголии. С конца XIV в. резко усилились западные монголы – ойраты. Итогом всех этих событий, без сомнения, стало ослабление ханской власти в Монголии.

Значительное место в западноевропейской, в частности германской, историографии Монголии занимает вопрос возвышения и последующего падения ойратов и их власти в Центральной Азии. Процесс феодализации начался у них позднее, чем у других монгольских племен, но шел быстрее. Ойратские правители – тайши, избавившись от зависимости от монгольского хана, сами перешли к активным действиям. К этому времени и относятся открытые выступления ойратских правителей против власти монгольских ханов-чингисидов. Как полагает В. Хейссиг, начало этим выступлениям положило убийство ойратами верховного хана Элбэка в 1399 г., после чего они освободились от власти монголов и между двумя сторонами началось длительное соперничество за ханскую власть в стране [11, с. 143]. Данное событие он считает знаменательной вехой в эпохе феодальной раздробленности Монголии, причем причиной его послу-

жили действия ойратских феодалов [Там же, с. 144].

Подкрепляя мнение о влиянии ойратов на внутримонгольские дела и их военном могуществе, В. Хейссиг приводит следующие общеизвестные факты: ойратский Тогон-тайши одержал в 1434 г. крупную победу над восточными монголами и даже пытался провозгласить себя великим монгольским ханом. Его сын Эсэн-тайши стал фактическим правителем всей Монголии. В 1449 г. он разгромил в Тумуской битве полумиллионную китайскую армию и взял в плен императора, нанеся, таким образом, империи Мин одно из крупнейших поражений в ее истории. Хотя восточномонгольские феодалы во главе с Дайсун-ханом сделали попытку избавиться от ойратского владычества, в 1452 г. Эсэн одержал решительную победу над восточными монголами, а в 1454 г. провозгласил себя великим монгольским ханом. Однако В. Хейссиг считает, что Эсэну следовало придерживаться монгольских законов, так как это было вопиющим нарушением, ибо Эсэн не был потомком Чингис-хана. В результате через год после самопровозглашения Эсэн пал жертвой междоусобиц. Как итог, в монгольских степях почти на полтора столетия значительно ослабло ойратское влияние [Там же, с. 149].

Приблизительно в 1479 г. великим монгольским ханом был провозглашен семилетний Бату-Мункэ, являвшийся потомком Чингис-хана. Он стал называться Даян-хан, т. е. «великий юаньский хан». Вдова его дяди, Мандухай-хатун, ставшая его женой, лично возглавила военный поход против ойратов. Анализируя итоги этого похода, Э. Хениш приходит к выводу, что одержанная над ойратами победа покончила с их притязаниями на господство во всей Монголии. В результате последующих военных походов вся Монголия оказалась под властью Даян-хана [9, с. 177]. В дальнейшем Даян-хан и Мандухай-хатун воссоединили мон-

голов, в результате чего междоусобная борьба между чингисидами на некоторое время сошла на нет, хотя и не прекратилась полностью.

В 1488 г. Даян-хан направил китайскому двору письмо, в котором просил согласия принять от него дань. Американский исследователь Д. Уэзерфорд полагает, что в такой завуалированной форме под данью имелась в виду фактическая межгосударственная торговля [19, с. 115]. Однако, несмотря на это, уже в 1495 г. монголы начали военные действия против Китая, и в 1500 г. Даян-хан перенес свою ставку в завоеванный Ордос. В 1504 г. Даян-хан вновь обратился к китайскому двору с просьбой принять от него дань. Несмотря на согласие китайского двора, в том же году монголы совершили опустошительное нападение на Датун и другие пограничные области Китая. Мирная торговля с Китаем полностью прекратилась на 70 лет. Впоследствии, с 1514 по 1526 г., Даян-хан совершал ежегодные нападения на северные области Китая, неоднократно доходя до окрестностей Пекина [Там же, с. 120]. Предлагая детальную картину этих событий, Д. Уэзерфорд, как, впрочем, и другие исследователи, не дает внятного объяснения такому поведению Даян-хана.

Объединенная Монголия просуществовала недолго. Вскоре после смерти Даян-хана государство было разделено между его сыновьями. Именно с этого времени, по мнению американского исследователя К. Этвуда, среди восточных монголов начинают различать северных (халхасы) и южных (тумэты, ордосцы, чахары). Несколько позже на западе Халха-Монголии родственником Даян-хана Шолой-Убаши-хунтайджи было образовано государство Алтан-ханов [3, с. 417].

Вышедший в 1986 г. коллективный сборник по истории Монголии «Монголы. Очерки их истории и культуры», авторами которого выступили М. Вайерс, В. Хейсиг, Г. Р. Кэмпфе, В. Файт, В. Ронге, Р. Кашевский и др., охватывает

период от создания Монгольской империи до XX в. Среди прочего в работе достаточно широко освещен вопрос образования государства Алтан-ханов [5]. В разделе, посвященном событиям XVI в., отмечается, что Алтан-хан стал править тумэтским туменом, некогда входившим в правое крыло Монгольской империи [Там же, с. 336]. Во время своего правления Алтан-хан провел несколько успешных военных кампаний против ойратских племен и неоднократно пытался добиться нового объединения монголов. В 1552 г. он совершил поход против ойратов, который вылился в новую серию ойратско-монгольских войн после 100-летнего мирного сосуществования. Ойраты ушли на запад, покинув освоенные ими кочевья в верховьях Орхона. В 1562 г. Алтан-хан нанес новый удар ойратам, заставив их отступить еще дальше на запад, к реке Иртыш. Как справедливо отмечает К. Этвуд, именно он первым из монгольских феодалов завязал отношения с третьим Далай-ламой и положил начало распространению ламаизма и укреплению ламаистской церкви в Монголии. При Алтан-хане было закончено освоение монголами территории Ордоса [3, с. 408].

Описывая военное и стратегическое значение походов Алтан-хана, Р. Амитаи-Прейсс упоминает, что ойраты потерпели от него поражение. Итогом же разобщенности ойратов и их ослабления в результате похода Алтан-хана, по мнению исследователя, воспользовались восточномонгольские князья, организовавшие против них серию военных походов. В результате основная часть ойратов была вытеснена в район монгольского Алтая и полностью отрезана от рынков Китая [2, с. 311].

В начале XVII в. Монголия представляла собой ряд независимых владений, располагавшихся по три стороны от пустыни Гоби. Номинальным титулом всемонгольского хана и его печатью обладал глава Чахарского ханства Лигданхан (правил в 1604–1634 гг.), т. к. он счи-

тался старшим среди потомков Чингисхана. Лигдан-хан безуспешно боролся за объединение страны перед лицом маньчжурской агрессии. Феодалный сепаратизм усилился настолько, что в начале XVII в. многие монгольские князья охотнее становились вассалами маньчжурского хана, чем монгольского. Исследуя историю Монголии и ее взаимоотношения с империей Цин, М. Вейерс пишет о взаимопроникновении и двусторонности монголо-маньчжурских отношений в 30-е гг. XVII в. в статье «Монгольская политика маньчжуров и маньчжурская политика монголов» [18, с. 256–275].

Важное место в понимании западноевропейской историографии истории Монголии указанного периода занимает исследование К. Загастера, касающееся одного из ключевых источников по истории Монголии – «Цагаантуух» [13]. В нем он исследует становление Цинской империи и роль в этих процессах монгольских феодалов. В частности, Загастер указывает, что в борьбе с маньчжурами империя Мин сделала основную ставку на Лигдан-хана, но ему не удалось заручиться поддержкой северных монголов, а большинство князей Южной Монголии выступили на стороне маньчжур. Потерпев в 1634 г. поражение от Абахая, Лигдан-хан с остатками войск отошел в Кукунор, где вскоре умер, а его сын капитулировал перед маньчжурами. В 1636 г. по повелению Абахая собрался съезд правителей 16 южномонгольских княжеств, на котором Абахая провозгласили всемонгольским ханом. В том же году Абахай дал своему государству новое название – Цин [Там же, с. 178].

Изменение внешнеполитической ситуации в регионе способствовало консолидации ойратских племен, что привело к образованию сильного централизованного государства – Джунгарского ханства; время его образования относят к 1635 г., когда глава племени чорос Батур-хунтайджи объединил ойратские племена.

Западногерманский востоковед Э. Хениш одним из первых в Западной Европе начинает разрабатывать историографию Монголии в эпоху Маньчжурской династии Цин. В своих трудах Хениш исследует то время, когда Халха-Монголия стала ареной борьбы между Джунгарским ханством и империей Цин, подчеркивая, что во второй половине XVII в. цинам удалось склонить некоторых правителей Халхи к принятию подданства маньчжурского императора. Таким образом, Халха-Монголия была включена в состав империи Цин [9, с. 177].

Тем временем к западу от Халхи усиливалось Джунгарское ханство. Более подробно эти события освещены в книге британки Э. Пэлудэн «Хроника китайских императоров». Согласно ее работе, основные события тех лет выглядят следующим образом: джунгарский правитель Галдан-Бошогу в 1678 г. захватил Кашгарию, усилил свое влияние в Тибете и Халхе. В 1684 г. вспыхнули очередные распри среди халхаских ханов, во время которых был убит посол Галдана. В 1688 г. Галдан нанес поражение халхаским монголам в битве у озера Ологой. Несколько сот тысяч человек из трех аймаков, бросив скот и кибитки, бежали в Южную Монголию на территорию Цинской империи. Таким образом, цинский император получил великолепный предлог для покорения Халхи под видом ее защиты от Галдана [12, с. 43].

Американский востоковед М. Эллиот пишет о принятии осенью 1688 г. халхаскими феодалами во главе с Тушэту-ханом и Ундур-гэгэном цинского подданства. Это напрямую повлияло на дальнейшее развитие джунгаро-цинских отношений. По мнению М. Эллиота, не желая столкновения с империей, Галдан предложил цинам мир на условиях выдачи ему или отправки в Лхасу Тушэту-хана и Ундур-гэгэна, а также установления джунгаро-цинских торговых отношений [6, с. 49]. Вопреки его чаяниям, император Сюаньне предпочел начать войну. В

1689 г. феодалы Халхи решили признать Цинское господство. В 1691 г. в Долонноре состоялся съезд ханов, джасаков и нойонов Халхи и Южной Монголии; сюда же во главе армии прибыл и Сюань. На съезде было объявлено о включении всех трех аймаков Халхи в состав Цинской империи. Хань сохранили свои титулы, но для нойонов и других феодалов вводилась маньчжурская княжеская титулатура [6, с. 51].

Исследуя государственно-административное устройство Монголии, Й. Элверког пишет, что отныне территория

Внешней Монголии представляла собой имперское наместничество, поделенное на четыре ханства (аймака) и расположенный на крайнем западе пограничный Кобдоский округ. Аймаки распались на хошуны, однако теперь хошуны являлись не наследственными владениями, а временными пожалованиями; для вступления в наследственное владение и управление хошуном требовалось получение монгольскими князьями инвеституры от маньчжурского императора [7, с. 234].

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Литература

1. Гольман М. И. Изучение истории Монголии на Западе. XIII – середина XX в. – М., 1988.
2. Amitai-Preiss R., Morgan D. The Mongol empirean ditslegacy. – 1999.
3. Atwood C. P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. – 2004.
4. Bawden Ch. R. The Mongol Chronicle Altan Tobci. Text, Translation and Critical Notes. GAF Bd. 5. – Wiesbaden, 1955.
5. Die Mongolen. Beiträge zur Geschichte und Kultur, hrsg. von M. Weiers, unter Mitwirkung von W. Heissig und V. Veit; Wissenschaftliche Buchgesellschaft: Darmstadt, 1986.
6. Elliott M. C. The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China. – Stanford University Press., 2001. – P. 49.
7. Elverskog Johan. Our Great Qing: The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2006. – 264 p.
8. Grousset R. The Empire of the Steppes: A History of Central Asia. – P. 508.
9. Haenisch E. Die Mongolei: Bilderaus alter und neuer Zeit. – Der Orient in deutscher Forschung. – B., 1944.
10. Heissig W. Der Pekinger lamaistische Blockdrucks in mongolischer Sprache. Materialien zur mongolischen Literaturgeschichte. GAF Bd. 2. – Wiesbaden, 1954.
11. Heissig W. Ein Volk sucht seine Geschichte. Die Mongolen und die verlorenen Dokumenten der großen Zeit. – Düsseldorf-Wien, 1964.
12. Paludan A. Chronicle of the China Emperors. – London: Thames & Hudson, 1998.
13. Sagaster K. Die weiße Geschichte. Ein mongolische Quelle zur Lehre von den beiden Ordnungen: Religion und Staat in Tibet und der Mongolei. AF, Bd. 41. – Wiesbaden, 1976.
14. Serruys H. Sino-Mongol Relations during the Yung-lo Period (1403–1424). GAF Bd. 4. – Wiesbaden, 1955.
15. Veit V. Die vier Qane von Qalqa. Ein Beitrag zur Kenntnis der politischen Bedeutung der nordmongolischen Aristokratie in den Regierungsperioden K'ang-hsi bis Ch'ien-lung (1661–1796)

anhand des biographischen Handbuchs Iledkelšastiraus dem Jahre 1795. Teil I: Untersuchungen; Teil II: Biographien (IledkelšastirHefte 45-76). Asiatische Forschungen Bd. 111, Harrassowitz: Wiesbaden, 1990. – S. 118.

16. *Weatherford J.* The Secret History of the Mongol Queens. – 2010.

17. *Weiers M.* Geschichte der Mongolen. A. EGGEBRECHT (Hg.), Die Mongolen und ihr Weltreich, Mainz, 1989.

18. *Weiers M.* Mongolenpolitik der Mandschuren und Mandschupolitik der Mongolen zu Beginn der dreißiger Jahre des 17. Jahrhunderts. ZAS 22 (1989–1991).

19. *Weatherford J.* The Secret History of the Mongol Queens. – 2010. – P. 120.

20. *Zamcarano Q. Z.* The Mongol Chronicles of the Seventeenth Century. Trsl. from the Russian by Rudolf Lowenthal. GAF Bd. 3. – Wiesbaden, 1955.

УДК 339 (517)

А. Б. Гомбоев, В. Б. Базаров

ДИНАМИКА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МОНГОЛИИ

Статья посвящена изучению внешнеэкономических связей Монголии и динамики основных макроэкономических показателей. После распада Советского Союза Монголия испытывала сильнейший экономический кризис. Выходу из состояния системного кризиса способствовала политическая и внешнеэкономическая помощь со стороны развитых государств Запада и Востока. В статье будут раскрыты основные страны-партнеры Монголии, на основе обширного статистического материала – проанализированы их доля и участие во внешнеторговом обороте страны.

Ключевые слова: Валовый внутренний продукт Монголии, внешнеторговый баланс, торговый оборот Монголии, импорт, экспорт, внешняя политика Монголии.

A. B. Gomboev, V. B. Bazarov

DYNAMICS OF MACROECONOMIC INDICATORS AND FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF MONGOLIA

The article is devoted to the study of foreign economic relations of Mongolia and the dynamics of the main macroeconomic indicators. After the collapse of the Soviet Union, Mongolia has experienced the strongest economic crisis. Mongolia was able to get out of crisis thanks to the political and foreign economic assistance from the developed countries of the West and the East. The article will indicate the main partner countries of Mongolia. The analysis of foreign trade turnover of Mongolia is based on extensive statistical material.

Key words: Mongolia's gross domestic product, the trade balance, the trade turnover of Mongolia, import, export, foreign policy of Mongolia.

БАЗАРОВ Виктор Борисович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: bazarov_science@mail.ru.

ГОМБОЕВ Аюур Баирович – аспирант отдела истории, этнографии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: gomboevayur@mail.ru.

Монгольское общество конца XX в. пошло по пути демократии и смены модели общественного развития. С переходом Монголии на новые рыночные отношения экономику страны поразил тяжелейший кризис. Его пик пришелся на 1990–1995 гг. Причинами этого кризиса явились многие факторы, главными из которых были развал социалистической системы хозяйствования, ликвидация плановой экономики, нарушение мирохозяйственных связей, соответственно – прекращение инвестиционной составляющей и субсидий со стороны Российской Федерации. Поэтому монгольские предприятия, работавшие на экспорт, полностью потеряли своих традиционных покупателей, на которых и была ориентирована вся экспортная продукция Монголии. Резко упал импорт, практически прекратилась поставка промышленных и продовольственных товаров из других стран. В этих условиях возник товарный дефицит, спровоцированный быстрым выводом советского воинского контингента из Монголии, составлявшего вместе с членами семьи свыше 100 тыс. человек. Одновременно из страны стали выезжать иностранные специалисты бывшего социалистического содружества, составлявшие вместе с семьями свыше 150 тыс. человек. За короткое время все товары как импортного производства, так и национальных производителей были скуплены по твердому в то время курсу денежной единицы – тугрику.

Крайне трудное положение сложилось с товарами первой необходимости, в частности с прилавков магазинов исчезло все продовольствие. Администрация столицы Монголии Улан-Батора перевела продовольственные товары на карточную систему. В начале 1993 г. столичный житель в месяц получал 2,3 кг муки 1-го сорта, 1,7 кг муки 2-го сорта и 2 кг мяса [7, с. 27]. Однако обеспечить прожиточный минимум по карточной системе было невозможно и продовольственный

кризис нарастал, в магазинах осталась только «черная» соль. В стране господствовала спекуляция и мелкая челночная торговля с Россией и Китаем. В этих условиях правительство освободило цены на продовольственные товары, перенеся вопрос об обеспечении продовольствием на плечи населения.

Другой острой проблемой стала прогрессирующая безработица. Банкротство и коммерческая несостоятельность промышленного сектора экономики породили толпы квалифицированных безработных. В конце января 1993 г. число безработных с пометкой «квалифицированный рабочий» составляло 23,1 % от общего числа безработных. Большое количество рабочих перерабатывающей промышленности из-за острого кризиса в отрасли оставили свои рабочие места и занялись мелким предпринимательством и торговлей. Если число рабочих, работающих в перерабатывающей отрасли, в 1990 г. составляло 123400 чел., то в 1995 г. их число снизилось до 67300 [2, с. 197]. Некоторые граждане стали выезжать на заработки в другие страны. Так, только в 1993 г. 39190 казахов, граждан Монголии, покинули свою родину и переехали в соседний Казахстан.

Внутриполитическое положение все более обострялось, кризис охватил все сферы общества. В этих условиях возникла угроза общественной безопасности и в 1992 г. Великий Государственный Хурал издал указ «Об основных направлениях деятельности государства по сохранению общественного порядка» [5, с. 34]. Правительство Монголии начало осуществлять мероприятия по переходу к рыночной экономике. Так, в 1990-х гг. была начата массовая приватизация скота и частичная приватизация государственных предприятий, что создало предпосылки для развития мелкого и среднего бизнеса. В 1993 г. частный сектор монгольской экономики произвел 60 % ВВП. Наметился рост поголовья приватизированного скота. Если в

1990 г. в стране насчитывалось 25,8 млн. голов скота, а в 1995 г. – 28,5 млн., то в 1999 г. его численность составила 33,6 млн. [6, с. 347].

Процесс приватизации был поддержан монетарной политикой государства, в ходе осуществления которой началось формирование новой банковской системы и реформирование налоговой политики. Перестройке подверглась банковская система, которая становилась двухуровневой, с выделением в ней Центрального банка и самостоятельных коммерческих банков. Первые монгольские банки с государственным и частным капиталом были созданы в середине 1991 г. на основании Закона о банках и Закона о Монголбанке (Центральный банк). Монголбанк, как главный банк страны, был полностью освобожден от проведения прямых операций по кредитам и расчетам в народном хозяйстве, а его деятельность стала концентрироваться в денежно-кредитной сфере. С 1992 г. Монголбанк прекратил использование кредитов для финансирования дефицита государственного бюджета и предоставления целевых централизованных кредитов отраслям народного хозяйства. Денежно-кредитная политика была направлена на достижение финансовой стабилизации и, прежде всего, на снижение темпов инфляции, укрепление курса национальной валюты, обеспечение устойчивости платежного баланса и, в конечном итоге, на создание условий для позитивных струк-

турных сдвигов в экономике. В начале 1990-х гг. на базе Монголбанка было создано несколько коммерческих банков.

Однако первые годы рыночной реформы, слабо обеспеченной государственным бюджетом и другими средствами, не привели к экономическому росту. Вплоть до 1994 г. основные экономические показатели свидетельствовали о еще не преодоленной тяжелой ситуации в стране. Так, в 1992 г. перерабатывающие предприятия получили мяса на 42,7 %, а молока на 33,5 % меньше, чем в 1991 г. Государственный заказ на поставки овечьей шерсти был выполнен лишь на 58,8 %. Сократился объем заготовок кож и другого животноводческого сырья. В 1992 г. на 23,7 % сократился выпуск промышленной продукции, на 8,3 % уменьшился объем внешнеторгового товарооборота и более чем на 50 % сузился объем грузоперевозок [Там же]. Соответственно, продолжали подниматься цены на товары широкого потребления, включая продовольствие. В том же 1992 г. освобождение государственных цен привело к новому скачку розничных цен на все товары, например цена на муку выросла в 10 раз. В целом хозяйственная жизнь страны значительно ухудшилась (табл. 1).

В 1993 г. падение темпов развития экономики начало замедляться: производство ВВП снизилось только на 3 % от уровня 1992 г., тогда как в 1992 г. снижение достигло 9 %, по сравнению с

Таблица 1

Состояние экономики Монголии в начале 1990-х гг., % [14, с. 8, 25, 51]

Отрасль	Год			
	1989	1990	1991	1992
ВВП	100	97,5	88,5	67,7
Сельское хозяйство	100	96,3	89,1	83,8
Животноводство	100	100,2	99,7	97,4
Земледелие	100	87,3	64,8	52,6
Промышленность	100	94,3	80,1	75,6
Производство ВВП на душу населения	100	–	-11,5	-11,5

предыдущим 1991 г. Стабилизация монгольской экономики наметилась в 1994–1995 гг., когда энергичнее заработали рыночные механизмы. Начался рост производства продукции животноводства, оживился промышленный сектор, поддержанный иностранными инвестициями. В относительно сжатые сроки была урегулирована проблема высокой динамики инфляции. Если в 1992 г. уровень инфляции составил 352 %, а безработицы – 6,3 %, то в январе 1995 г. инфляция снизилась до 58,4 %, в ноябре – до 10 %. В 2003 г. индекс потребительских цен вырос только на 4,7 %, т. е. стал определяться однозначной цифрой [6, с. 348].

Мировое сообщество в лице Международного валютного фонда, Всемирного банка и других международных финансовых организаций оказывает значительную финансовую поддержку монгольским реформам. При активном участии этих организаций с 1991 по 2003 г. было проведено десять совещаний стран-доноров Монголии. За этот период донорская помощь (52 % – безвозмездная помощь, 48 % – льготные кредиты) составила 2,4 млрд. долл. США, в т. ч. реализованы проекты на сумму 1,1 млрд. долл. (за счет льготных кредитов), из ко-

торых 26 % было направлено на развитие транспорта, 10 % – в энергетическую отрасль, около 7 % – на реструктуризацию экономики.

Собственные усилия, помощь международных организаций содействовали экономическому развитию Монголии, в первую очередь в сфере материального производства (промышленность, инфраструктура). Подробнее этот процесс отражают данные таблицы 2.

Отметим также, что за весь период 1990–2001 гг. среднегодовые темпы роста монгольского ВВП составляли 0,7 %.

В 2000 г. промышленность произвела 23,2 % ВВП, а выпуск валовой продукции индустриальных отраслей возрос (в ценах 1995 г.) на 2,4 %, по сравнению с предшествующим годом. Оживилось производство в горнорудной и электроэнергетической промышленности. Однако снизился выход продукции растениеводства. Медленно рос внешнеторговый оборот. В целом же, по официальным оценкам, в экономике Монголии за 2001–2003 гг. возникли положительные тенденции, наметилась стабильность. Если в 2001 г. реальный рост ВВП составил 1 %, то в 2002 г. – 4 %, а в 2003 г. – 5,5 %. В 2004 г. рост

Таблица 2
Динамика основных экономических показателей Монголии (в ценах 1995 г.) [9, с. 79]

Отрасль \ Год	1995	1998	1999	2000
ВВП, млн. тугр., В т. ч. по отраслям:	550 253,7	606 409,8	625 910,2	632 640,7
Сельское и лесное хозяйство, охота	209 145,9	242 248,2	252 442,8	210 093,4
Горнодобывающая промышленность	66 023,5	77 631,5	80 114,7	87 352,6
Перерабатывающая промышленность	66 377,8	50 230,0	48 825,0	51 819,5
Производство энергии	9664,9	10 082,2	10 543,9	10 739,0
Строительство	9237,0	9124,6	9267,8	9805,3
Транспорт, складское хозяйство и связь	35 074,2	44 318,8	47 030,1	55 199,6
Образование	20 647,7	23 880,9	24 969,7	26 068,4
Здравоохранение и социальная защита	14 516,5	15 824,9	16 316,7	16 887,8
Внешняя торговля, млн. долл. США	1584,7	888,6	871,1	1080,6

ВВП достиг 10,6 %. Более медленные темпы роста ВВП были запрограммированы на 2005 год. Большую роль в развитии экономики продолжало играть частное предпринимательство.

Вместе с тем в структуре экономики существенных прогрессивных сдвигов не произошло. Основными источниками роста традиционно оставались горнорудная промышленность (производство медного концентрата), добыча золота, инфраструктура (выработка электроэнергии и тепла, коммуникации и транспорт), рост животноводческой продукции продолжал колебаться в зависимости от погодных условий. Началось строительство новых шоссе дорог в рамках проекта «Дорога тысячелетия», которая должна была связать Монголию с евроазиатской инфраструктурой. Однако в 2003 г. отрицательным показателем (-6,8 %) характеризовался выпуск продукции в перерабатывающем секторе. Причиной этого явления стал низкий налог на импорт (5 %), что пагубно повлияло на сбыт отечественной продукции на внутреннем рынке. Другая причина – высокая стоимость кредитов, которые предоставлялись под 31 % годовых. Высокими оставались цены на электричество и тепло [6, с. 350]. Десятикратное повышение цен на водопользование создало предпосылки для повышения себестоимости продукции в добывающих отраслях, где расход воды особенно высок.

По положению на 2000 г., в частный сектор было передано свыше 70 % государственной собственности. В начале 2000 г. в Монголии функционировало свыше 23 тыс. хозяйственных единиц, 35 % которых составляли разного рода акционерные компании, более 11 % – кооперативы и товарищества, 36 % – мелкие частные предприятия, работающие главным образом в сфере розничной торговли, мелкого гостиничного бизнеса, туризма, швейного дела и т. п. Но более половины приватизированных предприятий к тому времени обанкротились, а

оставшаяся часть работала не на полную мощность. Результатом стало сокращение выпуска продукции, уменьшение прибыли, по сравнению с тем временем, когда предприятия находились в собственности государства. В начале 2001 г. парламент вновь вернулся к вопросу о продолжении приватизации крупнейших предприятий стратегического значения, утвердив «Основные направления приватизации на 2001–2004 гг.». Соответственно с этим был предусмотрен переход на второй этап «большой» приватизации, когда должны быть денационализированы крупные объекты: Банк торговли и развития (самое крупное финансовое учреждение Монголии), акционерная компания НИК (основной импортер нефтепродуктов), акционерная компания «Гоби» (главный производитель кашемировых изделий), авиационная компания МИАТ, акционерная компания АПУ (основной производитель алкогольных напитков), Биокомбинат в Сонгино, столичные теплоэлектростанции. Была намечена также приватизация энергетического комплекса и отраслей связи с привлечением иностранных инвесторов. В 2001 г. была подготовлена к приватизации компания НИК, занимающаяся импортом нефтепродуктов. Эта крупная торговая организация, обладающая необходимым числом профессиональных кадров, разветвленной сетью розничной торговли, резервуарами для хранения нефти, была приватизирована в 2004 г. стратегическим инвестором, который сохраняет профиль предприятия. В рамках программы приватизации ряда крупных предприятий в 2002 г. состоялась приватизация Банка торговли и развития стоимостью 25 млн. долл., 75 % которых принадлежали государству [Там же, с. 351]. Подготовительные работы к этому мероприятию были начаты еще при правительстве, сформированном блоком «Демократический союз», а приватизация состоялась при поддержке Агентства международного развития США.

Банк торговли и развития перешел, таким образом, в собственность швейцарского оффшорного банка «Коммерсиаль Лугано». В 1998 г. Монголбанк стал первым банком, где иностранные инвесторы и внешнеторговые агентства могли получать информацию любого уровня о бизнесе и устанавливать контакты с государственными ведомствами [6, с. 352].

В 2002 г. прошла приватизация Сельхозбанка, который приобрела Японская финансовая группа. С целью поддержки приватизации Монголбанк отменил все валютные ограничения.

Постепенно приватизация распространяется и на объекты социального сектора. В качестве пилотных проектов была назначена приватизация нескольких школ и больниц. Решением парламента были приватизированы две центральные газеты – «Ардын эрх» (Право народа) и «Засгийн газрын мэдээ» (Правительственный вестник).

Значительно сократившийся государственный сектор утратил монопольное положение в экономике, но по-прежнему оставался важным сектором национальной экономики. В настоящее время государственная собственность сконцентрирована в тех отраслях производства, где решаются важные стратегические задачи – оборона, фундаментальная наука, капиталоемкие производства, отдельные отрасли инфраструктуры.

Либерализм в экономической политике Монгольского государства ярко проявился в его аграрной политике. Нельзя утверждать, что в 1990-е гг. внимание к состоянию и развитию этой важнейшей отрасли в стране не уделялось, но его было явно недостаточно. После массовой приватизации скота, принадлежавшего прежде сельскохозяйственным кооперативам социалистического типа, и государственных земледельческих хозяйств не готовый к этому аграрный сектор оказался во власти рыночной стихии. Резко упало производство зерна, и страна стала зависеть от импорта пшеницы.

Поголовье скота возросло, но технология его защиты от неблагоприятных явлений природы осталась без изменений. Зимой 1999–2000 гг., 2000–2001 гг. и 2002–2003 гг. в нескольких монгольских аймаках произошел массовый падеж скота, вызвавший обнищание тысяч аратских хозяйств. По неполным данным, их совокупные убытки только за первые два года составили около 90 млн. долл. США. В итоге численность скота, превысившая было в 1999 г. 33,5 млн. голов, сократилась до 32,2 млн. голов в 2000 г. и до 26,5 млн. – в 2001 г. Это привело к уменьшению производства животноводческой продукции примерно на 16 % (2000 г.). Поэтому правительство сочло необходимым в первую очередь принять меры по защите отрасли на случай стихийных бедствий. 13 марта 2001 г. оно утвердило Национальную программу помощи в защите скота от засухи и зимней бескормицы, приняло также решение о создании Фонда защиты скота, средства которого формируются за счет отчислений от налогов на использование пастбищ и от подоходного налога граждан, имеющих в собственности скот [Там же, с. 353]. Тем не менее животноводство лишилось значительной части своей материальной базы. Ухудшилось состояние ветеринарной службы, системы водоснабжения, были разрушены животноводческие помещения, принадлежавшие ранее сельскохозяйственным кооперативам. С упадком земледелия и организации сенокоса объемы страховых государственных запасов кормов резко уменьшились.

Для дальнейшей стабилизации общественного устройства нужно было реанимировать экономику внешними финансовыми вливаниями. В силу того, что Монголия встала на рельсы демократического развития и открытой внешнеполитической деятельности весь остальной мир достаточно быстро отреагировал на призыв помощи.

Движение государств-доноров, созданное по инициативе Японии с целью стабилизации роста экономики в Монголии, стало оказывать широкомасштабную помощь и давать кредиты. Монголия широко использовала эти кредиты и безвозмездную помощь от иностранных государств и международных финансовых организаций. Кстати, 50 % всех донорских поступлений обеспечивала Япония, 11 % – США, 9 % – КНР, также Россия, ФРГ, Мировой банк и Азиатский банк развития [4, с. 148]. В августе 1993 г. в Монголии с визитом побывал Президент АБР господин Кимимаса Таримизу, он рассмотрел совместно с премьер-министром П. Жасраем пути наиболее эффективного использования первой части льготного кредита на сумму 30 млн. USD, который был предоставлен Монголии на беспроцентной основе на 40 лет. В течение 1993–1996 гг. ПРООН предоставила 10 млн. USD на реализацию 10 проектов.

Республика Корея, в целях поддержки перехода Монголии к рыночным отношениям и расширения сотрудничества двух стран, с 1991 г. оказывает безвозмездную помощь, выделяя ежегодно 200 тыс. USD [1, с. 19]. В ноябре 1993 г. США оказали Монголии безвозмездную помощь, прислав 123 т необходимых для производства грузов: взрывчатку для угольных разрезов, колеса карьерных автомашин, оборудование для электростанций, другие необходимые материалы, что дало возможность повысить добычу угля на разрезах Баганур, Шарынгол, увеличить производство электро- и теплоэнергии на электростанциях Дархана и Улан-Батора.

В 1991–1993 гг. США, Япония, Дания, Голландия и Италия оказали Монголии товарную помощь на сумму 27,5 млн. USD, в т. ч. продовольствием и товарами первой необходимости (сахар, рис, растительное масло, сухое молоко, спички, хлопчатобумажные ткани, школьные принадлежности). В начале 90-х гг. США по просьбе правительства

Монголии поставили 30 тыс. т пшеницы на сумму 9 млн. USD. Тогда же из Японии поступило 20 т продовольственных товаров: рис, сахарный песок, мука, сухое молоко, а также 10 тыс. комплектов одежды, предназначенных для животноводов тех аймаков, которые пострадали от стихийных действий. Весной 1994 г. Япония направила в Монголию в качестве безвозмездной помощи 140 т удобрений и 21 трактор со всеми навесными орудиями стоимостью 20 млн. иен [1, с. 12].

Начиная с 1993 г. в использовании кредитной и гуманитарной помощи, предоставляемой Монголии странами-донорами и международными финансово-кредитными организациями, наметились принципиальные изменения. Если в 1991–1992 гг. лишь 10 % кредитной и гуманитарной помощи было направлено на разработку и финансирование среднесрочных и долгосрочных проектов, то к середине 90-х гг. доля финансирования проектов возросла до 60 %.

Несомненный интерес представляет совместный монголо-японский научный проект «Широкая степь», который безвозмездно финансируется Японией. Участники проекта заняты разведкой ценных, редких полиметаллов, других полезных ископаемых на более чем 500 тыс. кв. км территории южной, юго-восточной и восточной частей Монголии. Образцы руд, добытые во время совместных экспедиций, были направлены для анализа в Японию. В последующем этот проект разросся, получив название «Золотая степь», охватив почти всю территорию Монголии.

Значительную помощь в осуществлении проектов по реформированию экономики Монголии оказал Европейский союз (ЕС), с которым были установлены дипломатические отношения еще в конце 80-х гг. В 1993 г. с ЕС было заключено торгово-экономическое сотрудничество. В последующие два года ЕС осуществил финансирование проектов на сумму 8 млн. экю, которые были

направлены на развитие малого и среднего бизнеса в сфере переработки сельскохозяйственной продукции.

На совещании стран Большой семерки в Лондоне в июле 1991 г. были выражены одобрение и поддержка политических реформ в Монголии и ее политики «открытых дверей». Тем самым была создана реальная основа для оказания государству координируемой финансовой помощи со стороны промышленно развитых стран. В октябре 1991 г. в Токио прошла первая встреча группы стран-доноров, после которой международная финансовая помощь стала осуществляться под эгидой ПРООН, координатором которой стала Япония. В монгольской печати отмечалось, что треть всей донорской помощи (около 600 млн. USD) в течение 1991–1997 гг. была предоставлена Японией. С 1991 по 1999 г. Токио 7 раз выступал инициатором проведения совещания группы стран и международных организаций, оказывающих Улан-Батору финансовую помощь. Одно из последних совещаний было проведено в Улан-Баторе в июне 1999 г. За период с 1997 по 2000 г. японское правительство предоставило Монголии незапланированную помощь в размере 12,4 млрд. иен (12 млн. USD). За этот период Монголия получила от донорской группы 1,3 млрд. USD, причем 40 % этой суммы было предоставлено на безвозмездной основе. Сегодня эти источники обеспечивают 70 % капиталовложений в экономику страны. В декабре 2004 г. правительство Японии разработало и утвердило новую программу помощи Монголии на ближайшие 5 лет, которая должна быть направлена «на подготовку профессиональных кадров, улучшение рыночных механизмов, на развитие сельского хозяйства и инфраструктуры, а также на защиту окружающей среды» [1]. Немалую роль играет Токио в вопросах выделения Улан-Батору кредитов в Азиатском банке развития.

В свою очередь, Монголия поставляет в Японию медь, молибденовый

концентрат, козий пух, трикотажные изделия, конину, а импортирует производственное оборудование, машины и товары широкого потребления. Общий оборот двух стран превышает 51 млн. USD. В Монголии действует 76 предприятий с японскими инвестициями на сумму 32,5 млн. USD.

Свидетельством экономического интереса Запада к Монголии помимо расширения донорской помощи и кредитов стал рост прямых инвестиций в экономику Монголии, который к 1999 г. достиг 300–350 млн. USD и выдвигание Швейцарии в главного покупателя монгольских экспортных товаров.

Финансовая помощь со стороны развитых стран возымела свое действие и привела к увеличению основных показателей в 2005–2013 гг. Для более детального ознакомления с динамикой основных экономических показателей Монголии (2005–2013 гг.) (табл. 3).

С 2005 г. рост ВВП идет по восходящей (рис. 1). Средний темп прироста ВВП с 2005 по 2013 г. составил 10,5 %. При этом размер ВВП Монголии в 2013 г. превзошел этот же показатель 2000 г. примерно в 10 раз, а 2005 г. – в 2,2 раза. Однако возникает угроза перегрева экономики Монголии, так как на протяжении 2011–2013 гг. наблюдался рост ВВП более чем 10 %.

Перегрев экономики – ситуация, при которой темпы экономического роста приобретают взрывной неподконтрольный характер и, поглотив все ресурсы частного и государственного сектора, близко подходят к черте, при которой дальнейший устойчивый рост исчерпывает себя и заканчивается рецессией [8]. Это достаточно реальная угроза для стран с неустойчивой, развивающейся экономикой, а также узко специализированных регионов (страны Латинской Америки), особенно в случаях, когда рост ВВП составляет 8–12 % ежегодно на протяжении 2–3 лет подряд. Перегрев экономики чреват экономическим

Таблица 3
Динамика основных экономических показателей Монголии в 2005–2013 гг.
(в ценах 2005 г.) [11–14]

Показатель \ Год	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
ВВП, млрд. тугр.	2779,6	3017,4	3325,9	3620,5	3913,7	4162,8	4881,4	5498,5	6144,1
Экспорт, млн. USD	1063,9	1542	1947,5	2534,5	1885,4	2908,5	4817,5	4384,7	4269,1
Импорт, млн. USD	1177,3	1435	2061,8	3244,5	2137,7	3200,1	6598,4	6738,4	6357,8
Торговый оборот, млн. USD	2241,2	2977	4009,3	5779	4023,1	6108,6	11415,9	11123,1	10626,9
Внешнеторговый баланс, млн. USD	-113,4	107	-114,3	-710	-252,3	-291,6	-1780,9	-2353,7	-2088,7

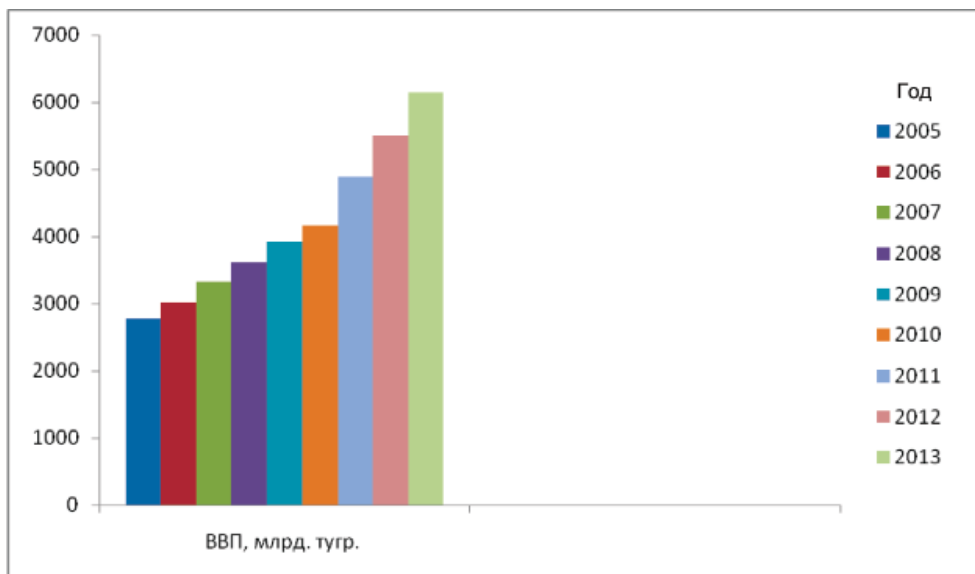

Рис. 1. Диаграмма 1 к таблице 3. ВВП Монголии, млрд. тугр. (2005–2013 гг.)

спадом, безработицей, падением уровня жизни населения.

Торговый оборот в период с 2005 по 2013 г. преимущественно рос (рис. 2), но иногда наблюдалось резкое падение. Средний темп прироста торгового оборота составил 26,6 %. Объем товарооборота 2013 г. превзошел уровень этого показателя 2005 г. на 8385,7 млн. USD – примерно в 4,7 раза. Наиболее сильное падение товарооборота пришлось на 2009 год, когда по сравнению с 2008 г.

оно достигло 30 %. В этом году произошло сокращение, по сравнению с 2008 г., экспорта на 25,6 % и импорта на 34,1 %.

Средний темп прироста экспорта приблизился к 23 %, шел неравномерно, чередуясь падениями, наиболее ощутимыми в 2009 г. – на 25,6 %. Объем экспорта 2013 г. превысил уровень этого показателя 2005 г. на 3205,2 млн. USD – в 4 раза.

Средний темп прироста импорта составил 30,1 %. Рост импорта, как и экс-

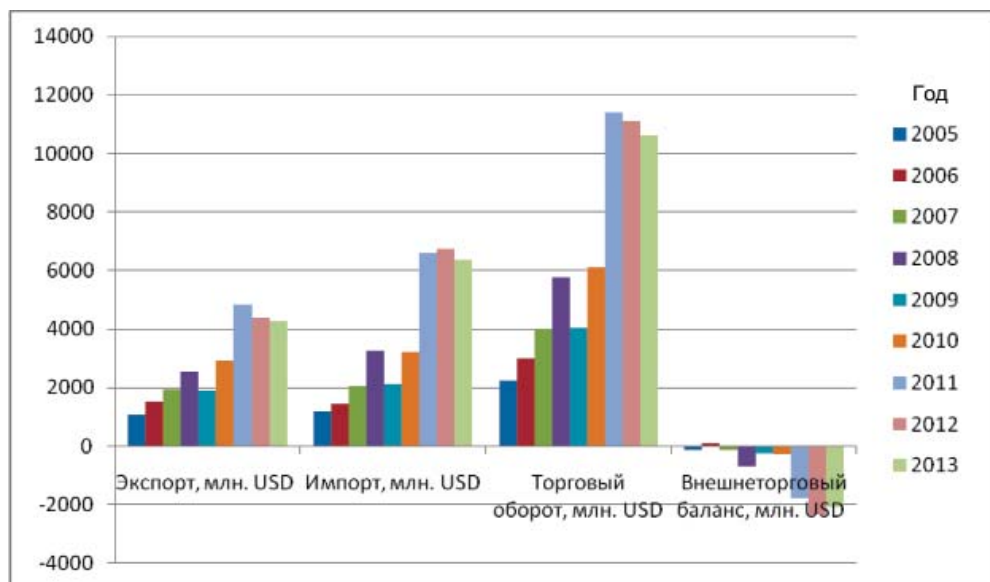

Рис. 2. Диаграмма 2 к таблице 3

порта, шел равномерно. Однако в 2009 г. наблюдалось резкое падение на 34,1 %. Так же, как видно на рисунке 2, зафиксировано резкое увеличение импорта в 2011 г.: по сравнению с 2010 г., уровень его вырос на 106,2 %.

Что касается внешнеторгового баланса Монголии, то за период 2005–2013 гг. только в 2006 г. он был положительным, т. е. экспорт превосходил импорт на 107 млн. USD. В остальные же годы он имел явную тенденцию увеличения в отрицательную сторону, хотя уровень 2013 г. был выше 2012 г. на 265 млн. USD, что примерно составляет 11 %.

Исходя из анализа данных таблицы 3, можно сделать вывод, что за период 2005–2013 гг. шел преимущественный рост уровня экспорта и импорта, равно как и торгового оборота. Однако темпы роста импорта и его значение превосходили уровень экспорта, что привело к отрицательному сальдо внешнеторгового баланса. Самый высокий уровень товарооборота пришелся на 2011 год, благодаря повышению импорта на 106 % и экспорта на 65,6 %. На этом фоне был

заметен стабильный рост ВВП Монголии, который в пиковой части в 2013 г. в 10 раз превзошел свое значение в 2000 г. Однако экономика Монголии встала перед угрозой перегрева.

Согласно рисунку 3, абсолютным лидером по товарообороту с Монголией стал Китай, среднегодовой товарооборот которого составил 3337,9 млн. USD. Второе место заняла Россия с показателем 1156,9 млн. USD. Далее по нисходящей: США – 287,3 млн. USD, Южная Корея – 266,27 млн. USD, Япония – 263 млн. USD, Канада – 184,7 млн. USD, Германия – 146,3 млн. USD и др. (см. рис. 4).

Китай превзошел Россию по товарообороту с Монголией почти в 3 раза. При этом Россия превзошла по этому показателю США примерно в 4 раза. Китай обеспечил 51,5 % от совокупного товарооборота Монголии за период 2005–2013 гг. На Россию же пришлось 17,8 % от совокупного товарооборота.

Как видно из рисунка 4, у всех стран наблюдался ощутимый скачок в объеме товарооборота с Монголией в 2011 г.

Таблица 4

Торговый оборот Монголии по странам, млн. USD [10; 12; 13]

По странам	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего из которых:	2241,2	2977,0	4009,3	5779,0	4023,1	6108,6	11415,3	11123,0	10626,9
Австралия	28,4	17,9	19,8	18,5	16,1	38,9	94,7	80,7	58,7
Австрия	1,0	1,6	6,1	7,5	9,7	4,4	18	13,7	9,1
США	189,6	162,6	155,6	198,3	117,6	164,9	541,1	539,5	516,6
Бельгия	5,8	39	7,6	15,8	5,6	13,8	23,0	20,5	18,6
Болгария	1,8	1,6	2,9	3,8	2,8	3,8	4,7	6,3	7,7
Беларусь	5,1	5,7	7,4	8,9	11,4	15,2	72,3	129,4	155,7
Вьетнам	2,6	3,0	6,6	10,5	8,9	35,4	18,9	18,6	23,7
Южная Корея	128,8	103,9	161,1	224,7	170,6	212,3	394,6	480,0	520,4
Германия	49,9	52,2	94,3	103,6	85,9	109,3	288,6	262,4	270,6
Дания	3,3	2,0	2,8	4,0	2,2	4,7	63	5,6	19,1
Израиль	8,1	7,3	5,9	4,0	2,9	2,2	2,1	3,9	2,3
Индонезия	3,3	3,9	3,9	7,4	5,1	6,4	11,7	19,8	17,6
Испания	0,9	1,8	3,7	9,7	2,8	6,1	133	23,7	25,8
Италия	28,3	47,3	58,7	57,0	47,9	54,9	89,3	84,9	105,8
Великобритания	95,8	47,6	35,9	183,2	139,4	87,3	67,4	65,4	247,2
Казахстан	41,1	51,5	31,0	26,8	20,0	9,9	19,5	24,0	34,8
Канада	139,4	181,0	188,6	185,4	155,0	163,9	219,1	214,5	215,9
Кыргызстан	1,3	1,4	4,2	3,1	1,9	2,1	2,4	2,1	1,9
Мексика	0,2	0,8	2,1	1,0	6,3	8,4	11,6	10,6	8,5
Голландия	7,8	6,7	12,7	17,5	7,8	13,2	19,6	29,6	23,0
Малайзия	7,0	9,8	19,8	26,1	19,4	31,3	64,7	67,9	88,7
Россия	445,2	592,9	803,5	1328,6	841,0	1129,4	1721,0	1927,0	1623,6
Польша	10,1	12,7	24,3	32,7	17,5	29,8	46,9	57,2	63,8
Сингапур	16,9	23,0	29,7	46,0	28,4	53,5	72,9	73,6	74,8
Тайвань	2,7	3,3	3,7	7,3	3,9	5,4	9,0		
Тайланд	0,9	2,1	6,8	17,2	15,9	19,5	32,4	41,0	45,1
Турция	2,3	4,0	5,3	12,5	5,9	9,9	37,2	34,1	42,3
Украина	26,6	27,6	41,6	54,4	43,9	44,2	155,3	71,1	61,4
Венгрия	3,4	4,3	3,9	5,5	3,2	4,6	7,1	9,6	10,1
Финляндия	2,8	3,2	7,5	6,7	3,6	13,0	18,1	23,4	25,0
Франция	30,0	18,6	29,4	64,0	61,6	56,7	107,9	67,2	71,1
Китай	816,4	1414,4	1980,3	2534,6	1932,5	3437,2	6463,7	5933,1	5528,9
Чехия	5,3	6,7	6,3	16,9	8,1	8,3	9,9	20,8	16,3
Швеция	1,8	3,9	7,6	12,1	19,4	16,9	48,3	41,3	43,7
Швейцария	5,3	7,8	2,9	5,1	5,9	7,1	31,9	23,1	14,7
ОАЭ	0,4	0,3	4,7	4,2	0,6	0,7	6,7	7,2	9,9
Индия	1,6	3,9	10,6	19,8	12,5	17,5	46,8	60,3	35,1
Япония	81,3	104,7	155,3	266,1	101,6	199,2	501,2	507,2	454,7
Другие	38,7	30,1	55,2	228,5	78,2	67,4	116,6	122,5	134,6

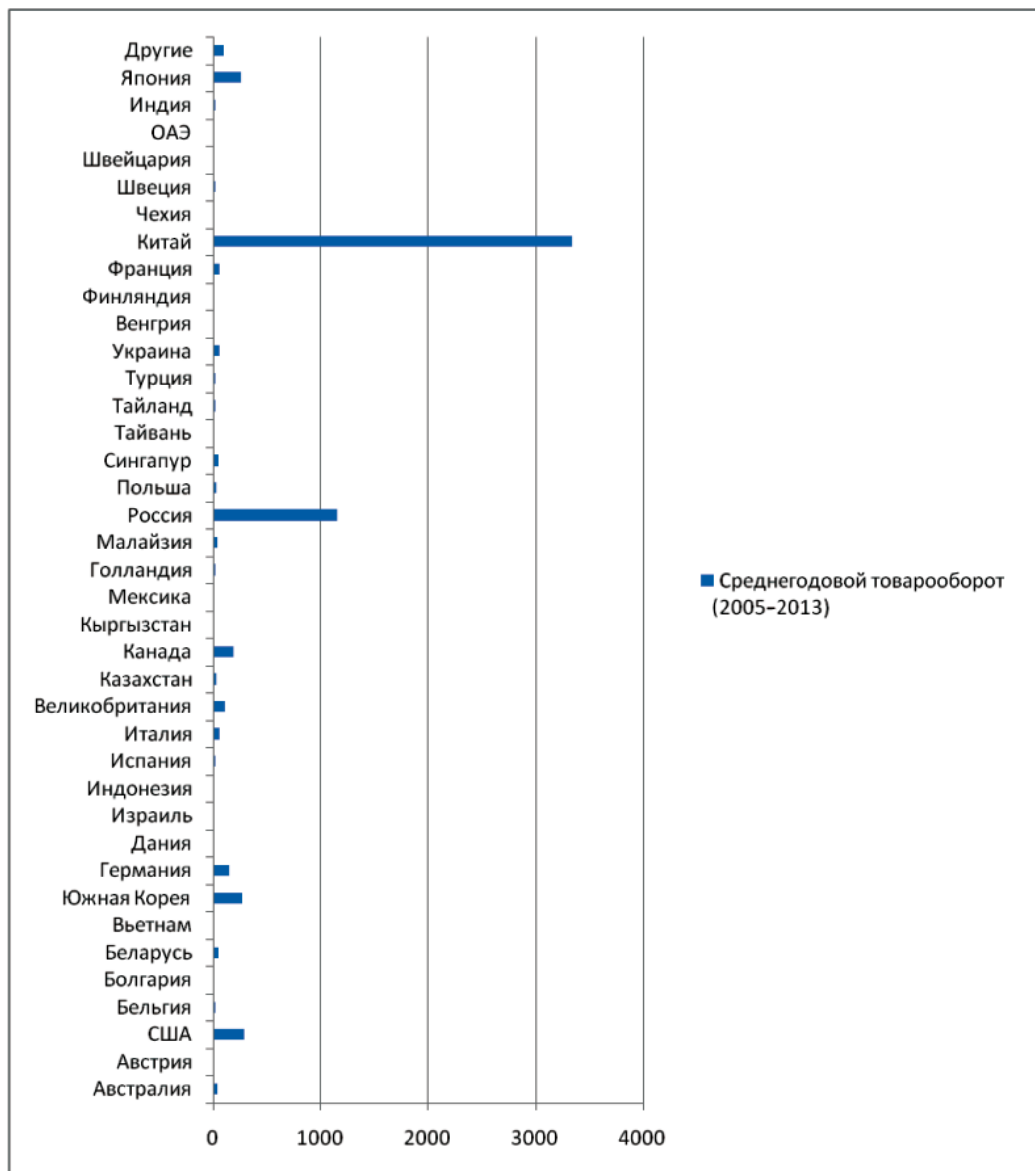

Рис. 3. Диаграмма 1 к таблице 4. Среднегодовой товарооборот (2005–2013)

Среди нетрадиционных внешнеэкономических партнеров Монголии следует выделить такие страны, как Беларусь, Украину, Австралию. У этих государств был резкий подъем товарооборота с Монголией в 2011 г., когда они перешагнули рубеж 100 млн. USD по данному показателю.

Как видно из рисунка 5, основным импортером монгольских товаров стал Китай. Максимальное значение экспорта Монголии в Китай было в 2011 г. и составило 4 439,9 млн. USD, или 92 % от всего экспорта Монголии в 2011 г.

Совокупный экспорт Монголии в Китай (20676 млн. USD) в период 2005–2013 гг. превысил совокупный экспорт

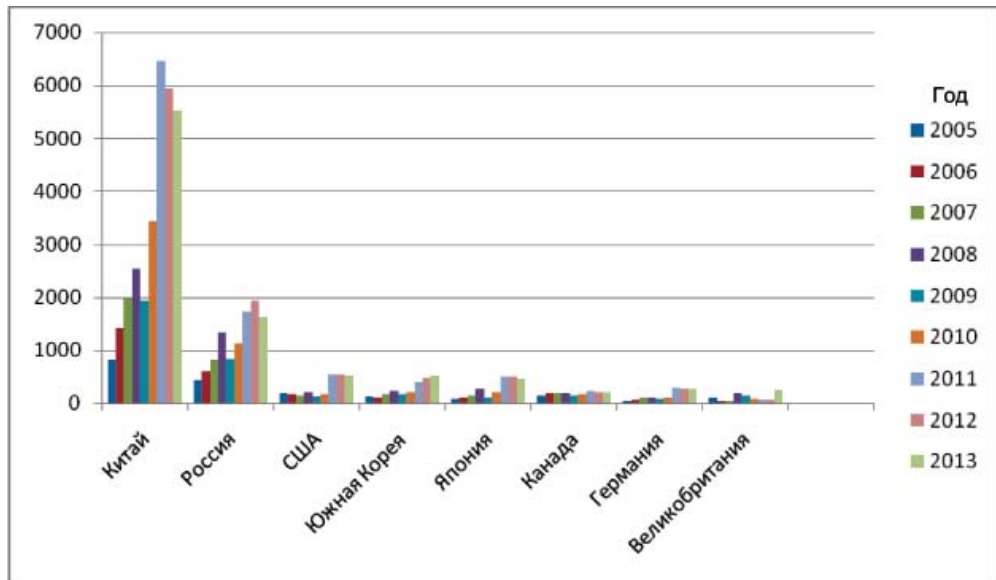

Рис. 4. Диаграмма 2 к таблице 4

России (605,7 млн. USD) в 34,1 раза, а канадский – в 16,1 раза.

Совокупный экспорт Монголии в Канаду (1279,2 млн. USD) в период 2005–2013 гг. превысил совокупный экспорт в России (605,7 млн. USD) в 2,1 раза.

Что касается всего экспорта Монголии, то за период 2005–2013 гг. он поступательно возрастал, правда, иногда случались резкие падения, например, в 2009 г. на 25,6 %. Однако в 2010 г. прирост экспорта составил 54,2 %, в 2011 г. 65,6 %. (см. рис. 6).

Импорт Монголии в период с 2005–2013 гг. преимущественно возрастал. Максимальный темп прироста импорта был в 2011 г., составил 106,2 %. Максимальное падение импорта было в 2009 г., составило 34 %.

Объемы импорта Монголии в 2013 г. были больше импорта 2005 г. на 5180,5 млн. USD, или в 5,4 раза.

Наибольший импорт в Монголию был из России (9806,5 млн. USD) и Китая (9365,4 млн. USD), причем совокупный российский импорт превзошел китайский на 441,1 млн. USD.

Далее идут Япония (2281,3 млн. USD), Южная Корея (2129,4 млн. USD), США (2067,7 млн. USD), Германия (1179,4 млн. USD) и др.

Совокупный российский импорт (2005–2013 гг.) составил 29,7 % от всего импорта Монголии (32951 млн. USD), а совокупный китайский импорт (2005–2013 гг.) – 28,4 %

Среди стран-лидеров по импорту в Монголию самый высокий показатель демонстрировал Китай в 2011 г. – 2023,9 млн. USD. (см. рис. 9)

Что примечательно, у всех стран был сильный скачок в импорте в Монголию в 2011 г.

Таким образом, Монголия выход из системы сложившихся отношений пережила в ситуации глубокого системного кризиса, который заставил в корне пересмотреть свои взаимоотношения с современными мировыми политическими системами. Выход из кризиса объективно привел Монголию к вынужденной апелляции к мировому сообществу, поскольку традиционные партнеры оказались не готовы к восстановлению прежних

Таблица 5

Экспорт по странам, млн. USD [10; 12; 13]

По странам	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего из которых:	1063,9	1542,0	1947,5	2534,5	1885,4	2908,5	4817,5	4384,7	4269,1
Австралия	14,2	0,4	1,2	0,8	0,8	0,3	0,4	0,5	8,3
США	152,5	119,0	99,9	114,2	13,9	6,0	5,0	3,6	3,9
Бельгия	1,1	1,0	0,5	0,5	0,2	0,5	0,3	1,4	0,2
Южная Корея	65,1	21,4	41,5	29,9	15,5	30,5	37,9	12,3	13,0
Германия	12,3	9,2	17,8	11,0	15,6	22,1	14,9	16,0	18,4
Италия	24,8	40,4	56,7	42,2	31,4	31,8	49,8	31,6	51,5
Великобритания	87,1	38,6	22,1	165,8	126,9	67,4	20,0	11,9	200,7
Казахстан	0,6	1,7	0,8	1,2	3,2	1,5	2,6	3,5	0,6
Канада	122,1	171,2	178,6	174,6	147,5	141,6	90,8	117,3	135,5
Мексика	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	2,3	1,9	0,8	1,7
Люксембург	0,5	11,9	3,7	162,0	46,2				
Голландия	4,6	2,8	7,2	6,0	0,2	0,2	0,3	1,2	0,7
Россия	27,2	45,1	58,5	86,3	68,2	82,7	96,3	79,6	61,8
Польша	0,1	0,0	0,1	0,1	0,0	0,4	0,1	0,1	0,1
Сингапур	0,6	2,3	0,4	0,4	0,7	2,5	3,4	4,3	8,2
Турция	0,0	0,3	0,0	0,0	0,0	0,2	0,4		0,4
Украина	7,0	4,7	6,6	5,3	2,1	2,6	1,9	1,2	5,2
Узбекистан	14,8	0,2	0,2	0,1	0,1	0,4	0,2	0,6	0,5
Франция	0,7	1,8	5,4	30,3	2,2	3,9	7,7	3,6	8,5
Китай	513,2	1049,4	1411,4	1635,9	1393,9	2466,3	4439,9	4059,7	3706,3
Чехия	0,2	0,8	0,1	3,1	0,1	0,2	0,1	0,2	0,1
Швеция	0,0	0,7	0,1	0,5	0,2	0,1	0,2	0,3	3,9
Швейцария	4,2	6,4	1,8	2,1	2,8	2,9	18,0	8,9	3,1
ОАЭ	0,1	0,0	2,3	3,3	0,4	0,5	1,6	5,4	8,8
Индия	0,1	1,5	2,2	0,9	1,0	0,7	1,4	6,0	0,8
Япония	5,8	7,1	15,1	27,6	4,6	2,7	11,0	5,6	10,5
Другие	4,9	4,1	13,2	30,4	7,7	38,2	11,3	9,1	13,7

отношений и не смогли активно поддерживать даже основы жизнеобеспечения страны. Крушение мировой системы социализма, распад Советского Союза явился предпосылкой свободного самоопределения Монголии в современном мире. Мировое сообщество, прежде всего развитые страны Запада и Восточной Азии, оказало помощь в становлении самостоятельного монгольского государства сначала посредством колоссальной гуманитарной и финансово-экономической помощи, а затем и формированием политических и экономических про-

грамм. Это помогло в формировании экономических форматов для выхода из кризисной ситуации, рамок перехода к рыночным отношениям и постепенного вмонтирования в мировые хозяйственные отношения. В политической сфере были созданы условия для необратимого процесса становления демократического государства. Эти процессы были закреплены в виде свободного участия большого количества стран в решении дальнейших судеб и перспектив сформированного государства, которое многими стало рассматриваться в качестве

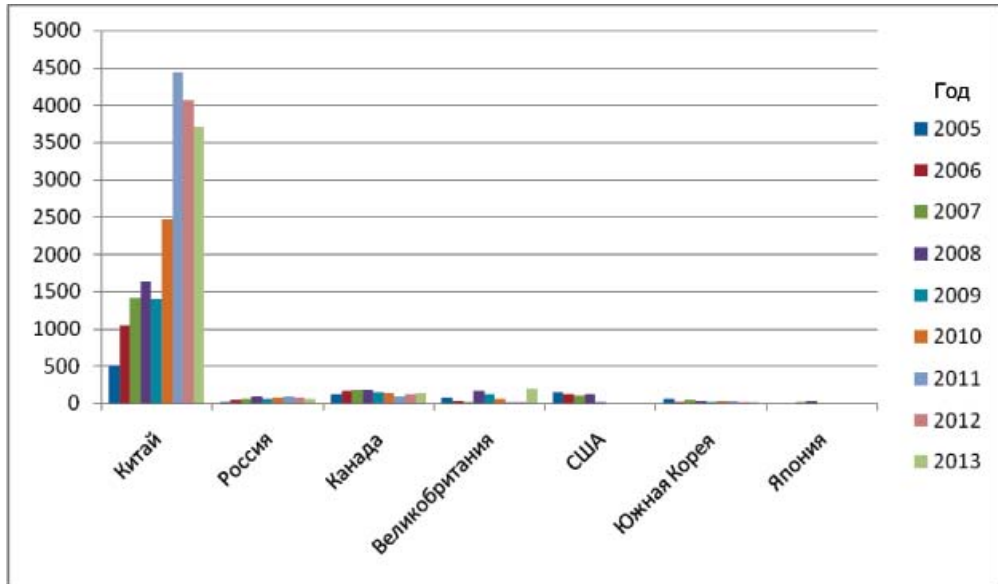

Рис. 5. Диаграмма 1 к таблице 5

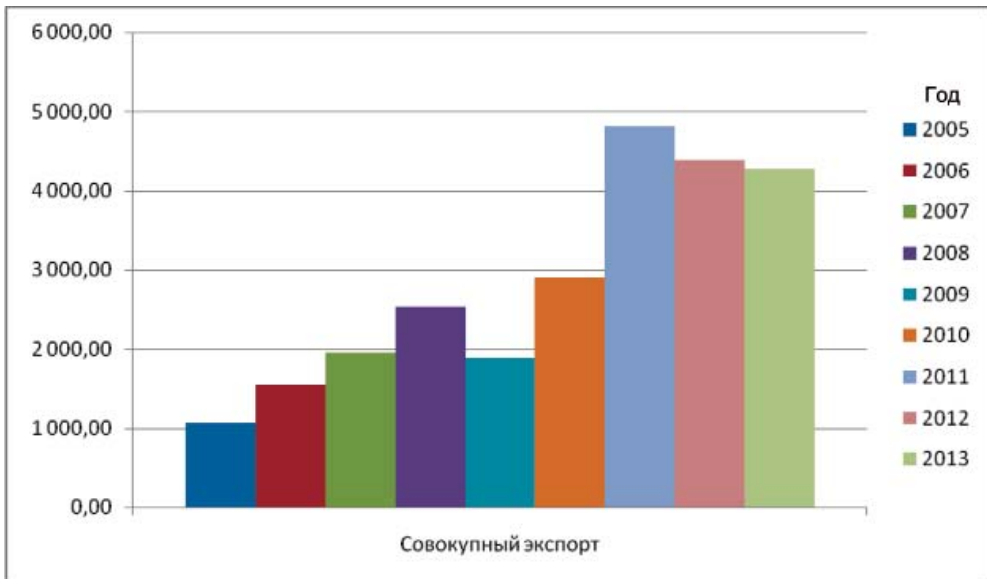

Рис. 6. Диаграмма 2 к таблице 5

надежного перспективного форпоста в евразийском пространстве. Вместе с тем стал привлекать большое внимание вопрос о природных ресурсах страны для

его более активного привлечения к нуждам мировой экономики.

В результате преобразовательных процессов Монголия сменила форму

Таблица 6

Импорт по странам, млн. USD [10; 12; 13]

По странам	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего из которых:	1177,3	1435,0	2061,8	3244,5	2137,7	3200,1	6598,4	6738,4	6357,8
Австралия	14,1	17,5	18,6	17,7	15,3	38,6	94,3	80,3	50,4
Австрия	0,9	1,4	5,4	6,3	9,1	3,6	17,3	13,3	6,9
США	37,1	43,6	55,7	84,1	103,7	158,9	536,0	535,9	512,7
Бельгия	4,7	2,9	7,1	15,3	5,4	13,3	22,7	19,1	18,4
Болгария	1,6	1,6	2,9	3,8	2,7	2,9	4,7	6,3	7,7
Беларусь	5,1	5,6	7,4	8,9	11,4	15,2	72,3	129,4	155,0
Вьетнам	2,6	3,0	6,3	9,6	7,7	12,4	15,2	16,3	22,3
Южная Корея	63,7	82,5	119,6	194,8	155,1	181,8	356,7	467,8	507,4
Германия	37,6	43,0	76,5	92,6	70,3	87,2	273,6	246,4	252,2
Дания	3,3	2,0	2,8	4,0	2,2	4,6	6,1	5,5	19,0
Израиль	8,1	7,3	5,9	3,8	2,7	2,2	2,1	3,9	2,2
Индонезия	3,2	3,9	3,9	6,8	5,1	6,4	11,7	19,8	17,5
Испания	0,9	1,8	8,4	9,5	2,7	6,0	12,5	23,6	25,5
Италия	3,4	6,9	9,8	14,8	16,5	23,1	39,5	53,3	54,3
Великобритания	8,7	9,0	13,8	17,4	12,5	20,0	47,4	53,5	46,5
Казахстан	40,5	49,8	30,2	25,6	16,8	8,3	16,9	20,5	34,2
Канада	17,3	9,9	10,6	10,8	7,5	22,3	128,3	97,2	80,4
Кыргызстан	1,1	1,2	1,8	1,5	1,8	1,9	1,9	1,6	1,6
Голландия	3,1	3,9	5,5	11,5	7,6	12,9	19,3	28,4	22,3
Малайзия	7,0	9,8	19,8	26,1	19,3	31,3	64,7	67,8	88,0
Россия	417,9	547,8	745,0	1242,3	772,8	1046,7	1624,7	1847,4	1561,9
Польша	10,0	12,6	24,3	32,6	17,5	29,4	46,9	57,1	63,8
Сингапур	16,3	20,7	29,3	45,6	27,7	51,0	69,5	69,2	66,6
Тайвань	2,5	3,2	3,7	7,2	3,8	5,2	9,0		
Таиланд	0,9	2,1	6,6	16,9	15,9	18,4	32,4	41,0	45,0
Турция	2,3	3,5	5,3	12,5	5,9	9,6	36,8	34,1	41,9
Украина	19,6	22,8	35,0	49,1	41,8	41,6	153,4	69,9	56,2
Венгрия	3,4	4,2	3,9	5,5	3,1	4,5	7,0	9,6	10,1
Финляндия	2,8	3,2	7,5	6,7	3,6	13,0	18,1	23,3	25,0
Франция	29,4	16,8	24,0	33,7	59,4	52,8	100,2	63,6	62,5
Китай	303,2	365,0	568,9	898,7	538,6	971,0	2 023,9	1 873,5	1 822,6
Чехия	5,1	5,9	6,3	13,8	8,0	8,1	9,8	20,7	16,1
Швеция	2,1	3,1	7,5	11,6	19,2	16,7	48,1	41,0	39,8
Швейцария	1,1	1,4	1,1	3,0	3,1	4,2	13,9	14,2	11,6
Индия	1,5	2,4	8,4	18,9	11,5	16,8	45,4	54,3	34,3
Япония	75,5	97,6	140,2	238,5	97,0	196,5	490,2	501,6	444,2
Другие	19,7	16,1	32,8	43,0	33,2	61,6	125,8	128,0	131,8

политической власти и пошла по пути признания основополагающих мировых ценностей. Была создана новая структура экономики, основанная на различных

формах собственности. Возникла новая финансовая система, действующая на основе новых принципов и стандартов. Демократизация общественной жизни

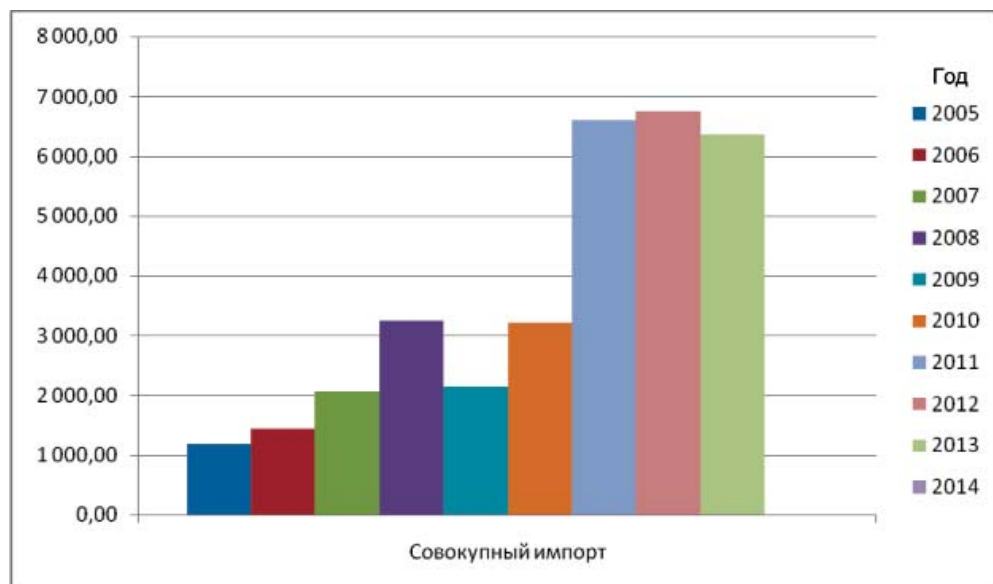

Рис. 7. Диаграмма 1 к таблице 6. Общий импорт Монголии (2005–2013)

на основе новой Конституции повысила интерес к традиционным духовным ценностям, истории и религии, достижениям кочевой цивилизации. Сложилась многопартийная политическая система, отражающая весь спектр интересов общества. Монголия стала членом многих влиятельных международных организаций, деятельность которых свидетельствует о развитии интеграционных процессов в региональном и глобальном масштабах. Монголия приобрела связи более чем со 140 странами мира и с 70-ю из них осуществляла экономическое сотрудничество в той или иной мере.

Финансовая помощь со стороны развитых стран и взвешенная экономическая политика Монголии возымели свой эффект и привели к увеличению основных показателей.

В этот время наблюдается преимущественно рост уровня экспорта и импорта, равно как и торгового оборота. Однако темпы роста импорта и его значение превосходят уровень экспорта, что приводит к отрицательному сальдо внешнеторгового баланса. Самый высокий уровень товарооборота пришелся на

2011 г., благодаря резкому повышению импорта на 106 % и экспорта на 65,6 %. На этом фоне идет стабильный рост ВВП Монголии, который в пиковой части в 2013 г. в 10 раз превосходит свое значение в 2000 г. Однако высокие темпы роста экономики Монголии в течение последних трех лет ставят экономику страны под угрозу перегрева.

Абсолютным лидером по товарообороту с Монголией является Китай. Он превосходит Россию по товарообороту с Монголией почти в 3 раза. При этом Россия превосходит по этому показателю США примерно в 4 раза. Китай обеспечивает 51,5 % от совокупного товарооборота Монголии за период 2005–2013 гг. На Россию же приходится 17,8 % от совокупного товарооборота.

Основной экспорт монгольских товаров приходится на Китай. Максимальный экспорт Монголии в Китай был в 2011 г., составил 4 439,9 млн. USD, или 92 % от всего экспорта Монголии в 2011 г. Иначе говоря, данные демонстрируют тотальную зависимость монгольского экспорта от китайского потребителя.

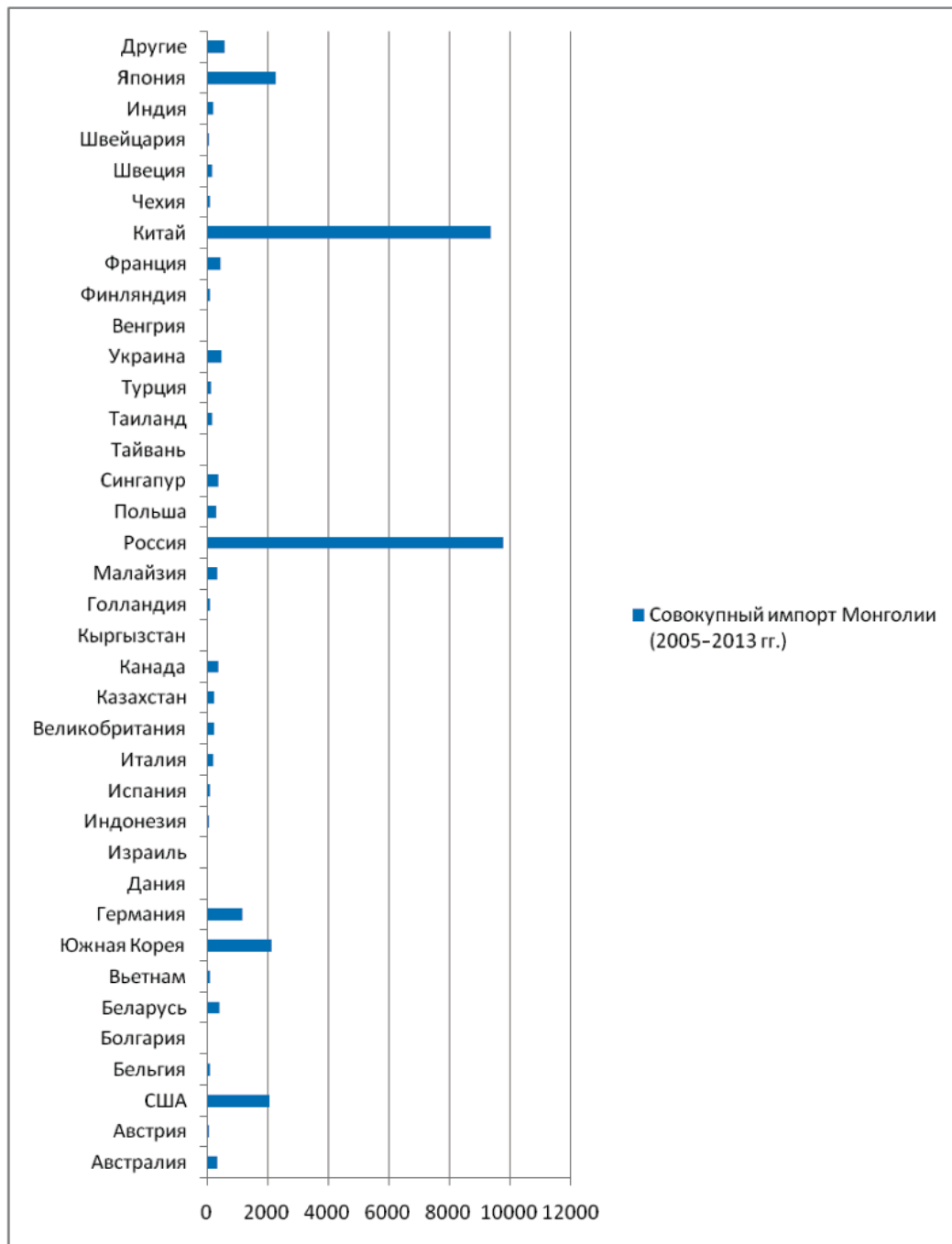

Рис. 8. Диаграмма 2 к таблице 6. Совокупный импорт Монголии (2005–2013)

Наибольший импорт в Монголию был из России (9806,5 млн. USD) и Китая (9365,4 млн. USD), причем совокупный

российский импорт превосходит китайский на 441,1 млн. USD.

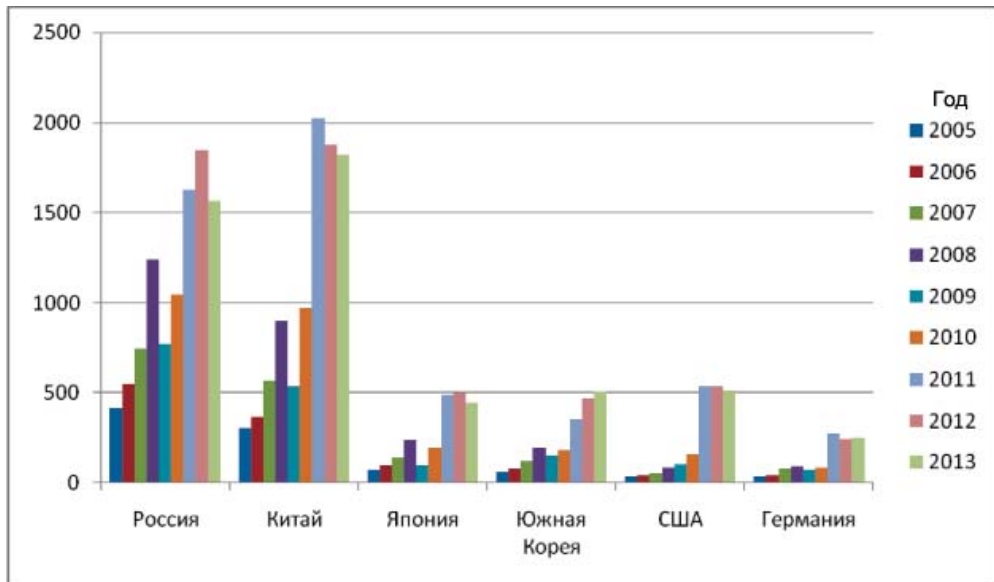

Рис. 9. Диаграмма 3 к таблице 6

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Примечание

I. Правительство Японии утвердило программу помощи Монголии // Новости Монголии. 2004. 27 декабря.

Источники и литература

1. Бюллетень экономической информации: Улан-Батор, Министерство инфраструктуры Монголии, 1993 (август).
2. Статистические данные. – Улан-Батор, 2000.
3. Ганжуров В. Ц. Россия – Монголия (история, проблемы современность). – Улан-Удэ, 1997.
4. Ганжуров В. Ц. Российско-монгольские отношения (1980–1995 гг.) (история, проблемы, современность).
5. Государственный вестник. – Улан-Батор, 1992.
6. История Монголии. XX век. – Институт востоковедения РАН, 2007.
7. Удо Баркман. Политические партии и демократические процессы в Монголии. – Улан-Батор, 2004.
8. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B5%D0%B2_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B8 (Свободная энциклопедия «Википедия»). Дата обращения – 13.08.2014.
9. Монгол Улсын статистикийн эмхтгэл. 2000 (Статистический сборник Монголии). – Улан-Батор, 2001.

10. Монгол Улсын статистикийн эмхтгэл. 2008 (Статистический сборник Монголии). – Улан-Батор, 2009.
11. Монгол Улсын статистикийн эмхтгэл. 2010 (Статистический сборник Монголии). – Улан-Батор, 2011.
12. Монгол Улсын статистикийн эмхтгэл. 2011 (Статистический сборник Монголии). – Улан-Батор, 2012.
13. Монгол Улсын статистикийн эмхтгэл. 2013 (Статистический сборник Монголии). – Улан-Батор, 2014.
14. Монголын эдийн засаг, нийгэм 1992 онд. Статистикийн жилийн эмхтгэл (Экономика и общество Монголии в 1992 году. Статистический ежегодник). – Улан-Батор: Статистическое управление Монголии, 1993.

III. Поисковые экспериментальные и теоретические исследования поверхностных электромагнитных волн в радиодиапазоне с целью их применения для радиолокации, навигации, связи и управления техническими объектами в Российской Арктике
Search Experimental and Theoretical Studies of Surface Electromagnetic Waves in Radio Band for their Use in Radio Positioning, Navigation, Communications and Managing of Technical Objects in the Russian Arctic

УДК 537.86 + 556.556 (571.54)

**Ю. Б. Башкуев, В. Б. Хаптанов,
М. Г. Дембелов, Л. Х. Ангархаева**

СОЛЕННЫЕ ОЗЕРА ЗАБАЙКАЛЬЯ КАК ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫЕ АНАЛОГИ МОРСКИХ АКВАТОРИЙ В ОНЧ-НЧ- И СВЧ-ДИАПАЗОНАХ РАДИОВОЛН

Рассмотрены результаты определения электрических свойств льда, воды и донного грунта соленых озер Забайкалья по данным радиоволновых зондирований в ОНЧ-НЧ- и СВЧ-диапазонах в зимнее время. Показано, что комплексирование радиоимпедансного и георадарного зондирований – новая высокоразрешающая технология исследования приповерхностного слоя гидросферы и литосферы.

Ключевые слова: лед, вода, соленые озера, радиоволновое зондирование.

БАШКУЕВ Юрий Буддич – доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Бурятия, заведующий лабораторией электромагнитной диагностики Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: buddich@mail.ru.

ХАПТАНОВ Валерий Бажеевич – кандидат физико-математических наук, доцент, Заслуженный деятель науки Республики Бурятия, старший научный сотрудник лаборатории электромагнитной диагностики Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: buddich@mail.ru.

ДЕМБЕЛОВ Михаил Георгиевич – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник лаборатории электромагнитной диагностики Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: buddich@mail.ru.

АНГАРХАЕВА Людмила Ханхараевна – кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории электромагнитной диагностики Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: buddich@mail.ru.

Yu. B. Bashkuev, V. B. Khaptanov,
M. G. Dembelov, L. Kh. Angarkhaeva

SALINE LAKES OF TRANSBAIKALIA AS ELECTROMAGNETIC ANALOGS OF SEA SURFACES IN VLF-LF AND UHF RADIO-WAVE RANGES

Results of the study of electrical properties of ice, water and sediments of high-conducting areas of water on the data of radio-wave soundings in VLF-LF and UHF bands in the winter season are considered. It is shown, that combination of radio impedance and georadar soundings is a new high-resolvable technology of the research of subsurface layer of hydrosphere and lithosphere.

Key words: ice, water, saline lakes, radio-wave sounding.

Известно, что кроме акватории Мирового океана на суше встречаются области с высокой электропроводностью подстилающей среды. Это соленые озера и солончаки, занимающие значительные области на континентах. Обзор литературы по морским и озерным акваториям показал, что радиофизические характеристики слоистых структур с резко контрастными электрическими свойствами типа «лед – соленая вода – донный грунт» исследованы недостаточно глубоко и всесторонне. Поэтому высокопроводящие структуры (моря, соленые озера и солончаки) интересны при радиофизической диагностике природной среды. Следует также отметить, что в связи с проблемами Северного морского пути и шельфовых разработок большое значение для России имеет электромагнитный режим морей Арктики. Соленые озера Забайкалья можно рассматривать как электромагнитные аналоги шельфа арктических морей. Отметим, что радиофизические характеристики пресноводной акватории оз. Байкал рассмотрены в [4; 2].

Целью работы является определение электрических свойств льда, воды и донного грунта соленых озер Забайкалья по данным радиоволновых зондирований в ОНЧ-НЧ- и СВЧ-диапазонах в зимнее время. В статье развивается подход, основанный на комплексировании радиоимпедансного и георадарного зондиро-

ваний, кондуктометрии и бурения льда. По измерениям амплитудно-фазовой структуры ОНЧ-НЧ-электромагнитного поля в пункте наблюдения определяется частотная зависимость поверхностного импеданса и решается обратная задача для слоистой среды «лед – соленая вода – донный грунт». Диэлектрическая проницаемость и толщина льда определяются по данным СВЧ-георадара и бурения. Для решения обратной задачи радиоимпедансного зондирования слоистой полупроводящей среды, удовлетворяющей импедансным граничным условиям, разработан алгоритм метода регуляризации на основе гипотетического разреза [1]. Сглаживающий функционал А. Н. Тихонова имеет вид: $M_\alpha[g] = I[g] + \alpha\Omega[g]$, где $I[g] = \sum_{l=1}^L |\delta_l - \delta_{l_0}|^2$ – функционал невязки;

$$\Omega[g] = \sum_{n=1}^N p_n |\varepsilon_n - \varepsilon_n^0|^2 + \sum_{n=1}^N q_n |\sigma_n - \sigma_n^0|^2 + \sum_{n=1}^{N-1} r_n |h_n - h_n^0|^2$$

– стабилизирующий функционал; $g = (\varepsilon, \sigma, h)$ – параметры многослойной полупроводящей среды; α – параметр регуляризации; $(\varepsilon^0, \sigma^0, h^0)$ – гипотетическое распределение параметров разреза; p_n, q_n, r_n – веса соответствующих параметров; δ_{l_0} – экспериментальные значения импеданса на l -ой частоте. Минимизация рассматриваемого функционала производилась с помощью метода Ньютона-Канторовича (метода линеаризации). Осущест-

вляя линеаризацию оператора прямой задачи A в окрестности имеющегося приближения $g^{(n)}$, получили формулу:

$$\Delta g = (B^T B + \alpha I)^{-1} \cdot (B^T \delta_s + \alpha g^0),$$

где B – матрица Якоби для A с элементами $B_{ij} = (\partial A_i / \partial g_j)_{g=g^{(n)}}$. Для решения системы линейных уравнений на каждом шаге итерационного процесса использовался метод псевдообращения. С использованием сингулярного разложения $B(g^n) = U \Lambda V^T$ получена окончательная формула для решения:

$$\Delta g = V \Lambda (\Lambda^2 + \alpha I_r)^{-1} U^T \delta_s + (V \Lambda^2 V^T + \alpha I_r)^{-1} \alpha g^0.$$

Критерием выбора «наилучшего» геоэлектрического разреза служит минимум среднеквадратического отклонения экспериментальных значений импеданса от рассчитанных для модели n -слоистой среды.

На рисунке 1 представлен пример интерпретации данных радиоимпедансного зондирования с привлечением результатов батиметрических и кондуктометрических измерений в пункте наблюдений № 4 опорного профиля в заливе Провал на оз. Байкал [4].

Измерения проведены импедансметром ИПИ-300 с использованием полей

радиостанций 22,2; 50; 180; 279 кГц и георадара «Око-2» с антенными блоками АБ-700 и Тритон. Для электрометрии воды и льда использованы кондуктометры УК-0.2/1 и DIST WP3 фирмы «Nanna Instruments». Основная трудность при измерениях поверхностного импеданса в ОНЧ-НЧ-диапазонах на границе раздела «воздух – высокопроводящая среда» состоит в очень малой величине горизонтальной составляющей электрического поля E_t . Так, на частоте 22,2 кГц модуль импеданса был равен 0,0014–0,0015 при фазе -63° . При этом помеха от вертикальной составляющей электрического поля E_v была в 600–700 раз больше, чем E_t . Для измерений E_t применялась симметричная незаземленная приемная линия длиной 20 м с дифференциальным блоком, подавляющим синфазную помеху на более чем 60 дБ. Погрешности измерения модуля и фазы импеданса составляли $\pm 2\%$ и $1 \div 2^\circ$, соответственно.

По данным интерпретации 106 радиоимпедансных зондирований, на трех профилях общей длиной 3500 м определены геоэлектрические разрезы (ГЭР) соленых озер Забайкалья – Сульфат, Киран и Гуджирное на глубину скин-слоя. Результаты измерений и интерпретации

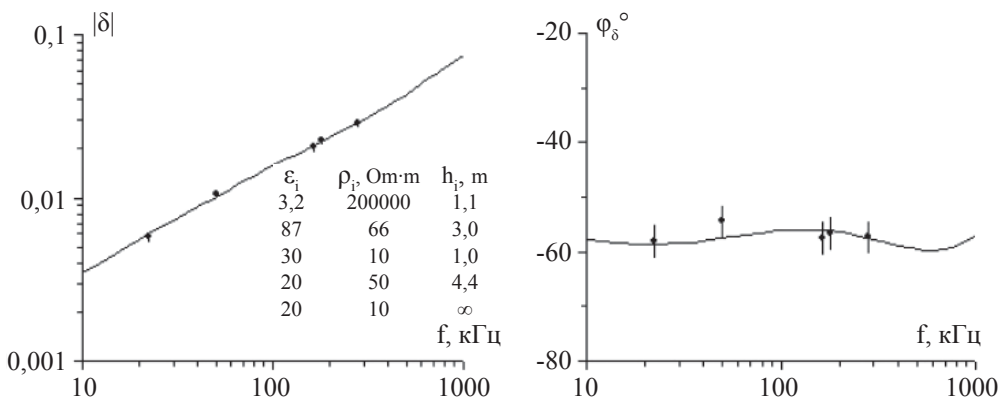

Рис. 1. Результаты интерпретации модуля и фазы импеданса, измеренных на 5 частотах ОНЧ-НЧ-диапазонов в пункте наблюдений № 4 опорного профиля в заливе Провал. Сплошные линии – зависимости импеданса для восстановленного разреза, точки – экспериментальные значения импеданса

представлены на рисунке 2. В импедансе двухслойной среды δ появляется аддитивная к импедансу воды δ_v добавка $-ikh_d$, линейно зависящая от толщины слоя льда h_d , т. е. $\delta = \delta_v - ikh_d$. При этом электрические свойства слоя льда очень слабо влияют на изменение импеданса и их в ОНЧ-НЧ диапазоне весьма трудно определить. Наличие тонкого плохопроводящего слоя льда на хорошо проводящей воде приводит к уменьшению мнимой части импеданса на величину kh_d и смещению фазы импеданса в сильноиндуктивную область.

Этот эффект необходимо учитывать при распространении радиоволн ОНЧ-

НЧ- и ВЧ-диапазонов, в частности при исследованиях поверхностной волны над ледовыми полями [3]. По результатам интерпретации особо следует отметить увеличение минерализации (солености) воды оз. Сульфат с глубиной ($\rho_3 = 0,45 \text{ Ом}\cdot\text{м}$). По данным радиоимпедансного профилирования в зимнее-весеннее время (рис. 3), установлена резкая смена типа импедансной структуры «слабоиндуктивная – сильноиндуктивная – слабоиндуктивная». Ледовая поверхность в диапазоне 22,2–279 кГц полностью относится к сильноиндуктивной области импедансов.

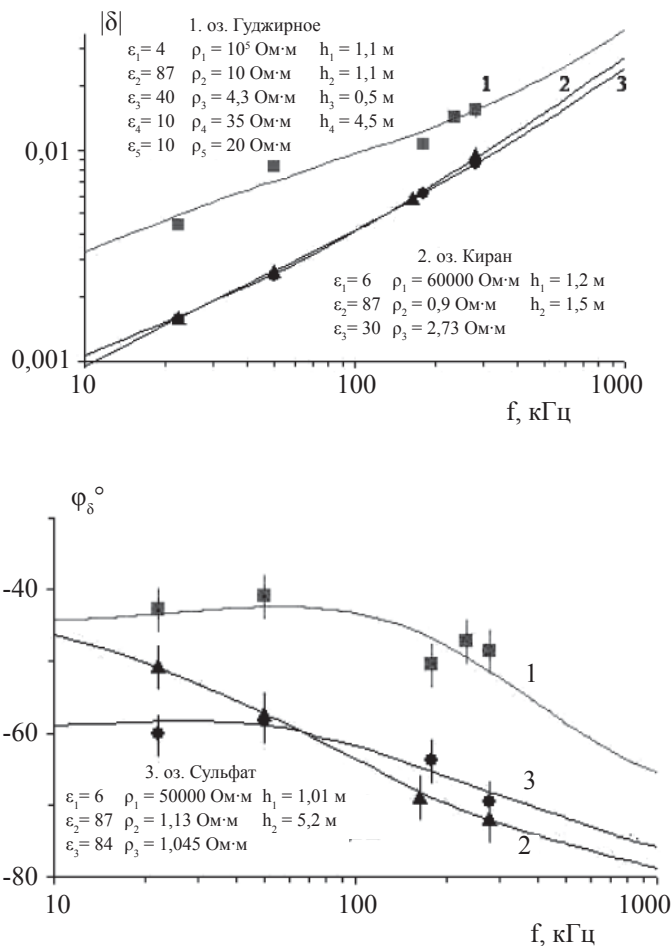

Рис. 2. Результаты интерпретации частотных зависимостей поверхностного импеданса

Известно, что СВЧ радиоволны очень плохо проникают в соленую воду и контрастная граница «лед – вода» очень четко прослеживается на радарограммах. При этом толщина льда на всем профиле оз. Сульфат остается выдержанной, с толщиной льда $1 \pm 0,1$ м. Определение диэлектрической проницаемости слоя льда проведено по данным георадара в пункте бурения скважины во льду (рис. 4). Полученное значение $\epsilon = 3,9$ попадает в середину интервала возможных значений ϵ для соленого льда $\epsilon = 3 \div 9$. В целом при комплексировании радиоимпедансного и георадарного зондирования мы получили возможность определения геометрических и электрических параметров верхних слоев высокопроводящих ГЭР с более высокой разрешающей способностью и точностью по сравнению с другими радиофизическими методами. При этом электрические свойства слоя льда определены с большим разбросом. Так, удельное электрическое

сопротивление (УЭС) льда варьирует от 50000 до 100000 Ом·м, а ϵ изменяется от 4 до 6.

Разработанная методика комплексирования радиоимпедансного и георадарного зондирования и кондуктометрии может быть использована для донного электрического картирования рек, озер и прибрежной зоны акватории Северного Ледовитого океана по удельному сопротивлению в рамках многослойной модели дна с хорошо и плохо проводящим основанием. Методика отработана на объектах-аналогах. Результаты исследований свидетельствуют о высокой эффективности комплексирования радиофизических методов при решении инженерно-геологических, экологических и других задач на акваториях. Комплексирование методов и диапазонов исследований с привлечением нескольких разнородных информативных параметров существенно повысило надежность выводов и заключений.

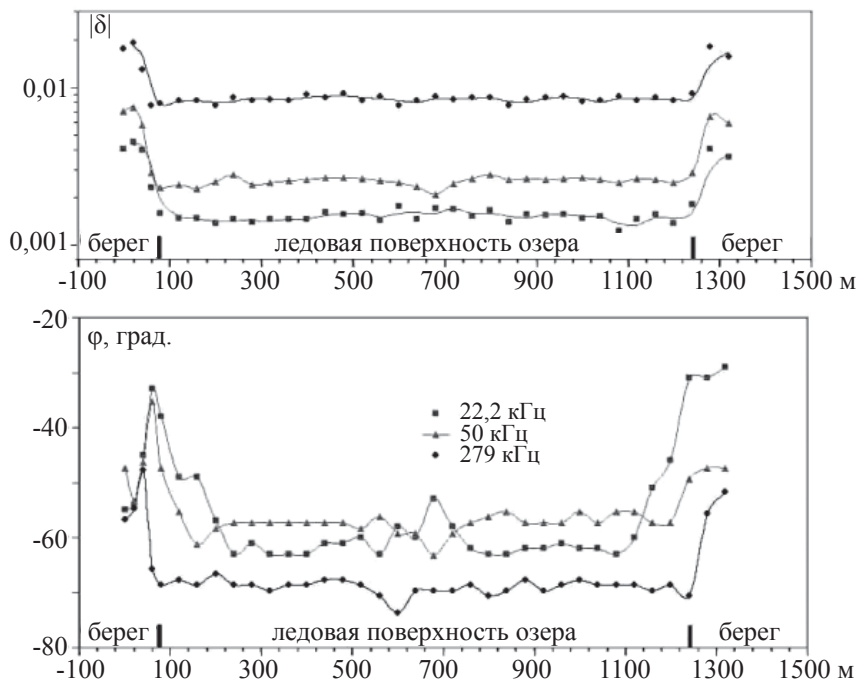

Рис. 3. Изменение поверхностного импеданса на профиле оз. Сульфат длиной 1300 м

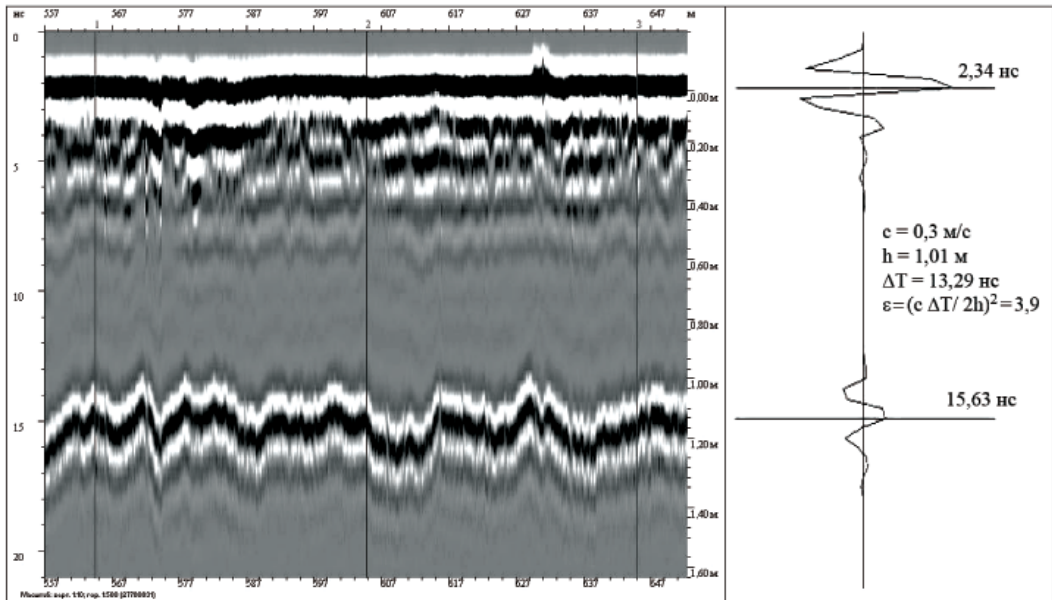

Рис. 4. Фрагмент георадарного профиля оз. Сульфат и определение ϵ слоя льда по данным георадара «Око-2» с антенным блоком АБ-700

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-19-01079 «Поисковые экспериментальные и теоретические исследования поверхностных электромагнитных волн в радиодиапазоне с целью их применения для радиолокации, навигации, связи и управления техническими объектами в Российской Арктике» в Институте физического материаловедения СО РАН.

Литература

1. Ангархаева Л. Х. Свидетельство об официальной регистрации программы для ЭВМ № 2002610893. Пакет программ «Импеданс» для решения задач радиоимпедансного зондирования. – М.: РОСПАТЕНТ, 06.06.2002.
2. Башкуев Ю. Б., Адвокатов В. Р., Хаптанов В. Б., Буянова Д. Г., Ангархаева Л. Х. Электромагнитные характеристики акватории оз. Байкал // Геология и геофизика. – 1993. – № 9. – С. 118–126.
3. Макаров Г. И., Новиков В. В., Рыбачек С. Т. Распространение электромагнитных волн над земной поверхностью. – М.: Наука, 1991. – 196 с.
4. Bashkuev Yu. B., Khaptanov V. B., Dembelov M. G., Angarkhaeva L. Kh, Boloev V. P. and Hayakawa M. Radioprobing of underground structure of the Failure Gulf, formed as a result of the M7.5 Tsagan earthquake // Physics and Chemistry of the Earth. – 2006. – Vol. 31. – Is. 4-9. – P. 210–214.

УДК 537.86

Д. Г. Буянова, И. Б. Нагуслаева, Ю. Б. Башкуев,
Д. Б. Аюров, В. Р. Адвокатов, М. Г. Дембелов

ОЦЕНКА ОТНОШЕНИЯ «СИГНАЛ-ШУМ» ДЛЯ ОНЧ-ДИАПАЗОНА РАДИОВОЛН

Проводится анализ экспериментальных данных приема искусственного электромагнитного поля РНС «Альфа», естественного и техногенного электромагнитного фона в условиях пригорода, города Улан-Удэ и в «электромагнитно чистой» Тункинской долине. Приведены результаты измерений уровня ОНЧ-электромагнитного поля РНС «Альфа» на трассе «Новосибирск – Верхняя Березовка». Представлены результаты мониторинга техногенного ОНЧ-электромагнитного излучения в г. Улан-Удэ. Показано также, что уровень естественного электромагнитного поля в ОНЧ-диапазоне в Тункинской долине Республики Бурятия значительно выше, чем в пригороде Улан-Удэ. Совместный анализ ОНЧ экспериментальных данных ранее не проводился.

Ключевые слова: естественное и техногенное ОНЧ-электромагнитное поле, отношение «сигнал–шум».

D. G. Buyanova, I. B. Naguslaeva, Yu. B. Bashkuev,
D. B. Ayurov, V. R. Advokatov, M. G. Dembelov

ASSESSMENT OF “SIGNAL-TO-NOISE” RATIO FOR VLF RADIO-WAVE RANGE

The article analyzes experimental data of receiving of the artificial electromagnetic field of “Alpha” radio positioning system, natural and man-made electromagnetic background in suburbs, metropolitan area of Ulan-Ude and in the “electromagnetically clean” Tunka valley. The results of changing measurements of VLF electromagnetic field of “Alpha” radio positioning system on the “Novosibirsk – Verkhnyaya Berezovka” path are provided. The results of the monitoring of man-made VLF electromagnetic emission in Ulan-Ude are presented. It is also shown that the level of natural electromagnetic field in VLF range in the Tunka valley of the Republic of Buryatia is significantly higher than in the suburb of Ulan-Ude. The joint analysis of VLF experimental data has not been carried out before.

Key words: natural and man-made VLF electromagnetic field, “signal-to-noise” ratio.

БУЯНОВА Дарима Гармаевна – кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории электромагнитной диагностики Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: buddich@mail.ru.

НАГУСЛАЕВА Идам Батомункуевна – кандидат физико-математических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории электромагнитной диагностики Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: buddich@mail.ru.

БАШКУЕВ Юрий Буддич – доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Бурятия, заведующий лабораторией электромагнитной диагностики Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: buddich@mail.ru.

АЮРОВ Дашинима Баирович – научный сотрудник лаборатории электромагнитной диагностики Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: buddich@mail.ru.

АДВОКАТОВ Виктор Рабданович – кандидат физико-математических наук, заслуженный деятель науки Республики Бурятия, старший научный сотрудник лаборатории электромагнитной диагностики Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: buddich@mail.ru.

ДЕМБЕЛОВ Михаил Георгиевич – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник лаборатории электромагнитной диагностики Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: buddich@mail.ru.

Цель статьи – провести анализ экспериментальных данных приема искусственного ОНЧ электромагнитного поля РНС «Альфа» на трассе «Новосибирск – Верхняя Березовка» на фоне естественного и техногенного электромагнитного излучения в условиях пригорода г. Улан-Удэ (пункт приема «Верхняя Березовка»). Для сравнения естественного и техногенного уровней помех радиоприему представлены результаты мониторинга техногенного ОНЧ-электромагнитного поля в г. Улан-Удэ. Показано также, что уровень естественного электромагнитного поля в ОНЧ-диапазоне в Тункинской долине Республики Бурятия значительно выше, чем в пригороде Улан-Удэ. Экспериментальные результаты позволяют дать качественную оценку отношения «сигнал–шум» в натуральных условиях для ОНЧ-диапазона [2; 4; 6].

Для круглогодичного радиоволнового мониторинга востока России в ОНЧ-диапазоне создан цифровой измерительный комплекс и программно-вычислительные средства для анализа данных радиоволновых измерений на трассе «Новосибирск – Верхняя Березовка» длиной 1552 км. Область распространения представляет неоднородный импедансный волновод «Земля–ионосфера» западно-восточного распространения, пересекающий на конечном участке Байкальскую рифтовую систему шириной 150–200 км. Измерения плотности потока очень низкочастотных (ОНЧ) электромагнитных излучений проведены многоканальными геофизическими регистраторами различных модификаций МГР-1М, МГР-01, разработанными и изготовленными в ИМКЭС СО РАН (г. Томск). Регистраторы предназначены для измерения временных и пространственных вариаций естественного электромагнитного поля Земли [1; 3; 5]. Следует отметить, что при проведении измерений работа всех каналов регистраторов синхронизирована, параметры усилительных трактов

каналов и режимы регистрации на одинаковых частотах идентичны.

Проведем анализ условий распространения ОНЧ-радиоволн на трассе «Новосибирск – Верхняя Березовка» длиной 1552 км с использованием электромагнитного поля РНС «Альфа» в диапазоне 11,9–14,9 кГц (координаты излучателя «Новосибирск» – 55°45'22" с.ш.; 84°26'52,4" в.д.; приемника «Верхняя Березовка» – 51°52'12" с.ш.; 107°39' в.д.). В цифровой измерительный комплекс введен новый опорный стандарт частоты на основе GPS приемника Trimble Thunderbolt-B с суточной нестабильностью частоты 10^{-12} . На рисунках 1, 2 представлены суточные вариации амплитуды и дополнительной фазы сигнала РНС «Альфа» (РСДН-20) в зимнее и летнее время на частоте $f = 14,88$ кГц. Четко выделяются дневные и ночные уровни амплитуды и фазы радиосигнала. Дневной уровень амплитуды сигнала в зимнее время стабильный, в среднем 1,5 условных единиц. В ночное время сигнал в среднем в 2,5–3 раза выше и изменяется от 2,7 до 5,2 условных единиц. Дополнительная фаза $\varphi_{\text{доп}}$ имеет закономерные регулярные суточные вариации в пределах от 35° до 125°. Уверенно разделяются дневные и ночные средние уровни фазы $\varphi_{\text{доп}}$. Для дневных условий $\varphi_{\text{доп}} = 60^\circ$, для ночных условий $\varphi_{\text{доп}} = 100^\circ$. На графиках $\varphi_{\text{доп}}$ (рис. 1) 12 и 15 февраля видны области потери фазовой однозначности («потеря фазы») из-за воздействия хаотических импульсных помех естественного или техногенного происхождения. Суточные и сезонные вариации плотности потока естественного импульсного электромагнитного поля Земли (ЕИМПЗ) будут рассмотрены ниже. В летнее время (рис. 2) также четко выделяются дневные и ночные уровни амплитуды и фазы радиосигнала. Дневной уровень амплитуды сигнала в летнее время стабильный, он выше зимнего и в среднем выше 2 условные единицы. В ночное время сигнал в среднем в 2,5–3 раза выше и

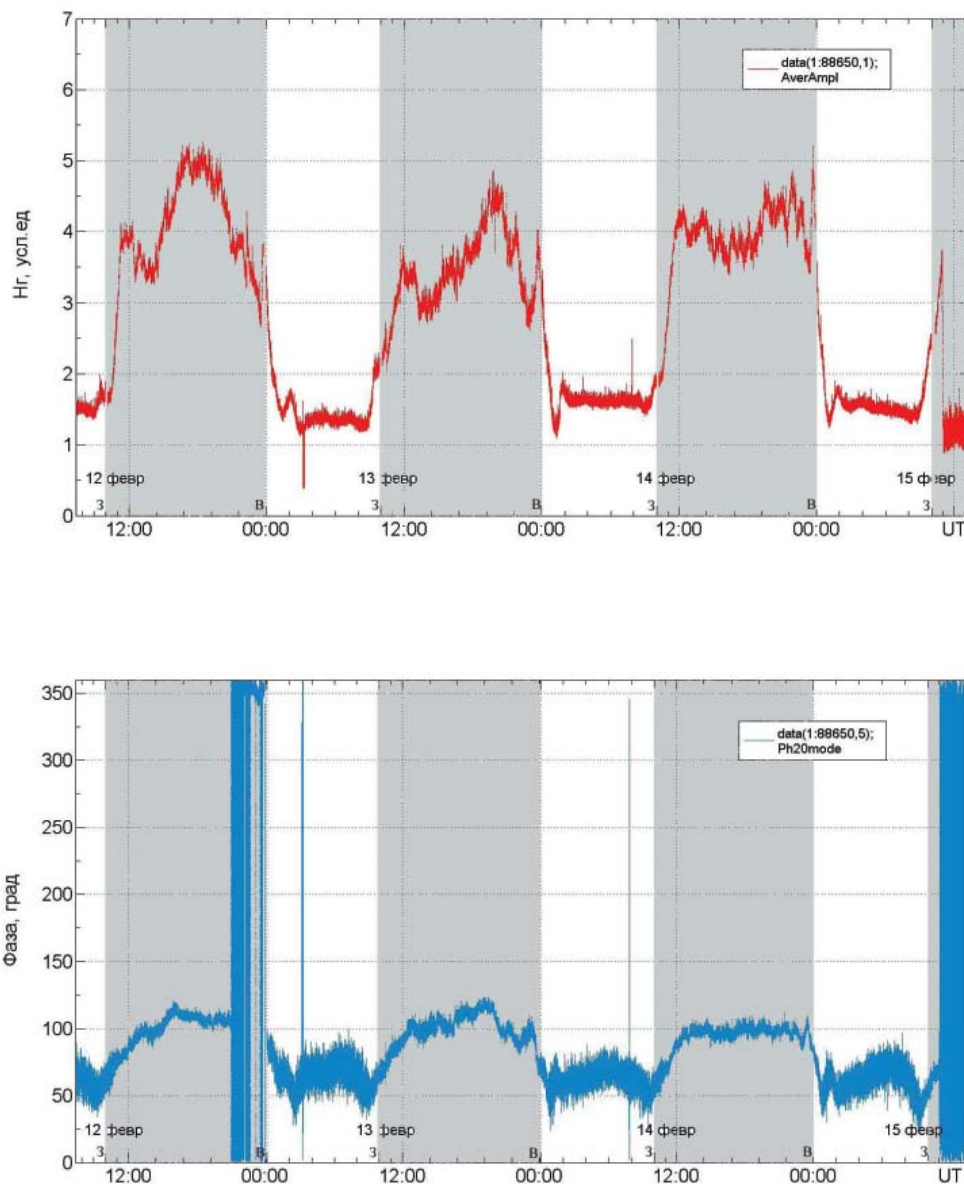

Рис. 1. Суточные вариации амплитуды и дополнительной фазы сигнала РНС «Альфа» (РСДН-20) на трассе «Новосибирск – Верхняя Березовка» в зимнее время (12–15 февраля, $f = 14,88$ кГц)

изменяется от 4 до 6 условных единиц. Дополнительная фаза $\varphi_{\text{доп.}}$ имеет закономерные регулярные суточные вариации в пределах от 25° до 120° . Дневные уровни амплитуды и фазы сильно «зашумлены»

атмосфериками (ЕИЭМПЗ) и техногенными помехами. Величина «шумовой дорожки» зимой и летом заметно различается. Она представляет аддитивную смесь флуктуационной и хаотической

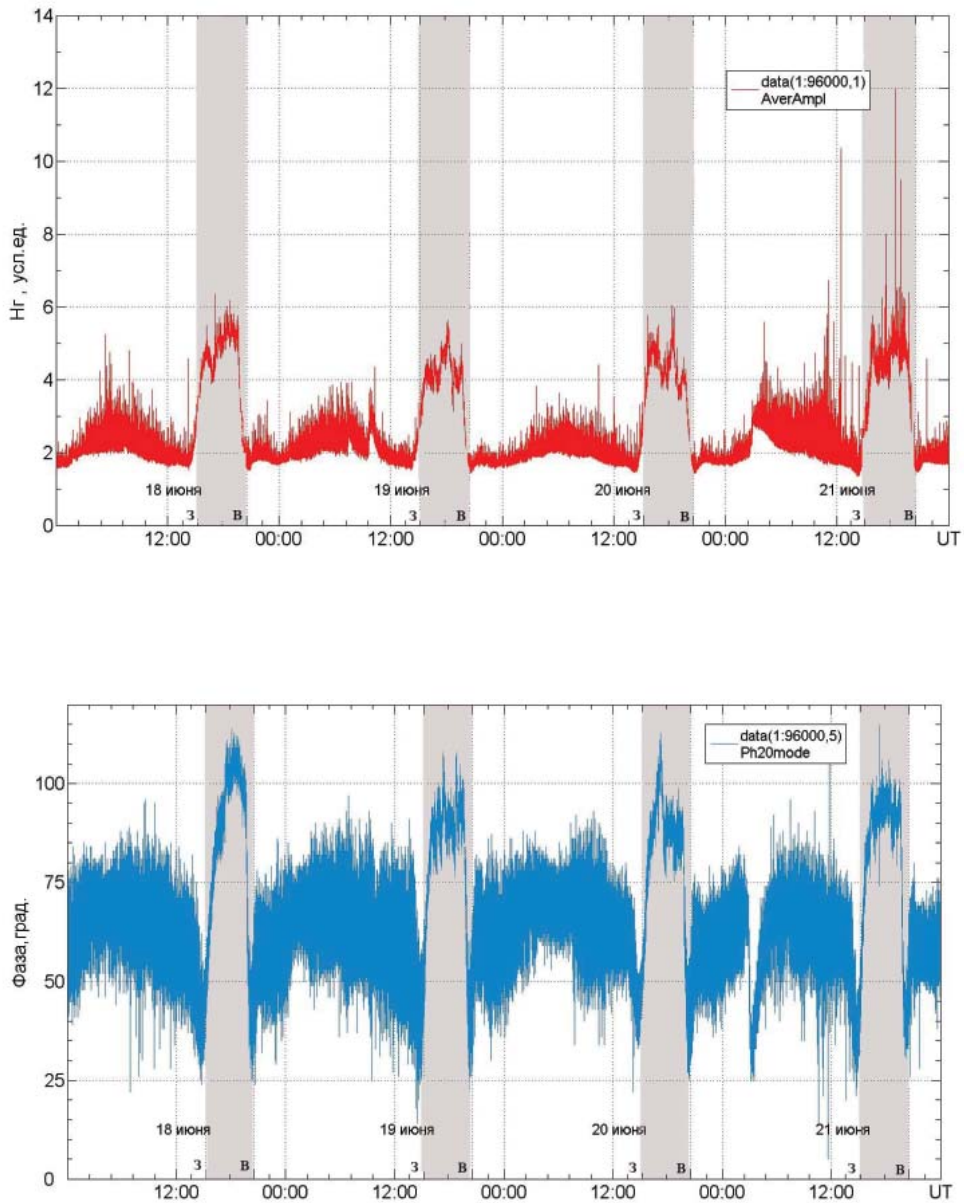

Рис. 2. Суточные вариации амплитуды и дополнительной фазы сигнала РНС «Альфа» (РСДН-20) на трассе «Новосибирск – Верхняя Березовка» в летнее время (18–21 июня, $f = 14,88$ кГц)

импульсной помехи и полезного ОНЧ-сигнала. Отчетливо видны значительные по амплитуде импульсные «выбросы» уровня поля. Они четко коррелируют с уровнем ОНЧ-импульсного потока

(рис. 3). Если в феврале плотность ОНЧ-импульсного потока составляет 100–350 импульсов в час, то в июне она достигает 5000–15000 импульсов в час, т. е. увеличивается в 50 и более раз.

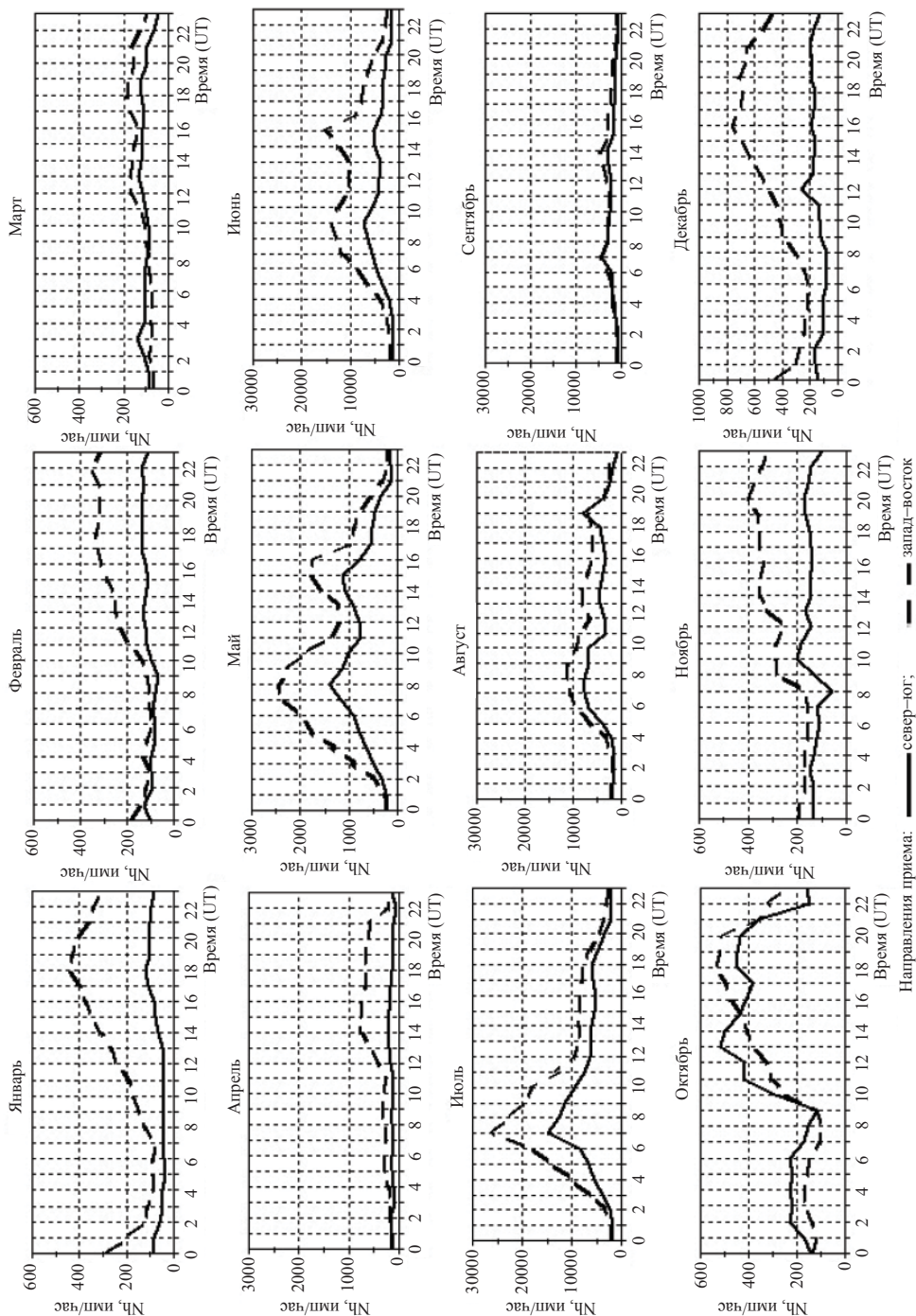

Рис. 3. Усредненные на месячном интервале суточные вариации потока ОНЦ-импульсного потока ЕЭМПЗ (пункт наблюдения «Верхняя Березовка», $f = 14,5$ кГц)

Для создания статистической модели плотности потока ЕИМПЗ необходимо определить его суточные и сезонные вариации. Помеховая обстановка в приемной точке характеризуется существенными суточными и сезонными вариациями, которые можно оценить по непрерывным данным измерений ОНЧ-импульсного потока ЕЭМПЗ на частоте 14,5 кГц за период с 31 марта 2008 г. по 30 июля 2014 г. Для примера на рисунке 3 приведены усредненные на месячном интервале суточные вариации ОНЧ-импульсного потока ЕЭМПЗ за 2010 год (пункт наблюдения «Верхняя Березовка», $f = 14,5$ кГц). Из усредненного графика для февраля отчетливо видно существенное превышение импульсного потока по магнитной компоненте для направления «запад–восток» относительно направления «север–юг». Именно в это время (18–23 часа UTC) наблюдаются срывы фазы сигнала РНС на частоте 14,88 кГц. Совместный анализ данных позволяет учесть вклад естественного источника помех в отношении «сигнал–шум» на входе приемного тракта.

Рассмотрим более подробно естественное электромагнитное поле в ОНЧ-диапазоне [1; 3; 5]. Измерения плотности потока ОНЧ-электромагнитных излучений проведены в Восточных Саянах (пункт наблюдения «Толтой»), на берегу средней части оз. Байкал (пункт наблюдения «Горячинск») и на станции «Верхняя Березовка» вблизи г. Улан-Удэ с помощью многоканальных геофизических регистраторов различных модификаций МГР-01М и МГР-01. Измерения ОНЧ-импульсного потока магнитной компоненты ЕИЭМПЗ в п.н. «Толтой» проведены с 18 по 22 июля 2011 г. на частотах 2, 7 и 14,5 кГц (рис. 4), в п.н. «Горячинск» – с 28 июля по 20 сентября 2011 г. (рис. 5).

Установлен высокий уровень магнитной составляющей ОНЧ-импульсного потока ЕИЭМПЗ на частоте 14,5 кГц в п.н. «Толтой» относительно базовой станции «Верхняя Березовка» (рис. 4). Так, в минимуме ОНЧ-потока по направ-

лению приема «север–юг» с 7 до 8 часов утра 19 июля 2011 г. в п.н. «Толтой» зарегистрировано 2444 разряда, а на станции «Верхняя Березовка» – 891 разряд, т. е. импульсный ОНЧ-поток в п.н. «Толтой» выше почти в 3 раза. В максимуме ОНЧ-потока 20 июля 2011 г. в период с 16 до 17 часов местного времени в п.н. «Толтой» по каналу «север–юг» зарегистрировано 145749 разрядов, а на станции «Верхняя Березовка» – 11175 разрядов, т. е. отношение числа импульсов составляло ~ 13 . При этом коэффициент взаимной корреляции равен 0,78. Почти такой же коэффициент корреляции по каналу «север–юг» (равный 0,8) был зарегистрирован в июле 2010 г. при одновременных измерениях в Тункинской долине (обсерватория ИСЗФ СО РАН «Торы») и на станции «Верхняя Березовка».

Причиной существенного превышения ОНЧ-импульсного потока могут быть значительные различия в топографии мест расположения пунктов наблюдения – наличие альпийского рельефа местности в Восточных Саянах и, как следствие, существенно большая электризация приземной атмосферы при турбулентных движениях воздушных потоков в горной местности.

Установлен высокий уровень корреляции магнитной компоненты ЕИЭМПЗ по направлению приема «север–юг» на разных частотах. Так, коэффициент межчастотной корреляции на частотах 2 и 7 кГц составляет для п.н. «Толтой» 0,85, а для п.н. «Горячинск» – 0,73; на частотах 7 и 14,5 кГц – 0,97 и 0,95 соответственно; на частотах 2 и 14,5 кГц – 0,86 и 0,9 соответственно. Высокий уровень корреляции магнитной компоненты на разных частотах свидетельствует о том, что основной вклад в аддитивную смесь «атмосферики–литосферики – излучения ионосферы и магнитосферы – техногенные излучения» на входе регистраторов излучений вносят атмосферники, генерируемые молниевыми разрядами. Высокая степень пространственной корреляции, в целом, говорит об едином локальном механизме формирования ЕИЭМПЗ.

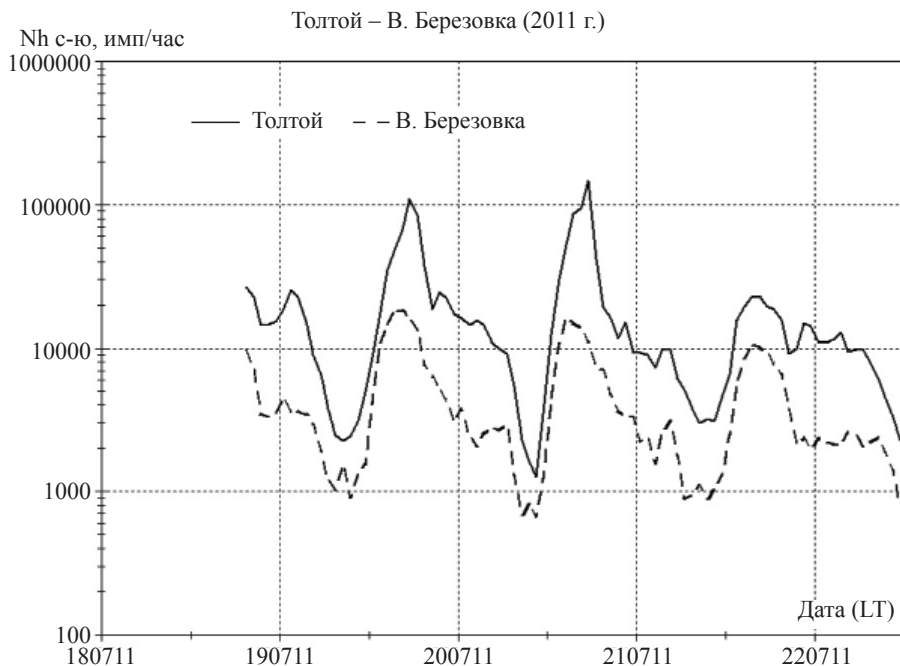

Рис. 4. Результаты регистрации магнитной составляющей ОНЧ-импульсного потока на частоте 14,5 кГц в пунктах наблюдения «Толтой» и «Верхняя Березовка» 18–22 июля 2011 г.

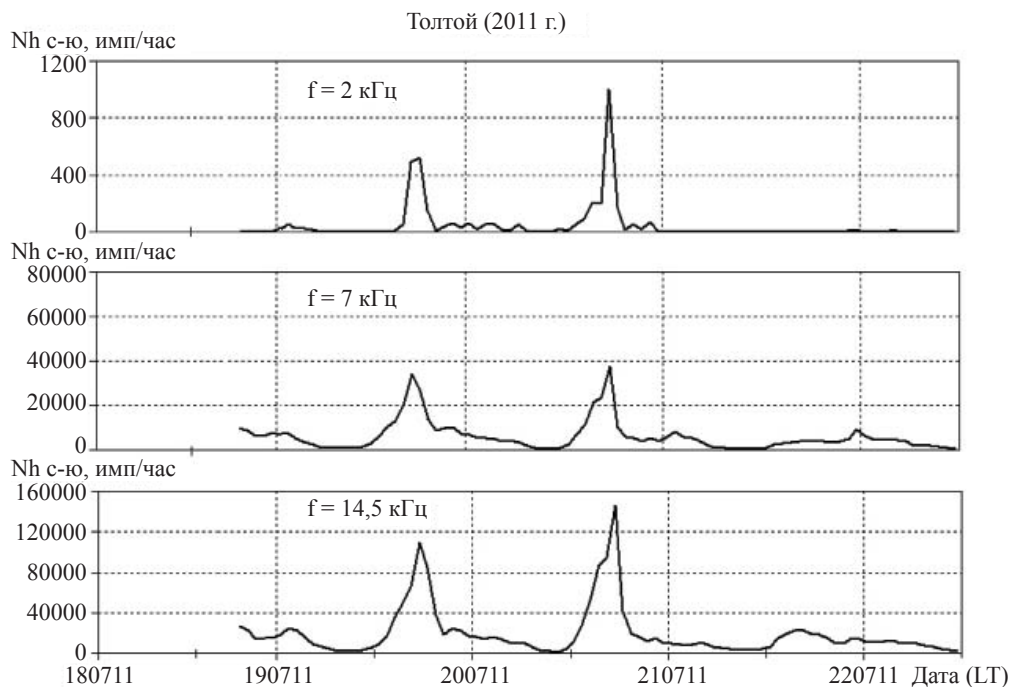

Рис. 5. Результаты регистрации магнитной составляющей ОНЧ-импульсного потока на частотах 2; 7 и 14,5 кГц в пункте наблюдения «Толтой» 18–22 июля 2011 г.

Рассмотрим результаты мониторинга техногенного электромагнитного излучения в ОНЧ-диапазоне в г. Улан-Удэ. Измерительная установка МГР-1М располагалась в здании БНЦ СО РАН (комната № 319) и круглосуточно регистрировала аддитивную смесь естественных и техногенных электромагнитных излучений, принимаемых на магнитную рамочную антенну, ориентированную плоскостью рамки по направлению «север–юг».

Источниками техногенных электромагнитных полей являются: 1) линии электропередач (ЛЭП) с частотой 50 Гц и их высшие гармоники; 2) электрифицированные железные дороги с питающим напряжением 27,5 кВ; 3) трамвайные электрические цепи; 4) системы сотовой связи и радиотелевизионные передающие центры; 5) компьютерные сети;

б) промышленные предприятия и мощные энергетические установки; 7) другое технологическое оборудование, потребляющее электрическую энергию. Результаты мониторинга (рис. 7) наглядно показывают динамику суточного, недельного и месячного уровня ОНЧ-импульсного потока. Отмечен «воскресный» эффект, заключающийся в том, что в субботу, воскресенье и праздничные дни уровень ОНЧ-поля уменьшается на 5–6 порядков относительно рабочих дней. Этот известный в геофизической электродинамике и электромагнитной экологии эффект свидетельствует об активной производственной деятельности в г. Улан-Удэ. Сравнение соотношения естественного и техногенного уровней ОНЧ-полей проведено по данным измерений ОНЧ-импульсного потока на базе

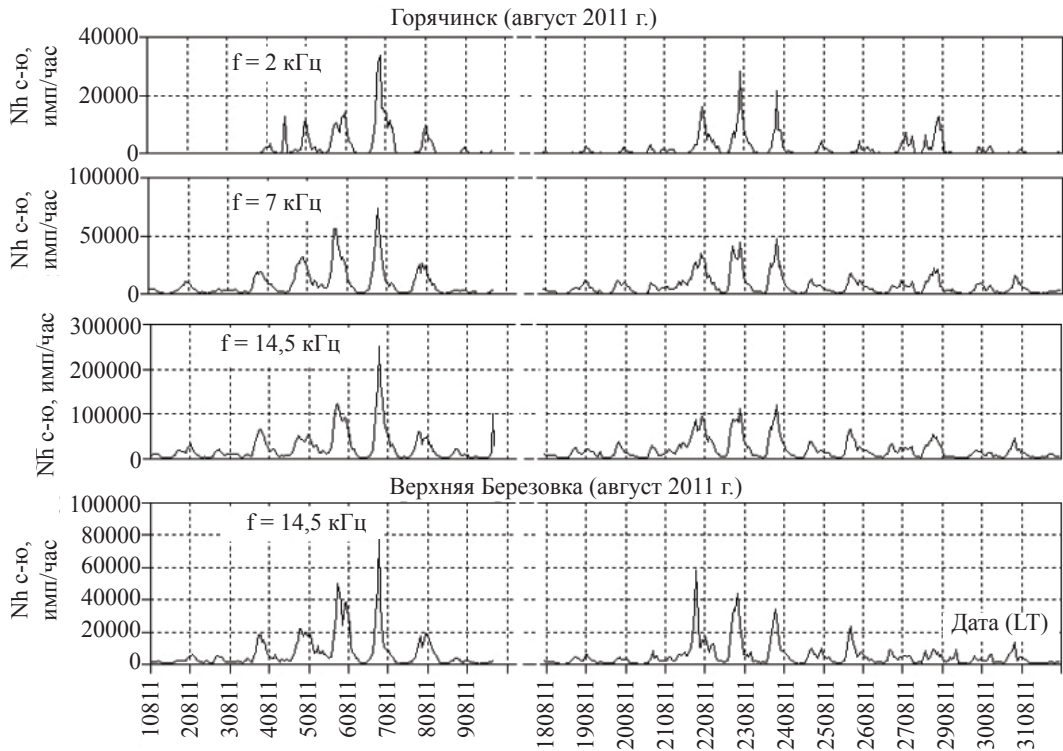

Рис. 6. Результаты регистрации магнитной составляющей ОНЧ-импульсного потока на частотах 2; 7 и 14,5 кГц в пунктах наблюдения «Горячинск» и «Верхняя Березовка» в августе 2011 г.

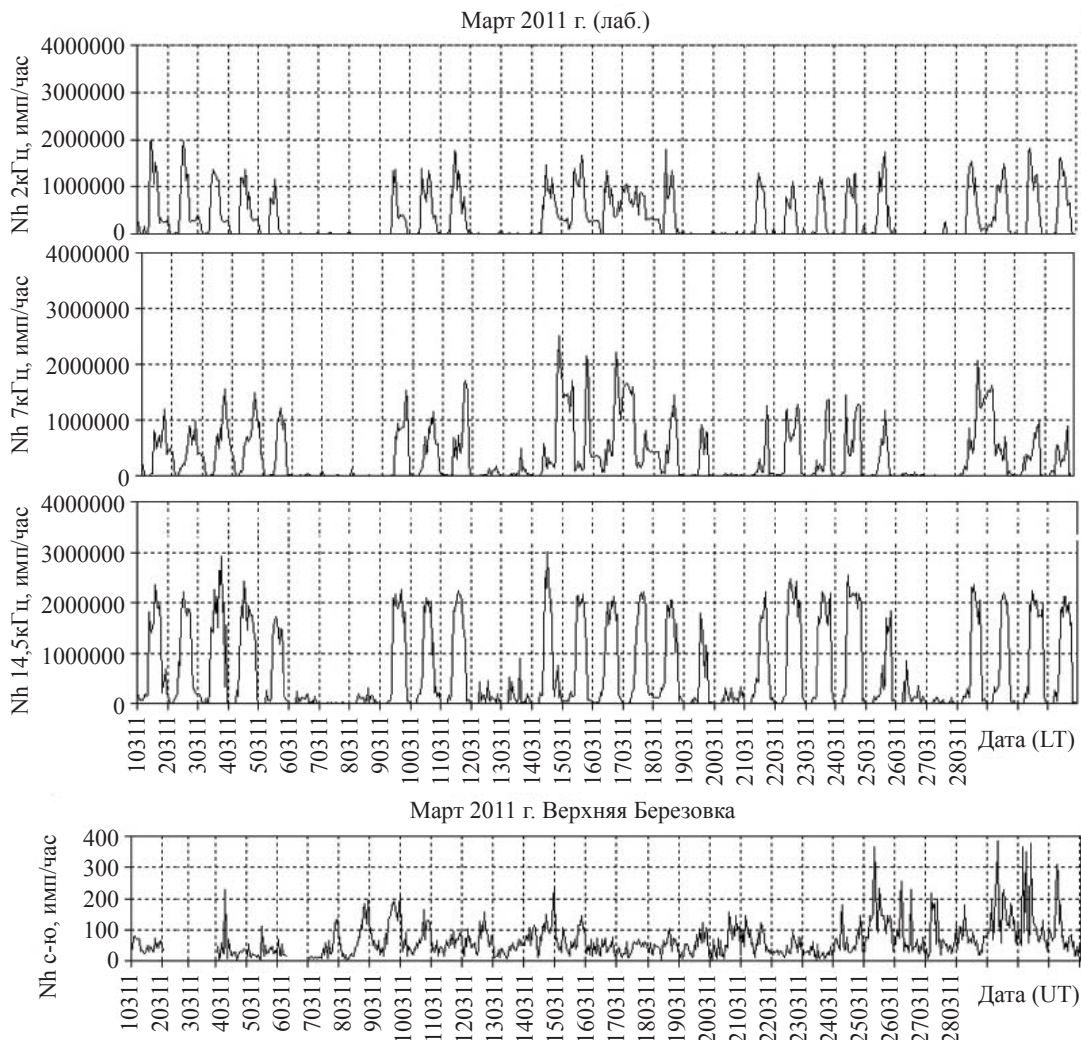

Рис. 7 а–в) – суточные вариации аддитивной смеси естественного и техногенного электромагнитного излучения на частотах 2; 7; 14,5 кГц (здание БНЦ СО РАН); г) суточный ход естественного электромагнитного излучения на частоте 14,5 кГц (Верхняя Березовка)

«Верхняя Березовка», где с 2008 г. работает многоканальный геофизический регистратор МГР-01 на частоте 14,5 кГц. Соотношение естественного фона (примерно до 400 импульсов в час) и техногенного фона (примерно до 2500000 импульсов в час) наглядно свидетельствует о сильном техногенном электромагнитном загрязнении территории г. Улан-Удэ. Превышение техногенной компоненты над естественным фоном ЕИЭМПЗ составляет 6000 и более раз.

Выводы

На основе совместного анализа экспериментальных результатов приема искусственного электромагнитного поля РНС «Альфа», естественного и техногенного электромагнитного фона в условиях пригорода Улан-Удэ (пункт приема «Верхняя Березовка») дана качественная оценка отношения «сигнал–шум» для ОНЧ-диапазона. По результатам мониторинга техногенного

ОНЧ-электромагнитного поля в г. Улан-Удэ проведено сравнение естественного и техногенного уровней излучения помех радиоприему. Показано, что уровень естественного электромагнитного поля в ОНЧ-диапазоне в Тункинской долине Республики Бурятия значительно выше, чем в пригороде Улан-Удэ. Исследования целесообразно продолжить в направлении более тонкого радиофизического анализа техногенной электромагнитной помехи, а также определения вклада и природы конкретных источников электромагнитного излучения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-19-01079 «Поисковые экспериментальные и теоретические исследования поверхностных электромагнитных волн в радиодиапазоне с целью их применения для радиолокации, навигации, связи и управления техническими объектами в Российской Арктике» в Институте физического материаловедения СО РАН.

Литература

1. Балханов В. К., Башкуев Ю. Б., Козлов В. И., Мулляров В. А. Пространственные характеристики излучения разрядов молнии // Журнал технической физики. – 2009. – Т. 79. – № 1. – С. 152–155.
2. Башкуев Ю. Б., Дембелов М. Г., Пылаев А. А., Тамкун Л. Г. Исследование параметров отраженных от ионосферы сигналов на основе регулярных измерений радиополя в длинноволновом диапазоне // Радиотехника и электроника. – 2012. – Т. 57. – № 3. – С. 300–307.
3. Козлов В. И., Мулляров В. А. Грозовая активность в Якутии. – Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2004. – 104 с.
4. Ремизов Л. Т. Естественные радиопомехи. – М.: Наука, 1985. – 200 с.
5. Сейсмоионосферные и сейсмoeлектромагнитные процессы в Байкальской рифтовой зоне / Афраимович Э. Л. [и др.]; отв. ред. Г. А. Жеребцов; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т солнечно-земной физики, Ин-т земной коры, Ин-т физического материаловедения. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 304 с. (Интеграц. проекты СО РАН; вып. 35).
6. Bashkuev Yu. B., Buyanova D. G., M. G. Dembelov M. G., Khaptanov V. B., Naguslaeva I. B., Advokatov V. R. Influence of Electric Characteristics of Inhomogeneous Lithosphere on Excitation and Propagation of Seismogenic Electromagnetic Emissions // Universal Journal of Geoscience. – 2013. – Vol. 1. – № 2. – P. 56–64.

УДК 537.86

Ю. Б. Башкуев, Д. Г. Буянова, В. Б. Хаптанов,
М. Г. Дембелов, Л. Х. Ангархаева, И. Б. Нагуслаева

ПРИРОДНЫЕ И ИСКУССТВЕННЫЕ ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫЕ СТРУКТУРЫ С СИЛЬНОИНДУКТИВНЫМ ПОВЕРХНОСТНЫМ ИМПЕДАНСОМ

Рассмотрены природные и искусственные электромагнитные структуры с сильноиндуктивным поверхностным импедансом. Объектом исследования являются поверхностные электромагнитные волны (ПЭВ), возбуждаемые над слоистыми структурами типа «лед на море». Установлено существование таких сред с предельно возможными по фазе значениями сильноиндуктивного импеданса в диапазоне от единиц герц до де-

сятков гигагерц (СНЧ-СВЧ). В частности, по результатам моделирования поверхностного импеданса тонкой трехслойной среды «диэлектрик на металлическом магнитном основании» в диапазоне частот от 1 Гц до 10 ГГц установлено, что двухслойная пленка диэлектрика «грунтовка–краска» толщиной 0,5 мм смещает фазу импеданса в сильно-сильно-индуктивную область уже на частотах от 100 Гц и выше. Модуль импеданса во всем частотном диапазоне удовлетворяет импедансным граничным условиям. Фаза импеданса близка к -90° .

Ключевые слова: сильноиндуктивный поверхностный индекс, электромагнитные структуры, слоистая среда.

Yu. B. Bashkuev, D. G. Buyanova, V. B. Khaptanov,
M. G. Dembelov, L. Kh. Angarkhaeva, I. B. Naguslaeva

NATURAL AND ARTIFICIAL ELECTROMAGNETIC STRUCTURES WITH STRONG-INDUCTION SURFACE IMPEDANCE

The article considers natural and artificial electromagnetic structures with strong-induction impedance. The surface electromagnetic waves (SEWs) excited above layered structures of the “sea ice” type are the object of the study. The existence of such media with the maximum possible phase values of strong-induction impedance in the range from single Hz to tens of GHz (ULF-UHF). In particular, based on the results of modeling of the surface impedance of a thin three-layered medium of “metallic magnetic base dielectric” type in the range from 1 Hz to 10 GHz it was determined that a 0,5 mm thin two-layered dielectric “primer-paint” film dislocates the impedance phase into strong-induction field already in the frequencies from 100 Hz and higher. The impedance module in the entire frequency range satisfies the impedance boundary conditions. The impedance phase is close to -90 degrees.

Key words: strong-inductive surface impedance, electromagnetic structures, layered media.

Введение

Актуальность проекта РНФ № 14-19-01079 «Поисковые экспери-

ментальные и теоретические исследования поверхностных электромагнитных волн в радиодиапазоне с целью их применения для радиолокации, навигации,

---

БАШКУЕВ Юрий Буддич – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Бурятия, заведующий лабораторией электромагнитной диагностики Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: buddich@mail.ru.

БУЯНОВА Дарима Гармаевна – кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории электромагнитной диагностики Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: buddich@mail.ru.

ХАПТАНОВ Валерий Бажеевич – кандидат физико-математических наук, доцент, заслуженный деятель науки Республики Бурятия, старший научный сотрудник лаборатории электромагнитной диагностики Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: buddich@mail.ru.

ДЕМБЕЛОВ Михаил Георгиевич – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник лаборатории электромагнитной диагностики Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: buddich@mail.ru.

АНГАРХАЕВА Людмила Ханхараевна – кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории электромагнитной диагностики Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: buddich@mail.ru.

НАГУСЛАЕВА Идам Батомункуевна – кандидат физико-математических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории электромагнитной диагностики Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: buddich@mail.ru.

связи и управления техническими объектами в Российской Арктике» определяется тем, что Север России, занимающий 2/3 ее территории, находится в зоне вечной мерзлоты и Северного Ледовитого океана (СЛО). Освоение шельфа СЛО и Северного морского пути требует поиска и применения новых физических принципов работы для перспективных систем радиолокации, дальней связи и радионавигации на поверхностных электромагнитных волнах (ПЭВ), которые должны учитывать существенные особенности физических процессов в высокоширотных районах Земли [9]. Цель наших исследований – поиск и анализ свойств ПЭВ вблизи природных и искусственных слоистых сред в СНЧ-ОНЧ-НЧ-СЧ-ВЧ-СВЧ-диапазонах радиоволн, которые можно использовать в Российской Арктике. Объектом исследования являются ПЭВ, возбуждаемые на средах с сильноиндуктивным поверхностным импедансом (слоистая структура типа «лед на море»). В статье рассмотрены слоистые модели некоторых природных и искусственных сред с предельно возможными по фазе значениями сильноиндуктивного импеданса (от СНЧ до СВЧ). Для решения поставленных в статье вопросов применен аппарат численного моделирования частотных и пространственных характеристик ПЭВ. Наша задача – выполнить поиск в классе слоистых моделей сред природных и искусственных электромагнитных структур с предельно возможными по фазе значениями сильноиндуктивного импеданса.

1. Модели геоэлектрических сред

Природные и искусственные электромагнитные структуры подразделяются на однородные и неоднородные [8; 10–12; 14; 16]. Аппроксимация реальной природной среды однородной моделью чаще всего используется в пределах скин-слоя локальной

области, например, на море. Породы земной коры в подавляющем большинстве случаев являются немагнитными с магнитной проницаемостью $\mu_j \cong 1$. Классификация моделей геоэлектрических сред обычно производится по распределению в пространстве комплексной диэлектрической проницаемости $\varepsilon_k(x, y, z) = \varepsilon(x, y, z) + i60\lambda\sigma(x, y, z)$ или диэлектрической проницаемости $\varepsilon(x, y, z)$ для диэлектрических сред и проводимости $\sigma(x, y, z) = 1/\rho(x, y, z)$ для проводящих сред (где ρ – удельное электрическое сопротивление среды). В общем случае σ_j, ε_j зависят от частоты. Глубина проникновения электромагнитного поля в проводящую среду (скин-слой) определяется соотношением $h_{с.с.} = \sqrt{2/(\omega\mu_0\sigma)}$ и зависит от частоты поля ω и проводимости среды σ . В реальных природных средах в результате совместного действия многих факторов σ и ε могут изменяться по сложным законам. Одним из главных факторов является слоистость среды, особенно проявляющаяся в осадочных породах, а также на акваториях, ледовом и лесном покровах. Тектоническая деятельность приводит к образованию геологических структур с негоризонтальными и криволинейными границами раздела и переменной толщиной слоев.

Неоднородные слоистые среды подразделяются на три основных типа [8]: слоисто-однородные, градиентные и слоисто-градиентные. Слоисто-однородная среда представляется в виде серии слоев с неизменными в каждом слое значениями σ и ε (рис. 1а).

Градиентная среда (рис. 1б) в общем случае описывается непрерывными функциями $\sigma(x, y, z), \varepsilon(x, y, z)$. Наиболее отчетливо проявляются вертикальные составляющие градиента $\partial\sigma/\partial z, \partial\varepsilon/\partial z$. Для описания вертикальных изменений σ и ε используют различные аналитические зависимости $\sigma(z)$ и $\varepsilon(z)$. Слоисто-градиентной называют среду (рис. 1в, г), в которой для одномерной модели функции $\sigma(z), \varepsilon(z)$ будут состоять из криво-

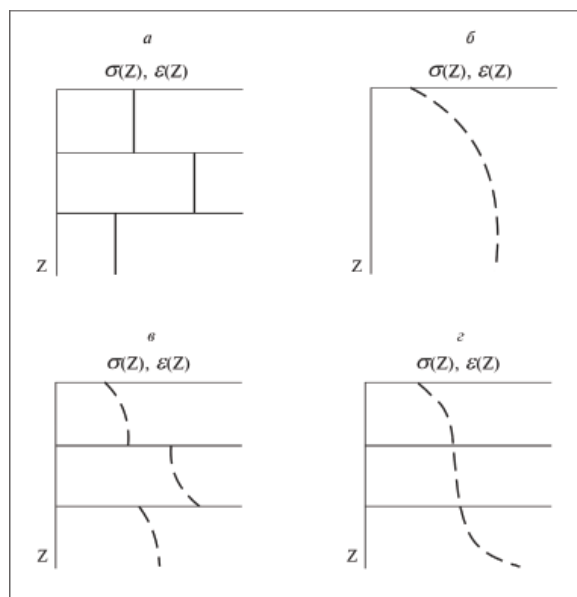

Рис. 1. Типы слоистых сред: а – слоисто-однородная; б – градиентная; в, г – слоисто-градиентная

линейных отрезков $\sigma_j(z)$, $\varepsilon_j(z)$, терпящих разрыв на границах слоев. Разрыв может наблюдаться не только в $\sigma(z)$, $\varepsilon(z)$, но и в градиенте $\sigma(z)$, $\varepsilon(z)$.

В одномерном приближении наиболее широкое распространение получила модель слоисто-однородной среды [4; 10; 14]. Градиентные среды, в которых характеристики среды $\sigma(z)$, $\varepsilon(z)$ изменяются с глубиной по некоторому закону, исследованы недостаточно полно. При этом число случаев, допускающих аналитическое решение электродинамических задач, ограничено [5; 6; 15]. Градиентные среды с произвольным профилем $\sigma(z)$, $\varepsilon(z)$, не имеющие аналитического решения для волнового уравнения, могут быть аппроксимированы большим числом плоскопараллельных однородных слоев с электрическими параметрами, соответствующими профилю неоднородного слоя. Дискретизация профиля с неравномерным шагом, зависящим от градиента σ , ε , значительно сокращает время расчетов на ЭВМ. Для описания электрических свойств подстилающей среды нами принята модель строения

земной коры, исходящая из представления о наличии однородных в геологическом отношении областей (геоблоков), в пределах каждой из которых геоэлектрический разрез (ГЭР) принимается горизонтально слоистым. Каждый слой характеризуется удельным электрическим сопротивлением ρ_j (проводимостью $\sigma_j=1/\rho_j$), относительной диэлектрической проницаемостью ε_j и толщиной h_j . Горизонтально-слоистая модель – основная фундаментальная модель для радиогеофизики и геоэлектрики. Достоинство этой модели заключается, с одной стороны, в ее простоте, а с другой – в возможности адекватного описания реальных радиогеофизических процессов.

2. Методика расчета поверхностного импеданса горизонтально-слоистой среды

Многие задачи радиогеофизики и радиотехники (распространение и возбуждение электромагнитных волн, экранирование и заземление, поглотители электромагнитной энергии и т. д.) свя-

заны с расчетами электродинамических характеристик слоистых сред. К задачам такого типа относятся:

1. расчеты поверхностного (входного) импеданса многослойных сред с учетом поглощения и дисперсионных свойств материалов;

2. создание электромагнитных покрытий с заданными характеристиками коэффициентов прохождения и отражения в широком диапазоне частот и углов падения;

3. определение параметров слоистой среды по частотной зависимости поверхностного импеданса.

Создание аппаратно-программных средств для моделирования электромагнитных характеристик конкретных технических систем потребовало разработки автоматизированных численных методов решения прямых и обратных задач электродинамики и геоэлектромагнетизма для неоднородных полупроводящих и магнитных сред [1–3]. Разработано программное обеспечение, состоящее из пакетов программ: 1. «Импеданс» для расчета поверхностного импеданса слоистых сред и статистических расчетов импеданса в заданном диапазоне частот; 2. «Обратная задача» для интерпретации радиоимпедансных зондирований.

Методика расчетов основана на понятии приведенного поверхностного импеданса плоской волны на поверхности горизонтально-слоистой структуры, с помощью которого можно учесть влияние подстилающей среды на распространение радиоволн [8; 14; 16]:

$$\delta = E_{\tau} / (H_{\tau} \cdot Z_0),$$

где E_{τ} , H_{τ} – горизонтальные взаимно перпендикулярные компоненты электрического и магнитного полей на границе раздела «воздух – земля»; $Z_0 = \sqrt{\mu_0 / \epsilon_0} = 377$ Ом – характеристический импеданс свободного пространства (вакуума). Для расчетов использовано выражение приведенного поверхностного импеданса многослойной плоскопараллельной структуры в виде [4]:

$$\delta = \delta_1 \frac{1 - R_{12}^{(n)} \exp(-i2k_{1z}h_1)}{1 + R_{12}^{(n)} \exp(-i2k_{1z}h_1)}, \quad (1)$$

где $R_{j(j+1)}^{(n)} = \frac{\delta_j \alpha_{j+1}^+ - \delta_{j+1} \alpha_{j+1}^-}{\delta_j \alpha_{j+1}^+ + \delta_{j+1} \alpha_{j+1}^-}$ – коэффициент

отражения на границе раздела между j -м и $(j+1)$ -м слоями;

$$\alpha_j^{\pm} = 1 \pm R_{j(j+1)}^{(n)} \exp(-i2k_{jz}h_j);$$

$$k_{jz} = k_0 \sqrt{\epsilon_{jk} - \sin^2 \Theta}; \quad k_0 = 2\pi / \lambda;$$

$$\delta_j = \sqrt{\epsilon_{jk} - \sin^2 \Theta} / \epsilon_{jk}, \text{ при } j=n \quad R_{n(n+1)}^{(n)} = 0,$$

$\alpha_n^{\pm} = 1$; $\epsilon_{jk} = \epsilon_j + i60\lambda\sigma_j$ – относительная комплексная диэлектрическая проницаемость; h_j – толщина j -го слоя; Θ – угол падения плоской вертикально поляризованной волны на границу раздела «воздух – земля». При расчетах принято, что монохроматическая электромагнитная волна имеет зависимость от времени $\exp(-i\omega t)$.

Приведенные соотношения позволяют проводить расчеты частотных зависимостей поверхностного импеданса многослойных сред. Представим обобщенное выражение поверхностного импеданса n -слойной среды (1) в виде: $\delta = \delta_1 \cdot Q^{(n)}$.

Здесь δ_1 – поверхностный импеданс однородной среды с параметрами первого слоя; $Q^{(n)} = F(f, \rho_j, \epsilon_j, h_j, \Theta)$ – корректирующий множитель, учитывающий нижележащие слои земной коры.

Выражение для корректирующего множителя имеет вид:

$$Q^{(n)} = \frac{1 - R_{12}^{(n)} \cdot \exp(i2kh)}{1 + R_{12}^{(n)} \cdot \exp(i2kh)}.$$

3. Поверхностный импеданс некоторых типов природных слоистых сред

Поверхностный импеданс зависит от структуры подстилающей среды [4; 6; 8;

10–16]. Различают следующие импедансные структуры [5]:

сильноиндуктивные ($\text{Im } \delta < 0, |\text{Im } \delta| > \text{Re } \delta$);

слабоиндуктивные ($\text{Im } \delta < 0, |\text{Im } \delta| < \text{Re } \delta$);

слабоемкостные ($\text{Im } \delta > 0, \text{Im } \delta < \text{Re } \delta$);

сильноемкостные ($\text{Im } \delta > 0, \text{Im } \delta > \text{Re } \delta$).

Известно [11], что двухслойные среды типа «изолятор на проводнике» и «проводник на изоляторе» с сильноконтрастными величинами ρ_j, ϵ_j позволяют изменять импеданс от сильноиндуктивных до сильноемкостных значений ($-90^\circ < \varphi_\delta < +90^\circ$). Согласно теории распространения радиоволн [11; 12; 14; 16], поле над сильноиндуктивной трассой может на некоторых расстояниях превышать поле над бесконечно проводящей плоскостью. Интерференция между пространственной и поверхностной волнами вызывает также осцилляции поля. Выделяются слабо-сильноиндуктивная подобласть ($-45^\circ > \varphi_\delta > -72^\circ 40'$) и сильно-сильноиндуктивная подобласть ($-90^\circ < \varphi_\delta < -72^\circ 40'$), в которой дополнительно имеются «критические» фазы импеданса $\varphi_{2\text{кр}} = -80^\circ$ и $\varphi_{3\text{кр}} = -83^\circ 30'$. Все эти случаи реализуются только при $|\epsilon'_{1\text{к}}| < |\epsilon'_{2\text{к}}|$. Значения экстремальных параметров, при которых имеют место те или иные фазы импеданса, приведены в таблице 1, а более полно в [11].

Таблица 1

Экстремальные параметры слоистых сред

$\frac{ \epsilon'_{2\text{к}} }{ \epsilon'_{1\text{к}} } = \gamma = \frac{ \delta_1 }{ \delta_2 }$	$ K_1 d _{\text{экстр}}$	$\varphi_\delta, ^\circ$	A_1
$\sqrt{10}$	0,852	-60,6	1,27
10	0,581	-76,3	0,752
100	0,27	-87	0,316
1000	0,125	-89,4	0,144

Примечание. $|K_1 d|$ – безразмерная толщина слоя, $|\delta| = |\delta_1| \cdot A_1$, $\varphi_1 = \varphi_2 = 22,5^\circ$, $\varphi_j = -\text{arg } \delta_j$.

В классе природных слоистых сред примером сильноиндуктивной структуры является двухслойная среда «лед – морская вода», занимающая значительные площади Мирового океана (рис. 2).

При анализе распространения земной волны над структурой «лед–соленая вода» необходимо знать электрические свойства соленой воды (σ_δ и ϵ_δ), льда (σ_λ и ϵ_λ) и толщину льда h_λ . Электропроводность соленой воды σ_δ изменяется в пределах 0,3–15 См/м. Диэлектрическая проницаемость воды ϵ_δ при температуре 1–20 °С изменяется в пределах 87–80. Электропроводность льда $\sigma_\lambda = 10^{-4}$ – 10^{-6} См/м. Она зависит от температуры, частоты и наличия примесей. Диэлектрическая проницаемость «соленого» льда ϵ_λ изменяется в пределах 3,2–9. Она зависит от плотности, частоты, температуры и давления. Толщина льда h_λ зависит от его возраста. Проведем оценку поверхностного импеданса слоистой среды «лед–соленая вода» для типичных электрических свойств и толщин льда. В ОНЧ-НЧ-СЧ-диапазонах покрытые льдом акватории удовлетворяют импедансным граничным условиям, так как выполняется условие $|\delta|^2 \ll 1$. Для двухслойной среды с сильноконтрастными свойствами типа «диэлектрик на проводнике» справедливо соотношение:

$$\delta(h_\lambda) = \text{Re } \delta - i \left(|\text{Im } \delta| + \frac{2\pi h_\lambda}{\lambda} \right) \approx \delta_\delta - ikh_\lambda,$$

где $\text{Re } \delta$ и $\text{Im } \delta$ относятся к соленой воде без льда, λ – длина волны в свободном пространстве. Из-за наличия тонкого плохопроводящего слоя на сильнопроводящей среде в импедансе двухслойной среды появляется аддитивная к импедансу проводника (соленой воды) δ_δ добавка ikh_λ , линейно зависящая от толщины слоя диэлектрика (льда) и смещающая фазу импеданса в сильно-сильноиндуктивную область. Следовательно, при прогнозировании распространения радиоволн над ледовыми полями необходимо наиболее точно определять толщину слоя льда. Из

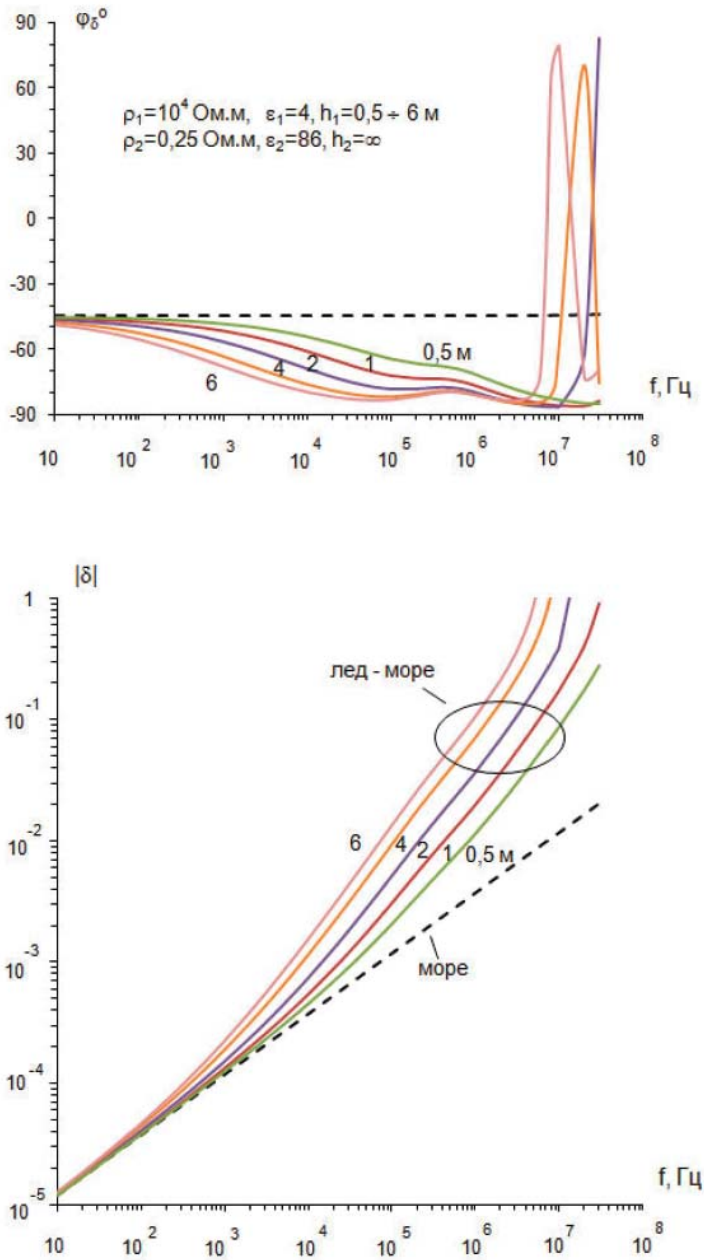

Рис. 2. Частотная зависимость поверхностного импеданса двухслойной среды «лед – морская вода». Цифры на графиках – толщина слоя льда

выражения $\delta = \delta_e - ikh_l$ следует простой способ определения поверхностного импеданса структуры «лед–соленая вода»: достаточно измерить электропровод-

ность σ_e пробы воды кондуктометром и толщину слоя льда h_l по данным бурения. На рисунке 3 приведены расчеты импеданса двухслойной структуры «лед–

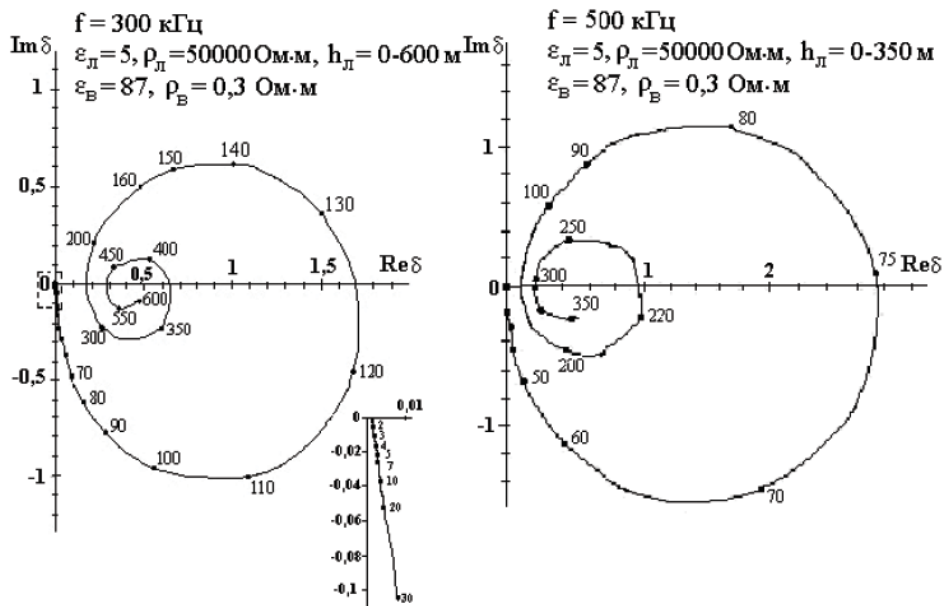

Рис. 3. Расчетный импеданс двухслойной структуры «лед–соленая вода» для частот 300, 4500 кГц и изменение толщины льда от 0 до 600 м

соленая вода» при изменении толщины льда от 0 до 600 м на частотах 300 и 500 кГц. Числами на траекториях отмечены толщины слоя льда в метрах.

Из теории распространения электромагнитных волн над слоистыми средами следует, что над трассами с сильноиндуктивным импедансом электромагнитное поле может превышать поле над бесконечно проводящей плоскостью за счет появления поверхностной волны. Эта волна, экспоненциально затухающая по высоте, представляет практический интерес, т. к. ее энергия убывает обратно пропорционально расстоянию от источника, в то время как энергия объемной электромагнитной волны убывает обратно пропорционально квадрату расстояния от источника. На рисунке 4 приведены расчеты по ряду Фока модуля функции ослабления $|W|$, дополнительной фазы $\varphi_{дон}$ и уровня поля E на частоте 300 кГц для однородной ледовой трассы в зависимости от толщины льда. При этом вертикальная составляющая напря-

женности электрического поля E_θ на расстоянии R на сферической поверхности Земли представляется в виде $E_\theta = W \cdot E_0$, где E_0 – напряженность электрического поля вертикального диполя, расположенного на плоской бесконечно проводящей поверхности, W – функция ослабления. Излучаемая мощность полагалась равной 1 кВт. Сравнение графиков на рисунке 4 свидетельствует о том, что условия распространения электромагнитных волн над ледовыми полями из-за появления поверхностной волны более благоприятны, чем над морской водой.

Шельфовые ледники Антарктиды толщиной 100–350 м и площадью в сотни тысяч квадратных километров дают сильно-сильноиндуктивные импедансы в СНЧ-ОНЧ-диапазонах (рис. 5). Значения φ_δ достигают -89° и являются практически предельными для природных слоистых сред.

Рассмотрим результаты моделирования поверхностного импеданса тонкой трехслойной среды «диэлектрик на

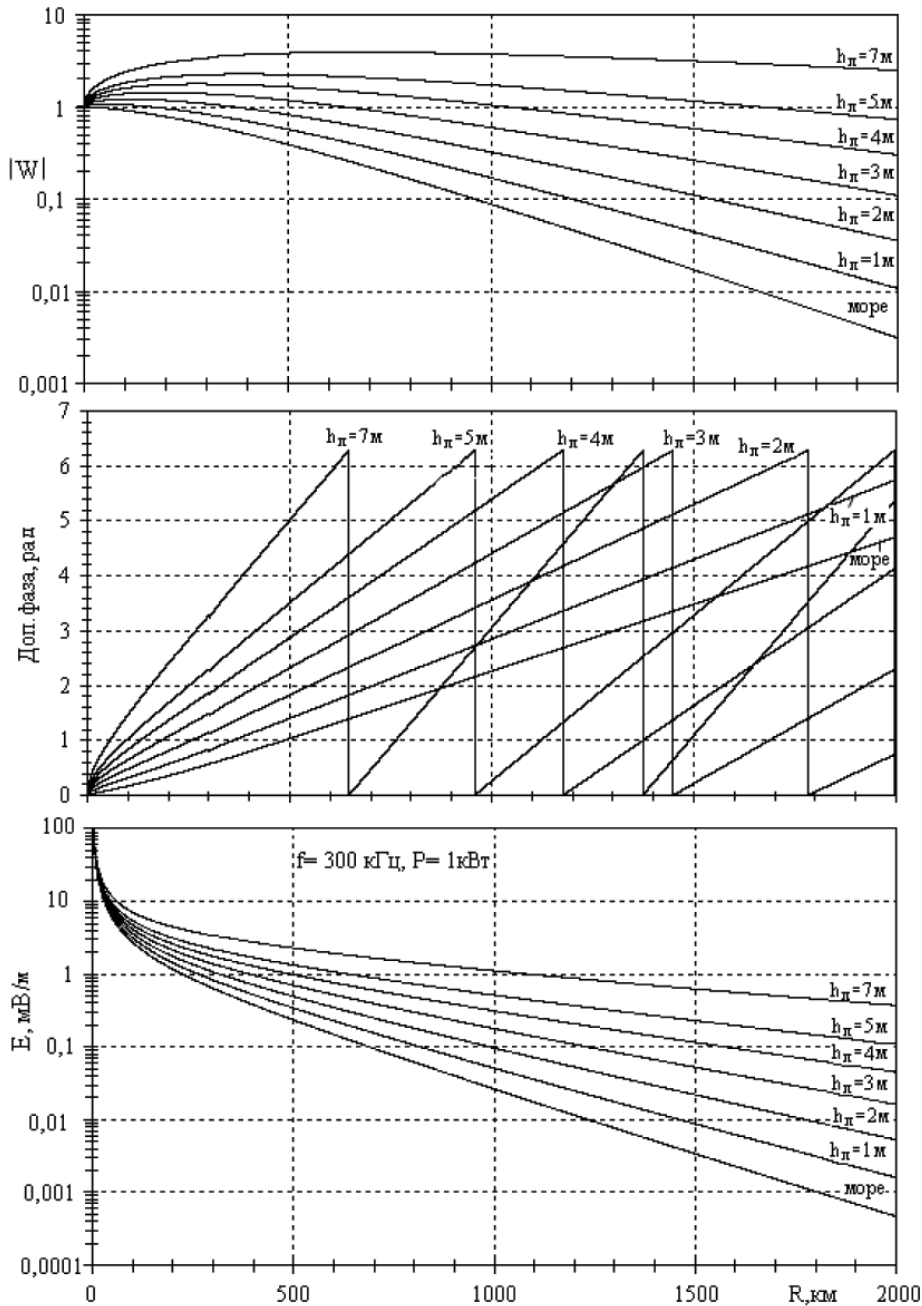

Рис. 4. Результаты расчетов $|W|$, $\varphi_{дон}$ и уровня поля E земной волны над однородной радиотрассой «лед–море» для разных толщин слоя льда

металлическом магнитном основании» в широком диапазоне частот от 1 Гц до 10 ГГц, соответствующей реальной структуре «слой краски на стальном ли-

сте» (рис. 6). Магнитную проницаемость подложки будем изменять от 1 до 100 и до 10000. Расчеты показывают, что двухслойная пленка диэлектрика «грунтовка-

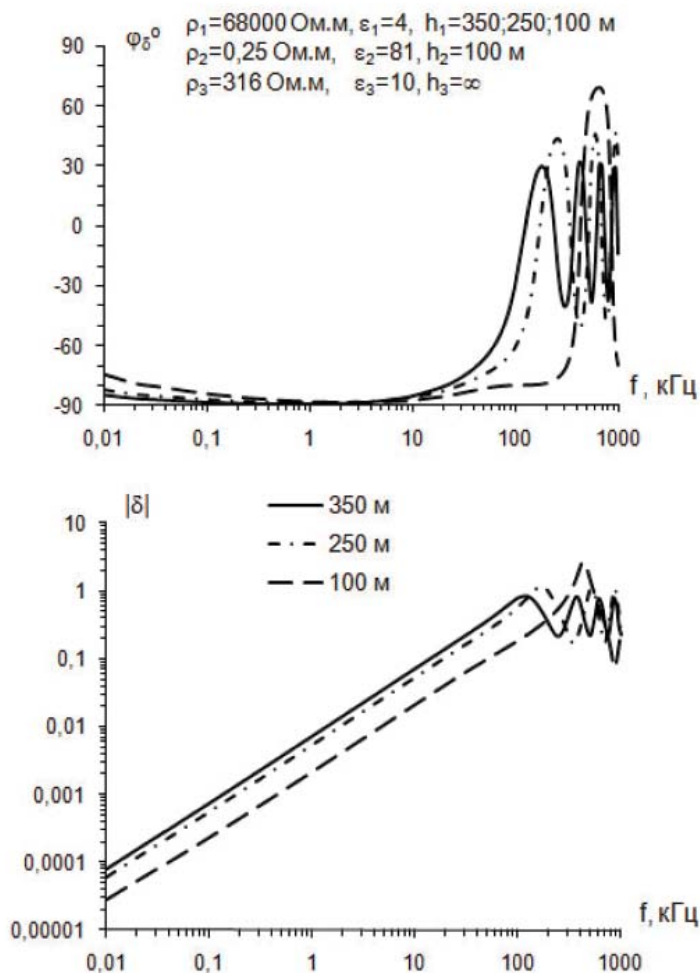

Рис. 5. Частотная зависимость поверхностного импеданса шельфового ледника Росса

краска» толщиной 0,5 мм смещает фазу импеданса в сильно-сильноиндуктивную область уже на частотах от 100 Гц и выше до 10 ГГц. Модуль импеданса во всем частотном диапазоне удовлетворяет импедансным граничным условиям. Фаза импеданса и в этом примере показывает, что в классе слоистых природных и искусственных сред существуют среды с предельно возможными по фазе импеданса значениями сильноиндуктивного импеданса, близкого к -90° .

Полученные значения поверхностного импеданса свидетельствуют о том,

что условия распространения электромагнитных волн над такими структурами в широком диапазоне радиоволн будут иметь особенности, обусловленные появлением ПЭВ. На основании экспериментально доказанного факта существования ПЭВ [7] и принципа электромагнитного подобия полученные расчеты поверхностного импеданса позволяют теоретически обосновать существование ПЭВ над структурой «диэлектрик на проводнике» в дециметровом диапазоне радиоволн. Численное моделирование условий распространения радиоволн над

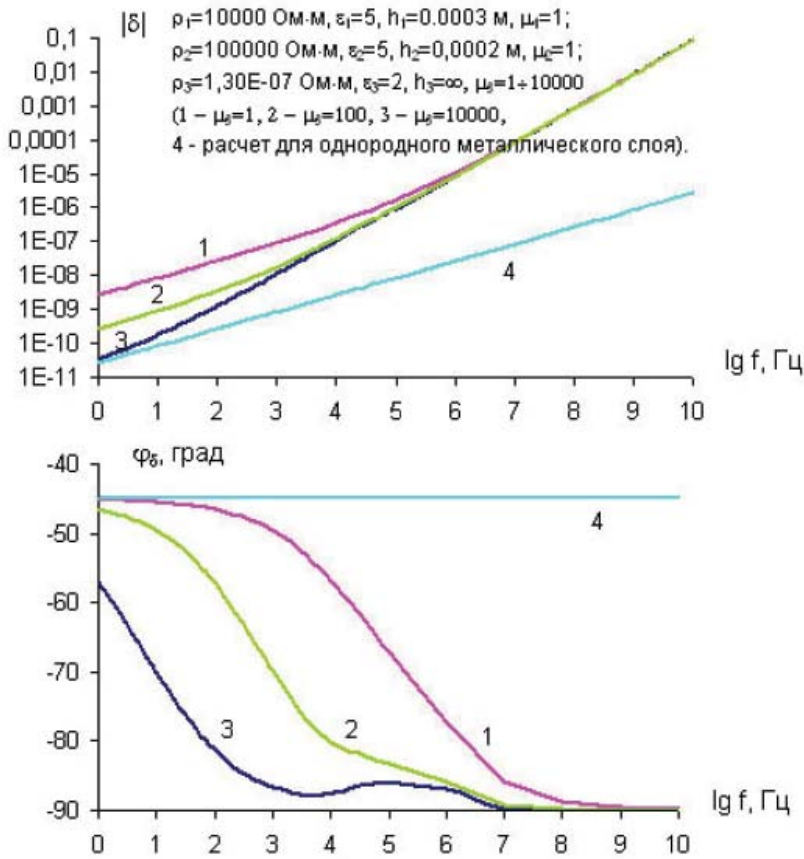

Рис. 6. Частотные зависимости модуля и фазы приведенного поверхностного импеданса трехслойной среды «диэлектрик на металлическом магнитном основании»

модельной гипотетической однородной радиотрассой для частот сотовой связи стандарта GSM 900 МГц и 1800 МГц и локальной сети WiFi 2300 МГц показало появление ПЭВ над структурой «диэлектрик на проводнике». На рисунках 7, 8, 9 представлены расчетные значения модуля функции ослабления поля $|W|$ и уровня поля E_0 над плоской сильноиндуктивной поверхностью «диэлектрик на металлическом магнитном основании» для мощности излучателя 1 Вт. Из графиков видно, что на слоистых средах с сильноиндуктивным поверхностным импедансом можно достигать большого, чисто электродинамического по своей природе, усиления электромагнитного

поля (на рис. 7 усиление до 9 раз относительно бесконечно проводящей плоскости на расстоянии 10 км). Установлена очень сильная зависимость усиления поля и дальности распространения ПЭВ от фазы импеданса. Так, на частоте 900 МГц при фазе импеданса -85° ПЭВ существует до расстояния 27 км, а при фазе -75° она существует уже до расстояния 7,5 км. Моделирование показало что, распространение ПЭВ в дециметровом диапазоне лучше на более близких расстояниях от излучателя. То есть присутствие двухслойной пленки диэлектрика «грунтовка-краска» толщиной 0,5 мм увеличивает поле около поверхности на малых дальностях и уменьшает поле

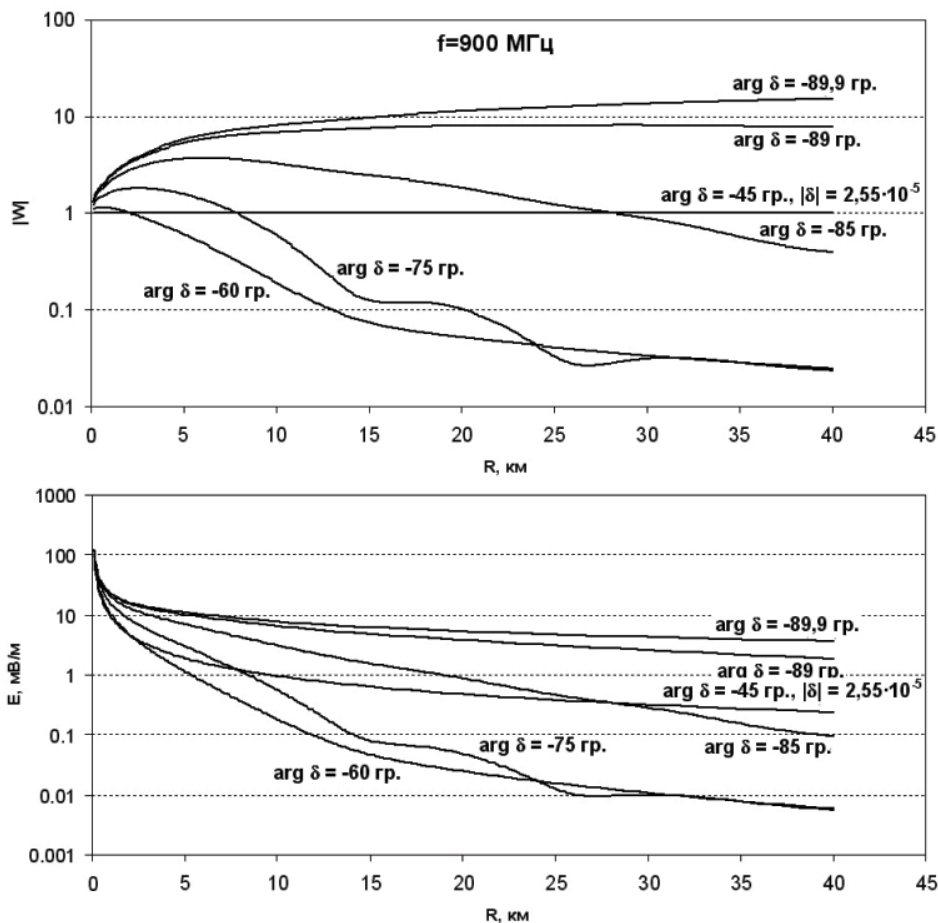

Рис. 7. Расчетные значения модуля функции ослабления поля $|W|$ и уровня поля E над плоской сильноиндуктивной поверхностью «диэлектрик на металлическом магнитном основании» на частоте 900 МГц. Мощность излучателя 1 Вт

около поверхности на больших расстояниях относительно проводника. На всех рассмотренных частотах наблюдается интерференция между пространственной и поверхностной волнами, которая вызывает осцилляции уровня поля. В практическом плане эффект появления ПЭВ и интерференции может иметь место при распространении радиоволн не только в системах сотовой связи (GSM и CDMA) диапазонов 450, 900 и 1800 МГц, WiFi (2300 МГц), но и радионавигационной системы GPS (L1=1575,42 МГц и L2 = 1227,6 МГц) и ГЛОНАСС над реальными структурами, например над авто-

мобильными «пробками» (фрактальная радиотрасса). Необходимо провести дополнительные эксперименты и предложить новые технические решения, основанные на эффекте появления ПЭВ для радиосистем УВЧ-СВЧ-диапазонов. Следует также усовершенствовать методы измерения поверхностного импеданса в микроволновом диапазоне [13].

Заключение

В результате проведенного поиска среди природных и искусственных электромагнитных сред установлено су-

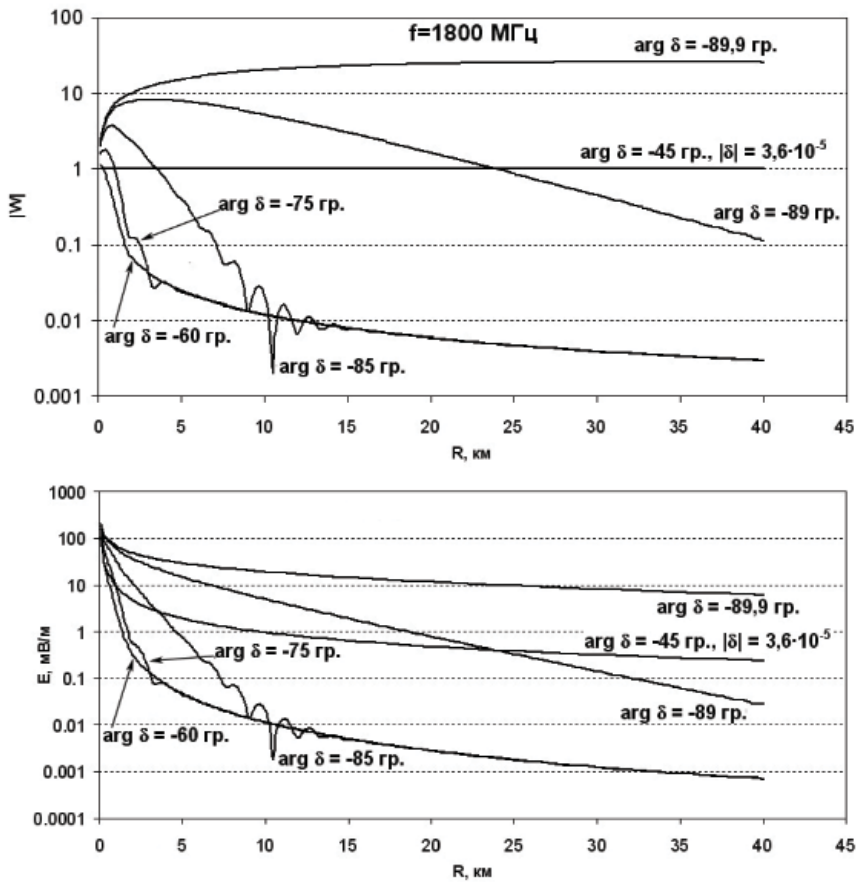

Рис. 8. Расчетные значения модуля функции ослабления поля $|W|$ и уровня поля E над плоской сильноиндуктивной поверхностью «диэлектрик на металлическом магнитном основании» на частоте 1800 МГц. Мощность излучателя 1 Вт

существование слоистых сред с предельно возможными по фазе значениями сильноиндуктивного импеданса в диапазоне от единиц герц до десятков гигагерц. В частности, по результатам моделирования поверхностного импеданса тонкой трехслойной среды «диэлектрик на металлическом магнитном основании» в диапазоне частот от 1 Гц до 10 ГГц установлено, что двухслойная пленка диэлектрика «грунтовка–краска» толщиной 0,5 мм смещает фазу импеданса в сильно-сильноиндуктивную область уже на частотах от 100 Гц и выше. Модуль импеданса во всем частотном диапазоне

удовлетворяет импедансным граничным условиям. Фаза импеданса близка к -90° .

В результате выполнения первого этапа проекта показано, что над сильно-сильноиндуктивными структурами существует ПЭВ. Этот уникальный электродинамический процесс играл и играет важную, а иногда и определяющую роль в природных физических и физико-химических процессах на поверхности слоистых сред в широком диапазоне электромагнитных волн от миллигерц до терагерц. Накопленные при выполнении проекта данные о ПЭВ позволяют получить новые фундаментальные знания,

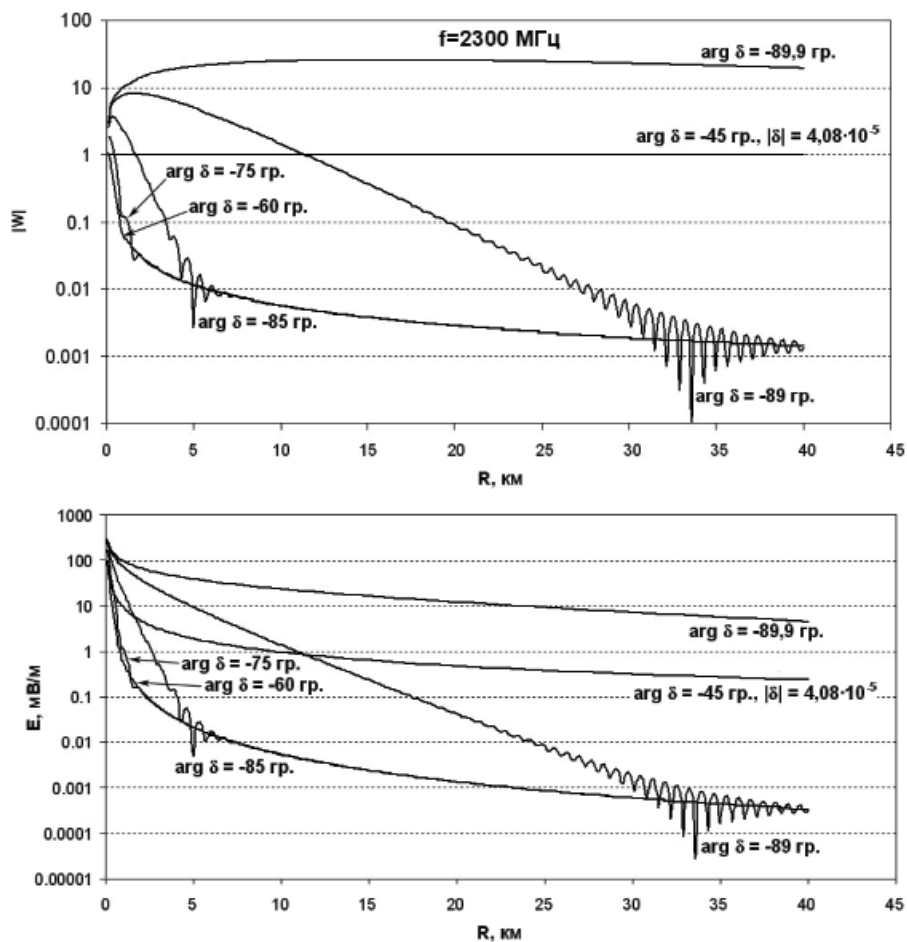

Рис. 9. Расчетные значения модуля функции ослабления поля $|W|$ и уровня поля E над плоской сильноиндуктивной поверхностью «диэлектрик на металлическом магнитном основании» на частоте 2300 МГц. Мощность излучателя 1 Вт

результаты, которые могут быть использованы в реальной экономике. Внедрение может осуществляться как в виде отдельных новейших КНЧ-СВЧ-радиосистем,

так и составных частей сложных технологий, например, в области метаматериалов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-19-01079 «Поисковые экспериментальные и теоретические исследования поверхностных электромагнитных волн в радиодиапазоне с целью их применения для радиолокации, навигации, связи и управления техническими объектами в Российской Арктике» в Институте физического материаловедения СО РАН.

Литература

1. *Ангархаева Л. Х., Балханов В. К.* Свидетельство об официальной регистрации программы для ЭВМ № 2012612509. Расчет поверхностного импеданса градиентной среды с учетом магнитной проницаемости. – М.: РОСПАТЕНТ, 07.03.2012.
2. *Ангархаева Л. Х.* Свидетельство об официальной регистрации программы для ЭВМ № 2002610893. Пакет программ «Импеданс» для решения задач радиоимпедансного зондирования. – М.: РОСПАТЕНТ, 06.06.2002.
3. *Ангархаева Л. Х., Башкуев Ю. Б.* Диалоговая система расчета поверхностного импеданса слоистых сред // Техника средств связи. Сер. Системы связи. – 1991. – Вып. 3. – С. 53–62.
4. *Башкуев Ю. Б.* Электрические свойства природных слоистых сред. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. – 207 с.
5. *Башкуев Ю. Б., Гантимуров А. Г., Ангархаева Л. Х.* Обобщение решения Рэлея для трехслойной проводящей и полупроводящей среды // Радиотехника и электроника. – 1994. – Т. 39. Вып. 7. – С. 1060–1065.
6. *Башкуев Ю. Б., Гантимуров А. Г., Дембелов М. Г., Ангархаева Л. Х.* Поверхностный импеданс градиентной полупроводящей среды и спектральные характеристики канала распространения в СДВ-СВ-диапазонах // Распространение электромагнитных волн. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1993. – С. 86–95.
7. *Башкуев Ю. Б., Хатанов В. Б., Дембелов М. Г.* Экспериментальное доказательство существования поверхностной электромагнитной волны // Письма в Журнал технической физики. – 2010. – Т. 36. – № 3. – С. 88–95.
8. *Бреховских Л. М.* Волны в слоистых средах. – М.: Наука, 1973. – 343 с.
9. *Дзвонковская А. Л., Дзвонковский Л. И.* Моделирование особенностей работы КВ РЛС поверхностной волны в арктических условиях // XV Международная научно-техническая конференция «Радиолокация, навигация, связь», 14–16 апреля 2009 года. Т. 3. – Воронеж, 2009. – С. 1289–1300.
10. *Доржиев В. С., Адвокатов В. Р., Бодиев Б. Б.* Геоэлектрические разрезы юга Сибири и Монголии. – М.: Наука, 1987. – 94 с.
11. *Макаров Г. И., Новиков В. В.* Распространение электромагнитных волн в плоско-слоистой среде // Теория распространения волн в неоднородных и нелинейных средах. – М.: ИРЭ АН СССР, 1979. – С. 188–259.
12. *Макаров Г. И., Новиков В. В.* Четыре лекции по теории распространения радиоволн. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. – 138 с.
13. *Трунин М. Р.* Поверхностный импеданс монокристаллов ВТСП в микроволновом диапазоне // УФН. – 1998. – Т. 168. – С. 931–952.
14. *Цыдыпов Ч. Ц., Цыденов В. Д., Башкуев Ю. В.* Исследование электрических свойств подстилающей среды. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. – 176 с.
15. *Bashkuev Yu. B., Naptanov V. B., Dembelov M. G., Angarkhaeva L. H.* The Interaction of Low Frequency Electromagnetic Emissions with Natural Impedance Media // IX Intern. Zurich Symp. on EMC. – Zurich, 1991. – P. 267–272.
16. *Wait J. R.* Electromagnetic waves in stratified media. – Oxford etc: Pergamon-Press, 1962. – 372 p.

УДК 615.3 : 616.36

А. Н. Плеханов, А. И. Товаршинов

ГЕПАТОПРОТЕКТОРНОЕ ДЕЙСТВИЕ АДЕМЕТИОНИНА В КОРРЕКЦИИ ПОСТРЕЗЕКЦИОННОЙ ПЕЧЕНОЧНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ (экспериментальное исследование)

Одним из грозных осложнений хирургического лечения заболеваний печени является печеночная недостаточность. Смертность при пострезекционной печеночной недостаточности остается очень высокой (80–90 %). Проблема адекватной фармакологической коррекции заболеваний печени является актуальной задачей современной гепатологии. На большом экспериментальном материале представлена модель печеночной недостаточности после обширной резекции печени, которая проявлялась выраженным цитолитическим, гепатодепрессивным синдромами, глубокими нарушениями всех звеньев системы гемостаза. Адеметионин оказывал эффективное влияние не только на выбранные показатели гомеостаза, но и на сложные регенеративные процессы, происходящие в таком многофункциональном органе, как печень. Гептрал позволял ускорять общебиологические процессы регенерации печени после ее обширной резекции.

Ключевые слова: печень, резекция, печеночная недостаточность, фармакотерапия.

A. N. Plekhanov, A. I. Tovarshinov

HEPATOPROTECTIVE EFFECT OF ADEMETIONINE IN THE MANAGEMENT OF POST-RESECTION LIVER DECOMPENSATION (An Experimental Study)

Liver decompensation is one of the severe complications of surgical treatment of hepatic disorders. Mortality as a result of post-resection liver decompensation remains very high (up to 80–90 %). The problem of appropriate pharmacological management of hepatic disorders is a topical objective of modern hepatology. A model of liver decompensation after an extensive liver resection manifested in a pronounced cytolytic hepatodepressive syndromes and deep derangement of all stages of the hemostasis system is presented on the basis of extensive experimental materials. Ademetionine effectively influenced not only the chosen homeostasis indicators, but also complex regenerative processes in such a multi-functional organ as liver. Heptral allowed accelerating general biological processes of liver regeneration after its extensive resection.

Key words: liver, resection, liver decompensation, pharmacotherapy.

За последние годы наметилась тенденция к росту числа заболеваний печени, актуальность изучения которых связана с повседневным ростом заболеваемости при этой патологии и

тяжелыми последствиями в виде циррозов, хронических гепатитов, печеночной недостаточности [2; 11; 12]. Нарушение функции печени возникает при различных патологических состояниях и сопро-

ПЛЕХАНОВ Александр Николаевич – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой факультетской хирургии медицинского факультета Бурятского государственного университета, главный врач негосударственного учреждения здравоохранения «Отделенческая клиническая больница на ст. Улан-Удэ» ОАО «РЖД». E-mail: plehanav.a@mail.ru.

ТОВАРШИНОВ Александр Искрович – кандидат медицинских наук, доцент кафедры факультетской хирургии медицинского факультета Бурятского государственного университета, врач-ординатор негосударственного учреждения здравоохранения «Отделенческая клиническая больница на ст. Улан-Удэ» ОАО «РЖД». E-mail: plehanav.a@mail.ru.

воздается выраженными метаболическими расстройствами с развитием токсического синдрома. Только в нашей стране количество больных с печеночной недостаточностью достигает 200000 человек в год [6].

Одним из грозных осложнений заболеваний печени является печеночная недостаточность [7; 9]. Несмотря на совершенствование хирургических и терапевтических методов лечения, летальность больных с тяжелыми формами этого осложнения остается на высоком уровне (80–90 %) [2; 12].

Проблема адекватной фармакологической коррекции заболеваний печени является одной из актуальных задач современной гепатологии [5]. Рост загрязненности окружающей среды, увеличение употребления разных консервантов, алкоголя, бесконтрольное применение лекарств – все это увеличивает метаболическую нагрузку на печень. Механизмы повреждения печени могут быть разными, но среди многих средств, используемых для лечения заболеваний печени, необходимо выбрать оптимальное. Минувшее столетие ознаменовано созданием лекарственных средств, воздействующих непосредственно на причинные факторы заболеваний. Вместе с тем этиология многих болезней на сегодняшний день еще не установлена, что не позволяет списывать со счетов препараты патогенетической направленности, оказывающие подавляющий эффект на первичные или вторичные механизмы развития патологического процесса [7; 8; 11]. Применительно к гепатологии до настоящего времени значительной остается роль так называемых гепатопротекторов–препаратов, защищающих печень от повреждающего воздействия экзогенных или эндогенных факторов и/или ускоряющих ее нормальную регенерацию [4; 10; 13].

Группа гепатопротекторов весьма гетерогенна и включает вещества различных химических групп с разнона-

правленным воздействием на метаболические процессы. Кроме того, несмотря на многолетний клинический опыт и большое количество проведенных научных исследований, границы их применения до сих пор не очерчены. В частности отсутствуют сведения об эффективности применения этих лекарственных средств для профилактики и коррекции печеночной недостаточности, вызванной обширной резекцией печени, так как в настоящее время практически нет медикаментозных препаратов, которые оказывают свое протекторное влияние при данной патологии [1; 3].

Отношение к гепатопротекторам в медицинской среде варьирует от полного неприятия при отсутствии клинически обоснованных доказательств их эффективности до рассмотрения в качестве базисных препаратов при любом заболевании печени [2; 4].

Значительная часть известных методов лечения эндо- и экзогенных интоксикаций у человека основана на методах экстракорпоральной детоксикации (гемодиализ, гемосорбция и пр.) [7]. Однако известная ограниченность и недостаточная эффективность этих методов лечения требует их усовершенствования и разработки новых, патогенетически обоснованных способов детоксикации и нормализации обменных процессов. Особое значение приобретают исследования по разработке быстрых, доступных и эффективных способов лечения при оказании помощи при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера.

Цель работы

Определение гепатопротекторного действия адеметионина – «гептрала» и оценка его фармакотерапевтической эффективности в коррекции пострезекционной печеночной недостаточности, вызванной обширной резекцией печени у экспериментальных животных.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено на 180 белых крысах-самцах породы «Вистар» в возрасте не менее 6 месяцев с массой тела 200–250 г. У всех экспериментальных животных, за исключением крыс контрольной группы № 1 (КГ № 1 – здоровые животные) в стерильных условиях, под внутримышечным калипсоловым наркозом проводили индукцию острой печеночной недостаточности резекцией 70 % объема печени. У выживших животных в первые 2 суток отмечались угнетенность, ограничение двигательной активности, взъерошенность волосяного покрова, отказ от пищи и воды, тахипноэ, бледность глазных яблок. Летальность в КГ № 2 составила 43,3 %, что сопоставимо с приведенными литературными данными.

Через 1 час после оперативного вмешательства животных относили к экспериментальным группам методом случайного распределения. Отправной точкой эксперимента было введение крысам препарата, определяющего в дальнейшем их групповую принадлежность. Все животные (180 крыс) были разделены на 3 контрольные (КГ № 1, № 2, № 3) и 3 опытные (ОГ № 1, № 2, № 3) группы. Животные КГ № 1 – здоровые животные. В контрольной группе № 2 воспроизводилась печеночная недостаточность путем резекции печени.

В контрольной группе № 3 на фоне печеночной недостаточности сразу после операции вводили питательную среду, используемую для сохранения и поддержания жизнедеятельности гепатоцитов (ГЦ). Всем животным остальных опытных групп с целью коррекции печеночной недостаточности вводился гептрал (адеметионин) во время операции. Летальность контролировали на протяжении 11 суток эксперимента. У умерших животных проводили аутопсию с ревизией органов брюшной полости. У

111 выживших животных выполняли исследование выбранных показателей гомеостаза и морфологии печени под влиянием гепатопротектора гептрала. Животных выводили из эксперимента на 2, 5, 11 сутки. Гептрал вводили животным внутривенно, подкожно и внутривенно, в бедренную вену в дозировке 0,3 мл однократно.

Адеметионин – биологическое вещество, входящее в состав всех тканей и жидких сред организма. Данный препарат под названием гептрал (geptral) производится фирмой «АГ Кноль» (Германия) с 1997 года. Выпускается в виде лиофилизированного сухого вещества для инъекций, во флаконах в комплекте с растворителем (L-лизин буферный раствор каустической соды). В 1 флаконе содержится 760 мг адеметионина–1,4–бутандисульфоната, что соответствует 400 мг адеметионина. Гептрал способен снижать биохимические показатели маркеров внутривенного цитолиза и холестаза вне зависимости от их выраженности.

Он предотвращает разрушение гепатоцитов за счет повышения текучести и проницаемости мембран клеток, восстановления цитоскелета гепатоцитов, восстановления канальцев клеток, реингибирования Na^+ , K^+ -АТФазы. Гептрал, являясь донором метильных групп, может выступать в реакции метилирования биологически активных веществ. Благодаря этому они инактивируются и уменьшается их токсическое действие на центральную нервную систему. Кроме этого, адеметионин является предшественником тиоловых соединений (цистеин, иацрин, глютатион, СоА и др.). Реакция образования адеметионина из эндогенного метионина протекает с затратой энергии. Поскольку содержание АТФ снижается в гепатоцитах при их повреждении, это приводит к уменьшению биосинтеза эндогенного метионина. В этих условиях гептрал исполняет роль заместительной терапии. Учитывая вы-

шеизложенное, препарат решено было использовать после обширных резекций печени с целью коррекции печеночной недостаточности.

Определение биохимических показателей сыворотки крови подопытных животных проводили в лаборатории биохимии на анализаторе «Синхрон-5» (Beckman, США). Забор крови для исследования проводился пункцией бедренной вены подопытных крыс под внутримышечным калипсоловым наркозом. Животных фиксировали к операционному столу в положении на спине. После антисептической обработки операционного поля рассекали кожу на внутренней стороне бедра, обнажали сосуд и проводили венепункцию с забором 3–4 мл крови. Кровь центрифугировали в течение 20 минут в лабораторной центрифуге «ОПН-3» с угловой скоростью 3000 об/мин. Полученную сыворотку собирали микропипеткой и замораживали при температуре -70°C .

Исследование всех заготовленных образцов проводили в одной серии с использованием стандартного набора реактивов.

Для определения нормальных показателей использовалась сыворотка крови 6 здоровых крыс. Исследовали концентрацию общего белка (г/л), альбумина (г/л), показатели активности аланинаминотрансферазы (МЕ/л), аспартатаминотрансферазы (МЕ/л), холинэстеразы (МЕ/л), лейцинаминопептидазы (МЕ/л), гаммаглутаминтранспептидазы (МЕ/л), лактатдегидрогеназы (МЕ/л), коэффициент соотношения А/Г. Уровень общего билирубина с фракциями (мкмоль/л) определяли методом Ендрассика-Грефа на фотометре КФК-3. Для исследования белковых фракций (%) использовали прибор для горизонтального электрофореза Multiphor 2127 (LKB, Швеция), лазерный денситометр «Ultrosan-2202» LKB. Электрофорез проводили в однопроцентной агарозе, буфер трис–барбитуратный, рН 8,6. Данные показатели

определяли в сыворотке 6 крыс контрольных и опытных групп на 2, 5, 11 сутки эксперимента.

Статистическую обработку результатов производили с помощью пакета программ Statistica 7.1 for Windows. Величины, выраженные в процентах, приведены в тексте с ошибкой процента. Определение значимости различий полученных данных (p) в сравниваемых выборках проводили по критериям Манна-Уитни (U), Вилкоксона (W) и с помощью точного метода Фишера (F).

Данные представляли в виде медианы с нижним и верхним квартилями (25-й и 75-й процентиля).

Результаты и их обсуждение

Активность ферментов, динамика показателей белково-синтетической функции печени при печеночной недостаточности, скорректированной гептрамом, представлена в таблице 1.

В послеоперационном периоде преобладало повышение АсАТ (коэффициент де Ритиса в приведенных наблюдениях составлял 1,21). Уровень АсАТ на 2 сутки после операции достоверно различался с нормальным показателем ($p_U < 0,02$) и с показателями последующих сроков эксперимента ($p_U < 0,014$). Активность АлАТ в начале эксперимента была высокой по сравнению с нормой ($p_U < 0,009$), которая к 5 суткам приближалась к нормальному показателю. Интересно повышение уровня фермента к 11 суткам в КГ № 3 с тенденцией к различиям с нормой. При оценке активности ЛАП отмечалось незначительное повышение уровня фермента на 2 сутки. К 5 суткам показатели практически нормализовались. На 11 сутки динамики не отмечалось. Функционально пострезекционная печеночная недостаточность проявилась гиперферментемией (АлАТ, АсАТ, ЛДГ), что свидетельствовало о выраженности цитолиза в оставшейся печеночной паренхиме, обусловленным

Таблица 1

Активность ферментов (МЕ/л), динамика показателей белково-синтетической функции печени при ПН, корригированной гептралом

Показатели	2 сутки	5 сутки	11 сутки	норма
АсАТ	423,5*♦♦ (408,5–488,5)	154***(119–165)	130*(117–158)	156(100–197)
АлАТ	348*♦♦(340–354)	71*(65–80)	101*○(89–117)	67(66–69)
ЛАП	61(45–69)	56(50–56)	62(52–67)	54(36–54)
ГГТ	6♦♦(5–9)	5*(3–5)	2,5(1,5–3,5)	1,5(1–2)
ЛДГ	742*♦(693–787)	415*(352–469)	633*(561–734)	140(107–160)
ХЭ	149♦♦♦ (137,7–178,4)	295(81–320)	228*○(201–258)	426,8(320,4–566,1)
Общ. белок, г/л	42♦♦(40–42)	49*(42–52)	51*○(48–56)	64(59–70)
Альбумин, г/л	11 (11–11)	11(11–11,5)	12 (11–12)	12(8,5–15)

Примечания: значимые различия по критерию Манна-Уитни ($p_U < 0,05$) в группе между: ♦ – 2 и 5 сутками; ♦♦ – 2 и 11 сутками; * – 5 и 11 сутками; * – с нормой; • – КГ № 2 и КГ № 3, ОГ № 1, ОГ № 2 по 2 суткам; ○ – КГ № 2 и КГ № 3, ОГ № 1, ОГ № 2 по 5 суткам.

как хирургическим вмешательством, так и состоянием оставшихся гепатоцитов. Последний факт подтверждался наличием некрозов, дистрофией цитоплазмы этих клеток. Снижение секреции ЛАП, ХЭ, низкий уровень общего белка, альбумина, снижения коэффициента А/Г отражало выраженные нарушения белково-синтетической функции печени, обусловленного снижением массы функционирующих гепатоцитов.

Уникальным свойством печени является ее способность регулировать собственный размер и рост, обусловленная основной ролью печени в метаболической поддержке организма. Регенерация печени после операции оценивалась по динамике изменения массы печени и селезенки, данным морфометрии (табл. 2).

В ОГ № 1 отмечался значительный прирост массы печени к 5 суткам ($p_U < 0,03$) с уменьшением ее на 11 сутки, но этот показатель был больше дооперационной массой печени ($p_U < 0,02$).

В ОГ № 2 отмечалась выраженная динамика увеличения массы печеночной паренхимы к 5 суткам по сравнению с

показателем 2 суток ($p_U < 0,01$) и нормой ($p_U < 0,05$).

К 11 суткам происходило снижение массы печени по сравнению с предыдущим показателем, хотя она была выше нормального показателя.

При внутригрупповом сравнении в КГ № 3, ОГ № 1, № 2 имелись четкие различия между 2 и 5 сутками. Кроме этого, отмечалось различие массы печени на 2 сутки между КГ № 2 и № 3 ($p_U < 0,03$), на 5 сутки – между КГ № 2 и ОГ № 2 ($p_U < 0,01$), КГ № 3 и ОГ № 2 ($p_U < 0,01$), а между КГ № 3 и ОГ № 1, КГ № 2 и ОГ № 1 отмечалась тенденция к различиям. На 11 сутки отмечались различия между КГ № 2 и ОГ № 1 ($p_U < 0,05$) и тенденция к различиям между КГ № 3 и ОГ № 2. Интересны были изменения массы селезенки. В ОГ № 1 в исследуемые сутки эксперимента масса селезенки была выше нормы ($p_U < 0,047$, $p_U < 0,014$, $p_U < 0,004$ соответственно) с максимумом на 5 сутки. Отмечалась тенденция к различиям между показателем 2 суток и показателями 5 и 11 суток (рис. 1).

В ОГ № 2 на 2 сутки масса селезенки была ниже нормы ($p_U < 0,05$). Существен-

Таблица 2

Динамика массы печени и селезенки при ПН под влиянием гептрала
(медиана, верхний и нижний квартили)

Группы	Сутки	Показатели	
		Масса печени	Масса селезенки
ОГ №1	2	5,98♦(5,675–6,082)	0,954**●●(0,825–0,993)
	5	9,364(6,214–10,367)	1,458○(1,186–1,607)
	11	8,337●●(7,188–9,639)	1,166●●♦♦(1,026–1,267)
ОГ №2	2	5,561■♦♦○(5,159–5,912)	0,544■♦♦(0,488–0,61)
	5	10,244■♦♦(7,905–11,814)	0,999■(0,873–1,474)
	11	8,017(7,027–9,767)	1,016■(0,947–1,1)
Норма		6,692(6,335–7,085)	0,804(0,629–0,81)

Примечания: значимые различия по критерию Манна-Уитни ($p_U < 0,05$) в группе между: ♦ – 2 и 5 сутками; ◆ – 2 и 11 сутками; * – 5 и 11 сутками; ■ – с нормой; ● – КГ № 2 и КГ № 3, ОГ № 1, ОГ № 2 по 2 суткам; ○ – КГ № 2 и КГ № 3, ОГ № 1, ОГ № 2 по 5 суткам; ● – КГ № 2 и КГ № 3, ОГ № 1, ОГ № 2 по 11 суткам; ** – КГ № 3 и ОГ № 1, ОГ № 2 по 2 суткам; ♦♦ – КГ № 3 и ОГ № 1, ОГ № 2 по 5 суткам; ◆◆ – КГ № 3 и ОГ № 1, ОГ № 2 по 11 суткам; ●● – ОГ № 1 и ОГ № 2 по 2 суткам.

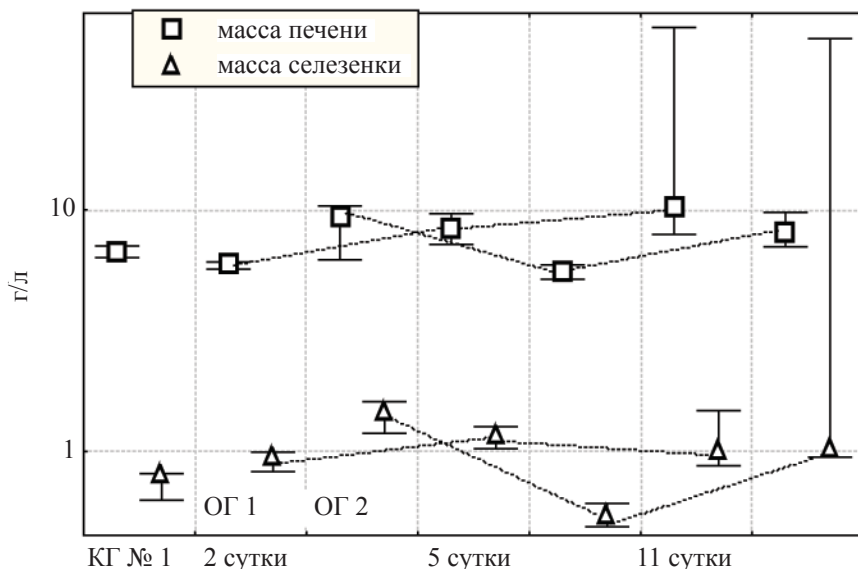

Рис. 1. Динамика массы печени и селезенки после резекции печени в опытных группах

но увеличилась масса органа по сравнению с показателем 2 суток на 5 и 11 сутки наблюдения ($p_U < 0,02$), хотя динамика

прироста была менее выражена по сравнению с ОГ № 1.

При сравнении между группами на 2 сутки эксперимента отмечалась тенденция к различиям между КГ № 2 и № 3, КГ № 2 и ОГ № 1, выявлены достоверные различия между КГ № 2 и ОГ № 2 ($p_U < 0,01$), КГ № 3 и ОГ № 1 ($p_U < 0,03$), ОГ № 1 и ОГ № 2 ($p_U < 0,01$). К 5 суткам выявлялись различия между КГ № 2 и ОГ № 1 ($p_U < 0,02$), КГ № 3 и ОГ № 1 ($p_U < 0,03$). По 11 суткам отмечались различия между КГ № 2 и ОГ № 2 ($p_U < 0,01$), КГ № 2 и ОГ № 1, КГ № 3 и ОГ № 1 ($p_U < 0,024$).

При морфометрическом исследовании были получены следующие данные. Соотношение паренхиматозных и непаренхиматозных клеток на 2 сутки эксперимента показывало, что в ранние сроки после операции его смещение приходилось на гепатоциты, т. е. клетки ретикулоэндотелиальной системы печени значительно медленнее вступали в процессы регенерации. В исследуемые сутки эксперимента отмечалось достоверное снижение количества двуядерных гепатоцитов. То есть восстановление печеночной ткани после ее резекции происходило за счет полиплоидии и amitotического деления двуядерных гепатоцитов. Количество и сервисная функция купферовских клеток и эндотелиоцитов полностью не восстанавливалась к 11 суткам послеоперационного периода. Лимфоцитарная инфильтрация синусоидов и повышение количества сегментоядерных лейкоцитов, видимо, было обусловлено воспалением, участками некроза после обширной резекции. При морфологическом исследовании погибших животных отмечалась дистрофия гепатоцитов, очаги некрозов, участки дискомплексации печеночных балок, расстройства кровообращения в виде кровенаполнения, как портальных сосудов, так и собирательных вен. Фигуры митозов не отмечались.

При световой микроскопии на 2 сутки отмечалась дистрофия гепатоцитов. Во все сутки эксперимента сохранялась балочная структура расположения гепатоцитов, наблюдались клетки с разными размерами ядер (рис. 2, 3, 4).

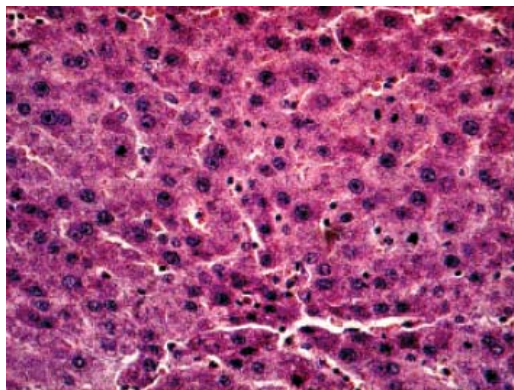

Рис. 2. Крыса. 70 % резекция. Введение препарата гептрал (адеметионин). Печень. 2 сутки, выведение из эксперимента. Печеночные балки с ГЦ разной величины ядер. Окр. гематоксилином и эозином. Ув. 240

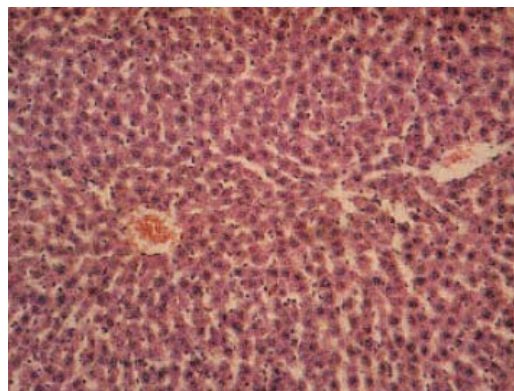

Рис. 3. Крыса. 5 сутки. 70 % резекция печени. Введение препарата гептрал (адеметионин). Печень. Печеночные балки с ГЦ разной величины ядер. Окр. гематоксилином и эозином. Ув. 240

Исследования показали, что гептрал преимущественно способствовал увеличению эндотелиоцитов и снижению явлений воспаления в паренхиме печени после операции. Снижение выраженности цитолитического синдрома на 5 сутки к 11 сменялось повышением активности АлАТ, ЛДГ. Угнетение белково-синтетической функции сохранялось до 11 суток после операции, что подтверждалось

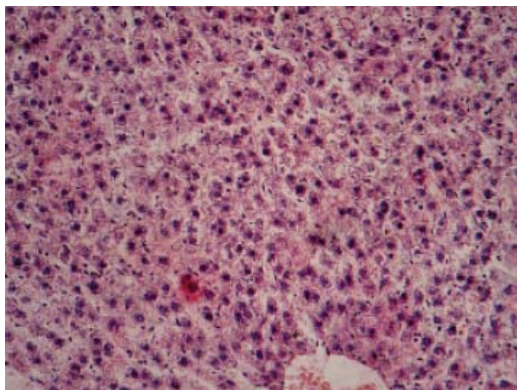

Рис. 4. Крыса. 70 % резекция печени. 11 сутки, выведение из эксперимента. Введение препарата гептрал (адеметионин). Печень. Печеночные балки с ГЦ разной величины ядер. Окр. гематоксилином и эозином. Ув. 240

низким уровнем холинэстеразы, общего белка, коэффициентом соотношения альбуминовых и глобулиновых фракций. Гептрал нормализовал содержание β -глобулинов по сравнению с моделью печеночной недостаточности. Билирубинемия с преобладанием прямой фракции, повышение уровня ГГТ имели место в исследуемые сроки после операции. В системе гемостаза отмечались повышение уровня фибриногена, гематокрита, повышение значения РФМК, вязкости крови, ПТИ, т. е. наблюдались явления гиперкоагуляции. В то же время угнеталось сосудисто-тромбоцитарное звено гемостаза, что проявилось удлинением времени свертывания крови, снижением агрегации тромбоцитов, АПТВ. В общем анализе крови отмечалась анемия на 5 сутки, лейкоцитоз на 2 и 5 сутки после операции со сдвигом вправо и лимфоцитоз на 11 сутки. Если количественно число фагоцитов и фагоцитарная способность были приближены к норме, то качественно отмечалось снижение резерва этих клеток – повышение индуцированного теста с НСТ на 5 сутки, что свидетельствовало о снижении неспецифической резистентности организма. Реакция

розеткообразования с эритроцитами морской свинки указывала на сохранение функциональных свойств лимфоцитов. Масса печени была ниже нормы на 2 и 5 сутки, восстанавливаясь к 11 суткам, что свидетельствовало о гиперфункции оставшихся гепатоцитов. Восстановление функционального статуса печени отставало от прироста ее массы.

Гептрал стимулировал митотическое деление гепатоцитов после обширной резекции печени, снижал явления цитолиза. Улучшалась белково-синтетическая функция не к 11 суткам эксперимента и нормализовались явления холестаза. В системе гемостаза отмечалась гиперкоагуляция с одновременным подавлением сосудисто-тромбоцитарного звена.

Восстановление общего белка, альбумина до нормального значения к 11 суткам после операции указывало на интенсификацию восстановительных процессов в печени. Угнетение синтеза глобулиновой фракции проявлялось снижением α_2 -, β_1 -, β_2 -глобулинов. Гаммаглобулинемия не наблюдалось. Следовательно, снижалась функция гуморального звена иммунитета.

Повышение уровня ГГТ, гипербилирубинемия с преобладанием прямой фракции достигала максимума на 5 сутки после операции, что свидетельствовало о холестазе, билиарной гипертензии.

Выраженные изменения проявились в системе гемостаза. Гипофибриногенемия отмечалась на 2 и 5 сутки после операции. ПТИ оставался сниженным, а АПТВ удлинялось во все сутки послеоперационного периода. Это характеризует, с одной стороны, снижение синтетической функции печени, а с другой – медленное ее восстановление. Анемия в послеоперационном периоде проявлялась значительным падением гематокритного числа, существенным снижением числа эритроцитов на 2 сутки. Это могло быть связано с удалением большого объема печеночной ткани и угнетением роста красного костного мозга. Лейкоцитоз отмечался в исследуемые сутки

эксперимента за счет сегментоядерных клеток и моноцитов, отражая воспалительные изменения в оставшейся печени. Лимфопения, отсутствие розеткообразующих лимфоцитов с эритроцитами морской свинки в исследуемые сроки эксперимента с минимумом на 5 сутки свидетельствовало о снижении функции клеточного звена иммунной системы.

Интересными и во многом неожиданными были полученные результаты. Использование гептрала позволило снизить летальность животных до 26,6 %.

Существенной была и популяция клеток с размером ядра 12 мкм, создающая дополнительный регенераторный резерв. Кроме этого, во все сутки эксперимента в ОГ № 1 наблюдались фигуры митозов. Во всех группах отмечалось выраженное снижение популяции двуядерных ГЦ, причем в КГ № 3, ОГ № 1 и № 2 их было больше по сравнению с КГ № 2. КК в контрольной группе № 2 преобладали по сравнению с остальными группами. Видимо, это может быть связано с ингибиторным действием гептрала, когда происходила в основном стимуляция паренхиматозных клеток. Хотя в опытных группах КК восстанавливались быстрее (уже к 5 суткам послеоперационного периода), чем в контрольных группах. Их уменьшение к 11 суткам, возможно, объясняется увеличением к этому сроку общей массы гепатоцитов. Эндотелиоциты восстанавливались в опытных группах к 5 суткам, тогда как в контрольных к – 11 суткам. Повышение количества лимфоцитов в ОГ № 1 и № 2 было обусловлено, скорее всего, их активным участием в процессах регенерации оставшейся печени.

Тестом, прежде всего характеризующим белково-синтетическую функцию печени, являлось определение уровня сывороточной ХЭ. Известно, что холинэстераза синтезируется в рибосомах эндоплазматической сети ГЦ и относится к секретируемым ферментам, поэтому снижение уровня сывороточной холинэстеразы связано со снижением белково-

синтезирующей функции клеток печени. Синтетическая функция гепатоцитов полностью не восстанавливалась через 11 суток. Увеличение содержания ХЭ в ОГ № 1 в динамике указывало на продолжающуюся регенерацию печеночной паренхимы, что может быть использовано как один из функциональных критериев оценки восстановительных процессов в паренхиме печени после ее резекции.

Снижение уровня общего белка и альбумина, изменение качественного состава белков крови с преобладанием фракции глобулинов свидетельствовало как о снижении количества синтезируемого белка вследствие удаления большей части органа, так и усиленном потреблении синтезированного белка клетками печени в пластическом обмене. Увеличение общего белка до контрольного уровня ко времени окончания эксперимента после операции показывало на интенсификацию восстановительных процессов в печени. При оценке глобулиновых фракций отмечалось повышение β -глобулинов, ожидаемой гипергаммаглобулинемии не выявлено. При оценке обмена билирубина в контрольных группах отмечался более высокий уровень прямой фракции по сравнению с опытными группами.

Глубокие нарушения, происходившие в системе гемостаза еще раз подтверждало, что синтетическая функция печени значительно угнеталась после ее резекции. Наиболее показательными в этом отношении в системе гемостаза были уровень фибриногена, время свертывания крови, агрегация тромбоцитов, АПТВ, ПТИ.

Отмечалась нормализация показателей общего анализа крови. Явления анемии, общей воспалительной реакции купировались на 5 сутки эксперимента. Относительное количество сегментоядерных лейкоцитов было незначительно выше по сравнению с нормальным показателем. Отмечавшийся на 5 сутки моноцитоз к 11 суткам снижался до нормальных показателей. Ожидаемого повышения лимфоцитов не было выявлено.

Изучение показателей фагоцитоза не выявило иммунодефицитного состояния в организме подопытных животных. ФЧ оставалось в пределах нормы, хотя ФИ был низким по сравнению с нормальным показателем до 11 суток. Снижение способности к фагоцитозу, видимо, было обусловлено ингибирующим влиянием гептрала. Показатели спонтанного и индуцированного тестов с НСТ были повышенными по сравнению с нормальными значениями. Количество активной популяции Т-лимфоцитов (Е-РОК с эритроцитами барана) в КГ № 1 и ОГ № 1 было значительно выше по сравнению с нормальным показателем и остальными группами, где данные показатели были практически нормальными. Количество розеткообразующих клеток с эритроци-

тами морской свинки в опытной группе № 1 на 11 сутки было ниже нормы, вероятно, вследствие воздействия гептрала.

Таким образом, печеночная недостаточность после обширной резекции печени у экспериментальных животных проявлялась выраженным цитолитическим, гепатодепрессивным синдромами, глубокими нарушениями всех звеньев системы гемостаза. Адеметионин оказывал эффективное влияние не только на выбранные показатели гомеостаза, но и на сложные регенеративные процессы, происходящие в таком многофункциональном органе, как печень. Гептрал позволял ускорять общебиологические процессы регенерации печени после ее обширной резекции.

Литература

1. *Бабаян М. Л., Хавкин А. И.* Гепатопротекторная терапия при заболеваниях печени у детей // *Лечащий врач.* – 2013. – № 1. – С. 2–6.
2. *Гальперин Э. И., Семендяева Е. Н., Неклюдова Е. А.* Недостаточность печени. – М.: Медицина, 1978. – 328 с.
3. *Дроговоз С. М.* Современные подходы к терапии заболеваний гепатобилиарной системы // *Провизор.* – 2008. – № 8. – С. 48–52.
4. *Никитин И. Г.* Гепатопротекторы: мифы и реальные возможности // *Фарматека.* – 2007. – № 13. – С. 14–18.
5. *Николаев С. М.* Фитофармакотерапия и фитофармакопрофилактика заболеваний. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – 286 с.
6. *Рябинин В. Е.* Использование методов клеточной и эфферентной терапии при лечении печеночной недостаточности // *Вестн. трансплантол. и искусственных органов.* – 2002. – № 1. – С. 42–49.
7. *Шиманко И. И., Мусселуц С. Г.* Острая печеночно-почечная недостаточность. – М.: Медицина, 1993. – 288 с.
8. *Attar B. M., Van Thiel D. H.* Current Concepts and Management Approaches in Nonalcoholic Fatty Liver Diseases // *Scientific World Journal.* – 2013. – № 4. – P. 818–823.
9. *Brett A., Pinto C., Carvalho L.* Acute liver failure in under two year-olds-are there markers of metabolic disease on admission? // *Annals of Hepatology.* – 2013. – Vol. 12. – № 5. – P. 791–796.
10. *Fedotova T. F., Trubitsina I. E.* Hepatoprotectors in therapy of the alcoholic liver disease (clinical and experimental research) // *Eksp. Klin. Gastroenterol.* – 2011. – № 6. – P. 113–119.
11. *Kaptanoglu L., Blei A. T.* Current status of liver support systems // *Clin. Liver Dis.* – 2000. – Vol. 4. – № 3. – P. 986–997.
12. *Matsui Y., Uhara J., Sato S.* Improved prognosis of postoperative hepatocellular carcinoma patients when treated with functional foods: a prospective cohort study // *J. Hepatol.* – 2002. – Vol. 37. – № 1. – P. 78–86.
13. *Piannikov V. V., Akhmedov V. A., Bereznikov A. V.* Therapeutic possibilities hepatoprotectors in alcoholic liver cirrhosis // *Eksp. Klin. Gastroenterol.* – 2011. – № 9. – P. 45–48.

УДК 902.2 (571.54)

Ю. Е. Антонова, В. И. Ташак

**ДРЕВНИЕ СВАТИЛИЩА ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ:
ВОПРОСЫ ДЕФИНИЦИЙ И ТИПОЛОГИИ**

Статья посвящена некоторым результатам исследований древних культовых объектов, определяемых нами как святилища. В вводной части статьи дан краткий обзор подходов различных исследователей к обоснованию понятия «святилище» как объекта изучения, а также к выбору критериев для выделения данных археологических памятников среди других культовых объектов древности. Предложено авторское понимание термина – «святилище», построенное в ходе изучения натуральных объектов Забайкалья и существующих теоретических разработок в этой области. На основе анализа ряда древних культовых объектов Забайкалья авторы предлагают предварительную типологию древних святилищ, основанную на способах их пространственной организации.

Ключевые слова: археология, бронзовый век, железный век, древние святилища, культовые объекты, организация пространства, Западное Забайкалье.

Yu. E. Antonova, V. I. Tashak

**ANCIENT SANCTUARIES OF WESTERN TRANSBAIKALIA:
QUESTIONS OF DEFINITIONS AND TYPOLOGY**

The article is devoted to some results of investigating ancient sacral sites determined as sanctuaries by us. The article preface gives a brief review of approaches to the validation of the term “sanctuary” as an object of study and also to the criterion selection for distinguishing such type of archeological sites among ancient sacral objects. The authors’ conception of the term “sanctuary” developed in the course of investigating archeological sites in Transbaikalia and current theoretical insights in this area. On the basis of Transbaikalia’s ancient cult objects’ analysis the authors suggest a preliminary typology of ancient sanctuary focused on the ways of their special organization.

Key words: archeology, Bronze Age, Iron Age, ancient sanctuaries, cult objects, spatial organization, Western Transbaikalia.

Введение

Оbjectы культовой деятельности древнего человека являются одним из самых информативных источников (а для некоторых периодов развития человечества – единственным), позволяющих реконструировать мировоззренческую картину населения прошлого, проследить элементы духовной культуры. В ходе археологических работ в последнее

десятилетие на территории Западного Забайкалья были выявлены новые культовые объекты, а также переосмыслены ранее уже известные. Полученные данные позволяют по-новому взглянуть на проблемы изучения древних культовых объектов на этой территории, целенаправленные исследования которых проводились еще в конце 80-х гг. XX в.

В предлагаемой работе речь пойдет о такой категории культовых объектов,

АНТОНОВА Юлия Евгеньевна – хранитель фондов музея Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: yulya_an@mail.ru.

ТАШАК Василий Иванович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: tvi1960@mail.ru.

как святилища. Проблематика теоретического направления исследования древних святилищ включает в себя множество различных аспектов. В первую очередь это проблема самого понятия «святилище» и его соотношение с понятием «культовое место». Оба понятия либо используются исследователями как равнозначные, либо противопоставляются друг другу по каким-либо признакам, наиболее часто используется признак долговременности использования объекта. При таком варианте культовые места рассматриваются как кратковременные культовые объекты, а святилища как долговременные места постоянных молений и жертвоприношений, где имеется объект поклонения [17; 26; 30]. Л. С. Клейн на основе материалов по славянским святилищам разделяет культовые объекты на культовые сооружения и культовые местонахождения, исходя из масштабности культового объекта (элементарное противопоставляется сложному) [8]. У Е. В. Шелеповой [30] понятие «культовый объект» наряду с понятиями «культовое место», «святилище», «культовый центр» выступает как самостоятельный тип памятников, связанных с ритуально-культовой деятельностью, а не как обобщающий термин, в значении которого он используется у других исследователей. Подчеркивая проблему неоднозначности используемых терминов, в каждый из которых исследователи вкладывают свой смысл и значение, К. М. Свирич предлагает использовать термин «святилище» для обозначения всех культовых объектов независимо от продолжительности их использования, сложности организации или конструктивных особенностей. Для него святилище – это «совокупность (вещей и сооружений, являющихся результатом) овеществленных (опредмеченных) действий, связанных с какой-либо магической или религиозной практикой» [19, с. 7].

Регулярность проведения ритуальных действий становится одним из двух основных «правил», которым должно удовлетворять святилище, по мнению

А. П. Забияко. Второе – это идея «присутствия священных сущностей или сил» [7, с. 136]. С этим сложно не согласиться, однако как однократное, так и регулярное проведение ритуальных действий часто происходили и в повседневной жизни вне рамок святилищ (как это зафиксировано по этнографическим данным, например, обряды кормления огня у различных народов Азии [см., напр.: 2]). Вопрос в том, что на некоторых археологических местонахождениях, интерпретируемых как святилища, сложно проследить именно регулярность культовых действий. Кроме этого, регулярное проведение различных домашних ритуалов отнюдь не делает место их проведения святилищем. Соответственно, святилище должно отвечать комплексу основных условий. Рассматривая различные определения термина «святилище», учитывая некоторые данные археологии и этнографии, А. П. Забияко приходит к следующему выводу. Святилище – это «место, обладающее священным статусом; пространственный объект, выделенный из области повседневной жизни и предназначенный для выполнения регулярных культовых действий, направленных на связь со священными сущностями и силами». К функциям святилищ отнесены обеспечение регулярного отправления ритуалов, структурирование картины мира и формирование сети пространственных ориентаций [7, с. 136].

Несмотря на разноречивую в употребляемой терминологии, наблюдается определенное единство при выделении основных археологических признаков святилищ. К таким можно отнести: расположение святилища в необычном месте, жертвенный состав находок, следы ритуалов, наличие выделенной площадки (сакральной границы). Они дополняются разными авторами иными атрибутами (например, наличие идола – объекта поклонения, представленность разнотипных ритуальных объектов, наличие скальной поверхности с петроглифами, наличие наземных маркеров важных

астрономических направлений и др.) [4; 7; 17; 19; 20; 26; 27; 30].

Вопросам типологии святилищ посвящено не так много исследований. В литературе представлено довольно большое количество уже выделенных типов святилищ для разных районов и хронологических периодов времени, часто отражающих локальные особенности регионов. Типологии святилищ строятся исходя из самых разных признаков: особенностей конструкций, масштабности, социальной значимости, особенностей топографического расположения и т. д.

Для Восточной Азии, в т. ч. и Западного Забайкалья, работы по типологии святилищ проводились А. В. Тиваненко [26]. С его точки зрения, святилища могут разделяться по их месторасположению: в рамках поселенческих комплексов, могильников и у наскальных рисунков. Такое разделение, по нашему мнению, изначально становится ошибочным, исключая возможность расположения древних святилищ вне пределов указанных комплексов. Отдельно исследователи говорят о городищах-святилищах, которые представляют собой местонахождение с ограждением в виде валов или рвов. Но внутри «городища» практически отсутствует керамика и другой археологический материал, сопутствующий обычно поселенческим комплексам, что позволило интерпретировать эти комплексы с точки зрения культового характера [6; 29]. Наскальные рисунки также составляют отдельный большой массив объектов, интерпретируемых разными исследователями в рамках ритуально-культовой деятельности [15; 26]. В публикациях последних лет, посвященных петроглифам, сохраняется тенденция безоговорочного отнесения этих объектов к святилищам [4; 16].

Принимая во внимание дискуссионность понятия «святилище», следует дать определение этому термину с точки зрения нашего понимания. Культовые памятники (культовые объекты) могут быть подразделены на культовые сооружения (культовые места) и святилища.

Под культовым местом / культовым сооружением понимается конструктивно обозначенный элемент ритуальной практики (жертвенники, поминальники, культовые очаги, ямы, обоо и др.). Они могли функционировать самостоятельно (например, в рамках жилища) или входить в качестве элементов в святилище. Святилище – это организованный определенным образом в пространстве многокомпонентный объект, выделенный из области повседневной жизни и предназначенный для отправления ритуально-культовых действий.

Типология древних святилищ Западного Забайкалья

Рассматривая древние святилища Забайкалья с точки зрения организации пространства, следует отметить их связь с «сакральным ландшафтом» – «одухотворенной богом (божествами) частью природной среды, вовлеченной в сакрально-мировоззренческую и культовую деятельность человека» [14, с. 25]. Святилища Забайкалья организуются в пространстве таким образом, чтобы быть органично вписанными в существующий ландшафт (отдельные элементы которого могут нести и функциональную нагрузку), не нарушая природной гармонии и целостности. Исходя из вышесказанного, одним из основных признаков святилищ, с нашей точки зрения, является факт пространственной организации: использование естественных границ или создание искусственных, ориентирование объекта в пространстве (напр., по сторонам света) или пространства внутри объекта (напр., заключение в круг) вполне конкретным образом. К признакам святилищ также относятся свидетельства неутилитарного назначения объекта, выраженные в соответствующем (жертвенном) составе находок либо остатках проводимых ритуалов.

Основываясь на имеющемся опыте исследований в этой области, а также суммируя данные по археологическим местонахождениям культового характе-

ра Западного Забайкалья, можно дать предварительную типологию святилищ региона. По степени антропогенного воздействия выделяются ландшафтные (природные) и ландшафтно-рукотворные святилища [25]. К ландшафтным святилищам относятся ярко выраженные, топографически выделенные из общего ландшафта природные объекты, выделяемые древним человеком в силу их выдающего положения или строения и, как следствие, используемые в ритуально-культурной практике и воспринимаемые в качестве святилищ. В ландшафтных святилищах сакральная граница – естественная. В качестве таковой могут выступать своды пещеры, крутые склоны, обрывы, водные преграды и т. д. В ландшафтных святилищах минимально изменение и «доставление» природных объектов. В качестве археологических признаков таких святилищ выступают следы проведения ритуалов, жертвенный состав находок. Ландшафтные святилища часто приурочены к труднодоступным местам, их границы четко выделены самой природой.

Одним из таких объектов является каменный «карман» на краю огромной скалы, на высоте от подножия горы около 250 м., недалеко от правого берега р. Хилок на юге Тарбагатайского района Республики Бурятия (РБ). В древности этот участок на краю скалы, огражденный скальной стенкой, послужил для организации святилища. В ходе осмотра здесь была обнаружена керамика бронзового и раннего железного веков. Сама скала со святилищем относится к крайним южным отрогам хребта Цаган-Дабан и локализуется с юго-западной стороны склона, представляющего собой крутые скальные стенки, обрывающиеся в узкий глубокий распадок. В скальном «кармане» имеется слабо наклоненная в южную сторону площадка 19 на 16 м., прямой доступ к которой затруднителен. Площадка ограничена с трех сторон (север, запад и восток) скальными выходами, которые с восточной стороны представляют двух-трехметровые отвесные скальные стен-

ки. На юг, юго-восток площадка открыта, но оканчивается очень крутым и протяженным склоном, отсюда открывается вид на долину р. Сухары (Сулхары). По центру площадки расположен большой обломок скалы с плоской поверхностью, с южной стороны от которого было зафиксировано скопление фрагментов керамики.

Представленный археологический объект может интерпретироваться как ландшафтное святилище, при создании которого человек не возводил никаких сооружений, а использовал созданную природой удобную форму. Труднодоступность, укромность площадки, расположенной высоко в горах, достаточно далеко от водных источников, предполагают неутилитарный характер использования этого места. Локальное скопление фрагментов керамики с южной стороны обломка скалы в таком случае может рассматриваться как жертвенное приношение. В территорию объекта включен весь скальный карман с естественным образом выделенной площадкой, на которой была найдена керамика. Точная хронологическая характеристика на данном этапе исследований затруднительна, хотя по предварительной оценке на основе фрагментов керамики местонахождение можно датировать концом эпохи бронзы – ранним средневековьем.

К естественным, ландшафтным святилищам мы относим и некоторые из объектов с наскальными рисунками. Как указывалось выше, отдельные исследователи расценивают все наскальные рисунки с точки зрения их причастности к святилищам или сакральным ландшафтам. По мнению Е. А. Окладниковой, «скалы и камни с писаницами в лесостепной зоне Забайкалья, а также в тайге Верхнего Приамурья, играют ведущую роль в организации пространства сакрального ландшафта», более того, она рассматривает писаницы в качестве структурообразующих элементов и смысловых доминант географического пространства [16]. Согласимся с автором, что писаницы могли играть роль маркера сакрального

ландшафта, однако в таком случае необходимы дополнительные свидетельства отнесения ландшафта в сферу сакрального, например, следы ритуально-культурной практики.

С нашей точки зрения, как сакральный ландшафт мог быть выделен без привлечения петроглифов, так и петроглифы могли наноситься на скалы с иной целью и функцией, не быть вовлеченными в пространство сакрального ландшафта. Иными словами, далеко не все наскальные рисунки можно рассматривать как часть сакрального ландшафта или как святилища, согласно А. В. Тиваненко, который относит все петроглифы к святилищам [26]. Безусловно, петроглифы важный элемент духовного мира древнего населения, однако довольно сложно точно определить цель, с которой они создавались. Наскальные рисунки могли выступать в качестве географических ориентиров, маркировать местность с позиции «свое – чужое», быть источником информации и выполнять другие функции, о которых мы сегодня можем только догадываться. Во всех этих случаях нанесение петроглифа на поверхность скалы не обязательно влечет за собой сакрализацию окружающего пространства, соответственно наскальные рисунки не всегда могут выступать в роли маркера сакрального. Не отрицая огромного значения, которое несут петроглифы при исследовании мировоззрения, духовной культуры древнего населения, считаем все же, что необходимы детальные исследования каждого объекта, который интерпретируется в качестве святилища или в рамках сакрального ландшафта.

Наскальные рисунки в ландшафтных святилищах играют не столько роль элементов, структурирующих пространство, сколько, вероятно, роль информационную (отражение мифологических сюжетов, космогонических представлений т. д.). При этом мы не отрицаем того, что в ряде случаев петроглифы могли выступать как элементы организации сакрального пространства. Организация пространства производилась, также как

и в других ландшафтных святилищах, за счет естественных природных особенностей участков местности, которые выбирались для этих целей. Ярким примером такого типа ландшафтного святилища может выступать Шаман-Гора (Хилокский район, Забайкальский край), обнаруженная в 1996 г. отрядом Чикойской археологической экспедиции [9]. Объект представляет собой крупный скальный останец с гротом (скальным навесом) с изображенными на скальной поверхности под навесом фигурами бизонов, человечков, различных знаков. Подход к святилищу затруднен крутыми склонами, скальными выступами и упавшими обломками скал (которые в совокупности и выделяют более пологую площадку перед навесом с рисунками). Площадка составляет около 10 м², здесь был поставлен шурф, который выявил 4 культурных горизонта. Археологический материал, отсортированный и включающий в основном орудийные формы, по назначению интерпретируется как «жертвенный»: наконечники стрел, вкладыши, скребки. В целом, комплекс датирован поздним неолитом – ранним бронзовым веком [9; 10].

Ландшафтно-рукотворные святилища

подразумевают «достраивание» существующего ландшафта, выделение границ святилища и/или организацию его пространства при помощи искусственно созданных элементов. Соответственно, ландшафтно-рукотворные святилища могут быть разделены по типам включенных в него искусственно созданных объектов и конструктивных элементов, а также их сочетанием. Таковыми могут являться разнообразные кладки, валы, искусственные стенки, которые непосредственно участвуют в структуризации пространства святилища, выделения его площади. Так как святилище является организованным пространственным объектом, то форма этого пространства также может иметь свой смысл. Исходя

из геометрии святилища, можно выделять круговой (кольцевой), секторный и линейный типы святилищ.

Круговой (кольцевой) тип предполагает выделение площадки святилища округлой формы с центральным элементом, который является логической доминантой святилища и может быть выражен как естественными объектами, так и искусственными. Согласно Е. А. Окладниковой, «...в центральной части сакральных пространств Азиатской части континента Евразия располагаются оси симметрии – горные вершины, крупные скальные выходы, вокруг которых и образуется священная территория» [16]. Подобное структурирование пространства автор называет «кольцевой планировкой», которая вполне могла применяться и при создании древних святилищ. Стоит помнить, что святилище должно иметь вполне строго ограниченную территорию, и если центром является вершина, скальный массив, культовое сооружение, то в святилищах кругового (кольцевого типа) площадка располагается так, что окружает центральный элемент, включая его в свое пространство (всю вершину или скалу и т. д.). Пространство вокруг этого объекта должно быть четко выделено, при этом святилище такого типа имеет не только сакральные, но и материальные (наблюдаемые) границы округлых очертаний. Границы святилища могут быть выражены самыми разнообразными элементами, в т. ч. и надмогильными кладками.

На основе данных последних лет исследований мы можем выделить примеры круговых святилищ, которыми могут служить некоторые объекты на юге Кяхтинского района Республики Бурятия. Это такие объекты, как Гора Козья и отдельная возвышенность на Субуктуевском мысу. Характерным элементом обоих объектов является выделяющаяся в пространстве, возвышающаяся над остальными элементами рельефа конусовидная возвышенность (вершина). По склонам этих отдельных вершин рассредоточены курганы типа керексуров,

плиточные могилы. Комплекс на Горе Козьей состоит из двух частей. Первая – 4 керексура и одна плиточная могила расположены высоко над распадком, но у подножия вершины, в седловинах. Вторая часть состоит из группы каменных курганов, возведенных на крутом склоне вокруг скалистой вершины, у некоторых из которых фиксируется оградка как у керексуров. Обрамление скалистой вершины курганами-керексурами саму вершину выделяет как курган, обрамленный оградкой из искусственных каменных курганов [25]. Похожим образом организовано пространство святилища на Субуктуевском мысу.

Тема взаимосвязи святилищ с могильниками разработана слабо. Образование могильника происходит в результате ритуальной деятельности древнего человека, связанной с представлениями о загробной жизни. Соответственно могильные комплексы по умолчанию связаны с проявлением культовых практик (погребальные, поминальные обряды), однако они не всегда демонстрируют единый комплекс, в рамках которого можно выявить зону святилища. Могильники можно рассматривать лишь как культовые места, выделение здесь дополнительно организованных святилищ, распознавание его границ и связей между отдельными объектами комплекса становится достаточно сложной задачей. Тем не менее известны достаточно яркие примеры сложного пространственного конструирования могильников и выделения на них крупных ритуальных центров [13]. Что касается приведенных выше святилищ Забайкалья, кладки могильника в рамках этих святилищ рассматриваются не только как погребальные сооружения, но и как составляющие звенья сакральной границы святилища. Святилища выстроены вокруг четко выраженного элемента – вершины, занимающей доминантное положение в локальном рельефе. На данном этапе исследований не зафиксированы свидетельства ритуальной деятельности в рамках этих святилищ. Однако следует

отметить, что не все проводимые в древности обряды имели яркое материальное выражение. Примером тому могут служить ежедневные зороастрийские обряды, при которых верующий, развязав священный пояс и смотря на огонь, читает молитву, затем он завязывает пояс, продолжая молитву [3, с. 42–44]. В этом плане любопытен сюжет из «Сокровенного сказания монголов», отражающий обряд почитания горы Бурхан-Халдун: «...он обернулся лицом к солнцу, как четки, повязал на шею свой пояс, за тесьму повесил на руку шапку свою и, расстегнув (обнажив) свою грудь, девятикратно поклонился солнцу (в сторону солнца) и совершил (дал) кропление и молитву» [21, с. 34]. Как видим, с одной стороны, далеко не всегда ритуально-культурная практика может иметь четкое археологическое выражение. С другой стороны, сами курганы, возведенные вокруг вершины, являются свидетельствами ритуальных действий. Также под курганами такого типа чаще всего нет погребений, но обнаруживаются артефакты, которые можно рассматривать как следы жертвоприношений.

Следующий тип святилищ, *секторный*, отличается от кругового (кольцевого) расположением сакральной площадки и структурированием пространства не вокруг логического доминанта, а перед ним. Название «секторный» достаточно условно, отражает модель построения пространства святилища в форме малого сектора (угол между радиусами меньше 180° или близок к этому показателю), где центральный участок святилища (алтарь?) является вершиной, а радиусы и дуга – представляют сакральную границу святилища, выраженную естественными или искусственными элементами.

Яркими представителями секторного типа являются святилища долины рек Она и Алан в Хоринском районе РБ: Барун-Алан-1, Хэнгэр-Тын-3 Святилище и Хотогой-Хабсагай. Все святилища отличает намеренное выделение пространства под скалой с петроглифами [22–25]. Сакральная граница обозначена разными

конструктивными элементами. На Хотогой-Хабсагае от скальной поверхности с петроглифами протянут каменный вал (из крупных и мелких обломков камней), который, соединяясь с крупными скальными глыбами, четко выделяет площадку перед той частью скалы, где расположены петроглифы. Достраивание естественных скальных выходов и скальных глыб в виде вертикальной «стенки» представлено на Хэнгэр-Тын-3 Святилище [22]. Здесь естественная карманообразная скальная западина с запада и юга дополнена искусственной кладкой из плитчатых и блочных обломков скал, плавной линией выделяющей площадку. Строго на юге четко обозначен вход – оставлено «незастроенное» пространство. Подобное конструирование пространства представлено и на местонахождении Барун-Алан-1, однако здесь граница обозначена дугообразными рядами округлых кладок курганного типа [23; 25]. В ходе раскопок кладок было установлено, что они не являются надмогильными конструкциями и устанавливались непосредственно на древнюю дневную поверхность. Несколько фрагментов керамики, характерной для позднего бронзового века Забайкалья, было обнаружено под камнями кладки, фрагменты керамики железного века были найдены между камнями кладки, т. е. кладки изначально сооружались с целью выделить и ограничить площадку под скалой, о чем также свидетельствует упорядоченность их расположения.

Одним из важных элементов на этих святилищах являются петроглифы. На Барун-Алане-1 и Хотогой-Хабсагае граница выделяет участок скалы именно с рисунками, оставляя остальную часть скалы вне пределов святилища. Местонахождение Хэнгэр-Тын-3 Святилище сложно оценивать с этой точки зрения. Рисунки здесь очень плохой сохранности и высока вероятность сильного повреждения древней поверхности скалы, в результате чего большинство изображений до нашего времени не сохранилось. На площадке Барун-Алана-1 в ходе раскопок в слоях, связанных со временем образо-

вания кладок, были зафиксированы многочисленные пятна прокаленной почвы, а также большое количество фрагментов керамики бронзового и железного веков, что можно связывать с осуществлявшейся здесь ритуальной практикой. На Хотогой-Хабсагае – памятнике, известном еще с XIX в., уже первыми исследователями были найдены наконечники стрел [5], которые чаще всего интерпретируются как votивные предметы [9; 12; 18].

Святылища, пространственно-организованные по *линейному* типу, имеют условную линейную ось симметрии, обусловленную тянущимися в пространстве элементами рельефа, к которым приурочено святилище (гребни небольших локальных хребтов и горных отрогов, реки, каньоны и т. д.). Именно этот элемент рельефа является «скелетом» святилища, придавая ему удлиненно вытянутые формы. Выявленные на настоящий момент линейные святилища Западного Забайкалья (Шара-Тэбсэг и Хилокская гряда) связаны с гребнями отрогов гор. Границы святилищ представлены естественными крутыми склонами, а центральный элемент (гребень) подчеркнут выложенным вдоль него каменным валом. Комплекс Шара-Тэбсэг представляет собой каменную гряду-выкладку, тянущуюся по гребню горы на сотни метров, заполняя промежутки между скалами, скальными выходами и естественными скальными россыпями. Искусственный каменный вал, соединяя скальные останцы между собой, создает иллюзию непрерывности скальной гряды, идущей по гребню. Начинается и оканчивается вал недалеко от участков гребня с крутыми склонами на юге, отвесной скальной стенкой на севере. Кроме этого, начало (вход) и конец святилища маркированы непродолжительными участками вертикально поставленных плит.

Еще одна линейная структура этого объекта расположена у южного подножия отрога. Если искусственная гряда, возведенная на вершине отрога, тянется вдоль него, то гряда у подножия отрога возведена поперек продольной оси отро-

га. Важно отметить и то, что нижняя искусственная гряда начинается от южной стенки кургана-керексура с квадратной оградкой.

В нескольких километрах северо-западнее Шара-Тэбсэг было выявлено аналогичное по своим конструктивным особенностям местонахождение. Каменная стена (вал) проходит прямо по гребню горного отрога тянувшегося с севера на юг и имеющего крутые склоны. Вершина гребня узкая, здесь есть небольшие площадки, с запада от которых проходит каменная насыпь (вал), закрывая их. На одной из площадок был поставлен шурф, в котором найдено несколько фрагментов керамики толщиной около 5 мм без орнамента. Из-за высокого расположения объекта над долиной, незначительности размеров площадок с уверенностью можно говорить о ритуальном, жертвенном характере керамических фрагментов.

Таким образом, границы в представленных линейных святилищах обозначены самим рельефом, а искусственный вал являет собой структурирующий пространство элемент. В святилищах этого типа довольно сложно выделить центральную площадку, которая играет роль места проведения основных ритуалов. Однако, что на Шара-Тэбсэг, что на Хилокской гряде, само количество площадок, подходящих на эту роль по размерам, очень ограничено. Лишь дополнительные сведения могут помочь в исследованиях не только структуры, но и характера святилищ этого типа.

Заключение

Рассматривая святилища Западного Забайкалья, не сложно заметить, что большинство из них по своей топографии связано с высоко расположенными элементами ландшафта – вершинами отдельных гор, гребнями горных отрогов, крупными скальными выходами, опять же, высоко в горах, скальными массивами с вертикальными скальными стенками. Данный факт не удивителен, культ гор зафиксирован у многих народов

Азии в древности [11], а на многих территориях существует до сих пор, в т. ч. и в Бурятии [1]. Однако размещение святилищ в горах нельзя однозначно толковать как отражение культа гор и связанного с ним семантического ряда (напр., гора-прародительница). Гора в ряде случаев могла восприниматься как наивысшая точка пространства, наиболее близкое место к верхнему миру, соответственно обряды, ритуалы, молитвы, совершаемые здесь, должны были быстрее и с большей гарантией достичь божественных существ. Кроме этого, многолетние исследования на археологическом местонахождении Барун-Алан-1 позволили установить связь общей пространственной организации святилища с заходом солнца 22 июня (т. е. с днем летнего солнцестояния) [24]. Сложно точно установить, связано ли это святилище с культом солнца или представляет нечто вроде солнечного календаря. Однако данный факт говорит о куда более сложной пространственной организации древних святилищ, чем это изначально представлялось. Конструирование святилищ хотя и

было подчинено особенностям рельефа, однако происходило, в первую очередь с учетом мировоззренческих установок древнего населения, а так же, возможно, функционального назначения. Предложенное деление святилищ, которое учитывает и элементы их структурирования в пространстве, вполне может отражать некоторые культурно-хронологические аспекты.

Суммируя результаты исследования, еще раз подчеркнем основные его моменты. Древние святилища воспринимаются нами как сложноорганизованные в пространстве объекты. Пространственная организация святилищ учитывает локальные особенности ландшафта, а объекты гармонично «вписаны» древним человеком в окружающий рельеф согласно собственному миропониманию. По способу организации пространства святилища можно подразделить на круговые, секторные и линейные. Важным направлением дальнейших исследований данных культовых объектов следует рассматривать решение проблем их культурной и хронологической принадлежности.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта № 12-01-00274-а «Древние святилища и культовые объекты Забайкалья».

Литература

1. *Абаева Л. Л.* Культ гор и буддизм в Бурятии. – М.: Наука, 1992. – 142 с.
2. *Богораз В. Г.* Чукчи. II. Религия. (Авторизованный перевод с английского под ред. Ю. П. Францова). – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – 196 с.
3. *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. – М.: Наука, 1988. – 303 с.
4. *Ван Цзяньлинь, Забияко А. П.* Петроглифы Северо-Восточного Китая в контексте социальной и религиозной истории региона // Религиоведение. – 2012. – № 4. – С. 3–19.
5. *Давыдов Д.* О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Верхнеудинского округа Забайкальской области // Записки Сибирского отделения Русского географического общества. – Т. II. – СПб., 1856. – С. 89–100.
6. *Дашибалов Б. Б.* Еще раз о городищах-святилищах: курыкане и хори // Санжеевские чтения-4. – Улан-Удэ, 1999. – С. 109–111.
7. *Забияко А. П.* Топография священного // Евразия: духовные традиции народов. – 2012. – № 1. – С. 123–137.
8. *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. К реконструкции восточно-славянского язычества. – СПб.: Евразия, 2004. – 480 с.

9. Константинов М. В. Древние святилища Шаман-горы (Забайкалье) // История и культура востока Азии: матер, междунар. науч. конф. – Т. II. – Новосибирск: ред.-изд. центр НГУ, 2002. – С. 83–87.
10. Константинов М. В., Константинов А. В., Васильев С. Г., Екимова Л. Г., Разгильдева И. И. Под покровительством Большого шамана: археологическое путешествие по Забайкалью. – Чита: Экспресс-типография, 2003. – 53 с.
11. Кызласов И. Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // Советская этнография. – 1982. – № 2. – С. 83–92.
12. Кызласов И. Л. Камень дыроватый (символика пещерных святилищ и культовой стрельбы из лука) // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 4. – С. 37–50.
13. Марсадолов Л. С. Новые исследования на ритуальном центре в долине реки Юстыд (юго-восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. – Т. 2. – 2002. – С. 104–108.
14. Марсадолов Л. С. Искусственно сдублированный сакральный ландшафт на культовых объектах Саяно-Алтая // Древние и современные культовые места Алтая: сб. ст. – Барнаул: АРТИКА, 2011. – С. 25–29.
15. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. – Л.: Наука, 1970. – 263 с.
16. Окладникова Е. А. Сакральные ландшафты и петроглифы (Забайкалье и Верхнее Приамурье). Режим доступа: <http://homo.eurasicus.land.ru/sbornik2010/okladnikova2.htm>.
17. Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. – М.: Ладога-100, 2007. – 304 с.
18. Сериков Ю. Б. Пещерные святилища реки Чусовой. – Ниж. Тагил: НТГСПА, 2009. – 368 с.
19. Свириц К. М. Языческие святилища лесной полосы Восточной Европы VI–XIII вв.: автореф. ... канд. ист. наук. – М., 2006. – 24 с.
20. Свириц К. М. Городища дьяковской культуры: к вопросу о назначении // Вестник ТвГУ. Сер. История. – 2008. – Вып. 1. – С. 124–141.
21. Сокровенное сказание монголов / пер. С. Козина. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. – 318 с.
22. Ташак В. И. Хэнгэр-Тын 3 «Святилище» – природная основа палеолитического жилища // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 192–196.
23. Ташак В. И. Древнее святилище в долине Алана (Западное Забайкалье) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. – С. 251–256.
24. Ташак В. И. Территориальная организация древнего святилища Барун-Алан-1 в Западном Забайкалье // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 3 (23). – С. 172–176.
25. Ташак В. И., Антонова Ю. Е. Древние святилища Западного Забайкалья: новый этап исследований // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – № 1 (9). – 2013. – С. 17–29.
26. Тиваненко А. В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 201 с.
27. Тимошук Б. А. Сакральные границы языческих святилищ // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). Тезисы докладов. – М., 1993. – С. 63–65.
28. Харинский А. В. Топография и конструкция «городищ» маломорского побережья озера Байкал // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Вып. 2. – Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2002. – С. 109–126.
29. Харинский А. В. Кудинские городища-святилища: планиграфия и конструкция // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 2 (22). – С. 133–136.
30. Шелепова Е. В. Теоретические аспекты изучения памятников культовой деятельности Алтая // Древние и современные культовые места Алтая: сб. ст. – Барнаул: АРТИКА, 2011. – С. 100–108.

УДК 94 (57)

Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек

АЗИАТСКАЯ РОССИЯ В ИМПЕРСКИХ УСТРЕМЛЕНИЯХ
ОСОБЫХ КОМИТЕТОВ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рассматривается история создания особых органов по управлению окраинами империи во второй половине XIX – начале XX в. Анализируются причины их появления, программы и основные направления деятельности.

Ключевые слова: Азиатская Россия, имперский регионализм, Второй Сибирский комитет, комитет Сибирской железной дороги.

L. M. Dameshek, I. L. Dameshek

ASIAN RUSSIA IN THE IMPERIAL OBJECTIVES
OF THE SPECIAL COMMITTEES OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

The article examines the creation history of special authorities to rule the imperial borderlands in the second half of the 19th – early 20th centuries. Reasons of their emergence, their agendas and directions of activities are analyzed.

Key words: Asian Russia, imperial regionalism, Second Siberian committee, Committee of the Siberian Railroad.

С о времени образования единого Российского государства в XVI в. и расширения территории складывающейся империи перед государевыми структурами неизменно вставала проблема властного освоения, а затем и интеграции в империю вновь присоединенных земель и народов их населяющих. После присоединения к России территории Казанского и Астраханского ханств этнополитическая и этноконфессиональная картина Российского государства существенно изменилась: доля нерусского населения в составе государства резко возросла. Именно с этого времени центральная власть столкнулась с необходимостью учитывать в своей политике возникший этноконфессиональный фактор [7].

Новая геополитическая реальность на первом этапе интеграции окраинных

территорий обуславливала преобладание военно-мобилизационных методов. В ходе государственного строительства эта особенность правительственного курса выразилась в создании приказной системы, сочетающей в себе как общегосударственные, так и территориальные прерогативы. Именно поэтому первые приказы – Разрядный, Поместный и другие – строили свою деятельность не по территориальному, а по ведомственному принципу, т. е. обладали общегосударственными функциями. Однако во второй половине XVII в. в условиях совершенствования модели управления и усложнения функций государственного аппарата и стремления к политическому единству огромного, но весьма разнообразного по характеру социального устройства и этническому составу населения государства, во внутренней поли-

ДАМЕШЕК Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета. E-mail: levdameshhec@gmail.com.

ДАМЕШЕК Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Восточно-Сибирской государственной академии образования. E-mail: dameshec@rambler.ru.

тике правительства можно отчетливо наблюдать тенденцию к административно-финансовой унификации и в то же время необходимость учета территориальных и национальных особенностей окраин страны. Вот почему уже в начальный период образования единого Российского государства в управленческой практике правительства проявилась тенденция к созданию особых центральных органов управления, но наделенных областной компетенцией, каковым, к примеру, был Сибирский приказ.

Практика создания особых комитетов получила дальнейшее развитие в XIX в. в период роста и укрепления бюрократии, о чем и шла речь в нашей статье [7]. Однако во второй половине XIX в. практика империалистического и национального строительства на окраинах государства дополнилась. Она не только осложнялась необходимостью решения задачи экономического освоения новых земель в единой связке с Европейской Россией, но и протекала в условиях новых имперских устремлений России на Дальнем Востоке [11]. Именно этими, несомненно важными причинами внутри- и внешнеполитического порядка, следует объяснить создание Второго Сибирского комитета в 1852 г. В начальный период его деятельности в центре внимания его членов были материалы ревизии Западной Сибири генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова. Дело тянулось около четырех лет и сопровождалось обширной перепиской. В двух пространных записках, представленных в Сибирский комитет, Н. Н. Анненков подверг резкой критике существующую систему управления в крае, недвусмысленно заявив, что большинство отмеченных им недостатков сибирского управления происходят от «неприменимости в настоящее время» самого сибирского учреждения 1822 г. Подвергнув сомнению сам принцип целесообразности сохранения «Сибирского учреждения» как основного закона деятельности местной администра-

ции, Н. Н. Анненков не смог предложить взамен какую-либо цельную программу, ограничившись лишь отдельными рекомендациями. Подобная позиция вызвала резкие возражения члена комитета графа Д. Н. Блудова, занимавшего в то время сразу две исключительно важные должности – Главноуправляющего вторым (кодификационным) отделением собственной Его Императорской канцелярии и председателя Департамента законов Государственного совета. Ко времени назначения во Второй Сибирский комитет Д. Н. Блудов имел большой опыт не только административной, но и законодательной деятельности. Именно под его руководством было подготовлено два издания Свода законов Российской империи: 1842 и 1852 гг. Не случайно, что к анализу предложений Н. Н. Анненкова Д. Н. Блудов подошел с позиций не только юриста-теоретика, но и юриста, имеющего большой практический опыт законотворческой деятельности.

В нашу задачу не входит подробный анализ полемики между двумя высокопоставленными сановниками – это задача иного исследования. Гораздо более важным представляется отметить тот факт, что Д. Н. Блудов выступил решительным противником предложений Н. Н. Анненкова об отмене тех статей «Сибирского учреждения», которые констатировали необходимость учета региональных особенностей в проведении правительственной политики в крае. По сути это означало отстаивание политики имперского регионализма одним из ведущих чиновников России. В отзыве от 8 ноября 1852 г., направленном в Сибирский комитет, он без обиняков заявил, что «сибирское учреждение так же, как и все учреждения особенные: Кавказское, Закавказское, Бессарабское, Остзейское – есть и ...должно быть не что иное как систематическое указание изъятий из общего губернского учреждения...». Этот тезис Д. Н. Блудов, один из наиболее известных и влиятельных юристов России,

подкреплял ссылками на отдаленность края от «центрального управления», особенности «его населения и степени промышленности, и обще свойства и быта его жителей» [9, с. 395].

Анализ предложений Н. Н. Анненкова, проделанный Д. Н. Блудовым, коснулся и вопроса о насаждении в Сибири помещичьего землевладения. «Без сомнения, – отмечал он, – полезно было бы привлечь и образовать в Сибири настоящее дворянское сословие». Однако последнее вовсе не зависит от желания правительства, продолжал Д. Н. Блудов. По мнению критика, «едва ли кто из помещиков внутренних губерний согласится взять во владение пустую землю...» [Там же]. Д. Н. Блудов, правда, допускал возможность и даже целесообразность раздачи служащим в Сибири дворянам земель в собственность в качестве награды за беспорочную службу. В то же время он выражал серьезные сомнения в возможности осуществления этого пожелания на практике в обозримом будущем. «Прежде такой раздачи правительству необходимо знать, какие и где можно раздавать земли», – заключал он. Территорию Сибири Д. Н. Блудов склонен был рассматривать «как запасной край России», куда традиционно стремится часть населения из Европейского центра, спасаясь от малоземелья. Однако подобные откровения Д. Н. Блудова не следует истолковывать прямолинейно. Конечно, в идеале он не возражал видеть в Сибири мощный класс дворян-землевладельцев, к коим принадлежал и сам. Однако, будучи опытным, причем, весьма высокопоставленным чиновником, он вполне сознавал утопичность этого желания, понимал, что помещики из Европейской России не поедут в необжитую и плохо заселенную Сибирь. Именно поэтому в конечном итоге он предлагал рассматривать Сибирь как резервный край русской колонизации на востоке, что объективно должно было способствовать усилению позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

С гораздо большей долей консерватизма Д. Н. Блудов высказался по вопросу об открытии в крае университета. «При небольшом числе дворян и вообще людей высших классов в Сибири» существующую там сеть учебных заведений – «3 гимназии, 21 уездное и 45 приходских училищ, 3 частных школы» – Д. Н. Блудов считал вполне достаточным, а об открытии «в самой Сибири высшего учебного заведения, университета или лицея», по его мнению, было «еще рано помышлять» [Там же, с. 396]. Гораздо более важным считал он «одобрять, поощрять полезные в сем крае предприятия», содействовать развитию торговли и промышленности, чем заниматься несбыточными мечтаниями. Такой взгляд на Сибирь был типичен для представителей высшей Петербургской бюрократии середины XIX в. Он отражал общие политические настроения властных структур, связанные со стремлением рассматривать Зауральский край скорее как колонию, нежели составную часть империи. В то же время правительство пыталось найти оптимальные формы взаимодействия центра и регионов. Это выражалось в предоставлении местной бюрократии достаточно широких прав при безусловном контроле из столицы, в разработке специального регионального законодательства, иных действиях.

Замечания на проект Н. Н. Анненкова представил и министр государственных имуществ П. Д. Киселев. Свои «соображения» он сопроводил большим количеством статистических сведений, которые представляют несомненный интерес для исследования вопросов экономического развития Сибири. Тем не менее основное внимание министр уделил вопросу о судьбах крестьянского сословия в Сибири. Здесь следует отметить, что взгляд П. Д. Киселева на судьбы крепостного права в России хорошо известен исследователям. Поэтому, не повторяясь, мы обратимся к той части высказываний министра, которая касается непосредственно Сибири. Краеуголь-

ным камнем рассуждений П. Д. Киселева стала резолюция императора на его докладе, представленном Николаю I еще в сентябре 1839 г. Поводом для доклада послужило предложение министерства государственных имуществ о съемке на планы земель в Сибири. Ознакомившись с ними и в целом одобрив их, император в то же время написал буквально следующее: «...ни в коем случае поселение помещичьих крестьян допущено в Сибири быть не может» [9, с. 421]. Исходя из высочайшей резолюции, П. Д. Киселев и рассматривал предложения ревизовавшего Западную Сибирь генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова. Разумеется, министру были знакомы толки о «желательности» распространения на Сибирь помещичьего землевладения. Однако будучи человеком хорошо информированным о реальном положении помещичьих крестьян европейской России, он понимал, что крестьянский вопрос в Сибири нельзя ставить и тем более решать по образу и подобию европейского центра. Охарактеризовав все предшествующие попытки распространения на Сибирь крепостного права, П. Д. Киселев констатировал, что в Западной Сибири помещичье землевладение существует «лишь в виде немногих исключений», а в восточной ее части «подобных владений вовсе нет». К тому же П. Д. Киселев хорошо помнил полученную еще в 1839 г. резолюцию императора на упомянутом выше всеподданнейшем докладе. Поэтому он категорически заявил, что «о переселении помещичьих крестьян в Сибирь... за последовавшим высочайшим воспрещением не может быть рассуждения...» [Там же, с. 422]. В то же время министр высказал ряд замечаний по организации управления в Сибири. Так, например, полагая, что «состояние ...администрации в такой отдаленной стране», как Сибирь, во многом зависит «от привлечения туда хороших и благонамеренных чиновников», он считал возможным наделить последних землей «за усердную службу...» [Там же, с. 424]. Как видим, в

данном случае мнения П. Д. Киселева и Д. Н. Блудова совпадали.

Вопрос о преобразовании волостного управления и ссылки министр предлагал рассматривать через призму таких важных, по его мнению, особенностей Сибири, как «отдаленность и обширность края», «разнородность предметов и особенное положение тамошнего управления...». Не смотря на то, что это были лишь самые общие высказывания, нельзя не заметить в них признания П. Д. Киселевым ряда специфических местных обстоятельств, налагавших известное своеобразие на компетенцию и характер деятельности всех звеньев сибирской администрации. По мнению П. Д. Киселева, все это следовало учитывать правительству при выстраивании взаимоотношений центра и сибирской периферии. Разумеется, самостоятельность местной администрации должна быть строго дозирована и в конечном итоге подконтрольна высшему правительству. Но даже в таком усеченном виде в рассуждениях одного из самых близких к императору сановников прослеживается тезис о признании ряда важных местных особенностей, которые следовало учитывать на практике.

В конечном итоге П. Д. Киселев высказал свое отношение и к основному документу азиатской эпопеи М. М. Сперанского – «Сибирскому учреждению» 1822 г. Если Сибирь и требует улучшений, заключает он, то они должны заключаться «не столько в перемене существующих учреждений, сколько... в исполнении ныне действующих постановлений...». А если бы вдруг «постановления сии оказались ...недостаточными», тогда следовало дополнить их «новыми устройствами».

Таким образом, П. Д. Киселев высказался против коренного пересмотра «Сибирского учреждения» М. М. Сперанского, считая более целесообразным дополнить его при необходимости, чем разрабатывать заново. Более подробные рассуждения на этот счет П. Д. Киселев посчитал излишними.

Обсуждение предложений Н. Н. Анненкова в Сибирском комитете тянулось до 1856 г. При выработке итогового заключения комитет не только учел высказанные суждения Д. Н. Блудова и П. Д. Киселева, но и мнение вновь назначенного министра внутренних дел С. С. Ланского, считавшего «решительно невозможным» изменять «коренные начала сибирского учреждения». Категоричность С. С. Ланского, наряду с прочими причинами, объяснялась еще и тем, что он не видел «никакого ручательства» в том, что новые меры окажутся лучше существующих, а потому считал более целесообразным сохранить основы «Сибирского учреждения» Сперанского [1, ф. 1265, оп. 2, д. 64(А), л. 76об.]. В конечном итоге 8 ноября 1856 г. последовало высочайше утвержденное положение Сибирского комитета, которым предписывалось генерал-губернаторам иметь «строгое наблюдение за точным исполнением правил...1822 г». Ответственность за эту работу возлагалась на Советы Главных управлений обеих частей Сибири, которым местные власти должны были предоставлять все необходимые сведения на этот счет [2, т. 31, № 987].

Таким образом, предложения Н. Н. Анненкова о пересмотре основ Сибирского учреждения не нашли поддержки как отдельных членов, так и Сибирского комитета в целом. В обозримом будущем радикальный пересмотр «Сибирского учреждения» не предполагался. Речь шла лишь о частичном изменении системы управления, причем в строго дозированных пределах. Думается, что такой подход объясняется отнюдь не «патологической боязнью нового, свойственной большинству дряхлеющего класса» [8, с. 24]. Среди представителей правящей элиты середины XIX в. было немало выдающихся мыслителей, администраторов и управленцев. Представляется, что причины подобного поведения и решения Сибирского комитета в исповедовании Николаевским самодержавием теории контролируемой модернизации.

Применительно к окраинам империи это выражалось в стремлении усилить их связь с центром путем административно-правовой централизации. Однако сама по себе эта система была основана на многочисленных изъятиях из общегосударственных правил, что способствовало усилению тенденций к обособленности регионов.

Лишь в конце XIX в. самодержавие пришло к пониманию того факта, что наиболее перспективным способом укрепления связей регионов с центром является русская колонизация с последующей ассимиляцией этносов в полиэтническом государстве [5].

В последующие годы, вплоть до своего закрытия в 1864 г., Сибирский комитет занимался преимущественно законодательными проектами и вопросами текущего управления краем. Из наиболее значимых нормативных актов, активно обсуждаемых в Сибирском комитете, следует отметить серию законов об изменении административно-территориального деления Сибири. Именно тогда на карте Сибири появились Амурская, Забайкальская, Приморская и Семипалатинская области с военными губернаторами во главе. Подобные мероприятия вызывались стремлением правительства к усилению административного влияния центра на окраинах империи, с одной стороны, и активизацией внешней политики России и на Дальнем Востоке и в Средней Азии – с другой. В этой связи следует отметить и разработку комитетом законопроектов о преимуществах гражданской службы в Сибири. Хотя впоследствии эти законы неоднократно изменялись и дополнялись правительством, основы законодательства, связанные со стремлением самодержавия привлечь на службу в Сибирь опытных и грамотных государственных служащих, оставались неизменными.

Немаловажное место в деятельности комитета занимали вопросы экономического развития (прежде всего, золотодобычи), а также культурной жизни края.

В итоге отметим, что Первый и Второй Сибирские комитеты, как высшие органы управления огромным Зауральским краем, создавались для решения конкретных задач и имели определенные временные рамки. Работа комитетов носила отраслевой характер, что, как представляется, способствовало росту эффективности управления. В то же время комитеты нередко выходили за строго очерченные параметры деятельности, что требовало привлечению к их работе широкого круга служащих. Основное внимание комитеты уделяли законодательной и административной практике, осуществлению функций надзора и контроля.

Динамичное экономическое и социальное развитие России в конце XIX в. и, как следствие этого, появление новых управленческих задач в масштабах империи, обуславливали большую специализацию деятельности высших государственных учреждений. Потребность повышения эффективности взаимодействия с регионами порождала усложнение отраслевой структуры управления. Это обстоятельство, в свою очередь, обуславливало необходимость создания особых межведомственных структур [12, с. 175], компетенция которых зачастую далеко выходила за очерченные законом рамки, а практическая деятельность весьма напоминала повседневные заботы комитета министров. Применительно к Сибири одним из подобных учреждений стал Комитет Сибирской железной дороги, созданный по инициативе министра путей сообщений, а затем финансов и главы правительства С. Ю. Витте 10 декабря 1892 г. [3, № 9140]. Непосредственным поводом для образования нового правительственного учреждения стало решение о начале строительства Сибирской железной дороги. Авторы в данном случае не ставят перед собой цель выяснения причин этого, без сомнения правильного и стратегически просчитанного решения – это задача иного исследования. Основной

контекст нашего исследования предполагает иную постановку вопроса. Поэтому отметим, что в отличие от Первого и Второго Сибирских комитетов, которые создавались как территориальные административные учреждения, но с достаточно широкой компетенцией, Комитет Сибирской железной дороги изначально замышлялся как узкоотраслевое учреждение. Именно поэтому в состав нового комитета были определены следующие министры: внутренних дел, государственных имуществ, финансов, путей сообщения и государственный контроллер. Однако уже несколькими днями позже состав Комитета был расширен за счет военного министра и управляющего морским министерством. Подобный шаг императора представляется далеко не случайным. Он обуславливался, прежде всего, военно-стратегическим значением строящейся магистрали, активизации политики России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Председателем Комитета в январе 1893 г. по настоянию С. Ю. Витте был назначен цесаревич Николай Александрович. С административной точки зрения, это был не лучший выбор: наследнику шел лишь 25 год, он имел «мало опытности» в практических делах и ему самому еще только предстояло учиться искусству управления. Хорошо понимая это, его отец император Александр III следующим образом прокомментировал данное предложение: «Да ведь он совсем мальчик; у него совсем детские суждения: как же он может быть главой комитета?» [6, т. 3, с. 357]. Тем не менее указанное назначение состоялось. Представляется, что давая согласие на это, император преследовал две цели: с одной стороны, назначение на пост председателя наследника имело несомненные воспитательные цели, а также повышение грамотности наследника в деле принятия важных экономических и управленческих решений; с другой – такое назначение в политическом плане сулило несомненную выгоду работе комитета, ибо

ускоряло процесс решения целого ряда важных политических и межведомственных вопросов на заседаниях Комитета. Очевидно, и сам император, и наследник хорошо сознавали это. Поэтому, забегая вперед, заметим, что с воцарением на престол, Николай II сохранил за собой председательство в Комитете.

Тем не менее, стремясь застраховать наследника от возможного принятия неверных решений, Александр III определил ему в помощники опытного администратора и знающего экономиста. Обучать наследника искусству администрирования должен был назначенный на пост вице-председателя Комитета председатель Комитета министров Н. Х. Бунге. Этот выбор, сделанный Александром III, не был случайным. Н. Х. Бунге принадлежал к числу выдающихся российских финансистов. Он по праву считается одним из создателей «индустриальной эры девятидесятых годов». Кроме того, подобное назначение автоматически сближало Комитет Сибирской железной дороги и Комитет министров. В определенной степени этому способствовало и то обстоятельство, что делопроизводство нового Комитета сосредотачивалось в канцелярии Комитета министров, возглавляемой статс-секретарем А. Н. Куломзиным. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета А. Н. Куломзин сыграл в работе Комитета одну из важных ролей. По справедливому замечанию А. В. Ремнева, А. Н. Куломзин «принадлежал к той части высшей бюрократии царской России, которая, занимая второстепенные посты в государственном управлении, на уровне управляющих канцеляриями, директоров департаментов министерств и т. д., оказывала существенное влияние на выработку правительственной политики» [10, с. 44].

Занимаясь управлением делами Комитета, А. Н. Куломзин сумел организовать работу этого учреждения таким образом, чтобы его деятельность никоим образом «не шла бы в ущерб Комитету

министров». Основной мотив подобной акции заключался в личной убежденности А. Н. Куломзина в том, что деятельность подобных особых комитетов идет «в разрез с правильным порядком управления страной» [1, ф. 1642, оп. 1, д. 186, л. 11, 12].

Таким образом, Комитет был сформирован в течение декабря 1892 – января 1893 гг. В его состав вошли цесаревич Николай Александрович, Н. Х. Бунге, С. Ю. Витте, П. С. Ванновский, И. Н. Дурново, А. В. Кривошеин, Т. И. Филиппов, Н. М. Чихачев. Причем этот состав не был постоянным, что было связано с кадровыми изменениями в министерском корпусе. В результате в разный период членами Комитета становились В. К. Плеве, А. С. Ермолов, М. К. Хилков, П. Л. Лобко, А. Н. Куропаткин и др.

Безусловно, своим созданием Комитет был обязан С. Ю. Витте. Будучи опытным администратором, С. Ю. Витте прекрасно осознавал, что затеваемое строительство будет иметь результатом рост экономики Сибири и России в целом. Помимо этого, воспринимая строительство дороги как персональное поручение императора, С. Ю. Витте прилагал все усилия для скорейшего завершения работ [6, т. 3, с. 353–355]. К сожалению, в отличие от Витте, его коллега, министр внутренних дел И. Н. Дурново, был человек «... не умный, скорее ограниченный... исполнял все, что укажет ему император...» [Там же, с. 237]. Не случайно, на заседаниях Комитета разгорались весьма жаркие дискуссии между этими членами комитета. В частности, о тогдашнем министре путей сообщения Витте отозвался весьма кратко: «человек умный, толковый...», и более никаких комментариев. Должностные обязанности управляющего морским министерством Н. М. Чихачева напрямую не корреспондировались с постройкой дороги, однако Чихачев считался человеком дела, к тому же имел реальное представление о Сибири, поскольку служил помощником Невельского [Там же].

Между тем, компетенция и место Комитета в иерархии центральных учреждений оставались неопределенными. Для внесения ясности в дело на первом же заседании Комитета 10 февраля 1893 г. были разработаны положения, определяющие принципы работы нового учреждения. В результате 24 февраля 1893 г. было принято «Положение о Комитете Сибирской железной дороги», определявшее состав, обязанности первых лиц и собственно компетенцию Комитета [3, № 9354].

Основной состав Комитета остался прежним. Кроме того, на заседания Комитета «могли быть приглашаемы» начальники Главных штабов военного и морского министерств, а также другие лица, чье присутствие могло оказаться полезным при решении некоторых вопросов. Именно поэтому на заседаниях Комитета впоследствии не единожды присутствовали министры юстиции, императорского двора, иностранных дел, а также Иркутский, Степной и Приамурский генерал-губернаторы [12, с. 177].

Основной задачей Комитета, в соответствии с «Положением», было «общее руководство делом осуществления Сибирской железной дороги и связанных с нею вспомогательных предприятий» [3, № 9354]. При этом главную цель своей работы члены Комитета сформулировали следующим образом: «... в виду исключительной важности – как в государственном и народно-хозяйственном отношении, так и в политическом отношении – предпринятой постройки сплошного рельсового пути через всю Сибирь, в связи с заселением этой страны, надлежит стремиться, прежде всего, к тому, чтобы разносторонние действия отдельных ведомств были согласованы между собою и неуклонно направляемы к общей цели» [14, с. 130]. Таким образом, Комитет Сибирской железной дороги стал особым центральным учреждением с достаточно широкой и при этом нечеткой, не конкретизированной

компетенцией. В основе Комитета лежало Учреждение Комитета министров [13, т. 1, л. 1–3].

Обладая значительной властью, Комитет при этом формально оказался лишен не только законодательной, но даже и исполнительной власти: «приведение положений в исполнение предоставляется тем министрам, от которых дела предоставлены, или ведомству коих по роду своему принадлежат» [3, № 9354].

Относительно первого обстоятельства можно заметить, что оно было благоприятно для Комитета, поскольку ускоряло принятие и введение новых законов. Объясняется подобная ситуация просто: Комитет получил возможность в обход Государственного Совета проводить большую часть законопроектов (по примеру Комитета министров) через соединенное присутствие Комитета Сибирской железной дороги и Департамента государственной экономики Государственного Совета, а зачастую просто высочайше утвержденными положениями самого Комитета [12, с. 181]. В марте 1893 г. при Комитете была учреждена Подготовительная комиссия [14, с. 133]. Создание ее инициировали сами члены Комитета. Основное предназначение комиссии заключалось в предварительном обсуждении определенных вопросов перед окончательным рассмотрением их на заседании Комитета. Прежде всего, это были финансовые проблемы, связанные с постройкой дороги. В состав комиссии входили чиновники ведомств и министерств: внутренних дел, военного и морского, земледелия, государственных имуществ и Государственного контроля. Работа Комиссии была достаточно эффективна: значительная часть вопросов к моменту их внесения непосредственно в Комитет были фактически решенными.

Таким образом, на Комитет было возложено рассмотрение вопросов, а, в конечном итоге, принятие решений по достаточно широкому кругу дел, «касающихся, во-первых, самого сооруже-

ния Сибирского рельсового пути, а, во-вторых, связанных с постройкой Сибирской железной дороги вспомогательных предприятий» [4, с. 3].

Дела первой группы носили исключительно технический характер и касались прежде всего инженерно-строительных вопросов. Вторая же часть дел, так называемые «вспомогательные», представляет для нас непосредственный интерес. Они в значительной степени способствовали модернизации социально-экономической ситуации в Сибири и в конечном итоге выводили Комитет за рамки узкоотраслевого учреждения, ставя его в один ряд с Первым и Вторым Сибирскими комитетами. Более того, так называемые «вспомогательные» предприятия, воплощаемые в жизнь решениями Комитета, имели не меньшую важность, чем непосредственные строительные работы.

К числу вспомогательных предприятий Комитета относился целый комплекс мероприятий, направленных на развитие экономики региона. К их числу принадлежали заселение территорий, непосредственно прилегающих к строящейся дороге, производство в них межевых и землеустроительных работ, всяческое поощрение развития в регионе промышленности, основанной на переработке полезных ископаемых (производство стали, каменного угля и пр.), и развитие на этой основе геологических исследований Сибири; а также развитие речного пароходства [Там же, с. 23].

Комитет всячески пытался упорядочить переселенческое движение в Сибирь. Прежде всего, он стремился к тому, чтобы ставшее очевидным фактом самовольное переселение крестьян имело организованную форму, с одной стороны, и отвечало правительственным интересам – с другой. Выступая на заседании Комитета Сибирской железной дороги в марте 1898 г., статс-секретарь А. Н. Куломзин подчеркивал, что целью предполагаемых мероприятий должно стать «благо Си-

бири имеющей в будущем развиваться в тесном единении с Европейской Россией на общую пользу Русского государства» [1, ф. 1273, оп. 1, д. 357, л. 6, 7].

Промышленному развитию Сибири способствовало решение Комитета, в соответствии с которым министрам путей сообщения, финансов, государственных имуществ и государственному контроллеру надлежало разработать комплексную программу по развитию в зоне постройки железной дороги различного рода промышленных предприятий, необходимых «для сооружения, эксплуатации и ремонта» дорожного полотна, а также «чугуноплавильного, железодельного и сталелитейного производств, ... изготовления цемента и добычи минералов, в особенности каменного угля и железной руды» [4, с. 35].

Заметим, что Комитет прилагал значительные усилия и для геологических исследований региона. В соответствии с его распоряжениями, в Сибири работал целый ряд геологических партий, занимающихся поиском и разведкой месторождений полезных ископаемых (угля, золота, железа и пр.) [Там же, с. 47].

Комитет Сибирской железной дороги просуществовал до 1905 г., однако фактически свое последнее заседание он провел 17 декабря 1903 г. За период его существования на 42 заседаниях было рассмотрено значительное количество вопросов, что, безусловно, ускорило процесс непосредственно строительства дороги, с одной стороны, а также процессы заселения и освоения территории и природных богатств Азиатской России – с другой. Создаваясь изначально как отраслевое учреждение, Комитет на протяжении более десяти лет практически осуществлял фактическое руководство азиатской политикой империи [11, с. 359].

В итоге отметим, что возникновение особых органов управления Сибирью являлось, на наш взгляд, одним из выражений политики имперского региона-

лизма в целом. Само их появление, как представляется, отражало изменение общего статуса Азиатской России в составе империи, ее места в системе экономических, хозяйственных и социокультурных связей государства. В своей деятельности особые комитеты учитывали региональную специфику края, что в конечном итоге повышало эффективность принимаемых управленческих решений. Процесс развития особых органов управления азиатскими территориями империи носил неравномерный характер, а само их возникновение обуславливалось не стратегическими, а тактическими задачами, решаемыми властью на данном историческом отрезке времени.

Тем не менее на всех этапах возникновения и деятельности особых комитетов по управлению Сибирью можно

наблюдать осторожное, а временами и достаточно сильное вмешательство государства в жизнь данной окраины. Анализ политики имперского регионализма, выполненный на примере изучения деятельности особых комитетов по управлению краем, позволяет заключить, что при несомненном учете специфики данной территории конечная цель этих высших территориальных комитетов заключалась в том, чтобы теснее увязать Сибирь с Россией. Призрак потенциального сепаратизма неотступно преследовал славный Петербург на всех этапах и уровнях развития взаимоотношений центра и периферии. Следствием этого стал отказ от политики «показной снисходительности» и переход к политике реальной унификации управления центра и окраин империи в конце XIX в.

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив (РГИА).
2. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание.
3. Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание.
4. Отчет по Комитету Сибирской железной дороги за 1893–1897 гг. – б.м., б.г.
5. Бахтурина А. Ю. Институты и структуры управления окраинами России XIX начала XX в. // Административно-территориальное устройство России. История и современность. – М., 2003. – С. 169–201.
6. Витте С. Ю. Воспоминания. – Таллинн, 1994.
7. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Особые комитеты как органы управления окраинами Российской империи в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2014. – № 2(14).
8. Кузнецов А. С. Сибирская программа царизма 1852 г. ...
9. Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. – СПб., 1899.
10. Ремнев А. В. Комитет Сибирской железной дороги в воспоминаниях А.Н. Куломзина // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX в.: сб. научн. трудов. – Иркутск, 1988.
11. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. – Омск, 2004.
12. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. – Омск, 1997.
13. Россия. Комитет Сибирской железной дороги: материалы. – 1897. – Т. 1.
14. Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. – СПб., 1903.

УДК 373 : 94 (571.54)

В. В. Базарова

ОПЫТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ
В «НАЦИОНАЛИЗАЦИИ» ШКОЛЫ
В 1917 – НАЧАЛЕ 1920-х ГОДОВ:
ОПОРА НА ИСТОРИЧЕСКУЮ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

В статье представлена школа как один из главных элементов национальной культуры государства в целом и его национальных регионов в частности. В своем развитии она тесно связана с историей и культурой общества. Бурятская школа не стала исключением, пережив в своем становлении несколько этапов. Развитие бурятского этноса в новых исторических условиях диктовало создание и дальнейшее распространение национальной школы, поэтому оправдано обращение автора статьи к истокам оформления бурятской школы, чтобы понять и проследить динамику формирования и развития национального образования в одном из восточных регионов страны.

Ключевые слова: национальная школа, национальная культура, национальная интеллигенция, бурятский язык, старомонгольская письменность, общепурятский съезд, монголо-бурятский язык.

V. V. Bazarova

THE EXPERIENCE OF THE NATIONAL DEMOCRACY
IN “NATIONALIZATION” OF SCHOOL
IN 1917 – THE BEGINNING OF 1920s:
RELIANCE ON HISTORICAL CONTINUITY

The article represents school as one of the most important element of national culture in state as a whole and its national regions, in particular. That is why in its development the school is closely related to history and social culture. The Buryat school also was not an exception having developed in several stages. The expansion of Buryat ethnos in new historical circumstances dictated the creation and further dissemination of the national school; therefore, it is justified by the author's appeal to the origins of formation of the Buryat school to understand and follow the dynamics of formation and development of national education in one of the Eastern part of the country.

Key words: national school, national culture, national intellectuals, buryat language, old Mongolian writing, mongol-buryat language.

Предпосылки создания бурятской национальной школы созрели постепенно и были продиктованы необходимостью включения значительной части бурятского этноса в оборот новых исторически складывающихся общественных отношений в России и окружающем мире. Динамично складывающиеся новые социальные взаимоотношения,

структуры и институты вызывали потребность интенсивного обмена и прорыва устойчивых замкнутых отношений кочевого и полукочевого хозяйства. Поэтому бурятская национальная школа была тесно связана с историческими особенностями бурятского этноса, с его многовековой культурой и в то же время должна была пережить в своем развитии

несколько важных этапов, связанных с ее общественным предназначением.

Исходный этап своего развития национальная школа пережила в Бурятии еще в XVIII в., когда в ее западной части при степных думах открывались церковно-приходские, миссионерские и школы русской грамоты, где преподавание велось на русском языке. Этому способствовало поселение русских среди бурят, учреждение миссионерских станов, распространение православия среди бурят, создание сети русских школ, в которых обучались бурятские дети. К тому же практическое владение русским языком было необходимо буряту для общения с русскими, для объяснения с представителями власти, для заимствования от русских опыта ведения сельского хозяйства и т. д.

Для издания учебных пособий на бурятском языке применялся русский алфавит, при этом специфические звуки бурятского языка обозначались русскими же буквами, снабженными диакритическими знаками. В одной из этих школ, которая со временем получила название монгольской, преподавался монгольский язык в качестве ведущей дисциплины. В этой школе готовили миссионеров-проповедников из бурят, и факт преподавания родного языка не остался без внимания. Следует отметить, что священнослужители, преподававшие в этих школах, создавали грамматические сочинения и русско-бурятские словари. Так, в 1878 г. в Казани была опубликована «Грамматика монголо-бурятского разговорного языка» протоиерея А. Орлова, в которой наиболее полно описана грамматика бурятского языка. Позднее, в 1909 г. другой священник И. А. Подгорбунский издал в Иркутске «Русско-монголо-бурятский словарь», в котором получила отражение преимущественно лексика западных говоров бурятского языка. Помимо всего прочего в начале XX в. на западнобурятской письменности, основанной на русской графике, на-

чала создаваться и частично издаваться художественная светская литература и произведения устного народного творчества. Издательством «Наран» в Петербурге было издано несколько брошюр на западнобурятском и хоринском диалектах, два выпуска «Сборника монголо-бурятской народной поэзии» и сборник сказок, загадок и пословиц «Буриаад хурь» под редакцией Ц. Ж. Жамцарано. На упрощенной транскрипции, основанной на русском алфавите, издавались крупные бурятские улигеры. Таким образом, накопленный опыт применения русской графики для бурятского языка способствовал его активному применению и в то же время воспринимался как результат русификаторской политики царской России и насильственного обрусения бурят. В таком виде эта письменность в большей степени была распространена в основном в западной части Бурятии.

Бурятская общественность, а это в основном прогрессивно настроенная интеллигенция, критиковавшая русификаторскую школьную политику, стала чаще обращаться в своих заявлениях к теме о национализации школы. Однако эти настроения не находят поддержки, и только революционная эпоха 1905 г. дает возможность открыто высказываться на бурятских съездах по вопросу о национальных школах, создает определенные настроения в пользу изменения образовательной политики в отношении бурятских школ. Подобные движения многочисленных народов России вызвали необходимость принятия в 1908 г. Государственной Думой законопроекта «Правила о начальных училищах для инородцев», где было прописано о том, что в первые два года обучения языком преподавания вводится родной язык. Казалось бы, принятый закон позволит ввести в национальных образовательных учреждениях преподавание на родном языке, но на деле оказалось все не так просто. Попытка добиться разрешения ввести преподавание на родном языке

хотя бы в первый год обучения, к сожалению, не увенчалась успехом. В силу сложившихся обстоятельств бурятский язык во многих школах начинает преподаваться нелегально, этот факт еще раз подтвердил крайне негативное отношение идеологии царского правительства к национальным интересам инородцев.

Многочисленный фактический материал и многие современные исследования показывают, что такая политика вызывала негативную ответную реакцию со стороны национальной интеллигенции. Бурятская интеллигенция, отражавшая настроения радикальной и наиболее образованной части этноса, начала предпринимать активные действия для спасения национальной культуры бурят. Движение за спасение этой культуры и возрождение ее на более высокой ступени возглавила небольшая группа представителей духовенства, лидерство в которой принадлежит Агвану Доржиеву, видному политическому, общественному и религиозному деятелю. Среди множества проблем особое место занимал вопрос о судьбе языкознания и функционировании языка в структуре современных отношений. Именно в период назревания перелома в исторических судьбах Российской империи впервые была поставлена цель и совершен значительный шаг вперед в деле реформирования монгольского алфавита, который получил название «агвановского». Он представлял собой тот же монгольский алфавит, но более уточненный. Уточнение, в частности, заключалось в изменении количества знаков в соответствии со звуковым составом бурят-монгольского языка. Наряду с реформой алфавита были предприняты попытки создания законов правописания на основе разговорного языка. Эту реформу позднее признали половинчатой, поскольку сохранялся вертикальный характер письма, а знаки алфавита представляли собой несколько видоизмененные знаки монгольского алфавита. Но именно этот шаг оказался первым на

извилистой дороге длительного периода опытов, дискуссий, модернизаций, надежд и разочарований в языковом строительстве и политике на обширном пространстве Восточной Сибири.

В 1910 г. возник вопрос о замене бурят-монгольского алфавита латинским. Во главе нового течения стоял известный бурят-монгольский ученый Б. Б. Барадин. В этом же году в свет выходит его брошюра «Отрывки из бурятской народной литературы», в которой были использованы некоторые произведения устного народного творчества бурят в латинской транскрипции и приведено подробное объяснение к новому алфавиту на латинской основе. Идея латинизации, выдвинутая Б. Б. Барадиным, встретила решительный отпор со стороны агвановской группы. Сторонники «агвановской» группы стояли на позициях усиления связи с Монголией. Принятие же нового латинизированного бурят-монгольского алфавита означало для них отрыв от Монголии и от всего монгольского мира, что, в свою очередь, могло помешать им распространять среди бурят «все то, что должно будить, возвышать и заставлять стремиться к лучшему». Противостояние привело, в конце концов, к дискредитации нового алфавита, вплоть до негативных оценок со стороны правительственных кругов Российской империи. Миссионерская русская и латинская транскрипции бурятского алфавита, упрощенный монгольский «агвановский» алфавит, старомонгольская письменность не получили массового распространения в Иркутской губернии и явились объективными причинами несостоятельности идеи национализации школы, которая активно обсуждалась на различных совещаниях и съездах, провозглашалась в эпоху революций 1905–1907 гг., февральской революции 1917 г. вместе с лозунгами о национально-культурном самоопределении наций, вызвавшими общий подъем бурятской общественности.

Так, эта идея нашла свое отражение в конкретной программе по национализации школы, выдвинутой на съезде бурятских учителей и активных деятелей народного образования, проходившем в мае 1917 г. в Иркутске. Согласно этой программе основным языком преподавания в школе должен быть только родной язык, предлагалось ввести изучение истории и географии бурят-монголов, соблюдать автономию органов народного образования бурят, руководить которыми будут окружные бурятские училищные советы, а также ввести изучение старомонгольского алфавита для обучения письменности, организовать курсы по монгольскому языку и монголоведению для учащихся бурятских школ, создать компетентные комиссии для составления учебных планов и учебных программ [7]. Такая программа была смелой и прогрессивной, но полное отсутствие алфавита и письменности на родном языке стало настоящим тормозом на пути ее осуществления. На деле все свелось к тому, что в школах стал применяться бурятский разговорный язык, который из-за отсутствия алфавита не смог стать предметом и языком преподавания, тем более консолидирующим началом для национальной школы. Бурятская интеллигенция не оказала в тот период достаточной поддержки в национализации народного образования, поскольку была вовлечена в решение задач политического характера. Бурятским органам образования удается организовать для учителей-бурят курсы по монголоведению и открыть при I-й учительской семинарии кафедру монгольского языка. По материалам Иркутского Статбюро, в 1918 г. по Иркутской губернии из общего числа школ бурятских насчитывалось 165, что составляло 17,2 % от общего числа.

Последующие годы создадут более устойчивое положение народного образования, системы просвещения бурят. Становится понятным, что проблему национализации школы можно разрешить

только в общебурятском масштабе, совместно с бурятами из восточной части Бурят-Монголии. Восточные буряты с давних пор жили в тесном соседстве с монголами. Такое соседство и сотрудничество способствовало распространению старомонгольской письменности среди них, что, несомненно, сближало народы и делало доступным их взаимопонимание. Буряты восприняли многое из уклада жизни монголов, а также и их религию – ламаизм, который получил широкое распространение на территории Забайкалья. К концу XIX в. ламы составляли около 10 % всего бурятского населения [3]. Одновременно интенсивно расширялась и сеть ламских школ при дацанах. Многие представители национальной интеллигенции поддерживали ламство и созданные ими дацанские школы. Так, один из известных ученых и общественных деятелей того времени, борющийся за национальное возрождение своего народа, Ц. Жамцарано писал, что процесс развития общества, его очередной качественный скачок способствовал созданию определенных атрибутов этого этапа. Тогда стало необходимым строить большие дацаны, школы, что, в свою очередь, способствовало появлению лам, «занимающихся изучением разных областей человеческого знания по индийско-тибетским источникам. Среди лам (не менее 90 %) являются представителями трудовой интеллигенции, которые «отбывают все общественные повинности с мирянами». И как только в России установятся лучшие порядки, когда европейское образование станет достоянием всех нуждающихся и страждущих знаний, сохранив национальные языки, культуру, «дацаны преобразуются или в маленькие бурятские города с массой учебных заведений или в монашеские скиты» [4, с. 17]. Чуть ранее он писал и о просветительской роли дацанов. Помимо содержания школ и библиотек ламы издавали книги на монгольском и тибетском языках. Например, издания Агинского и

Цугальского дацанов на тибетском языке по психологии, философии, медицине, грамматические, историко-религиозные, медицинские сочинения на монголо-бурятском языке были востребованы в Монголии [5, с. 20]. Считая бурятский дацан центром просвещения (со своей национальной школой, экзаменами, дисциплиной, со своими учителями и учениками), Ц. Жамцарано все же считал необходимым изменить характер, направление и содержание обучения в дацанских школах. Эта реформа касалась всего образования в таких школах, поскольку предлагалось перейти на более высокую ступень развития – стать академией с 10-летним курсом обучения, с 4-мя факультетами, с введением европейских наук. Этим идеям не суждено было претвориться, еще тогда на страницах печати они подверглись острой критике, позднее эти идеи назвали «узконационалистическими и проламаистскими».

Проблему создания бурятской школы активно обсуждали на разного рода совещаниях, собраниях, съездах, конференциях. И как часто бывает в исторической практике, итогом горячих дискуссий явилось появление двух направлений, каждое из которых отстаивало свою точку зрения на эту проблему. Сторонники одного из этих направлений считали, что создавать национальную школу в этот период развития страны нецелесообразно, что все усилия по ее созданию напрасны. Они говорили, что русификация идет такими быстрыми темпами, что не будет возможности ее остановить. В стране, где большая часть населения – представители русской национальности, будут создаваться русские школы, где основным языком преподавания будет русский, которому дан статус государственного языка. Зачем создавать национальную культуру ради самой культуры. По всему получается эта пустая трата сил, средств и времени. А сторонники национальной школы считали, что усваивать новые знания в полном объеме могут

учащиеся только на родном языке. Они говорили, что родная речь, знакомая детям с детства, позволяет им чувствовать себя увереннее, комфортнее в стенах школы. Преподавание на родном языке дает возможность учителям и учащимся превращать учебный процесс в совместное сотрудничество и одновременно приближает их к реалиям окружающего мира. Знание старомонгольской письменности и литературного монгольского языка позволит учащимся познакомиться с историей своего народа, с древнейшими письменными памятниками, которые расскажут о богатой национальной культуре монгольского мира. Одним из основных доводов в пользу национализации образования явилась политика новой государственной власти, которая слишком разнилась с русификаторской политикой царского правления.

Сплошь такими настроениями была пронизана работа общенационального съезда бурят Забайкальской области и Иркутской губернии, состоявшегося в апреле 1917 г. На этом съезде выступил известный бурятский ученый Г. Ц. Цыбиков. Его доклад так и назывался «О национализации бурятских школ». В своем выступлении он отметил, что при старом строе языком преподавания был непонятный для бурятских учащихся русский язык, а их родной язык находился в полном загоне. Дух преподаваемых предметов был явно русификаторский, в них не было упоминаний о родном народе, языке, литературе, истории, его материальной и духовной культуре, о которых дети были лишены возможности получать знания на родном, общепонятном языке [6, с. 22]. Г. Ц. Цыбиков призвал учителей все свои силы, знания, опыт отдать «на дело просвещения родного народа путем национализации существующих школ и создания новых». Признав национализацию образования неотложной задачей, общебурятский съезд принимает резолюцию, где было прописано:

– с начала будущего, 1917–1918 учебного года ввести, где возможно, в бурятских национальных школах, низших и высших, преподавание на родном языке;

– включить в программу преподавания как обязательные предметы: а) монголо-бурятский язык; б) история бурят и монголов; в) история монгольской литературы; г) бурятоведение (родноведение);

– открывать курсы для взрослых и библиотеки-читальни;

– для проведения в жизнь национализации школы избрать особый училищный совет с правом инспектирования бурятских школ;

– выяснить количество детей школьного возраста обоего пола и число учителей;

– принять меры к увеличению казенных и общественных стипендий;

– установить постоянные летние курсы [1, ф. 483, оп. 1, д. 67, л. 1–1об].

Для реализации принятого постановления первого общебурятского съезда учителей были образованы Бурятские училищные советы Забайкалья и Иркутской губернии, главным назначением которых было осуществление в школьной жизни принципов свободной, демократической, национальной школы. Ими были разработаны первые программы по монголоведению и бурятоведению, по истории монголо-бурятской литературы и методике монголо-бурятского языка, составлены «Временные правила и программы для испытания на звание учителя монголо-бурятского языка в бурятских низших начальных училищах», «Положение о постоянных педагогических курсах при Агинском высшем начальном училище» [Там же, ф. 63, оп. 1, д. 9, л. 150]. Кроме всего прочего советы занимались множеством других организационных вопросов, которые касались становления бурятских школ в Иркутской губернии и Забайкальской области, например, подготовкой педагогических

кадров, выдачей жалования, строительством новых школ, изданием учебной и методической литературы и др. [Там же, л. 55]. Несомненно, училищным советам удалось претворить в жизнь идею о национальной школе, несмотря на сложную экономическую и политическую ситуацию в стране, несмотря на хаос и неразбериху периода гражданской войны. Уже к концу текущего года им удалось открыть первые бурятские школы, преобразовать имеющиеся низшие начальные школы, организовать первые учительские курсы, где начали готовить преподавателей для национальных учебных заведений. По существу, как показало время, ими была создана первая экспериментальная площадка, с которой удачно стартовала мечта, рожденная в непрерывных дискуссиях передовой национальной интеллигенции, превратившись с течением времени в национальную идею, которую смогли претворить в практику. К сожалению, позднее деятельность училищных советов и их руководителей – Ц. Жамцарано, Г. Цыбикова, Э. Ринчино, Б. Барадина, Ф. Коняева, И. Малкова и др. – была подвергнута жесткой критике, их обвинили в буржуазном национализме и панмонголизме, их имена были преданы забвению на долгие годы. Это было потом, а пока училищные советы отвечали интересам и настроениям власти и смогли организовать свою работу так, чтобы уже само руководство стало рассматривать вопросы национализации образования на своих многочисленных съездах, конференциях, совещаниях. Итогом таких совещаний являлись, как правило, принятые постановления, где училищным советам поручалось разрабатывать те или иные важные вопросы, касающиеся национальных бурятских школ и других учебных заведений.

В Забайкальской области к 1917 г. было 48 бурятских школ, что составляло всего 4,8 % от их общего числа [Там же, ф. 1, оп. 1, д. 103, л. 3]. В целом образовательная система в Забайкалье в

условиях быта и традиций народа была более устойчивой, что не могло способствовать реализации вопроса о национализации школ. Родной язык сначала под видом вероучения Будды, а затем как основной язык преподавания прочно закрепился в начальной школе. К тому же широкое распространение среди местного населения монгольской письменности способствовало созданию самых благоприятных условий для осуществления преподавания в бурятских школах на родном языке. Учителям бурятам удалось без особых усилий преподавать в школе на родном языке, поскольку многие из них свободно владели разговорным бурятским и письменным монгольским языками.

К сожалению, нехватка методической и учебной литературы на бурятском языке, а в некоторых аймаках – их полное отсутствие, слабая сеть национальных школ, недостаточное количество подготовленных учителей привели к тому, что осуществление национализации образования стало невозможным. Однако примером неумемного творческого подхода к решению сложных задач в деле национализации бурятской школы стали преподаватели и деятели народного образования Агинского аймака, которые впоследствии смогли оказать ощутимое влияние на всю школьную политику в восточных аймаках. Преподаватели Агинской школы создали у себя 2-летние курсы по подготовке национальных кадров, объединив вокруг своей школы лучших педагогов. На разного рода конференциях и съездах они обсуждали, а затем и разрабатывали теоретические основы национализации школы, различные методические и учебные пособия на родном языке. В Агинском аймаке удалось провести национализацию школы повышенного типа, что явилось первым бесценным опытом в общепурятском масштабе [2, общ. ф., оп. 1, д. 131, л. 4]. Таким образом, всем стало понятно, что создание национальной школы, а тем

более осуществление всеобщего начального, а затем и семилетнего обучения на родном языке – дело сложное и трудоемкое. Для этого необходимо было, прежде всего, создать свою письменность, организовать подготовку национальных педагогических кадров, подготовить учебники родного языка и литературы, а также создать новые или перевести на родной язык учебники по всем общеобразовательным предметам, разработать учебные программы, издать методические пособия для учителей.

Следующим этапом в становлении бурятской школы можно считать совещание по культурно-национальным делам в с. Додо-Анинском в 1922 г., которое имело серьезное и крупное мобилизующее значение. На этом совещании, в первую очередь, были подняты вопросы, которые касались, в основном, народного образования, национализации школ, организации высшего учебного заведения, книжного издательства. Учреждение ученого общества для изучения материальной и духовной культуры Бурят-Монголии рассматривалось как один из фундаментальных вопросов, который должен был сыграть решающую роль в становлении всей структуры национальной культуры. В ходе конференции было принято решение о создании научно-исследовательского комитета, который стал называться Бурят-Монгольским ученым Комитетом (Буручкомом), председателем которого был единогласно избран Б. Барадин – выдающийся представитель научной интеллигенции Бурятии, талантливый организатор науки и образования, яркий представитель российского востоковедения.

В последующие годы проекты создания «национальной школы» в национальных регионах страны по замыслу политического руководства были призваны стать одним из основных составляющих элементов национальной культуры народов государства. Считалось, что национальная школа как сознательно органи-

зованная система воспитания и образования позволит народам самостоятельно не только развивать свою культуру, но и приобщиться к еще более высокой культуре. Исходя из концепции «национальной по форме и социалистической по содержанию» школа должна была стать элементом национальной культу-

ры. Национальной по форме, поскольку она легко приспосабливается к языку и другим этническим особенностям своего народа; классовой – по содержанию, поскольку была призвана обслуживать интересы определенного класса или общества в процессе его развития.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).
2. Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ЦВРК ИМБТ СО РАН), общ. ф., оп. 1, д. 131, л. 4.
3. Бурятия от ликбеза до филиала Академии наук. – Улан-Удэ, 1969.
4. *Жамцарано Ц.* Бурятское народническое движение и его критика // Сибирские вопросы. – 1907. – № 23.
5. *Жамцарано Ц.* Народническое движение бурят и его критика // Сибирские вопросы. – 1907. – № 21.
6. Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Сборник документов. – Улан-Удэ, 1994.
7. Просвещение Бурятии. – 1929. – № 1–3. – С. 79–83.

УДК 94 (571.54) (09)

А. В. Пашинин

**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ТРОИЦКО-СЕЛЕНГИНСКОГО
МОНАСТЫРЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНЦЕВ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ**

Рассмотрены некоторые особенности архивных документов из фонда «Троицко-Селенгинский монастырь» Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ), касающихся результатов первой (1723–1725 гг.) и второй (1744 г.) ревизских переписей населения, способствующих осуществлению генеалогических исследований о происхождении крестьянских и посадских семей.

Ключевые слова: ревизские сказки, «генералитецкая» перепись, родословная, перепись населения, генеалогические исследования.

A. V. Pashinin

**ARCHIVAL MATERIALS OF THE TROITSKO-SELENGINSKIY
MONASTERY OF THE FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY
AS A SOURCE ON THE LINEAGE
OF THE FIRST SETTLERS IN WEST TRANSBAIKALIA**

The article considers some peculiarities of archival documents from the funds of the Troitsko-Selenginskiy monastery fund in the State Archive of the Republic of Buryatia (GARB) containing results of the first (1723–1725) and second (1744) population censuses. These sources assist in studying genealogy of peasant and tradesmen families.

Key words: census records, “generalship” census, genealogy, census, genealogical studies.

В 1681 г. по указу царя Федора Алексеевича, благословлению патриарха Иоакима и наказу тобольского митрополита Павла на берегу р. Селенга членами Даурской духовной миссии был основан Свято-Троицкий Селенгинский мужской монастырь. Подобно ставропигии обитель непосредственно подчинялась Святейшему Синоду. В конце XVII – первой половине XVIII в. монастырь, являясь одним из официальных религиозных центров в Западном Забайкалье, владел значительными земельными и рыбными угодьями, способствовал в крае распространению христианства и основанию новых поселений, осуществлял активный внутренний и внешний

документооборот конфессионального и светского характера.

Среди других фондов ГАРБ фонд № 262 «Троицкий Селенгинский монастырь» отличается тем, что в нем сосредоточены самые ранние (с конца XVII в.) из имеющихся в настоящее время на территории РБ архивных документов [4, с. 5–6].

Требование к переписи в Троицко-Селенгинском монастыре монахов, работников, крестьян и их детей, племянников и внуков озвучивалось еще в 1714 г. в наказной грамоте губернатора Сибири князя Гагарина. В 1721 г. монастырю, по распоряжению коменданта С. В. Ракитина, предписывалась высылка

в Иркутскую приказную палату именных книг со сведениями о сборе подворовых денег. В 1724 г. планировалось «взять» в подушный налог 311 крестьян и вкладчиков, а также их детей и бобылей [1, ф. 262, оп. 1, д. 2, л. 14об., 15, 81; д. 3, л. 45].

При исследовании фонда был выявлен ряд документов, содержащих сведения о первой (генералитецкой) и второй ревизских переписях населения [Там же, д. 2 (236 л.); д. 3 (292 л.); д. 4 (38 л.); д. 10 (28 л.); д. 31 (264 л.); д. 32, ч. 1 (170 л.); д. 32а, ч. 2 (л. 171–311); д. 32б, ч. 3 (л. 312–465); д. 41 (109 л.); д. 54, т. 1 (124 л.); д. 55 (524 л.); д. 500 (6 л.); д. 517 (43 л.)].

Установлено, что дело с названием «Тетрадь для записи лиц бывших у исповеди Троицко-Селенгинского монастыря» на самом деле представляет собой фрагмент первой ревизии о переписи ремесленных людей, записанных в цех по Селенгинской ратуше [Там же, д. 500, л. 1–6об.].

В этом деле в неалфавитном порядке занесены сведения о 37 ремесленниках: в ноябре 1724 г. – в отношении 11-ти человек, 15 декабря 1724 г. – 7 чел., 1 января 1725 г. – 2 чел., 3 января – 5 чел., 9 января – 4 чел., 10 января – 8 чел. На фрагментарность сказки указывают 5 и 6 листы, содержащие обрывочную и неполную информацию о 26-м и 37-м цеховых ремесленниках.

Запись персональных данных по каждому ремесленнику производилась в стиле близком к писцовым книгам. Осуществлялась сплошным текстом и с обозначением возраста буквенной цифирью: «724 (725) года ноября (декабря, генваря) ___ дня ремесленный человек ___ сын ___ сказал со сроду ему ___ лета братьев у нево и сродственников и крепостных и детей мужеского полу никого нет (или – «брат, отец (имя, фамилия) ___ лета») своего двора не имеет («живет своим двором») а в цеху записался в Селенгинской ратуше по _____ пригороду (_____ острогу) для _____ ремесла (художества, мастерства, про-

мысла) вечно (временно) точно сего 724 (722–725) года а будет жить в _____ а будет _____ сказать ложно или что утаил и за то утайну указал бы его Императорское Величество учинить мне смертную казнь к сосказанному вместо _____ ево велением _____ руку приложил».

Из 37 человек 8 были младше 15 лет, от 15 до 20 лет насчитывался 1 чел., от 21 до 30 лет – 9 чел., от 31 до 40 лет – 14 чел., от 41 до 50 лет – 3 чел., старше 51 года – 2 чел. В 1722 г. в ремесленниках значился 1 чел., в 1723 г. – 1 чел., в 1724 г. – 26 чел., в 1725 г. – 6 чел.

Свой двор имели или проживали в доме отца 10 чел., 11 занесенных в сказку показали об отсутствии собственного жилья. В Кабанском остроге проживало 6 чел., в Ильинском (Ыльинском) остроге – 3 чел., в Удинском пригороде – 16 чел. (в т. ч. Куйтунской деревне – 2 чел.), в Селенгинском пригороде – 9 чел., в Селенгинске – 1 чел., в Троицко-Селенгинском монастыре – 1 человек. 5 ремесленников сообщили о наличии у них братьев, 9 – отцов, 2 – сыновей, 1 – шурина. В 15 случаях ремесленные люди проживали у служилых, посадских, вдов Ильинского острога, Удинского и Селенгинского пригородов.

«Вечно» планировали заниматься ремеслом 28 чел., «временно» – 7. К чужбному ремеслу имели причастность 6 чел., кузнечному – 5, кожевенному и чулошному художествам – по 3, портному, горшечному, мыльному, харчевному промыслам – по 2, плотничьему, токарному, сыромятному, шапошному, купеческому, оловянному художествам, бочарному и серебряному мастерствам, «разному» – по 1.

За подавляющее большинство ремесленников подписывались их отцы (Осип Жданов, Сидор Толстых) или другие лица. Больше всех «руку приложили» Василий Шестаков (13 раз), Дмитрий Хайдуков и Дмитрий Шабалтасов – по 4, Стеха Горбов и Архип Цынков

– по 2. По одному разу свидетельствовали Александр Главинсков, Константин Туплнев (? – фамилия прочитывается неразборчиво), Прокопий Таракановский, Платон Шаурков (?), Степан Воронцов, Стеха Кулаков, Шелестников (?). В трех случаях записи о свидетельствах отсутствовали. Всего по сказке в том или ином качестве упоминается 79 человек.

В сказку внесены следующие лица: 1) «724 года декабря 15 дня» – Тихон Трофимов сын Чебыкин 40 лет, имел брата Платона, в цеху записан вечно с 724 года для плотничьего ремесла [1, ф. 262, оп. 1, д. 500, л. 1]; 2) Матвей Федотов сын Драчетев 30 лет, имел брата Егора 15 лет, без двора, в цеху записан вечно с 724 года для кожевенного ремесла с проживанием в Кабанском остроге; 3) Дмитрий Иванов Стариков 26 лет, имел отца 48 лет, братьев 8 и 18 лет, без двора, в цеху записан вечно с 724 года для чеботных дел с проживанием в Ильинском остроге у посадского Семена Колоколова (руку приложил Александр Главинсков); 4) Алексей Иванов сын Трунев 39 лет, имел сына Федора, в цеху записан вечно с 724 года для кузнечного ремесла с проживанием своим двором в Ильинском остроге (руку приложил Константин Туплнев) [Там же, л. 1об.]; 5) Агапий Дмитрий сын Костиных 40 лет, в цеху записан вечно для чеботного ремесла с проживанием своим двором в Ильинском остроге (руку приложил Прокопий Таракановский); 6) Иван Герасим сын Димовых 40 лет, без двора, в цеху записан вечно с 724 года для кузнечного ремесла с проживанием у отставного удинского служилого человека Григорья Зарубина (руку приложил Стеха Горбов); 7) «того же числа» – Петр Пантелеев сын Емшинов 33 лет, имел отца Пантелея 60 лет, в цеху записан вечно с 724 года для кожевенного ремесла с проживанием своим двором в Кабанском остроге (руку приложил Стеха Горбов) [Там же, л. 2]; 8) «того же ноября дня» – Герасим Степанов сын Зарубин 11 лет, в цеху записан

вечно с 724 года для кузнечного ремесла с проживанием своим двором в Удинском пригороде (руку приложил Платон Шаурков); 9) Козьма Осипов сын Жданов 13 лет, в цеху записан вечно с 724 года для кузнечного ремесла с проживанием в доме отца Осипа Жданова в Удинском пригороде (руку приложил Осип Жданов); 10) Стефан Сидоров сын Толстых 26 лет, в цеху записан вечно с 724 года для кузнечного ремесла с проживанием в доме своего отца Сидора Толстых в Удинском пригороде (руку приложил Василий Шестаков) [Там же, л. 2об.]; 11) Еремей Борисов сын Грязных 40 лет, в цеху записан временно с 724 года для кожевенного ремесла с проживанием в Куйтунской деревне Удинского присутствия (пригорода) Селенгинской ратуши в доме удинского служилого Григория Титова (руку приложил Василий Шестаков); 12) Иван Владимиров сын Алпатов 48 лет, в цеху записан временно с 724 года для токарного ремесла с проживанием в Куйтунской деревне Удинского присутствия (пригорода) Селенгинской ратуши в доме удинского служилого Григория Титова (руку приложил Шелестников); 13) Григорий Иванов сын Лосев 14 лет, в цеху записан вечно с 724 года для чеботного ремесла с проживанием в Удинском пригороде Селенгинской ратуши в доме своего отца удинского служилого Ивана Лосева (руку приложил Дмитрий Шабалтасов) [Там же, л. 3]; 14) Сидор Савинов сын Назимов 27 лет, в цеху записан вечно с 724 года для сыромятного ремесла с проживанием в Удинском пригороде в доме удинского служилого Григория Краснояра (руку приложил Дмитрий Шабалтасов); 15) Кирило Терентьев сын Скуратов 12 лет, в цеху записан вечно с 724 года для чеботарного ремесла с проживанием в Удинском пригороде Селенгинской ратуши в доме своего отца удинского служилого человека Терентия Скуратова (руку приложил Степан Воронцов); 16) «того же ноября дня» – Афанасий Ле-

онтьев сын Рваных 40 лет, в цеху записан вечно с 724 года для портного ремесла с записью по цеху Селенгинской ратуши в качестве купца с проживанием в Удинске в доме своего шурина Петра Скороходова (руку приложил Дмитрий Хайдуков) [1, ф. 262, оп. 1, д. 500, л. 3об.]; 17) Иван Иванов сын Большаков 14 лет, в цеху записан вечно с 724 года для чеботного ремесла с проживанием в Удинском пригороде Селенгинской ратуши в доме своего отца удинского служилого Ивана Большакова (руку приложил Дмитрий Хайдуков); 18) Тимофей Дмитриев сын Слободчиков 69 лет, в цеху записан вечно с 724 года для горшешного ремесла с проживанием в Удинском пригороде Селенгинской ратуши (руку приложил Архип Цынков); 19) «725 года января 1 числа» – Иван Давыдов сын Ступин 29 лет, в цеху записан вечно для горшешного ремесла с 725 года с записью в цех по Удинскому пригороду Селенгинской ратуши (руку приложил Архип Цынков); 20) «724 года января (?) дня» – Иван Алексеев Крултов (?) 39 лет, в цеху записан вечно с 724 года для портного ремесла без своего двора с проживанием на подворье селенгинского посадского Ивана Протопопова (руку приложил Василий Шестаков) [Там же, л. 4]; 21–22) «725 года января 3 дня» – Антон 15 лет и Иван 13 лет Волищевы, в цеху записаны вечно для мыльного ремесла с 724 года с проживанием на подворье своего отца в Удинском пригороде (руку приложил Василий Шестаков); 23) Никифор Федоров сын Шахов 40 лет, в цеху записан вечно с 724 года с записью по цеху Селенгинского пригорода Селенгинской ратуши с проживанием в Селенгинске в доме посадского Ильи Макова (руку приложил Дмитрий Шабалтасов) [Там же, л. 4об.]; 24) Елисей Кирилов сын Новолоцкий 40 лет, в цеху записан временно с проживанием в Селенгинском пригороде Селенгинской ратуши в доме казачьей жены Иванова дочери Ушаковой (руку приложил Василий Ше-
стаков); 25) Илья Иванов Серенин 35 лет, без двора, с 723 года проживает в Удинском пригороде в доме у вдовы Гликерии Васильевой дочери _____ (?) (руку приложил Василий Шестаков); 26) «725 года января 9 дня» – Сава Афонасьев сын Меньшиков 52 лет, в цеху записан вечно с 725 года для бочарного мастерства с проживанием в Кабанском остроге (руку приложил Василий Шестаков) [Там же, л. 5]; 27) «725 года 9 января» – Прокопей Иванов сын Черепанов 38 лет, в цеху записан вечно с 725 года для серебряного мастерства с проживанием в Кабанском остроге (руку приложил Василий Шестаков); 28) Яким Семенов сын Белозеров 27 лет, в цеху записан с 725 года без двора для разного ремесла с проживанием в Троицком Селенгинском монастыре (руку приложил Василий Шестаков); 29) Михайло Андреев сын Махаев 43 лет, в цеху записан вечно с 725 года без двора для чеботного ремесла с проживанием в Кабанском остроге Селенгинской ратуши (руку приложил Василий Шестаков) [Там же, л. 5об.]; 30) «725 года января 10 дня» – Григорий Емельянов сын Белоплотов 40 лет, имел сына Семена, в цеху записан вечно с 724 года без двора для чулошного ремесла с проживанием в Селенгинском пригороде Селенгинской ратуши у посадского человека Якова Красикова (руку приложил Стеха Кулаков); 31) Иван Терентьев сын Шангин 17 лет, в цеху записан вечно с 724 года с проживанием в Селенгинском пригороде Селенгинской ратуши у служилого человека Филиппа Чабаевского (руку приложил сам); 32) Алексей Андреев сын Турчанинов 14 лет, в цеху записан вечно с 724 года для шапошного ремесла с проживанием в Селенгинском пригороде (руку приложил Василий Шестаков) [Там же, л. 6]; 33) Дмитрий Яковлев сын Барислуков 22 лет, в цеху записан вечно с 725 года для чулошного художества с проживанием в Кабанском остроге Селенгинской ратуши (руку приложил Дмитрий Хайдуков); 34) Иван Федоров

сын Викулин 47 лет, в цеху записан временно с 722 года без двора для оловянного художества с проживанием в Селенгинске в доме у селенгинского служилого Филата Оносова; 35) Родион Иванов сын Татаринов 31 года, в цеху записан вечно с 724 года для чулочного художества с проживанием в Селенгинском пригороде (руку приложил Дмитрий Хайдуков) [1, ф. 262, оп. 1, д. 500, л. 60б.]; 36) Иван Григорьев сын Гарманов 26 лет, в цеху записан временно с 724 года без двора для харчевного промысла с проживанием в доме селенгинского посадского Ивана Осипова (руку приложил Дмитрий Шабалтасов); 37) Василий Иванов сын Глазачев 27 лет, в цеху записан временно с 724 года без двора для харчевного промысла с проживанием в доме селенгинского посадского Ивана Веева (?).

Существование 25 из вышеперечисленных лиц подтверждается данными в некоторых ранее опубликованных документах. Например, по ведомости Селенгинской приказной избы от 1720 г. в качестве конных казаков за 1714 г. упоминается Филат Оносов, за 1717 г. – Яков Красилов [2, с. 68, 69]. По Переписной книге убылым после первой переписи [3, с. 55–57, 59, 60, 63–65] (составление, ориентировочно, в 1744 г.) проходят: Иван Гарманов – умер селенгинским цеховым (№ 102), Филипп Чабаевский (№ 177), Иван Черепанов (№ 336) и Иван Викулин (№ 393) – умерли селенгинскими разночинцами, Григорий Белоплотов – переведен в селенгинские посадские (№ 500), Семен Белоплотов – после перевода в селенгинские посадские (№ 501) был рекрутирован (№ 110), Григорий Зарубин (№ 635), Григорий Титов (№ 675), Терентий Скуратов (№ 684), Григорий Краснояр (№ 704), Осип Жданов (№ 752) и Степан Зарубин (№ 780) – умерли разночинцами Удинского пригорода, Тимофей Слободчиков – определен в цех (№ 919) и умер в Удинском пригороде (№ 614), Архип Цынков – призван на действительную казачью службу

(№ 923), Михаил Махаев (№ 1186) и Прокопий Черепанов (№ 1188) – умерли цеховыми Кабанского острога, Дмитрий Хайдуков (№ 1377) – умер посадским, а Иван Стариков (№ 1491) умер разночинцем в Ильинском остроге. В третью ревизскую сказку 1762 года [Там же, с. 74, 76] вносились также: Стахия Горбов (ильинский посадский), Василий Шестаков (умер в 1752 г. в Ильинском остроге), Прокопий Торокановский (посадский Ильинского острога), Степан Воронцов (умер в 1754 г. в Ильинском остроге), Стефан Толстой (отставной казак Удинского пригорода).

Помимо рассмотренного фрагмента первой генералитецкой сказки в ГАРБ о данной переписи имеются также упоминания в сказках прихожан, монастырских промемориях, реестрах, инструкциях, генеральных переписях и списках о крестьянах и вкладчиках.

Так, в марте 1724 г. ряд вкладчиков Троицко-Селенгинского монастыря «рукоположено», с написанием своих фамилий, имен и отчеств, дали сказку о том, что «находились на рыбном промысле и указа господина князя Солнцева о записи в подушную перепись не слышали» [1, д. 3, л. 127, 128, 131, 132].

В реестре монастыря от 5 декабря 1724 г. упоминается наличие подушной книги Хилоцкой деревни, в которой числилось 128 жителей в лице вкладчиков, разночинцев и пашенных крестьян [Там же, л. 112–113].

По монастырским реестрам 1724–1726 гг. за утаение мужских ревизских душ денежные штрафы предусматривались в отношении пашенных крестьян, вкладчиков и служек Кокуйской, Темлюйской и Хилоцкой деревень. При этом выявлялись и в реестры с проставлением возраста поголовно заносились все имеющиеся в наличии родственники-мужчины: дети, братья, шурины (всего более 200 человек) [Там же, л. 104–106, 115–115об., 118, 191–191об., 241, 242].

В документах монастыря от 29 марта 1725 г. упоминается подача в 1723–1724 гг. сказок о себе для составления переписи генералитетом мужским крестьянским населением в количестве 334 человек, проживавших в 58 дворах [1, д. 4, л. 1об., 4об.].

В январе 1726 г. Троицко-Селенгинским монастырем был подготовлен подробный промеморий на 150 лиц мужского пола – пашенных и отставных пашенных крестьян, вкладчиков, членов их семей (детей, братьев, племянников, зятьев) и смердов, проживавших в Кокуйской, Темлюйской и Хилоцкой деревнях. С написанием фамилий, имен, отчеств и возраста раздельно по крестьянам и вкладчикам с привязкой к селам постоянного проживания обозначались престарелые, дряхлые, болезненные, умершие, взятые в рекруты, «рожденные после переписи господина князя Солнцева», постриженные в монахи, пропущенные по первой ревизии и не записанные по подушной книге [Там же, д. 3, л. 208–211об.].

В 1732 г. Троицко-Селенгинским монастырем составлялся список из 103 мужчин – пашенных крестьян и вкладчиков 8 деревень (Темлюйская, Буй, Куналейская, Елань, Хилоцкая слобода, Кокуйская, Илицкая, Кударинская), проживавших в 67 дворах, с приведением данных о количестве крестьян и их дворов, в т. ч. по переписной книге 1723 г. [Там же, д. 10, л. 25–27об.]. В списке прописывались фамилии, имена, отчества, возраст, наличие собственного двора, местожительство, родственники (отцы, братья, сыновья), сословие, новокрещенные, месторасположение деревень и расстояния от них в верстах до слободы. Отдельно по тем же деревням записаны крестьяне, поселенные на монастырские земли по трехлетним льготным договорам.

В копию генеральной переписи от 1738 г. в отношении 76 крестьян Хилоцкой вотчины монастыря вносились сведения о фамилиях, отчествах и именах глав семейств, именах родственников

(сыновей, братьев), возрасте, других их же фамилиях по генералитетской ревизии, находящихся в ясашном платеже по сказке 1724 г. и прибывших из Итацинского острога, родившихся и прописанных в подушном окладе начиная с 1724–1725 гг. [Там же, д. 32, л. 122–122об.].

Одной из особенностей первой ревизии являлось также то, что в соответствии с императорским указом от 31 июля 1722 г. в монастырских вотчинах в 1724–1739 гг. составлялись отдельные переписи и списки с фамилиями и именами больных, слепых, дряхлых, умалишенных, увечных и покалеченных крестьян и их детей [Там же, д. 31, л. 64, 65; д. 32, л. 146–148].

Изменения между первой и второй ревизиями в табличной форме заносились в реестры 1725, 1737–1744 гг. по умершим, отданным в рекруты, определенным в богадельни, беглым, «выбылым» в посад, в цеха или в ясачный платеж. Сюда, с фиксацией возраста или без него, записывались фамилии и имена вкладчиков, пашенных крестьян, положенных в подушный оклад по переписи 1724 г., их детей, братьев, отцов, шуринов, а также нищих, монастырских слуг, казачьих сыновей [Там же, д. 3, л. 136, 137; д. 31, л. 48–48об., 201–201об.; д. 41, л. 92; д. 55, л. 184–185об., 372–375, 377об.–378об.].

После введения в России подушной подати в Троицко-Селенгинском монастыре и Иркутской провинциальной канцелярии в 30-х гг. XVIII века были разработаны промемории и инструкции о правилах и формах переписи разночинцев, положенных в подушный оклад, сборе «заручных» сказок с вкладчиков, нововкладчиков и крестьян мужского пола, внесенных или не внесенных в первую генералитетскую перепись [Там же, д. 31, л. 64, 65, 198–201об.; д. 32, л. 118–120об., 123–125, 144, 145].

Для этого путем допросов производился сбор сказок под присягой верности престолу и страхом смертной казни за

подачу недостоверных сведений о себе и своих родственниках. Затем полученные данные заносились в особые переписные книги.

В фонде Троицко-Селенгинского монастыря имеется более 360 допросов – сказок за 1733, 1737–1739 гг. [1, д. 31, л. 67–67об., 153–180; д. 32, л. 44–96, 98, 99; д. 32а, л. 1–31, 34–38, 48, 49, 71–95, 99–101об.; д. 32б, л. 323–325об., 339–360об., 408–459об.]. В них прописывалось следующее: фамилия, имя, отчество подавшего сказку, сословие отца или собственное происхождение (сын крестьянина, посадского, вкладчика, бобыля, нищего, новокрещенного ясачного, церковного дьячка, служилого, отставного служилого, захребетника, умершего, «вырос в сиротстве один», «вскормлен у чужих людей», «из мунгальской (остяцкой) породы»), место рождения или предыдущего проживания (Соль Вычегодская, Соликамск, Устюг, Вологда, Устюженский Архангельский монастырь, Яреченск, Важеское присутствие, Лальский посад, Мезенец, Верхотурье, Вологда, Олонецк, Лалетин, Владимир, Владимирец, Томск, Тюмень, Верхотурье, Енисейск, Иркутск, Селенгинский дискрикт), место временного или постоянного проживания (например, у крестьян – деревни Хилоцкая, Кударинская, Темлюйская), причины появления в здешних местах (рыбный, звериный или слюдяной промыслы за «Байкал-морем», работа на нерчинских серебряных заводах или в Селенгинском дискрикте, пребывание у купцов на мунгальской земле в Урге, служба в Чикойском остроге при караване для следования в Китай, «после смерти отца»), время появления за Байкалом (с 1701 г. и позже), наличие или отсутствие пашпорта, количество лет и места брожения, имена и возраст в годах и месяцах родственников (сыновей, внуков, племянников, братьев), прописка (ее отсутствие) по переписи в 1722–1724 гг., факт рождения родственников после первой переписи, содержание

больных, увечных и состоящих в «дурности» и в рекрутстве, год положения в подушный оклад в Троицко-Селенгинском монастыре, наличие грамотности, вместо кого записан в подушный оклад (умерших или взятых в рекруты крестьян), место принятия присяги в верности императору по указам от 1730–1731 гг. (Итацинская Спасская и Покровская церкви г. Селенгинска, Спасская церковь Удинского пригорода, Николаевская церковь Ядинского острога, Благовещенская церковь Кударинской слободы, Богоявленская церковь Ильинского острога, Архангельская церковь Тресковской слободы, а также церкви Кабанского и Итацинского острогов, Колесниковской слободы) с указанием имен и фамилий священников.

В конце сказок проставлялись собственноручные подписи или росписи других лиц – свидетелей. Некоторые допросы содержат многочисленные правки и коррективы на полях и в тексте, носят дублирующий характер, разделяются на три вида по их составлению (в отношении крестьян и вкладчиков определенных деревень, разночинцев, с упоминанием указов 1730–1731 гг. или без таковых).

Согласно императорскому указу от 16 декабря 1743 г. и инструкции Сената от 6 января 1744 г. под руководством армейских чинов Троицко-Селенгинским монастырем в июне – сентябре 1744 г. был организован сбор нескольких сотен сказок (допросов) во второй «новоучиненной генеральной ревизии» с мужчин – приписных крестьян и вкладчиков Хилоцкой, Темлюйской и Кударинской вотчин [Там же, д. 54, л. 33–33об., 64; д. 55, л. 30–50, 56об.–95об., 200об., 221–335, 338об., 426–429об., 483–488об., 503–520]. Допросы структурно и по содержанию производились по аналогии со сбором сказок в 1730-х гг. В отдельных случаях записи велись со слов вдов священника и пашенных крестьян, детей умерших, жен больных. Женщины при

этом дополнительно сообщали имя своего отца. Порядковые номера, присвоенные в ходе первой ревизии, фиксировались в 1744 г. в единичных случаях.

Сбор сказок и составление списков приписных пашенных крестьян и вкладчиков, их детей и «вновь рожденных» после второй ревизии с внесением фамилий, имен, отчеств, возраста под страхом наказания за содержание пришлых в различных вотчинах Троицко-Селенгинского монастыря продолжались и после 1744 г. [1, д. 31, л. 17–17об., 143, 144; д. 54, л. 33–124об.; д. 517, л. 16–16об., 30–35об.].

Указанные документы фонда № 262 ГАРБ позволяют конкретизировать дату образования некоторых старейших сел Западного Забайкалья, например, с. Куйтун (не позднее ноября 1724 г. [Там же, д. 500, л. 2об.]) и с. Большой Куналей (не позднее 16 января 1729 г. [Там же,

д. 10, л. 27]). Фамилии потомков ремесленников, крестьян и вкладчиков Троицко-Селенгинского монастыря встречаются в более поздних документах в крестьянском и мещанском сословиях во многих населенных пунктах республики. Фамилии некоторых из них увековечены в названиях современных селений (например, Красноярово, Таракановка, Шергино, Истомино, Батурино и проч.).

Таким образом, в архивных материалах Троицко-Селенгинского монастыря размещены одни из первых ревизских сведений о крестьянских и посадских семьях, появившихся в Западном Забайкалье в конце XVII – первой половине XVIII в. Документы способствуют генеалогическим исследованиям об особенностях происхождения, внутрисословных и миграционных процессах старожильческого крестьянского населения в Республике Бурятия.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).
2. Демин Э. В. «Золотая россыпь» Селенгинска. Т. 3. – Улан-Удэ, 2010. – С. 68–69.
3. Найденов Н. А. Сибирские города. Материалы для их истории 17 и 18 столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. – М., 1886. – С. 55–57, 59, 60, 63–65, 74, 76.
4. Шмулевич М. М. Троицко-Селенгинский монастырь. – Иркутск, 1982. – С. 1–30.

УДК 811.512.31

В. И. Рассадин

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА БУРЯТ-ХОНГОДОРОВ

Статья посвящена рассмотрению основных языковых особенностей языка бурятского племени хонгодоров, проживающих в Аларском, Окинском и Закаменском районах Бурятии. Проанализированы особенности звукового строя, грамматической системы и словарного состава, установлен общепурятский характер этих языковых уровней. Влияние монгольского языка прослеживается в основном в фонетике и лексике, причем более всего заметно в языке окинских и тункинских бурят. В языке закаменских бурят заметнее всего влияние языка хоринских бурят. Кроме монгольской лексики специфику языка хонгодоров составляют тюркские заимствования. Анализ языка хонгодоров убедительно свидетельствует о их принадлежности к основным исконно бурятским племенам и показывает, что их язык ближе всего стоит к языкам булагатов.

Ключевые слова: бурятское племя хонгодоров, языковые особенности, звуковой строй, грамматическая система, словарный состав, общепурятский характер, монгольское языковое влияние, тюркские заимствования, бурятское происхождение хонгодоров.

V. I. Rassadin

PECULIARITIES OF THE BURYAT KHONGODOR LANGUAGE

The article reviews the main peculiarities of the language of the Buryat Khongodor tribe settled in Alarskii, Okinskii and Zakamenskii districts of Buryatia. The peculiarities of phonetics, system of grammar and vocabulary are analyzed and the common Buryat character of these linguistic levels is determined. Influence of the Mongolian language is traced mainly in phonetics and lexis and it is mostly visible in the language of Oka and Tunka Buryats. In the language of Zakamna Buryats the influence of Khorinsk Buryats is most visible. Besides the Mongolian vocabulary borrowings from Turkic languages are specific for the Khongodor language. The analysis of the Khongodor language convincingly testifies to their belonging to the main historically Buryat tribes and shows that it is most similar to the Bulagat language.

Key words: Buryat Khongodor tribe, linguistic peculiarities, phonetics, grammar system, lexis, common Buryat character, Mongolian linguistic influence, Turkic borrowings, Buryat origin of the Khongodors.

В бурятоведении, да и шире – в монголоведении давно ставится вопрос о единстве языка бурят, представителей племени хонгодор (хонгоодор), хотя ныне они и расселены на таком большом пространстве: от Алари до Закамны. Об этом упоминал в свое время проф. Г. Д. Санжеев: «...аларский, тункинский и окинский диалекты по своим

особенностям так близки друг к другу, что их можно считать говорами одного диалекта, а именно хонгодорского, так как их носители в своей основной массе принадлежали к одному хонгодорскому племени» [12, с. 42]. О единстве языка хонгодоров и о родстве его с западным наречием писал и Ц. Б. Цыдендамбаев: «Язык бурят, населявших Тунку, Оку и

РАССАДИН Валентин Иванович – доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Калмыцкий государственный университет». E-mail: rassadin17@mail.ru.

Закамну... можно считать возможным выделить в один тункино-закаменский говор, который следует отнести также к западному наречию, поскольку этот говор вполне подходит под общую характеристику названного наречия... К тому же не следует забывать, что основные носители тункино-закаменского говора это хонгодоры, как и носители собственно аларского говора» [13, с. 173].

Поскольку в научной литературе уже освещались вопросы переселения в Бурятию из Монголии и расселение впоследствии хонгодорских родов в Тунке, Оке и Закамне [3; 4; 11; 14;], здесь эту проблему мы затрагивать не будем, направив все внимание на особенности языка хонгодоров.

В связи с тем, что хонгодоры составляют большинство бурятского населения не только Алари, но и Оки, Тунки и Закамны, будем считать, что их язык распространен именно в этих районах и охватывает так называемую присаянскую группу бурятских говоров [2; 10], включающую помимо аларского также окинский, тункинский и закаменский говоры.

Специально как таковой язык хонгодоров в бурятском языкознании в целом не выделялся и не изучался. Исследователи обращали внимание лишь на отдельные территориальные разновидности этого языка, соотносимые с конкретными говорами. Так, в определенной мере можно утверждать, что более или менее удовлетворительному обследованию подверглись аларский [5; 6] и тункинский [1; 17] говоры. В последнее время появились публикации по языку окинских бурят [7–9]. По закаменскому же говору, а также окинскому и тункинскому мы располагаем полевыми записями, сделанными нами во время специальных диалектологических экспедиций в эти районы. Имеющиеся в настоящее время материалы, как опубликованные, так и полевые, позволяют, таким образом, осуществить общий обзор основных особенностей, присущих языку хонго-

доров. Рассмотрим их ниже отдельно на уровнях фонетики, грамматики и лексики.

Оговоримся сразу, что к особенностям будем относить только то, что отличает язык хонгодоров от бурятского литературного языка.

Предваряя нижеследующий обзор, следует отметить, что основу языка хонгодоров составляют общепурятские элементы как в фонетике, так и в грамматике и лексике. Так, здесь тоже наблюдается [h] на месте монгольского [ç], проточные [ш], [ç], [з], [ж] на месте монгольских аффрикат [ч], [ц], [дз], [дж], что вообще является отличительным признаком звукового строя бурятского языка. Ср., например:

хонгод.	лит.-бур.	х.-монг.	старомонг.	значение
<i>ши</i>	<i>ши</i>	<i>чи</i>	<i>ш</i>	ты
<i>шуһан</i>	<i>шуһан</i>	<i>цус</i>	<i>шисун</i>	кровь
<i>саһан</i>	<i>саһан</i>	<i>цас</i>	<i>шасун</i>	снег
<i>саарһан</i>	<i>саарһан</i>	<i>цаас</i>	<i>шайалсун</i>	бумага
<i>загаһан</i>	<i>загаһан</i>	<i>дзагас</i>	<i>жигасун</i>	рыба
<i>заһаха</i>	<i>заһаха</i>	<i>дзасах</i>	<i>жисаку</i>	исправлять
<i>газар</i>	<i>газар</i>	<i>гадзар</i>	<i>гагар</i>	земля
<i>жолоо</i>	<i>жолоо</i>	<i>джолоо</i>	<i>жилуа</i>	поводья
<i>жаргал</i>	<i>жаргал</i>	<i>джаргал</i>	<i>жигал</i>	счастье.

Грамматическая система языка хонгодоров тоже носит в общем и целом общепурятский характер, являясь в то же время в своей основе и общемонгольской, отличаясь от последней лишь фонетическим оформлением. Эту сторону бурятской грамматики в свое время исследовал Ц. Б. Цыдендамбаев [15].

Лексическое ядро языка хонгодоров тоже общепурятское, восходящее к общемонгольскому.

Ниже остановимся лишь на наиболее ярких, характерных особенностях языка данной группы.

В области фонетики наиболее характерной чертой является сохранение исконных монгольских гласных [ө] и [ү] самостоятельных фонем. Так, например, здесь четко различаются такие слова, как *хүрэхэ* «достичь» и *хөрөхө* «замерзнуть», *үргэн* «подбородок» и *өргөн* «широкий» (ср. лит.-бур. *хүрэхэ* – *хүрэхэ*, *үргэн* – *үргэн*). Наличие [ө] фиксируется во мно-

гих словах, например: *мөндөр* «град» (лит. *мүндэр*), *өрөм* «сверло» (лит. *үрэм*), *төрө* «свадьба» (лит. *түрэ*), *өнгө* «цвет» (лит. *үнгэ*), *өдөр* «день» (лит. *үдэр*), хотя есть немало случаев и двойного произношения, например: *дөрбөн//дөрбэн* «четыре» (лит. *дүрбэн*), *дөшөн//дөшэн* «сорок» (лит. *дүшэн*), *өлөн//өлэн* «голодный» (лит. *үлэн*), *өдөр//өдэр* «день» (лит. *үдэр*), *өбөхөн//өбэхэн* «трава» (лит. *үбхэн*). Это говорит о перебоях, о том, что фонема [ө] стала утрачивать свой статус и начала сливаться с фонемой [ү], что характерно для истории развития бурятского языка. Сильнее всего фонема [ө] сохранила свои позиции в Алари и Оке, менее – в Тунке, где чаще всего встречаются дублетные формы. В Закамне же [ө] весьма редкое явление – здесь вместо [ө] обычно уже везде звучит [ү], типа *үдэр* «день», *үбэл* «зима», *үргэн* «широкий», *дүрбэн* «четыре», *дүшэн* «сорок».

Очень часты в языке хонгодоров случаи разгубления [ө], [ү] и даже [у] и произнесения вместо них широких неогубленных [э] и [а], например: *эбэднэ* «болит» (лит. *үбдэнэ*), *бэнэ* «пояс, кушак» (лит. *бүхэ*), *зэлгүр* «веничек для чистки котла» (лит. *зүлгүр*), *бэлэхэ* «пахтать» (лит. *бүлэхэ*), *белеэн* «теплый» (лит. *бүлээн*), *балаяха* «отнимать» (лит. *буляаха*), *балаялдаха* «отнимать друг у друга» (лит. *буляалдаха*), *баряад* «бурят» (лит. *буряад*), *баргааһан* «тальник» (лит. *бургааһан*). Этот процесс наблюдается даже в заимствованиях из русского языка, ср. напр.: *палаад* «платок» (лит. *пулаад*), *тэжүүрхэ* «тужурка», *сэндүүг* «сундук».

В то же время есть обратные случаи, когда исконное [э] произносится как [ү]. Ср., напр.: *шүнэнэн* «лиственница» (лит. *шэнэнэн*), *нүрэнэн* «голубика» (лит. *нэрэнэн*), *шүртэнэн* «заноза» (лит. *шэртэнэн*), *лүхэн* «песок» (лит. *элхэн*), *гүдэргэ* «назад» (лит. *гэдэргэ*), *сүмэхэ* «грызть орехи» (лит. *сэмэхэ*).

Нередки случаи так называемого «оканья», когда [о] произносится на ме-

сте [у], например: *һорха* «спрашивать» (лит. *һураха*), *хобсаһан* «одежда» (лит. *хубсаһан*), *хотиго* «нож» (лит. *хутага*), *одигон* «шаманка» (лит. *удаган*), *жоргоон* «шесть» (лит. *зургаан*). Особенно заметно «оканье» такого рода проявляется в языке окинцев, хотя наблюдается и в Тунке, и в Закамне, где тоже встречаются словоформы типа отмеченных выше *хотиго*, *одигон*, *жоргоон*, а также *хорим* «свадебный пир» (лит. *хурим*), *хосюур* «сухостой в лесу» (лит. *хухюур*) и т. п.

Во многих случаях встречается полная редукция краткого гласного первого слога, что дает словоформы типа: *неэн* «корова» (лит. *үнеэн*), *неэхэ* «смеяться» (лит. *энеэхэ*), *мээл* «седло» (лит. *эмээл*), *нөөһөни* «сегодня ночью» (лит. *мүнөө һүни*), *нөөхи//нөөси* «тот самый» (лит. *үнөөхи*), *һаагаа* «зажег» (лит. *аһаагаа*) и т. п.

Повсеместно для речи хонгодоров характерно смягчение твердоядного [а] в позиции перед [и] и произнесение вместо [а] мягкого или смягченного гласного [э], например: *дэбирхай* «смола» (лит. *дабирхай*), *нарин* «тонкий» (лит. *нарин*), *барээ* «поймал» (лит. *баряа*). Особенно ярко и последовательно это правило проявляется в историческом дифтонге *ай*, вместо которого в начале и середине слова произносится либо очень мягкий дифтонг *эй*, либо мягкий долгий монофтонг *ээ*, в конце же слов он может даже переходить в долгий *ээ*, например: *һэйн//һээн* «хороший» (лит. *һайн*), *эйнэ//ээнэ* «боится» (лит. *айна*), *сээ//сэй* «чай» (лит. *сай*), *гахэй//гэхээ* «свинья» (лит. *гахай*).

В речи хонгодоров повсеместно слышатся в начале слов вместо литературных [э], [е] узкие [и], [йи], например: *идихэ* «съесть» (лит. *эдихэ*), *идир* «молодой» (лит. *эдир*), *инездэн//нездэн* «смех» (лит. *энездэн*), *йихэ* «большой» (лит. *ехэ*), *йирэ* «приходи» (лит. *ерэ*), *шинэ* «новый» (лит. *шэнэ*), *жил* «год» (лит. *жэл*) и т. п.

Характерной особенностью является также выпадение кратких гласных между согласными [х] и [х], [х] и [г], что дает

геминату [кк], например: *гаракка* «выводить» вместо *гаргаха*, *атакка* «пролить» вм. *адхаха*, *үрэккэ* «поднять» вм. *үргэхэ*, *үккэ* «умереть» вм. *үхэхэ*, *хэлэккэй* «не скажет» вм. *хэлэхэгүй*, *мэдэккээб* «я не знаю» вм. *мэдэхэгүйб*, *байккэй* «нет, не имеется» вм. *байхагүй*.

В отношении согласных следует отметить, что палатализованный [х] перед [и] здесь зачастую произносится в виде мягких [сь], [ть] и даже изредка [шь], например: *һалхин*//*һалсин*//*һалтин* «ветер» (лит. *һалхин*), *силэ*//*шилэ* «граница» (лит. *хилэ*), *сирбэхэ*//*ширбэхэ* «подрезать» (лит. *хирбэхэ*), *хярмаг*//*сярмаг*//*шярмаг* «снег-пороша» (лит. *хирмаг*), *хиш*//*сиш*//*шиш* «сухой навоз» (зап.-бур. *хиш*). Мягкий [г] обычно переходит в [й], например: *бэрьэн* «невестка» (лит. *бэригэн*), *хурьэн* «зять» (лит. *хурьгэн*), *тэрьэлхэ* «убегать» (лит. *тэргэлхэ*), *маньһан*//*маньһанан* «дикий лук» (лит. *мангир*). В то же время встречается немало случаев, особенно в Присяянье, когда [г] перед [и] переходит и в мягкий [дь], например: *маньһан*//*маньһанан*//*маньһидан* «дикий лук», *һоньһино*//*һоньһидино*//*һонһино* «репчатый лук» (лит. *һонһино*), *аньһар*//*аньһидир* «турпан» (лит. *ангир*), *зальһаха*//*зальһидиха* «глотать» (лит. *залгиха*).

В речи окинцев, тункинцев, да и закаменцев очень часто слышатся аффрикаты на месте щелевых звуков литературного языка. Ср., например: *гандзага* «торока» (лит. *ганзага*), *ганихан* «единственный» (лит. *гансахан*), *хөнджил* «одеяло» (лит. *хүнжэл*), *мөльджихэ* «грызть» (лит. *мүлжэхэ*), *морин гүйдж ямна* «конь бежит» (лит. *морин гүйджэ ябана*), *азьчид* «гости» (лит. *айлһад*), *мал цагаан* «домашний северный олень» (зап.-бур. *саган*, лит. *орон*).

Немало слов в речи окинцев, тункинцев и в какой-то мере закаменцев, в которых произносится [с], не перешедшее в [һ], например: *сүү*//*сүн* «молоко» (лит. *һүн*), *сойол* «культура», *сургаал* «учение» (лит. *һургаал*). Последние случаи, связанные с аффрикатами и [с] обусловлены,

по всей вероятности, влиянием монгольского языка, с которым говоры окинцев, тункинцев и закаменцев контактировали постоянно, чего нельзя сказать об аларском говоре. Поэтому в нем отсутствуют аффрикаты и не сохраняется [с].

В области грамматики отличий от литературного языка немного. Яркой особенностью является употребление суффиксов родительного падежа *-и*, *-йи*, *-аэн* вместо литературных *-ын*, *-ай*, *-гай*, например: *гали* «огня» (лит. *галай*), *гари* «руки» (лит. *гарай*), *гэри* «дома» (лит. *гэрэй*), *загаһани* «рыбий», «рыбы» (лит. *загаһанай*), *засайи* «власти» (лит. *засагай*), *бууйи* «ружья», «ружейный» (лит. *буугай*), *ахаэн* «старшего брата» (лит. *ахын*), *хадаэн* «горы» (лит. *хадын*). При этом наблюдается переход перед падежом на *-и* конечного *-д* в *-һ*, а *-г* в *-й* или *-дъ*, например: *басагаһи* «девушек» (лит. *басагадай*), *булайи* «родника» (лит. *булагай*), *аньйи*//*аньди* «зверя» (лит. *ангай*). Винительный падеж здесь совпадает с родительным и тоже имеет суффикс *-и*, *-йи*, например: *гали* «огня» (лит. *галые*), *гэри* «дома» (лит. *гэрише*), *засайи* «власть» (лит. *засагые*). При этом конечный *-н* основы слова выпадает, в родительном же сохраняется, в этом различие. Ср., напр.: *хүүни* «человека», «человеческий» (лит. *хүнэй*), *хүүйи* «человека» (лит. *хүнише*). Нередки случаи параллельного употребления форм родительного падежа в виде *-и* (*-йи*), *-ай* (*-эй*), например: *хүүни*//*хүүнэй* «человека», *бөөйи*//*бөөгэй* «шама-на» (лит. *бөөгэй*), *бууйи*//*буугай* «ружья» (лит. *буугай*). Различие же между этими формами заключается в том, что форма на *-и* (*-йи*) употребляется тогда, когда она выступает в качестве определения, а на *-ай* (*-эй*) – когда стоит изолированно или предикативно. Так, например, на вопрос *хэнэй?* «чей?» следует ответ *тэрэ хүүнэй* «того человека», а на вопрос *хэни дэгэл?* «чья шуба?» – ответ *тэрэ хүүни дэгэл* «того человека шуба». Подобное положение Н. Н. Поппе констатировал и для аларского говора [5].

Для форм множественного числа характерен суффикс *-һууд(-һүүд)*, употребляемый очень широко вместо *-нууд (-нүүд)*, но иногда и параллельно с ним. Примеры: *тасяаһууд* «курицы» (лит. *тахяанууд*), *нохойһууд* «собаки» (лит. *нохойнууд*), *тугаһууд//тугалнууд* «телята» (лит. *тугад, тугалнууд*). Суффикс *-нар (-нэр)* не характерен.

Среди числительных выделяется разряд разделительных числительных, оформляемый суффиксом *-аад(-гаад)*, *-ээд(-гээд)*, например: *нэжээд* «по одному» (лит. *нэгэ үнэгээр*), *хошоод* «по два» (лит. *хоёр хоёроор*), *гурбаад* «по три» (лит. *гурба гурбаар*), *дөрбээд//дүрбээд* «по четыре» (лит. *дүрбэ дүрбээр*) и т. п.

У местоимений особенностью является употребление в косвенных падежах наряду с *тэрээн-* супплетивной основы *түүн-* для *тэрэ* «тот». Ср., напр. *түүни* «того, его»//*тэрээни* «того, его» (лит. *тэрээнэй*), *түүндэ//тэрээндэ* «тому, ему» (лит. *тэрээндэ*). Основа *түүн-* вообще характерна для языков монголов и ойратов и может рассматриваться в данном бурятском диалекте либо как монгольское влияние, либо как рудимент общемонгольского состояния.

Среди глагольных форм весьма показателен интенсив на *-ть(-тьть-)*, употребляемый вместо соответствующей литературной формы *-жа орхи(-жархи-, -жэрхи-)*. Ср., напр.: *ябаттиба* «ушел» (лит. *ябajarхиба, ябажа орхибо*), *өгтибэ//үгтибэ* «дал» (лит. *үгэжэрхибэ, үгэжэ орхибо*), *бариттиба* «схватил» (лит. *барижархиба, барижа орхибо*).

У давнопрошедшего времени наблюдается полное фонетическое слияние гласного у показателя *һан* с гласным составом основы глагола, т. е. его гармония с основой глагола, чего не происходит с *һэн* литературного языка. Примеры: *болооһон* «был» (лит. *болоо һэн*), *абааһан* «брал» (лит. *абаа һэн*), *ерээһэн* «пришел» (лит. *ерээ һэн*), *өгөөһөн* «дал» (лит. *үгөө һэн*).

У длительного же давнопрошедшего времени, наоборот, фонетического слияния *һан* с глаголами не происходит и он сохраняется без изменения, его вокализм подчиняет вокализм суффикса, в результате чего после слияния суффикса *-гша/-гшэ* с этим *һан* получается негармонизирующий сложный суффикс *-гшаан*. Примеры: *ерэгшэ һан//ерэгшаан* «приходил» (лит. *ерэгшэ һан*), *ябагша һан//ябагшаан* «ходил» (лит. *ябагша һэн*), *хэлэгшэ һан//хэлэгшаан* «говорил» (лит. *хэлэгшэ һэн*).

Форма причастия на *-гша/-гшэ* широко употребляется для оформления настоящего обычного времени вместо литературного *-даг/-дэг*. То есть вместо литературного «*Би һургуулида ошодогби*» (Я хожу в школу) скажут «*Би һургуулида ошогишоб*», вместо «*Би энээнише мэдэдэгби*» (Я это знаю) – «*Би энээни мэдэгшэб*».

В форме настоящего конкретного времени на *-жа байна* произошло слияние элементов этой аналитической конструкции в одно целое, что дало показатель *-жаэна*, т. е. вместо *ябажа байна* «идет» говорят *ябажаэна*, вместо *һуужа байна* «сидит» – *һуужаэна*, вместо *гожожо байна* «течет» – *гожжаэна* и т. п. Это явление сближает в какой-то мере язык хонгодоров с языком западных бурят, у которых оно распространено, и с языком ойратов, для которых признается одним из классификационных признаков, отличающих их язык от других монгольских. Объясняется, видимо, наличием этнических ойратских компонентов в составе западных бурят.

Из деепричастий в языке хонгодоров употребительны предельное на *-сар(-сэр)* вместо литературного *-тар(-тэр)*, например *ерэсэр* «пока не пришел» вм. *ерэтэр, болсор* «до тех пор, пока будет» вм. *болотор, хүрсэр* «до» вм. *хүрэтэр*, а также условное на *-бал(-бэл)* наряду с *-аа һаа*, которое присуще литературному языку, например *ерэбэл//йирэбэл* «если придет» (лит. *ерээ һаа*), *унтабал* «если заснет» (лит. *унтаа һаа*), *байбал* «если будет» (лит. *байгаа һаа*).

В области лексики язык хонгодоров имеет явное сходжение с западными бурятскими говорами эхиритов и, особенно, булагатов. Так, у хонгодоров повсеместно распространены такие характерные западные бурятские слова, как *гуйлга* «подарок» (лит. *гуйлга* «просьба», *бэлэг* «подарок»), *нажар* «лето» (лит. *зун*), *соол* «изба» (лит. *байшан*), *гүльмэ* «чепрак» (лит. *гүльмэ* «рыболовная сеть», *хэжэм* «чепрак»), *хүлээргэнэ* «черная смородина» (лит. *үхэрүндэн*), *харааса* «дымовое отверстие в юрте» (лит. *тооно*), *гэрэл* «стекло» (лит. *гэрэл* «луч, свет», *шэл* «стекло»), *заазуур* «сковородник» (лит. *заазуур* «кухонный нож-тесак», *усхабардаагай барюул* «сковородник»), *ибиш* «мама» (лит. *эжы*), *таабаэ* «дедушка» (лит. *хүгшэн аба*), *тээбиш//теэбиш* «бабушка» (лит. *хүгшэн эжы*), *хүүр* «слово» (лит. *үгэ*), *хилмаа* «удочка» (лит. *гахуули*), *шэбшэхэ* «думать» (лит. *бодохо*), *шэгшүүр* «сито» (лит. *хагшуур сито*), *өөбэй* «колыбель» (лит. *үлгы*).

В то же время здесь много специфичной лексики, особенно связанной с местными особенностями живой и неживой природы, хозяйства и быта, родом занятий, например охотой. Более всего такой лексики выявилось в языке окинцев, есть она у тункинцев и закаменцев, а также у аларцев. Но в то же время только в присаянских говорах есть термины, связанные с разведением домашних северных оленей, с которыми присаянские хонгодоры познакомились, очевидно, через соётов. Ср., например, слова *сагаан//цагаан* «домашний северный олень» (лит. *орон*), *зари* «олень-кастрат, на котором ездят верхом и перевозят вьюки», *дасван//даспан* «годовалый теленок домашнего оленя», *этээр* «бык-производитель домашнего оленя», *мухатар* «двухгодовалый бычок домашнего оленя». Развиты на Саянах и терминология по сарлыководству. Ср., например, *харлаг* «як», *хайнаг* «помесь яка с коровой», *ортоон* «помесь яка с коровой во втором поколении», *хүхэ гүзээн* – та же помесь в третьем поколении.

Чтобы ярче представить специфику местной саянской лексики, назовем ряд наиболее характерных слов из отдельных тематических групп, употребляемых присаянскими хонгодорами, но которые отсутствуют в литературном бурятском языке.

1. Названия, связанные с неживой природой: *адха* «каменная осыпь в горах», *бооса* «поливные луга», *хииргэн* «место в тайге, где спасаются от жары копытные звери», *хэнчи* «пустолед».

2. Названия, относящиеся к животному миру: *балууһан* «мелкий хариус», *хөөһэшэ* «молодь хариуса», *нюлаг* «ленковая молодь», *буыр* «сохатый», *гэндэ*, *ёнгоэ*, *хүдөөйи таабай* «волк», *дахата* «медведь», *журбаахаэ//зурбаахаэ* «птенец», *лама шувуун* «турпан», *сөөбөрү//сүүбэри* «шакал», «красный волк», *суусари* «куница», *хүхэ түрүү* «паут», *хархираг* «цапля», *хүсэгэлдэй* «трясогузка», *шогнуул* «галка-клушица», *хунил харагшан* «оляпка, водяной воробей», *шасарганаэ* «пищуха, медведка», *эредзэгэй//эреддзэй* «детеныш кабарги», *баданга* «кабарга».

3. Названия частей тела, выделений: *гулмаһан* «пот под мышками», *зото* «голень передних ног крупных копытных зверей», *сормон шэхэн* «уши охотничьих собак», *тоорам*, *эдэри* «наплывы на рогах дикого козла», *ларза*, *үнгэлөө* «мускус, струя кабарги».

4. Названия, связанные с растительным миром: *аагли//аагали* «гриб-трутовик», *бадма ямбу* «купальница, жарки», *буда* «бадан», *далан халиһан* «жимолость», *зэмхэ* «водоросли, которые любит лось», *пяндарбаа* «кашкара», *сагаан дали* – разновидность рододендрона, *сиинэн эдээн* «дикий пион, марьин корень», *сонсогоэ* «шишка хвойных деревьев», *сөөсэргэнэ* «рододендрон», *сурга//сургар//сургуэ* «свиной багульник», *табилганаэ* «таволга», *таба сагаан* «ветренница», *тэиэ баргаһан* «рябина».

5. Термины, связанные с постройками, сооружениями, домашней обстановкой: *дан(э)* «покрытие потолка дере-

вянной юрты», *дэгнэн/дүгнэн* «дерн для покрытия крыши юрты», *митнаа* «основная балка потолка дома», *олоэрэ* «крыша дома», *яндан* «железная печь».

6. Названия инструментов, различных приспособлений, орудий труда, оружия, их частей: *голгог/гулгаг* «палочка-чека у конских пут», *манза/мандза//бандза номо* «охотничий лук», *манза годли* «лук со стрелами», *салма* «аркан», *үлгүүбшэ* «коромысло», *ханга* «правилка для шкурок», *хольжсирууша* «берданка», *хятаэ* «нож для крошения кирпичного чая», *эрхэбшэ* «спусковой крючок ружья», *этэгэбшэ* «петля у конских пут».

7. Названия, связанные со средствами передвижения: *ход* «вьючный транспорт», «вьючное животное», *ходи мээл* «вьючное конское седло», *янгарцаг/янгарсаг* «вьючное оленье седло», *шэхэнэг* «саночки с коробом», *халбага* «лодочное весло».

8. Названия посуды, сосудов: *бөлмэр//бэлмэр//бүмбэр* «жбан-маслобойка», *ембэ* «походный плоской формы котел», *загнуу* «охотничий котелок», «железное ведро», *наалан(г)* «эмаль на посуде», *пила* «плоская поварешка для размешивания в котле чая-затурана», *хабчаг//хабшаг үргэ* «заплечный мешок, котомка», *холбоольджин* «мешочек для соли и чая», *хуньджөө* «мешок из цельной шкуры теленка или жеребенка (для хранения посуды)», *хуурмаг* «лопаточка для помешивания жарящегося в котле зерна».

9. Названия одежды, обуви, тканей: *бэлэ* «поясная шарнирная пряжка», *дальбаэжа* «раструб у рукавиц», *пампалаэ* « меховые пимы», *төргэ//төрбэ//төрөг гутал* «монгольские сапоги-гутулы с загнутыми вверх носками», *үлгөөшэ* «вешалка у одежды», *эрээлдзэгэй//эрээлжигэй* «ситец, сатин».

10. Названия, связанные с пищей: *биһалаг//бяһалаг* «сыр домашнего приготовления», *дүрэндир* «пища, пригоревшая на дне котла», *зутраан//зутураан саэ* «кирпичный чай с молоком и с му-

кой, поджаренной на бараньем сале или масле», *нэдхэ* «шкварки, вытопки сала».

Из специфических прилагательных можно назвать такие, как *атрюухаэ* «морщинистый», *борлоэ* «сивый (о коне)», *гойхой* «длинный», *гэндэгэр* «прогнутый в спине», *малжигар* «кривоногий», *мүлдэгөөн//мүндэгөөн* «комолый», *сүмхэгэр* – стаканчиком (о копытах коня), *тообогор* «с короткой шубой», *төргэн//түргэн* «отвесный, крутой», *халюураэ* «отвесный (о скале)», *хандархаэ* «разорванный», *шалдан* «голый», *шулдан* «быстрый», *ябаншаа* «четырёхскатная (о крыше)», *яндэ бүрийн* «всякий разный, всевозможный».

Из наречий выделяются *бодорхоэ* «точно, действительно, в самом деле», *шумгаэ* «часто, быстро», *няжаганса//тажаганса* «с хрустом», *зоригууд* «нарочно».

Из глаголов этой группы выявились следующие: *батхаха* «повалить (о дыме)», *бөөгнэхэ* «скомкать бумагу», *дальдарха* «моргнуть (от испуга)», *жолгорхо* «нанести скользящий удар», *зартатагдаха* «размягчать овчину в процессе выделки щипками при помощи специальной лучины», *үндэхэ* «разделать тушу на части», *хаатуулха* «укачивать ребенка», *хажсаха* «клевать носом (задремывая)», *хангадха* «растянуть шкуру на правилке», *ходлохо* «перевозить вьюком грузы», *шэгшэхэ* «засориться», *эһиккэ* «дымить шкуру».

Из других частей речи здесь обнаружили некоторые специфические частицы и междометия: *аан, шаан* – усиленно-утвердительные частицы, ставящиеся в конце предложения, *тээ* – возглас удивления.

Сравнение с другими монгольскими языками показало, что многое из специфической хонгодорской лексики возникло под монгольским влиянием, во всяком случае имеет параллели в халха-монгольском языке. Приведем для иллюстрации некоторые из этих сравнений.

хонгод.
адха «каменная осыпь»
батхаха «повалить (о дыме)»
биһалаг//бяһалаг «сыр»
борлоэ «сивый (о коне)»
бөөгнэхэ «скомкать бумагу»
буйр «сохатый»
бэлэ «попоясная пряжка»
дальдарха «моргнуть от испуга»
зоригууд «нарочно»
наалан «эмаль посуды»
пила «плоская поварешка»
салма «аркан»
сөөбөри «шакал»
сурга//сургар «багульник»
суусари «куница»
табилганаэ «таволга»
ханга «правилка для сушки шкурок»
хангадха «растянуть шкурку на правилке»
шалдан «голый»
шэгжэхэ «засориться»
эрээлдээгэй//эрээлжигэй «ситец, сатин»
янгарцаг//янгарсаг «вьючное оленьё седло»
яндан «железная печь»
яндз бүрийн «всевозможный»

Х.-МОНГ.
асга – то же
басгах – то же
бяслаг – то же
борлог – то же
бөөгнөх «скупчиваться»
бойр «самец животных»
бэл – то же
дальдрах «уклониться от удара»
зориуд – то же
наалан – то же
пял «тарелка»
цалам – то же
цөөвөр – то же
сургар – то же
суусар – то же
тавилгана – то же
ханга – то же
хангадах – то же
шалдан – то же
чигжих «затыкать»
эрээлж «разноцветная широкая лента»
янгирцаг «вьючное седло»
яндан «печная железная труба»
яндз бүрийн – то же.

Таким образом, монгольское влияние, монгольский налет ощущается в языке хонгодоров, живущих в Присяянье (т. е. в Оке, Тунке и Закамне), и прослеживается не только в звуковом строе и грамматике, но и в словарном составе.

Среди специфической хонгодорской лексики выявились слова, тюркское происхождение которых оказалось бесспорным [7]. К тюркизмам можно, например, отнести: *аан* – усилительно-утвердительная частица (< тувинско-тофаларского *аан* – то же), *биһалаг//бяһалаг* «сыр» (< монг. *бяслаг* < тюрк. *бышлак* «сыр» < тюрк. *быш* = «вариться, поспевать»), *дасван//даспан* «годовалый теленок домашнего оленя» (< тувинско-тофаларского *даспан* «двухлетний олень»), *зото* «голень передних ног диких копытных животных» (< тюрк. *жото* – то же), *соол* «изба» (< сибирско-тюркского *соол* «изба», «печь»), *сөөбөри//сүүбэри* «шакал» (< монг. *цөөвөр* – то же < тюрк. *чөө* «шакал» + *бөри* «волк»), *тоорам* «наплывы на рогах дикого козла» (< тувинско-тофаларского *тоорам* «поперечная зарубка» < *тоора* = «делать поперечную зарубку»), *төрөг гутал* «монгольские

сапоги» (возможно, от тюркского слова *түрк//төрк* «тюрк, тюркский»), *туулмаг* «пенек от рога» (< тюрк. *тул* = «наполняться»), *тээ* – междометие удивления (< сибирско-тюркского *тээ*, *тээй* – то же), *хабчаг//хабшаг үргэ* «заплечная сума» (< тюрк. *капчык* «небольшой мешок, мешочек» < тюрк. *кап* «мешок»), *хиш//сии* «сухой навоз» (< тюрк. *кый* «навоз», ср. якутское *киш* «навоз»), *этээр* «бык-производитель домашнего оленя» (< тувинско-тофаларского *этэр чары* – то же), *янгарцаг//янгарсаг* «вьючное оленьё седло» (< монг. *янгирцаг* < тюрк. *ынгырчак* «вьючное седло» < тюрк. *ынгыр* – то же).

Тюркские слова взяты в основном из языка саянских тюрков, к числу которых относились некогда и окинские соёты, выходцы из Прихубсугуля, впоследствии обурятавшиеся. До прихода и расселения по Присяяню хонгодоров здесь издавна обитали тюркские племена, с которыми предки здешних бурят вступали в различные контакты, что, естественно, не могло не найти отражения в местном бурятском языке.

После присоединения в XVII в. территории, населенной хонгодорами, к Российскому государству, их язык испытал заметное влияние, особенно в лексике, и русского языка, о чем говорят многочисленные русские заимствования. Эти заимствования отражают в основном оседлый крестьянский быт и тип хозяйства, ранее не знакомые бурятам. Примерами русских заимствований могут послужить такие слова, как: *бартаа* «калитка», *куликаа* «кочерга», *ништхэ* «нитки», *мыйлэ* «мыло», *эстрүүжэ* «рубанок», *хэлюусэ* «висячий замок», *зеэрхэл* «зеркало», *шаадниг* «чайник», *алаада* «оладья», *шааньди* «шаньги», *хэлээмэ* «печеный хлеб», *поршоонхо* «поросенок», *пастууг* «пастух», *даяарха* «доярка», *хумууд* «хомут», *шэдоолхо* «седелка», *хольсоо* «колесо», *оглёобо* «оглобля», *булууза* «платье», *хостиин* «костюм», *шаал* «шаль», *тэжүүрхэ* «тужурка, телогрейка», *сээрэнхэ* «спички», *лаампа* «лампа», *пезишэ* «печь», *полтиинсэ* «полотенце» и т. п. Все эти слова полностью адаптированы в звуковом отношении и осознаются уже как собственные слова. Отдельные из них освоены и морфологически, то есть получили оформление бурятскими словообразовательными суффиксами по аналогии со своими словами, ср., напр.: *бидруулга* «железное ведро» (ср. бур. *һуулга* «деревянное ведро»), *хострюулга* «кастрюля».

Произведенный выше краткий анализ языка хонгодоров на уровне фонетики, грамматики и лексики показал, таким образом, что он имеет в своем строе заметные своеобразия, причем ряд из этих особенностей обусловлен как монгольским, так и тюркским влиянием. Подвергся он и воздействию русского языка. Но все же в основе строя языка хонгодоров лежит общепурятское ядро, хотя в нем выделяются значительные параллели, объединяющие его с группой западных бурятских говоров. Есть в то же время и черты, особенно в языке закаменцев, меньше – тункинцев, соотносящиеся с языком хоринцев, а через него и

с литературным языком, что объясняется большей территориальной близостью закаменцев к ареалу распространения восточного диалекта бурятского языка. Все отмеченное выше свидетельствует, что язык хонгодоров представляет собой своеобразный бурятский диалект, издавна занимающий промежуточное положение между западным и восточным бурятскими диалектами. Монгольское же влияние хотя и ощущается, все же не затрагивает общепурятского ядра языка хонгодоров. Да к тому же влияние монгольского языка чувствуется лишь в языке хонгодоров Оки, Тунки и менее – Закамны, где как раз и были тесные связи с монголами, поддерживаемые помимо всего прочего также единой ламаистской буддийской религией. Язык же хонгодоров Алари сохранился в гораздо большей чистоте и свободен от монгольского налета. Это как раз и дает веское основание считать, что хонгодоры были в своей основе все-таки бурятами, а не монголами, как это принято утверждать в этнографической и исторической литературе. Причем бурятами, язык которых весьма близок к языку булагатов. Если бы хонгодоры были монголами по происхождению, то за те немногие для истории эволюции языка три столетия, в течение которых хонгодоры после возвращения из Монголии проживают в Алари и по Присяжню, да притом весьма компактно, их язык не смог бы утратить свое монгольское ядро и столь обурятиться, что приобрел общепурятскую основу. Таким образом, с мнением о монгольском происхождении хонгодоров невозможно согласиться, ибо их язык свидетельствует об обратном. Глубоко прав был Ц. Б. Цыдендамбаев, возражавший против утверждения о монгольском происхождении хонгодоров. Он считал, что «...самым неотразимым свидетельством бурятской сущности хонгодоров является их язык: будь хонгодоры монголами вплоть до 2-й половины XV–XVII вв., они не смогли бы так сильно обурятиться по языку, живя все это время более или менее компакт-

ной группой по Алари, Тунке и Закамне. В этом можно убедиться на примерах с цонголами и сартулами, проживающими по соседству или даже вперемешку с бурятами в Западном Забайкалье, начиная с первой половины и середины XVII в., но все еще говорящими по-монгольски» [16].

Более реальным, на наш взгляд, было бы предположение, что хонгодоры издавна являются наряду с булагатами и эхиритами одним из основных бурятских племен Предбайкалья. В период русской экспансии в первой половине XVII в. они, спасаясь от притеснений воевод, откочевали в пределы Монголии, откуда

вскоре вернулись в Предбайкалье на свои родовые земли, расселившись по дороге на свободных территориях Тунки, а впоследствии Оки и Закамны. Отсутствие их было, по всей видимости, не столь долгим – их родовые земли не успели заселить и освоить соседние, оставшиеся на месте бурятские племена булагатов и эхиритов. Да притом, видимо, не все хонгодоры уходили в Монголию, ибо оставшихся, хотя, возможно, и многочисленных хонгодорских родов было вполне достаточно, чтобы их земли считались заселенными. В противном же случае они тут же были бы заняты и освоены другими племенами.

Литература

1. *Абашеев Д. А.* Тункинский говор // Исследование бурятских говоров. Вып. 1. – Улан-Удэ, 1965. – С. 3–34.
2. *Бураев И. Д.* Основные этапы исследования бурятских диалектов и их классификация // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья. – Улан-Удэ, 1988. – С. 3–26.
3. *Дугаров Б. С.* О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. – Улан-Удэ, 1983. – С. 90–101.
4. *Зимин Ж. А.* К вопросу о выходе хонгодоровских родов из Монголии и их расселение в Алари // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. – Улан-Удэ, 1983. – С. 102–103.
5. *Поппе Н. Н.* Аларский говор. Ч. I. – Л., 1930.
6. *Поппе Н. Н.* Аларский говор. Ч. II. – Л., 1931.
7. *Рассадин В. И.* Лексические особенности говора окинских бурят // Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка. – Улан-Удэ, 1985. – С. 3–20.
8. *Рассадин В. И.* Промысловая лексика в говоре окинских бурят // Диалектная лексика в монгольских языках. – Улан-Удэ, 1987. – С. 3–20.
9. *Рассадин В. И.* Особенности звукового строя языка окинских бурят и соётов // Звуковой строй монгольских языков. – Улан-Удэ, 1989. – С. 30–73.
10. *Рассадин В. И.* Звуковой состав присаянской группы бурятских говоров // Сегментные и просодические единицы языков байкальского региона. – Улан-Удэ, 1991. – С. 3–7.
11. *Румянцев Г. Н.* Предания о происхождении аларских бурят // Этнографический сборник. Вып. 2. – Улан-Удэ, 1961. – С. 121–122.
12. *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. – М., 1953.
13. *Цыдендамбаев Ц. Б.* К итогам экспедиционного изучения говоров добайкальских бурят // Исследование бурятских говоров. Вып. 2. – Улан-Удэ, 1968.
14. *Цыдендамбаев Ц. Б.* Этническое прошлое закаменских бурят по данным их исторических легенд // Краеведение Бурятии. – Улан-Удэ, 1979.
15. *Цыдендамбаев Ц. Б.* Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. – М.: Наука, 1979.
16. *Цыдендамбаев Ц. Б.* Этническое прошлое закаменских бурят по данным их исторических легенд // Краеведение Бурятии. – Улан-Удэ, 1979.

УДК 332 (517.5)

Л. В. Потапов, Ц. Ж. Найданов

**ВОЗДЕЙСТВИЕ БАЙКАЛЬСКОГО ФАКТОРА
НА РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ (Байкальский регион)**

Рассмотрены основные проблемы и последствия от особого режима пользования природными ресурсами в бассейне оз. Байкал, отражающиеся на экономической деятельности в Республике Бурятия, а также возможные пути компенсации экономических потерь от Байкальского фактора.

Ключевые слова: озеро Байкал, Байкальская природная территория, охрана озера Байкал, Байкальский фактор, особо охраняемая природная территория, предельно допустимая концентрация.

L. V. Potapov, Ts. J. Naidanov

**THE INFLUENCE OF THE “BAIKAL FACTOR”
ON REGIONAL DEVELOPMENT (The Baikal Region)**

The article considers the main problems and consequences of a special regime of natural resources use in Lake Baikal Basin affecting economic activity in the Republic of Buryatia. Some possible ways to compensate economic losses from the “Baikal factor” are discussed.

Key words: Lake Baikal, Baikal Natural Area, protection of Lake Baikal, “Baikal factor”, protected area, MPC.

Так называемая «байкальская проблема» имеет почти пятидесятилетнюю историю и связана с развитием производительных сил и освоением природных ресурсов Байкальского региона [5]. Первые регулирующие документы по комплексному использованию природных ресурсов бассейна оз. Байкал были приняты еще в 1965 г., к настоящему времени перечень нормативно-правовых документов федерального и регионального уровней в этой сфере приближается к пяти десяткам. Основным документом, регламентирующим хозяйственную деятельность на Байкальской природной территории (БПТ), является Федеральный Закон «Об охране озера Байкал» (от 01 мая 1999 г. № 94-ФЗ). В связи с тем, что оз. Байкал и БПТ имеют особый статус, закрепленный не только на

федеральном, но и на мировом уровнях, режим охраны и природопользования оз. Байкал отличается от правового режима, устанавливаемого для водных объектов на территории России. Впервые в России многочисленные постановления по Байкалу директивно ввели новую региональную форму природопользования – особый режим пользования природными ресурсами в бассейне озера. Федеральный Закон «Об охране озера Байкал» предусматривает особый режим хозяйственной и иной деятельности, осуществляемой в соответствии с принципами (ст. 5 и ст. 6):

– приоритета видов деятельности, не приводящих к нарушению уникальной экологической системы оз. Байкал;

– учета комплексности воздействия хозяйственной деятельности;

ПОТАПОВ Леонид Васильевич – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела региональных экономических исследований Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: ogei.bnc@mail.ru.

НАЙДАНОВ Цыренбал Жанчибдоржиевич – ведущий инженер отдела региональных экономических исследований Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: tsnasidanov@mail.ru.

– сбалансированности решения социально-экономических задач и задач охраны экосистемы оз. Байкал;

– обязательности государственной экологической экспертизы;

– запрещения или ограничения видов деятельности, оказывающих негативное воздействие на экосистему оз. Байкал.

В настоящее время реально запущены лишь механизмы запретительного и ограничительного характера, наименее реализован принцип сбалансированности социально-экономического и экологического развития.

Одним из возможных методов позитивного разрешения экологических проблем на Байкальской природной территории является государственное регулирование природопользования через экологические программы. История государственной природоохранной деятельности на БПТ насчитывает более десятка федеральных целевых программ. Формально на уровне государства провозглашались экологические приоритеты. Выполнение этих программ фактически было осуществлено в среднем менее чем на две трети (согласно официальным данным). Причина во всех случаях наблюдалась одна – недостаточное финансовое обеспечение. С начала 2002 г. в рамках утвержденной федеральной целевой программы «Экология и природные ресурсы России» (2002–2010 гг.) принята подпрограмма «Охрана озера Байкал и Байкальской природной территории» [5]. Подпрограмма исходила из определений и принципов, заложенных в законе. Состав и содержание целей подпрограммы фактически были унаследованы и от предыдущей федеральной программы по Байкалу, поскольку, как вынуждены были констатировать сами разработчики, из-за «недостаточного финансирования ряд мероприятий не выполнен». Самый главный порок предыдущих программных документов заключается в недостаточном федеральном финансировании. Основной упор в

подпрограмме делался на преодоление тенденции ухудшения экологического состояния оз. Байкал, ликвидацию или репрофилирование ряда экологически опасных объектов хозяйственной деятельности, предотвращение снижения биологического разнообразия оз. Байкал и Байкальской природной территории, сохранение и развитие традиционного ресурсосберегающего природопользования на Байкальской природной территории. За пределами задач, поставленных подпрограммой, остался социально-экономический аспект проводимой в регионе экономической политики. Закрытие или репрофилирование действующих на территории Республики Бурятия предприятий приведет к нарастанию социальной напряженности и дальнейшему снижению жизненного уровня населения. Остается по-прежнему открытой проблема оптимального сочетания региональных интересов развития экономики и повышения уровня жизни населения региона и общегосударственных интересов сохранения Байкальского природного комплекса. Вызывает надежду принятие Постановления Правительства РФ № 847 от 21 августа 2012 г. «О федеральной целевой программе “Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012–2020 гг.”», что позволит решить перечисленные выше проблемы. Однако есть сомнение, об этом будет сказано ниже. Другим документом, являющимся основой для осуществления хозяйственной и иной деятельности на БПТ, являются комплексные схемы охраны и использования природных ресурсов территории. В настоящее время с учетом изменившихся условий разработан для БПТ проект новой схемы (комплексная схема охраны и использования природных ресурсов Байкальской природной территории). Однако, как и в предыдущих программных документах, в ней не прописан соответствующий условиям БПТ механизм финансирова-

ния. Более 80 % водосборной площади оз. Байкал приходится на Республику Бурятия, и ограничения, налагаемые особым режимом хозяйственной деятельности, распространяются практически на всю территорию республики. Рост затратности экономики Бурятии по сохранению общенационального достояния страны приводит к сокращению финансового потенциала предприятий, тормозит процессы модернизации технической базы республики и возможности производства конкурентоспособной продукции. В свою очередь сокращение инвестиционно-финансовых ресурсов для развития реального сектора снижает потенциал устойчивого экономического роста и повышения уровня жизни населения, лишает экономику Бурятии перспектив преодоления дотационности.

Специфика БПТ как уникального природного объекта состоит в том, что территория не получает экономических преимуществ от эксплуатации природных ресурсов, напротив, несет повышенные затраты. Вследствие этого затраты производителя становятся выше тех, которые могут быть признаны рынком. Отсюда следует вывод о необходимости субсидирования развития БПТ для выполнения задачи сохранения уникального природного объекта. На этой территории следует избегать наложения экономических, рыночных механизмов на административные ограничения. Для того, чтобы оценить социально-экономическую эффективность мероприятий по охране оз. Байкал на уровне общества в целом, необходимо сопоставить размер потенциальных потерь, предотвращаемого ущерба по загрязнению Байкала с размером средств, инвестируемых в его охрану и поддержание в стабильном состоянии. Это и будет подход с точки зрения государственной эффективности, и обязательства по решению этой проблемы должны быть взяты преимущественно федеральным бюджетом.

До осуществления экономических реформ 1990-х гг. повышенные показате-

ли затрат на охрану природы в Бурятии обеспечивались за счет капитальных вложений, выделяемых из бюджета страны. В новых условиях, когда ответственность за состояние окружающей среды перекладывается на плечи самого региона, у республики явно не хватает собственных средств сокращать негативное воздействие производства на природу на прежнем уровне. Поэтому стоит непростая задача создания и отработки в реальной обстановке модели экономически выгодного включения природоохранных проблем в механизм устойчивого развития региона. Важнейшей проблемой мобилизации инвестиционных ресурсов в среде природопользования и экономики, влияющей на социально-экономическое развитие Республики Бурятия, является компенсация государством дополнительных издержек производителей, обусловленных экономическим статусом региона.

Острая потребность Бурятии в дополнительной финансовой поддержке связана с необходимостью преодоления ежегодно воспроизводимой ситуации с высоким дефицитом ее консолидированного бюджета [2]. Преодоление указанных острых проблем, снижение дотационности РБ и создание условий перехода к самофинансированию ее бюджетных потребностей невозможно без справедливого перераспределения бремени по охране общенационального природного достояния.

Для этого, в первую очередь, необходимо исследовать, из чего складываются экономические затраты, как их рассчитать, как они возмещаются, каким образом можно стимулировать уменьшение загрязнения окружающей среды, не подрывая основ функционирования экономики региона.

С точки зрения экономики в целом выделяются две основные составляющие экологических затрат: прямые затраты на реализацию природоохранных мероприятий и косвенные (внешние) затраты, или экономический ущерб, возникающий в отраслях или у населения, испытывающего воздействие загрязнения.

Прямые затраты, в свою очередь, подразделяют следующим образом:

1. «Традиционные» экологические затраты (суженная трактовка затрат). В экономической практике сложилось представление об экологических издержках как затратах на проведение природоохранной деятельности на уровне предприятий, сводящейся в основном к строительству очистных сооружений или приобретения газопылеочистительного оборудования.

2. Экологические затраты на макроуровне (республика, регион, страна в целом). К перечисленным выше затратам добавляются такие специфические виды затрат, как расходы на ведение лесного хозяйства, на содержание заповедников и других видов охраняемых природных территорий, на мероприятия по охране диких животных. В экономической литературе имеется мнение, что необходимо расширить трактовку экологических затрат, включив в них затраты на повышение плодородия почв, снижение ресурсо- и энергоемкости, использование вторичного сырья, обустройство городских поселений, защиту здоровья, предупреждение и ликвидацию последствий природных катастроф и пр.

3. Дополнительные затраты, возникающие в различных отраслях народного хозяйства под действием экологических ограничений и связанные непосредственно с формированием производственных затрат. Это касается в первую очередь сельского, лесного, охотничье-промыслового и рыбного хозяйства, лесной промышленности, а также добычи минерально-сырьевых ресурсов, т. е. тех видов производств, которые имеют наиболее тесные взаимосвязи с природной средой.

Функционирование экономики Бурятии в особых условиях хозяйственной деятельности на БПТ обуславливает целый ряд негативных последствий для населения, хозяйствующих субъектов и бюджетной системы республики [1]:

1. Повышенный, относительно общероссийских показателей, уровень текущих издержек предприятий, вызванный более высокими нормативами платы за пользование природными ресурсами, штрафами за загрязнение окружающей среды, жесткими требованиями к очистке сточных вод, содержанием на балансах предприятий значительной массы основных производственных фондов природоохранного характера, ростом ресурсоемкости (материалоемкости, фондоемкости и пр.) производства (табл. 1).

2. Увеличение транспортных издержек предприятий, обусловленное изменением традиционных схем перевозки продукции на БПТ, ограничением использования более дешевых видов транспортировки древесины от добывающих предприятий к перерабатывающим.

3. Прямые потери в выпуске продукции и упущенные выгоды из-за жестких ограничений хозяйственной деятельности, выноса производств из прибрежной и водоохранной зоны оз. Байкал (в сельскохозяйственном производстве, лесозаготовке, охотничьем хозяйстве, в социальной и рекреационной сфере и др.).

4. Увеличение нагрузки на экономику по линии капитальных затрат непроизводственного характера, в т. ч. на дополнительные природоохранные мероприятия, перепрофилирование градообразующих предприятий, закрытие, консервацию и перемещение действующих производств.

Проблемы усугубляются тем, что наибольшая нагрузка «байкальского фактора» приходится на предприятия, традиционно относящиеся к отраслям основной специализации экономики Бурятии – сельскому хозяйству, лесопромышленному комплексу, промышленным хозяйствам. Несмотря на сложность (в методологическом плане) адекватного подсчета дополнительной нагрузки на экономику региона в связи с особым экологическим режимом, такие расчеты проведены специалистами Правительства РБ и научных организаций.

Таблица 1

Сопоставление нормативов за пользование природными ресурсами в России и Республике Бурятия в 2003–2010 гг.

Показатель	Ед. измерения	Россия в целом	Республика Бурятия	Превышение
Нормативы отклонений за пользование водным объектом				
1. За забор воды	Руб./1000 м ³			
1.1. Поверхностные водные объекты		175	344	1,97
1.2. Подземные водные объекты		219	344	1,59
2. За сброс сточных вод		23,1	48,1	2,08
Региональные удорожающие коэффициенты				
3. За нормативное загрязнение природной среды	Раз			
Коэффициенты экологической ситуации			1,1–1,7	
За сброс сточных вод без очистки на рельеф местности			3,0–5,0	
За уровень токсичности сточных вод			1,5–2,0	
За размещение свалок			3,0–5,0	
4. Затраты по очистке сточных вод на предприятиях ЖКХ на БПТ относительно других предприятий				

Источник: Расчеты специалистов Правительства Республики Бурятия и научных работников.

По оценке ученых БИП БНЦ СО РАН, общая величина экологической нагрузки на экономику Бурятии, рассчитанная с применением метода прямого учета затрат, составляет в процентном отношении к объему валового внутреннего продукта в 2002 г. около 8 % и может вырасти в перспективе до 9–10 %. По расчету специалистов Правительства РБ объем недополученной ВДС в 2003 г. из-за влияния «байкальского фактора» составил 6669,3 млн. руб., или 13 % к национальному ВВП, не изменилась ситуация и сейчас. В структуре недополученной ВДС наибольший удельный вес (88,7 %) составляет упущенная выгода в результате потерь и недопроизводства продукции. В 2004 г. при ВВП 64411,2 млн. руб. объем недополученной ВДС составил 8016,3 млн. руб. (13,1 %) к ВВП. В начале 1990-х гг. эта цифра в Рос-

сии составляла 1,2–2,2 % ВВП, в других странах достигала 3,5 % ВВП. Очевидно, что полученный показатель в Бурятии значительно превышает эти цифры и подтверждает особый экологический статус РБ. И, следовательно, предполагает и особый уровень, и особые формы государственной поддержки региона. Правительством РБ совместно с БНЦ СО РАН разработаны подходы и конкретные меры, позволяющие подойти к решению многих проблем, связанных с Байкальским фактором.

Эти подходы предусматривают следующие основные направления.

1. Принципы разграничения ответственности:

1. Федеральный центр осуществляет функции по возмещению экономических потерь, которые несет Республика Бурятия вследствие реализации федеральных

мероприятий по природоохранной деятельности, ограничений на ведение хозяйственной деятельности на БПТ.

2. Республика Бурятия несет бремя дополнительных затрат, образующихся вследствие республиканских мероприятий, проводимых по решению республики.

3. При расчете размеров компенсации республике из Федерального бюджета по экономическим потерям должны исключаться:

– недополученные федеральным бюджетом налоговые поступления по Республике Бурятия вследствие решений федерального центра, повлекших прямые потери в экономике республики;

– реально полученные Республикой Бурятия трансферты из федерального бюджета (имеется в виду та часть трансферта, которая использована в республике на сохранение экосистемы оз. Байкал), субсидии и другие прямые расходы федерального бюджета на финансирование в республике мероприятий по охране и сохранению оз. Байкал, включая расходы на финансирование федеральных целевых программ экологического направления.

II. Совершенствование федерального законодательства по защите экосистемы оз. Байкал (изменения и дополнения в федеральный закон «Об охране озера Байкал»). Федеральный закон «Об охране оз. Байкал» является одним из основополагающих документов, регламентирующих режим хозяйственной деятельности и природопользования на Байкальской природной территории (БПТ). Крайне необходимо принять Постановление Правительства РФ «О мерах по реализации закона “Об охране озера Байкал”».

Поэтому действующий закон не обеспечивает в полной мере реализацию правовых основ, регламентирующих режим хозяйственной деятельности и природопользования на Байкальской природной территории. На сегодня остаются не решенными ряд проблем, связанных

с реализацией этого закона. Во-первых, закон не определяет статуса Байкальской природной территории (или это объект федеральной собственности, или совместного ведения РФ, субъектов и муниципальных образований), что сразу лишает методологической обоснованности предложения по формированию средств на реализацию природоохранных мероприятий. Создать адекватный финансовый механизм и установить пропорции, в соответствии с которыми будет обеспечиваться финансирование, без решения проблемы статуса БПТ невозможно. Подтверждением этому является отсутствие обоснования распределения источников финансирования мероприятий подпрограммы «Охрана озера Байкал и Байкальской природной территории» ФЦП «Экология и природные ресурсы России (2002–2010 гг.)». Такой подход ведет к невыполнению программы, о чем свидетельствует ход реализации программы в 2002 г. Во-вторых, не определены правила охраны и природопользования в экологических зонах.

В Законе, как было сказано выше, предусматривается разделение БПТ на 3 экологические зоны, из чего логично вытекает нормативное закрепление принципиальных особенностей природопользования. Попытка сделать это в главе 2 носит слишком расплывчатый характер, что оставляет впечатление бессистемного и некомплексного методологического подхода к определению режима охраны БПТ. В частности, режим центральной экологической зоны не учитывает положения других законодательных актов. Согласно ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» правовой режим особо охраняемых территорий (ООПТ) может быть абсолютным, относительным и смешанным. К какому конкретно виду относится режим ООПТ в центральной экологической зоне, ФЗ «Об охране озера Байкал» умалчивает. В пункте ст. 2 ФЗ «Об охране озера Байкал» указано, что территория централь-

ной экологической зоны Байкальской природной территории включает в себя водоохранную зону оз. Байкал. Следовательно, на данную территорию распространяется режим водоохранной зоны, установленный постановлением Правительства РФ от 23 ноября 1996 г. № 1404 «Об утверждении Положения о водоохранных зонах водных объектов и их прибрежных защитных полосах», согласно которому запрещается размещение мест складирования отходов, размещение стоянок транспортных средств и других видов деятельности.

Статья 5, которая устанавливает приоритеты видов деятельности, не приводящих к нарушению уникальной экологической системы оз. Байкал и природных ландшафтов его водоохранной зоны, потенциально является поводом для запрета любой деятельности и может породить обширную судебную и арбитражную практику для любого из хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в центральной экологической зоне. Не уточнено, что же в этой статье подразумевается под обязательностью государственной экологической экспертизы. Например, Федеральным законом «Об экологической экспертизе» не предусмотрено проведение государственной экологической экспертизы проектной документации по объектам, которые уже начали строиться, построены или введены в эксплуатацию без положительного заключения государственной экологической экспертизы, о чем было разъяснено в соответствующем письме МПР России.

Статья 6 предусматривает запрещение или ограничение деятельности на БПТ. При этом, какие виды деятельности запрещаются, а какие ограничиваются – не указано. Статья содержит сведения о том, в каких конкретно зонах БПТ запрещены или ограничены определенные виды деятельности. Разделение БПТ на три зоны подразумевает особый режим функционирования каждой из них в зависимости от приоритетности и

важности данной территории в реализации комплекса мероприятий по охране оз. Байкал. С другой стороны, при утверждении перечня видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне, нет уверенности в том, что в соответствующем постановлении Правительства РФ перечислены все возможные виды деятельности, формально не попавшие в него, но по смыслу и пониманию статуса БПТ подлежащие запрету. Более логичным представляется составить перечень тех видов деятельности, которые разрешены в конкретных зонах БПТ. Еще более сложным представляется вопрос о разрешении или запрещении определенных видов деятельности в пределах буферной зоны, которая занимает существенно большую площадь, а ее экономическое развитие и режим функционирования фактически никак не регулируется.

Статья 10 некорректная, поскольку не учитывает различий между установленными этим же законом экологическими зонами в пределах БПТ.

Статья 11 запрещает изъятие земель лесного фонда в центральной экологической зоне. В то же время постановлением Правительства РФ от 30 августа 2001 г. № 643 «Об утверждении перечня видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне» не запрещается строительство объектов, созданных с системами жизнеобеспечения и обеспечения экологической безопасности существующих объектов. Неясно, каким образом можно осуществлять строительство объектов жизнеобеспечения без изъятия земель?

В-третьих, реализация статей 2, 3, 12–14, 16–18 нуждается в разработке и принятии подзаконных актов, методик, перечней и, как следствие, в большом количестве научных обоснований. Ученые спорят, время идет, а органы государственной власти должны принимать решения, касающиеся не только сохранения экосистемы Байкала, но и вопро-

сов социально-экономического развития Республики Бурятия. Например, согласно Постановлению Правительства РФ от 30 августа 2001 г. № 643, размещение рекреационных объектов разрешается в пределах рекреационных территорий, предусмотренных схемой охраны и использования природных ресурсов Байкальской природной территории, разрабатываемой на основании статьи 16. В настоящее время выполнен только первый из пяти этапов разработки вышеуказанной схемы, а когда схема будет утверждена – неизвестно. По-прежнему основными проблемами остаются установления границ БПТ и принятие норм предельно допустимых воздействий на экосистему оз. Байкал. Без этих нормативных актов в принципе невозможно планировать какую-либо хозяйственную деятельность. Статья 17 Закона обязывает всех природопользователей иметь экологические паспорта. Типовые формы носят рекомендательный характер, и принятие решения о целесообразности ведения экологического паспорта остается за природопользователем. Поэтому при осуществлении государственного экологического контроля возникает вопрос, выдавать предписание предприятию о ведении экологического паспорта, стоимость разработки которого может составлять от 30 до 200,0 тыс. руб., или нет. Особенности ведения экологических паспортов хозяйственных объектов на БПТ, о чем указывается в статье 17, так и не определены.

В-четвертых, отсутствует законодательная база для построения механизма финансирования расходов по охране оз. Байкал из федеральных, региональных и других источников. Статья 21 не предусматривает: а) реального механизма компенсации повышенных затрат в области охраны оз. Байкал; б) разграничения ответственности по охране экосистемы оз. Байкал; в) источников финансирования.

Таким образом, Федеральный Закон «Об охране озера Байкал» не соответ-

ствует вышедшему позднее Федеральному Закону «Об охране окружающей среды», не содержит специальных статей и положений по управлению охраной оз. Байкал, по экономическому регулированию в области охраны оз. Байкал, по экологическому нормированию и другим важным аспектам. Введенные Законом экологические ограничения хозяйственной деятельности на байкальской природной территории создают экономические проблемы устойчивого развития Республики Бурятия. Для того, чтобы сделать Федеральный Закон работающим, требуется внесение в него ряда изменений и дополнений, а также разработка соответствующих подзаконных актов.

III. Механизм возмещения экономических потерь Республики Бурятия из федерального бюджета с ведением особого режима хозяйствования в бассейне оз. Байкал. Основным направлением развития Республики Бурятия в среднесрочной перспективе является разработка и осуществление целенаправленной экологической политики по сохранению уникальной экологической системы оз. Байкал. При этом вопросы экологии должны стать неотъемлемой частью макроэкономической, налогово-бюджетной, инвестиционной и инновационной политики.

Механизм возмещения дополнительных издержек построен на реализации эффективной системы мер по стимулированию привлечения инвестиций и основан на:

- целевой консолидации финансовых ресурсов бюджетной системы Российской Федерации и Республики Бурятия;

- компенсации дополнительных расходов, осуществляемых в различных формах, в т. ч. за счет увеличения размеров представляемых трансфертов и прямого возмещения затрат;

- дополнительном финансировании из различных федеральных целевых программ.

Следует учитывать, что в соответствии с новой концепцией разграничения полномочий между уровнями бюджетной системы затраты региональных бюджетов, обусловленные действием федеральных законов, должны быть компенсированы субвенциями из федерального бюджета. В связи с этим наиболее реальным, адекватным современной ситуации становится механизм возмещения инвестиционных затрат на природоохранные мероприятия в форме целевых субсидий и/или субвенций из федерального бюджета. Затраты на мероприятия по охране окружающей среды входят составной частью в общие инвестиционные затраты компаний, их доли в зависимости от отрасли варьируются.

Общая сумма дополнительных экологических затрат, рассчитанная специалистами Министерства экономического развития и внешних связей Республики Бурятия на базе данных 13 бюджетобразующих предприятий, сгруппированных по отраслям (без учета предприятий сельского хозяйства, лесного хозяйства, ЖКХ, среднего и малого бизнеса), по данным 2003 г. – 482,0 млн. руб. Согласно статистическим данным на долю предприятий Республики Бурятия ежегодно на дополнительные экологические затраты приходится порядка 810,0 млн. руб. В этой связи необходимо использовать механизм возмещения инвестиционных затрат на природоохранные мероприятия с помощью целевых субсидий и/или субвенций из федерального бюджета на исполнение Федерального закона «Об охране озера Байкал». Представленные субсидии будут иметь целевой характер и направляться на реализацию инвестиционных проектов (своего рода компенсаторная основа).

Правительство Республики Бурятия предлагает к рассмотрению перечень объектов, рекомендованных Министерством экономического развития, по следующим направлениям [1]:

1. Инвестиционные проекты, направленные на реконструкцию и модер-

низацию действующих производств, при этом дополнительные экологические затраты складываются по следующим направлениям:

- проекты, направленные на снижение выбросов/сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду;
- проекты, направленные на снижение удельных технологических показателей выбросов на единицу продукции;
- проекты, направленные на снижение уровня экологической опасности действующих производств.

2. Инвестиционные проекты, предполагающие использование наилучших существующих технологий.

3. Инвестиционные проекты, направленные на охрану и восстановление природных ресурсов, сохранение биологического разнообразия. Данные проекты направлены на развитие производств экологически чистой продукции, внедрение ресурсосберегающих технологий и развитие экологически безопасных производств.

Взаимосвязь и влияние экологических и экономических аспектов развития хозяйства Республики Бурятия на перспективу были изучены в ходе прогнозных расчетов с использованием системы социо-эколого-экономических моделей по Байкальскому региону и адаптированного модельного комплекса, описывающего функционирование хозяйства Республики [2].

Принципиальная схема взаимосвязей и структура модели представлены на рисунке.

Отдельное описание регионального социально-экономического развития разбито на пять взаимосвязанных частей (блоков) с определенным экономическим содержанием:

- блок «производство», описывающий процесс фондообразования и производства валовой продукции;
- блок «технология» – формирование показателей прямых материальных затрат, трудоемкости, фондоемкости;
- блок «демография» – демографические процессы;

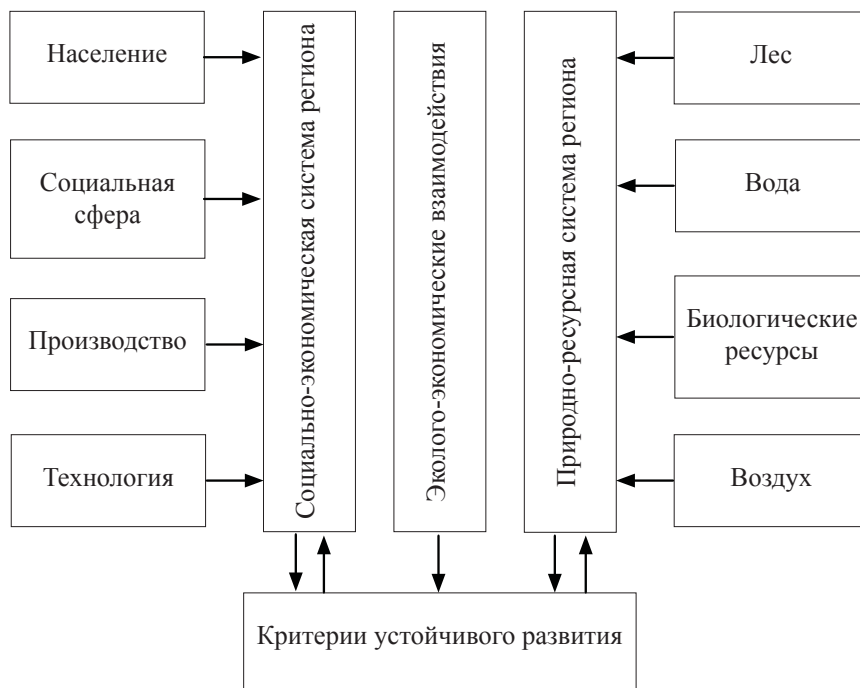

Рис. 1. Интегральная система развития региона

– блок «бюджет» – формирование доходов и расходов бюджета;

– блок оценки и балансирования основных макроэкономических показателей.

Для оценки экономических последствий прогнозного экономического развития была использована математическая модель. При прогнозе развития республики и оценке намеченных программных мероприятий использован сценарный подход. Исходя из анализа сложившейся ситуации в экономике и намечаемых в Республике Бурятия программных мероприятий, рассматривались три сценария.

В рамках сценария 1 – «Эволюционное развитие экономики» – предлагается выход из депрессивного состояния республики на устойчивое экономическое, развитие примет затяжной характер, темпы роста выпуска продукции по отраслям будут низкими; кардинальное решение многих социальных проблем будет происходить после 2007 г.

Сценарий 2 – «Поэтапное развитие экономики» – предусматривает на первом этапе, до 2005 г., вложение инвестиций в основные отрасли, имеющие заделы; после 2005 г. инвестиционные вложения будут направляться и в новое строительство.

Сценарий 3 – «Программное развитие экономики» – рассматривает инвестиционные вложения, исходя из программных мероприятий, как в отрасли, имеющие заделы, так и в новое строительство.

Модель «Регион» описывает динамику взаимодействия двух взаимосвязанных подсистем – экологической и экономической и предназначена для проведения всестороннего анализа развития природохозяйственной системы региона.

Для описания экономического блока используются принципы современных экономико-математических моделей, а природный блок описывается в терминах, возможно, более близких к экономической части. В модели учитываются:

рост производства, потребление продуктов, межрайонный обмен, самовосстановление и взаимное влияние природных ресурсов, их уменьшение в процессе производства и потребления, искусственное восстановление и перетоки, рост населения и уровня потребления.

Экономика каждого района рассматривалась в составе 13 агрегированных отраслей (горнодобывающая, химико-металлургическая, сельское хозяйство, транспорт, капитальное строительство, энергетика, пищевая промышленность, машиностроение, легкая промышленность, лесопереработка и целлюлозно-бумажная промышленность, промышленность строительных материалов, прочие, непродовольственная сфера и рекреация).

Состояние природного комплекса региона оценивалось по показателям:

1. Приведенная концентрация примесей в воде (сумма долей ПДК).

2. Концентрация характерной примеси в воде (доли ПДК).

3. Приведенная концентрация примесей в воздухе (сумма долей в ПДК).

4. Концентрация характерной примеси в воздухе (доли ПДК).

5. Бонитет почвы (баллы).

6. Площадь сельскохозяйственных земель (га).

7. Запас деловой древесины (m^3/ga).

8. Лесопокрытая площадь (тыс. га).

9. Приведенный запас минеральных ресурсов (млн. руб.).

10. Приведенный запас биологических ресурсов.

С целью исследования реакции природной среды на изменение состояния экономики были проведены вычислительные эксперименты и сценарные расчеты. Входной информацией послужили результаты расчетов социально-экономической модели региона.

Внутри этих трех сценариев было выделено два варианта. Первый вариант характеризуется сохранением существующей технологии (т. е. неизменным уровнем воздействия отраслей экономики на окружающую среду). Второй вариант предусматривает, что в течение всего прогнозируемого периода происходит постоянное совершенствование технологии в отраслях экономики, и, таким образом, к концу прогнозируемого периода примерно в 2 раза снижается их негативное влияние на состояние окружающей среды (табл. 2, 3).

Как показали результаты первой серии расчетов (первый вариант – со-

Таблица 2

Результаты расчетов по сценариям и вариантам

Показатель	Начальное состояние	Сценарий 1		Сценарий 2		Сценарий 3	
		I	II	I	II	I	II
Сброс загрязнений в воду, сумма долей ПДК	1,26	1,77	1,11	2,09	1,32	2,85	1,44
Выбросы загрязнений в атмосферу, сумма долей ПДК	2,86	4,25	2,08	5,23	3,30	6,22	3,92
Бонитет почв, баллы	68,98	60,48	63,05	59,68	62,49	59,68	62,49
Средний запас деловой древесины, $m^3/чел.$	93,06	79,85	83,03	78,51	82,07	76,9	80,92
Приведенный запас биоресурса	621,6	674,4	675,2	674,1	675,0	673,9	674,9

Источник: Расчеты специалистов правительства Республики Бурятия и научных работников, а также БИП СО РАН.

Таблица 3

Выброс загрязняющих веществ в атмосферу по сценариям, тыс.т.

Вещества	Начальное состояние	Сценарий 1		Сценарий 2		Сценарий 3	
		I	II	I	II	I	II
Твердые	37,2	56,5	31,7	69,2	38,7	80,7	45,2
Диоксид серы	26,5	40,3	22,6	49,3	27,6	57,5	32,2
Окись углерода	19,2	29,2	16,3	35,7	20,0	41,7	23,3
Окись азота	12,1	18,4	10,3	22,5	12,6	26,3	14,7
Углеводороды	0,3	0,5	0,3	0,6	0,3	0,7	0,4
Летучие органические соединения	0,4	0,7	0,4	0,8	0,5	1,0	0,5
Прочие	2,3	3,5	2,0	4,3	2,4	5,0	2,8
Всего	98,0	149,0	83,5	182,4	102,1	212,8	119,2

Источник: Расчеты специалистов правительства Республики Бурятия и научных работников, а также БИП СО РАН.

хранение существующей технологии), развитие экономики оказывает в целом негативное воздействие на состояние природной среды. Однако, несмотря на то, что выбросы в воды растут (разными темпами в зависимости от того или иного сценария), состояние загрязненности водных ресурсов увеличивается незначительно. Это связано с самоочищающей способностью дельты р. Селенга. Гораздо сильнее увеличивается загрязненность атмосферы, что вызвано значительным развитием энергетического комплекса.

Отмечается также уменьшение к концу прогнозного периода бонитета сельхозугодий и среднего запаса древесины. В первом случае это связано с необходимостью постоянных удобрений в почву, т. е. с природоохранными мероприятиями для отраслей, связанных с сельскохозяйственным производством. Для среднего запаса леса эффект природоохранных мероприятий проявляется с запаздыванием в десятки лет. Необходимость учета природоохранных мероприятий привела к разработке второй группы сценариев, т. е. предполагается постепенное снижение воздействия экономической деятельности на

природные ресурсы (примерно на 5 % ежегодно в сравнении с предыдущим годом) и уменьшение этого воздействия в 1,7 раза к 2010 г. Результаты второй серии расчетов показали значительное улучшение природной среды по сравнению со сценариями первой группы. Вместе с тем реализация этих сценариев требует значительных финансовых затрат. Капиталовложения, которые необходимы для осуществления природоохранных мероприятий, составляют в течение 10 лет по первому сценарию – 25, по второму – 31 и по третьему – 33 млрд. руб.

Основные капитальные вложения, как следует из анализа выполненных расчетов, должны быть направлены на уменьшение выбросов в атмосферу (60 %) и сокращение сбросов (24 %), остальные – на улучшение качества земельных ресурсов.

Резюмируя, следует отметить, что результаты расчетов показали – развитие экономики Республики Бурятия заданными темпами приводит к ухудшению состояния природной среды. Однако уровень загрязнения можно свести к допустимому уровню при условии увеличения затрат на природоохранные ме-

роприятия. Принципиальные выводы и предложения из приведенного выше эколого-экономического анализа [4].

1. Необходимо разработать новый проект Федеральной целевой программы «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории», предусмотрев в ней сбалансированное решение социально-экономических и экологических задач – это необходимое требование статьи 5 ФЗ «Об охране озера Байкал».

2. В настоящее время охрана оз. Байкал не имеет единой системы финансового обеспечения и скоординированного выполнения природоохранных и социально-экономических мероприятий. Не решает перечисленные выше проблемы ФЦП «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории», принятая Правительством 21 августа 2012 г., поскольку в ней, как отмечалось выше, не рассмотрены социально-экономические проблемы.

Все перечисленные выше проблемы говорят об отсутствии эффективной системы управления охраной и социально-экономическим развитием Байкальской природной территории. Назрел вопрос создания «Государственной корпорации по охране и развитию Байкальской природной территории».

Цели создания Госкорпорации:

– сбалансированное решение социально-экономических и экологических задач на Байкальской природной территории.

– создание зон экономического благоприятствования для реализации комплексных программ (проектов) на Байкальской природной территории и условий для опережающего развития.

– развитие городов и населенных пунктов Байкальской природной территории.

3. Создать в составе Госкомиссии по проблемам Дальнего Востока и Байкальского региона подкомиссии по вопросам охраны оз. Байкал и социально-экономического развития Байкальской природной территории для сбалансированного решения социально-экономических и экологических задач.

4. Ускорить внесение изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 30 августа 2001 г. № 643 «Об утверждении перечня видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне Байкальской природной территории» путем снятия ограничений на организацию перерабатывающих, деревообрабатывающих производств, размещение судосборочных предприятий, предприятий по розливу питьевой воды, по переработке рыбы, сельскохозяйственной продукции, производство лекарственных средств на основе природного сырья, строительство угольных котельных, использующих современные золоулавливающие системы, котельных на генераторном топливном газе.

5. В целях децентрализации платежей за пользование водными объектами в пользу субъектов Байкальской природной территории внести изменения в статью 56 «Налоговые доходы бюджетов субъектов Российской Федерации» Бюджетного Кодекса РФ, отразив распределение водного налога между федеральным бюджетом и бюджетом субъекта РФ в следующей пропорции: 20 % в федеральный бюджет, 40 % в региональный бюджет, 40 % в местный бюджет.

6. Ускорить разработку и принятие поправок в Федеральный закон «Об охране озера Байкал» по установлению водоохраной зоны оз. Байкал.

Литература

1. Гранберг А. Г., Минакир П. А, Потапов Л. В. Среднесрочная региональная стратегия: Республика Бурятия // *Пространственная экономика*. – 2005. – № 3. – С. 5–31
2. Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. З. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. – М.: Экономика, 2011.
3. Макаров А. В., Михеева А. С., Гомбоев Б. Ю. К вопросу о разработке новой Федеральной целевой программы Охраны озера Байкал // *Российская академия наук Всероссийский институт научной и технической информации (ВИНИТИ)*. – М., 2010.
4. Потапов Л. В., Дондоков З. Б-Д. Проблемы финансирования водоохранных и водохозяйственных мероприятий в Республике Бурятия // *Пространственная экономика*. – 2010. – № 2. – С. 153–160.
5. Тулохонов А. К. Байкальская проблема: история и документы. – Улан-Удэ, 2010.

УДК 316.334.55 (571.54)

Ю. Г. Бюраева

ОЦЕНКА УРОВНЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (на материалах Баргузинского района Республики Бурятия)

Статья посвящена оценке социального потенциала сельского района Республики Бурятия в разрезе поселений путем их ранжирования. В основе анализа лежат данные социолого-экономического исследования Баргузинского района республики.

Ключевые слова: сельские территории, социальный потенциал, демографическая обстановка, человеческие ресурсы, ранжирование.

Yu. G. Biuraeva

THE EVOLUTION OF LEVEL OF DEVELOPMENT OF SOCIAL POTENTIAL OF RURAL TERRITORIES (On the Materials of the Barguzin Region of the Republic of Buryatia)

The article deals with the evaluation of social potential of rural territory in the Republic of Buryatia in the context of the settlements by their ranking. The analysis is based on the data of socio-economical research of the Barguzin region.

Key words: rural territories, social potential, demographical situation, human resources, ranking.

В основе развития социального потенциала территорий лежат человеческие ресурсы как главная составляющая национального богатства и движущая сила экономического роста. В связи с этим оценка факторов, влияющих на формирование количественных и качественных характеристик человеческих ресурсов, крайне необходима для разработки и осуществления государственной

политики на региональном, муниципальном и поселенческих уровнях.

При этом человека следует рассматривать не только как объект социальной политики, но и как субъект, который предпринимает определенные действия по отношению к своему здоровью, образованию, профессиональной деятельности, адаптации к сложившимся условиям жизнедеятельности. Однако низкий уровень жизни большинства населения сельской местности не обеспечивает индивидуальное инвестирование в здоровье, образование, культуру и прочее на достаточном для развития человеческого потенциала уровне. Для сельского населения характерен высокий уровень социальной пассивности, рост чувства отчуждения вследствие узости рынка социальных «возможностей». В этих условиях возрастает роль государственных инвестиций в человеческий капитал путем развития здравоохранения, образования, культуры, спорта и пр., что в итоге должно обеспечить повышение уровня и качества жизни сельского населения.

Следует иметь в виду ограниченность государственного финансирования. Поэтому во избежание распыления денежных средств необходима разработка механизма их целевого распределения, которая возможна на основе оценки уровня развития социального потенциала территории в разрезе муниципальных образований, входящих в ее состав. Такая оценка позволяет провести ранжирование поселений по уровню развитости социального потенциала. Данная задача была реализована в ходе экспедиционного исследования в Баргузинском районе Республики Бурятия, проведенного сотрудниками Отдела региональных экономических исследований БНЦ СО РАН, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Бурятского государственного университета в марте 2014 г.

Социальный потенциал является интеграционным показателем. Преимущественно он определяется состоянием

демографической обстановки. Помимо демографических факторов социальный потенциал территории включает критерии уровня жизни населения, социального благополучия и т. д. Для характеристики социального потенциала Баргузинского района нами было выделено 10 показателей, носящих как объективный, так и субъективный характер:

1. Плотность населения муниципального образования (МО), чел./км²;
2. Темп прироста населения МО, 2002–2013 гг., %;
3. Количество детей в возрасте до 15 лет на 1000 чел. населения МО;
4. Среднемесячная начисленная заработная плата, руб.;
5. Доля населения МО, имеющая миграционные настроения, %;
6. Доля населения МО с уровнем дохода ниже среднего, %;
7. Доля лиц с высшим образованием, %;
8. Коэффициент удовлетворенности качеством образования, %;
9. Коэффициент удовлетворенности медицинским обслуживанием, %;
10. Коэффициент удовлетворенности жизнью в целом, %.

Числовые значения указанных показателей по каждому муниципальному образованию района представлены в таблице 1.

Показатели 1–4 являются объективными и рассчитываются на основе статистических данных по проблемам социальной сферы муниципальных образований, собираемых ежегодно Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия.

Для расчета остальных показателей в ходе экспедиционного исследования был проведен опрос населения Баргузинского района на основе многоступенчатой квотной выборки. В качестве квотных признаков использовались пол, возраст, национальность населения района в трудоспособном возрасте. Выборочная совокупность составила 350 человек.

Таблица 1

Показатели социального потенциала муниципальных образований
Баргузинского района, 2014 г.

МО	Показатели									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Адамовское	0,59	-22,0	201,72	9977,1	15,8	21,0	5,3	100,0	38,0	68,4
Баргузинское	1,52	-9,0	184,79	23108,2	18	20,0	32,0	57,4	18,0	56,0
Баянгольское	0,16	-25,8	197,75	13846,1	12,2	15,1	15,2	34,5	54,0	84,8
Сувинское	0,18	-30,3	347,99	10858,3	30,3	15,1	18,2	17,9	18,0	81,8
Улюнское	0,37	-17,0	269,53	15041,8	12,6	21,9	21,9	69,6	69,5	75,0
Уринское	0,17	-19,4	234,12	13436,3	25,0	34,4	18,8	20,7	53,0	87,5
Усть-Баргузинское	7,82	-4,3	253,46	19757,5	9,0	19,4	13,4	57,7	-16,0	73,0
Хилганайское	0,45	-16,3	232,97	15119,4	17,5	25,7	25,0	56,8	43,0	80,0
Читканское	0,19	-9,5	214,79	20341	36,4	4,5	13,6	9,5	28,0	91,0
Юбилейное	1,30	-16,3	245,15	14661,9	0,0	9,1	27,3	90,0	10,0	81,8

Опрос проводился в 18 населенных пунктах района.

Рассмотрим данные показатели в отдельности. Баргузинский район характеризуется крайне низкой плотностью населения и относится к районам с дисперсным расселением. Относительно высокая плотность проживания наблюдается только в Усть-Баргузинском поселении, самая низкая – в Баянгольском.

Темп прироста населения муниципальных образований района является интегральным показателем и включает темп естественного и миграционного прироста. Во всех без исключения поселениях района наблюдалось отрицательное сальдо по данному показателю. Наименьшая убыль населения имела место в Усть-Баргузинском городском поселении в силу очевидных причин. Также можно отметить Баргузинское и Читканское поселения. Статус административного центра первого поселения и близость к нему второго поселения, расположение на его территории объектов социальной сферы, что подразумевает официальное трудоустройство, обусловили не такой значительный отток населения как в остальных муниципальных образованиях района. Наибольшее со-

кращение численности населения произошло в Сувинском поселении.

В то же время в Сувинском поселении наблюдается наибольшая доля детей в возрасте до 15 лет, что является положительным моментом, поскольку они представляют собой потенциальный трудовой резерв поселения. Однако при сохранении текущей тенденции существует большая вероятность того, что представители данной группы, достигнув трудоспособного возраста, будут мигрировать в более крупные населенные пункты. В отношении количества детей на 1000 человек населения в целом наименее выигрышно выглядит Баргузинское поселение. Имеет смысл направить социальную политику администрации на поддержку семьи и материнства, предусмотреть мероприятия по повышению рождаемости.

Следует отметить значительную дифференциацию уровня заработной платы по поселениям. На данный момент самый высокий размер заработной платы отмечается в Баргузинском поселении. Он практически равен среднереспубликанскому показателю (23100,7 руб.) [1]. Наиболее низкий размер заработной платы наблюдается в Адамовском посе-

лении. Он меньше более чем в два раза указанного показателя.

Для оценки доли населения, имеющей миграционные настроения, в инструментарий опроса был включен вопрос: «Планируете ли Вы переезжать в ближайшем будущем?» В результате было выявлено, что миграционные настроения наиболее выражены среди жителей Читканского поселения. Также высок процент, стремящихся к переезду, в Сувинском и Уринском поселениях. В то время как в Юбилейном поселении не было зафиксировано ни одного подобного случая. Возможно, это связано практически полной трудоустроенностью населения данного поселения.

Доля населения с уровнем дохода ниже среднего основана на самооценке опрошенных респондентов. Так, согласно самооценке населения, наиболее благоприятная обстановка отмечается в Читканском поселении, а наиболее сложная – в Уринском.

Также на уровень социального потенциала влияет доля лиц с высшим образованием. Так, согласно исследованиям Р. Капелюшникова, в российских условиях прослеживается закономерность, имеющая практически универсальный характер: чем выше образовательный потенциал, тем выше экономическая активность, больше занятость, ниже безработица и меньше доля «отчаявшихся» работников, покинувших рынок труда после длительных безуспешных поисков [3]. Поскольку органы государственной статистики не собирают такие данные в разрезе поселений, то нами были использованы результаты опроса населения. Только пятая часть населения района имеет высшее и неоконченное высшее образование. В разрезе поселений наблюдается значительная разница по данному показателю. Только в трех поселениях (Баргузинском, Юбилейном, Хилганайском) этот показатель выше среднего по району. В наихудшем положении находится Адамовское поселение.

Коэффициенты удовлетворенности основными социальными сферами жиз-

недеятельности были рассчитаны как разница между долей респондентов, в целом удовлетворенных, и долей респондентов, в целом не удовлетворенных ими.

В четырех из десяти поселений района (Читканском, Сувинском, Уринском, Баянгольском) коэффициент удовлетворенности качеством образования ниже 50 %, что свидетельствует о высокой степени неудовлетворенности. Так, в Читканском поселении данный коэффициент составляет всего 9,5 %.

С уровнем медицинского обслуживания ситуация обстоит намного хуже. Так, в Усть-Баргузинском поселении наблюдается отрицательное значение коэффициента удовлетворенности медицинским обслуживанием. В пяти поселениях (Юбилейном, Баргузинском, Сувинском, Читканском, Адамовском) он ниже 50 %. Относительно благоприятная обстановка имеет место в Улюнском поселении.

Между тем именно эти два показателя – образование и здоровье населения являются основополагающими при формировании человеческого капитала. Муниципальным органам власти следует развернуть социальную политику на поддержку этих сфер в наиболее проблемных поселениях.

Несмотря на многие негативные моменты, в целом население достаточно высоко оценивает качество своей жизни. Парадоксальная ситуация складывается в Читканском поселении. В нем наблюдается самое высокое значение коэффициента удовлетворенности населения жизнью в целом, несмотря на то, что здесь многие показатели социального потенциала имеют неудовлетворительное значение. Вполне вероятно, это происходит из-за того, что у сельских жителей нет возможности для сравнения. Наиболее осведомленными в данном отношении являются жители административного центра, и, как следствие, население Баргузинского поселения наименее удовлетворено жизнью в целом.

Таким образом, проведенная оценка поселений по уровню развития социаль-

ного потенциала не приводит к однозначным результатам. По различным показателям лидирующие позиции занимают разные муниципальные образования района. В связи с этим необходимо проведение оценки на базе унифицированного показателя, учитывающего все вышеперечисленные критерии.

Расчет такого показателя y_i (где I – номер поселения района) основан на адаптированном к нашей задаче алгоритме методики оценки конкурентоспособности внутренних регионов, предложенной С. В. Казанцевым [2]. Нами заменена система факторов конкурентоспособности на рассмотренные выше показатели развитости социального потенциала.

Согласно методике были рассчитаны 4 уровня развитости социального потенциала муниципальных образований:

- высокий ($1,539 \leq y_i < 1,746$);
- достаточный ($1,746 \leq y_i < 1,952$);
- недостаточный ($1,952 \leq y_i < 2,117$);
- низкий ($2,117 \leq y_i < 2,282$).

В результате наших расчетов показателя y_i был составлен рейтинг муниципальных образований района по уровню развитости социального потенциала в порядке убывания (табл. 2).

В результате проведенных расчетов лидирующим оказалось Юбилейное по-

селение – благодаря тому, что все показатели его социального потенциала развиты равномерно, лишь по одному показателю муниципальное образование занимает первое место. В тоже время поселения, которые по некоторым показателям имели высокий рейтинг, в итоговом ранжировании оказались в группе с недостаточным уровнем развитости социального потенциала, так как по другим показателям они занимают сравнительно худшие позиции. Представителям органов муниципальной власти следует обратить особое внимание на поселения, попавшие в группу с низким уровнем развития социального потенциала (Уринское, Адамовское, Сувинское). Качество жизни в этих поселениях может вызывать рост протестных и миграционных настроений и чувства неудовлетворенности среди населения.

Таким образом, ранжирование муниципальных образований по уровню развитости социального потенциала позволяет наглядно выявить его сильные и слабые стороны в тех или иных поселениях, а в конечном итоге внести соответствующие коррективы в разработку социальной политики территории.

Таблица 2

Уровень развития социального потенциала Баргузинского района
в разрезе муниципальных образований, 2014 г.

Муниципальное образование	y_i	Уровень развития социального потенциала
Юбилейное	1,539	Высокий
Усть-Баргузинское	1,637	
Улюнское	1,648	
Хилганайское	1,798	Достаточный
Баргузинское	1,951	
Баянгольское	2,062	Недостаточный
Читканское	2,110	
Уринское	2,213	Низкий
Адамовское	2,281	
Сувинское	2,282	

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2012.
2. Казанцев С. В. Оценка внутренней конкурентоспособности регионов России // ЭКО. – 2008. – № 5. – С. 63–80.
3. Капелюшников Р. Россия: высшее образование обесценивается. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2005/03/14/demoscope193/>

УДК 316.334.55 (571.54)

В. Г. Жалсанова

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
(по материалам социологического исследования)

На материалах социологического исследования рассматривается село как социальная система. На основе анализа оценок внутрисоциумных отношений выявляются значимые факторы социального потенциала сельского населения Республики Бурятия.

Ключевые слова: социальный потенциал, социальная среда, anomia.

V. G. Zhalsanova

SOCIAL ENVIRONMENT AS A FACTOR OF DEVELOPING
THE POTENTIAL OF RURAL POPULATION
(A Sociological Case Study)

In this article based on sociological research data village is viewed as a social system. On the basis of analysis of intra-socium relationships important factors of social potential of rural population in the Republic of Buryatia are exposed.

Key words: social potential, social environment, anomia.

Современное село как социальная система обладает рядом собственных элементов, обеспечивающих ее жизнеспособность. Основным элементом выступает индивид, житель села. Окружающая социальная среда, в т. ч. населенный пункт, является важным звеном в оценке людьми своей жизни, в выстраивании жизненных стратегий и проявлении поведенческих актов. Некомфортность среды оказывает значи-

тельное негативное воздействие на социальное самочувствие населения, делает более узким и ограниченным выбор активных жизненных стратегий, снижает адаптивный потенциал населения. Если первичной средой является семья, то поселение, в котором живут люди, становится вторым по своей значимости (особенно для сельских жителей). «Трансформационные процессы на фоне рыночных преобразований и демократи-

зации общественно-политической сферы изменили социальную структуру населения, облик деревни и оказали тем самым негативное влияние на количественные и качественные характеристики сельских сообществ. Отрицательный характер последствий социальных изменений привел к тому, что состояние аномии в сельском социуме в силу моносредности его пространства (*узкий рынок социальных «возможностей»*) оказалось более глубоким, чем в городском социуме, и привело к дисфункциональному напряжению и дезориентации сельского населения, росту чувства социального отчуждения. Советские ценности, игравшие огромную роль в укреплении общественного механизма, оказались перечеркнуты. Новые ценности, способные объединить общество, не возникли. И самое главное – исчезло чувство социальной защищенности, не обнаруживаются нормы и образцы поведения, способствующие формированию долгосрочных жизненных стратегий. Напряжение и дезориентация способствуют росту девиантного и делинквентного поведения, низкому уровню экономической и социально-политической активности» [1, с. 60].

Модель сельского развития приобретает черты бессистемности, некомплексности и несогласованности принимаемых мер [2].

В марте 2014 г. в Баргузинском районе Республики Бурятия было проведено социологическое исследование по выявлению социального потенциала района и основных проблем его социально-экономического развития. Основным методом был анкетный опрос, исследованием охвачены жители в трудоспособном возрасте. Соответственно, генеральная совокупность равна 12493 человек. Объем выборки составил 350 человек. При ее формировании применялась методика многоступенчатого квотного отбора. В качестве квотных признаков использовались пол, возраст, национальность респондентов. Параметры квот в процентном выражении в точности воспроизво-

дят структуру генеральной совокупности по указанным признакам [1].

Социальная среда является значимым фактором в развитии социального потенциала индивидов и групп людей. В свою очередь социальный потенциал являет собой систему ресурсов и условий их реализации. В качестве ресурсов можно рассматривать демографические характеристики населения, уровень и качество его жизни, уровень образования, состояние социальной инфраструктуры или систем образования, здравоохранения и культуры.

Условия реализации возможностей вышеперечисленных ресурсов представляют собой как объективные характеристики (социально-экономическое положение, материальная база, занятость, кадры, финансовое обеспечение и т. п.), так и субъективные, выражающиеся в социальном самочувствии и в непосредственных жизненных стратегиях самих людей.

В проведенном исследовании респондентам было предложено охарактеризовать отношения между людьми в их населенных пунктах исходя из выбора 4 вариантов ответа (2 с положительной оценкой и 2 с отрицательной): 1) «добрые и мирные взаимоотношения»; 2) «в трудной ситуации большинство жителей могут оказать помощь»; 3) «люди мало общаются, все живут сами по себе»; 4) «для большинства жителей характерна зависть и недоброжелательное отношение друг к другу». Предлагался открытый вариант, когда респонденты могли бы сами дать иную характеристику, но было дано малое количество ответов, поэтому они не учитываются в этом анализе. Первый и третий варианты носят как бы безличностный характер, являя собой некую обобщенную характеристику, второй и четвертый варианты направлены на выявление деятельностного аспекта в отношениях.

Оценка отношений между людьми в собственном населенном пункте показала, что среди опрошенных преобладают

варианты «добрые и мирные взаимоотношения» (44,4 %), «в трудной ситуации большинство жителей всегда могут оказать помощь» (27,7 %). Незначительно отстало число выбравших 3 вариант (20,0 %). Но в совокупности с выбравшими самую негативную оценку (7,7 %) мы видим достаточно высокий процент сельчан, негативно оценивающих взаимоотношения в своих поселениях. Если бы этот процент был ниже значения 10 %, то можно было бы свидетельствовать о наличии благополучных отношений, но превышение 25 % показывает, что фон взаимоотношений в селах не столь благожелателен.

Анализ результатов, сделанный исходя из возраста наших респондентов, показал, что отрицательные характеристики преобладают в группах от 30 до 39 лет. Люди пожилого возраста более склонны к положительным характеристикам.

растных группах молодых и пожилых выбрало большее количество респондентов, нежели 4 вариант. И молодежь, и люди старшего возраста чаще выбирали более абстрактные характеристики (1 и 3 варианты).

Если же провести суммирование положительных и отрицательных характеристик, то мы видим, что четкое превалирование положительных характеристик наблюдается в группе от 60 и старше (47,7 % против 33,4 %). Четкое превалирование отрицательных – 30–39 лет, т. е. в группе людей, находящихся в самом активном жизненном периоде, с наибольшим жизненным потенциалом, адаптивными возможностями (38,6 % против 45,1 %). Некоторое преобладание отрицательных характеристик наблюдается в группе от 50 до 59 лет (44,3 % против 48,8 %). И абсолютно равное распределение в группе от 40–49 лет (36,5 % против 36,5 %).

Таблица 1

Оценка отношений между людьми в зависимости от возраста респондентов, %*

	1 вариант	2 вариант	3 вариант	4 вариант
18–29 лет	21,4	11,3	21,4	14,8
30–39 лет	14,9	23,7	22,9	22,2
40–49 лет	14,9	21,6	14,3	22,2
50–59 лет	17,5	26,8	22,9	25,9
60 лет и старше	31,2	16,5	18,6	14,8

*Здесь и далее: таблицы составлены на основе данных социологического исследования.

Из таблицы видно, что пожилые и молодежь больше представлены в первой группе (добрые и мирные взаимоотношения) и хуже во второй. Это и понятно. Молодежи и пожилым в силу возраста характерна меньшая критичность в восприятии действительности и окружающей среды, они в большей степени взаимодействуют друг с другом. Взаимопомощь и поддержка становятся существенными в средних возрастах. Также понятно, почему 3 вариант в воз-

разу отметим, что для сельских жителей характерна некоторая идеализация своей окружающей среды по сравнению с городскими жителями.

В ходе исследования респондентам было предложено определить, кто может выступить инициатором социально-экономических перемен в селах (табл. 2).

Исследование показало, что практически все перечисленные лица могут стать инициаторами. Более конкретный вариант «да, могут» превалировал над

Таблица 2

Кто, по Вашему мнению, мог бы стать инициатором социально-экономических перемен в Вашем селе? (%)

	Да, могут	Скорее могут	Скорее не могут	Нет, не могут
Сами люди	37,4	25,7	16,9	18,6
Предприниматели	38,6	28,9	7,7	21,4
Фермеры	31,7	18,6	13,1	28,0
Глава поселения	57,4	18,3	10,0	10,0
Глава района	46,0	24,0	11,1	12,3
Депутаты райсовета	36,0	24,6	12,0	20,9
Депутат НХ	48,9	23,1	10,1	11,1
Выходцы из села	26,9	24,3	13,4	27,1

вариантом «скорее могут». Также обнаружено незначительное преобладание конкретного варианта ответа «нет, не могут» над вариантом «скорее не могут». Поэтому мы решились на суммирование вариантов «да, могут» и «скорее могут». В первую очередь респонденты в качестве такого инициатора видят главу поселения – 75,7 %, депутата Народного Хурала – 72,0 %, главу района – 70,0 %. Таким образом, люди связывают возможные инициативы с конкретными персонами. За ними следуют деперсонализированные группы: «предприниматели» – 67,5 %, «сами люди» – 63,1 %, «депутаты райсовета» – 60,6 %, «выходцы из села» – 51,2 %, «фермеры» – 50,3 %.

Превалирование вариантов «да, могут» и «скорее могут» в отношении конкретных персон свидетельствует о сохранении патерналистского, государствоцентричного мировосприятия, когда конкретные носители властных полномочий представляются единственно возможными деятельными акторами. Патерналистский акцент в мировосприятии опасен тем, что он способствует росту иждивенческих настроений. Это также может свидетельствовать о том, что для населения характерен минимальный человеческий и социальный капитал, который в современных экономических условиях сложно конвертировать в приемлемый уровень жизни. Происходит

многолетнее воспроизводство бедности, даже скорее не бедности как таковой, а поведения бедных, что опять же способствует нарастанию депривативного состояния.

Было интересно посмотреть на распределение ответов в зависимости от возраста респондентов. В группе «от 60 и старше» при оценке самих людей как возможных инициаторов преобладают ответы «скорее не могут» и «нет, не могут». В то время как в группе «18–29» и «30–39» преобладают положительные варианты, причем вариант «да, могут» значительно превышает вариант «скорее могут». В группе «40–49» наблюдается похожая картина за исключением превышения варианта «скорее не могут» по сравнению с более молодыми группами. В группе «50–59» суммарное количество положительных вариантов выше отрицательных, но незначительно. То есть с увеличением возраста люди в меньшей степени видят возможность проявления инициативы со стороны самих людей и склонны в меньшей степени проявлять активность и инициативу.

При оценке предпринимателей как возможных инициаторов несколько иная картина. Также при общем превышении положительных ответов по всем группам мы наблюдаем преобладание скептических ответов в группе «50–59» и наибольшее преобладание положительных

оценок в двух молодых группах. Также интересно, что вариант «нет, не могут» преобладает над вариантом «скорее не могут».

При оценке главы поселения группы «18–29» и «30–39» выбрали вариант «да, могут» (75,4 %, 63,2 %). Хуже всех оценила возможности главы поселения как возможного инициатора перемен группа людей от 50 до 59 лет (при общем преобладании положительных оценок в их группе наблюдается большая представленность вариантов «скорее не могут» и «нет, не могут»).

Главу района также больше поддерживают (хоть и в меньшей степени, чем главу поселения) молодежь от 18 до 29 лет и люди от 40 до 49 лет. В меньшей степени в качестве инициатора перемен видят фигуру главы района в группе от 60 и старше.

Данный вопрос о возможных инициаторах может быть дополнен анализом ответов на вопрос о степени удовлетворенности руководством страны, РБ, района и сельского поселения. Более всего удовлетворены руководством страны. Положительные ответы преобладают над отрицательными, а вариант «полностью удовлетворен» над «скорее удовлетворен». Далее следует руководство РБ, но вариант «скорее удовлетворен» преобладает над «полностью удовлетворен». Незначительно от РБ отстало руководство сельского поселения. Районное руководство оказалось на 4 месте (табл. 3).

Также в исследовании были предложены три утверждения, на которые респонденты должны были выразить свое согласие/частичное согласие/несогласие:

– многие местные проблемы были бы решены, если бы больше жителей активно участвовали в их решении;

– люди не должны слишком надеяться на власть, нужно самим быть инициативными;

– большинство жителей не интересуются жизнью села, их не интересует участие в принятии решений.

Большинство опрошенных продемонстрировали свое согласие с двумя первыми утверждениями (72,6 % и 70,9 % – «да, согласен»). Данные утверждения больше являются желаемым и возможным, т. е. некую потенцию. Исходя из полученных данных можно делать вывод об общем благополучии ситуации. Но высокий процент согласившихся с третьим утверждением (52,6 % – «да, согласен», 27,4 % – «отчасти согласен») показывает, что реальная ситуация отличается от возможной ситуации. Это и есть собственно проявление социального отчуждения, характерного для современных людей, живущих в условиях капиталистических отношений. Жизнь, направленная на выживание и отсутствие долгосрочного планирования (принцип «день прошел, и ладно»), способствует выработыванию чувства отчужденности и, самое главное, самоотчуждению.

На сегодняшний день одним из направлений активизации гражданской де-

Таблица 3

Насколько Вы удовлетворены? (%)

	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Не удовлетворен
Руководство страны	42,6	34,9	10,9	11,1
Руководство Бурятии	30,9	41,7	13,1	13,4
Руководство района	21,7	32,0	23,1	21,4
Руководство сельского поселения	29,1	42,0	12,3	14,9

тельности населения стало территориальное общественное самоуправление, или ТОС. Наше исследование показало, что очень высокий процент респондентов, а именно 35,7 %, «не знают, что это такое». Это свидетельствует о низком уровне информированности людей. 44,0 % опрошенных выразили положительное отношение к деятельности ТОСов, 11,7 % – отрицательное отношение. 8,6 % респондентов ответили, что в их селах нет ТОСов.

Проведенное социологическое исследование показало, что население Баргузинского района испытывает проблемы, присущие современному сельскому населению России. В современном обществоведении часто используется понятие «глубинка» не столько как географическое понятие, а скорее как социализированное географическое пространство в системе социально-территориальной иерархии. В рамках Республики Бурятия Баргузинский район становится глубинкой не только в силу удаленности от региональной столицы – г. Улан-Удэ, но и в силу накопления социальных проблем.

Безучастность и равнодушие являются характерными проявлениями анонимии. Сельское сообщество становится некой конструкцией, не способной к позитивному развитию и саморазвитию в силу слабости социального потенциала. Наблюдается некое исчерпание смыслов, которые могли бы аккумулировать и включать созидательную общественную энергию.

Для сельчан характерны ощущения собственного бесправия и незащитности, которые, несомненно, умаляют достоинство человека, способствуют ликвидации его ответственности перед чем бы и перед кем бы то ни было. Рыночный механизм при отсутствии демократических традиций в политической и экономической жизни приводит к снижению собственной активности людей.

Низкий уровень жизни и высокий уровень социальной пассивности наряду

с неопределенным видением собственного будущего и будущего своей семьи характерны для большинства сельских жителей. Данный факт отягощается правовой неграмотностью, информационной неосведомленностью населения. Вследствие этого механизмы социального партнерства, гражданского общества не получают должного развития.

Социальный потенциал Баргузинского района по данным анкетного опроса представляется слабым, но имеющим возможности для развития. Для обеспечения развития необходимо решение основных проблем с учетом территориальных особенностей сельских поселений (численность, удаленность от районного центра, инженерно-транспортная инфраструктура, социальная инфраструктура, природный потенциал, экономико-хозяйственная специфика). Соответственно каждое сельское поселение должно иметь свою конкретную программу развития.

Основными направлениями развития *социального* потенциала должны стать:

- преодоление депопуляции населения за счет повышения естественного прироста и снижения миграционного оттока;

- активизация молодежной политики;

- развитие социальной инфраструктуры – расширение сети дошкольных учреждений, школ (особенно в малых селах), качественное и количественное обеспечение населения медицинскими услугами, поддержка учреждений культуры и досуга. Данное направление предусматривает в первую очередь кадровое обеспечение, ремонт/строительство материальной базы;

- развитие жилищного строительства и приближение условий жизнедеятельности сельского жителя к городским;

- снижение уровня безработицы (так как невозможно одномоментное расширение рынка труда, особенно в малых селах, необходимо увеличение доли са-

мозанятости населения в своих личных хозяйствах и развитие кооперативного движения вплоть до реанимации в обновленном виде колхозов);

– развитие местного самоуправления, поддержка гражданских инициатив

на основе преодоления правовой неграмотности и информационной неосведомленности населения (использование PR-менеджмента).

Примечание

I. Расчет выборочной совокупности был произведен кандидатом социологических наук, ведущим научным сотрудником отдела региональных экономических исследований БНЦ СО РАН Ю. Г. Бюраевой.

Литература

1. Жалсанова В. Г. Структурное расселение сельских поселений Бурятии // Власть. – 2014. – № 6. – С. 59–62.

2. Калугина З. И. Вектор посткризисного развития российской деревни // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 3. – С. 115–135. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/26/1214869624/kalugina.pdf>.

УДК 37.018.523 (571.54)

Д. Б. Дугаржапова

СЕЛЬСКИЕ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ ДИСПЕРСНОГО РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рассмотрено состояние системы общего образования в условиях дисперсного расселения населения на примере Баргузинского района Республики Бурятия. Выявлены проблемы и перспективы развития сельских школ.

Ключевые слова: общее образование, сельская школа, проблемы сельских школ.

D. B. Dugarzhapova

RURAL SCHOOLS IN THE CONDITIONS OF THE DISPERSED SETTLEMENT PATTERN OF THE POPULATION: CONDITION, PROBLEMS AND PROSPECTS

The article considers the condition of the system of general education in the dispersed settlement pattern of the population on the example of the Barguzinsky district of Republic of Buryatia. It identifies problems and prospects of the development of rural schools.

Key words: General education, rural school, the problems of rural schools.

В сложившихся социально-экономических условиях развития Республики Бурятия важнейшими качествами личности становятся инициативность, способность творчески мыслить и находить нестандартные решения, умение выбирать профессиональный путь, готовность обучаться в течение всей жизни.

Развитие качественного человеческого капитала является приоритетной задачей системы образования республики. И критически важным элементом в этом процессе является школа. Главные задачи современной школы – раскрытие способностей каждого ученика, воспитание порядочного и патриотичного человека, личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире. Школьное обучение должно быть построено так, чтобы выпускники могли самостоятельно ставить и достигать серьезных целей, умело реагировать на разные жизненные ситуации. Эффективная деятельность школ обеспечивает конкурентоспособность человека на рынке труда, являясь основой получения им качественного образования на всех уровнях его обучения.

Отметим, что Бурятия относится к числу малочисленных регионов страны. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. доля сельского населения составляет 41,6 %, а городского – 58,4 % [4]. С учетом фактора дисперсности расселения населения в республике следует выделить особую роль сельских школ [3].

Во-первых, сельская школа является единственным образовательным учреждением, имеющим определенную целенаправленную программу, через которую проходит все молодое поколение села.

Во-вторых, школа остается единственным общественно-государственным институтом на селе, занимающимся воспитательной работой не только с молодежью, но и со всем населением.

В-третьих, только школа на селе сумела сохраниться как образовательно-

воспитательное и культурно-просветительное учреждение.

Таким образом, анализ состояния и развития сельских школ в условиях дисперсного расселения представляет особый интерес. В связи с чем проведем анализ состояния и развития общего образования Республики Бурятия на примере Баргузинского района.

Всего в Баргузинском районе на начало 2013–2014 учебного года функционирует 18 школ, из них 9 СОШ, 3 – ООШ, 6 – НОШ. Численность – 3425 учащихся (в т. ч. в вечерней школе – 42 чел.). В СОШ – обучается 3193 учащихся (93,23 %), в ООШ – 171 (4,99 %), в НОШ – 61 (1,78 %). Динамика численности учащихся с 2006 г. по 2013 г. показывает снижение численности общего количества учащихся на 184 чел. По гендерному составу в 2013 г. количество девочек по отношению к количеству мальчиков составляет 49,3 : 50,3.

Анализируя состав обучающихся в образовательном учреждении, можно сделать вывод о разнородности социального статуса родителей. В школе обучается большинство детей из семей, прожиточный минимум которых очень низок. Возникают сложности и проблемы в подготовке детей к школе, во взаимоотношениях детей с учителями, родителей с учителями. Однако большинство родителей понимают значение приобретения детьми знаний, являющихся мотивацией для продолжения дальнейшего образования. Что подтверждается результатами выборочного опроса населения. На вопрос об удовлетворенности взаимоотношениями учителей с учениками положительно ответили 81,5 %, отрицательно – 15,5 %. (затруднились ответить – 1,3 % и «нет ответа» – 2,7 %). На вопрос об удовлетворенности взаимоотношениями учителей с родителями положительно ответили 82,8 %, отрицательно – 13,4 %. (затруднились ответить – 1,0 % и «нет ответа» – 2,7 %).

За последние три года из 550 выпускников 11 классов в различные вузы

и ссузы поступили и успешно социализировались в них 91 % выпускников, из них в вузы РБ – 267 чел., вузы других субъектов РФ – 85 чел., учебные заведения среднего профессионального образования в РБ – 120 чел., других субъектов РФ – 11 чел., учебные заведения начального профобразования (НПО) в РБ – 16 чел., других субъектов РФ – 1 чел. (табл. 1).

Из 267 человек, поступивших в вузы РБ, окончили школу с медалью – 27 чел., имеют 100 баллов по ЕГЭ – 3 чел., призеры и победители олимпиад – 47 чел.,

имеют наивысшие спортивные достижения – 12 чел., дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей – 2 чел., дети с ограниченными возможностями здоровья – 2 чел., дети из семей с доходом ниже прожиточного минимума и из социально неблагополучных семей – 76 чел.

Из 85 человек, поступивших в вузы других субъектов РФ, окончили школу с медалью – 7 чел., имеют 100 баллов по ЕГЭ – 1 чел., призеры и победители олимпиад – 14 чел., имеют наивысшие спортивные достижения – 8 чел., дети-

Таблица 1

Распределение выпускников 9 и 11 классов, поступивших в ВУЗы, НПО и СПО по укрупненным группам специальностей и направлений подготовки (УГСН) (исключая Республику Бурятия)

№ п/п	УГСН	Выпускники 11 классов, поступившие в вузы субъектов РФ	Выпускники 9 и 11 классов, поступившие в учебные заведения НПО и СПО субъектов РФ	всего
1	010000 Физико-математические науки	7		7
2	020000 Естественные науки	23		23
3	030000 Гуманитарные науки	3		3
4	040000 Социальные науки	3		3
5	050000 Образование и педагогика	8		8
6	060000 Здравоохранение	5		5
7	070000 Культура и искусство	5		5
8	080000 Экономика и управление	7		7
9	100000 Сфера обслуживания	16		16
10	110000 Сельское и рыбное хозяйство	2		2
11	120000 Геодезия и землеустройство	2	1	3
12	140000 Энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника	4	5	9
13	210000 Электронная техника, радиотехника и связь		2	2
14	230000 Информатика и вычислительная техника		1	1
15	260000 Технология продовольственных продуктов и потребительских товаров		3	3
	Всего	85	12	97

сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей – 3 чел., дети с ограниченными возможностями здоровья – 1 чел., дети из семей с доходом ниже прожиточного минимума и из социально неблагополучных семей – 4 чел.

Данные анализа демонстрируют широкий спектр уровня способностей учебного контингента и определяют необходимость обратить внимание на подготовку специалистов технических, физико-математических направлений.

Кроме того, уровень вернувшейся молодежи после окончания учебного заведения в район фактически нулевой.

Что касается педагогических кадров, то их численность составляет на сегодня 344 человека: из них высшей категории – 34 чел., первой – 137 чел. Численность учителей, прошедших профессиональную подготовку (курсы повышения квалификации, переквалификации) составляет 190 чел. (52,7 % – СОШ; 67,6 % – ООШ; 73,3 % – НОШ).

Несмотря на оптимальный возрастной состав педагогов, средний возраст этих работников оставляет примерно 39–43. В отдельные школы Баргузинского района притока молодых специалистов с высшим образованием не происходило более 5 лет. Следовательно, проблема привлечения и закрепления молодых учителей в школе остается актуальной. Кроме того, в школах отмечается совмещение преподавания учителями своих предметов с другими и увеличение, таким образом, нагрузки от полутора ставок и выше. Например, доля дисциплин, преподаваемых непрофильными педагогами в общем числе преподаваемых дисциплин в школе, остается высокой: в Читканской СОШ – 31,6 %, Адамовской ООШ – 20 %, Гусихинской ООШ – 50 %.

Для организации образовательного процесса в школах сформирована достаточная материально-техническая база. Однако есть некоторые отдельные моменты, на которые следует обратить

внимание. Так, например, для проведения уроков физической культуры необходимым инвентарем обеспечены 64,67 % СОШ, 63,3 % ООШ, 49,17 % НОШ, в целом по району – 59,28 %, обеспеченность компьютерами на 18 школ составляет 13,5 %, доступ в интернет имеют 49,5 % учащихся.

В рамках комплекса мер по модернизации образования в декабре 2013 г. получено 6351,9 тыс. рублей, из них из республиканского бюджета – 6291,9 тыс. руб., из средств местного бюджета – 60 тыс. руб. За счет выделенных средств в Сувинской школе произведен ремонт системы отопления на сумму 1223,5 тыс. руб. и утепление стен спортивного зала – 299,4 тыс. руб., в Баргузинской СОШ произведена замена кровли – 4069,71 тыс. руб., в Улюкчиканской СОШ – ремонт электрической сети на сумму 486,52 тыс. руб., в Читканской СОШ – утепление стен спортивного зала – 272,77 тыс. руб.

Проведенные экспертные интервью с руководителями школ о качестве оказанных услуг показывают необходимость тщательного контроля исполнителя со стороны заказчика в отношении норм проектирования и строительства школьных зданий и сооружений.

Большой проблемой для некоторых школ района является обеспечение питьевой водой, организация обслуживания школьной инфраструктуры. Это касается, в первую очередь, организации коммунального обслуживания, ремонтных и строительных работ.

С учетом бездорожья, отсутствия техники и недостаточности финансирования проблематичен подвоз ребят в школы. Дети в пути теряют от 40 минут до 1,5 часов в один конец.

Следует отметить, что школы в Баргузинском районе – очень разные. Одни весьма благополучно развиваются, обеспечивают качественное образование, имеют свое яркое, колоритное «лицо», другие – испытывают существенные ор-

ганизационно-педагогические, материальные и кадровые трудности. Особенности сельской школы определяются [1]:

– удаленностью от районных центров;

– экономикой и перспективами села, состоянием местного производства;

– численностью учащихся.

В целом можно выделить множество различных проблем, определяющих развитие системы общего образования Баргузинского района:

– закрытие некомплектных школ;

– снижение контингента учащихся и достаточно высокий процент неблагополучных семей;

– недостаточное количество подготовленных кадров;

– прослеживается повсеместный процесс поглощения малокомплектных школ районными одиннадцатилетками;

– несовершенство методического обеспечения образовательной статистической информации;

– недостаточность информационной открытости и распространения полученной в ходе мониторинга информации и доведения ее до основных пользователей, включая население и общественные организации.

Кроме того, следует отметить и такие проблемы, как:

– организация подвоза детей;

– отсутствие рейсовых автобусов (Соел, Борогол);

– неудобные для баргузинских дорог школьные автобусы;

– недостаток кадров для организации дополнительных кружков, секций;

– недостаточно качественные услуги по реконструкции и модернизации.

В то же время важно учитывать и благоприятные условия сельского социума для организации образовательного процесса [Там же]:

– более тесные связи школы и социума, педагогов и семьи, всех участников образовательного процесса, непосредственные личные контакты обучающихся, учителей, родителей;

– систематическое освоение обучающимися опыта практического сельскохозяйственного труда (практическая направленность обучения, благоприятные условия для реализации деятельностного подхода в обучении и воспитании);

– непосредственная близость детей к живой природе, возможность тесного активного взаимодействия с окружающим миром, положительно влияющая на все стороны и сферы личности ребенка;

– значительные возможности для интеграции средств учебной и внеучебной деятельности, что позволяет разнообразить методы, формы, технологии организации деятельности детей, снять излишнюю заорганизованность и напряженность в жизни ребенка;

– большое значение в воспитании детей общественного мнения селян, местных традиций.

Важной особенностью многих сельских школ является малочисленность контингента учащихся и, соответственно, педагогического коллектива, которая имеет как положительные, так и отрицательные стороны [2].

Положительные стороны малочисленности:

– возможности для индивидуализации образовательного процесса (естественный тесный контакт с семьей дает информацию о многих сторонах жизни и воспитания ребенка);

– интенсивнее идет процесс установления межличностных и деловых контактов между педагогами и учащимися;

– возможность каждому проявить себя в общем деле, объединиться, договориться о единстве действий;

– благоприятные условия для сотрудничества, организации совместной деятельности и общения, творчества педагогов и детей, старших и младших, так как нет резкой обособленности между классами, учащимися разного возраста;

– знание личностных особенностей, бытовых условий жизни друг друга, отношений в семьях, что способствует

установлению доброжелательных и доверительных отношений между взрослыми и детьми, формируется атмосфера многодетной семьи;

– реальность развития школьного и детского самоуправления, так как есть возможность оперативно собраться всем взрослым и детям для обсуждения важных проблем и принятия решений и также оперативно отследить их реализацию.

В то же время в малочисленных сельских школах возникают различные проблемы, прежде всего организационно-педагогического характера:

– педагоги вынуждены проводить занятия по нескольким предметам, не имея при этом базового образования по некоторым из них;

– ограничен круг общения детей, что тормозит развитие коммуникативных умений, способности быстро ориентироваться в новой обстановке, снижает мотивацию учения из-за однообразия и бедности общения.

С учетом выделенных проблем можно выделить следующие направления развития системы общего образования Баргузинского района:

1. Финансово-экономические:

– повышение оплаты труда молодого учителя. Цель – привлечь внимание молодых кадров. Отсутствие молодых специалистов затрудняет переход школы на новые системы обучения, продиктованные временем. Падает престиж профессии учителя, падает его социальный статус в обществе;

– сохранение финансирования начальных школ, несмотря на уменьшение количества учащихся. Целью является направление дополнительно образующихся средств на улучшение материальной базы школ. В частности, начальные школы района не имеют достаточного спортивного инвентаря, в то время как количество уроков физкультуры увеличено;

– возрождение сотрудничества с бизнес-структурами в лице базовых хозяйств.

2. Демографические:

Проблемы демографии не могут быть решены только с помощью финансовой поддержки семьи. Во всем мире они решаются преимущественно за счет села. Собственно, никакой другой технологии воспроизводства населения в мире нет. Поэтому первая наиважнейшая специфическая функция сельской школы – воспитать в детях готовность и способность оставаться сельскими жителями со всеми отсюда вытекающими следствиями, в т. ч. демографическими.

У сельской школы есть еще одна специфическая задача – удерживание огромных территорий. В связи с этим уменьшение сети сельских школ под любым благовидным предлогом является действием, направленным на сворачивание присутствия коренного населения на этой территории.

3. Структурные (социальные, социально-поселенческие, управленческие, организационные и т. д.):

– разработка и использование программ, обеспечивающих разностороннее образование с учетом региональных факторов и тенденций развития науки и техники в сельском хозяйстве и обществе в целом;

– создание условий для дифференцированного образования сельских школьников, обучающихся в малочисленных школах, имеющих различные образовательные потребности;

– организация и мониторинг деятельности в сельских школах;

– обеспечение взаимодействия школы и окружающего социума;

– обучение учащихся умелому сочетанию деятельности в сельском хозяйстве с заботливым, бережным отношением к земле, технике, окружающей природе как основе жизнедеятельности человека;

– воспитание личности, способной к свободному и добровольному выбору сельского образа жизни и сельскохозяйственному труду в соответствии с законами природы и интересами человека.

4. Кадрово-педагогические:

– формирование принципа взаимобогащения педагогов. Из-за отсутствия средств для обучения учителей их методическое и педагогическое совершенствование происходит в рамках своего региона, отсутствует информация об основных направлениях развития образования как в России, так и за рубежом;

– формирование потребности в получении профессионального образования и самосовершенствовании;

– специальная подготовка и повышение квалификации педагогов сельских малочисленных школ;

– разработка научно-методического обеспечения сельских малочисленных школ.

Таким образом, сельская школа является составной частью общегосударственной системы образования. Это главный резерв пополнения кадров для сельскохозяйственного производства. Ее состояние и уровень работы оказывают огромное влияние на социально-экономическое развитие села, на культурно-образовательный уровень населения, решение демографических проблем.

Чтобы сохранить село, образование в сельской местности должно соответствовать социальным ожиданиям людей, социально-ценностному заказу сельского сообщества, каждой семьи и конкретного человека [5].

Литература

1. Байбородова Л. В. Особенности организации образовательного процесса. Режим доступа: pedtechnology.ucoz.com/index/osobennosti_organizacii/0-53.

2. Байбородова Л. В. Сельская малочисленная школа: какая она сегодня. Режим доступа: <http://www.obrazpress.ru>.

3. Белова Л. П. Роль образования в развитии социальной активности сельского населения // Сельская школа: проблемы организации образовательного процесса: сб. статей // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Развитие инновационного потенциала сельской школы: возможности и перспективы. Комплексные сельские образовательные системы как перспективные модели для возрождения и развития сельского социума в России». – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2008. – 302 с. Режим доступа: http://window.edu.ru/resource/784/61784/files/konf_sbormik_4_082008.pdf.

4. Итоги Всероссийской переписи населения / Ст. сборник Росстат. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

5. Щербакова Е. В. Сельская малокомплектная школа: современное состояние, проблемы и перспективы развития // Теория и практика образования в современном мире: материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 107–109. Режим доступа: <http://www.moluch.ru/conf/ped/archive/64/2841>.

УДК 316.3 (571.54)

Е. В. Петрова

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Рассмотрена динамика основных показателей социально-экономического развития республики в период трансформации российского общества. Анализ проблемы ведется на основе данных переписей населения 1989, 2002, 2010 гг., текущих статданных и в сравнении с показателями Российской Федерации, Сибирского федерального округа, Иркутской области и Забайкальского края.

Ключевые слова: экономические показатели, демографические тенденции, миграционные процессы, трансформация общества, Республика Бурятия.

E. V. Petrova

**SOCIOECONOMIC DEVELOPMENT
OF THE REPUBLIC OF BURYATIA
IN THE CONDITIONS OF SOCIETAL TRANSFORMATION**

The article considers the dynamics of the main indicators of socioeconomic development of the republic in the period of societal transformations of the Russian society. The analysis of the problem is carried out on the basis of the 1989, 2002, and 2010 population census data, current statistical data and the comparison with the indicators of the Russian Federation, Siberian Federal District, Irkutsk and Zabaikalskiy region.

Key words: economic indicators, demographic tendencies, migration processes, societal transformation, Republic of Buryatia.

Реформы в экономической, политической и социальной сферах общественной жизни России в конце XX – начале XXI в. закономерно привели к трансформации социальной структуры, углублению стратификационных процессов и обусловили необходимость изучения их модернизированных форм. Исследование механизмов трансформации современного общества дает возможность выявить тенденции процессов и их показатели, оказывающие влияние на социальное неравенство и социальное самочувствие населения.

В свою очередь социальное благополучие населения и уровень социального самочувствия личности определяются рядом факторов, среди которых матери-

альное положение, статусный набор, образование, профессионально-квалификационный потенциал, занятость на рынке труда этой личности и членов ее семьи и т. д. Важное значение имеет также и территориальный признак. Чем в более благополучном (социальная инфраструктура, уровень жизни, рынок труда) регионе или конкретном населенном пункте проживает семья, тем, соответственно, больше возможностей для вертикальной восходящей мобильности как у родителей, так и у детей.

Стратегии поведения людей во многом обусловлены и реальной ситуацией – более широкие возможности продвижения вверх, открытые каналы вертикальной мобильности, небольшое коли-

чество фильтров на пути способствуют активности личности в пространстве вертикальной социальной мобильности. В то время как ограничение доступности каналов вертикальной мобильности в обществе обеспечивает менее активную позицию и предпринимаемые действия в восходящей социальной мобильности.

Рассмотрим, какие изменения произошли в социально-экономическом развитии Республики Бурятия за период между тремя переписями населения (Всероссийская перепись 1989 г., Всероссийские переписи 2002, 2010 гг.) и каким образом они отразились на показателях благополучия населения и его мобильности.

Следует отметить, что если в 90-е гг. XX в. для республики в экономическом отношении были типичны показатели снижения и уменьшения роста, то в начале XXI в. ситуация постепенно стала меняться и характеризуется по многим показателям ростом экономического развития, увеличением доходов на фоне укрепления политической стабилизации в обществе. Вместе с тем продолжается углубление социально-экономической дифференциации населения, идет изменение социальной структуры, не уменьшается число «работающих» бедных. Подобные характеристики можно рассматривать как последствия предшествующих реформ.

В 2000–2013 гг. в целом по России наблюдалось увеличение реальных денежных доходов населения. Рост реальных денежных доходов отмечен также в большинстве регионов Сибирского федерального округа (СФО), в т. ч. в Бурятии.

В республике за 2006 г. соотношение среднемесячной номинальной заработной платы и среднедушевых доходов составило 134,1 %, в то время как в 2005 г. было 128,7 %, в целом по РФ оно выросло на 1,7 %, [10, с. 4]. Денежные доходы на душу населения в 2007 г. составили 9655, расходы 6818 руб.; в 2008 г. доходы – 12053 руб., потребительские расходы – 7936 руб.; в 2010 г. доходы – 14271 руб.,

расходы – 9604 руб.; в 2012 г. доходы – 17119 руб., расходы – 12771 руб. [6]. Как видим, происходит опережающий рост доходов над расходами, ежегодно увеличивается разница между суммами доходов и расходов. В то же время место, занимаемое республикой в рейтинге субъектов РФ по среднедушевым доходам по состоянию на 2012 г. – 55, по расходам – 49. Причем из 8 федеральных округов и по одному, и по другому, показателю СФО занимает предпоследнее 7 место.

По численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в СФО в 2012 г. из 12 субъектов Бурятия находилась в тройке лидеров. В Республике Тыва эта группа составляла 28,1 % от общей численности населения республики, т. е. почти треть жителей, в Алтайском крае 20,5 %, в Бурятии 18,8 % населения региона (в 2000 г. в Республике Тыва 77,9 % и в Бурятии – 53,5 %) [Там же].

В 2013 году в Бурятии численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума составила 165,2 тыс. человек, или 17 % (по России 11,1 %), но по сравнению с предыдущим годом доля бедного населения снизилась на 1,8 %. Глубина бедности оценивается в 5,1 %, острота бедности в 2,2 % [1]. Жители республики с наименьшими доходами в 2013 г. зарабатывали в среднем 3864 руб. в месяц, с наиболее высокими 33,4 тыс. руб. [Там же].

Структура использования денежных доходов существенных изменений не претерпела: в ней по-прежнему продолжают доминировать расходы на покупку товаров и оплату услуг. В 2000 г. в Бурятии они равнялись 66 % от общей суммы расходов, в 2005 г. – 65,1 %, в 2012 г. – 74,6 %. Та же самая тенденция характерна для России (соответственно 75,5; 69,6; 74,0 %) и для СФО (69,5; 69,3; 72,7 %).

Удельный вес численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения республики в

2005 г. составлял 33 %, в 2008 г. – 23,4, в 2010 г. – 19,2, в 2012 г. – 18,8 %, в то время как в 1995 г. он равнялся 54,3 %, т. е. охватывал большую часть населения. Разница в соотношении доходов 10 % наиболее обеспеченного и 10 % наименее обеспеченного населения в 2007 г. была 13,9 раз, в 2008 г. – 14,2 раза.

В 2012 г. удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на группу населения с *наименьшими доходами*, в общем объеме денежных доходов населения составил по России 5,2 %, по СФО 6,4 %, по Бурятии 5,4 %. Одновременно удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на группу населения с *наибольшими доходами*, в общем объеме денежных доходов населения составил по России 48,3 %, по СФО 43,5 %, по Бурятии 46,8 % [6].

Отрицательное сальдо миграции и убыль населения повлияли на численность занятых в экономике республики. Так, в период с 1995 по 2005 г. наблюдалось уменьшение численности занятых в экономике – с 479,8 до 386,6 тыс. чел., обратная динамика стала характерна с 2010 г. – произошел рост численности занятых в экономике республики до 417,1 тыс. чел., в 2012 г. – до 419,3 тыс. чел. [Там же].

Одним из факторов благополучности региона является уровень преступности, статистическим показателем которого можно считать число зарегистрированных правонарушений на 100 тыс. человек.

СФО находится на 1 месте из 8 федеральных округов РФ по числу зарегистрированных правонарушений на 100 тыс. человек. Бурятия по этому показателю на пятом месте в России, Иркутская область – на втором, Забайкальский край – на первом, хотя отмечается постоянная положительная динамика в республике на протяжении последних лет, и если в 2000 г. в абсолютных цифрах число зарегистрированных правонарушений соста-

вило 3118, то в 2012 г. – 2419 (в 1990 г. их было 1673) [Там же].

«По интегральным оценкам уровня и качества жизни населения Бурятия относится к регионам, слабо адаптировавшимся к рыночным условиям, с неблагоприятной социальной средой. Республика остается аутсайдером как по индексу развития человеческого потенциала (69-е место из 80 в 2006 г.), так и по «кризисному» индексу качества жизни (78-е место из 88 в 2005 г.). Низкий рейтинг по ИРЧП обусловлен невысокими значениями душевого ВРП Бурятии и показателями по социальным компонентам, особенно по долголетию. Отставание по индексу качества жизни также высвечивает социально-экономические проблемы республики: безработица, относительно высокий уровень бедности, повышенная младенческая смертность и низкая ожидаемая продолжительность жизни. Аккумулируя разные проблемы Бурятии, по отдельности не выглядящие столь острыми, интегральные показатели наглядно демонстрируют их кумулятивный эффект» [7].

Бурятия лидирует по числу зарегистрированных правонарушений на 100 тыс. человек, по численности студентов вузов – 12 место, по площади территории – 15 место, уровню безработицы – 67 место (ранжирование значения показателя произведено в порядке возрастания). В то же время по другим, более существенным показателям социально-экономического развития, Бурятия значительно отстает от Иркутской области и по 7 показателям из 17 уступает Забайкальскому краю.

Связано это с тем, что неблагоприятные изменения, произошедшие в республике в конце XX – начале XXI в. в экономической сфере, полностью не преодолены, а в некоторых сферах даже произошло их углубление и расширение – уменьшение промышленного производства; снижение темпов развития сельского хозяйства, к тому же Бурятия

относится к зоне рискованного и экстремального земледелия (резко выраженный континентальный климат); не экспортная специализация хозяйства; развитие преимущественно добывающей промышленности и сырьевых отраслей экономики; низкая инвестиционная привлекательность региона; высокая территориальная концентрация промышленности; монопрофильность малых городов и поселков; развитие городской инфраструктуры и неразвитость сельских населенных пунктов; уменьшение числа молодых квалифицированных специалистов технического профиля, работающих по специальности в промышленности и сельском хозяйстве; рост безработицы и т. д. В республике в 90-е гг. XX в. произошла трансформация структуры занятости, схожая с общероссийской: снижение доли занятых в промышленности и строительстве при росте занятости в сфере услуг и относительно стабильной аграрной занятости.

Изменение экономических показателей и уровень качества жизни серьезно повлияли на социальные характеристики развития республики, жизнь отдельных граждан и этносоциальных групп в целом, детерминировали демографические процессы, которые являются важными социальными показателями, характеризующими регион, его конкурентоспособность и перспективы дальнейшего развития.

Изменение демографической ситуации в России в последние десятилетия

характеризуется постепенным старением населения. Эта тенденция характерна также для СФО и Бурятии – увеличение численности пенсионеров и уменьшение численности трудоспособного населения (табл. 1).

Уменьшилась также общая численность населения Республики Бурятия со времени Всесоюзной переписи населения 1989 г. Так, если в 1989 г. численность населения республики составляла 1038,2 тыс. чел., то в 2002 г. – 981,2 тыс. чел., в 2010 г. – уже 972,0 тыс. чел., но на 1 января 2014 г. численность жителей несколько увеличилась – 974,0 тыс. чел. [7]. В связи с тем, что теперь численность жителей республики стала меньше миллиона человек, серьезно изменились дотации и финансирование, поступающие из федерального центра, что также является неблагоприятным фактором для развития региона. На уменьшение числа жителей республики влияют в основном три показателя – это миграционный отток, высокая смертность и низкая рождаемость населения республики, т. е. небольшой естественный прирост и отрицательное сальдо миграции.

Стоит отметить и гендерный аспект смертности. Соотношение мужчин и женщин ухудшилось в связи с высокой преждевременной смертностью мужчин. По сравнению с 2002 г. численность мужчин сократилась на 5,7 тыс. чел. или на 1,2 %, женщин – на 3,5 тыс. чел. или на 0,7 % [Там же].

Таблица 1

Численность пенсионеров на 1000 человек населения

Регионы \ Год	2000	2005	2009	2010	2012
Россия	262,5	267,5	273,7	277,9	283,0
СФО	251,7	265,8	274,5	279,4	285,2
Бурятия	230,7	238,9	247,4	249,8	255,7

Источник: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации стат. сб. – М.: Росстат, 2013. Режим доступа: <http://burstat.gks.ru>.

С 2006 г. по настоящее время для республики характерен естественный прирост населения и в то же время по-прежнему стабильно фиксируется отрицательное сальдо миграции. Практически все перемещения мигрантов из республики ограничиваются пределами Российской Федерации. На втором месте по объему перемещений населения находятся межрегиональные миграционные процессы, их доля в общем объеме миграционных потоков республики за 2013 г. составила 35,0 %. При этом более половины выезжающих за пределы Бурятии являются лицами трудоспособного возраста – в 2003 г. они составили 75,7 % от общего числа мигрантов, в 2006 г. – 78 %, в 2007 г. – 77 % [6].

С 2000 по 2012 г. Республика Бурятия потеряла 43,5 тыс. человек. За этот период отток происходил в основном в соседние, более благополучные в социально-экономическом отношении, регионы – Иркутскую область (31,3 тыс. чел.), Новосибирскую область (7,2 тыс.

(34,0 промилле) и Тарбагатайский (33,3) районы, а также г. Улан-Удэ (6,5). В остальных районах и в г. Северобайкальск происходил отток населения. Самый высокий уровень отмечен в Муйском (-59,8 промилле), Джидинском (-29,0), Хоринском (-23,9) и Баунтовском эвенкийском (-23,7) районах. Из районов, приравненных к Крайнему Северу, миграционный отток составил более 2,3 тыс. человек [Там же].

Миграция продолжает оказывать влияние на половозрастную структуру населения республики. Уезжает, как правило, наиболее мобильное население трудоспособного возраста, которое составило в потоке выбывших 77,7 %, тогда как в общей численности населения по состоянию на 1 января 2012 г. на этот возраст приходилось 61,0 %. Мигранты в возрасте 16–29 лет в 2012 г. составили 53,3 % в миграционном оттоке, что приводит к сокращению доли лиц трудоспособного возраста (табл. 2) [Там же].

Таблица 2

Баланс трудовых ресурсов в Республике Бурятия [8]

Годы	Население, тыс. чел.	Из них в возрасте			в % к общей численности населения		
		моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного
1959	673,3	248,4	364,0	60,9	36,9	54,1	9,0
1970	809,3	291,1	432,9	85,0	36,0	53,5	10,5
1979	899,4	263,6	534,1	101,3	29,3	59,4	11,3
1989	1038,2	329,0	579,2	130,0	31,7	55,8	12,5
2002	981,2	226,0	607,6	147,4	23,0	62,0	15,0
2010	972,0	206,2	603,6	162,2	21,2	62,1	16,7

чел.), Красноярский край (6,6 тыс. чел.), Томскую область (2,8 тыс. чел.). Регионом-донором для Республики является Забайкальский край – из него прибыло 4,6 тыс. чел. За 2013 г. внутри республики положительное сальдо миграции имели только Иволгинский

Как видим из таблицы 2, за межпереписной период численность населения старше трудоспособного возраста увеличилась на 14,8 тыс. чел., или на 10 %, и сократилась численность населения моложе трудоспособного возраста на 19,8 тыс. чел. (8,8 %). В этот период

из данной возрастной группы вышло многочисленное поколение родившихся в 80-х годах прошлого столетия, а в возраст 8–15 лет вступило малочисленное поколение родившихся в 1990-х годах, когда уровень рождаемости был самым низким за всю послевоенную историю России.

За период между двумя переписями (2002 и 2010 гг.) рост числа населения в трудоспособном возрасте отмечен у бурят (на 6,7 %), сойотов (на 29,4 %), эвенков (на 39,2 %) и сокращение – у русских (на 5,6 %), украинцев (на 47,2 %), татар (на 16 %). Рост числа граждан пенсионного возраста отмечен у всех национальностей, кроме татар. Значительное сокращение населения в возрасте моложе трудоспособного наблюдается у украинцев (на 71,9 %), татар (на 49,4 %), русских (на 12,2 %), бурят (на 6,2 %). Удельный вес молодежи в возрасте 16–29 лет в трудоспособном населении выше у эвенков (45,2 %), бурят (40,6 %), русских (39 %), сойотов (38,9 %), татар (34,1%) и значительно ниже у украинцев (14,4 %). По итогам переписи 2010 г. средний возраст у русских составил 35,8 лет, у бурят – 32,9, татар – 44,1, украинцев – 50,9, сойотов – 29,4, эвенков – 29,2 [7].

Соответственно изменился не в благоприятную сторону показатель демографической нагрузки (соотношение числа лиц нетрудоспособного возраста, приходящихся на 1000 чел. населения трудоспособного возраста). В 2012 г. он составил по России 664 чел., по СФО – 663, по Бурятии – 666, в Республике Тыва он оказался самым большим (729) за счет высокой доли в числе нетрудоспособного населения той части, которая моложе трудоспособного возраста (554 чел.). По России на 1000 чел. трудоспособного возраста приходится 280 чел. моложе трудоспособного возраста, по СФО – 308, по Бурятии – 371 чел. [6]. В целом по России, по СФО и по Бурятии динамика не очень благоприятная – ежегодно увеличивается число лиц нетрудоспособно-

го возраста в основном за счет старения населения, а не его омоложения.

Существуют еще два показателя, которые также характеризуют качество жизни населения, экономические и социальные достижения страны и условия, в которых проживают граждане. Это средняя продолжительность жизни и ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Так, по данным исследования «Продлевая жизнь», проводимого Всемирным банком, Всемирной организацией здравоохранения и Национальными статистическими агентствами сейчас средняя продолжительность жизни в России составляет 70,5 года. При этом крайне велика разница этого показателя для мужчин и для женщин – на 18 % женщины живут дольше, чем мужчины. За последние 20 лет этот показатель вырос на 9,4 %, и теперь Россия занимает 12-е место в рейтинге [2].

По данным ежегодного статистического доклада ВОЗ, опубликованного 15 мая 2014 г., в России продолжительность жизни выросла на 0,2 года – самый низкий показатель среди стран с высокими доходами, где средний показатель роста составил чуть больше 5 лет. Средняя продолжительность жизни в России в 2012 г. была 69 лет, как и в 1990 г. Продолжительность жизни мужчин на 2012 г. – 63 года, женщин – 75 лет. В то время как в группе стран с высоким уровнем дохода, куда входит Россия, средняя продолжительность жизни составила 75,8 лет для мужчин и 82 года для женщин. Уровень важнейшего показателя качества жизни в России пока, к сожалению, ближе к средним показателям стран со средненизким уровнем дохода [8].

Данные Росстата по ожидаемой продолжительности жизни представлены в таблице 3.

В 2012 г. Бурятия среди всех субъектов РФ по ожидаемой продолжительности заняла лишь 73 место, Иркутская область – 77, Забайкальский край – 78,

Таблица 4

Ожидаемая продолжительность жизни в России [6]

	2000			2005			2012			Место
	Все население	мужчины	женщины	Все население	мужчины	женщины	Все население	мужчины	женщины	
Россия	65,34	59,03	72,26	65,37	58,92	72,47	70,24	64,56	75,86	
СФО	63,66	57,39	70,69	62,7	56,18	70,13	67,99	62,09	74,01	7
Бурятия	62,68	56,36	69,9	60,9	54,42	68,68	66,79	60,97	72,89	73

Республика Тыва – 82, в то время как Томская область – 30, Новосибирская область – 38, при этом в начале списка, то есть на 1 месте – Ингушетия, на 2 – Москва, на 3 – Дагестан, на 4 – Санкт-Петербург [6].

Ожидаемая продолжительность жизни женщин в Бурятии в 2014 г. – 73 года, мужчин – 61 год. Среди 18 долгожителей республики, чей возраст превысил 100 лет, больше всего женщин – 72 % (13 чел.) [3, с. 4].

По общим коэффициентам рождаемости (число родившихся на 1000 человек) СФО находится на 3 месте, Бурятия среди всех субъектов РФ на 8 месте, Республика Тыва – на 1, Иркутская область – на 15, Забайкальский край – на 12. Если рассмотреть динамику показателя с 1990 г., то самый низкий коэффициент рождаемости был зафиксирован по РФ, СФО и Бурятии в 2000 г. – соответственно 8,7; 9,7; 11,6. Но в целом за последние десятилетия наблюдается положительная динамика и по некоторым регионам в 2012 г. были достигнуты или превышены показатели 1990 г. (максимально высокие за период с 1990 по 2012 г.). Так, коэффициент по РФ в 2012 г. составил 13,3, по СФО – 15,0, по Бурятии – 17,5, по Тыве – 26,7, по Иркутской области 15,9, по Забайкальскому краю – 16,2.

Самые высокие коэффициенты смертности были зафиксированы в 2005 г., по РФ – 16,1, по СФО – 16,6, по Бурятии – 15,6. В 2012 г. показатель значительно уменьшился и составил по РФ – 13,3, по СФО – 13,7, по Бурятии 12,4. Среди всех регионов РФ по этому показателю

в 2012 г. Бурятия заняла 23 место. Из всех регионов, входящих в СФО, самая высокая смертность в республиках Тыва (14 место) и Алтай (17 место), Томской области (19 место), тогда как Иркутская область в пятом десятке (44 место), Забайкальский край в третьем десятке (29 место), Новосибирская область имеет самый благоприятный из всех регионов СФО показатель – 61 место [6].

Под влиянием миграции, небольшого естественного прироста, неблагоприятных социально-экономических и климатических условий в республике уменьшается плотность населения. Связано это с тем, что Бурятия занимает 15 место в России по размеру территории и только 54 место по численности населения. Средняя плотность населения по республике составила 2,8 человека на 1 км² территории, что в 3 раза ниже среднероссийского уровня (8,36 чел. на 1 км²) и более чем в 12 раз – среднемирового показателя (40 чел. на 1 км²). Территория наиболее плотного заселения сконцентрирована вблизи столицы республики. В Иволгинском районе плотность населения составляет 14,3 чел. на 1 км², Заиграевском – 7,6 и Тарбагатайском – 5,0 на 1 км². Наименьшей плотностью населения отличаются северные районы – Баунтовский и Окинский, в которых природные условия самые суровые (0,1 и 0,2 соответственно) [5].

Поэтому приоритетом государственного регулирования демографических процессов в республике на современном этапе является стабилизация численности населения, преодоление тенденций

демографического спада 1990-х гг., создание условий для последующего демографического роста населения и снижения миграционной убыли.

По мнению экспертов в экономической сфере, необходима дальнейшая модернизация экономики региона, повышение ее эффективности и конкурентоспособности с целью обеспечения устойчивого повышения уровня и качества жизни населения. В программе социально-экономического развития Республики Бурятия на 2011–2015 гг. заложены та-

кие приоритеты, как развитие минерально-сырьевого, агропромышленного, лесопромышленного, туристско-рекреационного комплексов, инновационной деятельности и человеческого потенциала, т. е. создание условий для комфортного проживания и развития человека.

Решающую роль в этом должно сыграть государственное регулирование, обеспечивающее и поддерживающее частное предпринимательство, развитие инфраструктуры, накопление основного капитала.

Примечание

I. Глубина бедности характеризует ту часть населения, чьи доходы и расходы ниже установленной черты бедности (например, прожиточного минимума). Острота бедности показывает степень дифференциации доходов или расходов населения и используется для сравнения изменений во времени, а также с точки зрения воздействий различных мер социально-экономической политики на материальное положение населения. Основными критериями выступают черта (порог) бедности, соотношение доходов наиболее доходных групп населения с наименее доходными [1].

Источники и литература

1. В Бурятии доля бедного населения – 17 процентов. Режим доступа: [www. http://gazetarb.ru/news/section-economy/detail-216561](http://gazetarb.ru/news/section-economy/detail-216561).
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Режим доступа: <http://burstat.gks.ru>.
3. Миграция населения Республики Бурятия: стат. сб. № 02-03-02. – Улан-Удэ: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по РБ, 2008.
4. Мировая статистика здравоохранения 2014 г.: значительный рост продолжительности жизни, но не в России. Режим доступа: http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/2014/en.
5. Оцифрованная жизнь. Российская газета (Столичный выпуск) № 6351 от 8 апреля 2014 г. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/04/08/srok-zizni.html>.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. – М.: Росстат, 2013. Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
7. Социальный атлас российских регионов. Республика Бурятия (социальный портрет региона). Режим доступа: <http://www.socpol.ru/atlas/portraits/buryat.shtml>.
8. Социально-демографический портрет Республики Бурятия. По Итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.: доклад № 02-03-10. – Улан-Удэ: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по РБ, 2014.
9. Статистический анализ миграционных процессов в республике Бурятия: аналитическая записка № 02-03-09. – Улан-Удэ, 2013.
10. Уровень жизни населения в сравнении с регионами СФО: аналит. зап. № 04-05-11. – Улан-Удэ, 2007.

УДК 615.89 : 94 (51)

В. Ю. Башкуев

**БУДДИЗМ И ТИБЕТСКАЯ МЕДИЦИНА
В КОНТЕКСТЕ НАУЧНО-МЕДИЦИНСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ (1920-е – 1930-е гг.)**

В 1920-х – 1930-х гг. монгольские народы Центральной Азии претерпевали значительные социальные трансформации в результате нацистроительства и последующей советизации. В стремлении «пробудить» народы «Буддийского Востока» большевики направили значительные силы на изучение аспектов традиционной жизни кочевых монгольских народов, неотъемлемыми составляющими которой были буддийская вера и тибетская медицина. Научное исследование этих сторон жизни монголов было продиктовано необходимостью лучше понимать их психологию и мировоззрение и, следовательно, правильно разрабатывать инструменты идеологического воздействия, в арсенал которых входили светская наука, европейская медицина и образование.

Ключевые слова: геополитические императивы, буддизм, дацаны, тибетская медицина, эмчи-ламы, социальные болезни, Монголия, МНРП.

V. Yu. Bashkuev

**BUDDHISM AND TIBETAN MEDICINE
IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC AND MEDICAL STUDY
OF THE MONGOLIAN PEOPLES, 1920S-1930S**

In the 1920-s – 1930s the Mongolian peoples of Central Asia underwent dramatic social transformations in the course of nation-building and further sovietization. Striving to «awaken» the «Buddhist Orient» the Bolsheviks allocated significant resources to the study of traditional life of nomadic Mongolian peoples. Buddhist faith and Tibetan medicine were its inseparable components. The scientific study of these aspects of life of the Mongols was necessitated by an urge to better understand their psychology and worldview and, consequently, correctly develop tools of ideological influence, including secular science, European medicine and education.

Key words: geopolitical imperatives, Buddhism, lamaseries, Tibetan medicine, lama doctors, social diseases, Mongolia, MPRP.

В 1920-х – начале 1930-х гг. монгольские народы Центральной Азии переживали драматические процессы социально-экономической трансформации общества, вызванные радикальной сменой общественных формаций и активным началом нацистроительства. Часть этих изменений была сопряжена с социальной модернизацией большевистского типа, в основе которой лежал тезис о вековой угнетенности кочевых народов бывшей Российской империи. Позицио-

нируя себя в качестве цивилизующего начала, большевики прилагали определенные усилия для того, чтобы изменить к лучшему сложившуюся к 1920-м гг. тяжелую социально-экономическую ситуацию в юго-восточных окраинах бывшей империи. Сюда входили ликвидация эпидемических и социальных болезней среди автохтонного населения региона, создание системы современного здравоохранения на основе европейской медицины, предупреждение вымирания

коренного населения и глубинная трансформация кочевого быта и мировосприятия, символизирующая прыжок «из феодализма в социализм» вопреки законам исторического и социального развития.

«Цивилизаторская миссия» большевиков подстегивалась срочной необходимостью внедрения новых социальных отношений, базировавшихся на идеологических постулатах марксизма-ленинизма. Этот компонент выполнялся агрессивно и вел к уничтожению форм социального быта, признанных «малокультурными» и «отжившими». Традиционному микрокосму и мировоззрению кочевника была объявлена бескомпромиссная война. Она велась за его разум с помощью сан- и культпросвета, образования и средств массовой информации; за тело посредством современных медицинских практик и пристального научно-медицинского изучения организма, новой системы питания и физического развития, а также за душу, вырвать которую из лона традиционной религии должна была коммунистическая пропаганда.

Определенную роль в этих процессах сыграли геополитические императивы. К началу 1920-х гг. большевики убедились в тщетности попыток распространить свою идеологию на запад и добиться там триумфа пролетарской революции. Зато «Буддийский Восток» представлялся вполне реальной целью, ведь там находились «угнетенные народы», которые необходимо было пробудить и направить против империализма. Создание пограничных национальных автономий, таких как Бурят-Монголия, было лейтмотивом новой большевистской геополитики, направленной в уязвимые зоны центрально-азиатского лимитрофа бывшей империи. В данном случае точкой приложения усилий была лингвистически, культурно и конфессионально близкая Внешняя Монголия, сбросившая власть Цинской империи и с 1911 г. следовавшая в кильватере российской политики. Именно буряты, считавшиеся

проводниками российского влияния во Внешней Монголии, должны были сыграть роль агентов «мягкой силы», ориентируясь на которых монголы не только выбрали бы социалистический путь развития, но и перенимали бы формы и практики социальной трансформации советского типа [6, с. 384].

После провозглашения 26 ноября 1924 г. Монгольской Народной Республики социальные трансформации, происходившие в Бурят-Монголии и других новообразованных национальных автономиях СССР, перенесли и на территорию сателлитного государства. Активизировалось научное изучение Монголии. В стремлении СССР монополизировать научное исследование Внешней Монголии и вытеснить оттуда конкурентов в виде американских, китайских и японских экспедиций четко проявилась геополитическая подоплека. Научное исследование Монголии, а впоследствии и трансграничных советских территорий, приобрело высокий институциональный статус. Весной 1925 г. при СНК СССР была образована Комиссия по научному изучению Монголии [4, с. 35]. Задействовав в этом вопросе высший орган исполнительной власти страны, руководство СССР символически обозначило первоочередную важность научного изучения Монголии для восточного вектора советской внешней политики.

Широкое распространение тибетского буддизма в монгольском мире, его глубокая интеграция со всеми сторонами традиционного быта кочевников, высокий авторитет буддийского духовенства среди населения и повсеместная распространенность практик тибетской медицины определили необходимость изучения этого комплексного феномена. Обосновывая ее, представители правительства Бурят-Монгольской АССР отмечали: «Изучение буддийских монастырей... имеет огромное значение не только с точки зрения науки востоковедения, но и с точки зрения правильного политического

подхода к мировоззрениям многомиллионных народов Востока, так как буддийские дацаны являются единственным во всем Союзе ССР очагом, дающим ключ к пониманию того своеобразного мира индо-буддийской культуры, который охватывает добрую половину Востока» [1, ф. Р-250, оп. 1, д. 11, л. 20]. Таким образом, представители советской власти осознавали важную роль изучения буддийского культурного наследия для понимания психологических особенностей восточных народов, без которого создание среди них «жизненного пространства» советской идеологии вряд ли стало бы возможным.

Изучение буддизма и дацанов также представляло собой попытку хотя бы частичного сохранения богатейшего культурного наследия. В 1925 г., когда составлялись планы всестороннего научного изучения производительных сил Бурят-Монголии, некоторые представители власти понимали, что социальная трансформация станет для буддизма роковой. Эта мысль четко выражена в документе того периода: «...Бурятские дацаны переживают ныне в связи с общим ходом революционного строительства процесс перехода от старого к новому быту. Этот процесс идет очень быстрым темпом в сторону сокращения и уничтожения всего старого. Все, что было раньше в дацанах, богатство старинных памятников буддийского религиозного культа, быта, искусства, огромные книжные богатства тибетской и монгольской литературы, вывезенные из Тибета и Монголии, все это в настоящее время идет к быстрому сокращению, распылению и исчезновению. Не далеко то время, когда от всего этого богатства, накопленного в течение веков трудными грошами верующей бурят-монгольской народной массы, не останется ничего» [Там же].

Неоднозначное отношение в те годы сложилось и к тибетской медицине. В 1920-х гг., когда строительство современной системы здравоохранения в Бу-

рят-Монголии только начиналось, ламы-лекари были практически единственным видом медицинской помощи, доступным для кочевников-бурят, особенно в восточных аймаках. Авторитет эмчи-лам, как и спрос на их услуги среди бурят-монгольского населения, был высок. Представители власти также проявляли интерес к тибетской медицине. Нарком здравоохранения А. Т. Трубочеев со студенческих лет интересовался тибетской диагностикой, фармакологией и терапией. В 1926 г. Наркомздрав РСФСР и правительство БМАССР дали разрешение на открытие при Ацагатском дацане тибетской медицинской школы. Директором этой школы стал Д. Ендонов [3, с. 74, 75].

В Бурят-Монголии некоторым практиковавшим эмчи-ламам выдавалось особое удостоверение республиканского НКВД, а также справки для провоза через советско-монгольскую границу тибетских лекарственных средств. Подписывал эти справки нарком здравоохранения А. Т. Трубочеев [Там же, с. 76, 77]. Однако относительно терпимое отношение советских функционеров к эмчи-ламам отнюдь не являлось их официальным признанием. Скорее, вызывалось оно прагматическими соображениями, ведь в условиях зарождающейся новой системы здравоохранения ламам-лекарям иногда просто не существовало альтернативы.

В архивном фонде Бурнаркомздрава часто встречаются резко отрицательные отзывы о деятельности лам-медиков. Это, в общем, соответствовало партийной линии на искоренение религии с ее «предрассудками», одним из которых, без сомнения, считалась тибетская медицина. Так, в докладе Бурнаркомздрава к совещанию наркомздравов автономных республик давалась следующая характеристика: «В Бурятии насчитывается огромное количество лам-медиков, именующих себя тибетскими медиками, в огромном большинстве своем совершенно невежественных и медицин-

ски неграмотных. Пользуясь темнотой и невежеством масс, эти ламы-медики имеют популярность среди культурно отсталого бурятского народа. Борьбу с этим вековым злом можно вести только путем широкого санитарного просвещения среди бурятского народа, насаждения квалифицированной помощи европейской медицины в отдаленных глухих районах Буреспублики и постепенного приобщения бурят к культурной жизни. Для того, чтобы борьба с тибетскими лекарями, в частности с ламами-медиками, дала практические результаты, необходимо изучить тибетскую медицину» [1, ф. Р-665, оп. 16, д. 1, л. 174].

Для практического изучения данного предмета Наркомздрав БМАССР ходатайствовал перед Москвой о выделении средств на организацию фармацевтической лаборатории. Проект, однако, поддержки не получил. Тем не менее, как указывается в докладе, необходимость в такой лаборатории оставалась очевидной [Там же]. Во-первых, для успешной борьбы с противником необходимо было досконально изучить его «оружие, тактику и стратегию», т. е. фармакологию, методы диагностики и терапии тибетской медицины. Во-вторых, без глубинного изучения медики вряд ли могли однозначно судить об их несостоятельности.

В одной важной области медицинского знания тибетская медицина однозначно представлялась вредной. Огромную озабоченность медицинских работников вызывало широкое распространение в Бурят-Монгольской АССР социальных заболеваний. Многочисленные медицинские экспедиции, работавшие на территории республики в 1924–1930 гг., определили, что зараженность бурятского населения сифилисом в восточных аймаках составляла от 25 до 63 % [Там же, д. 47, л. 1]. Серьезность подхода к борьбе с сифилисом в Бурят-Монголии продемонстрировала организованная по международным каналам советско-германская экспедиция, изучавшая эту болезнь в Хоринском аймаке летом 1928 г.

Освещая деятельность советско-германской экспедиции, газета «Бурят-Монгольская Правда» писала: «Как известно, ламы-лекари были первыми и главными проводниками буддийской религии, поэтому вполне понятно, что буддийские монастыри в первую очередь озаботились о насаждении ламайской медицины. ... Число лам, врачующих по «Тарни» (заклинаниями, предсказаниями и прочим) насчитывалось тысячами, но, несмотря на широкий охват лечебной помощи со стороны монастырей, запросы населения на европейскую медицину быстро выросли. ... Население видит, что заклинаниями и наговорными корешками и травами ни сифилис, ни другие болезни не вылечиваются. Что же в этом случае должны делать ламы?»

Зная про свою медицину с религией, что это сплошное шарлатанство, обращаясь со всеми болезнями к русским врачам и врачам русско-германской экспедиции, они говорят, что врачи могут лечить только с их помощью, что если больной не обратится к ним, ламам, то болезнь не пройдет.

Чтобы поддержать свой авторитет среди населения, ламы распространяют слухи, что врачи приехали к ним не только лечить, но главное, учиться у них тибетской медицине...» [5].

Оставляя за скобками пропагандистский пафос авторов статьи, отметим, что в лечении сифилиса средства тибетской медицины выглядели гораздо слабее, чем вливания сальварсана и препаратов висмута, которыми в тот период лечили это заболевание. Не желая терять пациентов, но и не в силах продемонстрировать более эффективные средства против люэса, чем европейские медикаменты, эмчи-ламы реагировали на изменение ситуации, пытаясь обратить ее в свою пользу проверенными методами – с помощью распространения слухов.

Похожая ситуация сложилась и в МНР к середине 1930-х гг. Этнически, культурно и конфессионально близкородственные регионы имели схожие со-

циально-экономические и медицинские проблемы. В 1930-х гг. в соседнем государстве работали советские медицинские отряды и отдельные врачи, занимавшиеся лечением местного населения, изучением медико-географических особенностей монгольских аймаков и помогавшие монголам развивать в стране современную сеть учреждений здравоохранения.

Советские специалисты считали ламаистские религиозные убеждения одним из главных препятствий на пути оздоровления монгольской нации, а буддийское духовенство – проводником реакционных и вредных религиозных предрассудков. Вот что писал врач И. А. Охотников, составивший информативный очерк о медико-санитарном состоянии Хэнтэйского аймака МНР в 1935–1937 гг.: «Рыбу по монгольским законам есть грешно, птицу тоже, землю рыть грешно, заниматься посевами культур грешно. Даже видные монгольские чиновники придерживаются подобных обычаев». Первостепенное значение в распространении религиозных табу, по его мнению, имели буддийские монастыри [2, ф. 8009, оп. 10, д. 77, л. 18].

Залог оздоровления монгольской нации в бескомпромиссной классовой борьбе с «остатками феодализма» и «реакционным» духовенством представлялся единственно возможным и другим представителям советской и монгольской медицины. В ответ на усилившееся давление после III Пленума МНРП эмчиламы во многих районах Монголии демонстративно отказались от своей практики, публично уничтожили тибетские лекарства и перестали принимать аратов, отправляя их в европейские медпункты и объясняя, что теперь за медпомощью нужно обращаться за десятки и сотни километров. Параллельно бросившие медицинскую практику ламы убеждали аратов в том, что политика МНРП и правительства МНР вела к вырождению и гибели, лишая душу арата религии, а тело – здоровья. Европейская медицина

якобы не знала и не понимала сущности внутренних болезней и вылечивала только наружные их проявления, тем самым «загоняя» болезни внутрь и вредя организму [Там же, д. 78, л. 93об.]. Любопытно, что подобную же агитацию вели поборники европейской медицины, называя тибетскую медицину шарлатанством.

Глубокое залегание ламского влияния в Монголии отражалось даже в поведении монгольских партийных функционеров высокого ранга. Даже учившиеся в СССР монгольские чиновники, например секретарь Хэнтэйской организации МНРП, не пренебрегали советами ламаистского духовенства. Так, этот секретарь имел близкого помощника – бывшего ламу, открыто выражавшего свое недоверие европейской медицине и считавшего ее нежелательной для Монголии. И хотя, по словам И. А. Охотникова, «нос его еле держится», он категорически отказывался от противосифилитического лечения. При таком отношении со стороны передовых лиц Монголии к законам своего правительства, сетовал И. А. Охотников, ни один закон не мог быть проведен в жизнь [Там же, д. 77, л. 38]. В этом состояла основная специфическая сложность борьбы с традиционной медициной и «религиозными предрассудками» в Монголии.

В других советских медицинских миссиях подобного значения «предрассудкам» не уделялось. Естественно, врачи сетовали на «некультурность» местного населения, приводя довольно курьезные примеры. Однако открытая установка на борьбу с религией, ее догмами, влиянием и атрибутикой как с отжившими свое рудиментами прошлого была дана только в Монголии, которая в 1930-х гг. уже прочно подпала под влияние СССР, став его сателлитом и находясь в кильватерном следе сталинской «модернизации».

Таким образом, в 1920-х гг. буддизм и тибетская медицина попали в область

внимания представителей советской власти и науки, подготавливавших широкомасштабное научное изучение Монголии, Бурятии и Тувы для осуществления там социалистического эксперимента. Поначалу тон задавала новая большевистская геополитика, лейтмотивом которой было «пробуждение» угнетенных народов «Буддийского Востока». Поэтому акцент делался на необходимость изучения буддизма и его наследия для понимания психологии восточных народов и успешного насаждения там позитивного образа СССР. По мере того как процессы социальной трансформации

как в Бурят-Монголии, так и в Монголии встречали пассивное сопротивление со стороны буддийского духовенства, эмчилам и простых верующих, ужесточалась и риторика в отношении буддизма и тибетской медицины. Со сменой геополитической парадигмы на сталинский вариант «осажденной крепости» кардинально изменились и оценки этих явлений. Расцвеченные эпитетами пропагандистские тексты, направленные против религии и тибетской медицины, предвещали каток реальных репрессий, обрушившихся на духовенство и монастыри в начале 1930-х гг.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект 14-06-00312.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-250, оп. 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8009, оп. 10.
3. Батоев Д. Б., Демкова Н. П., Батоев С. Д. Первый нарком Андрей Тимофеевич Трубачев в истории здравоохранения Бурятии. – Улан-Удэ, 2009. – 342 с.
4. Митин В. В. Наука и политика: советские ученые в Монголии в 1920–1930-е гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2013. – № 3. – С. 34–40.
5. Цели и задачи русско-германской экспедиции // Бурят-Монгольская Правда. – 1928. – № 161 (1429). – 17 июля.
6. Ripen R. A. The Buriat Intelligentsia // The Far Eastern Quarterly. – 1956. – Vol. 15. – № 3. – P. 383–398.

УДК 551.510.534 (571.54)

Г. С. Жамсуева, А. С. Заяханов,
В. В. Цыдыпов, Т. С. Бальжанов

ИЗМЕНЧИВОСТЬ ПРИЗЕМНОГО ОЗОНА В Г. УЛАН-УДЭ: РЕЗУЛЬТАТЫ МНОГОЛЕТНИХ НАБЛЮДЕНИЙ

Представлены результаты мониторинга приземного озона в атмосфере г. Улан-Удэ за период с 2000 по 2013 г. На основе большого статистического материала выявлена изменчивость приземного озона, выявлены их сезонные и суточные вариации. Выявлен рост среднегодовых концентраций озона в последние годы, начиная с 2007 г. наблюдается превышение их среднегодовых значений предельно-допустимой концентрации (ПДК = 30 мкг/м³) за счет возрастающей доли выбросов автотранспорта и увеличения вклада фотохимических процессов генерации озона.

Ключевые слова: атмосфера, приземный озон, концентрация, метеорологические параметры, сезонная и суточная изменчивость.

G. S. Zhamsueva, A. S. Zayakhanov,
V. V. Tsydyпов, T. S. Balzhanov

VARIABILITY OF SURFACE OZONE IN ULAN-UDE: RESULTS OF LONG-TERM OBSERVATIONS

The article presents the results of monitoring of surface ozone in the atmosphere of Ulan-Ude from 2000 to 2013. Based on long-term statistical material variability of surface ozone, their seasonal and diurnal variations are revealed. The increase of average ozone concentrations in recent years, since 2007 are detected, there was excess of their average concentration values of maximum allowable concentration (30 mg/m³) due to increasing of quantity of transport emissions and increase the contribution of photochemical processes of ozone generation.

Key words: atmosphere, concentration of surface ozone, meteorological parameters, seasonal and diurnal variation.

Введение

Атмосфера Земли является естественной средой обитания человечества. Состав атмосферы влияет на радиационный баланс всей планеты и ее поверхности, на уровень и спектральный состав ультрафиолетового облучения, на климат и погоду [7]. Изучение атмосфе-

ры ныне приобрело чрезвычайно важное значение. Атмосфера играет ведущую роль в глобальных изменениях климата: меняется ее состав, увеличивается содержание парниковых газов за счет роста антропогенных выбросов в атмосферу и, как следствие, меняется климат [9]. Вследствие этого исследования характеристик газового и аэрозольного состава

ЖАМСУЕВА Галина Санжиевна – кандидат физико-математических наук, доцент, заведующая лабораторией дистанционного зондирования атмосферы Института физического материаловедения. E-mail: Lrf@ipms.bscnet.ru, Lmza@mail.ru.

ЗАЯХАНОВ Александр Савельевич – кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института физического материаловедения. E-mail: Lrf@ipms.bscnet.ru.

ЦЫДЫПОВ Вадим Владимирович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института физического материаловедения. E-mail: Lrf@ipms.bscnet.ru.

БАЛЬЖАНОВ Тумэн Станиславович – инженер Института физического материаловедения. E-mail: Lrf@ipms.bscnet.ru.

атмосферы являются одной из центральных задач современной физики и химии атмосферы. Эти исследования вызваны как необходимостью детального изучения естественного состояния атмосферы для целей климатологии и метеорологии, так и необходимостью контроля антропогенных воздействий на климат Земли.

Основными парниковыми газами, в порядке их оцениваемого воздействия на тепловой баланс Земли, являются водяной пар, углекислый газ, метан и озон [9].

В последние годы большое внимание научной общественности уделяется проблемам приземного озона, особенно за рубежом. Наиболее обширные исследования тропосферного озона проводятся в США, Канаде, Японии и в странах Европейского Союза. Вследствие высокой токсичности для человека Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) внесла приземный озон в список пяти основных загрязнителей, подлежащих постоянному контролю, в т. ч. на биосферных станциях и в фоновых регионах [11].

Озон (O_3) – это газ, молекула которой состоит из трех атомов кислорода [7]. В стратосфере (10–60 км) содержится более 90 % всего озона. Стратосферный озон, или озоновый слой, играет определяющую роль в поглощении жесткой солнечной ультрафиолетовой радиации, что обеспечивает достаточно низкий и биологически безопасный уровень этого излучения у поверхности земли, т. е. защищает жизнь на Земле от губительного ультрафиолетового излучения Солнца.

В нижних слоях атмосферы находится тропосферный озон (10 %). В отличие от стратосферного озона тропосферный озон поглощает инфракрасные лучи, исходящие от Земли, и работает как мощный парниковый газ [4]. Парниковый эффект озона является более значительным в верхней части тропосферы, чем в других слоях. По данным Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК, 2007), тропо-

сферный озон считается третьим самым мощным парниковым газом в атмосфере после двуокиси углерода и метана [8]. Между тем, с точки зрения химических свойств, озон является сильным окислителем. На уровне Земли он является одним из основных загрязнителей воздуха и одним из главных окислителей.

Тропосферный озон, особенно в приземном слое воздуха, непосредственно взаимодействует с живыми формами, обнаруживая свои токсические свойства. Он представляет собой вещество, относящееся к 1 классу опасности [6]. В больших концентрациях озон сильно угнетает жизнедеятельность растений и многообразно воздействует на человеческий организм, являясь сильнодействующим ядом. Помимо воздействия на человека и растительность, озон является мощным окислителем, разрушающим резину, каучук, окисляющим многие металлы, даже платиновой группы. Имея продолжительное время жизни в атмосфере (от нескольких дней до нескольких месяцев) и интенсивные линии поглощения излучения, тропосферный озон играет значительную роль в ее парниковом эффекте.

Такое многообразие возможных отрицательных последствий от увеличения концентрации тропосферного озона как для человека, так и для окружающей среды требует повышенного внимания к тенденциям изменения его содержания в приземном воздухе.

Длительное время считалось, что концентрация озона в нижней атмосфере невысока. Поэтому его контроль осуществлялся на небольшом количестве станций. И лишь в последние годы, когда опасность увеличения содержания озона в тропосфере стала очевидной, сеть пунктов наблюдения во все мире стала стремительно расти.

Материалы и методы

Наблюдения за содержанием приземного озона в г. Улан-Удэ проводятся

с 1998 г. на стационарном посту в здании Института физического материаловедения СО РАН. Согласно Поручению Правительства РФ № ХВ-П9-21167 от 8 декабря 2001 г. об «Организации регулярных наблюдений за содержанием приземного озона в Российской Федерации» было принято решение о включении аккредитованной аналитической лаборатории мониторинга загрязнения атмосферы Бурятского научного центра СО РАН в состав Государственной сети наблюдений (ГСН) Росгидромета для контроля приземного озона в Байкальском регионе. Начиная с 2002 г. по настоящее время в г. Улан-Удэ организованы регулярные наблюдения за содержанием приземного озона в рамках Программы Росгидромета по мониторингу приземного озона на территории РФ в основные климатологические сроки (7, 13, 19 ч. местного времени). Отбор проб осуществляется с использованием тефлоновых трубок на высоте 6 м от поверхности земли. Для измерения концентрации озона, окислов азота используются хемилуминесцентные газоанализаторы 3.02 П1, 3.02 П-А, Р-310, Р-310А фирмы ЗАО «ОПТЭК», г. Санкт-Петербург.

Предел допускаемых значений основной относительной погрешности газоанализатора для диапазона 30–500 мкг/м³ не более 20 % и 6 мкг/м³ в диапазоне 0–30 мкг/м³. Калибровка газоанализаторов осуществляется с помощью калибратора «Mod. 8500 Monitor Labs.». Одновременно проводятся измерения метеопараметров с помощью акустического метеокомплекса АМК-03 [2].

Местоположение пункта наблюдения и высоких источников загрязнений предполагает минимальное воздействие факелов или его полное отсутствие на приземный озон в данном пункте, особенно в летний период. Таким образом, основными факторами, влияющими на изменчивость озона в приземном слое атмосферы, являются низко расположенные источники (автотранспорт) и метеосостояния данного района.

Физико-географические характеристики г. Улан-Удэ

Город Улан-Удэ относится к числу городов, находящихся в неблагоприятной экологической ситуации. Это связано с тем, что город расположен в межгорной котловине, в которой наблюдаются застои воздуха и накопление в нем токсичных примесей от выбросов основных источников загрязнения города (ТЭЦ-1, предприятия стройиндустрии, котельные, автомобильный транспорт).

Улан-Удэ расположен в межгорной впадине (ограничен с севера и с юга двумя хребтами) у слияния двух главных рек – Селенги и Уды. Высотные отметки на территории города изменяются в пределах 500–950 м, относительные превышения главных водоразделов над уровнем воды рек Уды и Селенги составляют 750–790 м. Это преимущественно среднегорная область. Согласно классификации климатов г. Улан-Удэ находится в умеренном климатическом поясе. Здесь преобладают континентальные полярные воздушные массы с преимуществом летом конвективных типов погоды, зимой – радиационного выхолаживания в антициклонах.

Характерной особенностью климата г. Улан-Удэ являются низкие температуры воздуха в зимний период, довольно большие скорости ветра весной, сухость воздуха в теплый период года. Распределение температуры воздуха на территории города в основном зависит от горно-долинной циркуляции воздуха, температурных инверсий и подстилающей поверхности. Температурные различия более выражены при ясной тихой погоде в утренние часы.

Ветровой режим в городе определяется рельефом, типом застройки, наличием водных объектов и т. д. Преобладающими направлениями ветра в зимнее время, по данным метеорологической станции, являются западное и юго-западное. Весной во время схода снежного покрова (апрель) в дневное время за счет

развития конвекции наблюдается усиление ветра и ослабление его в ночные и утренние часы. Преобладающее направление ветра весной и летом северо-западное (повторяемость 40 %).

Город Улан-Удэ отличается большим количеством солнечных дней. По продолжительности солнечного сияния он может быть поставлен в один ряд с городами Крыма, Кавказа, Средней Азии. Здесь солнце светит 2472 ч в году.

Результаты измерений и обсуждение

Исследование турбулентных и метеорологических характеристик атмосферы

В пограничном слое атмосферы четко проявляется влияние подстилающей поверхности на распределение метеорологических элементов. Высота пограничного слоя атмосферы (ВСП) составляет в среднем около 1000 м, но при определенных условиях может изменяться в широких пределах.

Для выявления закономерностей изменения коэффициента турбулентного обмена в атмосфере г. Улан-Удэ проанализированы результаты непрерывных круглосуточных наблюдений метеорологических параметров в течение четырех лет (2005–2008 гг.) с помощью акустического метеоконцентра АМК-02. Для анализа годового и суточного хода коэффициента турбулентного обмена K_h взяты их среднечасовые значения. Годовые амплитуды средних значений коэффициента турбулентного обмена в г. Улан-Удэ изменяются в пределах от 0,03–0,04 м²/с.

При рассмотрении годового хода выявлено, что наибольшие значения коэффициента турбулентного обмена K_h днем приходятся на летнее время. Этот факт объясняется главным образом термической стратификацией: летом днем она неустойчивая и способствует росту K_h . Зимой из-за большой повторяемости слабых ветров величина коэффициента

турбулентного обмена уменьшается до 0,04–0,05 м²/с.

Выявлены характерные особенности суточных изменений коэффициента турбулентного обмена в летнее и зимнее время. Суточные амплитуды для июля и января составили, соответственно, 0,057 и 0,024 м²/с. В утренние и вечерние часы величина коэффициента турбулентного обмена относительно постоянна (0,04–0,06 м²/с). В дополуночные часы становится заметным значительный рост K_h , по-видимому это вызвано развитием термической турбулентности. Наибольшие значения K_h отмечаются в дневные – между 11 и 16 ч, причем чаще в 13 ч. В послеполуночные часы интенсивный турбулентный обмен охватывает большие слои, величина коэффициента турбулентного обмена в летнее время резко возрастает до значений 0,08–0,1 м²/с. Эти данные прежде всего указывают на существенные различия в значениях K_h днем и ночью для летнего и зимнего времени.

На основании полученных экспериментальным путем данных о значениях коэффициента турбулентного обмена была рассчитана высота слоя перемешивания для атмосферы г. Улан-Удэ. Анализ сезонного хода высоты слоя перемешивания (ВСП) показал, что в г. Улан-Удэ отмечаются существенные различия в ее среднемесячных значениях. Летом ВСП в г. Улан-Удэ достигает в среднем 600–900 м, в зимние месяцы ее значения не превышают 600 м. Пределы изменения этой важной метеорологической характеристики следует учитывать при прогнозе загрязнения воздуха.

На основе многолетних (2004–2010 гг.) непрерывных измерений метеорологических величин атмосферы с помощью автономного ультразвукового метеоконцентра проанализирован годовой ход турбулентного потока тепла и ветрового режима в г. Улан-Удэ. Сравнение величин турбулентного потока тепла показало, что основные закономерности их

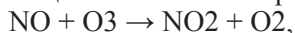
распределения в г. Улан-Удэ сохраняются, но отмечается ежегодное ослабление турбулентного теплообмена поверхности земли с приземным слоем атмосферы в основном в переходные сезоны года, величины годовых амплитуд изменились в пределах от 76 Вт/м² (2005 г.) до 42 Вт/м² (2010 г.), что приводит в конечном счете к дополнительному притоку тепла в условиях глобального потепления климата (рис. 1).

Также выявлено, что за последние 5 лет наблюдается заметное уменьшение повторяемости штилевых ситуаций из года в год и увеличение в 3 раза «опасной» скорости ветра (4–5 м/с), при которой наблюдается наибольшее скопление загрязняющих веществ в атмосфере г. Улан-Удэ.

Временной ход приземного озона

В настоящее время считается общепризнанным, что содержание озона в тропосфере контролируется двумя процессами: притоком из стратосферы и фотохимической генерацией в тропосфере, причем их эффективность в различных широтах, на различных высотах и в различное время суток может значительно различаться [10]. Образованный в верхней стратосфере озон попадает в

нижнюю стратосферу за счет турбулентной диффузии. Считается, что фотохимическое образование озона происходит через сложную систему реакций с обязательным участием оксидов азота (оксида NO и диоксида NO₂); их совокупность обычно обозначают общей формулой NO_x. В этой системе определяющим является цикл из основных реакций:

На рисунке 2 представлен временной ход среднемесячных концентраций озона в г. Улан-Удэ, полученный по данным дневных измерений (средние в 7, 13, 19 ч местного времени) за период с 2000 по 2013 г. Как видно из рисунка, максимальные среднемесячные концентрации озона наблюдаются в весенне-летний период, минимальные – зимой.

В таблице представлена внутригодовая изменчивость концентрации озона по сезонам года. Принято считать, что основной максимум приземного озона должен наблюдаться в весенний период. Однако данные наблюдений концентрации приземного озона, полученные для г. Улан-Удэ, как и для других крупных городов Восточной Сибири [10], показывают, что это наблюдается не всегда. Часто основной максимум наблюдается в

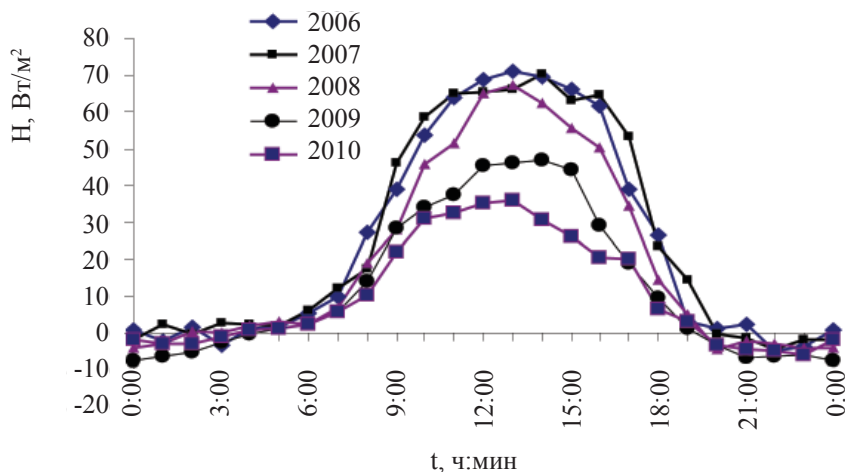

Рис. 1. Годовой ход турбулентного потока тепла в атмосфере г. Улан-Удэ, 2005–2010 гг.

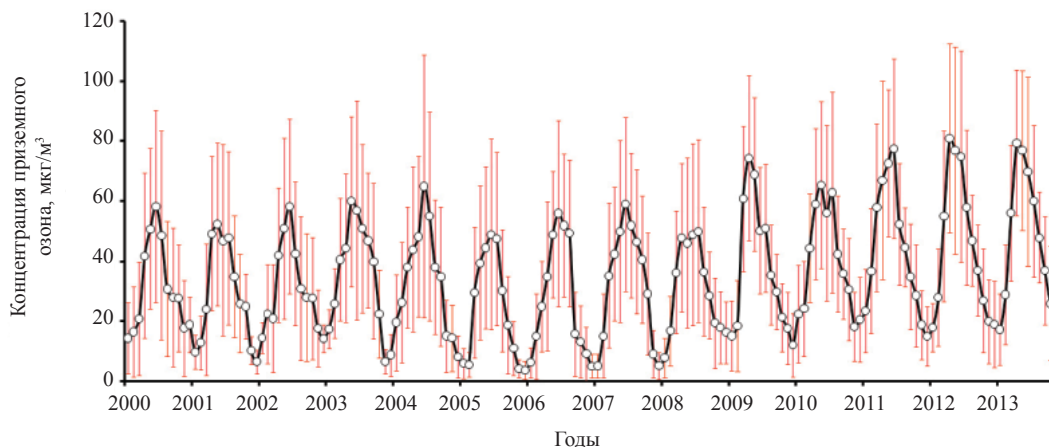

Рис. 2. Временной ход средних месячных приземных концентраций озона в г. Улан-Удэ за период 2000–2013 гг. и их среднеквадратичные вариации

летний период, как, например, в период с 2000 по 2008 г.

Анализ среднегодовых значений концентраций приземного озона за период с 2000 по 2013 г. показал, что в последние годы наблюдается рост среднегодовых концентраций озона, и начиная с 2009 г. среднегодовая концентрация озона уже превышает среднесуточную

концентрацию ПДК (30 мкг/м^3) [1], что свидетельствует об увеличении вклада фотохимических процессов за счет неуклонного роста объемов выбросов автотранспорта.

В осенние и зимние месяцы наблюдаются минимальные концентрации озона с максимумами до 40 мкг/м^3 в послеполуденные часы. Средние максимальные

Таблица

Межгодовая изменчивость концентрации приземного озона в г. Улан-Удэ в различные сезоны года

Год	Концентрация, мкг/м^3			
	зима	весна	лето	осень
2000	16,6	37,9	45,9	24,5
2001	9,7	41,9	43,3	20,4
2002	17,1	38,0	44,0	24,5
2003	19,3	48,3	51,7	23,0
2004	18,0	43,4	52,7	21,5
2005	5,1	37,9	42,3	11,4
2006	8,8	36,3	52,5	12,7
2007	8,5	42,6	52,5	26,3
2008	13,6	43,5	45,2	22,0
2009	15,3	68,1	45,6	23,0
2010	22,4	56,3	53,8	28,3
2011	25,1	65,9	58,3	27,5

концентрации (до 100 мкг/м^3) наблюдаются в апреле-августе в дневные часы (15–18 часов), при этом весной в апреле отчетливо проявляется второй максимум в суточном ходе – ночной максимум (до 80 мкг/м^3). Как известно, второй максимум в ночное время часто наблюдается в атмосфере крупных промышленных центров, какими являются мегаполисы, но значения максимальных концентраций значительно меньше дневных. Для г. Улан-Удэ характерной особенностью являются высокие концентрации ночью, сравнимые с дневными. На рисунке 3 для примера приведены несколько эпизодов, при которых наблюдались высокие концентрации озона в ночные часы, иногда превышающие даже их дневные концентрации. Здесь представлены результаты синхронных измерений концентрации озона, оксида, диоксида азота и основных метеорологических параметров в эти периоды.

Во всех эпизодах отмечается достаточно высокая корреляция с направлением и скоростью ветра, особенно с направлением ветра. Ночные максимумы чаще наблюдаются при переносе воздушных масс с западных и северо-западных направлений за счет стекания воздуха, обогащенного озоном с горных склонов, окружающих город. Анализ диаграммы распределения максимальных концентраций в зависимости от направлений перемещения воздушных масс показал, что направление скорости ветра, при котором наблюдаются максимальные значения концентрации озона в ночные часы, соответствует поступлению воздушных масс с западных и северо-западных направлений с относительно более чистых районов города, где отсутствуют крупные промышленные объекты.

Вторичный ночной максимум озона в суточном ходе обусловлен оседанием воздуха из вышележащих слоев, где происходит основная генерация озона за счет горно-долинной циркуляции в вечерние и ночные часы и развитием

стокового ветра. В работе [9] описаны похожие ситуации, приводящие к высоким ночным концентрациям озона на атмосферных станциях Полярного геофизического института (г. Апатиты, пос. Ловозеро).

Временной ход приземного озона в г. Улан-Удэ характеризуется значительной изменчивостью как внутрисуточной, так и межсуточной. Для примера на рисунке 4 представлен сезонный ход приземного озона по данным утренних, дневных и вечерних измерений за 2012 г.

Как и в других пунктах, наблюдается межсуточная и внутрисуточная изменчивость, особенно весной. Изменчивость концентраций приземного озона находится в сильной связи с изменчивостью метеопараметров, особенно с температурными колебаниями, коэффициент корреляции составляет 0,67 (рис. 5).

Для анализа пространственной изменчивости приземного озона в атмосфере Байкальского региона проведено сравнение их среднечасовых уровней в слабозагрязненных местностях (ст. Боярский, 470 м над у.м.; пос. Горячинск, 465 м над у.м.; пос. Самарта, 2000 м над у.м.) и в г. Улан-Удэ (550 м над у.м.) весной 2013 г. Диапазон изменения содержания озона весной в г. Улан-Удэ составил $29\text{--}71 \text{ мкг/м}^3$ при среднем 54 мкг/м^3 , в пос. Самарта $121\text{--}140 \text{ мкг/м}^3$ при среднем 130 мкг/м^3 , в пос. Горячинск $104\text{--}125 \text{ мкг/м}^3$ при среднем 113 мкг/м^3 , в пос. Боярск $67\text{--}120 \text{ мкг/м}^3$ при среднем 94 мкг/м^3 (рис. 6).

Повышенные значения среднечасовых концентраций приземного озона (в среднем на 75 мкг/м^3 выше, чем в Улан-Удэ) в высокогорном чистом районе (пос. Самарта) связаны в основном с их поступлением из вышележащих слоев атмосферы. Что касается повышенных концентраций озона весной вблизи оз. Байкал, то основная причина заключается в близости лесных массивов, являющихся источниками генерации терпенов и изопренов, и из которых в естественных условиях образуется озон.

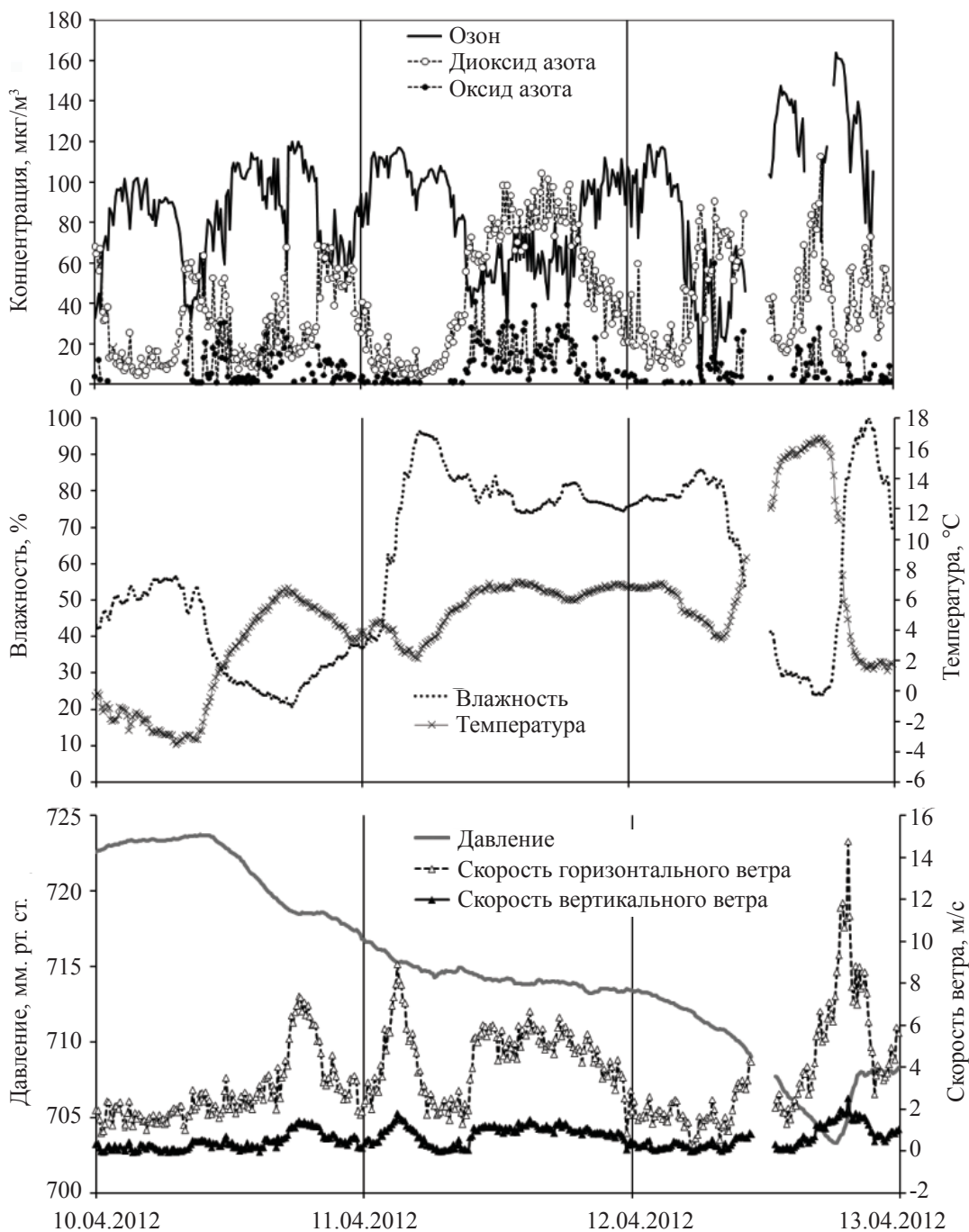

Рис. 3. Временной ход концентраций приземного озона, оксида и диоксида азота, температуры и влажности воздуха, давления, горизонтальной и вертикальной компоненты скорости ветра за период 10–13 апреля 2012 г.

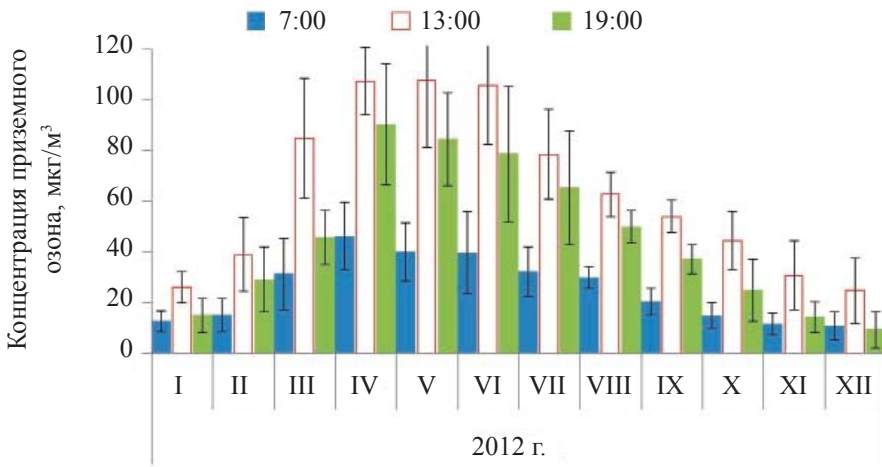

Рис. 4. Сезонная динамика приземного озона в атмосфере г. Улан-Удэ в утренние, дневные и вечерние часы

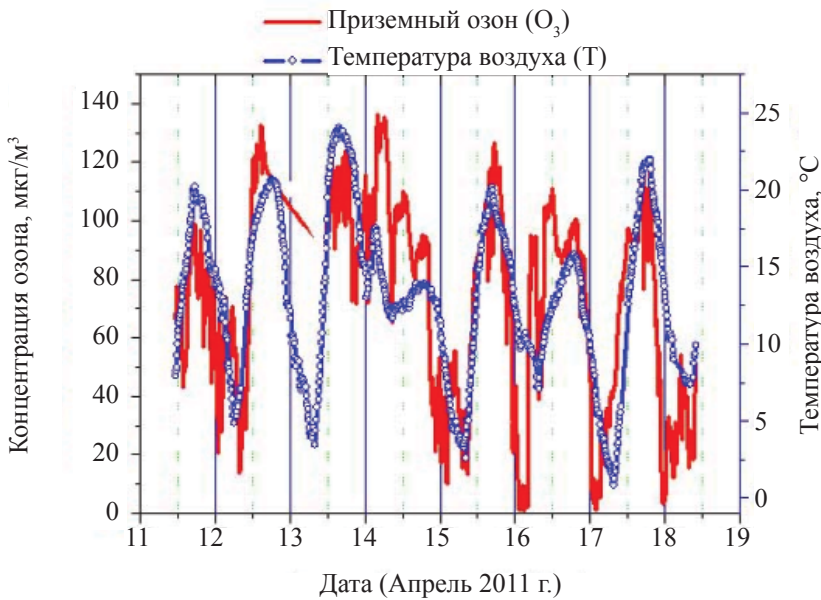

Рис. 5. Временные вариации приземного озона и температуры воздуха (апрель 2011 г., г. Улан-Удэ)

Для всех пунктов наблюдения суточный ход O_3 можно отнести к классическому, т. е. с максимумами в послеполуденные часы и минимумами в утренние (рис. 6). Как правило, весенний

максимум объясняется увеличением потока солнечной радиации, ростом общего содержания стратосферного озона и обменом воздуха между богатой озоном стратосферой и тропосферой, что при-

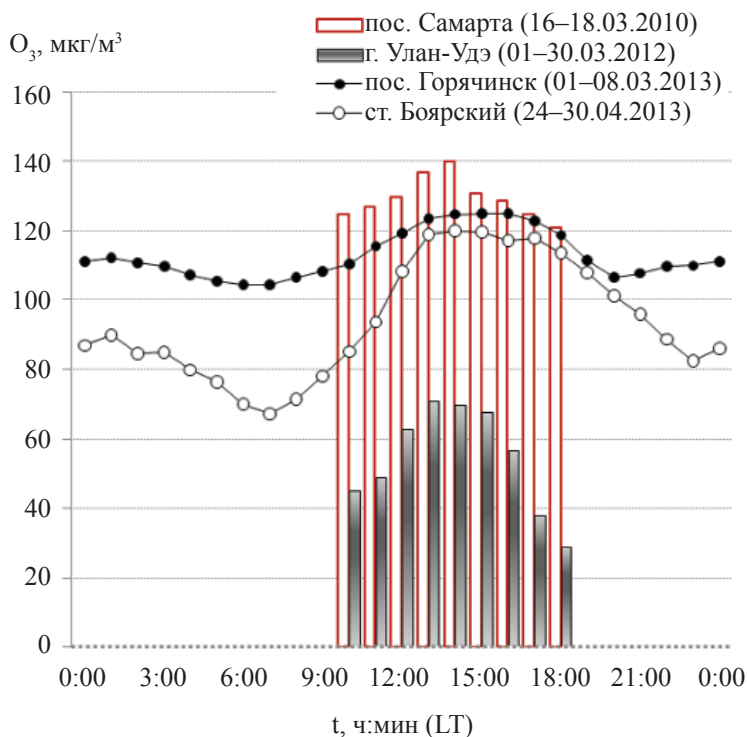

Рис. 6. Суточный ход концентрации приземного озона в атмосфере Байкальского региона

водит к росту концентрации тропосферного озона. Положительная связь максимальных значений концентрации озона и температуры воздуха свидетельствует о фотохимических процессах образования O_3 .

Заключение

1. Результаты многолетних наблюдений в г. Улан-Удэ показали, что в последние годы наблюдается рост среднегодовых концентраций озона, который превышает среднесуточную предельно-допустимую концентрацию (ПДК = 30 мкг/м³) за счет возрастающей доли

выбросов автотранспорта и увеличения вклада фотохимических процессов генерации озона.

2. Изменчивость концентраций приземного озона находится в сильной связи с изменчивостью метеопараметров, особенно с температурными колебаниями, коэффициент корреляции составляет 0,67. Выявлена корреляция приземного озона с направлением и скоростью ветра. Ночные максимумы O_3 чаще наблюдаются при переносе воздушных масс с западных и северо-западных направлений за счет стекания воздуха, обогащенного озоном с горных склонов, окружающих город.

Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН № 4.12, интеграционных проектов СО РАН № 8 и 25, грантов РФФИ № 12-05-98055-р_Сибирь_а, № 13-05-92219-Монг_а.

Источники и литература

1. ГН 2.1.6.1338–03. Гигиенические нормативы. Предельно-допустимые концентрации (ПДК) вредных веществ в атмосферном воздухе населенных мест.
2. *Азбукин А., Богусевич А. Я., Ильический В. С., Корольков В. А., Тихомиров А. А., Шевелева В. Д.* Автоматизированный ультразвуковой метеорологический комплекс АМК-03 // Метеорология и гидрология. – 2006. – № 11. – С. 89–97.
3. *Белан Б. Д., Складнева Т. К., Толмачев Г. Н.* Результаты 10-летнего мониторинга приземной концентрации озона в районе Томска // Оптика атмосферы и океана. – 2000. – Т. 13. – № 9. – С. 826–832.
4. *Белан Б. Д.* Тропосферный озон. Содержание озона в тропосфере. Механизмы и факторы, его определяющие // Оптика атмосферы и океана. – 2008. – Т. 21. – № 7. – С. 600–618.
5. *Демин В. И., Белоглазов М. И.* О влиянии местных циркуляционных процессов на динамику приземного озона // Оптика атмосферы и океана. – 2004. – Т. 17. – № 4. – С. 331–333.
6. *Исидоров В. А.* Экологическая химия. – СПб.: Химиздат, 2001.
7. *Кароль И. Л., Розанов В. В., Тимофеев Ю. М.* Газовые примеси в атмосфере. – Л.: Гидрометеиздат, 1983.
8. МГЭИК. Четвертый доклад об оценке Межправительственной группы экспертов по изменению климата. Обобщающий доклад: МГЭИК. – Женева; Швейцария, 2007. – 104 с.
9. *Ровинский Ф. Я., Егоров В. И.* Озон, окислы азота и сера в нижней тропосфере. – Л.: Гидрометеиздат, 1986.
10. *Azzaya D, Oyunchimeg D, Enkhbat E, Zhamsueva G. S., Zayakhanov A. S., Tsydypov V. V., Balzhanov T. S., Starikov A. V.* Trace gases behavior in East Gobi atmosphere of Mongolia // The EANET Science Bulletin. – 2013. – Vol. 3. – P. 175–183.
11. WMO, 1999. World Meteorological Organization, Scientific Assessment of Ozone Depletion: 1998, in Global Ozone Research and Monitoring project Report, Rep.44, Geneva.

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

PUBLICATION OF DOCUMENTS

Редакция журнала открывает постоянную рубрику «Первая мировая война в документах Государственного архива Республики Бурятия», которую будут вести директор ГАРБ Б. Ц. Жалсанова и сотрудник архива – Л. Ш. Чимитдоржиева.

Долгие годы история Первой мировой войны не находила отражения в исторических исследованиях, поэтому неудивительно, что ее называют забытой войной. 100-летие начала Первой мировой войны, которое отмечается в этом году, обусловило повышение интереса к ее истории, расширение направлений рассматриваемых вопросов от международной обстановки и военных действий до повседневных проблем населения Российской империи, в т. ч. и бурят, проживавших в Забайкальской области и Иркутской губернии.

Подобные исследования требуют введения в научный оборот архивных документов, в частности Государственного архива Республики Бурятия, которые остаются практически неизученными. К ним относятся документы фонда Гусиноозерского (Тамчинского) дацана, одного из старейших дацанов Восточной Сибири, ставшего под руководством Пандито Хамбо ламы Даши-Доржи Итигэлова [4; 5] центром благотворительной деятельности бурятских сообществ во время Первой мировой войны [2; 3]. Надо отметить, что Даши-Доржи Итигэлов (1852–1927) является выдающимся бурятским общественным и религиозным деятелем (Пандито Хамбо лама ламайского духовенства Восточной Сибири в 1911–1917 гг.). Годы правления Даши-Доржи Итигэлова совпали с бурными событиями в истории Российского государства, оказавшими огромное влияние на весь последующий ход истории. Прежде всего, это годы Первой мировой войны, в которой Россия становится активным участником, а затем и революционные события.

Буряты, как инородческое население, по Уставу об управлении инородцев 1822 г. были освобождены от воинской повинности, однако они не остались в стороне от тягот войны. Участие бурят выразалось в благотворительной деятельности по сбору пожертвований для оказания помощи пострадавшим во время войны.

С началом Первой мировой войны различные общественные организации активизировали свою деятельность по сбору пожертвований для нужд войны. Уже в августе-сентябре 1914 г. усилиями Пандито Хамбо ламы Даши-Доржи Итигэлова был создан Особый комитет по сбору пожертвований забайкальских бурят, в котором аккумулировались все собранные пожертвования. В Иркутской губернии бурятские общества также начали активную работу по сбору пожертвований, однако в отличие от забайкальских бурят у них не было единого центра. С течением времени у многих лидеров бурятских обществ возникло понимание необходимости объединения пожертвований в целях их более рационального использования. Таким объединяющим центром становится Общебурятский комитет по сбору пожертвований Забайкальской области и Иркутской губернии, образованный на съезде, проходившем в г. Верхнеудинске 2–3 марта 1915 г.

Предлагаемые вниманию читателей документы Государственного архива Республики Бурятия связаны с деятельностью Пандито Хамбо ламы Даши-Доржи Итигэлова по созданию Общебурятского комитета для оказания помощи жертвам войны и оказания помощи нуждам семейств воинов, впервые объединившего бурят, проживавших в двух разных административных регионах – Забайкальской области и Иркутской губернии.

Консолидация бурят в рамках Общебурятского комитета стала результатом огромной работы как самого Пандито Хамбо ламы, так и видных лидеров бурятских сообществ. Все представленные документы – это деловая и личная переписка Даши-Доржи Итигэлова с Намдаком Дылыковым, Галданом Меженовым, Аюшой Тугултуровым, Сократом Пирожковым, Василием Холодовым, Николаем Ханхасаевым, основным лейтмотивом которых является идея объединения бурят Забайкальской области и Иркутской губернии в интересах Российского государства «для решения общебурятской задачи, целью которой является исключи-

тельно выполнение гражданственного и нравственного нашего долга перед отечеством в это трудное время исторического события» [1].

Документы публикуются по правилам современной орфографии с сохранением их стилистических особенностей.

Литература

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 84, оп. 1, д. 458, л. 116–116об.
2. Жалсанова Б. Ц. О воинской повинности бурят в XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 4. – С. 7–11.
3. Жалсанова Б. Ц. Деятельность Тамчинского дацана в годы Первой мировой войны // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. – С. 340–346.
4. Цыденов Ц.-Д., Бальжиев Б. Даша-Доржо Итигелов (1852–1927), бандида-хамба лама // Выдающиеся бурятские деятели / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Т. М. Михайлов. Т. 2. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2010. – С. 49–50.
5. Чимитдоржин Д. Г. Пандито Хамбо ламы (1764–2010). – Улан-Удэ, 2010. – С. 99–113.

УДК 94 (571.54)

Б. Ц. Жалсанова, Л. Ш. Чимитдоржиева

«... МЫ ПРЕДПОЛАГАЛИ СОЗДАТЬ НА ПЕРВОЕ ВРЕМЯ
ХОТЬ ВРЕМЕННЫЙ ОРГАН ОБЪЕДИНЕНИЯ РАЗРОЗНЕННЫХ
ЧАСТЕЙ БУРЯТСКОГО НАРОДА ...»

(документы о создании общепурятского комитета
по сбору пожертвований в годы Первой мировой войны)

B. Ts. Zhalsanova, L. Sh. Chimitdorjjeva

“...WE SUPPOSED TO CREATE AT THE FIRST AT LEAST
A TEMPORARY AUTHORITY TO UNIFY THE FRAGMENTED
PARTS OF THE BURYAT PEOPLE...”

(Documents on the Creation of the All-Buryat Committee
to Gather Donations During the First World War)

№ 1

Письмо членов Особого комитета по
сбору пожертвований Цугольской ино-
родческой волости Пандито Хамбо ламе
Даши-Доржи Итигэлову о необходимости
организации Общепурятского комитета

13 декабря 1914 г.

пос. Баин-Хото

Господину председателю Особого
комитета для сбора пожертвований на
нужды войны Бандида Хамбо ламе Ити-
гэлову

Членов Особого комитета по сбо-
ру пожертвований Цугольской инород-
ческой волости Намдака Дылыкова [П],
Галдана Меженова, Аюши Тугултурова
Докладная записка

Ознакомившись с содержанием Ва-
шего постановления от 3-го сего дека-
бря за № 800, а также с приложенным к
нему списком членов Особого комитета
для сбора пожертвований на нужды, мы
впали в полное недоумение по поводу

невнесения в постановление об организации Особого комитета участия бурят Иркутской губернии, и тогда как в приговоре соединенного схода Агинской, Цугольской и Хори-Бурятской волостей, состоявшемся в Вашем присутствии 13-го октября с.г., была выражена просьба к Вам обратиться к представителям бурят Иркутской губернии для привлечения их к содержанию общего лазарета имени всего бурятского народа [III]. Из постановления Вашего не видно, что было сделано Вами по указанному пункту указанного приговора. Упущение идеи единства бурятского народа и разграничение между «нашими» и «вашими», нам кажется, должно отразиться неблагоприятно на выполнении нашей общебурятской задачи, целью которой является исключительно выполнение гражданского и нравственного нашего долга перед отечеством в это трудное время исторического события.

Заявляя об изложенном, мы осмеливаемся уверить Вас, что настоящее наше заявление сделано нами в сознании нашего положения в организуемом Комитете, как членов представителей от населения Цугольской инородческой волости, а не продиктовано какими-либо личными целями.

Кроме того, упомянутый Особый комитет может сыграть очень крупную роль в будущем. Мы предполагали создать на первое время хоть временный орган объединения разрознен[ных] частей бурятского народа. После войны могут наступить крупные общественные события, когда буряты будут нуждаться в таком объединяющем органе. Поэтому наше мнение таково, чтобы Комитет существовал и сохранил свою жизнедеятельность не только до окончания войны, но и до полной ликвидации всех последствий войны.

В ожидании благоприятных с Вашей стороны распоряжений прибываем к Вашему благословию.

Члены Комитета: Н. Дылыков Г. Меженов А. Тугултуров
ГАРБ. Ф. 84, оп. 1, д. 458, л. 116–116об., 117.
Машинопись. Подлинник.

№ 2

Письмо Галдана Меженова Пандито Хамбо ламе Даши-Доржи Итигэлову о привлечении к работе Комитета по сбору пожертвований видных представителей бурятского населения Иркутской губернии

8 января 1915 г.

Многоуважаемый Даши-Дондуп*
Итигэлович!

Настоящим имею честь почтительнейше донести вашему Высокопреподобию, что 2 января сего года при составлении списка представителей из среды бурят Иркутской губернии, намечаемых включить в особый комитет под вашим председательством для сбора пожертвований среди духовенства и инородческого населения названной губернии на нужды войны, случайно весьма желательные лица были пропущены в числе 5 представителей, которые могут оказать на население видное нравственное влияние и разъяснить народу суть и важность переживаемого отечеством исторического момента.

О чем донося, покорнейше прошу Вас дополнить список ими:

Петр Николаевич Матханов, Василий Алексеев и Бадма Маженов – адреса: Черемхово Иркут[ской] губ[ернии] Ныгдинская волость;

Анатолий Иванович Очиров и Александр Очиров – адрес: Черемхово Ирк[утской] губ[ернии] Куйтинская волость.

ЖАЛСАНОВА Бутит Цыдыпмункуевна – доктор исторических наук, директор Государственного архива Республики Бурятия. E-mail: butit62mail.ru.

ЧИМИТДОРЖИЕВА Лариса Шираповна – кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела использования и публикации документов Государственного архива Республики Бурятия. E-mail: butit62mail.ru.

* Так в тексте.

С пожеланиями Вам доброго здоровья Ваш покорный слуга Г. Меженов.

ГАРБ. Ф. 84, оп. 1, д. 458, л. 119–119об., 125.

Рукопись. Подлинник.

№ 3

Письмо Николая Ханхасаева [Ш] Пандито Хамбо ламе Даши-Доржи Итигэлову о возможностях присоединения иркутских бурят к работе Комитета по сбору пожертвований забайкальских бурят

21 января 1915 г.

Достопочтеннейший Хамбо Даши-Доржи Итэгэлович!

Почтенное письмо Ваше имел удовольствие получить, за что приношу мою глубокую благодарность. Относительно присоединения иркутских бурят к работам Забайкальского комитета едва ли осуществимо, т. к. везде здесь учреждены среди бурят комитеты под руководством губернатора, куда ежемесячно отсылают отчетности, комитеты эти собирают пожертвования среди бурятского населения и обслуживают, т. е. помощь дают семьям запасных соседних русских волостей, территории каждого комитета распределены. Жаль, конечно, что иркутские буряты не сгруппировались сразу, как у Вас.

Много денег бурятских уплыло по разным комитетам без имени бурят. Это видно из того, что Курумчинское общество, где живу я, собрало пожертвований вещами, деньгами и проч[ими] более 2000 рублей, это лишь с 378 могуш[их] душ. Теперь сгруппироваться и собрать в одно место как у Вас, по-моему, поздно, да и некому стать во главе этого дела, т[ак] к[ак] здешние буряты не солидарны, как у Вас. Были попытки и призывы путем печати Пирожкова и Богданова, но остались таковые без внимания, никто, кажесь, не откликнулся на эти печатные объявления.

Недавно Курумчинское и Кудинское общества ассигновали средства на Бурятский лазарет [в] Петрограде, первый 200 рублей, второй 500 рублей.

Предполагаю, если разрешите Вы, обратиться* на основании полученного от Вас письменного приглашения участвовать совместно с забайкальцами на содержание бурятских лазаретов во все волостные правления Иркутской губернии.

Даже лучше было бы Вам письменно сделать** предложения от себя обсудить на общественных сходах бурят. По-моему, это самый лучший способ, полагаю, что здешние откликнутся с радостью присоединиться с Вами. Прошу принять сердечный привет, также шлю таковой Бадме Тубуддоржиеву [IV].

В[аш] п[окорный] слуга Н. Ханхасаев.

В обращении волостных правлений указать на примере Курумчинских и Кудинских бурят, уже ассигновавших пожертвований на Бурятский Петроградский лазарет, ввиду этого остальные не останутся, постараются ассигновать, кто сколько может.

Если, конечно, будет от Вас приглашение, но предположения эти расходятся с моим первоначальным мнением, но полагаю попытаться и употребить последние средства всегда не поздно, но больших пожертвований трудно ожидать, т[ак] к[ак] истощились запасы.

ГАРБ. Ф. 84, оп. 1, д. 458, л. 113–113об.,

114–114об., 115.

Рукопись. Подлинник.

№ 4

Письмо Василия Холодова [V] Пандито Хамбо ламе Даши-Доржи Итигэлову о готовности принять участие в работе Комитета по сбору пожертвований и с приложением списка влиятельных бурят для участия в предстоящем съезде

5 февраля 1915 г.

Ваше Преосвященство!

По прибытии из Верхнеудинска со съезда я не замедлил по силе возможности сообщить своим знакомым о резуль-

* В скобках слово «от».

** В скобки взято слово «то».

татах съезда и о тех решениях и пожеланиях, какие приняты съездом.

Буряты наши, с которыми приходилось мне беседовать о цели и задачах бывшего съезда, очень сочувственно отнеслись к общебурятскому начинанию помощи в военной нужде, причем большинство высказывает сожаление, что, благодаря отсутствию организационного комитета, наши общественные деятели не были извещены заблаговременно о бывшем съезде, а потому не было возможности заблаговременно сговориться между собой и устроить съезд иркутских бурят, на каковом съезде и возможно было бы выбрать с известными полномочиями делегатов на общероссийский съезд. Далее, ввиду сравнительно короткого срока к 1 марта другого съезда едва ли возможна общая согласованность действий и решений иркутских бурят, несмотря на все их доброе сочувствие и благие намерения об организации общебурятского дела устройства лазарета. А потому вполне возможно, что на будущем съезде некоторые части бурятского населения Иркутской губернии не будут представлены. Но это, конечно, не может отразиться на общем бурятском деле, так как не в далеком будущем объединенная работа всех бурят области и губернии дело уже решенное и вопрос только во времени.

О вышеизложенном и имею честь почтительнейше донести Вашему Пресвященству.

1915 года февраля 5 дня.

В[аш] п[окорный] с[луга] В. Холодов.

При сем прилагаю адреса лиц.

Адреса лиц, которых следовало приглашать на будущий съезд:

Ст. Ользоны Ирк[утской]

1. Бодонсой Бурзалов

2. Яртага Яртаханов

3. Исаак Ертагаевич

4. Олой Заматкин – ст. Баяндай Ирк[утской] г[убернии]

5. Андрей Александров – ст. Хогот Ирк[утской] г[убернии]

6. Михаил Иван[ович] Бичиханов – с. Манзурка

7. Михаил Бороевич – тоже

8. Михаил Мих[айлович] Барбаев – Усть-Орда

9. Андрей М[ихайлович] Михайлов – тоже

10. Александр Павлович – Оек – через Капсал

11. Григорий Прокопьевич Атанов – Залари

12. Сократ Александрович Пирожков – Верхнеострожское

13. Григорий Иванович Трубачеев – Черемхово

14. Иван Анатольевич Очиров – тоже

15. Андрей Тимофеевич Трубачеев – тоже

16. Петр Павлович Баторов – тоже
Ст. Усть-Орда Ирк[утской] в Ординском волостном правлении

17. Михаил Степанов

18. Архип Михеев

19. Андрей Елбоев

Ст. Усть-Орда Хандагайское волостное правление

20. Петр Богомоев

21. Алексей Максанов

22. Белбан Бертагаев*

24. Байдай Магатаков

ГАРБ. Ф. 84, оп. 1, д. 458, л. 161–161об.,

162–162об., 164.

Рукопись. Подлинник.

№ 5

Письмо Сократа Александровича Пирожкова [VI] Пандито Хамбо ламе Даши-Доржи Итигэлову о своей готовности принять участие в работе предстоящего съезда бурят по организации Бурятского лазарета

*8 февраля 1914 г.
ул. Бохан*

Ваше Пресвященство.

Узнав из газет о том, что под Вашим председательством состоялся в В[ерхне] удинске съезд по организации Бурятского лазарета [VII], я очень пожалел, что

* Зачеркнуто «23. Петр Богомоев».

достоверно не знал ни о времени, ни о месте съезда.

На днях я прочитал, что первого марта будет второй съезд [VIII], то сим убедительно прошу Вас сообщить мне, где будет созван Вами съезд и в какое время? Разрешите ли Вы присутствовать на этом съезде? Ведь сначала писали, что съезд первый будет в Чите, и вдруг читаем, что в В[ерхне]удинске...

Если Вами намечена программа занятий, то благоволите прислать.

Убедительно прошу Вас подробно мне сообщить.

Призывая на себя благословение и молитвы Ваши, прошу принять уверение в совершенном моем почтении и глубокой преданности.

Сократ Пирожков.

ГАРБ. Ф. 84, оп. 1, д. 458, л. 159–159об.

Рукопись. Подлинник.

№ 6

Письмо Пандито Хамбо ламы Даши-Доржи Итигэлова Сократу Александровичу Пирожкову с приглашением на съезд в Верхнеудинске

15 февраля 1914 г.

Гусиноозерский дацан, № 28

Многоуважаемый Сократ Александрович!

В ответ на письмо Ваше от 6/II спешу сообщить, что о результате Верхнеудинского совещания Бурятского к[омите]та и о приглашении Вас на предстоящем 1-го марта в В[е]рх[неу]д[ин]ске совещании к[омите]та мною сообщено сего февраля, которое, наверно, Вы уже получили. Верхнеудинское совещание Комитета носит экстренный случайный характер, куда я поехал, пользуясь случаем ярмарки повидаться с попутно приехавшими членами для выяснения положения. [...] временно известить и пригласить всех

членов не имел ни времени, ни возможности. При том я колебался в возможности приглашения для совместной работы северо-байкальских бурят ввиду односторонности утверждения Комитета за байкальским губернатором без отношения к Иркутской губернии. Посланный для разъяснения этого вопроса в Иркутск член К[омите]та Бимбаев [IX]* выяснили, что для участия** бурят Иркутской губернии все же нужно разрешение местного губернатора и утверждение генерал-губернатора, почему я уже вошел по этому вопросу с представлением главному начальнику, но пока еще не имею ответа. По обещаниям, препятствий не должно быть, и думаю, на днях получу удовлетворительный ответ.

Весьма желательно Ваше присутствие и др[угих] на съезде 1-го марта в В[е]рх[неу]д[ин]ске, потрудитесь привлечь побольше пожертвований в Алари и др[угих] районах. Слышал, что в Иркутске состоялось совещание Ваших бурят о пожертвовании на совместную с нами организацию передового врачебного санитарного отряда «общепурятского» имени, а также на поддержание бурятского лазарета, по примеру нашему по 50 коп. с души. Это обстоятельство нас весьма радует, и от души желаю полного успеха в дружном единении с нами. По случаю отдаленности местожительства и неизвестности адреса переписка не поддерживалась, отныне желательно частое общение и обмен мыслей.

Призывая на Ваше Божье благословение, шлю вам привет и лучшие пожелания.

Бандито Хамбо

Адрес: Верхнеострожное почтовое отделение, улус Бо-Хан.

ГАРБ. Ф. 84, оп. 1, д. 458, л. 160–160об.

Рукопись. Черновик.

* Зачеркнуто «имел по».

** Зачеркнуто «иркут».

Примечания

I. Намдак Дылыков – видный бурятский общественный деятель XIX – начала XX в., выходец из агинских бурят. В 1877 г. окончил Нерчинское уездное училище. В 1878–1880 гг. служил переводчиком в Читинском окружном полицейском управлении, в 1880–1884 гг. – учителем в Агинском приходском училище. В 1884 г. был избран выборным Быркецугольской инородной управы, в 1891 г. – заседателем Агинской Степной думы. После проведения волостной реформы в 1904 г. был назначен волостным старшиной Цугольской волости. Награждался серебряной медалью для ношения на шее на Станиславской ленте. Был женат на Бальжиге Дармаевой, имел сына Базар-Садо 1887 г.р. В годы Первой мировой войны становится активным участником Общебурятского комитета по сбору пожертвований. В годы революций и гражданской войны – активный участник общественно-политических событий (ГАРБ. Ф. 129, оп. 1, д. 2969, л. 22–22об.).

II. Речь идет о Петроградском Бурятском лазарете, открытом в Петрограде и размещавшемся в Старой деревне в доме Буддийского храма. Лазарет полностью находился в ведении и на содержании Общебурятского общества и лично Д.-Д. Итигэлова, был рассчитан на 30 коек. Старшим врачом был назначен Ю.Д. Талько-Гринцевич, врач, в течение 10 лет (в 1898–1908 гг.) работавший окружным врачом в г. Троицкосавске, известный краевед, один из инициаторов создания Кяхтинского краеведческого музея; врачом также работал один из первых бурятских врачей Лыксок Жабэ. Письмоводителем в лазарете работала М.М. Сахьянова, хозяйственной и денежной частью заведовал П. Эрдынеев, после него уполномоченный Общебурятского комитета И. Н. Инкижинов. Только за период с ноября 1915 по июль 1916 г. в лазарете на лечении находились 113 воинов: 49 раненых, 7 контуженных, 57 больных (Жалсанова Б. Ц. Деятельность Тамчинского дацана в годы Первой мировой войны // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. – С. 340–346).

III. Николай Ханхасаев – видный бурятский общественный деятель начала XX в., выходец из курумчинских бурят. В годы Первой мировой войны становится активным членом Общебурятского комитета по сбору пожертвований, представителем бурятских обществ в Петроградском бурятском лазарете.

IV. Речь идет о Бадме Тубуддоржиеве, личном секретаре Пандито Хамбо ламы Даши-Доржи Итигэлова.

V. Василий Холодов – видный бурятский общественный деятель конца XIX – начала XX в., выходец из кудинских бурят. Известен как голова Кудинской инородной управы в 1896–1899 гг. (ГАРБ. Ф. 13, оп. 1, д. 171, л. 10). Автор проекта улучшения жизни бурят, преследующий ограничение пьянства на свадьбах, отмену некоторых свадебных обычаев и религиозных обрядов шаманства, которые вредно отражаются на экономическом положении бурят. Проект состоял из 33 статей, с объяснением бурятских обычаев (Жалсанова Б. Ц. История формирования и развития органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. – Иркутск: Оттиск, 2012. – 364 с.).

VI. Сергей Александрович Пирожков – видный бурятский общественный деятель конца XIX – начала XX в., выходец из боханских бурят. Гласный Иркутской городской думы в 1906–1913 гг. В 1879 г. окончил губернскую классическую гимназию. В 1883–1907 гг. – почетный блюститель Идинского инородческого приходского училища. В 1885–1908 гг. – староста Боханской миссионерской Пророко-Илинской церкви. В 1887–1905 гг. – голова Боханского инородческого ведомства.

Был награжден серебряной медалью «за усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте, орденом Св. Анны 3-й ст., Св. Станислава 2-й ст., серебряной наградой в честь коронации императора Николая II. Неоднократно объявлялась благодарность губернатора.

Жена – крестьянка Ксения, урожденная Данилова. Сын Платон, дочь Тамара (ГАИО. Ф. 70, оп. 3, д. 3448, л. 87–93). Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/pirozhkov_sokrat_aleksandrovich.

VII. Речь идет о съезде забайкальских бурят, прошедшем в январе 1915 г. в г. Верхнеудинске, на котором было принято решение о привлечении бурят Иркутской губернии к работе Комитета по сбору пожертвований. На съезде было решено собирать с каждой наличной мужской души по 50 коп. пожертвований для организации лазарета, санитарного поезда и т. д. (ГАРБ. Ф. 84, оп. 1, д. 458, л. 138–142об.).

VIII. На съезде (январь 1915 г.) было решено созвать 1 марта 1915 г. очередной съезд с приглашением бурят Иркутской губернии (ГАРБ. Ф. 84, оп. 1, д. 458, л. 138–142об.).

XIX. Речь идет о Раднажабе Бимбаеве (1874–1921), видном бурятском общественном деятеле, ученом, переводчике, знавшем, кроме бурятского, монгольского и русского языков, китайский, маньчжурский, английский и немецкий, авторе-составителе русско-монгольских словарей, выходец из кяхтинских бурят. В годы Первой мировой войны, работая старшим переводчиком в Кяхтинском пограничном комиссариате, становится активным членом Общебурятского комитета по сбору пожертвований (Чимитдоржиев Ш. Б. Выдающиеся бурятские деятели. Т. 1. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2009. – С. 61–63).

УДК 84'374

И. А. Дамбуев

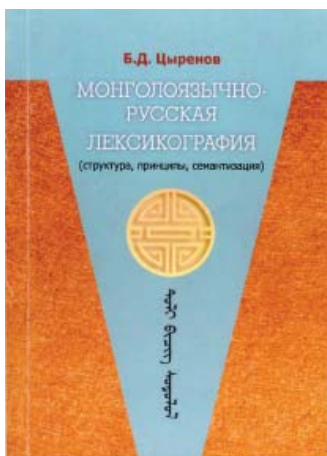
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МОНГОЛЪЯЗЫЧНО-РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Рецензия на монографию Б. Д. Цыренова «Монголоязычно-русская лексикография (структура, принципы, семантизация)». – Улан-Удэ: Бэлиг, 2013. – 208 с.

I. A. Dambuev

ACTUAL PROBLEMS
OF THE MONGOLIAN-RUSSIAN LEXICOGRAPHY

A Review of a Monograph by B. D. Tsyrenov “Mongolojazychno-russkaja leksikografija (struktura, principy, semantizacija)” [The Mongolian-Russian Lexicography: Structure, Principles, Semantization]. – Ulan-Ude: Belig, 2013. – 208 p.

В 2013 г. была опубликована монография Б. Д. Цыренова «Монголоязычно-русская лексикография (структура, принципы, семантизация)». Это первое российское исследование, посвященное теории и практике составления монголоязычно-русских словарей: монгольско-русских, калмыцко-русских и бурятско-русских. При этом следует отметить, что в работе значительное внимание уделено бурятской лексикографии как одной из важных составных частей общей монгольской лексикографии.

Актуальность темы исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, отсутствие обобщающих работ по теории монголоязычной лексикографии в России при сложившихся здесь традициях и особенностях составления двуязычных словарей не может способствовать дальнейшему развитию теории и практики монголоязычно-русской лексикографии в современных условиях компьютеризации лексикографической деятельности. Во-вторых, широта охвата словарей и их системный анализ позволяют добиться адекватных результатов исследования, закрывающих еще одно белое пятно в изучении лексикографического достояния народов России. В-третьих, подробное исследование широкого спектра проблем макроструктуры и микроструктуры словарей выводит автора на ряд лексикографических решений, способных усовершенствовать существующие словари.

Все множество обсуждаемых в исследовании проблем можно разделить на вопросы макроструктуры и микроструктуры монголоязычно-русских словарей. Им предшествует исторический очерк развития монгольской лексикографии, где особое внимание уделяется бурят-

ской лексикографии, а также глава, раскрывающая основные понятия теории лексикографии, что заметно облегчает понимание излагаемых в монографии проблем читателю, не сталкивавшемуся с теорией и практикой составления двуязычных словарей.

В историческом обзоре зарождения и становления монгольской лексикографии, основанном на современных работах монгольских и китайских исследователей, автор дает периодизацию развития монгольской лексикографии и типологию лексикографических произведений. Характеристика бурятской лексикографии охватывает словари с XVIII по XXI в. Автор делает обзор всех словарей и намечает перспективные направления развития бурятской лексикографии.

Методологической базой исследования является отечественная лексикографическая традиция со своим понятийным аппаратом, типологией словарей, методами составления словарей, учением об элементах словаря и т. д., что наглядно отражается в используемой автором теоретической литературе по теме и структуре монографии.

Несомненной заслугой автора является тщательный и скрупулезный анализ как макроструктуры, так и микроструктуры монголоязычно-русских словарей. Автор рассматривает широкий спектр проблем формирования словника двуязычных словарей, структуру словарных статей, типы информации о заглавном слове в сопоставительном плане, выделяя общие черты и специфические особенности, присущие анализируемым словарям. Автор указывает на такие сложные вопросы современного монгольского языкознания, как проблемы разграничения свободного словосочетания и сложного слова, полисемии и омонимии, конверсии и позиционного употребления лексем, которые требуют лексикографического решения.

Автор отмечает высокий уровень развития монголоязычно-русской лекси-

кографии, качество изданных словарей. В то же время, принимая во внимание то, что любой двуязычный словарь является не только воплощением словарной лексикологии, рассматривающей под лексикографическим углом зрения фонетические, морфологические, семантические, словообразовательные, сочетаемостные и другие свойства лексических единиц, но и коммерческим продуктом, призванным удовлетворять вполне конкретные потребности людей, необходимо, на наш взгляд, проанализировать и социологический аспект проблемы. Изначально ограничив себя лингвистическим анализом академических словарей, автор, вероятно, умышленно оставляет вне поля зрения так называемые коммерческие словари, предназначенные для разных категорий людей и разных условий использования. В результате не получает должного внимания такая лексикографическая проблема, как зависимость макро- и микроструктуры словаря от его типа, объема и назначения. Например, структура двуязычного словаря может заметно отличаться от того, является ли он «однонаправленным» или «двунаправленным», «кодирующим» или «декодирующим», для одного языкового сообщества или для двух языковых сообществ, для школьников или для специалистов, карманным или стандартным. Изучение антропоцентрических параметров двуязычных словарей требует полноценных маркетинговых исследований. Изучение языковой ситуации в регионах с монголоязычным населением (что не входило в задачи монографии), на наш взгляд, украсило бы ее.

Монография Б. Д. Цыренова представляет собой серьезное исследование важной и сложной проблемы и вносит значительный вклад в монгольское языкознание. Она непременно станет отправной точкой в дальнейшем изучении вопросов монголоязычной лексикографии, и в этом плане весьма своевременна.

УДК 342.55(57.2)(091)

В. Н. Казарин

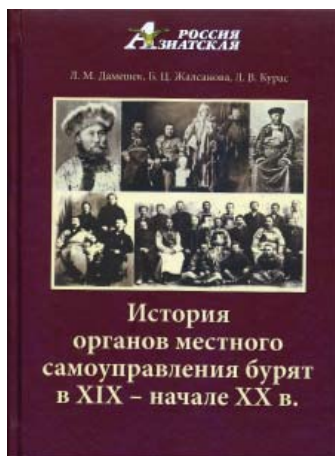
**МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ БУРЯТ
В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ**

Рецензия на монографию Л. М. Дамешека, Б. Ц. Жалсановой, Л. В. Кураса «История органов местного самоуправления бурят в XIX – начало XX в.» / отв. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: изд-во ИГУ, 2013. – 503 с.

V. N. Kazarin

**LOCAL ADMINISTRATION OF BURYATS
IN IMPERIAL RUSSIA: A CONTEMPORARY INTERPRETATION**

A Review of a Monograph by L. M. Dameshek, B. Ts. Zhalsanova, L. V. Kuras “Istoriya organov mestnogo samoupravleniya Buryat v 19 – nachale 20 v.” / отв. red. B. V. Bazarov. – Irkutsk: IGU Press, 2013. – 503 p.

Современная отечественная историческая наука обогатилась новейшим исследованием, посвященным проблеме местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Следует отметить, что в целом указанная проблема ранее не являлась предметом специального изучения в различные периоды развития общероссийской и региональной историографии, но, так или иначе, рассматривалась в контексте иных, подчас очень близких проблем. Все это позволило ав-

торам монографии, имеющим значительные труды по вопросам управления края и его реформирования, окраинной политики имперского правительства, истории становления и развития органов самоуправления бурят, по этноконфессиональным аспектам, общественному движению в Сибири на протяжении исторически длительного и значимого периода, профессионально подойти к изучению заявленной темы.

Авторы рецензируемой работы не нуждаются в специальном представлении. Они хорошо известны в профессиональных кругах. Без знания их трудов невозможно понимать и осмысливать базовые проблемы истории Сибири как составной неотъемлемой части Российского государства. Лев Михайлович Дамешек – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Республики Бурятия и Усть-Ордынского автономного округа. Им написано 18 монографий, более 300 научных статей и 2 учебника для высшей и средней школы. Автором 18 монографий, сборников документов и около 500 статей является Леонид Владимирович

КАЗАРИН Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск. E-mail: kazarinvik@yandex.ru.

Курас, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Бурятия, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. Доктор исторических наук, директор Государственного архива Республики Бурятия Цыдыпмункуевна Жалсанова – автор 8 монографий и сборников документов.

Рецензируемая монография вышла в серии «Азиатская Россия», издаваемой в Иркутске с 2007 г. В рамках этого тематического направления вышло более 10 книг, ставших заметными вехами современного сибиреведения. Отметим лишь некоторые из них [5–7; 12]. Автор рецензии ранее давал развернутый анализ исторической и историко-юридической литературы конца XX – начала XXI в., посвященной реформе управления Сибирью 1819–1822 гг. [10]. За прошедший с того времени период появились новые публикации в журнальной научной периодике, что свидетельствует о неснижаемом интересе исследователей к этой и близким к ней темам и их востребованности [1–3; 8; 11]. И даже, казалось бы, многократно изученный и цитированный Устав «Об управлении инородцев» 1822 г. вновь стал предметом небольшой специальной статьи в центральном журнале [4]. Все это накладывает на авторов монографии особую ответственность в поиске и раскрытии новых сторон активной изучаемой темы.

Необходимо отметить, что в том же – 2013 году – вышла компактная монография Б. Ц. Жалсановой и Л. В. Кураса [9]. Она посвящена изучению роли и места Баргузинской Степной думы в истории самоуправления бурят. Рецензируемая же монография этих авторов и Л. М. Дамешека гораздо полнее по предмету исследования, по широте и глубине охватываемых проблем. Логически их можно сопоставить как относительно частное и относительно общее. Можно предположить, что поиск материала, его обоб-

щение и осмысление шло параллельно. И воля авторов – опубликовать исследование вначале по общей проблематике или по частной. Здесь же, очевидно, конкретная публикация предшествовала общей, и это, возможно, более способствовало реализации авторского замысла.

Может возникнуть вопрос: нужны ли исследования, посвященные относительно «узким» проблемам, если одновременно издаются те, которые тематически частично «поглощают» ранее изданную научную публикацию? Не обобщая ответ, а привязывая его к конкретным работам, скажем – «да», нужны. Почему? Потому что это дает возможность конкретизировать проблему, полнее раскрыть вопросы, которые объективно не в состоянии быть так предметно исследованы.

Б. Ц. Жалсанова и Л. В. Курас абсолютно правы, утверждая, что «назрела необходимость в исследованиях по истории Сибири перейти от общего к частному, от общих исследований по истории Сибири к частным – истории регионов, ведомств» [Там же, с. 4]. К тому же ярче решается и проблема «ликвидации» обезличенной истории, когда преимущественно рассматриваются общие тенденции развития, причины, предпосылки событий, их взаимосвязь, статистические ряды. Нельзя противопоставлять одно другому, но нельзя и допускать явных перекосов в ту или иную сторону. Все это в полной мере удалось авторам отмеченной выше книги.

Рецензируемая монография, в отличие от своей предшественницы, как отмечалось, гораздо полнее по объему, шире по проблематике, академичнее в лучшем значении этого слова. Рассмотрим ее содержание и попытаемся ответить на некоторые вопросы. Что хотели сказать авторы профессиональному сообществу? Как они это сделали? К каким выводам пришли? Доказаны и обоснованы ли эти выводы? И, наконец, как результат: каково новое приращение исторического и смежных с ним знаний и в чем оно заключается?

Ответ на первый вопрос даст нам анализ структуры монографии. Она содержит 5 глав, каждая из которых включает в себя по 2 параграфа. Удачная структура работы заключается не только в продуманной симметрии композиции научного труда, но и в ее убедительной логичной последовательности.

Первая глава полностью посвящена анализу источниковой базы исследования и рассмотрению изучаемой проблемы в отечественной историографии. Содержание главы подробнее проанализируем чуть ниже, поскольку ее анализ выходит на обозначенную нами проблематику первого вопроса. Здесь же отметим то, что представляется важным: столь подробный источник-историографический обзор встретишь в настоящее время далеко не в каждой монографии. Соискатели докторских степеней включают этот раздел в свою рукопись, поскольку это один из обязательных квалификационных требований, а вот авторы монографий стали от него почему-то отказываться или сводить к минимуму. Авторы рецензируемого труда, напротив, следуя лучшим традициям отечественной исторической школы, показали нам широкое видение проблемы и высший профессионализм с самого начала своей работы.

Четыре последующие главы последовательно показывают нам, что хотели показать авторы монографии, какие проблемы исследовались. Это законодательные основы российской государственной политики в отношении инородцев Сибири в XIX – начале XX в.; региональные особенности формирования и развития органов местного самоуправления бурят в Иркутской губернии и Забайкальской области; административная и хозяйственная деятельность органов местного самоуправления бурят; социальная политика органов местного самоуправления бурят. В рамках такого подхода, очевидно, что монография по замыслу имеет целостный завершенный

характер, поскольку наиболее значимые проблемы заявленной темы нашли свое отражение. При этом авторами решены задачи исследования соотношения общеимперского и регионального материала, позволяющего показать не только эволюцию базовых принципов правительственной политики в Сибири, но и этноконфессиональные особенности местного самоуправления. Система бурятских органов самоуправления показана в динамике на основе законодательных актов их формирования и функционирования, а также по основным направлениям деятельности.

В науке как одной из форм интеллектуального знания вопрос заключается не только в том, что вы делаете, но и в том, как вы это делаете. И здесь, прежде всего, следует обратить внимание на то, какие источники использованы авторами, по каким критериям проведена систематизация, в какой степени авторы владеют историографией темы, в чем они согласны / не согласны с предшественниками, что выносят на суд читающей аудитории.

Перечень использованных источников не оставляет никаких сомнений, что рецензируемая монография является результатом многолетнего скрупулезного исследования авторов, глубоких знатоков заявленной проблемы. Уточню то, что отмечал выше. Первый параграф первой главы целиком посвящен анализу источниковой базы исследования. Подход авторов к систематизации и анализу документов не укладывается в привычное трафаретное описание. Вначале авторы дают общий обзор источников, а затем более подробный по отдельным их группам. Поясним, что исследованные источники расположены авторами в следующем порядке: законодательные акты; архивные документы; статистические материалы; летописи; памятники обычного права бурят; справочные материалы; энциклопедические издания; картографические документы; фотодокументы; периодическая печать; сибир-

ская мемуаристика. Это общий подход. Следующий за ним специальный подход возвращает нас на своеобразном «втором» круге к более детальному анализу охарактеризованных выше источников. Он означает, что, например, анализу законодательных актов посвящена отдельная вторая глава, а анализ архивных документов (а именно они составляют основу монографии) дан авторами подробно. Это 5 архивов: Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Государственный архив Архангельской области (ГААО), Государственный архив Иркутской области (ГАИО), Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК), Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Простой перечень фондов не может не впечатлить даже исследователя, прошедшего в архивах в общей сложности несколько месяцев, а то и лет своей жизни. Один фонд РГАДА, один фонд ГААО, 14 фондов ГАИО, 5 фондов ГАЗК, 60 (!) фондов ГАРБ. Авторы вводят в оборот огромный пласт ранее не публиковавшихся источников. По тексту монографии видно, как авторы, выявившие эти документы и материалы в архивах, используют их в анализе деятельности всех Степных дум и инородных управ в Иркутской губернии и в Забайкальской области. Всего по Уставу 1822 г. было учреждено в Сибири 18 степных дум. Анализ их правового положения и направлений деятельности подробнейшим образом изложен авторами монографии. При этом обратим внимание: если материал по 6 думам изложен со ссылками на ранее опубликованную литературу и архивные документы, то материал по 12 степным думам бурят дан авторами исключительно на основе использования документов фондов архивов. При этом в параграфе 3.1 представлен скрупулезно подобранный материал по каждой думе: когда образована, место ее положения, структура (сколько и какие инородные управы входили), количество и состав населения, количество

скота, виды хозяйственной деятельности, информация о главах дум и управ. Развернутая информация подана с энциклопедической точностью, все данные подтверждены ссылками на архивные источники. А в параграфе 3.2 по тому же алгоритму также подробно показано упразднение степных дум и учреждение инородных управ. Именно использование архивного материала, его систематизация и осмысление дают основной пророст знания в исторических науках. Попутно отметим, что методология, а подчас и методика работы с архивными документами представляет наибольшую сложность для начинающих исследователей. В этом отношении рецензируемая работа может служить своеобразным образцом для написания монографий будущими исследователями.

В монографии авторами приведено значительное количество статистического материала, определенная часть которого сведена в таблицы. Но продуманный систематизированный материал не только не затрудняет чтение, но, образно говоря, «математизирует» текст. При этом не «подавляет» человека в истории. Глава 4, особенно ее первый параграф, буквально «изобилует» людьми. Авторами приведены интересные сведения, основанные на архивных данных ГАЗК и ГАРБ о должностных лицах бурятского самоуправления. Удачное сочетание «общего» материала с персонификацией отдельных разделов также положительно характеризует это научное издание. В целом же громадный фактический материал, изложенный авторами во всех разделах монографии, может представлять определенные сложности для восприятия читателем. Но жанр книги обращает ее, прежде всего, к профессиональному сообществу. А вот это уже можно оценить по достоинству, поскольку она дает такое приращение исторического материала, что его, очевидно, будут осмысливать многие последующие поколения исследователей.

К каким же выводам пришли авторы? Доказаны и обоснованы ли эти выводы? Девять положений, сформулированных авторами в заключении монографии, конкретно формулируют основные выводы, которые на примере частного подтверждают общие тенденции в развитии местного самоуправления бурят. Важно подчеркнуть, что авторы сформулировали выводы по проблемно-хронологическому принципу, синтезирующему основные положения глав и параграфов монографии. При этом отметим следующее: в отличие, например, от некоторых историков права, которые ограничиваются формально-догматическим анализом норм исследуемых правовых актов, авторы монографии показывают читателю на многочисленных примерах правоприменительную практику. Именно поэтому не вызывают никаких возражений выводы о том, «что требования Устава 1822 г. не всегда соблюдались в бурятских ведомствах» (с. 480), или, что «с середины XIX в. под влиянием экономических и политических изменений, происходивших в российском обществе, инородческий суд и судопроизводство перестали отвечать изменившимся условиям. Как следствие, наблюдается огромное количество нарушений в управлении, хозяйственной деятельности, которые невозможно было решить с помощью инородческих законов» (с. 482). Все это многократно доказано текстом работы.

И, наконец, как результат: каково новое приращение исторического и смежных с ним знаний и в чем оно заключается? Об этом уже частично выше говорилось. Выделим наиболее значимое.

Новый взгляд на историографическую ситуацию по проблеме изучения. Систематизация, классификация огромного пласта источников, подавляющее количество которых было введено авторами в научный оборот впервые. Рассмотрение эволюции российского законодательства в отношении инород-

цев на протяжении исторически значимого периода. Четкое представление о структуре и системе бурятских органов самоуправления и их развитии. Многочисленный персонифицированный ряд наиболее видных представителей органов местного самоуправления. Данные об этих персоналиях могут украсить любое энциклопедическое издание по истории и культуре Сибири. Развернутые описания всех сторон деятельности органов местного самоуправления бурят: административная, хозяйственно-экономическая деятельность, деятельность по становлению и развитию народного образования и здравоохранения, по осуществлению опеки и попечительства. Последнее следует отметить особо, поскольку это являлось наименее изученной стороной в истории органов местного самоуправления бурят в дореволюционный период.

Конечно, представление профессионального сообщества об исследуемой проблеме было бы более полным, если бы авторы показали основные направления зарубежной историографии по заявленной теме. Можно было бы усилить положения о геополитическом компоненте правительственной политики имперского центра по отношению к национальным окраинам Сибири не только в целом, но и в отдельные, наиболее критические периоды (русско-японская война 1904–1905 гг., Синьхайская революция в Цинской империи и реакция на нее в Петербурге и в региональном разрезе и др.). Об этом упоминается в монографии, но, например, влияние геополитических факторов во времена генерал-губернаторства Н. Н. Муравьева-Амурского освещено полнее.

Нет сомнений, что монография Л. М. Дамешека, Б. Ц. Жалсановой, Л. В. Кураса – крупное явление в современной историографии. По глубине и полноте охвата исследованного круга вопросов, по методам изучения, приращения научного знания, основным выводам, к ко-

торым пришли авторы, можно быть уверенным в том, что рецензируемой монографии предстоит долгая научная жизнь. Любой будущий исследователь этой или близких проблем будет обращаться к положениям книги и строить свое изучение, исходя из того научного уровня, которого достигли авторы монографии.

Литература

1. Базарова В. С. Из истории развития местного самоуправления на территориях, заселенных бурятами (XVII – XIX вв.) // История государства и права. – 2011. – № 10. – С. 18–19.
2. Базаров Б. В. К проблеме государственности монгольских народов: судьба бурятской автономии // Власть. – 2013. – № 8. – С. 4–8.
3. Воропанов А. А., Крестьянников Е. А. М. М. Сперанский и сибирская система правосудия в XIX в. // Вопросы истории. – М., 2014. – № 7. – С. 3–18.
4. Гарипов Р. Ш. Устав «Об управлении инородцев» 1822 г. // История государства и права. – 2010. – № 23. – С. 10–12.
5. Гимельштейн А. В., Дамешек Л. М., Сенина Е. А. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.) – Иркутск: ЗАО «Восточно-Сибирская издательская компания», 2007. – 320 с.
6. Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма. (1822 – 1917 гг.). – Иркутск, 2009. – 389 с.
7. Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – нач. XX в.). – Иркутск: ЗАО «Восточно-Сибирская издательская компания», 2007. – 320 с.
8. Деревскова В. М. Вопросы реформирования судебной системы коренных народов Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2014. – Т. 7. – С. 69–78.
9. Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Место Баргузинской Степной думы в истории местного самоуправления бурят (XIX – начало XX в.): монография. – Иркутск: Оттиск, 2013. – 160 с.
10. Казарин В. Н. Реформа управления Сибирью 1819–1822 гг. в исторической и историко-юридической литературе конца XX – начала XXI в. // Сословное (народное) представительство и самоуправление в России XVI – начала XXI в.: Третьи Щаповские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 7 октября 2003 г.) / сост. А. С. Маджаров. – Иркутск: Оттиск, 2003. – С. 26–41.
11. Курас Л. В. У истоков бурятской государственности // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2013. – № 2 (10). – С. 18–35.
12. Сибирь в империи – империя в Сибири в XVII – начале XX вв.: сб. науч. статей. – Иркутск: Оттиск, 2013. – 320 с.

МЕМОРАНДУМ КОНФЕРЕНЦИИ «БУДДИЗМ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ»

28–31 мая 2014 г. состоялась международная конференция «Буддизм в изменяющемся мире», которую провел Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

В работе конференции приняли участие зарубежные ученые из США, Индии, Франции, Монголии, Узбекистана, Польши, Белоруссии, Германии, российские ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Красноярска, Самары, Саратова, Калмыкии, Тувы, а также ученые и преподаватели вузов (ВСГУТУ, ВСГАКИ, БГУ) Бурятии.

На конференции были обсуждены актуальные вопросы истории, возрождения и распространения буддизма в изменяющемся мире. Особое место в работе конференции получила проблема, связанная с буддизмом в условиях вызовов третьего тысячелетия, когда достижения, проблемы и перспективы современной буддологической науки получают принципиально новое звучание. Кроме того, поднимались вопросы координации усилий российских ученых с зарубежными буддологическими центрами по изучению важнейших аспектов буддизма и его взаимодействия с современной наукой. Важным аспектом на форуме стала общественная презентация универсальных ценностей и знаний из области буддийской философии, психологии, экологии, тибетской медицины и др.

Участники конференции отметили особую роль буддийской философии и «внутренней» науки буддизма в реалиях третьего тысячелетия. Актуальность буддизма для человечества, переживающего глобальный кризис, который несет угрозу существованию самой планеты Земля, связана не со статусом религии, а с теми возможностями, которые

связаны с буддийской философией и знаниями, сближающими буддизм с современной наукой, а также с этикой альтруизма и универсальной ответственности. Религиозный потенциал буддизма способен содействовать обретению современным обществом баланса материального и духовного развития, гармонии в отношениях человека и природы, индивида и общества, равновесия прав и ответственности. Участники конференции подчеркнули, что актуальность буддизма не только сохраняется в современных общественных и политических процессах, но и неуклонно возрастает. Философская доктрина зависимого возникновения и светская этика, сегодня широко проповедуемые буддийскими лидерами, способны служить важным фактором гармонизации общественных отношений на основе взаимопонимания и взаимоуважения между народами и культурами. На протяжении всего существования и развития буддизм обеспечивал мирное взаимодействие и взаимообогащение с традиционными обществами. Эти качества приобретают особую значимость в III тысячелетии, когда буддизм предлагает человечеству обнадеживающий ответ на глобальные вызовы современности.

Работа конференции прошла на высоком теоретическом, методологическом и организационном уровне. Были заслушаны доклады, касающиеся философских, исторических, этнокультурных и социологических аспектов буддизма в Индии, Тибете, Монголии, России (Бурятия, Калмыкия, Тыва), Китае, проблем возрождения буддизма в Азии и его распространения на Западе. Особое внимание было уделено теоретико-методологическим проблемам исследования буддизма и вопросам презентации буддизма в современных образовательных и просветительских системах; совершенствованию терминологического аппара-

та, взаимодействию буддизма и науки; компаративистским исследованиям, касающимся тибето-монгольского и китайского направлений в буддизме.

На конференции были приняты решения:

1. Необходимы координация буддологических исследований внутри России и расширение научных контактов российских буддологов с исследовательскими буддийскими центрами США, Европы, Индии, Китая, Монголии в виде научных стажировок, совместных научных проектов, мастер-классов.

2. Активизировать обмен научной информацией, организовать совместные переводческие, исследовательские проекты и проекты коллективных международных публикаций вместе с Университетом тибетологии (Сарнатх, Индия), Университетом Санчи (Мадхья Прадеш, Индия), специалистами отделения индо-тибетских буддологических исследований имени Чже Цонкапы Колумбийского ун-та (Нью-Йорк, США), монгольскими исследователями буддизма.

3. Продолжить и всемерно укреплять связи буддологической науки с живой традицией буддизма, углублять взаимо-

действие современной науки и «внутренней» науки буддизма – академических ученых с буддийскими учеными, мастерами буддийской медитации, специалистами по тибетской медицине и др.

4. Обратит внимание на проблему взаимодействия буддизма с другими конфессиями на институциональном и социокультурном уровнях.

5. Международную научную конференцию «Буддизм в изменяющемся мире» проводить регулярно: последующие конференции провести в Элисте и Тыве, создать постоянно действующий международный оргкомитет конференции, включающий авторитетных буддологов Университета тибетологии (Сарнатх, Индия), Университета Санчи (Мадхья Прадеш, Индия), Колумбийского ун-та, ИМБТ СО РАН, Калмыцкого госуниверситета, Тувинского госуниверситета. Пригласить в оргкомитет организаторов научно-практической части конференции авторитетных буддийских лидеров и руководителей общественных буддийских организаций.

6. Опубликовать доклады конференции на английском и русском языках в российской и зарубежной печати.

MEMORANDUM OF THE CONFERENCE “BUDDHISM IN THE CHANGING WORLD”

On 28–31 May 2014 an international scientific conference under the title “Buddhism in the Changing World” was held by the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Russian Foundation of the Humanities.

The conference hosted foreign scholars from the USA, India, France, Mongolia, Uzbekistan, Poland, Belorussia, Germany as well as Russian scholars from Moscow, St. Petersburg, Ekaterinburg, Novosibirsk, Krasnoyarsk, Samara, Saratov, Kalmykia, Tuva and university faculty from Buryatia.

At the conference topical issues in the history of revival and spread of Buddhism in the changing world were discussed. Special attention was paid to the problem of Buddhism vs. challenges of the third millennium when achievements, problems and prospects of the contemporary Buddhist studies acquire principally new understanding. Besides, issues of coordinating the efforts of Russian and foreign scholars with foreign Buddhist studies centers for the study of most important aspects of Buddhism and its interaction with modern science were raised. Public presentation of universal values and knowledge from the

field of Buddhist philosophy, psychology, ecology, Tibetan medicine and other fields of science became an important aspect of the forum.

Conference participants highlighted a special role of Buddhist philosophy and “inner” Buddhist science in the realities of the third millennium. Topicality of Buddhism for the humanity that currently undergoes a global crisis is connected not so much with the status of religion, but with those opportunities that draw together Buddhism with modern science and altruism and universal responsibility ethos. The religious potential of Buddhism can contribute to the achievement of balance between material and spiritual development by the contemporary society, harmony of relations between man and nature, individual and society as well as equilibrium of rights and responsibilities. Conference participants stressed the fact that the topicality of Buddhism is not simply preserved in contemporary social and political processes, but consistently grows. Philosophical doctrine of dependant origin and secular ethics, nowadays widely taught by Buddhist leaders can serve as an important factor of harmonizing social relations based on mutual understanding and mutual respect between peoples and cultures. Throughout its existence and development Buddhism provided peaceful coexistence and interaction with traditional societies. These qualities are of special significance in the third millennium when Buddhism offers the humanity an encouraging answer to global contemporary challenges.

Conference was characterized by a high level of organization and quality theoretical and methodological content. Papers on philosophical, historical, ethnocultural and sociological aspects of Buddhism in India, Tibet, Mongolia, Russia (Buryatia, Kalmykia and Tuva) and China, problems of Buddhism’s revival in Asia and its spreading in the west were presented. Special attention was paid to theoretical and methodological problems of Buddhist studies and issues of Buddhism’s presentation in the modern educational and enlightenment systems, en-

hancement of the terminological apparatus, interaction of Buddhism and science, comparative studies on Tibetan-Mongolian and Chinese branches of Buddhism.

The conference resolved:

1. Coordination of Buddhist studies inside Russia and broadening of scientific contacts of Russian Buddhist studies specialist with Buddhist research centers in USA, Europe, India, China and Mongolia is required in a form of scientific fellowships, joint research projects and master classes.

2. To promote exchange of scientific information, organize joint translation and research projects, and projects of joint international publication with the University of Tibetan Studies in Sarnath, India, Sanchi University (Madhya Pradesh, India), Je Tsongkhapa branch of Indi-Tibetan and Buddhist studies of Columbia University (New York, USA) and Mongolian students of Buddhism.

3. To continue and strengthen in every possible way the ties between Buddhist studies and live tradition of Buddhism, deepen the interaction of the contemporary science and “inner” science of Buddhism, academic scholars with Buddhist scholars, masters of meditation, specialists in Tibetan medicine, etc.

4. To pay attention to the problem of Buddhism interaction with other confessions at the institutional and sociocultural levels.

5. To hold the international scientific conference “Buddhism in the Changing World” regularly. Other conferences should be organized in Elista and Tuva. To form a permanent international organization committee of the conference including renowned Buddhist studies specialists from Sarnath, India, Sanchi University (Madhya Pradesh, India), Columbia University, IM-BTS SB RAS, Kalmyk State University and Tuva State University. Invite into the organization committee respected Buddhist leaders and leaders of Buddhist NGOs.

6. To publish conference papers in English and Russian in domestic and foreign scholarly volumes.

УДК 001 : 13

Л. В. Курас

УЧЕНЫЙ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ
(ПРОФЕССОРУ Л. Л. АБАЕВОЙ – 65 ЛЕТ)

L. V. Kuras

A SCHOLAR BY GOD'S GRACE
(TOWARD THE 65TH JUBILEE OF PROFESSOR L. L. ABAEVA)

10 июля 2014 г. исполнилось 65 лет доктору исторических наук, профессору, главному научному сотруднику Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, действительному члену Российской Академии социальных наук Любови Лубсановне Абаевой.

Писать «датские» (приуроченные к датам) статьи – дело неблагодарное: и тон должен быть торжественный, подобающий случаю, и личные качества юбиляра гипертрофированы, как будто о Боге или его наместнике, да и работает юбиляр лучше всех, и пишет больше прочих, и не понятно – отчего до сих пор не Герой Труда.

О Любови Лубсановне писать легко: она начисто лишена фанаберии, а к датам круглым вообще относится пофигистски. Более того, пока уговаривал

дать добро на юбилейную статью, уже и юбилей прошел...

Семья

Есть замечательная фраза Эмиля Мишеля Чорана: «Создать семью. Да по мне проще создать империю». Валентина Ивановна – мама Любовь Лубсановны – семью создала. Сегодня она и в свои 90 лет семьей руководит и правит, она ее (дочь) защищает и лелеет, переживает за нее и радуется ее успехам. Да она ее просто любит. При нашем знакомстве Валентина Ивановна напомнила мне еврейскую маму из анекдота: «Чем отличается еврейская мама от террориста? С террористом можно договориться».

Любе повезло: она еще ребенок...

Сектор буддологии. Отдел востоковедения...

После окончания факультета иностранных языков БГПИ в 1974 г. Л. Л. Абаева поступила на работу в БИОН (ИМБТ) в сектор буддологии, преобразованный затем в отдел востоковедения, в котором тогда работали ученые-ламы. Они не просто приобщили молодого исследователя к буддизму. Они постепенно, мягко и каждодневно раскрывали Любе глаза на загадочный и многообразный Восток, который стал всепоглоща-

ющей страстью и любовью на всю жизнь. И даже иностранные языки не стали для нее специальностью, а лишь инструментом в познании и постижении Востока. И завидное постоянство – 40 лет работы на одном месте – обусловлено вовсе не привычкой или привязанностью, а пониманием того, что именно в стенах Института можно реализовать свое стремление к познанию Востока за государственный счет. И это вовсе не цинизм во всей его наготе, а нормальный прагматизм нормального ученого.

Институт востоковедения

Во времена Советов Институт востоковедения Академии наук СССР, имевший аббревиатуру ИВ АН СССР, панибратски называли ИВАНом. Но это была фирма высочайшей пробы: как для технарей «бауманка» или экономистов «финек». Именно в его стенах Любовь Лубсановна прошла свои университеты: сначала аспирантуру (тема кандидатской «Трансформация буддийской церкви Бурятии на обновленческих принципах (история и современность)»), а затем и докторантуру (тема докторской «Эволюция традиционных верований и культов монгольских народов (XVI–XX вв.)») по проблемам религиоведения. Именно здесь она по-настоящему «заразилась» наукой. Причем погружение состоялось настолько глубоко, что стала верующей, но не фанатичной, ибо здесь до сумасшедшего дома всего один шаг, а конфессиональным религиоведом. И это тем более странно, что все российские религиоведы вышли из кафедры научного коммунизма и все современное религиоведение насквозь атеистическое. Именно при таком подходе религиоведение изучает закономерности возникновения, развития и функционирования религии, ее строение и различные компоненты, ее многообразные феномены, как они представляли в истории общества, взаимосвязь и взаимодействие религии и культуры.

При таком варианте определения предмета религиоведения речь идет о том, что религия воспринимается не как конкретная изучаемая реальность, но, скорее, как абстрактный конструкт.

В религиозном же сознании адекватные отражения соединены с иллюзиями и заблуждениями. Но для науки истина и заблуждение – это моменты развития человеческого сознания, мышления, познания. Люди никогда не были свободны от иллюзий. Без заблуждений не было бы исканий истины. Поэтому в религиозном сознании есть адекватное миру содержание. Но при этом Л. Л. Абаева обожает жизнь во всех ее проявлениях. Вот эта кажущаяся несовместимость дает странное и даже фантастическое сочетание: при написании научных статей категориально-понятийный аппарат у нее таков, что кроме предлогов зачастую мало что понятно (видимо, закон жанра требует, да и особенность академической науки). Но в застольных беседах за чаем и не только, которые Любовь Лубсановна обожает, все становится ясно и понятно как божий день: и перспектива видна, и в команде работать может, и лидерские качества имеют место быть.

Буддист – паломник

Любовь Лубсановне повезло: она родилась, живет и работает в Бурятии, где зимой холодно или очень холодно, да и зима далеко не три месяца, как в календаре. И потому зимой, как правило, дома: меняет батареи, которые текут в самый неподходящий момент, варит и парит... Кроме того, выдает научную продукцию, читает лекции в вузе, руководит аспирантами, редактирует монографии и статьи.

Но, как только снег начинает таять, солнце слепить, а ночная температура всего-то -20–25, все внутри начинает свербеть: ее, как истинного кочевника, тянет к перемене мест. И это не зуд туриста, которому все равно куда ехать, лишь бы потом в компании себе подобных за

рюмкой абсента, лениво растягивая слова, сообщить, что в этом году на Бали, Лазурном берегу и т. д. было хуже, нежели в прошлом. Это движение буддиста-паломника, стремящегося поклониться святым местам и буддийским святыням. Но это и движение ученого, который выступал с докладами и сообщениями на международных конференциях и симпозиумах в Бонне, Риме, Венеции, Бангкоке, Коломбо, Лондоне, Лондон-Дерри, Белфасте, Сеуле, Улан-Баторе, Хухо-Хото и др. Это участие в международных экспедициях по Бурятии, Монголии, Внутренней Монголии, КНР (провела 24 полевых сезона), изучающих этноконфессиональные и этнокультурные традиции монгольских народов. Ее научные публикации, основанные на оригинальных источниках и собственных полевых исследованиях, как правило, анализируют и обобщают полученные результаты и данные мировой и отечественной науки в рассматриваемой ею области. Кроме того, она заместитель главного редактора «Вестника БГУ» по направлениям – «философия», «социология», «политология, культурология», а также член редакционной коллегии научного журнала «Евразийство и Мир».

За далью даль...

Л. Л. Абаева опубликовала 151 научную работу, в т. ч. 10 монографий, осуществляет научное руководство аспирантами по специальностям «Филосо-

фия религии и религиоведения», «Теория и история культуры», «Всеобщая история». Под научным руководством Любовь Лубсановны защищены 21 кандидатская диссертация (в т. ч. один аспирант из Южной Кореи и два аспиранта из Монголии).

Она являлась научным руководителем гранта РГНФ «Бурятские диаспоры в контексте современных этнических и этнокультурных процессов», научным руководителем международных конференций «Межконфессиональные отношения на рубеже тысячелетий», «Социальные и этнические процессы в развитии общества», научно-практической конференции «Традиционная система управления кочевых сообществ Южной Сибири».

Л. Л. Абаева принимает участие в подготовке научных кадров – преподает в Бурятском государственном университете: на протяжении 18 лет заведовала кафедрой культурологии БГУ. Является членом докторского диссертационного Совета при ИМБТ СО РАН.

Есть замечательный анекдот о кавказском долгожителе, которому исполнилось 100 лет. И когда корреспондент молодежной газеты спросил долгожителя: «Скажите, вот Вы так все 100 лет и живете на одном месте?», то юбиляр, воздев указательный палец к небу, мудро произнес: «Нет еще!..». Так и Любовь Лубсановна, ежели ее спросить: «Это все, чего Вы добились?», убежден, ответит: «Нет еще!..».

УДК 001 : 81'1

Б. К. Салаев, С. М. Трофимова

ЕГО ПУТЬ В НАУКЕ

(к 75-летию директора Научного центра монголоведных и алтаистических исследований, доктора филологических наук, профессора Калмыцкого государственного университета
Рассадина Валентина Ивановича)

B. K. Salaev, S. M. Trofimov

HIS WAY IN SCIENCE

(Toward the 75th Jubilee of the Director of the Center for Mongolian and Altaic Studies, Doctor of Sciences in Philology, professor of the Kalmyk State University
Valentin Ivanovich Rassadin)

Рассадин Валентин Иванович родился 12 ноября 1939 г. в г. Пскове. В 1962 г. окончил Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова по специальности монгольская филология, квалификация востоковед-филолог. В 1962–1963 гг. работал переводчиком с монгольского языка в г. Дархан МНР. В 1963–1966 гг. учился

в аспирантуре Новосибирского государственного университета по специальности «тюркские языки» и изучал тофаларский язык. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Лексика современного тофаларского языка», в 1983 г. – докторскую диссертацию на тему «Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков». В 1991 г. ему присвоено ученое звание профессор по специальности «языки народов СССР».

Удостоен почетных званий: в 1980 г. – «Заслуженный деятель науки Бурятской АССР», в 1990 г. – «Заслуженный деятель науки РСФСР», в 2005 г. присвоено звание «Передовик науки Монголии», в 2009 г. – «Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия», «Почетный профессор Монгольского университета “Гурван эрдэни”», в 2012 г. – «Заслуженный профессор Бурятского государственного университета». В. И. Рассадин неоднократно награждался Почетными грамотами Президиума АН СССР, Пре-

---

САЛАЕВ Бадма Катинович – кандидат педагогических наук, ректор Федерального государственного бюджетного учреждения высшего профессионального образования «Калмыцкий государственный университет». E-mail: trofimovasm@mail.ru.

ТРОФИМОВА Светлана Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Федерального государственного бюджетного учреждения высшего профессионального образования «Калмыцкий государственный университет». E-mail: trofimovasm@mail.ru.

зидиума Сибирского отделения РАН, Верховного Совета Бурятской АССР, Верховного Совета Якутской АССР, Народного Хурала и Правительства Республики Бурятия, в 2001 г. награжден Орденом «Дружба», удостоен первой Бурятской республиканской общественной премии «Признание» в области науки и награжден дипломом и золотой медалью «Алдар соло», в 2009 г. награжден орденом «Гражданская доблесть» Республики Саха (Якутия).

В 1988 г. избран иностранным членом-корреспондентом Международного финно-угорского научного общества (Финляндия), в 2007 г. – академиком РАЕН по секции «Российская энциклопедия». В 2008 г. избирается членом Российского комитета тюркологов, является ветераном Сибирского отделения Академии наук России.

С 1966 по 2006 г. работал в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра СО РАН, пройдя путь от младшего научного сотрудника до главного научного сотрудника. С 1992 по 2006 г. работал по совместительству профессором, заведующим кафедрой филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета.

В 2006 г. Рассадин В. И. был приглашен в Калмыцкий государственный университет и ему было предложено организовать и возглавить Научный центр монголоведных и алтаистических исследований, стать профессором кафедры калмыцкого языка и монголистики.

В. И. Рассадин – один из крупнейших в мире специалистов в области сравнительно-исторического монгольского и тюркско-монгольского языкознания, известный исследователь малочисленных тюркских языков и их диалектов Саяно-Алтайского региона России и Монголии. Не менее известны его записи и исследования ныне исчезающих тюркских тофаларского и сойотского языков. Для

этих языков им впервые создана письменность, написаны и изданы школьные учебники и подготовлены учителя начальных классов для тофаларских и сойотских школ. В 2009 г. В. И. Рассадин занялся изучением языка турок-месхетинцев, проживающих на территории Республики Калмыкия, результатом этих изысканий явились публикации нескольких научных статей.

В. И. Рассадин получил международное признание и как специалист по диалектам и говорам бурятского языка, истории монгольских языков и их исторических связей с тюркскими языками.

Свои исследования В. И. Рассадин проводит в трех основных направлениях: 1) монголоведном; 2) тюркологическом; 3) алтаистическом. Основной особенностью исследовательской деятельности В. И. Рассадина является то, что при изучении живых монгольских и тюркских языков и их диалектов он опирается главным образом на собственный полевой материал, собранный им во время экспедиционных поездок в места расселения носителей этих языков и диалектов, причем как на территории России, так и Монголии и Китая. В своих работах он вводит в научный оборот большое количество нового, во многом уникального фактического материала из малоизученных языков и диалектов, некоторые из которых находятся ныне на грани исчезновения. В своих трудах В. И. Рассадин разрабатывает крупные научные проблемы монгольского и тюркского языкознания, такие, например, как историческая фонетика бурятского языка, сравнительно-историческая грамматика бурятского языка, этимологический словарь бурятского языка, присаянские и нижнеудинские бурятские говоры, тюрко-монгольские исторические языковые связи, влияние тюркских языков на развитие монгольских и влияние монгольских языков на тюркские и др. Свои исследования он строит на широком сравнительном мате-

риале из современных, средневековых и древних монгольских и тюркских языков, каковыми неплохо сам владеет.

В. И. Рассадин известен также и как переводчик с немецкого языка на русский классического труда академика О. Н. Бётлингга «О языке якутов» (СПб., 1851), перевод которого был опубликован в 1989 г. в издательстве «Наука».

Разработки В. И. Рассадина в области алтаистики, касающиеся как проблем установления родства монгольских языков с тюркскими, так и выдвижения нового семантического метода исследования этой гипотезы, представленные им в научных статьях, докладах и монографиях, получили полную поддержку и одобрение алтаистов.

В. И. Рассадин активно участвует в подготовке высококвалифицированных кадров – монголоведов и тюркологов. Под непосредственным научным руководством В. И. Рассадина подготовлено 47 кандидатских и 6 докторских диссертаций в области монголоведения и тюркологии. Среди соискателей 6 граждан из Монголии и 2 – из Турции. Он являлся членом двух докторских и двух кандидатских диссертационных советов при Бурятском научном центре СО РАН, Бурятском госуниверситете, Якутском научном центре СО РАН. В настоящее время он член докторского диссертационного совета при Калмыцком госуниверситете.

В. И. Рассадин является создателем научной школы «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание».

Он член редакционного совета научного журнала «Российская тюркология» (Москва – Казань), рецензируемого журнала «Гуманитарный вектор» (г. Чита), журнала «Вестник Калмыцкого госуниверситета» (г. Элиста) и зарубежных журналов – «Altaica» (Монголия) и электронного тюркологического журнала (Турция).

В. И. Рассадин известен также как автор 345 научных трудов, среди которых 35 научных монографий, 4 словаря, 7 школьных учебников, 3 вузовских учебных пособия по монгольскому языку и алтаистике. В. И. Рассадин активно участвует в работе различных международных, всероссийских, региональных и других научных конференций.

В. И. Рассадин является руководителем и исполнителем ряда научных проектов РГНФ как российских, так и международных, Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2012–2013 гг.).

В рамках академической мобильности он неоднократно выезжал с лекциями в Монгольский госуниверситет, Университет Внутренней Монголии (г. Хухэ-Хото, Китай), Институт языка и литературы Академии наук Монголии (г. Улан-Батор), Карлов университет (г. Прага), Варшавский университет и др. Кроме этого, работая в Бурятском научном центре, неоднократно приглашался с чтением лекций в вузы Улан-Удэ, Новосибирска, Якутска, Кызыла, Элисты. Им открыта аспирантура «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» и принят ряд аспирантов по данной специализации и магистратура «Сравнительное языкознание» по направлению «Филология».

Помимо активной научно-педагогической деятельности проф. В. И. Рассадин в Республике Бурятия занимался большой общественной работой: избирался народным депутатом районного Совета в г. Улан-Удэ, народным заседателем районного, а затем и Верховного суда Республики Бурятия, с 1996 по 2006 г. состоял членом Совета старейшин при Президенте Республики Бурятия, участвовал в разработке и обсуждении «Закона о языках народов Республики Бурятия», который был принят на за-

седании Верховного Совета Республики Бурятия в 1993 г.

Его имя увековечено на страницах трех энциклопедий: «Ведущие языкове-

ды мира» на русском (Москва) и английском (Лондон) языках и «Урало-алтайское (тюрко-монгольское) языкознание» (Москва).

Публикация осуществлена при финансовой поддержке РГНФ на проведение Международной научной конференции «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики», посвященной 75-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности профессора В. И. Рассадина. Проект № 14-04-14036 (г).

УДК 94 (517)

С. Ю. Лепехов

ВЫДАЮЩИЙСЯ БУДДОЛОГ
И БУДДИЙСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ
(к 100-летию Б. Д. Дандарона)

S. Yu. Lepikhov

OUTSTANDING BUDDOLOGIST
AND BUDDHIST RELIGIOUS LEADER
(Toward the 100th Anniversary of B. D. Dandaron)

Буддистом Б.Д. Дандарон стал с момента рождения, появившись на свет 28 декабря 1914 г. в семье известного религиозного поэта и философа, ламы Агвана Силнама Тузол Доржи Шоба

(Бадмаева). Отец Бидии получил образование в Кижингинском дацане и еще год учился в Монголии, имел степень гэбши, причем считался одним из лучших философов. Дома имелась обширная библиотека, причем кроме книг на тибетском и монгольском языках были философские сочинения на русском и западноевропейских языках [1] Судьба мальчика складывалась необычно: он был признан перерождением настоятеля Чжампанлинг в Гумбуме – гэгэна Джаяг-ламы, и делегация тибетских лам прибыла, чтобы забрать его в Гумбум, но Лубсан Сандан Цыденов не разрешил отдавать Бидию, и после смерти отца Доржи Бадмаева в 1920 г. его в семилетнем возрасте провозглашают полным наследником духовной власти Лубсана Сандана – Дхармараджей (Владыкой Учения). С детства Бидия по-

лучил первоначальное дацанское образование, освоил тибетский и старомонгольский языки, учил наизусть религиозные тексты.

С 1923 г. началась учеба в Кижингинской школе, где в то время учительствовал будущий известный писатель Бурятии Хоца Намсараев, а затем продолжилась в Кяхте, где он встретился со своей будущей женой Е. А. Шулуновой.

В 1933 г. Бидия Дандарович поступает в Институт гражданского воздушного флота (ныне Институт авиаприборостроения), с тем чтобы получить специальность авиационного инженера, но при этом успевает посещать занятия на восточном факультете ЛГУ; встречается с Агваном Доржиевым и по рекомендации последнего знакомится с тибетологом А. И. Востриковым. Также в это время состоялось несколько встреч с известным бурятским востоковедом профессором Цыбенем Жамцарано. Основным содержанием этих бесед, как позже вспоминал Б. Д. Дандарон, была история и культура монгольских народов. Эта тема интересовала будущего исследователя всю жизнь, и к ней он несколько раз обращался в различных вариантах: в виде переводов важнейших исторических сочинений, исторических художественных повестей, сценариев фильмов.

В 1937 г. репрессии затронули многих востоковедов, и было бы удивительно, если бы они обошли стороной молодого, активного студента, бывшего на виду у всей бурятской диаспоры Ленинграда, к тому же с такой непростой биографией. Действительно, 7 января 1937 г. Б. Д. Дандарон был арестован и приговорен к десяти годам тюрьмы, но в 1943 г. был освобожден досрочно из-за открытой формы туберкулеза. Пять лет прошли в поисках работы, постоянных переездах. Была даже попытка (в 1946 г.) устроиться на работу в рукописный фонд Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, но после двух месяцев работы бывшему заключенному

заявили, что не могут его держать на работе. Интересны свидетельства очевидцев об участии Б. Д. Дандарона вместе с рядом бывших лам в написании письма И. В. Сталину с просьбой о содействии восстановлению буддийских дацанов в Бурятии [II]

Во время второй волны репрессий в 1949 г. по ложному обвинению в «антисоветской пропаганде» Б. Д. Дандарон был во второй раз арестован и приговорен к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях.

В заключении удалось близко познакомиться с отбывавшим срок профессором Вильнюсского университета Василием Эмильевичем Сеземаном (1884–1963). В. Э. Сеземан был видным российским философом-неокантианцем. Учился в Марбурге и Берлине у Г. Когена, П. Наторпа, Э. Кассирера, Г. Дильса, Г. Вельфлина, Н. Гартмана. Встречался с Х. Ортегой-и-Гассетом. В 1910–1914 гг. участвовал в издании международного философского ежегодника «Логос» [III] В советское время работал в издательстве «Academia» в редакции журнала «Мысль», затем как гражданин Финляндии перебрался в Хельсинки, затем в Берлин, где примкнул к евразийцам и работал в «Русском институте». Вместе с Л. П. Карсавиным переехал в Литву, где и написал все свои наиболее значительные работы. Под руководством Сеземана Б. Д. Дандарон прошел серьезную подготовку в области западно-европейской и русской философии, а под руководством монгольских лам, также находившихся в заключении, изучал буддийскую философию. В заключении Дандарон познакомился с Львом Николаевичем Гумилевым. Впоследствии Л. Н. Гумилев с большим уважением и теплотой отзывался о Б. Д. Дандароне.

Во время второй «отсидки» вокруг Б. Д. Дандарона начинают собираться первые ученики из числа заключенных. В их числе упоминается поляк Вольдемар Кокошка, которому, по неко-

торым свидетельствам, удалось пронести из лагеря рукопись книги «Необуддизм». Как отмечает В. М. Монтлевич, эта рукопись представляет первый вариант впоследствии переработанной книги «Мысли буддиста», завершённой в 1970 г. (Монтлевич. Материалы к биографии. – С. 321). Очевидно, что многие темы этих книг были затронуты и развиты также в письмах к Н. Ю. Ковригиной (Климанскене).

Изложение своих взглядов в письмах Б. Д. Дандарон строит с самого начала так, что корреспондентка оказывается не просто читательницей, но и соавтором развертывающейся перед ней «системы». Дандарон с самого начала на позиции религиозного телеологизма и не допускает даже возможности того, чтобы мир был случаен и бессмыслен. Переходя к точке зрения марксизма на этот вопрос, он считает необходимым сразу же отметить, что и марксизм рассматривает развитие мира как процесс закономерный, а не случайный, но причина такого поступательного закономерного развития марксизмом не обсуждается [IV]. Бог интересует Дандарона не в теологическом смысле, а как одна из мысленных возможностей, подводящих к ответу на вопрос – «существует ли нечто, дающее направление миру, жизни вселенной; каковы его свойства и т. п.» [3, с. 81].

Обсуждая далее проблему существования Бога, Дандарон вспоминает Канта, с которым он познакомился еще в лагере, входя в неокантианский кружок, а затем и Вл. Соловьева, приводя его положение о том, что «бытие бога не может быть доказано, но зато оно вполне доступно интуитивному (непосредственному) восприятию» [Там же, с. 85].

Заключая, что «идея бога для человека не есть только идея, то есть предмет познания, она также есть определенное чувство, которое возникает в результате стремления человека стать в известные отношения к сверхчувствительному существу», Дандарон приводит и

характеристику этому чувству, данную Ф. Шлейермахером – «оно есть чувство зависимости от чего-то непостижимого, непонятного» [Там же]. В конечном счете, определение бога как чего-то непостижимого и непонятного и становится исходной точкой для построения собственной метафизической системы [V].

Не будет ошибкой, по-видимому, сказать, что идея Бога ценна для Дандарона не как идея Создателя, Демиурга, а, прежде всего, как идея развития, совершенствования, как причина этого совершенствования, ее исходный и конечный пункт. Бог для Дандарона – это Абсолют, Единое. Не случайно первая глава «Мыслей буддиста» называется «Пути Господни неисповедимы!» Это христианское изречение, что, видимо, буддиста Дандарона несколько не смущало.

Письма к Ковригиной в определенном смысле представляют собой компаративистское историко-философское исследование, в котором Б. Д. Дандарон сравнивает все известные ему представления об Абсолюте с различными точками зрения буддийских мыслителей. Рассмотрев Платона и Плотина, он переходит к христианским Отцам Церкви и мистикам и отмечает, что для христианских мистиков особенно характерно заострение мысли о сверхрациональности богопознания и обожение путем выявления в совпадении противоположностей природы божественного начала. В этом Дандарон видит «особый метод мышления для подхода к богопознанию». Бог, если искать его в окружающем мире, есть и Ничто, и вместе с тем – Все [3, с. 48].

Сравнивая христианскую мистику с буддийской, Б. Д. Дандарон делает это в убеждении, что «на разных концах земли в разную эпоху человеческая мысль, направленная к одной цели, приходит в конечном итоге к одному и тому же выводу, чем подтверждается истинность положения вещей» [Там же, с. 54]. Не забывает он при этом и об иудаистской и ис-

ламской мистике, но считает все же, что «для нашего изучения и сравнения наиболее подходящей является христианская мистика» [3, с. 54]. Великое морально-воспитательное значение духовных гениев человечества (Будда, Христос) заключается в том, что они служат примером для подражания остальным, считает Б. Д. Дандарон. «Вживаясь в образ своего учителя, стараясь его воспроизвести в собственной жизни, человек испытывает и укрепляет свои собственные духовные силы, в этом смысле я вполне согласен с утверждением Фомы Кемпийского (о нравственном преображении как результате подражания Христу. – С. Л.)» [Там же, с. 57].

Дандарон указывает на различие в определении добра и зла в буддизме и философии Л. П. Карсавина. Если в буддизме зло трактуется как противоположность добра, как отрицательная воля к жизни, как неведение, незнание, то у Карсавина зло необходимый элемент божества, оно находится в нем для его полноты [Там же, с. 175].

В 1956 г. Б. Д. Дандарон был реабилитирован. Он едет в Москву, около полугодом живет там, занимаясь в Ленинской библиотеке и пытаясь устроиться на работу в Институт востоковедения АН СССР или в его филиал (ЛО ИВ АН) в Ленинграде, где к нему проявил интерес его директор – академик И. А. Орбели. В Москве он знакомится с приемной дочерью В. Э. Сеземана Натальей Ковригиной. В сентябре 1957 г. встречается с Ю. Н. Рерихом, и они договариваются о совместной работе по составлению тибетско-русского словаря [VI].

Поскольку вопрос с устройством на работу затягивался, Б. Д. Дандарон взялся за написание сценария, посвященного 300-летию присоединения бурятского народа к русскому государству. Работа в архивах позволила впоследствии в соавторстве с Б. С. Санжиным опубликовать в 1966 г. повесть «За великой правдой».

С ноября 1958 г. Дандарон работает в секторе тибетологии БКНИИ, а с

1966 г. – в Бурятском институте общественных наук. В 1959 г. в Улан-Удэ приезжает Ю. Н. Рерих и привлекает Б. Д. Дандарона для обсуждения плана буддологических исследований в СССР, первоочередных изданий и переводов.

Под грифом Института востоковедения АН СССР в 1960–1965 гг. вышло несколько выпусков подготовленных Б. Д. Дандароном «Описаний тибетских рукописей и ксилографов». Виктор Николаевич Пупышев, работавший в то время в одном кабинете с Дандароном, рассказывал: «Одной из последних работ, выполненных им в стенах БИОНА, является фундаментальное описание монгольского Ганжура («Перевод сказанного Буддой») в 108 томах большого формата. Само описание выполнено на 950 листах, т. е. составляет 38 печатных листов. Такой объем работы старший научный сотрудник обычно выполняет за три года. Здесь же работа была выполнена за 108 рабочих дней. Ежедневно я утром приносил ему из хранилища один том Ганжура и вечером относил обратно в хранилище, уже полностью описанный» [6, с. 485].

Вместе с Ю. М. Парфионовичем и Б. В. Семичовым Б. Д. Дандарон составил «Тибетско-русский словарь» (М., 1963) – второй после знаменитого словаря Я. Шмидта, вышедшего еще в 1843 г. Словарь долгое время был важным подспорьем для всех, начинающих изучать тибетский язык, поскольку ничем иным, кроме словаря Шмидта россияне до этого момента не располагали. Важным источником по истории тибетско-китайско-монгольских отношений XVII–XVIII вв. была хроника «История Кукунора» Сумпа Кенпо, переведенная и изданная Б. Д. Дандароном в 1972 г. в Москве («Главная редакция восточной литературы»). Предисловие переводчика к этой работе является по существу самостоятельной исторической работой, анализирующей сложное переплетение политических, культурных и религиозных факторов, обусловивших борьбу цинской

империи, монгольских феодалов и тибетских религиозных иерархов за влияние в этом ключевом регионе Центральной Азии. Немногочисленные буддологические статьи Бидии Дандаровича, которые удалось опубликовать в 1960–1970-е гг. («Элементы зависимого происхождения по тибетским источникам», «Буддийская теория индивидуального Я», «Содержание известной мантры ОМ МАНИ ПАДМЭ ХУМ»), явно опережали свое время и выделялись на фоне не только отечественных, но и зарубежных публикаций по этой тематике, становясь своеобразным эталоном качества для молодых востоковедов. Значительная часть написанного оставалась в рукописи и распространялась в машинописных копиях. Неопубликованным при жизни остался один из основных трудов – «Мысли буддиста».

Только сравнительно недавно появилась возможность издать эти работы. В 1997 г. «Мысли буддиста» и «Черная тетрадь» вышли в престижной серии «Философы России XX века», что можно считать и своеобразным «официальным» признанием оригинального философского наследия буддийского мыслителя, поскольку в редакционную коллегию серии входят такие известнейшие российские философы, как А. А. Гусейнов, А. Ф. Зотов, В. А. Лекторский, Л. А. Микешина, А. П. Огурцов, а возглавлял ее директор Института философии РАН в эти годы, академик В. С. Степин.

Существует мнение, что основной замысел «Мыслей буддиста» состоял в изложении философских положений буддизма на языке, понятном для европейцев. В аннотации к уже упомянутому изданию говорится, что «Мысли буддиста» – это «своеобразная философская энциклопедия для европейцев, написанная в 1970 г. на русском языке, но практически неизвестная современному читателю» [5, с. 4]. В какой-то степени это верно, поскольку едва ли не главным во всей научной деятельности

Б. Д. Дандарона было объяснение и разъяснение важнейших положений буддизма на русском языке, в т. ч. и путем переводов. Но это и не совсем верно, потому что книга названа «Мысли буддиста», а не «Мысли буддистов» [VII], т. е. уже в названии подчеркивается именно авторская точка зрения, а не научное объективное изложение существующих или существовавших концепций. Сам Б. Д. Дандарон называл свое учение «необуддизмом», опять-таки подчеркивая свое особенное авторское видение и самого буддизма, и всего мира с позиций буддизма. В своем труде автор, на наш взгляд, прежде всего ставил задачу привести в систему собственные философские взгляды в том виде, как они складывались в течение всей его жизни и окончательно сформировались к 1970 г.

В 1972 г. Б. Д. Дандарон вместе с группой его учеников, образовавшейся за эти годы, был обвинен в создании незаконной религиозной секты и приговорен к заключению в лагерь, из которого уже не вышел. В Выдринской зоне он работал над трудом «О четырех благородных истинах Будды (общественная карма и роли личности)», более известном как «Черная тетрадь».

Работа стала последней для Дандарона и не была завершена. Трудно было рассчитывать в этих условиях не то что на публикацию, но хотя бы на прочтение этих последних записей кем-либо, кроме лагерной администрации и следователей. Вместе с тем у всех, кто знакомился с рукописью, складывалось удивительное впечатление целостности и законченности текста, так, как будто автор заранее предчувствовал судьбу своей работы. Об этом пишет В. В. Бараев, первый издатель «Черной тетради». «Листая тетрадь, я поражаюсь не только четкому, ровному почерку, но и спокойному, даже величавому изложению, хотя это писалось ночами, на тюремных нарах. Перечеркнутых или переписанных строк нет, что говорит об исключительной творческой собранно-

сти автора, ясности поставленной цели, умения четко выражать задуманное» [1, с. 86, 87]. О том, что «Черная тетрадь» не была просто записями, сделанными для себя, свидетельствуют и многочисленные вставки, представляющие уже ничто иное, как предварительную редакционную подготовку рукописи [VIII]. Можно согласиться с В. В. Бараевым в том, что «рукопись представляет огромный интерес для ученых как образец или феномен того, что ни при каких обстоятельствах не должно было появиться» [1, с. 88].

Общий философский подход Б. Д. Дандарона явно свидетельствует о тяготении к монизму, диалектике, компаративизму. Его концепцию можно было бы назвать «концепцией культурологической конвергенции»: двигаясь от различных мифологем и философов, человечество должно прийти, в конечном счете, к единым смыслам, различие же в названиях – не так существенно. Не случайно работы Дандарона привлекли внимание такого глубокого современного православного философа, как С. С. Хоружий [11].

Рассматривая пути эволюции духовного совершенствования человечества, Дандарон выделяет две ключевые фигуры – Сократа на Западе и Саракху на Востоке: «Появление на разных концах земли двух великих учителей почти в одно и то же время с проповедью о тождестве добра и истины – явление кармическое. Сократ готовил Запад к приходу христианства, а Саракха готовил Восток к формированию махаяны и учил этому гениального Нагарджуну – бодхисаттву и йога» [5, с. 188].

«Черная тетрадь», возможно, наиболее оригинальное философское произведение Б. Д. Дандарона. Эта работа представляет собой взгляд буддиста на историю (в большей степени западную и отечественную) и ее интерпретацию с точки зрения буддийской концепции кармы.

«Изучая историю, – пишет Б. Д. Дандарон, – мы видим, что во всей жизни

человечества нет ни одного светлого дня; мы видим везде борьбу, страдания, насилие и перестаем удивляться тому, что среди этого дикого хаоса возникают и формируются нравственные уроды изумительного безобразия. Свыкнувшись с уродливыми явлениями, мы начинаем относиться с безразличием к титанам порока. Мы перестаем верить в их титанизм, мы принимаем этот титанизм за результат исторической перспективы, мы начинаем разлагать титана на его составные элементы, наконец, мы видим, что в титане нет ничего необыкновенного; кое-что превратно истолковано историками; кое-что неверно понято и недостаточно освещено, а на поверку выходит, что титан просто человек, каких много, и что титанизм его зависит вовсе не от колоссальности его страстей или способностей, а просто от исключительности его случайного, на первый взгляд, но кармического положения, от односторонности его развития, от общего настроения умов в данную минуту ... Это настроение умов и есть *общественная карма*. Конечно, если вы сами развесите уши и позволите бить и обирать себя, то на такое занятие всегда найдутся охотники; а развесить уши заставляет вас *общественная карма*» [Там же, с. 150, 151].

Если смотреть на нашу жизнь объективно, «с точки зрения историка», то мы не можем обвинять даже самого жестокого диктатора, «ибо на плечи одного человека, хотя бы он и был исполином, нельзя возлагать ответственность за ошибки целой эпохи или за безгласность целого народа» [Там же, с. 152]. «Общественная карма» по Б. Д. Дандарону является проявлением в социуме и истории общего фундаментального принципа неразрывной связи материи и духа, которая разделяется нами только в абстракции. Также невозможно отделить у обычного человека сознание и эмоции, избавить его от присущего ему фундаментального стремления к присвоению, которое в некоторых идеологиях рассматривается как основа прогресса. «Элемент присвоения,

– пишет Б. Д. Дандарон, – присутствует во всех существующих обществах, везде и всегда он искажает природу человека и во всех бедствиях частной и общественной жизни является единственной причиной страданий и преступлений. Именно через клешу жадности появляются богатые и бедные» [5, с. 196]. Отсюда понятен скептицизм Дандарона к различным проектам общественного переустройства, в особенности на основе материалистического мировоззрения. Он считает, «утопические идиллии» подобного рода дорого обходятся человечеству, сотни миллионов людей расплачиваются за это заблуждение своей жизнью и здоровьем. Такие чувства людей, как гордость и зависть, кажущиеся на первый взгляд вполне безобидными и даже полезными, приносят самому индивиду и окружающим колоссальное зло. «Если личная гордость переходит в гордость национальную, то появляется представление о чистых расах, избранных нациях, которые, по утверждению фашистов (нацистов), должны господствовать над другими народами, низведенными на уровень рабов» [Там же, с. 204]. Идеал человека и человечества по Дандарону – бодхисаттва, «не намеревается создавать идеальное, фантастическое общество, ибо знает, что причина борьбы и страданий в этом мире не в неравном распределении богатства среди людей, а в неведении и в исходящих от него иных клешах – эмоциях» [Там же, с. 244].

Примечания

I. В одном из своих писем Б.Д. Дандарон упоминает об этой библиотеке отца: «В своей (отцовской библиотеке) я нашел огромное количество литературы (не считая тибетской) по йогизму» [3, с. 271].

II. «Галсан Хайдуб-лама был у Агвана Доржиева первым помощником. А Дандарон, когда учился в Ленинграде, бывал у него (у Доржиева), и тогда Галсан с ним познакомился.

Также он рассказывал, что был с Агваном Доржиевым на аудиенции у Ленина. Доржиев говорил Ленину, что такую гуманную религию, как буддизм, нельзя запрещать. В это время зашел Сталин, и дальнейший разговор шел при нем.

Критика Дандароном пороков современного общества за время, прошедшее после того, как была написана «Черная тетрадь», не только не потеряла своей актуальности, но получила новые свидетельства своей правоты. Не случайно, что труды Б. Д. Дандарона стали известны не только в России, но и за ее пределами [11], они стали предметом диссертаций на соискание ученых степеней, им посвящаются конференции в различных странах [IX]. Еще не все работы Б. Д. Дандарона в достаточной степени изучены и осмыслены. Многие темы, поднятые им, ждут своих исследователей. Из учеников Б. Д. Дандарона многие стали известными буддологами и востоковедами: профессор Тартуского университета Л. Мьялль, профессор Лондонского университета А. М. Пятигорский, О. Ф. Волкова, А. И. Железнов, к.и.н. В. Н. Пупышев, В. М. Монтлевич, Д. Ю. Буткус, д.и.н. М. Ф. Альбедиль, к.филос.н. А. И. Вязниковцев, д.и.н. А. М. Донец.

Научное наследие Б. Д. Дандарона продолжает оставаться актуальным и востребованным, юбилейная дата только один из поводов обратиться к нему, сама жизнь предоставляет и множество других. Жизнь Б. Д. Дандарона может служить примером научной смелости, добросовестности, умения отстаивать свои идеалы в самых сложных условиях, что будет цениться у всех народов во все времена.

Во время войны Галсан Хайдуб-лама был на параде, когда войска с Красной площади уходили на фронт. После речи Сталина вышел поп и благословил войска. Галсан это запомнил тоже. Потом (после войны) ему, как герою, была предоставлена аудиенция у Сталина – Галсан напомнил [оба эпизода]. Сталин потребовал бумагу с 16 подписями.

Галсан Хайдуб приехал в Улан-Удэ и стал искать людей, но все боялись.

Дандарон его первый поддержал и составил с ним бумагу.

В первый раз мы собирались в Эрхирикe у Кабрала Бабэ Дорже. Жену его отослали за короной. Сделали три балина, и состоялся разговор. Но в первую ночь 16 подписей не собрали. Я [Манжап-лама – С.Л.] и Дандарон не подписывали. Старики не разрешили: «если что, пусть мы старые страдаем».

Потом собрались в Иволге. Иволгинские настаивали, чтобы строить дацан у них. Были и из Янгажинского дацана бывшие ламы; они хотели, чтобы дацан построить у них. Наконец, подписи собрали и шесть человек поехали в Москву... Сталин дал разрешение» [6, с. 314].

III. В первой книге ежегодника за 1911 г. помимо интереснейшей статьи «Рациональное и иррациональное в системе философии» самого В. Э. Сеземана, опубликована программная статья «Философия как строгая наука» Э. Гуссерля, а также статьи Б. Яковенко, П. Струве, Г. Зиммеля, Вяч. Иванова, Н. Лосского.

IV. «Марксизм определяет, что единство мира заключается в его материальности, что этот материальный мир постоянно движется и изменяется по определенному закону, именно по восходящей линии – от простого к сложному, от низшего к высшему (это мотив Гегеля); но почему именно материальному миру присущ такой способ развития, а не другой? На это марксисты могут ответить, что такой способ развития присущ самой материи. Почему? Кто вложил в материю такое разумное свойство, что она движется только по восходящей линии развития? На этот вопрос марксисты не могут дать ответа» [3, с. 81].

V. «Несмотря, однако, на то, что основа мира представляет собой нечто непонятное, ум человека не может успокоиться на таком признании и делает попытки осмыслить эту основу, представить ее совершенно определенным, наглядным образом. Но на самом деле это представление не осуществимо: наглядное представление бога приводит к противоречиям. Однако основатели теории (системы) необуддизма вынуждены строить свою метафизическую теорию, которая может объяснить происхождение мира и совершенство атмана, не впадая в противоречие с современной наукой... Это – моя «система», она может выдержать испытание в том случае, если способна будет объяснить все явления феноменального и духовного мира без противоречий. Пока все это (в основном) находится в голове» [Там же, с. 85]

VI. «Когда я приехал в Москву, то встретил одного крупного ученого, тибетолога с европейским именем, некоего Рериха. Он эмигрант, последние годы жил в Индии и Тибете. По договору с нашим правительством он приехал в Москву. Дали ему персональный оклад четыре тысячи рублей и квартиру. Меня с ним познакомил проф. Черемисов – тибетолог. Он (Рерих), оказывается, составляет тибетско-русский словарь и очень любезно пригласил меня участвовать в его составлении. Кроме того, он говорит, что в Москве при Институте китаеведения организуется группа по изучению Тибета. Руководителем (как он говорит: президентом) будет он, Рерих. Говорит, что будет ставить вопрос обо мне. По внешности похож на джентльмена, насколько он джентльмен в деле, это мы увидим. Пока все это похоже на дым. Словом, еще вилами на воде писано. Если действительно они хотят организовать группу по изучению Тибета, то я, возможно, понадобится, ибо специалистов по Союзу насчитывается два или три человека (вместе с Рерихом)» [Там же, с. 306].

VII. В этой связи любопытно следующее замечание В. М. Монтлевича, сделанное в предисловии к «99 письмам»: «Вспоминая лагерь, Дандарон как-то однажды сказал: “Буддисту полезно родиться в России”. И, подумав, досказал: “Буддисту, но не буддистам”» [Там же, с. 8, 9].

VIII. В. В. Бараев отмечает сложности подготовки рукописи «Черной тетради» к печати, связанные с большим количеством вставок. Первое представление о «гладкости текста» оказалось обманчивым. «Но когда с рукописи сняли ксерокопию и началась подготовка к публикации, выяснилось, что в конце тетради много вставок. Допустим, посреди страницы 33 основного текста появляется значок и цифра 190. Ищешь ее, а на ней новые вставки – на стр. 191, 167, там, где еще оставалось место. Но и здесь добавления, которые наслаиваются друг на друга так, что потом трудно найти начало и продолжение» [1, с. 87].

IX. См.: Отрощенко I. В. Науковий семінар «Бідія Дандарон (1914–1974) в контексті епохи» // Східний світ, 1. 2005. – Київ. 2005. – С. 176, 177.

Литература

1. Буддийский мир. Альманах / сост. В. Бараев. – М.: Раритет, 1994. – 208 с.
2. *Вэдров О. I.* Поняття нірвани в філософії Бідії Дандарона // Сходознавство (Востоковедение). 31-32. Інститут сходознавства ім. А. Кримського НАН України. – Київ. – 2005. – С. 27–54.
3. *Дандарон Б. Д.* 99 писем о буддизме и любви (1956–1959 гг.). – СПб.: Дацан Гунзэчойнэй, 1995. – 348 с.
4. *Дандарон Б. Д.* Буддизм: сб. ст. – СПб.: Дацан Гунзэчойнэй, 1996. – 144 с.
5. *Дандарон Б. Д.* Мысли Буддиста. «Черная тетрадь» (серия «Философы России XX века»). – СПб.: Алетейя, 1997. – 246 с.
6. *Дандарон Б. Д.* Избранные статьи; Черная тетрадь / Материалы к биографии / История Кукунора / Сумпа Кенпо. Авт.-сост. В. М. Монлевич. – СПб.: Евразия, 2006. – 688 с.
7. *Дандарон М. Б.* Необуддизм. Синтез дхармы и науки: религиозно-научный синкретизм в философской системе Б. Д. Дандарона. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2007. – 191 с.
8. *Завгородній Ю. Ю.* Тантрична практика і кохання (за «Листами про буддійську етику» Бідії Дандарона // Східний світ, 2. 2005. – Київ, 2005. – С. 34–42.
9. *Свяц. Е. Струговицков.* Проблема эволюции и буддийская онтология согласно Б. Д. Дандарону // Седьмая буддологическая конференция: тезисы. – СПб., 2000. – С. 54–59.
10. *Назаров В. И.* Опыт хронологии русской этики XX века. – М., 1988.
11. *Хоружий С. С.* «Духовная практика» и «отвержение чувств» как феномен энергийной антропологии. Компаративный анализ. – М., 1988.
12. *Batchelor S.* The Awakening of the West: The Encounter of Buddhism and Western Culture, Berkeley, Cal.: Parallax Press, 1994. – 416 p.
13. *Lepkikh S. Yu.* Philosophical Views of B. D. Dandaron (1914–1974) // International Conference “Buddhism in Asia: Challenges & Prospects”. 10–12 Feb. 2006, Sarnath, Varanasi. – India, 2006. – P. 74–76.
14. *Piatigorski A.* The Departure of Dandaron // Kontinent. 2. –1977. – P. 169–179.

Приложение

Библиография изданных трудов Б. Д. Дандарона

- О тибетско-монгольском словаре «Источник мудрецов» (совм. с Б. В. Семичовым) // Труды БКНИИ СО АН СССР. Сер. востоковедения. – 1960. – Вып. 3. – С. 58–68.
- Описание тибетских рукописей и киелографов. Вып. 1. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 71 с.
- Описание сочинений Гунчен-Чжамьян-Шадпа-Дордже. 1649–1723 (совм. с П. И. Хадаловым и Л. Ж. Ямполовым). – Улан-Удэ, 1962. – 126 с.
- Тибетско-русский словарь (совм. с Ю. М. Парфионовичем и Б. В. Семичовым). – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. – 584 с.

Описание сочинений Сумба-Хамбо [Сумпы Кенпо]. Вып. 2. – М.: Изд-во восточной литературы, 1964.

Описание тибетских рукописей и ксилографов. Вып. 2. – М.: Изд-во восточной литературы, 1965. – 55 с.

За великой правдой: Повесть / пер. с бурят. (совм. с Б. Д. Санжиным). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. – 175 с.

Источник мудрецов. Тибетско-монгольский терминологический словарь буддизма. Разделы «Парамита» и «Мадхьямика». Введение, перевод с тибетского и примечания (совм. с Р. Е. Пубаевым). – Улан-Удэ: Изд-во БИОН БФ АН СССР, 1968. – 168 с.

Буддийская теория отсутствия индивидуального Я // Материалы по истории и философии Центральной Азии. Вып. 3. – Улан-Удэ, 1968. – С. 34–52.

Элементы зависимого происхождения по тибетским источникам // Труды по востоковедению. Т. 1. – Тарту, 1968. – С. 213–233.

История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы» [Текст] / Сочинение Сумба-Хамбо; пер. с тибет., введ. и примеч. Б. Д. Дандарона. – М.: Изд-во восточной литературы, 1972. – С. 3–47.

Содержание мантры ОМ-МА-НИ-ПАД-МЭ-ХУМ // Труды по востоковедению. Т. 2, ч. 2. – Тарту, 1973. – С. 463–477.

Мысли буддиста. – Владивосток, 1992.

Махамудра как объединяющий принцип буддийского тантризма // Гаруда. – 1993. – № 1. – С. 3–13.

Теория шуни у мадхьямиков (по тибетским источникам) // Тибетский буддизм: теория и практика. – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 29–46.

Общая схема совершенствования по пути мантраяны (совм. с В. Н. Пупышевым // Тибетский буддизм: теория и практика. – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 46–52.

99 писем о буддизме и любви (1956–1959 гг.). – СПб.: Дацан Гунзэчойнэй, 1995. – 348 с.

Черная тетрадь: О четырех благородных истинах Будды. – СПб., 1995.

Символ веры // Гаруда. – 1996. – № 2. – С. 1, 2.

Буддизм: сб ст. – СПб.: Дацан Гунзэчойнэй, 1996.

Мысли Буддиста. Черная тетрадь (серия «Философы России XX века»). – СПб.: Алетейя, 1997. – 247 с.

Письма о буддийской этике. – СПб.: Алетейя, 1997. – 352 с.

Нацог-Рандол: Карнатантра, опора Великого Учения, называемая «Зерцало механизма глубокого содержания» // Гаруда. – 1997. – № 2. – С. 19–32 (пер.).

Избранные статьи; Черная Тетрадь: материалы к биографии. «История Кукунора» Сумпы Кенпо / пер. с тибет. Б. Д. Дандарона; науч. ред. В. М. Монтлевич. – СПб., Евразия. 2006. – 687 с.

Aginsky monastery // Encyclopedia of Buddhism / Ceylon. – 1961. – P. 249, 250.

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДАНИЛОВ
(7.04.1950–13.08.2014)

SERGEI VLADIMIROVICH DANILOV
(7.04.1950–13.08.2014)

13 августа 2014 г. после тяжелой непродолжительной болезни скончался Сергей Владимирович Данилов – крупный ученый, доктор исторических наук, доцент, заведующий Отделом истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Сергей Владимирович родился 7 апреля 1950 г. в г. Улан-Удэ в семье Владимира Сагахановича и Марии Нанзановны Даниловых. Отец Сергея Владимировича занимал ответственные посты в правительственных структурах республики, перед уходом на пенсию возглавлял Госкомитет по ценам Совмина Бур. АССР. Мать Мария Нанзановна – одна из первых бурятских женщин-ученых, кандидат исторических наук.

После окончания в 1974 г. историко-филологического факультета Бурятского государственного педагогического института им. Доржи Банзарова С. В. Данилов преподавал историю в школах Бичурского и Селенгинского районов Республики Бурятия, с 1976 по 1979 г. обучался в аспирантуре Института археологии АН СССР (г. Москва). С 1979 по 1981 г. работал в Бурятском научном

центре, с 1981 г. и до последних дней жизни – в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ранее – Бурятский институт общественных наук).

С. В. Данилов – автор более 100 научных работ (в т. ч. 7 монографий), признанный в России и за рубежом исследователь древней и средневековой истории кочевых народов Центральной Азии. Им исследовались погребальные и культовые памятники, поселения и городища бронзового, скифского, хуннского и средневекового периодов.

С 1981 г. Сергей Владимирович проводил археологические раскопки на территории Бурятии и сопредельных территорий, а с 1992 г. руководил экспедиционными исследованиями лаборатории археологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. С 1999 г. начал проводить экспедиционные исследования на территории Монголии, вначале в составе международной экспедиции «Трансформация кочевых народов Центральной Азии», затем руководил международной российско-монгольской археологической экспедицией по изучению киданьских и хуннских городов.

С. В. Данилов – один из основателей приоритетного научного направления «Социально-политические и экономические предпосылки формирования городов и городской культуры в кочевых обществах Центральной Азии» на основе археологических изысканий. Проведенные им раскопки памятников широкого хронологического диапазона, образованность и эрудиция позволили приступить к разработке темы «Древние кочевники Центральной Азии», при исследовании которой изучаются предпосылки возник-

новения в регионе производящей экономики, пути и время становления кочевого скотоводства, эволюция социально-политических систем в кочевых обществах и становление государственности.

Ответственное отношение к делу, инициативность, принципиальность позволили С. В. Данилову в 1992 г. возглавить лабораторию археологии, с 2001 по 2005 г. работать в должности заместителя директора института по научной работе, в 2007–2009 гг. – заместителя директора по международным связям, с 2009 г. до последнего времени – заведующего отделом истории и культуры Центральной Азии ИМБТ СО РАН.

С. В. Данилов – участник и организатор многих международных и всероссийских научных конференций. Под его руководством и редакцией изданы многочисленные сборники статей. Он был редактором и рецензентом ряда монографий, ответственным редактором I тома трехтомного академического издания «История Бурятии», изданного в 2011 г.

С. В. Данилов – Заслуженный деятель науки Республики Бурятия (2000 г.), лауреат Государственной премии Республики Бурятия в области науки и техники (2004 г.). Его заслуги были отмечены государственными наградами Монголии и Бурятии: в 2006 г. ему была вручена

Президентом Монголии Почетная медаль «800-летие Великого Монгольского государства»; в 2012 г. – «Золотая медаль Хубилай хана» Академии наук Монголии; юбилейные медали РБ и др.

Деятельная натура С. В. Данилова, постоянная потребность в работе не давали ему спокойно сидеть в тиши кабинета над рукописями, которых накопилось немало. Он постоянно стремился к новым открытиям и именно в археологических экспедициях мог полной грудью вдыхать степной воздух, настоянный на травах Центральной Азии. Вот и сейчас не усидел дома...

Мы потеряли незаурядного, сильного и авторитетного человека. За его сдержанностью скрывался глубокий аналитический ум, душевная тонкость и ранимость. Он умел сопереживать чужой беде и от души радоваться чужому успеху. Осиротела не только его семья – любящая жена, трое замечательных детей, двое внуков, родные и близкие. Осиротели и мы – его друзья, коллеги и сослуживцы.

Ушел из жизни замечательный человек, настоящий профессионал, целеустремленный, полный планов, способный протянуть руку помощи. Светлая память о Сергее Владимировиче Данилове навсегда останется в наших сердцах.

*Коллектив Института монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН*

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СО РАН

Научный журнал
№ 4 (16)

Выходит 4 раза в год

Художник *Д. Т. Олов*
Редактор *А. Е. Болонев*
Компьютерная верстка и макет – *Т. Н. Вахрушкина*

Редакционно-издательский отдел
Издательства БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии
Издательства БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6.

Подписано в печать 22.10.2014.
Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 26,6. Уч.-изд. л. 30,1.
Тираж 200. Заказ № 61.